

ПРАВОСЛАВНОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

ТОМЪ (СЕДЬМОЙ) 7.

1862.

ЯНВАРЬ.

1577

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Каткова и К^о.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 17 дня 1862 г.

Цензоръ Протопресвитеръ *Д. Новосіѣвъ*.

БИБЛИОТЕКА
ТЮЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВХ460
Р68
v.1

С Л О В О

О БОЖЕСТВЕННОСТИ ЕВАНГЕЛІЯ(*)

Крещеніе Іоанново откуда бѣ — съ небеси,
или отъ человѣкъ? Мате. XXI. 25.

Такой вопросъ предложилъ Іисусъ Христосъ первосвященникамъ и старѣйшинамъ іудейскаго народа. Вожди народныя, какъ извѣстно, такъ разсуждали объ этомъ вопросѣ: «если скажемъ: съ небеси, то скажутъ намъ: почему же вы не повѣрили Іоанну?—а сказать: отъ человѣкъ; боялся народа, ибо народъ почиталъ Іоанна за пророка. И сказали въ отвѣтъ Іисусу: *не знаемъ.*»

А что, если бы внымъ вождямъ, или желающимъ быть вождями народной мысли въ наше время, открыто предложить вопросъ о томъ: Евангеліе Христа откуда—съ небеси, или отъ человѣкъ?—Какъ они стали бы разсуждать?—Пусть дана будетъ полная свобода выраженію ихъ мнѣнія!.. Не обинуюсь говорить: самая эта свобода, священнѣйшее право челоуѣка,

(*) Произнесено 12 января въ церкви Московскаго университета.

обязала бы людей мысли и совѣсти, даже и колеблющихся въ вѣрѣ,—обязала бы къ самоуглубленію, къ полному вниманію предъ великимъ вопросомъ. И они уже не изъ боязни народа, но изъ уваженія къ свободѣ народа и своей собственной, едва ли рѣшились бы сказать что другое, развѣ: *не знаемъ!*

Не знаемъ!..

Но, люди мысли и совѣсти, развѣ вы не знаете хотя исторіи Евангелія,—его судьбы въ мірѣ?

Развѣ вы не знаете, что оно явилось въ странѣ, неславившейся образованіемъ среди образованныхъ народовъ древности? Слѣдовательно, невѣроятно, чтобъ оно было произведеніемъ древней образованности.

Развѣ вы не знаете, что оно прямо по своему явленію возвышалось въ важнѣйшихъ центрахъ древней цивилизаціи? Слѣдовательно нельзя сказать, чтобъ оно распространялось благодаря тьмѣ и невѣжеству среды.

Развѣ вы не знаете, что оно утверждалось въ продолженіи трехъ вѣковъ непрерывнаго мученичества? Слѣдовательно ясно, что внѣшняя сила ничего незначила въ его успѣхѣ. — Здѣсь намъ, торжествующимъ праздникъ св. мученицы, прилично замѣтить, что христіанскіе мученики и мученицы — первые ввели въ мірѣ и защищали цѣною жизни спасательнѣйшее и плодотворнѣйшее начало,—начало свободы въ исповѣданіи вѣры. Кто вдохнулъ имъ это начало? Вы знаете, что древній мірѣ не зналъ этого начала: онъ изрѣдка склонялся къ терпимости, но не зналъ свободы. Религія была дѣломъ не совѣсти, но государственнаго вѣдѣнія. Въ силу этого, христіанство было запрещено закономъ, — законъ требовалъ отъ христіанъ поклоненія богамъ имперіи. Что же дѣлаютъ исповѣдники Евангелія? Они

не возмущаются противъ внѣшняго распорядка власти, но крѣпко стоятъ въ неприступной твердыни своей совѣсти и за ея право жертвуютъ всѣми другими правами. Ненарушимости религіознаго чувства они принесли совершеннѣйшую жертву: свою кровію, пролитою безъ борьбы противъ власти, безъ сопротивленія ей силою, они обозначили границы, гдѣ кончаются права внѣшней силы, и гдѣ начинаются права совѣсти. Повторяю, кѣмъ, чѣмъ вдохновились они къ этому? Успѣхъ былъ рѣшительный: притупились мечи гонителей.... Развѣ неизвѣстно это?

Далѣе—развѣ вы не знаете, что въ продолженіе четырехъ вѣковъ Евангеліе подвергалось нападеніямъ ученыхъ и философовъ? Слѣдовательно нѣльзя сказать, чтобъ оно утверждалось вдали отъ умственной борьбы.

Но мы знаемъ, скажете вы, что потомъ сами христіане, ученики Евангелія нерѣдко вооружались и нетерпимостію и даже преслѣдованіями! Выговаривайте все: «сами ученики Евангелія въ разное время, въ разныхъ обстоятельствахъ дѣйствовали вопреки духу Евангелія!.. Что же? Евангеліе пало? Нѣтъ: оно торжествовало и торжествуетъ, какъ надъ его прямыми противниками и гонителями, такъ и надъ слабостями, надъ заблужденіями, надъ лицемеріемъ, и даже надъ предательствомъ именующихся его учениками. Здѣсь по преимуществу видна божественная, неистощимая, несокрушимая сила Евангелія!

Будемъ говорить ближе къ понятіямъ и интересамъ, въ которыхъ стоятъ люди современности. Развѣ не извѣстны кому побѣды христіанской образованности?—Какъ я желалъ бы, чтобъ искренность, хотя искренность невѣжества, все-таки искренность водила устами тѣхъ, которые смѣются надъ высокими словами Спасителя: *вы соль земли; аще соль обуетъ,*

чимъ осолится?... Надъ чѣмъ здѣсь смѣются? Надъ тѣмъ, что начало возстановляющее, просвѣщающее человѣчество,—если угодно начало цивилизующее ни повредиться, ни уничтожиться не можетъ; что—смерть, совершенное ничтожество учрожали бы міру, еслибъ исчезло изъ него это начало. Что же? Смѣшно это, достойно смѣха?!—Это просвѣщающее начало есть Евангеліе мира на землѣ, любви среди человѣковъ, спасенія всему человѣчеству отъ рабства и отъ всѣхъ золъ, послѣдствій грѣха, въ которыхъ задыхаются человѣческія общества!.. Или кто думаетъ, что напрасно приписывается это высокое начало Евангелію Христа. *Принди и смѣждь*. Вы признаете исторію, признаете смыслъ ея. Смотрите: «христіанскіе народы имѣютъ видимое превосходство надъ всѣми другими народами; часто они злоупотребляютъ этимъ превосходствомъ и нерѣдко злоупотребляютъ страшнымъ образомъ; но самое это превосходство—кто можетъ не знать его? Восточная ли торговля грозитъ поглотить торговлю европейскую? Китайскіе ли арміи грозятъ христіанскимъ государствамъ? Изъ поднебесной ли имперіи идетъ къ намъ просвѣщеніе? Буддисты ли и Брамины посылаютъ къ намъ свои миссіи? Насъ что ли открываютъ и изучаютъ другіе народы? Не мы ли напротивъ даже помогаемъ имъ собственному самосознанію?» Откуда это превосходство?—Не превосходство ли это европейскаго племени, его особой энергіи, благородства, жизненности? Знаю этотъ вопросъ и знаю отвѣтъ: «новые свѣжіе племена нѣкогда вторглись въ Европу и стали вождями цивилизаціи человѣчества; не приди эти племена, христіанство не помогло бы міру». Ради Бога, не то ли это значить: не будь людей въ мірѣ, христіанство не помогло бы міру? Не только не помогло, но и не было бы нужно. Развѣ Евангеліе дѣйствуетъ не въ средѣ людей и

не людьми? Нужны были свѣжіе народы, свѣжіе мѣхи для новаго вина, нужны были свѣжіе уши и сердца, не испорченные тою ложью рабства, которая довела древній міръ до неизбежнаго разрушенія и уничтоженія: но какъ вы думаете, что еслибъ тѣ новые народы встрѣтили въ Европѣ не религію мира и любви, а фетишизмъ язычества, или фатализмъ и фаватизмъ ислама,—далеко они увели бы человѣчество на пути усовершенствованія?... Да, для Евангелія, для этой новой вѣсти міру нужны новые народы, какъ новые мѣхи для новаго вина: но ктожъ не знаетъ, что возбуждаетъ, оживляетъ, укрѣпляетъ не мѣхи, а само вино?—Нужны для Евангелія новые народы; и не потому ли было сказано нѣкогда народу іудейскому, изжившему себя, какъ народъ: *отымется отъ васъ царствіе Божіе и дастся языку иному, который принесетъ плоды въ свое время.*

Братья христіане! Теперь, между другими, и мы составляемъ тотъ *новый народъ*, которому дано *царствіе Божіе*. Принесемъ ли мы плоды въ свое время, велики ли, каковы будутъ эти плоды для насъ и человѣчества?—все зависитъ отъ того, какъ мы будемъ относиться къ *Евангелію*, къ этой новой и послѣдней вполнѣ спасительной вѣсти людямъ *отъ Бога*,— послѣдней, ибо и самые противники Евангелія, по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ, какъ бы неволью признаютъ и провозглашаютъ, что послѣ такой религіи, какъ Христова, нѣтъ мѣста другой.

Братья! Не дай намъ Богъ, дойти до положенія народа, которому было сказано: *отымется отъ васъ царствіе Божіе.*

Свѣщ. Н. СЕРГІЕВСКІЙ.

О ВЪ УСЛОВІЯХЪ УСПѢХА ЦЕРКОВНОЙ ПРОПОВѢДИ ВЪ НАРОДѢ.

Съ нѣкотораго времени въ обществѣ и литературѣ начали высказываться жалобы на слабое развитіе проповѣднической дѣятельности нашихъ сельскихъ пастырей и неудовлетворительное состояніе нашей церковной проповѣди вообще, вліяніе которой становится особенно необходимымъ въ настоящее время, когда, вслѣдствіе повсюдныхъ преобразованій, въ простомъ народѣ и во всѣхъ сословіяхъ устанавливаются новыя отношенія и обязанности, возникаютъ новыя идеи, потребности и стремленія, требующія уясненія и направленія. Эти справедливыя жалобы, указывая на необходимость церковной проповѣди, естественно вызываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и потребность объяснить причины ея упадка и указать возможныя, болѣе или менѣе вѣрныя средства къ ея возвышенію.

Возвышеніе или упадокъ какого бы то ни было рода дѣятельности ученой, литературной художественной, весьма тѣсно связаны съ тѣмъ значеніемъ, какое имъ дается въ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ матеріальнымъ и нравственнымъ положеніемъ

въ обществѣ, какое занимаютъ сами дѣтели науки, искусства и литературы. Нѣтъ сомнѣній, что и возвышенія такъ сильно упавшей проповѣднической дѣятельности надобно будетъ ожидать отъ возвышенія значенія религіи, какъ основной силы въ народной жизни,—отъ болѣе глубокаго сознанія необходимости религіозно-нравственнаго образованія для людей всякаго званія и состоянія, и отъ улучшенія матеріальнаго быта и нравственнаго положенія въ обществѣ самихъ пастырей — проповѣдниковъ, при которомъ они, съ одной стороны: не имѣя нужды постоянно заботиться о *собираніи средствъ* для своей жизни, — находили бы болѣе свободнаго времени для проповѣдыванія Слова Божія, а съ другой: сознавая свое значеніе и относительно независимое положеніе,—могли бы проповѣдывать его свободно и твердо, безбоязненно возвышая, гдѣ нужно, свой пастырскій голосъ. Но всего тѣснѣе, разумѣется, судьба проповѣди связана съ воспитаніемъ и образованіемъ нашихъ пастырей-проповѣдниковъ, котораго она самый прямой и естественный плодъ. И потому въ образованіи духовенства прежде всего надобно искать и причинъ неудовлетворительнаго состоянія нашего проповѣдничества, и отъ измѣненія и улучшенія его ожидать и болшихъ успѣховъ проповѣди.

Въ настоящее время всѣ сознаютъ, что образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ, гдѣ воспитываются пастыри-проповѣдники, слишкомъ отвлеченно и далеко расходится съ потребностями жизни. Къ большому несчастію, между такимъ отвлеченнымъ образованіемъ и пастырскою должностію, между семинаріей и церковною кафедрой, нѣтъ никакого посредствующаго переходнаго пункта; со школьной скамейки воспитанникъ прямо дѣлается народнымъ учителемъ на церковной кафедрѣ. Мудрено ли, что, проучившись около 12

лѣтъ и видѣвши жизнь людей только сквозь окно своей школы, онъ сначала и не понимаетъ всего различія между школою и жизнью, и является на церковной кафедрѣ почти тѣмъ же школьникомъ, безъ большого разбора переносить сюда все, чему онъ тамъ научился; не принимая во вниманіе, что не все, что считается важнымъ и необходимымъ въ школѣ, такъ же важно и необходимо и для жизни людей. Какъ при этомъ чувствуется нужда въ какомъ-нибудь переходномъ мѣстѣ, въ какомъ-нибудь практическомъ приготовительномъ курсѣ, гдѣ бы воспитанники семинаріи могли ближе, въ виду самой жизни, знакомиться съ обязанностями пастыря и проповѣдника и практически учиться учить народъ! Переходъ отъ воспитанника университета къ должности наставника въ гимназій далеко не такой рѣзкій, какъ воспитанника семинаріи къ должности пастыря-проповѣдника, народнаго наставника; а между тѣмъ министерство народнаго просвѣщенія, для практическаго приготовленія воспитанниковъ къ должностямъ наставниковъ, признало нужнымъ открыть особыя такъ называемыя педагогическія курсы. Впрочемъ и духовное правительство сознавало необходимость приготовительныхъ курсовъ. Въ постановленіяхъ о преобразованіи семинарій въ 1840 г. между прочимъ предложено было (§ 4): «учредить въ семинаріяхъ приготовительный классъ для кандидатовъ священства съ тою именно цѣлію, чтобы окончившимъ курсъ воспитанникамъ дать способъ, сколько возможно, ближе ознакомиться съ существенными обязанностями приходскаго священника, подъ руководствомъ просвѣщеннаго и опытнаго наставника и подъ ближайшимъ надзоромъ епархіальнаго архіерея». Но предложеніе это не вездѣ было приведено въ исполненіе да и осуществленіе его не могло дать практическаго образованія, необходимаго

будущему пастырю: потому что дѣло ограничивалось повтореніемъ тѣхъ же семинарскихъ уроковъ пастырскаго богословія и гомилетики. А эти науки, какъ онѣ преподаются въ семинаріяхъ, не смотря на ихъ практическую цѣль,—составлены на общихъ, далекихъ отъ жизни, началахъ. Большая часть гомилетики еще нынѣ состоитъ изъ правилъ объ изобрѣтеніи темы или выведеніи темы изъ текстовъ для проповѣди,—изъ изслѣдованій о разныхъ свойствахъ и формахъ разныхъ частей ея вступленія, предложенія, изслѣдованія, приложенія и заключенія, и наконецъ—изъ правилъ о произношеніи проповѣди, о голосѣ и тѣлодвиженіяхъ проповѣдника. Такой составъ гомилетики ясно указываетъ на тѣсное родство ея съ древнею римскою теоріей ораторскаго краснорѣчія; а самую проповѣдь, по формѣ, представляетъ копіей съ древней классической ораторской рѣчи. Пастырское богословіе также на половину состоитъ изъ разсужденій о важности и особенностяхъ пастырскаго служенія, объ обязанностяхъ пастыря въ отношеніи къ самому себѣ, о добродѣтеляхъ, ему особенно приличныхъ, и грѣхахъ, ему особенно несвойственныхъ. Въ той и другой наукѣ содержится много повтореній изъ другихъ частей богословской науки. Поэтому объ эти науки и считаются въ семинаріяхъ предметами второстепенными, и на нихъ одинаково мало обращаютъ вниманія какъ воспитанники, такъ и наставники. Всего осязательнѣе, разумѣется, недостаточность этихъ наукъ доказываютъ проповѣди особенно молодыхъ пастырей, на которыхъ вполне отражаются недостатки и всего семинарскаго образованія, которое сообщаетъ воспитанникамъ познанія разнообразныя, но не научаетъ какъ воспользоваться ими во время пастырскаго служенія, и приложить ихъ къ жизни и потребностямъ народа. Выборъ предметовъ въ проповѣдяхъ, взглядъ на нихъ, способъ ихъ раскрытія, са-

мый языкъ:—все показываетъ, что они составляютъ подь преобладающимъ вліяніемъ школы, безъ соображенія съ состояніемъ и потребностями жизни.

Между тѣмъ, если проповѣдь назначается для жизни: то жизнь и должна быть на первомъ планѣ и постоянно предъ глазами проповѣдника, т.-е.—жизнь учающихся. Проповѣдникъ долженъ прежде всего основательно изучить ихъ религіозное и нравственное состояніе, узнать что они знаютъ и чего не знаютъ, какія у нихъ особенныя нужды, какіе пороки и слабости, и, сообразно съ этимъ, выбирать предметы для своихъ поученій и раскрывать ихъ приспособительно къ ихъ понятіямъ. Проповѣдникъ не просто долженъ преподавать евангельское ученіе, какъ профессоръ съ кафедры прочитываетъ курсъ догматики или практики, не заботясь много о послѣдствіяхъ; но долженъ провести это ученіе въ жизнь людей, и слѣдовательно—показать, какъ оно должно выразиться въ ихъ жизни. Спаситель сравниваетъ проповѣдника слова Божія съ сѣятелемъ, сѣющимъ сѣмена; но сѣятель не бросаетъ своихъ сѣменъ на вѣтеръ, а старается о томъ, чтобы они упали на почву, которую онъ для того предварительно расчищаетъ, освобождая ее отъ всего, что можетъ заглушить сѣмена. И сѣятель евангельскаго ученія долженъ изучать и расчищать почву жизни, если не хочетъ, чтобы это ученіе оставалось бесплоднымъ. Не сомнѣваемся, что склонность къ пороку лежитъ въ испорченной волѣ челоѣка; но въ тоже время думаемъ, что челоѣку не такъ трудно было бы исправиться отъ многихъ пороковъ, если бы они не имѣли для себя глубокаго корня въ разныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ самой жизни, которыя и дѣлаютъ ихъ для челоѣка какъ бы неизбѣжными (на обыкновенномъ, житейскомъ языкѣ подобные пороки и называются зломъ неизбѣжнымъ).

Значить, чтобы уничтожить какой-нибудь порокъ изъ жизни человѣка, или цѣлаго общества, народа нужно внимательно разобрать, отъ чего онъ произошелъ и чѣмъ особенно поддерживается, и указать противодѣйствующія ему, равносильныя его вліянію въ жизни, средства; а безъ этого проповѣдникъ напрасно будетъ разсуждать о порокахъ и убѣждать слушателей удаляться отъ нихъ: слушатели и безъ него знаютъ, что это пороки и что отъ нихъ надобно удаляться; они хотятъ, чтобы научили ихъ, какъ можно спастись отъ того или другаго порока посреди той жизни, тѣхъ обстоятельствъ, которыя ихъ приводятъ къ этому пороку, и въ которыхъ они находятъ для себя оправданіе въ немъ, хотя и сознаютъ его гибельность. У большинства проповѣдниковъ вошло въ обычай дѣйствовать силою своею слова на волю слушателей, и *въ сердце ихъ насаждать съмена добродѣтели*, но въ то же время нисколько не касаться той среды, въ которой живутъ слушатели и гдѣ такъ много разныхъ препятствій, могущихъ сокрушить самую добрую волю и сердце. Напрасно они будутъ изображать въ своихъ проповѣдяхъ идеалы истинной вѣры и жизни христіанской, если не будутъ въ то же время уничтожать тѣхъ суевѣрій, предразсудковъ, пороковъ, тѣхъ ложныхъ идеаловъ, которыхъ такъ много въ жизни; эти ложные идеалы всегда будутъ закрывать собою его истинные идеалы и никогда не дадутъ имъ укорениться въ жизни, если сами не будутъ уничтожены. Само собою разумѣется, что это дѣло чрезвычайно трудное, требующее отъ проповѣдника неусыпной дѣятельности,—напряженія всѣхъ силъ душевныхъ и могущее по временамъ ставить его въ тяжелую борьбу съ жизнью. И можетъ быть, опасаясь этихъ трудностей, проповѣдники и предпочитаютъ лучше учить людей вѣрѣ и добродѣтели, независимо отъ существующаго хода жизни

дѣйствительной, совѣтуя только удалаться отъ этой жизни, отъ этого міра *грязноваго, въ которомъ можно погрязнуть какъ въ тиккстомъ болотѣ*. Только при этомъ они не указываютъ, куда должно удалиться отъ этой жизни, забывая, что нельзя же всѣмъ и каждому уйти въ пустыню, — что всѣ привязаны къ этой жизни, какъ бы ни была она худа, — болѣе или менѣе крѣпкими узами. Намъ кажется, что задачей проповѣдника должно быть — не удалять людей отъ дѣйствительной жизни, а стараться, сколько возможно, исправлять и преобразовывать ее такъ, чтобы въ ней каждому можно было жить по-христіански. Что за бѣда, если многіе слои этой жизни дѣйствительно походятъ на болото, въ которомъ нельзя не увязнуть, или не замараться? ^ТМожетъ быть неусыпными трудами и благоразумною дѣятельностію пастырей-проповѣдниковъ можно будетъ превратить ихъ въ плодоносную почву для истинной вѣры и добродѣтели. — Конечно и общія отвлеченныя отъ жизни поученія не остаются безплодными: онѣ сообщаютъ познаніе вѣры и благочестія христіанскаго; только это познаніе является такимъ же сухимъ и отвлеченнымъ, какъ онѣ сами. Оно рѣдко переходитъ въ животворную силу, которая, проникнувъ все существо челоуѣка, выразилась бы дѣлами жизни; большею же частію оно остается безплоднымъ и только усиливаетъ тотъ столь обыкновенный разладъ между вѣрою и жизнію, вслѣдствіе котораго вѣра и знаніе существуютъ сами по себѣ, а жизнь, въ свою очередь, идетъ также сама по себѣ. Въ самомъ дѣлѣ этотъ разладъ слишкомъ рѣзко обнаруживается въ жизни, и не виноваты ли въ немъ, между прочимъ, и наши общія отвлеченныя поученія и проповѣди?

Такимъ образомъ у проповѣдника постоянно должна быть предъ глазами жизнь поучаемыхъ; и религіозными и нравственными ихъ потребностями, главнымъ образомъ, должна

опредѣляться его проповѣдническая дѣятельность. Внимательное изученіе этихъ потребностей должно указать проповѣднику то, на что ему слѣдуетъ обращать особенное вниманіе при объясненіи ученія, вѣры и дѣятельности христіанской. Проповѣдь—не диссертація, написанная для всѣхъ и ни для кого въ отдѣльности; она назначается для слушателей опредѣленнаго времени и съ извѣстными потребностями: слѣдовательно должна быть сообразна съ этими потребностями,—должна быть современна. Въ разныя времена возникаютъ разныя вопросы, вызываемые историческимъ развитіемъ жизни; появляются разныя недоумѣнія относительно самыхъ предметовъ религіозныхъ; усиливаются особенно нѣкоторыя заблужденія и болѣзни нравственныя: зоркимъ взглядомъ проповѣдникъ долженъ слѣдить за явленіями современной жизни, и сообразно съ ними избирать предметы для своей проповѣди. При этомъ: сочиненія отцевъ церкви и системы богословскія (богословія догматическаго, нравственнаго и общительнаго) очевидно должны быть не столько источниками (*loci topici*), изъ которыхъ проповѣдники могли бы брать содержаніе для своихъ проповѣдей: какъ что-нибудь готовое сколько образовательною, воспитательною и руководительною ихъ взгляда и мыслей. Позволяетъ себѣ остановиться немного на этихъ источникахъ богословскаго образованія, отъ которыхъ всегда зависели характеръ и направленіе нашей проповѣди.

Сочиненія отцевъ церкви съ самыхъ первыхъ временъ были источникомъ нашего образованія вообще, и въ частности—матеріаломъ и образцомъ русской проповѣди, которая съ самаго начала такимъ образомъ стала подъ руководство греческой отеческой проповѣди. Поученія св. Θεодосія Печерскаго (XI в.) до того проникнуты были духомъ и мыслями св. Θεодора Студита; что въ старыхъ рукописяхъ онѣ помѣща-

лись часто вмѣстѣ съ его сочиненіями; по тойже причинѣ проповѣди св. Кирилла Туровскаго (XII в.) смѣшиваемы были нашими древними переписчиками съ сочиненіями разныхъ отцевъ церкви и особенно—Златоуста и Кирилла Іерусалимскаго и назывались ихъ именами. Въ послѣдующія времена наша проповѣдь еще тѣснѣе соединяется съ отеческою проповѣдью. Въ эти времена вся дѣятельность нашихъ пастырей состояла только въ сокращеніи или незначительной пердѣлкѣ отеческихъ поученій, такъ что они сами не рѣшались называть свои поученія своими именами, а называли ихъ *поученіями Святыхъ Отцевъ*, а историкъ и критикъ, разбирая эти поученія въ настоящее время, становится рѣшительно въ недоумѣніе, оригинальны ли это произведенія нашей древней письменности, или просто отрывки отеческихъ сочиненій. Въ XV в., вслѣдствіе совершеннаго упадка образованія, перестали составлять и такія поученія и вмѣсто проповѣди читали толковыя и учительныя Евангелія, которыя содержали въ себѣ объясненія воскресныхъ и праздничныхъ Евангелій, заимствованныя также изъ сочиненій разныхъ отцевъ церкви. Это руководство отеческой проповѣди сколько было необходимо, при скудномъ образованіи древнихъ нашихъ пастырей,—столько же и благотѣльно для нашей проповѣди. Въ сочиненіяхъ отеческихъ именно наши проповѣдники усвоили себѣ ту высоту и чистоту пониманія ученія вѣры и дѣятельности христіанской, какія мы встрѣчаемъ и въ ихъ собственныхъ поученіяхъ. Имъ мы обязаны тѣмъ, что въ самыхъ первыхъ вѣкахъ нашей исторіи, въ XI и XII столѣтіяхъ, являются у насъ такіе богословы-проповѣдники, каковы были митрополитъ Іларіонъ и Кириллъ, епископъ Туровскій. Но, заимствуя основной взглядъ и мысли изъ отеческихъ сочиненій, нѣкоторые наши древніе пастыри не

оставляли при этомъ безъ вниманія и религіозно-нравственнаго состоянія своихъ слушателей, ихъ потребностей и недостатковъ. Ихъ поученія отразили въ себѣ нѣкоторыя черты современныхъ имъ нравовъ и обычаевъ; такъ что сообщили исторіи нѣсколько данныхъ для ея выводовъ о состояніи древней русской жизни. Таковы, напр., поученія митрополита Иларіона,—пр. Феодосія Печерскаго и Серапіона, епископа Владимірскаго.—Нѣтъ сомнѣнія, что развиваясь въ такомъ направленіи, проповѣдь наша, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, могла бы скоро выработать для себя свой собственный народный характеръ,—тѣмъ болѣе, что примѣръ и образецъ для этого она могла видѣть въ тѣхъ же отеческихъ поученіяхъ. Но большая часть нашихъ древнихъ пастырей, подъ вліяніемъ, съ одной стороны,—высоты этихъ дѣйствительно высокихъ образцовъ, а съ другой—справедливаго сознанія своей слабости и необразованности, смиренно переписывали ихъ, безъ особенныхъ измѣненій. Они, кажется, не обращали большаго вниманія на то, что, при высотѣ ученія, отеческія проповѣди были въ высшей степени современны, и что эта современность и была одною изъ важныхъ причинъ ихъ огромнаго вліянія на современниковъ. Отсюда естественно слѣдовалъ такой выводъ: если отцы церкви приспособляли свои проповѣди къ потребностямъ своего времени и своихъ слушателей: то и русскіе пастыри должны дѣлать тоже самое въ своихъ поученіяхъ. Но при слабости образованія, при отсутствіи всякой критики, которая могла бы опредѣлить значеніе каждой черты въ произведеніяхъ отеческихъ, они не могли вывести изъ нихъ для себя такого урока, не могли составить для себя такого образца проповѣди, существенную черту которой должны составлять современность и на-

родность. Наконецъ даже дошли было до того, что образовалось мнѣніе, будто и сочинять свои собственные проповѣди есть ересь или вѣдетъ къ ереси; это мнѣніе было высказываемо вѣроятно такъ гласно, что его услышали и записали посѣщавшіе Русь иностранцы. Съ половины XVII в. впрочемъ является мысль о живой проповѣди, высказанная сначала патріархомъ Никономъ, который, какъ извѣстно, самъ говорилъ проповѣди своего сочиненія; но примѣровъ такой проповѣди до насъ почти не сохранилось. Недавно открытыя прекрасныя поученія Орловскаго священника (Статирь), который хотя содержаніе и мысли заимствовалъ для нихъ изъ сочиненій разныхъ отцевъ церкви, но приспособлялъ ихъ въ то же время къ пониманію и жизни своихъ простыхъ и необразованныхъ слушателей, — стоятъ въ древней литературѣ проповѣднической одиноко. Въ послѣдующія времена наша проповѣдь стала въ болѣе свободныя отношенія къ отеческой проповѣди и сдѣлалась самостоятельнѣе, но также не могла вполне воспользоваться ея уроками. Къ сожалѣнію и въ настоящее время наши проповѣдники въ отеческихъ сочиненіяхъ очень мало изучаютъ стороны отношенія ихъ къ современной имъ жизни, мало обращаютъ вниманія на тотъ характеръ пастырской и проповѣднической дѣятельности отцевъ церкви, который такъ ясно выразился въ ихъ поученіяхъ. Между тѣмъ, съ этой стороны весьма поучительно изучать отеческія поученія. Отцы церкви постоянно и внимательно слѣдили за всѣми событіями народной жизни, пользовались каждымъ случаемъ, каждымъ разговоромъ и изъ всего извлекали для себя поводъ и предметъ для своихъ наставленій. При этомъ они ставили себя въ такое тѣсное отношеніе съ своею паствою, что, можно сказать, не отдѣляли своей жизни

и своихъ интересовъ отъ жизни поучаемыхъ, радовались ихъ счастьемъ и радостію, страдали ихъ бѣдствіями и страданіями. Въ 388 г. знаменитую въ древности церковь антиохійскую постигло страшное искушеніе: антиохійцы, обманутые неблагонамѣренными людьми, возмутились противъ императора Θεодосія, въ ярости низвергли его статуи, и за это должны были подвергнуться страшнымъ казнямъ. Что же дѣлають въ это время антиохійскіе пастыри? Епископъ Флавіанъ, не смотря на свою старость и болѣзнь, самъ отправляется въ Константинополь, чтобы, объяснивъ императору это обстоятельство, испросить пощаду городу, который онъ намѣревался сжечь; а Іоаннъ Златоустъ, бывшій тогда еще пресвитеромъ, остался утѣшать несчастныхъ. Въ продолженіе семи недѣль, пока ходилъ Флавіанъ и возвратился съ помилованіемъ, онъ, можно сказать, не переставалъ говорить бесѣды. Онъ ободрялъ упавшій народъ къ терпѣнію и надеждѣ и въ то же время обличалъ господствовавшіе въ немъ пороки, убѣждалъ покаяться и исправиться, чтобы заслужить помилованіе отъ Бога и прощеніе отъ императора.

Съ распространеніемъ училищнаго образованія сначала на Югѣ, а отсюда и по всей Россіи, проповѣдь наша становится подъ вліяніе школъ и разныхъ богословскихъ системъ. Характеромъ школы и ея системъ отличаются проповѣди юго-западныхъ или воспитывавшихся въ юго-западныхъ школахъ проповѣдниковъ Кирилла Транквиліона, Симеона Полоцкаго, Лазаря Барановича, Стефана Яворскаго и даже самаго Святителя Ростовскаго Димитрія, который впрочемъ, уступая вліянію школы и требованіямъ современнаго вкуса, старался въ то же время приспособляться въ своихъ проповѣдяхъ и къ состоянію и потребностямъ своихъ слушателей, и часто говорилъ самымъ простымъ языкомъ, для поученія простаго

народа. Въ новомъ періодѣ образованія характеръ школъ и системъ нѣсколько разъ измѣнился, измѣнился характеръ и нашей проповѣди, которая находилась всегда и продолжаетъ находиться подъ ихъ вліяніемъ, какъ древняя наша проповѣдь находилась постоянно подъ вліяніемъ отеческой проповѣди.

Въ богословскихъ системахъ, сообразно съ ихъ ученою цѣлію—служить къ образованію ученыхъ богослововъ, способныхъ дать отвѣтъ на всякій вопросъ о вѣрѣ и дѣятельности христіанской, и опровергнуть всякое противъ нихъ возраженіе иновѣрныхъ и неправомыслящихъ,—все пункты ученія вѣры и дѣятельности раскрываются подробнымъ образомъ, въ строгой связи и послѣдовательности, со всехъ возможныхъ сторонъ. Характеръ системъ этихъ слагался, въ разные времена, подъ вліяніемъ разныхъ ученій религіозныхъ и философскихъ и историческаго состоянія церкви; и хотя главнымъ ихъ источникомъ всегда служили и служатъ отеческія сочиненія, но самыя эти сочиненія написаны въ то время, когда опредѣлялись и уяснялись догматы вѣры и правила нравственной дѣятельности; когда, слѣдовательно, были разные противныя мнѣнія и споры, при которыхъ надобно было защищать ихъ, рассматривая и доказывая со всехъ возможныхъ сторонъ. Очень естественно, что въ эти системы вошло много такихъ вопросовъ, такихъ отдѣловъ, которые имѣютъ главнымъ образомъ историческое или полемическое значеніе. А потому усвоеніе христіанскаго ученія въ такихъ формахъ, въ какихъ оно излагается въ разныхъ системахъ богословскихъ, составляя предметъ необходимости для всякаго богослова и проповѣдника, который долженъ знать его во всей полнотѣ его историческаго развитія,—не можетъ быть нужно и пригодно для простыхъ христіанъ, которыхъ

нужно не ученое и богословское образованіе, а простое и вразумительное наставленіе въ вѣрѣ и благочестіи. Проповѣдники должны имѣть въ виду потребности общаго христіанскаго образованія и, сообразно съ этими потребностями, пользоваться богословскими познаніями въ своихъ поученіяхъ. Конечно есть такія мѣста, на которыхъ пастыри-проповѣдники, по занимаемому ими положенію въ церкви и въ обществѣ, поставляются въ необходимость и имѣютъ обязанность не просто поучать народъ вѣрѣ и благочестію, но раскрывать и утверждать самыя глубокія ихъ основанія; поученія такихъ проповѣдниковъ, удовлетворяя общимъ требованіямъ проповѣди, получаютъ въ тоже время высокое богословское значеніе, и наравнѣ съ богословскими системами служатъ руководствомъ къ уясненію вѣры и дѣятельности христіанской. Но эти поученія никакъ не могутъ быть образцомъ проповѣди для всѣхъ и особенно для сельскихъ проповѣдниковъ. Само собою разумѣется, что нѣкоторые понимаютъ это, и, сознавая потребности общаго христіанскаго образованія и указанное выше значеніе богословскихъ системъ и научнаго богословскаго образованія, умѣютъ пользоваться ими въ своей пастырской и проповѣднической дѣятельности; въ послѣднее время появилось даже нѣсколько опытовъ самыхъ простыхъ и вразумительныхъ для народа поученій; но большинство проповѣдниковъ оказывается неспособнымъ отрѣшиться отъ школы и системы и, не умѣя опредѣлить отношенія ихъ къ проповѣди, назначаемой не для ученаго образованія, а для простаго христіанскаго просвѣщенія, переносятъ въ нее и научныя приемы.

Часто въ проповѣди предметъ изслѣдуется со всею ученою обстановкою, и проповѣдь отличается отъ какой-нибудь части богословской системы, или богословской диссертации,

иногда только однимъ приступомъ и заключеніемъ. Читая подобныя проповѣди и зная, что они произнесены были не въ ученое собраніе, а въ церкви предъ народомъ, можно подумать, что народъ нашъ обладаетъ достаточнымъ богословскимъ образованіемъ, потому что для пониманія такихъ проповѣдей нужна достаточная богословская эрудиція. Между тѣмъ всего мѣнѣе въ народѣ нашемъ распространено именно пониманіе вѣры и благочестія; въ самыхъ школахъ нашихъ преподаваніе Закона Божія, поставляемое въ программѣ обыкновенно въ главѣ всѣхъ предметовъ, на практикѣ далеко не составляетъ главнаго предмета. Конечно можно надѣяться, что, при всеобщемъ стремленіи къ образованію, рано или поздно распространится въ народѣ и религіозное образованіе; но едвали когда-нибудь можно будетъ требовать отъ народа такого образованія, чтобы онъ способенъ былъ понимать богословскія ученыя проповѣди. Не справедливѣе ли будетъ требовать отъ проповѣдниковъ, чтобы они приспособляли свои проповѣди къ его умственному развитію? Духовное правительство давно сознаетъ необходимость такого сближенія пастырей съ народомъ въ проповѣди: въ разныя времена въ разныхъ мѣстахъ оно поручало составлять катехизическія поученія для простаго народа, для чего были избираемы особыя лица изъ городскихъ и сельскихъ священниковъ. Но эти опыты, сколько намъ извѣстно, не привели къ желаемымъ результатамъ. Большая часть изъ составленныхъ по этому порученію катехизическихъ поученій оказывались или списками съ разныхъ печатныхъ проповѣдей, или выписками изъ отеческихъ сочиненій и богословскихъ системъ. У насъ теперь лежитъ на столѣ связка такихъ поученій. Состояніе и потребности слушателей въ нихъ нисколько не приняты во вниманіе; поученія эти на-

писаны для крещенныхъ татаръ, которые, разумѣется, еще менѣе русскихъ крестьянъ знакомы съ христіанскимъ ученіемъ и вообще не лучше ихъ образованы; между тѣмъ проповѣдникъ вдается въ нихъ въ умудренныя разсужденія и говоритъ ученымъ языкомъ богословскихъ системъ. Такъ, напр., разсуждая о недостаточности языческой религіи для спасенія человѣка, онъ говоритъ татарамъ слѣдующее: «исторія свидѣтельствуетъ, что нечестіе, усиленное приѣвромъ языческихъ боговъ, простиралось до того, что древніе писатели не находили даже словъ для описанія сего несчастнаго состоянія рода человѣческаго. Сами язычники болѣе благоразумныя, напр.—Горацій, Ювеналь, осмѣивали боговъ своихъ; у язычника Лукіана описанъ соборъ боговъ, на которомъ эти боги обвиняли бога Юпитера за то, что онъ выпускалъ на небо такихъ негодаевъ, которыхъ стоило бы только бросить въ адъ» (*). И виною всего этого—вліаніе системы и школы, отъ которыхъ многіе проповѣдники никакъ не могутъ отрѣшиться. Часто они переносятъ на кафедру и тотъ полемическій тонъ, какимъ проникнуто преподаваніе богословскихъ системъ: каждую мысль усиливаются доказывать всѣми силами, сами иногда возражаютъ и опровергаютъ, какъ будто предъ ними стоятъ не смиренныя благочестивые слушатели, желающіе слышать отъ нихъ слово назиданія, а какіе нибудь ученые противники, которые сей часъ готовы возразить имъ, или упрекнуть ихъ въ томъ, что они опустили то или другое доказательство. Въ проповѣди должны имѣть мѣсто не столько доказательства, сколько разъясненія и практическія прилженія религіозно-нравственныхъ истинъ. Слушатели и безъ доказательствъ

(*) См. Обзоръ ложн. религіи арх. Варшав. Харьковъ 1849 г. стр. 21.

проповѣдника знаютъ и убѣждены въ томъ, что надобно любить Бога и ближнихъ и исполнять всѣ заповѣди Божіи; проповѣдникъ долженъ показать, въ какихъ именно формахъ, въ какихъ дѣлахъ и поступкахъ можетъ быть исполнена та или другая заповѣдь,—посреди той обстановки частной и общественной жизни, въ какой они находятся. Равно также нѣтъ нужды прибѣгать ко многимъ доказательствамъ и при изложеніи догматическаго ученія вѣры. Проповѣднику приводится говорить предъ христіанами, которые отъ рожденія принадлежатъ къ церкви и вѣруютъ въ ея ученіе; ему нужно объяснить, въ чемъ состоитъ сущность этого ученія о томъ или другомъ догматѣ,—какъ должно понимать его, какъ должно понимать то или другое богослуженіе, или таинство, или извѣстный обрядъ. Правда, уотцевъ церкви встрѣчаются продолжительныя и глубокія разсужденія о догматахъ вѣры. Такихъ разсужденій требовали тогдашнія времена, когда уяснялось христіанское ученіе,—когда много было разныхъ еретиковъ, когда между самими православными христіанами споры о вѣрѣ усиливались до такой степени, что слышались на площадяхъ и пиршествахъ, проникали въ женскіе терема. Но и въ эти времена отцы церкви не одобряли безусловно философско-полемическаго тона при объясненіи догматовъ, и тотчасъ оставляли его, когда требовалось говорить не въ опроверженіе невѣрныхъ, а для поученія людей вѣрующихъ. Когда надлежало бороться, говоритъ Василій В. въ словѣ о вѣрѣ, съ возникавшими по временамъ ересями,—отвѣдая предшественникамъ, почиталъ и я приличнымъ, смотря по различію посѣяваемаго діаволомъ нечестія, останавливать или низлагать распространяемыя хулы опроверженіями, и употреблять, какъ вынуждала къ тому потребность недугующихъ, тѣ и другія изреченія, часто—такія, которыхъ нѣтъ въ Писаніи, но

которыя впрочемъ не чужды благочестивому смыслу Писанія, потому что и апостоль, для собственной своей цѣли, не отказывался употреблять нерѣдко и языческія изреченія. А теперь почелъ я сообразнымъ съ общею моею и вашею цѣлію требованіе вашей во Христѣ любви исполнить въ простотѣ здравой вѣры, говоря то одно, чему наученъ богодухновенными Писаніями.... Тогда занимало меня обличеніе ереси и разрушеніе діавольскихъ хитросплетеній; а теперь предполагается исповѣданіе и простое изъясненіе здравой вѣры. Поэтому и неприличенъ мнѣ теперь прежній образъ рѣчи. Какъ человекъ не одинъ и тѣже снаряды взялъ бы въ руки, идя воевать и воздѣлывать землю: такъ не одно и то же могутъ говорить и тотъ, кто увѣщаетъ здоровымъ ученіемъ, и тотъ, кто обличаетъ противорѣчащихъ. Ибо иной родъ рѣчи обличительной, и иной родъ рѣчи увѣщательной»... (*)

Б — Если же обязанность проповѣдника въ настоящее время состоитъ не столько въ томъ, чтобы доказывать, сколько въ томъ, чтобы показывать и объяснять ученіе вѣры и дѣятельности христіанской; то ему прежде всего и больше всего надобно заботиться о простотѣ, ясности и удобовразумительности своихъ поученій. Ученые проповѣдники, постоянно обращающіеся съ книгами и привыкшіе къ книжному языку, не могутъ иногда и понимать вполне, до какой степени ихъ образъ представленія и выраженія расходится съ понятіями большинства ихъ слушателей. Большинство слушателей—это всегда надобно помнить проповѣдникамъ—составляютъ не образованные люди, а люди жизни практической, дѣлами и интересами которой заняты бываютъ постоянно всѣ ихъ мысли и чувства. Эти люди не поймутъ общихъ отвлеченныхъ раз-

(*) Твор. Св. Отц. Т. IX, стр. 27. 29.

сужденій о добродѣтели, а если бы и поняли, то они не съумѣли бы разложить ихъ на факты и приспособить къ своей жизни; да имъ и нѣкогда думать и заниматься этимъ. Съ такими людьми нужно говорить не общими мыслями и отвлеченными понятіями, а фактами и примѣрами жизни и непременно—той жизни, которою они живутъ и которая ихъ окружаетъ, чтобы они сейчасъ прямо могли видѣть вѣрность поученія, или совѣта,—возможность и самый способъ выполнить его на самомъ дѣлѣ, въ своей жизни. Это особенно надобно имѣть въ виду сельскимъ пастырямъ при поученіи простаго народа. Простой народъ не привыкъ самъ разсуждать. Сказавши мысль, надобно привести примѣръ для ея объясненія; рассказавъ событіе, надобно объяснить его смыслъ и сдѣлать изъ него выводъ. Иначе онъ не пойметъ мысли, не сдѣлаетъ вывода изъ примѣра, или же сдѣлаетъ выводъ, а приложение—неправильное. Что можетъ быть проще чтенія житій святыхъ? но вотъ какой случай рассказывали намъ изъ жизни одного священника, который любилъ читать эти житія своимъ прихожанамъ по Четьи-Минеемъ св. Димитрія, но вѣроятно не сопровождалъ этого чтенія своимъ объясненіемъ и приложеніемъ къ жизни ихъ. На прихожанъ сильно дѣйствовало это чтеніе; но, не умѣя вывести для себя уроковъ изъ жизни святыхъ, они захотѣли подражать имъ буквально: одни объявляли священнику, что они желали бы оставить міръ и уйти въ пустыню, другіе начали желать знаменій и чудесъ, а женщины рассказывали ему свои разные сны, думая видѣть ихъ знаменательными и пророчесственными. Отсюда можно понять, насколько могутъ быть умѣстны въ проповѣди, обращенной особенно къ простому народу, тѣ приемы, которыхъ держатся многіе проповѣдники при изложеніи своихъ поученій. Не говоримъ объ употре-

бленія разныхъ богословскихъ терминовъ, которыхъ иногда избѣгать нельзя, по которымъ все-таки непонятны безъ объясненія; можетъ ли, напр., понимать народъ, когда проповѣдникъ нѣсколькими словами только намекаетъ на какое-нибудь извѣстное мѣсто Писанія, не приводя его, или когда приводитъ только одну половину текста, или когда для доказательства своей мысли указываетъ на какое-нибудь событіе изъ библейской или церковной исторіи, которое народу совершенно неизвѣстно? — При этомъ обыкновенно говорить, что и такія проповѣди не бесполезны для народа, который хотя и многого въ нихъ не понимаетъ, но, слыша божественныя слова, умиляется душой и становится благочестивѣе. Но можетъ ли это чувство умиленія и благочестія быть плодотворно въ жизни, когда оно не имѣетъ для себя опоры въ разумніи? Хорошо еще, когда религіозное чувство народа не возмущается ничѣмъ враждебнымъ ему; но можетъ ли это чувство, непросвѣтленное пониманіемъ вѣры и неприкрѣпленное ни къ чему, кромѣ однихъ непонятныхъ для него божественныхъ звуковъ, устоять въ немъ тогда, когда ему приводится испытывать разныя нападенія?

Но если проповѣдь для того, чтобы не оставаться безплодною, должна сойти съ ученой высоты своей и по содержанию, внѣшней формѣ и самому языку сблизиться съ жизнью общества, народа, то и самое общество и народъ должны подойти поближе къ церковной каедрѣ. Пастыри церкви виноваты, когда они мало заботятся о религіозномъ образованіи народа; но не отъ нихъ однихъ исключительно зависить это образованіе и не въ ихъ только рукахъ необходимыя для него средства. Особенно проповѣдь съ церковной каедры никакъ не можетъ быть единственнымъ средствомъ къ религіозному образованію и можетъ дѣйствовать успѣшно

не одна сама по себѣ, а при существованіи и пособіи другихъ средствъ. Къ нимъ прежде всего, разумѣется, должна быть отнесена особенная заботливость о религіозномъ домашнемъ, а потомъ училищномъ воспитаніи дѣтей, которыя, къ какому бы занятію и званію не предназначались, всѣ, какъ христіане, должны знать основныя начала вѣры и благочестія. Въ противномъ случаѣ, какъ будетъ учить проповѣдникъ, который въ проповѣди можетъ дѣйствовать только на массу людей и въ ней—на направленіе вѣры и христіанской жизни, а не учить каждого отдѣльно? Что онъ можетъ сказать въ своей проповѣди, когда бѣольшая половинна его слушателей не имѣетъ никакого понятія о самыхъ начаткахъ христіанскаго ученія и не знаетъ самыхъ краткихъ и основныхъ молитвъ? Мы замѣтили выше, что проповѣди наши слишкомъ мудрены для народа, что проповѣдники должны говорить какъ можно проще; но какъ бы они ни стали упрощать свои поученія, они все-таки будутъ непонятны, потому что для народа, который ничего не знаетъ, нужно будетъ объяснять почти каждое слово. Нельзя не радоваться быстрому распространенію повсюду школъ грамотности, съ усиленіемъ которой, конечно, будетъ усиливаться и религіозное образованіе въ народѣ. Но школы грамотности полезны главнымъ образомъ только для дѣтей, для самаго молодого поколѣнія; хорошо было бы еще открыть повсюду въ городахъ и селахъ *катехизическія школы*, гдѣ бы объяснялись правила вѣры и благочестія христіанскаго, замѣчательныя событія священной и церковной исторіи, всѣ роды богослуженія, таинствъ и обрядовъ. Эти школы необходимы для того большинства, которое не получило и не можетъ получить никакого религіознаго образованія ни посредствомъ домашняго воспитанія, ни посредствомъ училищнаго—въ какой ни-

будь школъ,—для всѣхъ грамотныхъ и особенно неграмотныхъ, для дѣтей и взрослыхъ. Эти школы должны быть открыты только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, когда бываютъ свободны отъ занятій всѣ торговые, ремесленные и рабочіе люди, для которыхъ собственно онѣ и назначаются (*). Преподаваніе въ этихъ школахъ должно происходить не по книгѣ, не по тетради, а безъ всякихъ школьныхъ и ораторскихъ приемовъ,—въ формѣ простаго разсказа и обыкновеннаго разговора. Такое ученіе народа въ катехизическихъ школахъ хотя можетъ быть возложено на священниковъ, особенно тамъ, гдѣ въ приходахъ не одинъ, а два или три священника, но, кажется, съ большимъ успѣхомъ и удобствомъ (**), оно можетъ быть поручено окончившимъ курсъ воспитанникамъ семинаріи, готовящимся въ священники, тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ воспитанниковъ, во всѣхъ епархіяхъ, за недостаткомъ священническихъ мѣстъ, по нѣскольку лѣтъ остаются безъ всякой должности и только недавно начали заниматься ученіемъ въ сельскихъ школахъ грамотности. Мы выше замѣтили, что переходъ отъ воспитанника семинаріи прямо со школьной скамейки къ должности народнаго учителя на церковной кафедрѣ слишкомъ быстръ и рѣзокъ, что, пробывъ около 12 лѣтъ въ школѣ и прямо поставленные во священники, воспитанники оказываются незнающими жизни людей, и потому неспособными дѣйстви-

(*) Известно, что священники всего мѣсте бываютъ свободны въ воскресные и праздничные дни, когда, сверхъ богослуженія, они заняты бываютъ отправленіемъ разныхъ *требъ духовныхъ*, особенно въ селахъ, гдѣ народъ къ этимъ именно днямъ приурочиваетъ исполненіе всѣхъ христіанскихъ обязанностей. *Прим. авт.*

(**) О положеніи окончившихъ курсъ семинаріи, которое давало бы имъ возможность приготовленія къ священному сану среди самой жизни, чрезъ участіе въ служеніи церковномъ, въ дѣлѣ проповѣди, а такъ же

вать на нихъ силою своего пастырскаго слова, что нѣтъ никакого посредствующаго переходнаго пункта между семинаріей и церковною кафедрой. Не можетъ ли послужить для нихъ (разумѣется—до пріисканія другаго лучшаго средства) такимъ переходнымъ приготовительнымъ пунктомъ указываемое нами занятіе въ катехизическихъ школахъ (*)? Здѣсь они стали бы предварительно знакомиться съ умственными, религиознымъ и нравственнымъ состояніемъ народа, съ его жизнью и потребностями, воспитывать въ себѣ и развивать пастырскія способности, пріобрѣтать опытность и навыкъ говорить съ народомъ, потомъ—учить его съ церковной кафедры. Эта опытность конечно можетъ быть пріобрѣтена ими и на священнической должности; но скоро ли она можетъ быть пріобрѣтена, особенно когда, сверхъ учительства, у нихъ будутъ уже другія обязанности совершать службы церковныя, таинства и разныя требы? Для этихъ катехизическихъ школъ конечно потребуется помѣщеніе, а для наставниковъ—содержаніе?—Но если общества находятъ возможность и средства содержать разныя полезныя въ жизни учрежденія: то, нѣтъ сомнѣнія, онѣ найдутъ средства и для такого необходимаго учрежденія.

Но если проповѣдь съ церковной кафедры нельзя считать единственнымъ средствомъ къ религиозному образованію народа, то ее нельзя также считать единственною формою проповѣднической дѣятельности. Многіе пастыри жаждутся на

въ народномъ обученіи въ сельскихъ школахъ, мы говорили въ ноябрской книжкѣ *Пр. Обзор.* за 1861 г. въ статьѣ: «Къ вопросу о преобразованіи духовныхъ училищъ.» *Ред.*

(*) Здѣсь считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателей на корреспонденцію по предмету нравственно-религіознаго образованія народа—въ этой же книжкѣ, въ отдѣлѣ *Замѣтокъ.* *Ред.*

трудность совмѣстить проповѣдническую обязанность съ обязанностію совершать службы и требы. Въ городахъ, а особенно въ селахъ, народъ собирается въ церковь только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; а въ эти дни, сверхъ богослуженія, столько нужно бываетъ исправить разныхъ требъ, что священнику, говорятъ, и думать нѣкогда о проповѣди. Такимъ образомъ то, что, по идеѣ, должно помогать успѣху проповѣди слова Божія, то-есть соединеніе проповѣди съ богослуженіемъ и совмѣщеніе званія проповѣдника въ одномъ лицѣ съ званіемъ служителя церкви, на опытѣ нынѣ служить поводомъ къ ея стѣсненію и упадку. Мы не можемъ судить, до какой степени справедливы и извинительны эти жалобы; но не можемъ не замѣтить, что въ западной Россіи въ древнія времена существовали въ городахъ особыя лица для проповѣди, которыя не имѣли, кромѣ ея, никакихъ другихъ обязанностей. Хорошо было бы, разумѣется, и въ настоящее время установить, по крайней мѣрѣ въ городахъ, особыя должности проповѣдниковъ. Въ уставѣ духовныхъ консисторій (§ 11) предписано: «въ нѣкоторыхъ церквахъ епархіальнаго и другихъ городовъ, сообразно мѣстности церквей и способностямъ священниковъ, учреждать катехизическія по воскреснымъ днямъ поученія.» Но это постановленіе хотя по временамъ приводимо было и приводится въ исполненіе, не приноситъ вполнѣ желаемыхъ плодовъ, потому что проповѣдники, на которыхъ возлагается эта обязанность, занятые другими должностями, считая эту временную обязанность только официальнымъ порученіемъ, проповѣдуютъ большею частію безъ особеннаго старанія, самымъ официальнымъ образомъ. Какъ бы то ни было впрочемъ, но пастыри-проповѣдники несправедливо считаютъ проповѣдь съ церковной кафедрой единственною обязательною формою своего

проповѣдническаго служенія. Если они не всегда находятъ возможнымъ и удобнымъ проповѣдывать съ церковной кафедрой въ церкви за богослуженіемъ; то почему же они не учатъ народъ внѣ церкви во всякое время, при разныхъ случаяхъ и сношеніяхъ съ нимъ, благовременно и безвременно, какъ учили апостолы, какъ училъ самъ Спаситель, который проповѣдывалъ повсюду:—въ домахъ, на дорогѣ, на горѣ, въ полѣ, въ лодкѣ и не тогда только, когда было много народа, но и когда встрѣчалъ одного человѣка? Кажется, нѣтъ ничего легче и естественнѣе, какъ учить народъ въ его жилищахъ, посреди его быта, его занятій, въ разговорахъ съ нимъ, при всякомъ случаѣ. Мы увѣрены, что большая часть проповѣдниковъ потому рѣдко проповѣдуютъ, что смотрятъ на проповѣдь съ церковной кафедрой какъ на дѣло слишкомъ мудреное и трудное. При одной мысли объ этомъ имъ припоминаются существующіе образцы ученыхъ проповѣдей, и имъ представляется нужнымъ написать что-нибудь подобное, въ тѣхъ формахъ и тѣмъ языкомъ, которые были бы достойны такого высокаго мѣста, какъ церковная кафедра. Простыя бесѣды въ мѣстахъ обыкновенныхъ могли бы избавить проповѣдника отъ всякихъ подобныхъ стѣсненій; ему при этомъ не было бы нужды затрудняться ни выборомъ предмета, ни изложеніемъ; онъ сталъ бы говорить о той жизни, которая находится предъ его глазами,—о томъ предметѣ, о какомъ его спросятъ, или какой сей-часъ обратитъ его вниманіе. Нѣтъ сомнѣнія, что и самъ народъ сталъ бы внимательно слушать подобныя простыя бесѣды и любилъ бы ихъ. И такимъ образомъ, путемъ этихъ простыхъ бесѣдъ съ народомъ во всякое время, могла бы легко образоваться близкая къ народу, сообразная съ его потребностями, собственно народная проповѣдь.

И. П.

ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

НѢМЕЦКАЯ БОГОСЛОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Около половины октября въ тридцати германскихъ городахъ начинается особое движеніе. Открывается, такъ называемый, зимній семестръ въ университетахъ. Въ Германіи это имѣетъ интересъ и для духовенства; извѣстно, что здѣсь къ этому служенію, какъ у католиковъ, такъ и у протестантовъ, равно какъ и во всей западной Европѣ, приготавлиются въ этихъ общихъ высшихъ мѣстахъ образованія. Возвращаются постепенно, уже къ концу мѣсяца, профессора, которые часто употребляютъ вакаціонное время не на одинокій отдыхъ, а на путешествія съ цѣлію ученою; профессора богословія—и съ церковною. Собираются мало по малу и студенты, и начинаютъ, обыкновенно кучками, появляться на улицахъ въ своихъ разноцвѣтныхъ и разноформенныхъ фуражкахъ, знакахъ разныхъ «корпораций». Особенно оживляются этимъ движеніемъ многіе небольшіе нѣмецкіе города, которымъ университетъ главнымъ образомъ, а иногда и единственно, придаетъ значеніе. Такъ по крайней мѣрѣ недавно

можно было замѣтить въ Гейдельбергѣ. Конечно, ни его знаменитый замокъ, развалины котораго вдохновляли многихъ поэтовъ, ни его романтическое положеніе и прекрасный климатъ не привлекають столько посѣтителей изъ разныхъ странъ Европы и даже Америки,—какъ скромное, прозаическое съ виду, съ еще болѣе скромными залами, зданіе, гдѣ съ утра до поздняго вечера читаются лекціи... Правда, и преподавателей и студентовъ въ этомъ университетѣ почти вдвое менѣе, чѣмъ въ берлянскомъ, гдѣ первыхъ до 175, а вторыхъ до 1500; но самый городъ этотъ съ своими 15 тысячами жителей менѣе Берлина, по крайней мѣрѣ, въ двадцать разъ!

На богословскій факультетъ привлекають сюда будущихъ протестантскихъ пасторовъ Ротъ и Шенкель не менѣе, чѣмъ Блюнчли и Миттермайеръ—юристовъ, или Бунзенъ (химикъ)—естествоиспытателей, Рау — экономистовъ и проч., Кроме ихъ, читають здѣсь на этомъ факультетѣ Гундесгагенъ, Гитцигъ (также два извѣстные нѣмецкіе богослова), Римъ (Riehm) и Гольцманъ; сверхъ того нѣсколько приватдоцентовъ.

Обыкновенно первый вопросъ слушателя въ началѣ семестра: кто будетъ читать на извѣстномъ факультетѣ? Далѣе слѣдуетъ вопросъ о томъ, что будетъ читаться? потому что это не опредѣляется однажды на всегда (и на богословскомъ факультетѣ, какъ на всѣхъ другихъ), а зависитъ отъ соображеній самого преподавателя. Потому: что замѣчательнаго по этому факультету явилось въ текущей литературѣ? часто эти новыя явленія становятся въ тѣсную связь съ содержаніемъ начинающихся лекцій. Вопросы эти имѣють, конечно, не одно мѣстное значеніе. Мы остановимся теперь нѣсколько только на послѣднемъ изъ нихъ; состава здѣшняго богословскаго курса будемъ имѣть случай коснуться

въ послѣдствіи, говоря о нѣмецкихъ «проповѣдническихъ семинаріяхъ» (Predigerseminarium).

Съ текущею литературою здѣсь (и конечно это приложимо въ Германіи не къ одному Гейдельбергу) знакомиться, въ извѣстномъ отношеніи, чрезвычайно легко. Университетская бібліотека, состоящая уже болѣе чѣмъ изъ 150,000 томовъ и 1800 манускриптовъ, постоянно пополняется новыми замѣчательными явленіями по всѣмъ отраслямъ ученой литературы; входъ въ нее ежедневный и бесплатный; книги выдаются на другой день или въ самый день требованія, — студентамъ и извѣстнымъ лицамъ и на домъ, безъ ограниченія срокомъ; 85 томовъ каталога бібліотеки постоянно доступны для справокъ. Затѣмъ въ Музей (такъ называется собственно частное общество, доступъ въ которое однакожъ очень легокъ), въ обширныхъ комнатахъ, съ утра до 10 часовъ вечера, ежедневно можно читать новыя брошюры и замѣчательныя новыя сочиненія, не исключая литературныхъ, приобретаемыя въ бібліотеку Музея, а также — періодическія изданія, не исключая богословскихъ, ежедневныя и другія, которыхъ выписывается на разныхъ языкахъ до двухъ сотъ. Изъ нихъ нѣмецкіе получаютъ обыкновенно въ самый день своего выхода, французскіе и польскіе — на второй, англійскіе и италіянскіе — на третій. Въ этихъ изданіяхъ, изъ которыхъ притомъ нѣкоторыя спеціально критическія и бібліографическія, всегда можно встрѣтить если не отчетъ, то извѣстіе о всѣхъ новыхъ сочиненіяхъ, какого бы то ни было рода; и если бы какого изъ нихъ не нашлось ни въ университетской бібліотекѣ, ни въ Музее, ни въ десяти (если не болѣе) книжныхъ магазинахъ города: то въ теченіе недѣли можно получить его чрезъ книгопродавцевъ, гдѣ бы оно ни вышло въ Европѣ, исключая весьма немногія страны. Подобною

легкостію знакомства съ текущею литературою и слѣдовательно возможностью участвовать собственными трудами или, по крайней, мѣрѣ серьезнымъ, живымъ вниманіемъ, необходимымъ для плодотворныхъ трудовъ въ современныхъ движеніяхъ мысли, въ ея пріобрѣтеніяхъ и ея новыхъ исканіяхъ, въ связи ихъ съ общими задачами и ходомъ и мѣстной общественной, и всемірно-историческою жизни, подобною легкостію, благодаря нынѣшнимъ средствамъ сообщенія въ Западной Европѣ, пользуются здѣсь жители не однихъ университетскихъ городовъ. Въ Дюркгаймѣ, напримѣръ, небольшомъ и неизвѣстномъ городкѣ въ Баварскомъ Пфальцѣ (съ 6000 жителей), который только въ послѣднее время сталъ привлекать къ себѣ нѣсколько иностранцевъ, какъ мѣсто всенароднаго леченья, нашли мы «общество для чтенія» (Lesegesellschaft), выписывающее много періодическихъ изданій и постоянно пополняющее новыми книгами свою бібліотеку, для всѣхъ открытую; между тѣмъ священники этого города, и католическій и протестантскіе, вмѣстѣ съ священниками ближайшихъ селеній, хотя и принадлежать къ этому обществу, сверхъ того выписываютъ еще сами нѣсколько духовныхъ журналовъ.

Съ другой стороны, однакожь, нужно сказать, что слѣдить за *всѣми* замѣчательными явленіями здѣшней текущей литературы, хотя бы одной духовной, не только трудно, но едва ли и возможно. Богатство ея изумительно. Чтобы правильно судить объ этомъ явленіи, безъ сомнѣнія объясненія его должно искать не въ свойствахъ только западныхъ вѣроисповѣданій: оно принадлежитъ здѣсь почти въ одной мѣрѣ и протестантству и католичеству, не смотря на все различіе ихъ принциповъ; ихъ легко найти вообще въ разныхъ условіяхъ и особенностяхъ общественной и политической

западно-европейской жизни нашего вѣка, а въ Германіи, сверхъ того, въ извѣстномъ преобладаніи умственнаго элемента въ самомъ національномъ характерѣ. Какъ бы то ни было, въ настоящее время здѣсь выходитъ періодическихъ (еженедѣльныхъ и другихъ) духовныхъ изданій однихъ протестантскихъ (о католической прессѣ мы надѣемся поговорить въ другой разъ) болѣе 20,—не считая нѣсколькихъ духовныхъ журналовъ, посвященныхъ собственно интересамъ извѣстной мѣстности, въ которыхъ однакожъ участвуютъ иногда извѣстнѣйшіе богословы (напр., въ ежемѣсячномъ рейнско-вестфальскомъ журналѣ—Дорнеръ и Ницшъ); не считая также сборниковъ, которые нерѣдко достигаютъ очень значительнаго количества томовъ, какъ «Труды (Studien) духовенства въ Виртембергѣ», издаваемые Штирмомъ, «Труды духовенства саксонскаго» и проч.; не считая и журналовъ, то въ видѣ «летучихъ листковъ» (какъ въ гамбургскомъ «Дикомъ Домѣ»), то правильно еженедѣльно или ежемѣсячно издаваемыхъ при разныхъ благотворительныхъ и миссіонерскихъ учрежденіяхъ: между тѣмъ и въ нихъ какъ въ кайзерсвертскомъ, о которомъ мы упоминали въ ¹⁸⁸⁸прошедшій разъ, можно находить не мало данныхъ и цѣлыхъ статей, представляющихъ серьезный интересъ. Со всѣми этими изданіями число органовъ протестантской духовной журналистики, по счету одного французскаго журнала, въ прошломъ году доходило въ Германіи до ста-двадцати. Составъ главныхъ изъ этихъ изданій, имѣющихъ болѣе другихъ общій интересъ, болшею частію одинаковъ, это—ученыя богословскія изслѣдованія, свѣденія о разныхъ современныхъ событіяхъ, какъ собственно церковныхъ, такъ и политическихъ и общественныхъ, имѣющихъ связь съ дѣломъ религіи; затѣмъ — обзорніе и критика литератур-

ныхъ произведеній — большею частію, но не исключительно, духовныхъ, а иногда и произведеній не богословскихъ наукъ и даже поэзіи, когда онѣ прямо или косвенно важны въ религиозномъ отношеніи; такъ, недавно не мало рѣчей въ нихъ было о политическомъ сочиненіи Гизо: «L'église et la société», — въ Allgemeine Kirchenzeitung, одномъ изъ наиболѣе распространенныхъ изданій; тамъ же недавно, была статья «швабская поэзія» по поводу стихотвореній молодого Кернера. Въ 1859 г., предъ извѣстными праздникомъ столѣтія Шиллерова рожденія, много было писано въ духовныхъ журналахъ объ этомъ поэтѣ; о Гете большая статья помѣщена, между прочимъ, въ «Protestantische Monatsblätter» еще ранѣе; въ предпоследней книжкѣ этого журнала (за сентябрь) напечатана рѣчь извѣстнаго Бетманъ-Гольвега «О нравственномъ значеніи искусствъ вообще» (*). Не смотря на одинаковый составъ журналовъ, неисчерпаемый

(*) Впрочемъ изъ многочисленныхъ нѣмецкихъ духовныхъ журналовъ ни одинъ не возвышается въ должной степени до значенія журнала *собственно-религіознаго*, который имѣлъ бы цѣль не учено-богословскую, не церковно-назидательную, не спеціальную, въ родѣ великаго, конечно, дѣла миссій, — а значеніе соціально-христіанскаго органа, слѣдящаго съ христіанской точки зрѣнія за всѣми значительными явленіями духовной жизни человѣчества во всѣхъ ея сферахъ, не оставаясь чуждымъ всего истинно-человѣческаго, какъ не чужда его по своей сущности сама эта божественная религія. Оттого эти журналы, не смотря на всѣ свои достоинства, все же распространяются собственно въ сферу духовенства и богослововъ. Правда, остальная масса общества можетъ находить себѣ много пищи въ другой, еще большей части здѣшной духовной литературы, — непериодической; но журналистика въ наше время имѣетъ особенно живое значеніе. — Можно указать развѣ на «Protestantische Monatsblätter» Гельцера — нѣмецкій, но издаваемый въ Базелѣ, журналъ, какъ на приближающійся къ нашему понятію о религиозномъ органѣ. Выше всѣхъ другихъ въ этомъ отношеніи французскій журналъ «Revue chrétienne».

материалъ богословской науки, все болѣе и болѣе развѣтляющейся и, по мѣрѣ успѣховъ, умножающей свои задачи, равно какъ богатство явленій современной жизни и, въ частности, литературы, позволяетъ имъ быть достаточно разнообразными; съ другой стороны, почти каждое изъ этихъ изданій служитъ органомъ известной церковно-богословской партіи или известнаго отъѣика партіи; а почти каждая изъ нихъ, даже въ своихъ подраздѣленіяхъ, имѣетъ въ своихъ рядахъ лица, независимо отъ характера своихъ убѣжденій, заслуживающія вниманія по самостоятельной выработкѣ взглядовъ, по талантамъ, по глубинѣ или обширности образованія; голосъ такихъ людей, хотя болѣе или менѣе односторонній, въ совокупности съ другими, прямо или непрямо помогаетъ если не всегда рѣшенію какого-ни-будь многосложнаго научнаго или практическаго вопроса, то по крайней мѣрѣ его уясненію. Свободная полемика, возникающая временно по частнымъ вопросамъ, а между нѣкоторыми органами постоянно ведущаяся изъ-за самыхъ принциповъ, сама по себѣ представляетъ явленіе замѣчательное, — она ясно отражаетъ собою внутреннюю борьбу партій, ихъ надежды и опасенія, ихъ сильныя и слабыя стороны, ихъ стремленія и ихъ дѣйствительное отношеніе къ вопросамъ жизни и науки; въ то же время эта полемика оказываетъ положительное содѣйствіе лучшему, разумнѣйшему исходу борьбы даже изъ-за принциповъ, — содѣйствуетъ торжеству истины. Такъ въ послѣднія лѣтъ сорокъ, когда-ведѣвъ за войнами освобожденія, протестантское богословіе значительно оживилось неслѣ сухой, безжизненной схоластики своей въ XVII вѣкѣ, послѣ поверхностнаго, чуждаго теплоты рационализма въ XVIII, наконецъ, послѣ его естественной реакціи въ началѣ XIX — пракческаго піетизма и совер-

цательнаго мистицизма,—это оживленіе богословія выразилось прежде всего образованіемъ нѣсколькихъ партій въ немъ; партіи эти скоро вступили между собою въ литературную полемику,—и теперь протестантское богословіе, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, не мало пріблизилось къ истинѣ; между тѣмъ какъ прежде, ученія реформаторовъ XVI вѣка, наскоро и незаконченно, отрывочно высказывавшіяся ими и полныя заблужденій, усердные ученики ихъ спѣшили формулировать въ опредѣленные, подробныя символическія положенія, а послѣдующіе богословы, вопреки принципамъ самихъ реформаторовъ, долго защищали какъ святыню всѣми тяжелыми орудіями средневѣковой діалектики. Известно, что въ настоящее время существуютъ въ протестанствѣ два рѣзко-противоположныя направленія. Одно принадлежитъ партіи лютеранскихъ реакціонеровъ, которые по своему духу сближаются, можно сказать, съ средневѣковою римскою церковію; впрочемъ, при всемъ предпочтеніи, какое эта партія иногда выказываетъ ученіямъ и установленіямъ папизма въ сравненіи съ реформатами и другими протестантскими сектантами, она вовсе не расположена къ воссоединенію съ римскою церковію,—уже по самому духу исключительности и привязанности къ своимъ строго опредѣленнымъ церковнымъ формамъ и «чистому ученію». Уже въ нынѣшнемъ году одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ дѣятелей этой партіи, Шталь, много писавшій и дѣйствовавшій (какъ членъ прусской камеры) въ ея пользу, незадолго предъ своею смертію говорилъ: «великій разрывъ (Bruch) XVI вѣка не только не приходитъ теперь къ концу, причины его не только не ослабли, но еслибы онъ не былъ уже сдѣланъ, то его должно было бы произвести теперь». Другое направленіе—раціоналистическое, хотя и не совершенно тожест-

венное съ направлениемъ того же имени въ концѣ прошлаго вѣка. Его представители (главные между ними—Бунзенъ и Бауръ, скончались въ прошломъ году) хотятъ, вопреки общимъ и существеннымъ преданіямъ христіанской церкви, совершенно новымъ способомъ изяснить происхождение христіанства и смыслъ самыхъ существенныхъ его ученій; изслѣдованіе первыхъ временъ церкви и критика св. канона составляютъ ихъ главное занятіе—въ связи съ отвлеченными теоріями, плодомъ пантеистическихъ философскихъ системъ, въ послѣднее время уже значительно ослабѣвшихъ въ своемъ вліяніи на умы. Ученые этого направленія однакожъ отнюдь не враждебны вообще къ христіанству и даже къ его исторіи, какъ нѣкоторые новѣйшіе писатели, которые, среди своихъ наблюденій надъ клѣточками животныхъ и растительныхъ организмовъ, забываютъ поближе наблюдать надъ необходимыми элементами и вѣчными потребностями челоуѣческаго духа, или, среди историческихъ изслѣдованій надъ земною корою, не имѣютъ времени и желанія внимательно прослѣдить исторію христіанской церкви, не останавливаясь на одной поверхности явленій и не основывая своихъ сужденій о его сущности на неполныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ, впечатлѣніяхъ, на обманчивыхъ аналогіяхъ, еще хуже—на непровѣренныхъ самостоятельно авторитетахъ; итъ, ученые этой школы—и ученость ихъ, по большей части, не повидному только, а дѣйствительно громадна—вовсе не матеріалисты, а, напротивъ, чрезмѣрные идеалисты, и враждебны собственно реакціонному направленію въ религіи. Но кромя этихъ двухъ партій есть еще третья, которая въ послѣднее время становится, по крайней мѣрѣ въ Германіи, болѣе и болѣе преобладающею: это партія протестантской уни. Ея взгляды, составляющіе сущность такъ называемаго «посред-

ствующаго богословія» (Vermittelungstheologie), кладутся теперь по мѣстамъ въ основу и новаго церковнаго устройства, что въ свою очередь не останется безъ вліянія и на ходъ догматическаго развитія протестантства. Эта партія отрицаетъ оба противоположныя направленія—реакціи и рационализма; но, такъ какъ эти направленія оба отправляются дѣйствительно отъ протестантскихъ началъ, заключающихъ въ себѣ двойство и внутреннее противорѣчіе; то она, хотя еще не сознается въ этомъ явно—*отрицаетъ* этия самымъ и самое протестантство. И если тѣ двѣ партіи, расходясь въ противоположныя стороны, между тѣмъ какъ однакожь основательно выдаютъ себя за поборниковъ протестантизма,—представляютъ его *разложеніе*, его внутреннее разрушеніе,—слѣдствіе начальной его несостоятельности: то эта третья партія есть живое выраженіе *исканій истины*; полной и чистой христіанской истины, которой, какъ съ теченіемъ времени естественно болѣе и болѣе обнаруживается, нѣтъ въ протестантизмѣ. Правда, ближайшія историческія преданія и предразсудки, поддерживаемыя отчасти извипительнымъ незнаніемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, самый патріотизмъ, который заставляетъ нѣмцевъ видѣть въ реформаціи одно изъ великихъ дѣлъ ихъ національности, непреходящую славу Германіи—все это, въ связн съ разными частнѣйшими обстоятельствами, доселѣ много мѣшаетъ протестантскимъ унионистамъ въ этомъ исканій истины; значительно лишаетъ его характера полной искренности и независимости. Но чѣмъ болѣе это направленіе будетъ противустоять двумъ другимъ, чѣмъ болѣе свободно будетъ относиться къ дѣйствительному ученію реформаторовъ XVI вѣка—хотя бы и подъ видомъ большаго «проникновенія» въ ихъ истинныя начала: тѣмъ болѣе должно оно приходить на этотъ пути, волею

или неволю, къ чистымъ истинамъ вселенскаго православія; и тѣмъ болѣе можетъ быть въ его приверженцахъ приемлемости къ нимъ искреннему, принятію,—когда они узнаютъ его не въ смутныхъ и частію невѣрныхъ очертаніяхъ, какъ знаютъ теперь, а въ его полною свѣтъ и жизненной силѣ. Задатки такого благотворнаго оборота дѣль есть уже и теперь.

Наиболѣе замѣчательныя богословскія сочиненія въ текущей протестантской литературѣ принадлежатъ именно этому направленію. Первое мѣсто между ними занимаетъ «Сущность протестантизма» (Wesen des Protestantismus) Шенкеля, профессора здѣшняго университета, директора семинаріи для проповѣдниковъ (здѣсь же) и перваго проповѣдника въ университетской церкви. Имя Шенкеля пользуется большою извѣстностію въ Германіи и даже внѣ ея по его довольно многочисленнымъ и частію обширнымъ (какъ его «Христіанская Догматика») богословскимъ трудамъ, по его журналу «Allgemeine kirchliche Zeitschrift», по его дѣятельному участию въ разныхъ большихъ церковныхъ сѣздахъ, а въ последнее время, сверхъ того, по дѣлу баденскаго церковнаго устройства, въ которомъ принадлежитъ ему самая значительная доля. Во всѣхъ этихъ сферахъ своей дѣятельности онъ неизмѣнно служитъ одной цѣли—протестантской униі, какъ оплоту отъ невѣрія съ одной стороны и папизма съ церковною реакціею вообще—съ другой. Той же цѣли служитъ и его новая книга. По названію, это второе изданіе его прежняго труда, изданнаго подъ тѣмъ же именемъ въ 1846 г.; но въ сущности это изданіе, «совершенно переработанное», представляетъ, можно сказать, новое сочиненіе. Правда, въ нѣмецкой литературѣ явленіе весьма рѣдкое, чтобы какой-нибудь ученый трудъ—богословскій не менѣе другихъ—явился въ новомъ изданіи

безъ тщательнаго пересмотра автора и переизвътъ, будетъ ли то второе изданіе или хоть десятое. Въ новомъ видѣ своею это сочиненіе имѣеть другой планъ и является въ *меньшемъ* объемѣ (въ одномъ томѣ вмѣсто трехъ); тогда какъ прежде авторъ имѣлъ въ виду самую разработку первыхъ источниковъ протестантскаго ученія, для которой въ то время почти ничего не было сдѣлано въ строго-научномъ отношеніи,—теперь онъ больше старается объ уясненіи ближайшихъ и дальнѣйшихъ результатовъ, какія по его мнѣнію даетъ, эта разработка. Все сочиненіе раздѣляется на три главныя части, соотвѣтственно тремъ кореннымъ идеямъ или лучше проблемамъ, какія авторъ видитъ въ протестантствѣ: истины, свободы и единства. Въ первой части рѣчь идетъ объ источникахъ истинной евангельской вѣры, по началамъ протестантства, и о самомъ ея содержаніи (Substanz). Здѣсь Шенкель не упускаетъ случая поговорить о совѣсти, какъ первомъ органѣ божественнаго откровенія; эта мысль, подробно развитая въ его *Догматикѣ*, представляется ему весьма важною для опредѣленія сущности самой религіи и, затѣмъ—для вѣрнаго метода въ богословской наукѣ, и на своихъ лекціяхъ онъ особенно часто обращается къ ней; противъ его взгляда съ одной стороны возставали, какъ противъ рационалистическаго, съ другой—какъ противъ односторонне мистическаго: знакъ, что онъ не принадлежитъ на самомъ дѣлѣ ни тому ни другому направленію. Правда, онъ придаетъ голосу совѣсти болѣе существенное, религіозно-психологическое значеніе, нежели сколько въ нѣкоторыхъ догматикахъ дается такъ-называемому «здравому смыслу» и его приговорамъ; но при этомъ онъ вовсе не хочетъ унижать достоинство въ дѣлѣ религіи Св. Писанія и вообще—откровенія Божія въ исторіи, а затѣмъ и достоинство церковнаго пре-

данія, которое впрочемъ поставляется у него въ связь съ религіознымъ сознаниемъ всего человѣчества. Что касается до реформаторовъ XVI вѣка, то признаніе религіознаго значенія совѣсти выступаетъ у нихъ, по мнѣнію Шенкеля, рѣшительно: эманципація совѣсти была ихъ первою заслугою; тѣмъ не менѣе это признаніе не выработалось до ясныхъ представленій, которыя бы перешли и къ ихъ послѣдователямъ. Еще менѣе опредѣлились ихъ убѣжденія касательно Св. Писанія и его отношенія къ церковному преданію,—если не останавливаться на нѣкоторыхъ частныхъ, повидимому недопускающихъ недоумѣній, мѣстахъ въ ихъ сочиненіяхъ; а брать во вниманіе и самыя практическія ихъ приемы. Вслѣдствіе этого и теперь «многіе протестанты не знаютъ, какъ имъ относиться къ Св. Писанію, и боятся при- дать ему то болѣе значенія, то менѣе, чѣмъ слѣдуетъ». Касательно самаго содержанія вѣроученія, Шенкель находитъ у реформаторовъ неудовлетворительными и ихъ ученіе о грѣхѣ, а слѣдовательно и объ искупленіи, и ихъ представле- ніе о лицѣ самого Богочеловѣка; въ томъ и другомъ видитъ онъ слѣды нѣкоторыхъ грубыхъ и одностороннихъ понятій средневѣковой схоластики. Во второй части (о свободѣ) излагается ученіе реформаторовъ о предопредѣленіи, которое у Шенкеля является въ видѣ болѣе смягченномъ, чѣмъ въ какомъ оно очевидно является въ реформатскихъ символахъ; потомъ—ученіе о вѣрѣ, какъ о средствѣ къ оправданію и это ученіе, какъ ни настаиваетъ онъ на «противоположность» его римско-католическому, представляетъ однако же гораздо болѣе близости къ этому послѣднему въ изложеніи Шенкеля, нежели у самихъ реформаторовъ; подобно всѣмъ уніонистамъ, онъ обвиняетъ ихъ и въ этомъ отношеніи въ недостаточной ясности, именно въ не всегда сильномъ «удареніи» (Betonung)

на мысль, что вѣра оправдывающая есть вѣра *живая*, тѣсно связанная съ дѣлами. Здѣсь же Шенкель возстаетъ противъ того «подчиненія вѣры богословію, которое вскорѣ замѣнило у протестантовъ католическое подчиненіе личной, свободной вѣры—іерархіи». Протестантизмъ, говоритъ онъ, изъ преслѣдуемаго вскорѣ превратился въ преслѣдователя; огонь любви охладѣлъ; «чистое ученіе» сдѣлалось новымъ кодексомъ закона; рабство духовенству замѣнилось деспотизмомъ ученыхъ богослововъ! Наконецъ, въ третьей части Шенкель разсуждаетъ о сущности, объ устройствѣ и о богослуженіи церкви, стараясь выяснить «единство»—третью главную идею протестанства; по его взгляду, оно должно образовать всемірную церковь и именно въ формѣ свободы, а не въ формѣ опеки надъ умами (Geiste) съ помощью «особенныхъ законовъ» (specifisch-gesetzlichen Bevormundung); но при этомъ онъ признаетъ, что устройство церковной жизни, согласное съ основными положеніями (Grundsätze) реформации доселѣ еще нигдѣ не являлось на дѣлѣ... Очевидно, сущность протестанства, которое такимъ образомъ представляетъ Шенкель, есть сущность протестанства не дѣйствительно существующаго, а идеальнаго, никогда еще несуществовавшего, т.-е., можно сказать, *вовсе не протестанства*... Безъ сомнѣнія, въ каждомъ вѣроисповѣданіи, какъ во всякомъ существующемъ въ дѣйствительности фактѣ, нужно отличать его внутреннія, существенныя, характеристическія начала отъ тѣхъ формъ, отъ тѣхъ частныхъ явленій, въ которыхъ эти начала не всегда чисто выражаются, завися отъ разныхъ временныхъ, мѣстныхъ и т. п. условій; и конечно несправедливо, наприимѣръ, по воззрѣніямъ, по нравамъ каждаго протестанта судить о самомъ этомъ вѣроисповѣданіи: люди часто хуже тѣхъ системъ, которыхъ они держатся, и

наоборотъ; но у Шенкеля его представленія о сущности протестантства на столько расходятся съ его дѣйствительнымъ, историческимъ выраженіемъ, что между первою и второю теряется почти всякая связь. Онъ самъ не можетъ не чувствовать этого, и потому-то «основныя идеи» протестантства у него превращаются въ «основныя проблемы», и «главная задача его труда, по его собственнымъ словамъ (Allg. kirchl. Zeitschrift, 1861, X), (есть—показать неудовлетворительность попытокъ, какія дѣлались къ рѣшенію этихъ проблемъ!» Но можетъ-быть, по его мнѣнію, эти проблемы наконецъ рѣшаются удовлетворительно современными унионистами? Напротивъ, вотъ что говорилъ онъ уже въ настоящемъ году (см. то же изданіе, кн. 1) объ этой партіи: «Ей недостаетъ отчетливо (scharf) выработанныхъ убѣжденій, твердыхъ научныхъ основоположеній, необходимой степени согласія въ отвѣтахъ на *коренныя вопросы* (Grundfragen),» и вообще онъ справедливо замѣчаетъ при этомъ, что «примирительныя (vermittelnden) направленія, какъ ни благотворно ихъ противодействие направленіямъ крайнимъ, одностороннимъ въ своей противоположности, какъ ни *возбудительно* онъ могутъ дѣйствовать на дальнѣйшее развитіе извѣстнаго дѣла,—въ дѣйствительности имѣютъ лишь *временную задачу, переходящее значеніе*». Вотъ ясный приговоръ не только всей партіи унионистовъ, но вмѣстѣ съ нею и всей «сущности протестантства», какъ она его понимаетъ!—Своими замѣчаніями мы вовсе не думаемъ унижать достоинство новаго труда извѣстнаго представителя этой партіи; напротивъ, независимо отъ своего ученаго значенія, онъ именно представляетъ образецъ наиболее важныхъ и плодотворныхъ сочиненій; подобныя-то сочиненія и доказываютъ, что чѣмъ болѣе богословы будутъ вникать вообще въ сущность своего вѣроисповѣданія, а не заниматься отры-

вочно разными частными вопросами, чѣмъ болѣе будутъ остонавливаться критически на основныхъ проблеммахъ его, вмѣсто того, чтобы, изъ тѣхъ или другихъ побужденій, восхвалять его и «защищать», съ пренебреженіемъ относясь къ другимъ вѣроисповѣданіямъ,—тѣмъ лучше будетъ въ интересѣ истины. Рѣже появляются подобныя сочиненія у католиковъ; и когда появляются, ихъ вліяніе значительно парализируется римскою куріей, которая съ своими ультрамонтанскими тенденціями сторожитъ всякое живое, независимое противъ нея сказанное слово, и хотя *не имѣетъ* возможности и *права* стѣснять самую свободу слова, вмѣсто критики отвѣчаетъ на подобное сочиненіе внесеніемъ его въ индексъ.

Другое замѣчательное явленіе въ текущей богословской литературѣ составляетъ «Христіанское правоученіе» (Christliche Sittenlehre) покойнаго тюбингенскаго профессора Хр. Фр. Шмида [Schmid.], изданное въ первый разъ по оставшимся послѣ него тетрадкама лекцій Геллеромъ. Этотъ обширный трудъ (814 страницъ убористаго шрифта) принадлежитъ также, по своему характеру, богословію уніонистовъ. Что это нравственное богословіе не есть сборникъ нравственныхъ правилъ, приведенныхъ въ нѣкоторый порядокъ, раздѣленныхъ и подраздѣленныхъ на разныя рубрики и подтвержденныхъ только ссылками на авторитетъ или «свидѣтельствами»,—это въ современной ученой литературѣ не представляетъ, конечно, ничего особеннаго; оно, говоря словами автора, «какъ наука, излагаетъ свои положенія во взаимной связи и сводитъ ихъ къ высшимъ началамъ (Gründe), такъ что представляетъ живую систему понятій, изложенныхъ отчетливо, доказательно при пособіи научнаго языка». Но нѣкоторымъ научнымъ требованіямъ это сочиненіе удовлетворяетъ съ особенною тщательностію. Въ введеніи предлагается между прочимъ обширное

разсужденіе о методѣ нравственнаго богословія въ связи съ богословскимъ методомъ вообще; современная наука, говорить авторъ, должна наконецъ окончательно и прямо рѣшить этотъ вопросъ, около котораго, въ послѣднемъ основаніи своемъ, вращаются всѣ споры о самыхъ принципахъ. Первымъ источникомъ богословія признаетъ онъ «факты субъективнаго сознанія, но сознанія христіанскаго», чѣмъ отличаетъ себя отъ рационалистовъ и, съ другой стороны, отъ приверженцевъ абстрактнаго суфранатурализма (тоже, что у Шенкеля совѣсть); эти факты должны повѣряться Св. Писаніемъ; но при этомъ нужно обращаться и къ церковному преданію; не обращать вниманія на послѣднее, есть дѣло «нехристіанское и вредное для самой науки» (*). Далѣе, во введеніи же, излагается довольно обстоятельно исторія нравственнаго богословія до реформации и послѣ нея, въ частности въ концѣ XVIII вѣка подъ вліяніемъ критической философіи, потомъ въ началѣ XIX вѣка и наконецъ новѣйшей; послѣднее отдѣленіе впрочемъ не совсѣмъ обработано. Самое «Нравоученіе» распадается на двѣ главныя части. Въ первой, «О христіански-добротѣ въ его всеобщности», сначала аналитически изслѣдуются элементы христіански добраго; это, со стороны субъективной нравственной способности (Anlage) чловѣка (чувство, воля, совѣсть и пр.),—все что образуетъ его нравственную

(*) Говоря при этомъ о своей церкви, Шмидъ между прочимъ замѣчаетъ (стр. 30): «Въ нашей церкви самосознаніе должно углубиться; она владѣетъ многимъ, чего ей нечего стыдиться, что служить къ ея чести, и что выяснитъ и приложить къ дѣлу теперь особенно нужно. Но съ другой стороны странно, почему бы одной церкви и не поучиться у другой, стоящей на одной съ нею почвѣ (авторъ разумѣетъ реформатскую); поучиться намъ есть чему, особенно на полѣ практической церковной жизни; уроки, полученные здѣсь, будутъ оказывать въ извѣстной мѣрѣ вліяніе и на область догматическую.»

личность; со стороны объективной—ветхозавѣтное и новозавѣтное домостроительство спасенія въ ихъ отличительныхъ свойствахъ и взаимной связи. Затѣмъ авторъ переходитъ къ синтетическому опредѣленію принципа христіанскаго добраго (о *возрожденіи*, о *смерти*) и затѣмъ трехъ главныхъ его формъ: долга (объективно-законъ), добродѣтели и самаго добраго дѣла (*Werk*). Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ не мало самостоятельности, и излагаются онѣ, не смотря на естественное обиліе научныхъ терминовъ, съ замѣчательною для нѣмецкаго писателя степенью ясности. Свободное, критическое отношеніе автора къ протестантскимъ ученіямъ обнаруживается уже въ самомъ началѣ этой части, гдѣ онъ подробно разсуждаетъ объ «исходномъ пунктѣ» нравственнаго богословія. Такимъ пунктомъ онъ признаетъ понятіе о христіанской жизни, какъ такой, которая состоитъ не въ спокойномъ созерцаніи, не въ неподвижныхъ (*ruhenden*) фактахъ сознанія, а въ постоянномъ самоопредѣленіи, въ волѣ и дѣйствованіи. Развивая это понятіе, онъ по необходимости долженъ былъ замѣтить, что реформаторы съ своимъ ученіемъ о едино-оправдывающей вѣрѣ оставили его въ тѣни и своимъ рѣзкимъ противоположеніемъ вѣры закону подали прямой поводъ къ извѣстнымъ теоретическимъ и практическимъ крайностямъ вскорѣ появившагося антиномизма, вовсе отвергавшаго законъ.—Во второй части, «о христіанскомъ добромъ въ его существенномъ обособленіи» авторъ сводитъ разные виды его къ тремъ главнымъ классамъ: христіанскому сыновству (*Kindschaft*), къ христіанской личности, отражающей въ себѣ образъ Христа, и къ христіанскому братскому общенію (*Brudergemeinschaft*). Въ послѣднемъ отдѣленіи, котораго части авторъ, къ сожалѣнію, не всѣ успѣлъ обработать, особенно замѣчательны статьи о государствѣ, гдѣ раз-

суждается и о значеніи національности, и послѣдняя— о церкви, гдѣ сравниваются отношенія между духовенствомъ и паствою у католиковъ и протестантовъ. Чтобы показать, какиихъ живыхъ вопросовъ касается по мѣстамъ авторъ, и какъ относится къ нимъ, согласно съ другими представителями богословія уніонистовъ,—мы приводимъ здѣсь страницу изъ главы «объ общественной добродѣтели христіанина», гдѣ идетъ рѣчь объ отношеніи христіанина къ свободѣ: «Что касается до внѣшней свободы, то христіанская любовь къ ближнимъ требуетъ свято блюсти ее въ себѣ (achten), какъ возможность (Fähigkeit) поступать согласно съ внутреннимъ убѣжденіемъ и безъ внѣшняго принужденія (zwanglos), чтобы такимъ образомъ развивая и употребляя свои силы, дѣйствовать правильно (ordnungsmässig) на другихъ и пользоваться плодами своей дѣятельности. Отсебѣ слѣдуетъ отрицательная обязанность не лишать свободы и другихъ и не ограничивать ее какимъ-нибудь образомъ, оскорбляющимъ чело-вѣческое достоинство. Поэтому должно считать дѣломъ грѣха (sündlich ist) ставить кого-нибудь въ положеніе рабства, крѣпостной зависимости (Leibeigenschaft), безусловной покорности, даже допускать кого-нибудь самому становиться въ подобныя отношенія. Въ Новомъ Заветѣ *андраподитатаи*—похищающіе людей (Menschenräuber), продающіе души (Seelenverkäufer), торговцы рабами—причисляются къ величайшимъ (grössten) преступникамъ (1 Тим. I, 10). Государства поэтому *обязаны* уничтожать крѣпостное право и рабство *безусловно*, равно и частныя лица *обязаны* содѣйствовать этому дѣлу освобожденія, или, если гдѣ это временно невозможно,—согласному съ чело-вѣческимъ достоинствомъ, полному любви и кротости пользованію подобнымъ правомъ (Ефес. VI, 9. Колосс. IV, 1),—своихъ же рабовъ или крѣпостныхъ во всякомъ случаѣ дѣ-

вать свободными (ср. Филип. 10—21, 1 Кор. VII, 21). Далѣе, и среди гражданскаго общества, которое по необходимости ведетъ къ нѣкоторому ограниченію свободы каждаго гражданина, это ограниченіе должно быть лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно нужно для дѣйствительныхъ правильныхъ цѣлей, для истиннаго благосостоянія государства, а не идти такъ далеко, чтобъ способствовать произволу и властолюбію однихъ классовъ въ отношеніи къ другимъ. Великій грѣхъ есть, въ частности, оскорбленіе свободы совѣсти въ другихъ, т. е. свободы ихъ слѣдовать собственному убѣжденію въ дѣлахъ религіи и нравственности и согласно съ нимъ дѣйствовать. Это есть священное право каждаго, и христіанину ясно виѣнено въ обязанность всегда поступать по внушенію собственной совѣсти (ср. Римл. XIV, 1. 3. 5. 12 f. 23 f.; 1 Тессал. V, 20), не стѣсняясь волею другихъ людей (Дѣян. V, 19 f.; 1 Кор. VII, 23: не бывайте раби челоувѣковъ); и Господь заповѣдалъ своимъ ученикамъ не переставать проповѣдывать Его ученіе, не смотря ни на какое запрещеніе со стороны власти (Obrigkeit) (Мате. X, 17—33, ср. Иоанн. XVI, 1—4; XV, 18. 20). Положительная обязанность христіанина въ этомъ отношеніи—заботиться о поддержаніи и утвержденіи надлежащей свободы; выполнять эту обязанность овъ можетъ чрезъ уясненіе и распространеніе правильныхъ христіанскихъ понятій объ обществѣ и его организаціи, особенно же о государствѣ, его устройствѣ (Verfassung) и предѣлахъ гражданскаго повиновенія, также о церкви, церковномъ порядкѣ и устройствѣ,—можетъ выполнять чрезъ серьезное уваженіе и добросовѣстное соблюденіе (существующихъ) государственныхъ законовъ, равно какъ чрезъ дѣятельное пособіе развитію полезныхъ учреждений,—можетъ, наконецъ, чрезъ отказъ, по чувству долга, слѣдовать требованіямъ, про-

тивныиъ закону и долгу. Впрочемъ не должно забывать (согласно съ положеніями, развитыми въ отдѣленіи о стремленіи къ независимости и о самообладаніи), что эта свобода не должна быть понимаема грубо, матеріально; иначе стремление къ ней превратится въ исканіе свободы, какъ произвола, не имѣющее нравственнаго достоинства и въ своемъ развитіи скоро забывающее о имѣвшихся въ началѣ въ виду идеальныхъ цѣляхъ (такое исканіе свободы, — частію, фанатизмомъ, который оно ведетъ за собою съ его гибельными слѣдствіями, — частію, заразительною силою, обыкновенною въ немъ, тѣмъ болѣе вызываетъ христіанской разсудительности и осторожности, чѣмъ болѣе такія стремленія обыкновенны въ извѣстное время (an der Tagesordnung sind). Только тамъ, гдѣ стремление къ своей и чужой свободѣ не преступаетъ границъ идеальныхъ цѣлей и христіанскаго духа, могутъ эти старанія сопровождаться дѣйствительнымъ и прочнымъ успѣхомъ; безъ этого условія, какъ извѣстно и по опытамъ, они ведутъ къ потерѣ свободы, вѣсть того, чтобы вести къ ея развитію.» (Chr. Sittenlehre, S. 759).

Занимаясь разработкою систематическихъ богословскихъ наукъ съ тою тщательностію, какой онѣ заслуживаютъ, нѣмецкіе богословы отнюдь не оставляютъ безъ вниманія и такъ-называемыя прикладныя науки или «богословіе практическое» въ разныхъ его отрасляхъ, и даже вспомога-тельные науки подвергаютъ самостоятельной обработкѣ. Въ этомъ родѣ замѣчательное явленіе представляетъ «Энциклопедія воспитанія и обученія» (Encyklopädie des gesammten Erziehungs und Unterrichtswesens), которой недавно вышелъ 2-й томъ. Это общій трудъ нѣсколькихъ педагоговъ (Schulmänner) и ученыхъ, въ числѣ ихъ — многихъ богослововъ, при главномъ содѣйствіи профессора богословія, Пальмера. Его особое сочиненіе «Евангельская педагогика» вышло также

недавно вторымъ изданіемъ. Основательное знакомство съ этою важною наукой протестантскіе богословы считаютъ необходимымъ для духовнаго,—равно какъ знакомство съ нѣкоторыми политико-экономическими предметами (вопросы о бѣдности, Armenwesen), съ медициною въ извѣстномъ объемѣ, особенно психической и, для сельскихъ духовныхъ, съ главными понятіями сельской экономіи. «Такъ какъ дѣятельность духовнаго, говоритъ Гагенбахъ въ своей «Богословской энциклопедіи» (§ 110), приводитъ его въ тѣсное соприкосновеніе съ различными областями жизни, то научное пониманіе этихъ различныхъ сферъ и вѣрный взглядъ на нихъ есть одна изъ *необходимыхъ* задачъ его. Онъ долженъ поэтому запасаться такими свѣденіями, которыя собственно лежатъ внѣ области богословскихъ наукъ, но имѣютъ близкое отношеніе къ ея практической дѣятельности.» Соответственно такимъ требованіямъ, въ Германіи давно уже существуетъ цѣлая литература медицины, приспособленная собственно къ дѣятельности духовныхъ (medicina clerica, Pastoralmedizin), также цѣлая и еще болѣе обширная литература христіанской благотворительности съ ея теоріею, исторіею и современными, чрезвычайно важными практическими задачами; христіанское попеченіе о больныхъ входитъ въ составъ самаго пастырскаго богословія, и служитъ предметомъ специальныхъ сочиненій; есть наконецъ руководства и къ сельскому хозяйству для духовныхъ (economia pastoralis), хотя для этой науки конечно никогда не существовало здѣсь особой кафедры. Но самое обширное развитіе принадлежитъ здѣсь литературѣ педагогикѣ. Новая энциклопедія, выходящая теперь, съ своей стороны вѣроятно не мало поможетъ дальнѣйшему ея развитію, и не только—массою новыхъ, современныхъ данныхъ, но и самымъ своимъ характеромъ. Не

смотря на частныя отъѣнки въ мнѣніяхъ ея сотрудниковъ, всё они, по замѣчанію одной церковной газеты (Allg. Kirchl. Zeit. № 87), сходятся въ одноѣ и главномъ: это духъ библейско-христіанскій, чуждый узкаго догматизма и конфессіонализма; «и пока такіе сильныя въ ученое мѣръ голоса будутъ раздаваться противъ рационалистическихъ, пелагианскихъ и идеалистическихъ заблужденій, какія распространяются нѣкоторыми педагогами, особенно между учителями народныхъ школъ, лишенными богословскаго образованія: дотолѣ можно надѣяться, что истина будетъ торжествовать и на этомъ важномъ полѣ.» Эта газета приглашаетъ духовныхъ обратить особенное вниманіе на новую энциклопедію и способствовать ея распространенію. Особенно обширны въ недавно вышедшемъ 2-мъ томѣ (отъ слова *direktor* до слова *globus*; всѣхъ томовъ будетъ до 6-ти) статьи о воспитаніи вообще (Erziehung) и—о Франціи въ педагогическомъ отношеніи, гдѣ обозрѣваются воспитательныя и учебныя заведенія этой страны и обсуживаются господствующія въ нихъ системы. Значительна также статья о пѣніи (Gesang), которое играетъ важную роль въ школахъ Германіи. Въ богословскомъ отношеніи важнѣйшія статьи этого тома: первородный грѣхъ (Erbsünde), свобода воли (Freiheit) и объ обязанностяхъ духовныхъ по отношенію къ воспитанію (Geistlichen); первая и третья В. Баура, вторая Ландерера; оба эти богослова принадлежатъ къ унионистамъ, и ихъ статьи тоже запечатлѣны свободнымъ, хотя и не рационалистическимъ, отношеніемъ къ протестантскому вѣроученію; напротивъ, показать важное значеніе въ педагогической теоріи и практикѣ положительно христіанскихъ началъ есть ихъ главная задача. Что касается до внѣшней формы этого труда, то извѣстно, что алфавитный порядокъ въ размѣщеніи статей и самое количество

сотрудниковъ, которое, въ случаѣ своей значительности, не легко соединяется съ единствомъ мнѣній, имѣютъ свои неудобства; но, съ другой стороны, и польза подобныхъ соединенныхъ работъ, при извѣстныхъ условіяхъ, несомнѣнна. Самое значительное явленіе въ этомъ родѣ представляетъ теперь: «Реальная энциклопедія для протестантской церкви и богословія», издаваемая при пособіи многочисленныхъ ученыхъ галльскимъ профессоромъ Герцогомъ. Она начала выходить съ 1854 года выпусками, которыхъ должно быть до 150, и теперь уже доведена до буквы Т; въ полномъ составѣ она представитъ 15 томовъ, до 800 стр. мелкаго шрифта въ большую 8-ю долю листа въ каждомъ. Говоря объ успѣхѣ этого громаднago предпріятія, одинъ французскій журналъ (*Nouvelle Revue de Theologie*, 1861, 1), полагаетъ его причину, кромѣ внутреннихъ достоинствъ изданія, въ томъ, что оно отвѣчаетъ потребности нѣмецкой богословской литературы, возникающей изъ самаго ея неизмѣримаго богатства. Чѣмъ богаче данными становится извѣстная наука, тѣмъ болѣе подраздѣляется на частныя вѣтви, слѣдить за которыми въ одинаковой мѣрѣ—для отдѣльнаго лица слишкомъ трудно: тогда-то энциклопедическія изданія дѣлаютъ общедоступными результаты науки во всей ея цѣлости (*ensemble*) и такимъ образомъ избавляютъ отъ нѣкотораго неудобства самаго богатства. У насъ, замѣчаетъ тотъ же журналъ, нечего заботиться объ облегченіи такого неудобства: у насъ хорошая энциклопедія могла бы, наоборотъ, заставить навремя забыть крайнюю скудость нашей богословской литературы, и дѣйствительно теперь предпринимается полезный переводъ на французскій языкъ энциклопедіи Вельцера и Вельте, болѣе обширной и научной, нежели богословскіе словари Бержье, Кальме и Миньи.

Какъ ни замѣчательны въ своемъ родѣ названныя нами новѣйшія явленія протестантской литературы въ Германіи, во едва ли не выше всѣхъ прочихъ, и по общимъ вопросамъ, и по современному интересу, должно поставить одно только-что вышедшее католическое сочиненіе. Это: «Церковь и церкви, папство и церковное государство» Дёллингера. Авторъ этой книги, профессоръ богословія въ мюнхенскомъ университетѣ, принадлежитъ къ числу ученѣйшихъ и даровитѣйшихъ писателей, какихъ только имѣетъ католицизмъ въ настоящее время. Его большіе печатные труды: «Преддверіе христіанства» (Vorhalle des Christenthums) или историческое введеніе къ исторіи церкви первыхъ вѣковъ и затѣмъ самая эта исторія (1860 г.), научною строгостію, глубокомысліемъ и благородствомъ самаго изложенія снискали ему уваженіе со стороны самихъ протестантскихъ ученыхъ, хотя его критика обыкновенно не щадитъ ихъ. Въ настоящемъ году приобрѣлъ онъ сверхъ того извѣстность и общественную, можно сказать—полуполитическую. Въ журналистикѣ не мало было говорено о его публичныхъ лекціяхъ въ Мюнхенѣ, на которыхъ онъ, сверхъ общаго ожиданія, говорилъ не въ пользу свѣтской власти папы; такъ что папскій нунцій, «почтившій» первую лекцію своимъ посѣщеніемъ, съ негодованіемъ ушелъ, не дождавшисъ ея конца. Лекція тѣмъ не менѣе были прочитаны всѣ (одно изъ доказательствъ относительной свободы католической литературы), но затѣмъ возбудили, особенно въ религіозныхъ органахъ, самыя разнообразныя сужденія и даже продолжительную полеміку. Самъ Дёллингеръ не вступалъ въ нее, храня полное молчаніе; и вотъ теперь, спустя пять мѣсяцевъ—лекціи были читаны въ апрѣлѣ—является, вмѣсто журнальной статьи, съ цѣлымъ обширнымъ сочиненіемъ. Въ большомъ предисловіи

онъ указываетъ связь этого сочиненія съ своими лекціями о папской власти и ясно высказываетъ свое мнѣніе о ней, и, къ новому удивленію многихъ, не совѣтъ такое, какое приписывалось ему въ журналистикѣ. «Лекціи мои, говоритъ онъ, были частію перетолкованы; полемика по поводу ихъ основывалась на недоразумѣніи; при настоящемъ положеніи Европы свѣтская власть папы необходима.» На такое неожиданное объявленіе нѣкоторые смотрятъ какъ на отреченіе Дёллингера отъ своего прежняго свободно-высказаннаго независимаго мнѣнія,—отреченіе, вынужденное римскою курією. Станнымъ представляется продолжавшееся доселѣ молчаніе его объ этомъ недоразумѣніи. Но если обратить вниманіе на самыя лекціи, въ первый разъ напечатанныя при этой же книгѣ (хотя въ сокращеніи, но безъ сомнѣнія не передѣланныя въ цѣломъ составѣ своемъ,) и потомъ на самое это новое сочиненіе, которое заключаетъ въ себѣ не много пріятнаго для римской куріи: то едва ли можно остановиться на такомъ взглядѣ. Молчаніе свое Дёллингеръ объясняетъ тѣмъ, что возникшая полемика была важна сама по себѣ, безъ отношенія къ его лицу, и онъ не считалъ нужнымъ осложнять ее такимъ частнымъ вопросомъ, какъ дѣйствительное содержаніе его лекцій; а во вторыхъ тѣмъ, что отъ движенія самыхъ событій ожидалъ, и, какъ полагаетъ теперь—не напрасно, большей убѣдительности своихъ рѣчей для своихъ противниковъ. Какъ бы то ни было, настоящій трудъ его заслуживаетъ полнаго вниманія, между прочимъ уже по замѣчательной, для католическаго писателя, свободѣ сужденій, обширности взгляда и спокойному, проникнутому чувствомъ широкой любви, тону. Приведемъ, въ сокращеніи, его слова прежде всего касательно главной идеи его труда—значенія свѣтской власти папы. «Сама въ себѣ и сама для себя

церковь можетъ существовать и безъ этой власти. (Länderbesitz). Въ теченіи семи вѣковъ она и существовала безъ нея. Но позднѣе, при измѣнившемся положеніи историческаго міра, эта власть сдѣлалась въ церкви необходимою, и, не смотря на все различіе обстоятельствъ, доселѣ въ большей части случаевъ выполняла свое назначеніе—служить основою независимости и свободы папъ. Пока существуетъ теперешнее устройство и положеніе Европы, мы не можемъ указать никакого другаго средства упрочить за папскимъ престоломъ независимость, а слѣдовательно и общее довѣріе, спокойствіе. Но Божія мудрость и сила плдутъ безконечно далѣе нашихъ соображеній и средствъ, и мы не можемъ этой силѣ положить свои границы,—этой мудрости сказать: такъ, а не иначе!» Деллингеръ вовсе не считаетъ невозможнымъ, что папа въ настоящее время лишится своихъ свѣтскихъ владѣній; иные католики убѣждены и торжественно заявляютъ, что только съ самою церковію падеть свѣтская власть папы; онъ не раздѣляетъ этаго мнѣнія; напротивъ, теперь еще болѣе, чѣмъ прежде онъ убѣжденъ въ неблагопріятномъ исходѣ для нея настоящаго кризиса. И самъ папа держится того же взгляда: «я не хочу себя обманывать. говорилъ онъ недавно одному французскому епископу: свѣтская власть должна пасть; Гой-онъ оставитъ меня безъ защиты, я распушу свои послѣднія войска; и если король (В. Эммануэль) вступитъ въ Римъ, я пораженъ его проклятіемъ и затѣмъ спокойно буду ожидать своей смерти.» Но если это совершится, то возможны будутъ три случая, изъ которыхъ безъ сомнѣнія одинъ какой нибудь осуществится на дѣлѣ. Или папа лишится своихъ владѣній только на время—и онъ снова, частію или вполнѣ, возвратится къ своему законному владѣтелю. Или Провидѣніе, неразгаданнымъ для насъ комбинаціями, приведетъ къ та-

кому положенію папскаго престола, при которомъ его независимость будетъ возможна и безъ настоящаго средства. Или, наконецъ, Европа приближается къ великимъ катастрофамъ, которыя ниспровергнутъ настоящее зданіе общественнаго порядка, и паденіе престола папскаго будетъ лишь ихъ предтечею, такъ сказать,—первою вѣстію, принесенною Юву. Дёллингеръ вѣроятнѣйшимъ изъ этихъ предположеній считаетъ первое, и основанія его выясняетъ въ своей книгѣ. О второмъ, какъ заключающемъ въ себѣ, такъ сказать, однѣ неизвѣстныя величины, онъ считаетъ излишнимъ говорить. Что касается до третьяго предположенія, то—«возможность его едва ли станетъ отрицать кто-нибудь изъ людей, внимательно наблюдающихъ «знаменія времени». Писалъ же одинъ изъ проницательнѣйшихъ историковъ и государственныхъ людей, Нибуръ, еще 5 октября 1830 года: если Богъ не поможетъ чудеснымъ образомъ, то намъ предстоитъ переворотъ, подобный тому, какой испыталъ некогда міръ римскій: уничтоженіе благосостоянія, свободы, образованія и науки. Съ тѣхъ поръ мы еще далѣе подвинулись по наклонному пути. Дёллингеръ ищетъ причинъ угрожающей опасности не тамъ, гдѣ слѣдуетъ; въ Европѣ, по его словамъ, господствуетъ теперь лишь право сильнаго; она отступилась отъ двухъ главныхъ столповъ своего зданія:—принциповъ легитимизма и международнаго права. Но его мысль во всякомъ случаѣ не вовсе теряется, не обращается упорно назадъ, къ прошедшему времени, какъ единственно свѣтлому и утѣшительному,—видитъ въ будущемъ не одинъ мракъ и погибель настоящаго порядка. «Есть ли это процессъ переобразования, мирнаго обновленія, что захватываетъ теперь всю Европу, или это процессъ разложенія? Я вѣрю, какъ сказалъ, больше въ первое; но допускаю возможность

и втораго. И если последнее справедливо, въ такомъ случаѣ, послѣ того какъ силы разрушенія окончатъ свое дѣло, дѣломъ церкви будетъ—тотчасъ же явиться для новаго, возникающаго изъ развалинъ, зданія общественнаго порядка силою скрѣпляющею и цивилизующею, дѣятельною представительницею нравственныхъ и религіозныхъ преданій. Виѣсть съ тѣмъ, прибавляетъ ученый католическій богословъ, в папству указанъ будетъ его долгъ, его историческая миссія,—остался ли при немъ свѣтскій владычій или нѣтъ,—все равно.» Будетъ ли это однакожъ то, что теперь ультрамонтаны называютъ папствомъ?.. Едва ли могутъ имъ нравиться пріямые слова Деллингера, что о свѣтской власти папы вовсе нельзя сказать, будто съ нею церковь «стоитъ и падаетъ», что эта власть совѣмъ не составляетъ чего нибудь существеннаго въ церкви, а только ея внѣшнюю принадлежность (Beigabe),—не цѣль, а средство,—что она получила начало довольно поздно, была прежде совѣмъ другою, чѣмъ теперь (etwas ganz anderes), и въ внѣшнемъ положеніи должна быть поддерживаема (конечно и это—отнюдь не аксіома!)—только пока продолжается теперешнее положеніе Европы; между тѣмъ весьма легко допустить возможность и такого порядка вещей въ Европѣ, при которомъ эта власть не только перестанетъ быть необходимою, но еще сдѣлалась бы силою, мѣшающею правильному движенію жизни—hemmende Last. Очевидно такимъ образомъ Деллингеръ правъ, говоря, что стоитъ за свѣтскую власть папы; но въ тоже время какъ отличны его мнѣнія отъ мнѣній разныхъ ультрамонтанскихъ прелатовъ, которые готовы думать, по его выраженію, что скорѣе небо и земля прейдутъ, чѣмъ папа лишится чего нибудь изъ своихъ владѣній отъ Чивита Веккіи до Равенны и отъ Радикофани до Чеперано! Вообще—ученый историкъ

и искренній христіанинъ борется въ немъ съ папистомъ. А единственно вѣрнаго исхода изъ этой борьбы онъ не видитъ. Уже не одинъ притѣрь былъ, какъ эта внутренняя борьба часто благороднѣйшихъ людей въ католицизмѣ оканчивалась для нихъ худымъ разрывомъ съ католицизмомъ. Одни, какъ Лашене, бросались въ крайнія философія и соціальныя ученія, въ которыхъ находили шайное согласіе съ Евангеліемъ и пишу своему энтузіазму; другіе принимали и принимаютъ самое протестанство со всеми его формами, или, по крайней мѣрѣ,—его принципы во всемъ ихъ одностороннемъ отличіи отъ католическихъ. Глубокая ученость и серьезный, спокойный взглядъ Деллингера предохраняютъ его отъ первой опасности; многостороннее и основательное знакомство съ протестантствомъ, особенно въ его современномъ положеніи, гарантируютъ его отъ второй. Ясныя доказательства того и другаго представляетъ и его новая книга; и она же, какъ нельзя яснѣе, представляетъ, что ученый авторъ знаетъ о православной восточной церкви только изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, останавливается на ея вѣдшности и безъ всякой критики принимаетъ ходячія одностороннія сужденія о ней, да и не имѣетъ средствъ къ этой критикѣ!

Соотвѣтственно самому заглавію, сочиненіе Деллингера раздѣляется на двѣ части. Въ первой онъ разсуждаетъ о вселенскомъ характерѣ христіанской церкви вообще (Catholicitat), потомъ обозрѣваетъ положеніе всѣхъ церквей, подчиненныхъ папскому престолу, съ разными ихъ мѣстными условіями и особенностями; затѣмъ переходитъ къ изображенію состоянія церквей не признающихъ папы, чтобы лучше «объяснить широкое значеніе папства.» Понятно, что такая *практическая* задача не остается безъ вліянія на представленіе фак-

товъ: авторъ заботится выставить на видъ особенно тѣ изъ нихъ, которые, по его мнѣнію, могутъ подтверждать мысль, что безъ папскаго единоначалія церковь необходимо приходитъ въ жалкое положеніе,—какъ будто вслѣдъ затѣмъ онъ не долженъ будетъ говорить жалкомъ состояніи Церковной Области, гдѣ это духовное единоначаліе является въ своей полной силѣ и независимости! Тѣмъ не менѣе и эта часть книги представляетъ не мало замѣчательнаго и по своимъ современнымъ статистическимъ даннымъ, и по многимъ мыслямъ самого автора. Сначала онъ говоритъ о церквяхъ греческой и русской, потомъ объ обществахъ протестантскихъ, и между прочимъ о церкви англѣканской, но всего болѣе останавливается на современномъ протестантствѣ въ Германіи, на его богословіи, культѣ и церковномъ устройствѣ; съ этихъ сторонъ впрочемъ обзрѣваются и всѣ другія церковныя общества. Отдѣльно отъ церкви константинопольской и другихъ трехъ патріархатовъ восточныхъ говорится о церкви въ королевствѣ греческомъ. До какой степени можно приписывать достовѣрность и научную цѣну изображенію ихъ состоянія у Дёллингера, можно судить по тому, что онъ основывается между прочимъ на сочиненіяхъ извѣстнаго Пиципіоса, отступника отъ этой церкви (вскорѣ послѣ сочиненія противъ восточной церкви съ точки зрѣнія іезуитовъ, писавшаго въ ея пользу противъ нихъ). О русской церкви авторъ по мѣстамъ какъ будто желаетъ говорить съ большимъ уваженіемъ; онъ признаетъ величіе самой націи, религіозность въ ея характерѣ; но затѣмъ основывается только на нѣкоторыхъ новѣйшихъ, доступныхъ ему по языку, сочиненіяхъ о Россіи, имѣвшихъ тѣ или другія побужденія останавливаться только на разныхъ, по мнѣнію ихъ авторовъ, темныхъ сторонахъ современной русской жизни, въ частности церковной; и все это съ его точки зрѣн

представляется ему въ видѣ и значенія еще преувеличенномъ. Въ русской церкви, говоритъ онъ напримѣръ (стр. 175), «нѣтъ не только соборовъ, не только съѣздовъ духовенства для совѣщаній (Conférenzen), но и никакихъ (!) средоточій церковнаго образованія, никакого общаго мнѣнія чрезъ органы церковной журналистики, никакого взаимодействія между паствою и клиромъ.» Мы однакожь расположены вѣрить, къ чести автора, что имъ водило при этомъ не слѣпое враждебное чувство къ православію; иначе это чувство сказалось бы въ самомъ тонѣ его изложенія; мы расположены вѣрить его словамъ, что хотя его отзывы о другихъ вѣроисповѣданіяхъ возбуждаютъ по всей вѣроятности болѣе или менѣе сильное противорѣчіе ему, онъ не хотѣлъ никого оскорблять, а говорилъ по убѣжденію, желая служить одной истинѣ. Конечно, можетъ казаться явленіемъ страннымъ это незнаніе восточной церкви и нежеланіе знать ее ближайшимъ образомъ у богослововъ и протестантскихъ и католическихъ, между тѣмъ какъ, тѣ и другіе въ подробности и точности знаютъ ученіе и состояніе какой-нибудь гностической школы во второмъ вѣкѣ, или какой-нибудь современной секты въ Америкѣ; тѣмъ не менѣе—должно признать это съ сожалѣніемъ—такое незнаніе существуетъ. Еще недавно одинъ изъ знаменитѣйшихъ историковъ и вмѣстѣ государственныхъ людей нашего вѣка торжественно развѣлъ этотъ фактъ въ своей новой книгѣ, обратившей на себя общее вниманіе. «О церкви восточной мы умалчиваемъ, говоритъ прямо Гизо въ своей «L'Eglise et la Société»,—потому что она намъ неизвѣстна!»

Въ отношеніи къ протестантству Дёллингеръ обнаруживаетъ близкое знакомство съ его исторіей и съ его настоящимъ богословіемъ, въ разныхъ его направленіяхъ и развѣт-

вленіяхъ, и съ его современными церковными дѣлами. Оттого и полемическія замѣчанія его противъ протестантскаго вѣроученія и вообще протестантскихъ принциповъ являются не борьбою съ призраками, столько же бесплодною, сколько и легкою, а дѣйствительно сильными ударами его противникамъ, и были бы конечно еще сильнѣе, еслибы по истѣстамъ не вредили имъ одностороннія начала самого католицизма. Онъ вовсе не унижаетъ свободной протестантской науки, не смотритъ на нее какъ на одно изъ золъ протестантизма, подобно инымъ поверхностнымъ и ультрамонтанскимъ писателямъ; напротивъ, въ ея естественныхъ результатахъ онъ видитъ могущественное пособіе желанному соединенію церквей. Это соединеніе онъ не считаетъ вѣроятнымъ въ настоящее время, однакожъ надѣется на него въ будущемъ, и полагаетъ, что общее социальное, политическое и религіозное движеніе современной исторіи облегчитъ его. Стоять вниманія нѣкоторыя частныя мысли его о соединеніи протестантовъ съ католическою церковію. Для Европы во всѣхъ сферахъ ея исторической жизни отъ такого соединенія произошли бы, по его мнѣнію, только самыя благодѣтельныя послѣдствія: настоящее раздѣленіе церквей есть состояніе ненормальное, и потому вредно въ отношеніи и къ религіозному развитію и къ общественному и государственному; въ немъ скрывается глубочайшій источникъ разныхъ современныхъ неустойчивъ, глухой и открытой борьбы разныхъ элементовъ, переворотовъ и крайнихъ реакцій. Но въ настоящее время всѣ вліятельнѣйшіе голоса въ протестантствѣ ни на какихъ ловіяхъ не хотятъ этого соединенія. И гораздо легче представить теперь соединеніе католической церкви съ восточною, которая стоитъ съ нею на одной почвѣ и опредѣленно организована; у протестантовъ *теперь нѣтъ общихъ* предста-

вителей, — есть только представители отдельных враждебныхъ партій, — нѣтъ, можно сказать, и общей почвы съ католиками: отвергая св. преданіе, они на основаніи одного Св. Писанія, признаваемаго ими «яснымъ и достаточнымъ», не могутъ однакожь достигнуть соглашенія между собою даже касательно важнѣйшихъ пунктовъ вѣры. Что касается до тѣхъ возраженій, до тѣхъ обвиненій, какія дѣлаютъ протестанты католической церкви, то «въ тѣ великіе дни, когда съ обѣихъ сторонъ созрѣетъ живое и глубокое убѣжденіе, что раздробленность христіанства, что нѣсколько непріязненныхъ церквей въ немъ — явленіе ненормальное, противное Божіей волѣ, что каждый, кто помогаетъ продлиться этому состоянію, понесетъ за то великую ответственность предъ Богомъ, — въ тѣ дни четыре пятыхъ изъ этихъ возраженій и обвиненій разсыятся сами собой, потому что четыре пятыхъ изъ нихъ (не всѣ однакоже!) основаны на недоразумѣніяхъ на логомахіи, или касаются разныхъ личныхъ и случайныхъ предметовъ, не имѣющихъ значенія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о принципахъ и догматахъ.» Въ эти дни, продолжаетъ Деллингеръ, значительная перемѣна послѣдуетъ и у католиковъ. Они не станутъ болѣе придавать много значенія нападеніямъ на личные недостатки Лютера и другихъ реформаторовъ. Въ частности духовные, помня о словахъ: *interfucite ergos, diligite homines* (поражайте заблужденія, но людей любите), будутъ постоянно относиться къ членамъ другихъ церквей съ любовью, и будутъ, слѣдовательно, предполагать у своихъ противниковъ вездѣ, гдѣ нѣтъ явныхъ доказательствъ противнаго, добросовѣстность, искреннее убѣжденіе, желаніе служить истинѣ и добру (*bona fides*). Они не станутъ забывать, что жесткими словами и оскорбительными нападеніями трудно убѣдить кого-нибудь и привлечь къ себѣ, а легко, напротивъ,

оттолкнуть и отъ себя, и отъ своего ученія. Они будутъ болѣе, чѣмъ теперь, остерегаться, согласно съ заповѣдію апостола (Рим. XIV, 13), подавать своимъ отторгшимся отъ единенія съ ними братьямъ поводъ къ соблазну и къ порицанію церкви. Они станутъ и въ народномъ воспитаніи, и въ церковной жизни дѣлать средоточіемъ и главнымъ предметомъ своихъ ученій и наставленій моренныя христіанскія истины и правила, не заслоня ихъ второстепенными, напротивъ, еще внушая народу, что эти послѣднія имѣютъ значеніе подчиненное, вспомогательное (*subsidiarisch*). Говоря такимъ образомъ, Дёллингеръ конечно исходитъ не изъ протестантскаго несостоятельнаго различенія догматовъ «существенныхъ» и «несущественныхъ», а имѣетъ въ виду *сущность*, такъ-сказать, внутреннее живое зерно *каждаго* догмата и *подробности* его развитія, его теоретическихъ формулированій, болѣе или менѣе частныя мнѣнія объ отдѣльныхъ его сторонахъ; тоже и касательно нравственныхъ правилъ жизни.... Пока же не настанетъ это время—возвращаемся къ словамъ Дёллингера—дотолъ долгъ католиковъ, по выраженію одного кардинала, «переносить бѣдствіе раздѣленія религіознаго (*Glaubensspaltung*) *въ духъ покаянія въ общей вины.*» Католическій писатель прямо выражаетъ мысль, что не однихъ протестантовъ должно винить въ ихъ отдѣленіи отъ церкви. «Церковь сама, въ своихъ членахъ и особенно ближайшихъ служителяхъ, подава къ этому поводъ, не предупредила его во время, не принимала противъ него въ должной мѣрѣ единственно дѣйствительныхъ мѣръ—любви и убѣжденій въ духѣ любви! Онъ видитъ въ этомъ плачевномъ событіи судъ Божій надъ обѣими сторонами; и, опять совершенно несходно съ разными ультрамонтанами, которые не видятъ въ реформациіи и ея слѣдствіяхъ ничего, кромѣ зла, онъ видитъ въ ней допущен-

ніе воли Божіей не только правосудной, но и благой. Великая борьба духовная двухъ вѣроисповѣданій очистила такъ сказать воздухъ, помогла человѣческому духу открыть новые пути, породила богатую умственную, научную жизнь. Протестантское богословіе съ своимъ духомъ неутонимаго изслѣдованія служило и для католическаго возбуждающею, вызывающею, оживительно-дѣйствующею силою; каждый изъ знаменитѣйшихъ католическихъ богослововъ Германіи, конечно, охотно сознается, что сочиненіямъ протестантскихъ ученыхъ онъ много обязанъ. Еще далѣе идетъ Дёллингеръ въ этихъ безпристрастныхъ заявленіяхъ. «Мы должны признать и то, говорить онъ, что въ нашей церкви доселѣ много злоупотребленій, много суевѣрнаго механизма и что служители церкви своимъ нерадѣніемъ и неразуміемъ (Unverstand), и народъ своимъ невѣденіемъ унижаютъ, искажаютъ, грубо понимаютъ и выполняютъ духовныя требованія вѣры и обращаютъ ихъ даже во вредъ себѣ и другимъ. Истинный здравый духъ преобразованій (reformatorischer) никогда не долженъ вовсе исчезать изъ церкви, напротивъ, по временамъ долженъ проявляться съ новою и обновляющею силою и завладѣвать сознаніемъ какъ клира, такъ и паствы. Мы не должны поэтому отказывать въ полномъ вниманіи и къ доходящему до насъ со стороны призыву къ покаянію, — мы должны строго испытывать дѣйствительное состояніе нашей церкви, обращать старательное вниманіе на тѣ стороны, какія въ ней подвергаются нападеніямъ и немедля заботиться объ исправленіи того, что въ нихъ нуждается въ исправленіи. Только при такомъ сознаніи, только при такой заботѣ возможно и плодотворно будетъ и желаемое соединеніе церковей.

Вѣрный такимъ убѣжденіямъ, Дёллингеръ во второй части своего сочиненія, о церковномъ государствѣ, представляетъ

это со всеми недостатками, какіе въ немъ находить. Описать болѣзненный процессъ въ государственной жизни Церковной Области, не опуская изъ виду ни одинъ изъ его симптомовъ,—это есть главная задача автора въ этой части книги. Причины этого болѣзненного и уже довольно давняго процесса скрывается, по его мнѣнію, во внутреннемъ противорѣчій, въ дисгармоніи—*учрежденій и состояній*. Учрежденія французскія стоятъ безъ связи, безъ перехода (*unvermittelt*), наравнѣ съ средневѣковыми іерархическими; изъ этихъ элементовъ ни одинъ не силенъ настолько, чтобы одолѣть другой; впрочемъ каждый изъ нихъ, если бы достигъ исключительнаго господства, послужилъ бы также только къ образованію новыхъ болѣзненныхъ формъ. Мы не будемъ слѣдить за талантливымъ и безпристрастнымъ авторомъ въ развитіи этихъ воззрѣній, за его очерками исторіи папскихъ владѣній, за его попытками, болѣе или менѣе состоятельными, хотя и одинаково искренними, оправдать образъ дѣйствій нынѣшняго папы, въ первые годы бывшаго другого реформъ. Это должно было бы повести насъ далеко, заставило бы входить въ подробности сколько интереснаго и поучительнаго, сколько же и многосложнаго предмета. Но для характеристики новаго труда Дёллингера и мнѣній этого современнаго католическаго богослова, мы приведемъ еще нѣсколько замѣчательныхъ словъ его вообще объ этой части его сочиненія. Многіе, безъ сомнѣнія, со стороны католиковъ, уже въ его лекціяхъ находили достойнымъ порицанія, что онъ открыто говоритъ о такихъ фактахъ, о такихъ событіяхъ и состояніяхъ, которыя охотнѣе оставляютъ въ сторонѣ, какъ будто бы ихъ и не было (игнорируютъ), или которыхъ касаются, если нельзя вовсе умолчать о нихъ, только вскользь; притомъ открыто и подробно говорить еще *въ такое время!*..

Его печатныя некроткія рѣчи о фактахъ этого рода, конечно, еще легче могутъ подать поводъ къ такимъ порицаніямъ; въ глазахъ ультрамонтановъ онѣ будутъ казаться дерзкими, будутъ казаться вредными. « Но во-первыхъ, если авторъ—говоритъ о себѣ Дёллингеръ, (и это безъ сомнѣнія можно прилагать не къ нему одному), если авторъ открыто обсуждаетъ факты, о которыхъ безъ того уже многіе судятъ и такъ много рѣчей въ современной прессѣ, если онъ срываетъ и безъ того уже очень прозрачный покровъ съ тѣхъ ранъ, которыя принадлежать не самой церкви, а только институту, оставшему въ тѣсную связь съ нею, и которыя потому причиняютъ и церкви страданіе: то онъ дѣлаетъ это по примѣру древнихъ друзей, служителей церкви, ея великихъ мужей, только для того чтобы сдѣлать яснѣе какъ необходимость, такъ и возможность исцѣленія; онъ дѣлаетъ это, чтобы отстранять, сколько отъ нея зависить, упрекъ служителямъ церкви, будто они видятъ лишь спицу въ чужихъ глазахъ, а въ своихъ и бревна не примѣчаютъ, и по узкому пристрастію стараются прикрыть, закрасить или вовсе отрицать то, что представляется неблаговиднымъ или дѣйствительно неблагопріятно для ихъ дѣла; онъ дѣлаетъ это, наконецъ, чтобы показать, какъ тамъ, гдѣ человѣческія силы къ исцѣленію зла очевидно недостаточны, открывается сила Божія, и отдѣляетъ на гумнѣ своею пшеницу отъ плевелъ, и сожигаетъ плевелы пламенемъ катастрофъ, которыя въ десницѣ Божіей въ одно время суть и проявленія суда и средства исцѣленія. Во вторыхъ, если я, уже какъ историкъ, не могъ изображать дѣйствій не восходя къ ихъ причинамъ, то, какъ всякій релігіозный изслѣдователь, долженъ былъ сверхъ того отъ наблюденія надъ событіями и движеніями человѣческой исторіи возвышаться до созерцаній, теодицей. Печальная судьба, тяготящая надъ

Церковною Областию, прежде всего должна быть почитаема, какъ дѣло воли Божіей, клонящейся ко благу церкви. Почитаемая такимъ образомъ, эта судьба есть испытаніе, которое будетъ продолжаться дотолъ, пока не будетъ достигнута цѣль, пока благо церкви не будетъ упрочено и съ этой стороны. Мнѣ кажется, что какъ вообще новый порядокъ вещей въ Европѣ лежитъ въ планахъ Провидѣнія, такъ въ частности и недуги церковнаго государства, которыми оно безспорно сильно страдаетъ вотъ уже полстолѣтія, и эти недуги—только трудный переходъ къ новой, лучшей жизни. Болѣзнь не безнадежна, не смертельна; это лишь *очищеніе*, како оно ни тяжело, какъ ни мучительно, какъ ни глубоко, до жозга костей проникаетъ: такіа очистительныя болѣзни всегда посылаетъ Богъ своимъ избраннымъ лицамъ и обществамъ (Instituten)! *Sanabilibus laboramus malis*—вотъ что хотѣлъ показать я, и для этого я долженъ былъ прослѣдить болѣзнь во всѣхъ ея причинахъ и симптомахъ.» Такой религіозный взглядъ автора, согласный съ великимъ, живымъ и сколько отраднымъ, столько же и поучительнымъ основнымъ воззрѣніемъ христіанства, по которому все въ мірѣ есть проявленіе благой и совершенной воли Божіей (положительно устрояющей или допускающей, но для окончательнаго торжества добра же, все совершающееся въ мірѣ), такой взглядъ вовсе не ведетъ его, какъ и не долженъ вести по своей сущности, ни къ теоретическому фатализму, ни къ практическому квиетизму. Мы видѣли, что въ самомъ великомъ раздѣленіи церковномъ въ эпоху реформацій, онъ признаетъ благое участіе Промысла, и въ то же время призываетъ обѣ стороны къ сознанию своей вины, въ то же время скорбять, не видя доселѣ достаточно-энергическаго, требующаго многихъ общихъ трудовъ, содѣйствія дѣлу соедине-

ніа. Провидѣніе и дѣла людскихъ страстей и несовершенство обращаетъ болѣе или менѣе въ орудіе умственного и нравственнаго усовершенствованія людей, и въ то же время, допуская проявляться естественнымъ слѣдствіямъ этихъ дѣлъ, ихъ тягестію, ихъ горечью побуждаетъ людей дѣятельнѣе искать выхода на прямой путь истины и добра, и не уклоняясь идти по немъ: вотъ истинная христіанская теодицея, которую разумѣть и Дёллингеръ! И онъ дѣйствительно, не ограничиваясь своими патологическими изслѣдованіями, указываетъ и средство помочь исцѣленію болѣзни, средство, находящееся совершенно въ людской власти. Что это за средство? «Вездѣ, говоритъ онъ, и всегда, когда въ церкви обнаруживались болѣзненные явленія, *однимъ путемъ былъ къ исцѣленію недуга. Это путь возбужденнаго, обновленнаго здраваго сознанія, общественнаго мнѣнія въ церкви.* Лучшая воля церковныхъ правителей и вождей не приведетъ къ исцѣленію, если она не имѣетъ опоры въ общемъ настроеніи, если не за нихъ голосъ какъ *всего духовенства, такъ и паствы.* Исцѣленіе великой церковной болѣзни XVI вѣка, истинная внутренняя реформація церкви (авторъ разумѣетъ тѣ, дѣйствительно значительныя преобразованія въ католицизмъ, которыя вызвало и въ его нѣдрахъ отдѣленіе протестантовъ), это исцѣленіе сдѣлалось только тогда возможнымъ, когда перестали скрывать существованіе недуга, перестали молчать о немъ, или слегка касаться его и когда въ церкви образовалось такое сильное общественное мнѣніе, что его вліянію не возможно было болѣе противустоять. *И теперь главное, что нужно намъ—это истина, полная истина.*»

Мы указали только нѣкоторыя замѣчательныя явленія въ текущей богословской литературѣ Германіи, которыя имѣютъ болѣе другихъ общее значеніе. Множество проповѣдей и отдѣльных и цѣлыми, иногда многотомными, сборниками,

проповѣдей, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются живостію содержанія и серьёзностію обработки, напр. проповѣди извѣстнаго полемика съ рационалистами Толюка или проповѣди Гофмана «О семействѣ и домашней жизни»; множество ученыхъ монографій, особенно историческихъ и истолковательныхъ; не малое количество брошюръ, касающихся разныхъ современныхъ церковныхъ дѣлъ въ Германіи, иногда довольно обширно обсуждающихъ предметъ; не малое количество новыхъ изданій разныхъ источниковъ и памятниковъ, почти всегда въ новой ученой обработкѣ (упомянемъ здѣсь о началѣ новаго великолѣпнаго изданія Библии, въ 50 выпускахъ, съ примѣчаніями для небогослововъ и съ рисунками, вновь сочиняемыми сообразно современному состоянію библейской археологіи); наконецъ значительное число религиозныхъ книгъ и брошюръ для дѣтей и для простаго народа, все это, помимо періодической литературы, идетъ обычнымъ чередомъ. Теперь, къ концу года, появляется еще множество календарей, особенно для народа, необыкновенно дешевыхъ (по 5, по 7 к. сер.), но тщательно составленныхъ, обыкновенно съ рисунками и потому распространяющихся сотнями тысячъ; въ прошломъ году, напримѣръ, одинъ историческій календарь для горожанъ и поселянъ разошелся въ 126 тысячъ экземпляровъ. Въ составленіи нѣкоторыхъ календарей не считаютъ для себя лишнимъ участвовать и ученые богословы, и это лучшіе календари, какъ издаваемый въ Берлинѣ Пиперомъ. Такъ отъ высоты серьёзной университетской науки духовная литература въ Германіи исходитъ или, точнѣе сказать, доходитъ до заботливаго удовлетворенія религиознымъ потребностямъ не только средняго класса общества, но и всеобщеграмотнаго здѣсь простаго народа.

Гейдельбергъ.
Декабрь 1861 г.

Н. Зайцевъ.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛІИ

ВЪ МИНУВШЕМЪ 1861 ГОДУ.

Англія, страна передовая по развитію политической и общественной жизни, заслуживаетъ вниманія и по своимъ церковно-религіознымъ явленіямъ. Благодаря здравому смыслу англичанъ и въ особенности глубоко укоренившемуся въ англійскомъ народѣ религіозному чувству, церковный бытъ Англіи въ его многообразныхъ проявленіяхъ представляетъ для православнаго читателя предметъ, не только интересный для любознательности, но и практически-важный. При живости своего религіознаго чувства, при общемъ сознаніи въ необходимости религіозныхъ основъ для жизни, англичане выражаютъ во внѣшнемъ практическомъ быту стремленіе приложить къ дѣлу спасительныя начала христіанства, — что, при современномъ положеніи религіозно-нравственной жизни нашего отечества, можетъ во многихъ отношеніяхъ служить для насъ *живыми образцами*, достойнымъ подражанія. Посмотримъ ли на тотъ огромный интересъ, па то повсюдное вниманіе, которымъ въ Англіи пользуются церковно-богословскіе вопросы, — обратимъ ли вниманіе на ту чрезвычайную дѣятельность, которая тамъ, особенно въ

теченіи послѣдняго времени развилась въ пользу улучшенія нравственнаго быта народа,—на разнообразныя средства, употребляемыя для религіознаго назиданія рабочихъ классовъ,—на основаніе особыхъ пріютовъ для нравственнаго и матеріальнаго спасенія бродягъ, нищихъ и безнравственныхъ женщинъ,—познакомимся ли, наконецъ, съ тѣмъ горячимъ участіемъ, которое литература, и въ особенности журналистика, принимаетъ въ дѣлѣ религіознаго уснѣха общества;—во всякомъ случаѣ мы не можемъ не замѣтить въ Англій повсюду признаковъ сильно пробужденной религіозной жизни. Но церковный бытъ Англій поучителенъ для насъ и въ другомъ отношеніи, — въ смыслѣ противоположномъ, *отрицательномъ*: въ самомъ дѣлѣ, недостатки протестантскихъ началъ, усвоенныхъ англиканскою церковью, нигдѣ, можетъ быть, не обнаруживаются такъ осязательно, какъ въ Англій, нигдѣ—по причинѣ энергіи церковной жизни англичанъ—не вызываютъ столько смуть, крайностей, недоумѣній и противорѣчій, какъ именно тамъ. Явленія этого рода опять поучительны для насъ, изобличая несостоятельность заманчиваго для многихъ протестантства, и вмѣстѣ побуждая насъ къ тому, чтобы болѣе сознательно цѣнить наше православіе и болѣе дорожить имъ, какъ единственно истиннымъ и прочнымъ началомъ религіознаго быта. Та и другая сторона церковной жизни англичанъ, свѣтлая и темная, такъ тѣсно соединены между собою, что почти каждое частное явленіе въ области современнаго религіознаго быта Англій носитъ на себѣ отпечатокъ и той и другой стороны.

Мы не намѣрены въ настоящемъ случаѣ представить полную картину религіозной жизни англичанъ: эта жизнь такъ сложна, такъ многогранна, что выполненіе подобной задачи повело бы насъ далеко за предѣлы обыкновенной журнальной статьи.

Мы желаемъ только познакомить читателя съ нѣкоторыми, наиболее выдающимися изъ тѣхъ церковныхъ явленій Англіи, которыя, относясь къ истекшему нынѣ году, по преимуществу могутъ характеризовать собою современное состояніе и движеніе религіозной жизни англичанъ.

Къ числу подобныхъ явленій надобно прежде всего отнести такъ-называемые «revivals» (возрожденія), пріобрѣвшіе обширное значеніе въ Англіи въ последнее время.

Первое явное обнаруженіе новыхъ «возрожденій» имѣло мѣсто въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, которые вообще представляютъ самую благоприятную почву для крайняго раскрытія протестантскаго начала личнаго вѣрованія, оторваннаго отъ живаго преданія, которое хранится въ церкви вселенской; при отсутствіи всякой господствующей или государственной церкви, здѣсь всякій религіозный экстазъ, всякая эксцентрическая выходка протестантской свободы можетъ проявляться съ собенною непринужденностію и съ полнымъ успѣхомъ. Обстоятельства, сопровождавшія начало американскихъ «возрожденій» таковы, что онѣ въ извѣстномъ отношеніи могутъ служить характеристикой религіознаго быта американцевъ; мы потому считаемъ не излишнимъ сообщить о нихъ нѣкоторыя подробности.

Въ августѣ 1857-го года одинъ купецъ, по имени Камфіеръ, (Camphier) пришелъ къ мысли открыть новыя молитвенныя собранія для пробужденія христіанскаго покаянія и упованія на Спасителя въ кувеческомъ и рабочемъ классахъ народонаселенія въ городѣ Нью-Йоркѣ. Камфіеру хотѣлось изобрѣсти какое-нибудь новое дѣйствительное средство для противоудѣствія тому невѣрію и растлѣнію нравовъ, которое распространялось въ массахъ нью-іоркскихъ жителей, преданныхъ коммерческимъ предпріятіямъ и корыстнымъ разче-

ташъ. Будучи по настроенію своему мистикомъ и думая непрерывно во время своихъ продолжительныхъ молитвенныхъ подвиговъ ощущать въ себѣ движеніе Божественной благодати, Камфіеръ восхотѣлъ пробудить подобныя же движенія въ своихъ согражданахъ. Съ этою цѣлію онъ печатно объявилъ о своемъ намереніи открыть новыя молитвенныя собранія въ одномъ небольшомъ помѣщеніи, принадлежащемъ голландско-реформатской общинѣ Нью-Йорка. Собранія эти, какъ гласило объявленіе, будутъ открыты для всякаго, желающаго принять въ нихъ участіе безъ различія вѣроисповѣданій; всѣмъ будетъ предоставлено равное право проповѣдывать въ собраніи, и также—оставлять собраніе, когда кому угодно; предметомъ занятій въ собраніяхъ будутъ: пѣніе священныхъ пѣсней, молитвы, краткія поученія, изъ которыхъ ни одно не должно продолжаться болѣе пяти минутъ; въ поученіяхъ должны быть предлагаемы исключительно только практическія христіанскія истины, могущія служить для пробужденія въ слушателяхъ нравственно-религіознаго чувства; что же касается до всего теоретическаго и, въ особенности, до догматическихъ разностей, отдѣляющихъ другъ отъ друга христіанскія общества: то о нихъ не должно быть рѣчи въ этихъ собраніяхъ, и всякая богословская полемика совершенно исключается. Въ этомъ объявленіи заключается какъ бы программа не только американскихъ, но и всѣхъ нынѣшнихъ англійскихъ собраній этого рода (revival-meetings).

Сначала Камфіеръ не имѣлъ особеннаго успѣха; въ первыхъ собраніяхъ его было не много присутствующихъ, но скоро общественное вниманіе обратилось на это новое явленіе, и съ каждымъ разомъ собранія Камфіера дѣлались болѣе и болѣе многочисленными. Появилось также не мало подражателей, которые, независимо отъ Камфіера, открыли

подобныя же собранія въ разныхъ частяхъ Нью-Йорка—въ частныхъ домахъ, въ храмахъ и въ гостинницахъ. Число этихъ собраній стало увеличиваться съ такою быстротою, что въ началѣ 1858-го года ихъ было уже болѣе 150-ти. Съ неменьшею скоростію тѣже явленія стали повторяться по многимъ другимъ городамъ и селамъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Люди всѣхъ сословій принимали участіе въ новыхъ молитвенныхъ собраніяхъ и утверждали, что они тамъ обрѣли благодать Господню и обратились на путь добра. Въ самыхъ собраніяхъ можно было видѣть, наприм., купцовъ, съ сокрушеніемъ въ сердцахъ возвращавшихъ незаконно усвоенное ими чужое добро,—воровъ, добровольно вызывавшихся отдать украденное и приносившихъ публичное покаяніе въ совершенныхъ ими, прежде преступленіяхъ; почти всякій спѣшилъ среди сильнаго сердечнаго сокрушенія исповѣдывать свои грѣхи и вмѣстѣ—свою рѣшимость впредь вести лучшую жизнь, думая въ тоже время ощущать въ себѣ движеніе внутренне возрождающаго его Божественнаго Духа. Наряду съ этими отрадными сторонами начавшихся «revivals», собранія эти представляли также нерѣдко зрѣлище подобныхъ же проявленій болѣзненнаго религіознаго экстаза, которыя въ свое время сопровождали въ Англіи начало квакерства, методизма и привигіанства: обмороки, разныя конвульсивныя движенія и неестественныя крики слѣдовали здѣсь нерѣдко за произнесеніемъ сильныхъ восторженныхъ проповѣдей новыхъ реформаторовъ общественной нравственности; особенно подвержены подобнымъ припадкамъ женщины,—онѣ во множествѣ принимали участіе въ описываемыхъ нами собраніяхъ.

Едва только извѣстіе объ этихъ движеніяхъ американскихъ протестантовъ дошло до Англіи, какъ въ этой по-

слѣдней начались подобныя же явленія съ тѣми же характеристическими чертами и послѣдствіями. Постепенно усиливаясь, эти англійскіе «revivals» пріобрѣли въ теченіи истекшаго года такое обширное вліяніе на религіозно-нравственную жизнь англійскаго народа, что они по справедливости могутъ быть причислены къ явленію первостепенной важности въ области современнаго намъ западнаго христіанства. При существующей въ Англіи противоположности между «высокою» и «низкою» церквами, естественно было приверженцамъ послѣдней принять преимущественное участіе въ движеніяхъ этого рода. Благотворное для вѣры и нравственности вліяніе распространившихся въ Англіи «revivals» на массу народонаселенія такъ ощутительно, что даже многіе изъ епископовъ англиканской церкви объявили себя въ пользу этихъ «возрожденій», хотя они, по своимъ строго-церковнымъ началамъ, вообще не могутъ смотрѣть снисходительно на подобныя произвольныя движенія въ народѣ, не авторизованныя церковною властію. Въ протестантскомъ мірѣ многіе хотятъ въ «revivals» видѣть новое живительное для вѣры обнаруженіе вѣянія Божественнаго Духа (*). Чтò касается до насъ, православныхъ,—то мы конечно должны признать зтотъ путь обращенія къ Богу неестественнымъ и не имѣющимъ характера истинно христіанскаго преуспѣянія. Всѣ англійскія и американскія «возрожденія» скорѣе похожи на лихорадочную одышку больнаго организма, чѣмъ

(*) Весьма вѣрно и точно взглядъ большинства протестантовъ на описываемыя нами явленія выражень въ рѣчи, сказанной объ этомъ предметѣ въ общемъ собраніи евангелическаго союза въ Берлинѣ въ 1860-мъ году. Рѣчь эта напечатана въ «Evangelische Kirchenzeitung» ч. Hengstenberg, за 1860, № № 29, 30.

на правильное дыханіе здороваго. Болѣзненная ненормальность англійскихъ «revivals» донинѣ обнаруживается въ производимыхъ ими страшныхъ и вычурныхъ явленіяхъ: рѣдкое собраніе этого рода обходится безъ паденія нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ, какъ-бы пораженныхъ ударомъ или падучею болѣзнію, и безъ конвульсій разнообразнаго свойства и вида. Все это возбуждаетъ у многихъ изъ самихъ англичанъ серьезныя опасенія. Разные врачи, занимавшіеся изслѣдованіемъ этихъ явленій, признали ихъ слѣдствіемъ сильнаго сжатія сердца, которое, въ свою очередь, происходитъ изъ чрезвычайной напряженности нервовъ и глубокаго нравственнаго потрясенія, пробуждаемаго въ впечатлительныхъ слушателяхъ народными ораторами этихъ собраній. При совершенной свободѣ отъ всякихъ церковныхъ формъ, англійскіе «revivals» принимаютъ также не рѣдко буйный и въ высшей степени предосудительный характеръ. Такъ, на примѣръ, въ началѣ минувшаго года было большое собраніе этого рода (revival-meeting) въ Эксетеръ-Галлѣ (Exeter-Hall) подъ управленіемъ одного боксера по имени Виверъ (Weaver). Въ этомъ собраніи Виверъ сначала спѣлъ какую-то пѣснь, потомъ онъ сказалъ нѣчто въ родѣ проповѣди, въ которой ему хотѣлось доказать ту общую мысль, что «великое дѣло домостроительства нашего спасенія не есть пустая мечта». По окончаніи своей длинной, безсвязной и крикливой рѣчи, Виверъ предложилъ всѣмъ присутствовавшимъ подавать голоса для рѣшенія вопроса, можетъ ли Иисусъ Христосъ искупить насъ, или нѣтъ. Большинство слушателей рѣшило предложенный вопросъ утвердительно; многія изъ женщинъ лишились при этомъ случая чувствъ. Затѣмъ Виверъ, въ знакъ торжества вѣры надъ невѣріемъ, заключилъ свое «назидательное» собраніе веселою мелодіею.

Не смотря на всю вычурность и странность подобныхъ обнаруженій религіозной жизни, мы не можемъ однакоже не видѣть въ англійскихъ «revivals» много добраго, если будемъ судить по ихъ плодамъ: храмы до чрезвычайности наполняются народомъ и по воскресеньямъ не пустѣютъ въ теченіи цѣлаго дня; въ массѣ народа повсюду обнаруживается новая пробужденность религіознаго чувства,—большая живость Вѣры и ревность по благочестію. Для той же цѣли—возрожденія народа—*уличныя проповѣди* имѣютъ мѣсто почти во всѣхъ городахъ Англій, и также много способствуютъ пробужденію религіознаго духа; на площадяхъ и въ общественныхъ паркахъ, на улицахъ и крышахъ домовъ являются—большою частію изъ среды самаго народа—проповѣдники покаянія и обращенія ко Христу; около нихъ собирается толпа изъ прохожихъ, которые съ большимъ или меньшимъ сочувствіемъ прислушиваются къ словамъ импровизированнаго оратора,—и все это представляетъ собою зрѣлище въ высшей степени странное для человѣка, не привыкшаго къ формамъ англійской церковной жизни. Если, наприимѣръ, въ воскресный день пройти черезъ Гайдъ-паркъ въ Лондонѣ, то можно видѣть на разныхъ мѣстахъ, въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи, толпы народа, которыя въ глубокомъ молчаніи окружаютъ какихъ-нибудь народныхъ ораторовъ; эти послѣдніе, вставши на скамейку, камень или какое-нибудь другое возвышеніе, проповѣдуютъ простымъ, но сильнымъ и понятнымъ для народа языкомъ, о той или другой нравственной христіанской истинѣ. Естественно, что, при такомъ порядкѣ вещей, дѣло не всегда обходится безъ разныхъ эксцентрическихъ выходовъ, но тѣмъ не менѣе польза отъ этого для народа чувствуется, какъ мы сказали, значительная и несомнѣнная.

Для народныхъ проповѣдей и «возрожденій» употребляются даже *театры*. Такъ какъ у англичанъ никогда по воскресеньямъ не бываетъ театральныхъ представленій, то ревнители «возрожденій» получили позволеніе пользоваться въ воскресные дни зданіями театровъ для своихъ цѣлей. Въ настоящее время въ шести изъ театровъ Лондона произносятся въ каждое воскресенье проповѣди вечеромъ предъ многочисленною толпою слушателей (*). Для народныхъ проповѣдей и «возрожденій» пользуются также другими публичными зданіями, и вообще въ настоящее время мы встречаемъ очень много извѣстій о религіозныхъ митингахъ и народныхъ проповѣдяхъ,—особенно изъ Лондона. Къ числу замѣчательныхъ явленій этого рода принадлежать также «полунощныя лондонскія собранія» для обращенія распутныхъ женщинъ; судя по извѣстіямъ, мы можемъ сказать, что эти собранія также не остаются безплодными.

Изъ Англій всѣ подобныя явленія успѣли распространиться даже по Ирландіи между римско-католическиихъ народонаселеніемъ этого острова, не смотря на бдительный над-

(*) Мысль воспользоваться театральными зданіями для описываемыхъ нами религіозныхъ движеній перешла, подобно самымъ этимъ движеніямъ, изъ Америки. Въ Нью-Йоркѣ одно зданіе, бывшее нѣкогда мѣстомъ молитвенныхъ собраній реформатовъ, было въ послѣдствіи отдано въ наемъ труппѣ актеровъ и превращено въ театръ. Когда въ 1858-мъ году новыя «возрожденія» быстро стали распространять свое вліяніе на народонаселеніе города, то нѣкоторые изъ «возрожденныхъ» вспомнили о прежнемъ назначеніи этого зданія и собрали деньги, чтобы приобрѣсти его и вновь посвятить религіозной цѣли. Это намѣреніе было исполнено, и 22-го марта 1858-го года на стѣнахъ театра рисовались рядомъ два явленія, изъ которыхъ одно доводило до свѣденія публики о послѣднемъ представленіи въ театрѣ Буртона вечеромъ того же дня; а другое—о первомъ молитвенномъ собраніи въ *бышемъ* театрѣ Буртона на другой день въ 12 часовъ утра.

зоръ католическаго духовенства. Подобныя же движенія повторяются въ Шотландіи и перешли также на континентъ Европы, какъ это между прочимъ видно изъ событій, недавно совершившихся въ Эльберфельдъ (*).

На ряду съ указанными явленіями, по преимуществу вытекающими изъ началъ и духа евангелической пли, точнѣе, строго-протестантской партіи (иначе называемой «низкою церковью»), религіозная жизнь Англій представляетъ намъ, также въ теченіи минувшаго года, рядъ явленій другаго рода. зависящихъ отъ характера и направленія строго-церковной

(*) Смотр. „Христ. Чтеніе“ за мартъ 1861 г.—Здѣсь мы не можемъ обойти ту строгость, съ какою въ Англій празднуется воскресный день. Что бы иностранцы ни говорили о педантизмѣ и іуданизмѣ англичанъ въ этомъ отношеніи, нельзя однако же не сказать, что—въ существѣ дѣла—образъ празднованія воскреснаго дня у англичанъ составляетъ явленіе похвальное и достойное подражанія. Никакія общественныя увеселенія, никакія обыкновенныя гражданскія занятія не имѣютъ тамъ мѣста въ воскресенье; никакая торговля не производится, развѣ только самыми необходимыми съѣстными припасами. Въмѣсто обычнаго шума и суеты наступаетъ въ воскресное утро по всѣмъ городамъ Англій торжественная тишина, нарушаемая только колокольнымъ звономъ, который призываетъ всѣхъ на молитву. Но подъ вліяніемъ новыхъ „возрожденій“ эта сама по себѣ весьма похвальная строгость въ празднованіи воскресныхъ дней доходитъ нынѣ въ разныхъ мѣстахъ до крайностей странныхъ и даже смѣшныхъ. Такъ, напр., цирюльники города Бристоля держали очень шумный митингъ для рѣшенія вопроса, не грѣшно ли имъ заниматься своимъ ремесломъ по воскресеньямъ. Въ г. Глазговѣ, въ Шотландіи, городское правительство получило отъ жителей города множество прошеній о томъ, чтобы запрещено было въ воскресные дни продавать молоко, такъ какъ это было нарушеніемъ святости дня Господня и потому дѣломъ „богохульнымъ“. Подъ вліяніемъ подобнаго же преувеличеннаго понятія о празднованіи воскресенья, начальство Британскаго Музеума въ Лондонѣ положило нынѣ большинствомъ 19-ти голосовъ противъ одного—не открывать Музеума для публики въ послѣобѣденные часы воскресныхъ дней, какъ это было прежде.

партіи (high-Church, высокая церковь). Будучи—въ противоположность евангеликамъ—проникнуты главнымъ образомъ мыслию о необходимости точныхъ церковныхъ формъ и, въ особенности—законной церковной іерѳхіи, многіе изъ членовъ этой партіи обнаруживаютъ явную склонность къ католицизму или даже прямо переходятъ въ лоно римской церкви. Ушныя и дѣятельныя пропагандисты римско-католическаго ученія не опускаютъ, разумѣется, случая воспользоваться такимъ благопріятнымъ для нихъ настроеніемъ умовъ; а явный успѣхъ ихъ усилій въ этомъ отношеніи—воодушевляетъ ихъ новою ревностію и питаетъ въ нихъ надежду на будущее полное торжество католичества надъ англійскимъ протестантствомъ. Кардиналъ Виземаннъ (Wisemann), даровитая и дѣятельная глава англійскаго католицизма, имѣетъ по всей Великобританіи многочисленныхъ друзей и помощниковъ въ дѣлѣ распространенія римскаго ученія между англійскими протестантами. О намѣреніяхъ и надеждахъ этого представителя римской церкви можно судить по слѣдующимъ словамъ, сказаннымъ имъ недавно въ одномъ изъ церковныхъ собраній англійскихъ папистовъ: «Ни въ одной странѣ», говорилъ Виземаннъ, «намъ не предстоитъ такъ много дѣла, и, можетъ-быть, вмѣстѣ—такъ много страданій, какъ здѣсь. Я не скажу слишкомъ много, утверждая, что наша задача заключается въ томъ, чтобы совершенно побѣдить и подчинить себѣ господствующую здѣсь церковь (т. е. епископальную и протестантскую). Намъ при этомъ придется бороться съ волею народа, который нынѣ также владычествуетъ надъ міромъ, какъ нѣкогда владычествовалъ надъ нимъ древній Римъ; намъ же нужно склонить эту волю, непобѣдимую для царей и народовъ.» Эти завоевательные замыслы кардинала Виземанна находятъ себѣ, какъ сказано, опору въ современ-

номъ внутреннемъ состояніи «высокой» церкви и особенно пьюэентовъ. Независимо отъ частыхъ обращеній въ католичество, встрѣчающихся въ нѣдрахъ этой партіи, есть множество другихъ явленій, которыя ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ велико сочувствіе къ религіознымъ формамъ римской церкви у многихъ изъ строго-церковныхъ протестантовъ Англій и даже въ нѣдрахъ самого духовенства. Такъ, напримѣръ, недавно обращалъ на себя много вниманія слѣдующій случай: пасторъ одной изъ протестантскихъ церквей Лондона, «St. Georg in the East», началъ съ нѣкотораго времени вводить при богослуженіи разные римско-католическіе обряды, равно какъ употребленіе римскихъ облаченій вопреки желанію большинства своихъ прихожанъ. Слѣдствіемъ этого были сильныя беспорядки и волненія въ церкви. Пасторъ съ своей стороны хотѣлъ возстановить порядокъ при богослуженіи помощью полицейской власти, но отъ этого волненіе въ народѣ, разумѣется, только еще болѣе усилилось. По послѣднимъ извѣстіямъ, эти волненія теперь прекратились, такъ какъ помянутый пасторъ на время удаленъ изъ Лондона. Подобныя уклоненія пасторовъ отъ обрядовъ и обычаевъ англиканской церкви подаютъ нерѣдко поводъ къ продолжительнымъ и упорнымъ движеніямъ тѣмъ болѣе, что, по существующимъ въ Англій церковнымъ законамъ, мѣстный епископъ имѣетъ право вмѣшиваться въ образъ дѣйствій подчиненныхъ ему пасторовъ не иначе, какъ заводя съ ними процессы, исходъ которыхъ всегда бываетъ болѣе или менѣе сомнителенъ. Бываютъ случаи, что даже сами епископы «высокой» церкви, будучи преданы пьюэнизму, мало по малу переходятъ къ совершенному усвоенію католическихъ началъ; въ этомъ недавно, напр., обвинили епископа Брехлинскаго, но, при отсутствіи явныхъ уликъ, онъ успѣлъ

скоро освободиться отъ дальнѣйшихъ обвиненій и взысканій. Англо-каѳолическая партія (пьюэенты) вообще нынѣ чувствуетъ себя столь сильною, что она уже замышляетъ распространять свое ученіе по другимъ странамъ Западной Европы и особенно въ Италіи; со этою цѣлію пьюэенты образовали нѣсколько новыхъ обществъ.

Обширная жатва, собираемая умнымъ кардиналомъ Виземаномъ и его сподвижниками для римской церкви на почвѣ пьюэизма, равно какъ вообще склонность многихъ гай-чѣрчменовъ (высоко-церковныхъ) къ католическимъ обрядамъ, возбуждаетъ опасенія и противодѣйствіе со стороны другихъ членовъ «высокой» церкви и подаетъ поводъ къ появленію у нихъ новыхъ раздѣленій и партій. Такъ одни изъ членовъ «высокой» церкви видятъ причину склонности многихъ изъ своихъ единовѣрцевъ къ католицизму въ недостаткахъ и неудовлетворительности существующаго у нихъ чина богослуженія (— Common-Prayer-Book). Подъ вліяніемъ этой мысли 460 духовныхъ лицъ епископальной церкви обратились къ королевѣ съ просьбою о новомъ пересмотрѣ и исправленіи чина общественныхъ молитвъ и богослуженія, примѣнительно къ потребностямъ времени; подобное же предложеніе было сдѣлано и парламенту. Съ другой стороны—какъ выраженіе того же противодѣйствія склонности многихъ къ католичеству—нынѣ начинаютъ чаще и чаще раздаваться голоса болѣе для насъ близкіе и утѣшительные: многіе изъ членовъ «высокой» церкви, будучи, вѣстѣ со всею этою партіею, проникнуты сознаніемъ необходимости возстановленія церковнаго авторитета и истинныхъ церковныхъ преданій, сознаютъ однако несправедливость римскихъ притязаній на главенство папы и незаконность многихъ папскихъ нововведеній; они видятъ также безсиліе попытокъ тѣхъ, кото-

рые, безъ связи съ какими-либо изъ истинно древнихъ христіанскихъ церквей, хотятъ возстановить прочія начала церковной жизни при помощи исправленія «Common Prayer Book» и другихъ подобныхъ мѣръ;—и вотъ, естественно, глаза этихъ лицъ обращаются на православный востокъ, и устно и письменно выражается у многихъ желаніе сблизиться съ тою церковію, которая донинѣ—по духу и содержанію своего устройства и ученія—остается равно чуждою какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ крайностей. Начиная знакомиться съ нашею восточною церковью, многіе изъ англичанъ, члены «высоко-церковной» партіи, приходятъ нынѣ съ большею и большею ясностію къ тому истинному заключенію, что не безжизненная мертвенность и неподвижность (какъ часто думаютъ на Западѣ), а истинная вѣрность въ неизмѣнномъ сохраненіи апостольскаго наслѣдія составляетъ характеристическую черту нашей церкви—сравнительно съ западными христіанскими обществами. Эти лица понемногу доходятъ до сознанія, что не въ деспотическомъ единовластительствѣ папы и не въ анархіи протестантовъ заключается начало для устройства церковнаго общества согласно съ чистымъ ученіемъ Спасителя и съ примѣромъ церкви первенствующей; они видятъ, что это начало должно быть—не создаваемо ими вновь, а приорически,—а усваиваемо чрезъ сближенія съ тою церковію, у которой оно донинѣ остается неизмѣннымъ. Правда, число такихъ людей еще не довольно велико, чтобы можно было въ строгомъ смыслѣ называть ихъ «партіею»;—голоса ихъ раздаются еще одиноко и являются слабыми, сравнительно съ возгласами тѣхъ, которые желаютъ возстановить церковный авторитетъ либо на началахъ римскихъ, либо, безъ сближенія съ другими христіанскими обществами, чрезъ одно исправленіе своихъ собственныхъ каноническихъ и

церковныхъ постановленій. Но тѣмъ не менѣе для насъ важно и утѣшительно уже и то, что есть лица—безъ всякаго содѣйствія съ нашей стороны, путемъ собственныхъ безпристрастныхъ научныхъ изслѣдованій доходящіе нынѣ до убѣжденія въ правотѣ нашей вѣры и каноническаго устройства нашей св. церкви. Эти лица, притомъ, разными средствами стараются возбуждать вниманіе и сочувствіе своихъ единовѣрцевъ къ восточной церкви, и такимъ образомъ мало по малу готовятъ почву для усвоенія православныхъ началъ церковной жизни среди своихъ соотечественниковъ. Если прослѣдить, какиимъ путемъ у англичанъ развивается это расположеніе къ православію, то не трудно будетъ замѣтить, что въ основаніи того предпочтенія, которое извѣстныя лица отдають восточной церкви предъ западною римскою, лежатъ главнымъ образомъ двѣ мысли,—одна—чисто научная, богословско-историческая,—другая—такъ-сказать національная, патріотическая. Въ самомъ дѣлѣ, многіе изъ англійскихъ богослововъ не могутъ не видѣть, что ученіе о папѣ, главное и коренное отличіе римской церкви отъ нашей, не имѣетъ никакихъ достаточныхъ основаній ни въ Божественномъ Откровеніи, ни въ исторіи древней христіанской церкви; они не могутъ также не видѣть, что незаконное притязаніе римскаго епископа на главенство въ церкви Христовой было главною причиною раздѣленія церквей: восточной и западной, и что въ этомъ горестномъ раздробленіи единаго тѣла Христова, равно какъ въ проистекшихъ отсюда бѣдствіяхъ христіанскаго міра—виновна западная, а не восточная церковь; они не могутъ, далѣе, не за ѣтять и того, что тоже незаконное главенство папы послужило поводомъ и виѣстѣ основою для тѣхъ, несостоятельныхъ предъ судомъ Слова Божія, нововведеній человѣческихъ, которые, появившись на

Западъ въ теченіи среднихъ вѣковъ—какъ въ вѣроученіи, такъ и въ церковной практикѣ, ближайшимъ образомъ вызвали реформацію; они не могутъ, следовательно, не прійти къ тому заключенію, что если нынѣшнее протестанство, плодъ реформаціи, своею разнузданностію ума и совѣсти, равно какъ своею церковною анархією, возбуждаетъ у нихъ потребность и сознаніе въ необходимости возстановленія истиннаго и законнаго образа церкви,—то отнюдь не въ Римѣ надобно искать врачевства. И вотъ, подъ вліяніемъ такихъ-то мыслей и убѣжденій, взоры ихъ естественно обращаются на православный Востокъ и ищутъ въ этой колыбели христіанства средствъ для возстановленія догматическихъ и каноническихъ основъ церковной жизни въ ихъ истинномъ и чистомъ видѣ.

Къ указанной причинѣ предпочтенія восточной церкви предъ римскою присоединяется у англійскихъ протестантовъ еще и другая, основанная на ихъ глубокомъ *патріотическомъ* чувствѣ: англичане гордятся своею *независимостію*, своимъ «self-government», какъ въ гражданскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи; сознавая теперь потребность въ сближеніи и соединеніи съ какою-либо изъ двухъ древнихъ христіанскихъ церквей, многіе изъ нихъ отступаютъ однако назадъ предъ мыслию о томъ, чтобы купить эту связь новымъ рабскимъ подчиненіемъ Риму; «тогда», такъ разсуждаютъ они, «наша церковь была бы не національною, англійскою, а одною лишь изъ вѣтвей церкви римской; тогда не было бы у насъ самостоятельности въ церковномъ управленіи, не было бы того чисто-національнаго элемента, которымъ мы такъ дорожимъ». Одно это соображеніе достаточно, чтобы—независимо отъ всякихъ другихъ доводовъ—отчуждать отъ мысли о соединеніи съ Римомъ многихъ англійскихъ бого-

слововъ. Но совершенно другое дѣло, когда англичанинъ обращается взорами своими на Востокъ; здѣсь уже нѣтъ рѣчи о какомъ-либо оскорбительномъ для національнаго чувства *подчищеніи* византійской, русской, или другой мѣстной церкви; здѣсь рѣчь можетъ только быть о томъ, чтобы *наравнѣ* и *наряду* съ этими—также помѣстными и народными—церквами принадлежать къ одной и тойже вселенской, апостольской церкви и составлять *равноправный* съ прочими членъ единаго тѣла Христова. Соединяясь съ православною церковью, англійская осталась бы тоюже *национальною* церковью, безъ всякаго нарушенія своей независимости какими либо иноплеменнымъ церковнымъ главенствомъ.

Мы не намѣрены здѣсь приводить всѣ тѣ—благопріятныя для православія—сужденія, которыя, на основаніи указанныхъ нами соображеній, высказываются въ послѣднее время многими англійскими богословами; мы ограничимся, лишь для примѣра, словами одного изъ нихъ, именно—англійскаго пастора и магистра богословія, Джемса Мерика. Этотъ ученый недавно издалъ сочиненіе, въ которомъ онъ доказываетъ несостоятельность ученія о главенствѣ римскаго папы предъ судомъ древности, и вмѣстѣ выражаетъ свой взглядъ на восточную церковь. Изъ числа сочиненій, выражающихъ благопріятное понятіе многихъ англійскихъ богослововъ о православною нашей церкви, мы указываемъ именно на брошюру пастора Мерика, потому что это сочиненіе, какъ авторъ самъ сознается въ своемъ предисловіи, написано на основаніи того, что объ этомъ предметѣ выработано его отечественными богословами, и высказываемое имъ можетъ такимъ образомъ служить для насъ выраженіемъ не частныхъ мнѣній пастора Мерика, а убѣжденій, усвоенныхъ многими изъ англійскихъ богослововъ относительно каноническаго устрой-

отца нашей и римской церкви. Сочиненіе Мерика имѣеть притомъ прямою своею цѣлю пріостановить тѣ—верѣдно безсочетныя и безсознательныя—увлеченія въ пользу папизма, которыя, какъ мы видѣли, стали обнаруживаться въ недрахъ англійской церкви въ теченіи послѣдняго времени. Мерикъ хочетъ поставить другой лучший образецъ предъ глазами тѣхъ, которые, при возбужденномъ ими у гай-чёрчменовъ стремленіи къ возстановленію церковнаго авторитета, видятъ спасеніе только въ соединеніи съ Римомъ. Показавъ, при помощи беспристрастной критики историческихъ и каноническихъ данныхъ, какъ неправо римская церковь въ своемъ ученіи о папѣ, и указавъ на ложныя исидоровы декреталіи, какъ на главное средство, способствовавшее утвержденію ученія о главенствѣ папы на мнимо-каноническомъ основаніи, Мерикъ обращается къ восточной церкви и говоритъ о ней такъ: “Восточныя церкви никогда не принимали исидоровыхъ декреталій, слѣдовательно и каноническое право никогда не основывалось у нихъ на этихъ декреталіяхъ; онѣ (восточныя церкви) до сихъ поръ управляются тѣми же правилами благочинія, которыя были постановлены въ Халкидонѣ (на 4-мъ вселенскомъ соборѣ), и такимъ образомъ онѣ со времени апостольскихъ до настоящаго времени служатъ непрерывнымъ обличеніемъ главенства римскаго престола. Этого обличенія никакъ нельзя ни устранить, ни ослабить; имъ рѣшается весь вопросъ. Наши противники (т. е. лица склонныя къ папизму) любятъ утверждать, что мы (члены англиканской церкви) составляемъ только небольшую возмущившуюся область, уголокъ свѣта, лицомъ къ лицу съ римско-католическою церковью; они желали бы подавить всякій отвѣтъ съ нашей стороны силою того великаго довода, который употребилъ блаженный Августинъ противъ депатистовъ:

Т. VII.

7

securus judicat tetraginis orbis (*). Но напрасно; здѣсь рѣчь не объ области, возмущавшейся противъ волеиной церкви, а о томъ, что *одинъ* западный патріархъ съ некоторыми западными епископами возстаетъ противъ патріарховъ восточныхъ со всеми восточными епископами, возстаетъ противъ ихъ постоянного и неперемѣннаго свидѣтельства..... «Православная греческая или восточная церковь,» говоритъ Меркль далѣе, «управляется патріархами и епископами, имѣющими свои кафедры въ постоянномъ преемствѣ отъ временъ апостольскихъ; у ней есть свой сонмъ святыхъ, учениковъ и отцовъ. Со времени ея отдѣленія отъ Запада она обратила къ христіанству славянское племя и вошла въ составъ святаго тѣла великую русскую церковь. Она содержитъ древній Символъ Вѣры, не измѣнивъ въ немъ ни юмъ. Она чужда искутаній и опасностей реформаци; она всегда говорила и продолжаетъ говорить голосомъ преданія, и никогда не допускала она никакой власти. Она постоянно и во все вѣка возвышала свой голосъ и свое свидѣтельство противъ того

(*) Т. е. «несомнѣнно истинно то ученіе, которое имѣетъ на своей сторонѣ наибольшее число послѣдователей.» Меркль въ этомъ случаѣ судить совершенно вѣрно: обаятельная сила римской церкви, для увлекаемыхъ въ католицизмъ англичанъ, заключается не столько въ дознанной чистотѣ устройства и ученія римской церкви, сколько въ томъ, что она имѣетъ гораздо большее число членовъ, чѣмъ другія христіанскія церкви. Для людей, мало привыкшихъ къ богословскому анализу, одно это представляется часто вполне убѣдительнымъ признакомъ внутренней силы и истинности римскаго христіанства.—Католическіе пропагандисты съ своей стороны также весьма искусно пользуются для своихъ цѣлей мыслию о численномъ превосходствѣ своей церкви: какъ будто въ недрахъ церкви истина распознается по какому-либо большинству?! При томъ, здѣсь рѣчь идетъ объ относительномъ большинствѣ лицъ уже *превратившихъ церковное единство* и идущихъ своимъ собственнымъ ложно направленнымъ путемъ.

антихристіанскаго и богохульнаго притязанія, въ силу котораго рѣшкіе христіане говорятъ, будто папа поставленъ надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, и владѣетъ во всей полнотѣ и въ совершенствѣ тою властію, которую Христосъ оставилъ на землѣ для блага своей церкви (*). «Восточная церковь отвергала и это и всякое подобное притязаніе не только въ теченіи вѣсѣдлѣхъ 300 лѣтъ, но и съ того самаго времени, какъ оно появилось. Тѣмъ-то образомъ *лишенія и недостатки нашей англиканской церкви какъ-бы восполняются восточною церковью, — тѣмъ болѣе, что этою живою и многовѣковымъ свидетелемъ совершило телосоме всей неправды и следовательно непогрѣшимой церкви.*» Затѣмъ авторъ переходитъ къ тому, чтобы показать, что и патріотическое стремленіе англичанъ къ поддержанію національной независимости ихъ церкви можетъ законнымъ образомъ удовлетворяться только на началахъ того устройства, которое имѣетъ мѣсто въ восточной, а не въ римской церкви. Онъ говоритъ такъ: «Независимость, понимаемая въ строгомъ смыслѣ, не можетъ существовать въ церкви (истинной), ибо такая независимость разрушаетъ взаимное согласіе и единеніе. Церковь есть едица; она должна составлять единое тѣло, связуемое единствомъ вѣры и общинъ подчиненіемъ канонамъ церкви. Кроме честныхъ обязанностей, у всякаго епископа, митрополита и патріарха есть еще и общая обязанность, это—долгъ любви, въ силу котораго патріархи должны не только управлять собственнымъ патріархатомъ (независимо, т. е., отъ другаго патріарха, или отъ какой-либо видимой главы церкви), но также имѣть попеченіе о всемъ тѣлѣ церкви,—должны обличать нововведенія въ дѣлахъ вѣры и нарушенія церковныхъ

(*) Bellarmin de Pont. Rom. Lib. IV, cap. 24. 25. et lib. 1, cap. 9.

канонѣвъ,—должны осуждать заблуждающихъ и, если нужно, въ случаѣ, наприм., упорства,—отрывать ихъ отъ общенія съ собою. Мы находимъ, что восточные патріархи не менѣе озабочивались принатіемъ подобныхъ мѣръ, какъ и патріархъ римскій (хотя они и не усвоили себѣ главенства въ церкви); защищеніе вѣры и канонѣвъ было ихъ общій дѣломъ (*). Таковы чистыя воззрѣнія, нынѣ высказываемыя разными членами англійскаго духовенства; и намъ остается только желать, чтобы подобныя убѣжденія болѣе и болѣе обобщались въ Англіи, и могла дать правильное направленіе стремленія «высокой» партіи къ утвержденію христіанской церкви на болѣе прочныхъ и истинныхъ началахъ.

Подъ влияніемъ того же благопріятнаго взгляда на восточное православіе и протекающаго отсюда желанія соединить англійскую церковь съ нашею, разными духовныя лица въ Англіи неоднократно обращались устно къ почетному протоіерею нашей лондонской посольской церкви, Е. Попову, съ запросомъ о томъ, признаетъ ли наша церковь англиканское рукоположеніе, или, въ случаѣ нужды, признаетъ ли его? О. Поповъ отвѣчалъ имъ, что этотъ вопросъ никогда не былъ канонически разбираемъ нашею церковью и что поэтому отвѣтить на него положительно онъ не можетъ. Совершенно естественно впрочемъ, что для англичанъ, желающихъ соединенія своей церкви съ православною, вопросъ

(*) Мы заимствовали эти отрывки изъ недавно изданнаго въ русскомъ переводѣ сочиненія Мерика, которое имѣетъ безспорный интересъ—при современности вопроса о папѣ и по важности для насъ подобныхъ отзывѣвъ о нашей церкви со стороны самихъ иновѣрцевъ. Вотъ заглавіе русскаго перевода этой брошюры: «Главенство римскаго папы предъ судомъ древности.» сочиненіе Мерика, переводъ съ англійскаго. А. Перова. С.-Петербургъ 1861.

о рукоположеніи выступаетъ на первый планъ, и своимъ рѣшеніемъ обуславливаетъ рѣшеніе прочихъ вопросовъ; въ самомъ дѣлѣ, если въ англиканской церкви (мы разумѣемъ собственно «высокую» епископальную церковь) нѣтъ законнаго рукоположенія, то нѣтъ въ ней также истинныхъ, богопоставленныхъ пастырей, нѣтъ слѣдовательно ни законнаго сословія церковныхъ учителей, ни истиннаго благодатнаго совершенія таинствъ; тогда вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленія къ воссоединенію съ православною церковью встрѣтять непреодолимыя преграды. Напротивъ, если съ точки зрѣнія православной возможно будетъ признать законность постановленія англійскихъ пастырей на дѣло насенія словеснаго стада Христова, то главное препятствіе къ соединенію церковей исчезаетъ, и дальнѣйшее будетъ зависетьъ отъ сношеній и соглашеній между пастырями и представителями обѣихъ церквей.

При томъ разногласіи стремленій, убѣжденій и образа дѣйствій, которое, какъ мы видѣли, имѣетъ мѣсто въ настоящее время между приверженцами «высокой» и «низкой» церкви, естественно, что прежняя оппозиція между ними также все болѣе и болѣе усиливается и угрожаетъ явнымъ и рѣшительнымъ разрывомъ. Мы указали уже на одинъ привѣръ тѣхъ волненій, которыя бывають слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ, именно на движенія, происходившія между однимъ, предавшимся «высокой» церкви, настояромъ и его прихожанами-евангеликами. Подобныхъ волненій въ Англіи нынѣ весьма много; не говоря уже о постоянной литературной полемикѣ, мы встрѣчаемся въ Англіи со множествомъ другихъ проявленій той же рѣзкой противоположности, успѣвшей выработаться между идеями двухъ партій англійской церкви. Тамъ, наприм., нрѣдко можно видѣть, какъ въ церквахъ во время проповѣди какой-нибудь усердный гай-чёрч-

мень думаетъ въ словахъ проповѣдника замѣтить выраженіе идей евангелической партіи, или же наоборотъ, — и въ пылу ревности онъ начинаетъ тутъ же заводить богословскій споръ съ своими сосѣдами. Бываютъ случаи, что подобныя споры (конечно уже не въ церкви) едва не доходятъ до драки.

Въ дополненіе къ сообщеннымъ нами извѣстіямъ о современномъ состояніи церковной жизни англичанъ присовокупимъ еще нѣсколько словъ о *духовной журналистикѣ* и о состояніи *миссіонерской дѣятельности* англійской церкви въ теченіи истекшаго года.

Число *духовныхъ журналовъ*, издаваемыхъ въ Англіи, весьма велико; каждая религіозная партія, каждое богословское направленіе—какъ церковное, такъ и диссентерское—имѣютъ свои литературные органы и періодическія изданія, большею частію подъ именемъ «Magazine» или «Reviews». Весьма многое въ этой литературѣ не имѣло бы особеннаго значенія само по себѣ и исчезало бы какъ мимолетныя ничтожныя явленія всенедельной прессы, если бы оно не служило для защиты и поддержанія извѣстныхъ началъ, имѣющихъ практическимъ своимъ приложеніемъ существованіе разныхъ религіозныхъ сектъ и партій англійскаго христіанства.

Изъ числа этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ богословскихъ журналовъ, издававшихся въ Англіи въ теченіи минувшаго года, мы укажемъ только на нѣкоторые наиболѣе уважаемые и вліятельные.

Строго-церковная партія, гай-чёрчъ (high church), имѣетъ лучшими литературными своими органами слѣдующіе журналы: «Guardian», «Clerical Journal», «English Churchman», «Christian Remembrancer» и «Theologian and Ecclesiastic». Первый

изъ этихъ журналовъ отличается языкомъ энергическимъ и касается всѣхъ вопросовъ въ области церковной жизни Англій; второй печатаетъ, кромѣ учено-богословскихъ, также критическія и библиографическія свѣденія; третій сообщаетъ извѣстія о всѣхъ замѣчательныхъ явленіяхъ англійской церковной жизни; два послѣднія по преимуществу посвящены критикѣ и библиографіи. Всѣ эти журналы согласно стараются утвердить и поддержать ученіе о необходимости апостольскаго преемства для законнаго рукоположенія епископовъ и совершенія священныхъ таинствъ. Съ другой стороны, они согласно возстаютъ и враждуютъ противъ евангелической партіи, равно какъ противъ диссентерства и нѣмецкаго «критическаго» или «библейскаго» богословія. У вьюзентовъ или англо-каеволиковъ есть также свой журналъ, «Union», служащій для развитія и научнаго оправданія началъ этого направленія.

Что касается до евангелической партіи англійской церкви, то лучшимъ проводникомъ ея идей служить журналъ «Record»; подверженный презрѣнію и постояннымъ нареканіямъ со стороны строго-церковной партіи гай-чѣрчменовъ, равно какъ со стороны либеральной партіи (broad churchman), этотъ журналъ имѣетъ однако очень много подписчиковъ и пользуется значительнымъ вліяніемъ на читающую публику. «Record» снисходительно отзывается о диссентерахъ и ихъ мнѣніяхъ; онъ старается главнымъ образомъ содѣйствовать уничтоженію устарѣвшихъ (по его мнѣнію) церковныхъ формъ, неставляя себя тѣмъ постоянно во враждебное отношеніе къ гай-чѣрчменамъ. Тайна успѣха этого журнала заключается не во внутренней солидарности его идей, а въ его умѣнн заинтересовать общественное мнѣніе; главнымъ образомъ онъ держится началъ такъ-называемаго въ Германіи библейскаго

христианства — Къ числу болѣе извѣстныхъ журналовъ того же рода надобно также отнести «London Review», нынѣ впрочемъ издаваемый подъ вліяніемъ вселенскихъ методистовъ. Вселенское богословіе имѣетъ довольно значительный отънокъ мистицизма: оно проповѣдуетъ ученіе о «непосредственномъ свидѣтельствѣ духа» (the direct witness of the Spirit), т. е. утверждаетъ, что Богъ Самъ непосредственно поучаетъ человѣческую душу. Этииъ объясняется, какими образомъ въ «London Review» могутъ нынѣ появляться статьи въ родѣ недавно напечатанной подъ заглавіемъ: «Ancient Syriae Gospils», въ которой авторъ усиливается опровергнуть подлинность св. Евангелія на томъ ложномъ основаніи, что Иисусъ Христосъ, даровавъ ученикамъ Своимъ духа истины, этииъ сдѣлалъ излишнимъ всякій писанный источникъ Божественнаго Откровенія.

Главными литературными органами англійскихъ диссентеровъ служатъ «British Quarterly Review» и «Ecclesiastic Review»; въ нихъ нерѣдко встрѣчаются весьма дѣльные и сѣрьезныя статьи учено-богословскаго содержанія. То же надобно сказать о «North British Review», журналѣ, издаваемомъ шотландскими пресвитеріанами, и пользующемся также довольно значительнымъ вниманіемъ со стороны англійской публики.

Обратимся къ богословію ультра-либеральному или рациональному. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ «Westminster Review», главнымъ двигателемъ идей англійскихъ субъективистовъ. Члены церковной партіи называютъ этотъ журналъ органомъ вольномыслія (no sound in the faith) и даже нерѣдко прямо атеистическимъ. — Независимо отъ этихъ журналовъ, рационалистическая партія англійскихъ богослововъ не давно во всей наготѣ раскрыла свои идеи — на началахъ

германской критической школы—въ сборникъ богословскихъ статей, известномъ подъ именемъ «Essays and Reviews» (опыты и обозрѣнія). Этотъ сборникъ, состоящій изъ семи отдѣльных статей, написанныхъ семью болѣе или менѣе известными въ Англіи учеными (по преимуществу изъ оксфордскаго университета), произвелъ всеобщее волненіе въ англійской церкви и вызвалъ противъ себя оппозицію со стороны и церковной и умѣренно-либеральной партій. Волненія эти еще далеко не кончились.

Обратимся къ состоянію англійскихъ миссіонерствъ въ теченіи минувшаго года. При своей предпріимчивости и практическомъ своемъ настроеніи англичане издавна выражали живость своего религіознаго чувства въ стремленіи къ распространенію и утвержденію евангельскаго ученія между невѣрующими другихъ странъ свѣта и маловѣрующими изъ самихъ христіанъ. Исполненію этихъ стремленій много благопріятствуетъ многочисленность англійскихъ колоній и обширныя торговыя сношенія англичанъ со всеми странами земли. Вотъ почему мы видимъ, что въ Англіи уже давно существуютъ разныя общества и союзы, которые, владея значительными средствами, съ успѣхомъ преслѣдуютъ свою цѣль—насаждать Христово ученіе тамъ, куда оно еще не успѣло проникнуть, и оживлять его вліяніе на самихъ христіанъ. Приятнѣтельно къ двойственности этой цѣли англійскія миссіонерскія общества раздѣляются на два рода: одни существуютъ для *внѣшнихъ* миссій (между язычниками), другія для *внутреннихъ* (между охладѣвшими въ вѣрѣ христіанами); перваго рода теперь въ Англіи—21 миссіонерское общество, втораго рода—33. Кроме того, существуютъ у англичанъ еще три библейскія общества, занимающіяся переводомъ и изданіемъ священныхъ книгъ на такіе языки, на ко-

торыхъ нѣтъ перевода Библіи, и распространеніемъ своихъ библейскихъ изданій по всѣмъ странамъ свѣта. Годичные доходы этихъ обществъ (отъ добровольныхъ взносов частныхъ лицъ и отъ принадлежащихъ имъ уже капиталовъ) простирались по бюджету прошедшаго года болѣе, чѣмъ на миліонъ фунтовъ стерлинговъ (почти семь миліоновъ рублей сер.).

Въ последнее время къ многочисленнымъ, уже существующимъ въ Англіи, миссіонерскимъ обществамъ прибавилось еще одно—для распространенія Слова Божія между неграми, населяющими внутренность Африки. Важныя открытія, сдѣланныя въ Африкѣ знаменитымъ докторомъ Ливингстономъ, подали поводъ къ учрежденію этого общества, въ которомъ приняли особое участіе университеты оксфордскій и кембриджскій. — Одно изъ миссіонерскихъ обществъ, составленное Wesleyansкими методистами, получило недавно отъ одного ревнителя Слова Божія 10,000 фунтовъ стерлинговъ (около 70,000 рубл. сер.) на усиленіе миссіонерской дѣятельности въ Индіи и Китаѣ.

Что касается до обширныхъ англійскихъ владѣній въ Остѣ-Индіи, гдѣ такъ недавно среди всеобщаго возмущенія туземцевъ можно было опасаться совершеннаго уничтоженія юныхъ и неокрѣпшихъ еще ростковъ христіанства, то англійское миссіонерство начинаетъ теперь тамъ болѣе и болѣе процвѣтать. Со всѣхъ частей этихъ громадныхъ и многолюдныхъ колоній приходятъ нынѣ извѣстія о томъ, что разныя индійскія племена, доннынъ недоступныя для евангельской проповѣди, принимаютъ благовѣстіе мира и любви. Конечно, переходъ отъ тьмы невѣрія къ евангельскому свѣту тамъ, какъ и вездѣ, сопряженъ съ различными затрудненіями и волненіями; нелегко вообще будетъ англичанамъ

искоренить въ Индіи язычество, господствовавшее тамъ въ теченіи тысячелѣтій и сросшееся со всеми народными обычаями, съ жизнью и характеромъ туземцевъ. Правда, миссионерскія сказанія древнихъ индійскихъ вѣрованій сами мало по малу утрачиваютъ свою силу при болѣе частомъ и близкомъ сношеніи туземцевъ съ европейцами; но они уступаютъ мѣсто религіозному индифферентизму, который тяжело можетъ быть замѣненъ положительнымъ ученіемъ христіанскаго откровенія. На подобный переходъ потребуемъ не мало времени, не смотря на самоотверженіе и усилія англійскихъ миссіонеровъ, число которыхъ, какъ видно, въ послѣднее время увеличилось почти въ *десять* разъ. Учреждая въ Индіи новыя церкви и приходы, англичане также ревностно заботятся о распространеніи просвѣщенія между индійцами; повсюду являютя новыя школы, — и должности учителей, равно какъ настояровъ, по возможности замѣщаются молодыми, нарочито къ тому приготовленными туземцами подъ надзоромъ и руководствомъ англійскихъ миссіонеровъ. Дѣятельное участіе въ успѣхъ послѣднихъ принимаютъ также американскіе бѣштиты. На ряду однако съ этими утѣшительными явленіями, дѣлающими большую честь ревности частныхъ миссіонерскихъ обществъ Англій, мы встрѣчаемся также съ дѣйствіями другаго рода — со стороны англійскаго правительства: англійскій парламентъ, слѣдуя своей цѣли — окончательно усмирить возмущившихся противъ англійскаго владычества индійцевъ, — запретилъ чтеніе Священнаго Писанія въ тѣхъ индійскихъ школахъ, которыя устроены англійскимъ правительствомъ, дабы такимъ образомъ не подавать туземнымъ язычникамъ дальнѣйшаго повода къ неудовольствію и смутамъ?

Что касается до Китая, то и тамъ обширная миссіонер-

ская дѣятельность англичанъ обнаруживаетъ свои плоды. Въ одномъ даже городѣ Кантонѣ слово Евангелія оглашаетъ стѣны двѣнадцати различныхъ христіанскихъ храмовъ, привлекающихъ къ себѣ толпы китайцевъ. Конечно, дѣятельность европейскихъ миссіонеровъ еще слишкомъ ничтожна сравнительно съ громаднымъ народонаселеніемъ средней имперіи; но нѣтъ, съ другой стороны, сомнѣнія въ томъ, что послѣднія политическія событія въ восточной Азіи,—особенно взятіе Пекина соединенными англо-французскими войсками,—принесутъ благоприятные плоды для успѣха спасительнаго благовѣстія въ странахъ, подвластныхъ китайскому богдыхану.

Изъ другихъ миссіонерскихъ новостей Англій за истекшій годъ заслуживаетъ вниманія еще слѣдующая: недавно полудикій царь Сандвичевыхъ острововъ прислалъ къ англійской королеви письмо, въ которомъ онъ проситъ ее отправить къ нему нѣсколько духовныхъ лицъ для основанія въ его царствѣ христіанской церкви по образцу англиканской. Намъ неизвѣстно, исполнено ли это желаніе; но, вѣроятно, миссіонерскія общества Англій не замедлятъ воспользоваться такимъ благоприятнымъ случаемъ для утвержденія своего вліянія на этихъ отдаленныхъ островахъ индійскаго океана.

Оканчивая теперь сдѣланное нами обозрѣніе, мы не можемъ въ заключеніе не повторить сказаннаго въ началѣ статьи: церковная жизнь Англій представляетъ собою много истинно поучительнаго. Не мистическимъ экстазамъ ревнителей «revivals», не увлеченіямъ многихъ гай-чёрчменовъ въ пользу папизма и не вольвомыслию англійскихъ рационалистовъ должны мы подражать; нѣтъ, мы имѣемъ въ православіи непоколебимое начало и твердую опору для всякаго истиннаго и правильнаго религіознаго развитія,—и эта опора,

если мы только будемъ пользоваться ею, вполне достаточно для того, чтобы предохранить насъ отъ всякаго рода крайностей и ложныхъ увлеченій. Но мы, съ другой стороны, въ Англии, на ряду съ недостатками, зависящими отъ протестантскихъ началъ, встрѣчаемся съ явленіями, которыя ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что для англичанъ христіанство есть не мертвое слово и не безжизненная форма, а дѣйствительная, живая и благотворная закваска для общественной и частной жизни,—и въ этомъ отношеніи намъ остается только желать, чтобы наше юное и возрождающееся общество болѣе и болѣе проникалось и одушевлялось въ жизни просвѣтительнымъ началомъ православнаго христіанства.

И. Осиповъ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УЛУЧШЕНІЯХЪ

ВЪ БЫТЪ ДУХОВЕНСТВА (*).

Въ ноябрской книжкѣ «Православнаго Обзорѣнія» за 1861-й годъ (въ статьѣ «Къ вопросу о преобразованіи духовныхъ училищъ»), за тѣмъ въ 9-мъ № газеты «День» (въ статьѣ г. Бѣляева «Гдѣ взять учителей для сельскихъ школъ») — поднятъ вопросъ о замѣщеніи причетническихъ мѣстъ при нашихъ церквахъ окончившими курсъ воспитанниками семинарій. Видно, дошла очередь между прочимъ и до этого вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошо было бы, если бы у насъ и низшія церковнослужительскія должности замѣщались людьми образованными! Какъ эта мѣтра могла

(*) Въ ноябрской книжкѣ *Прав. Обзор.* за 1861 г. въ статьѣ «Къ вопросу о преобразованіи духовныхъ училищъ» между прочимъ былъ поднятъ вопросъ о замѣщеніи причетническихъ мѣстъ окончившими курсъ семинарскаго образованія. Мы говорили, что этотъ вопросъ требуетъ всесторонняго разсмотрѣнія, что при положительномъ отвѣтѣ на него надобно разрѣшить не мало *второстепенныхъ практическихъ вопросовъ*, и потому выразили желаніе, чтобы кто-нибудь посвятилъ этому предмету особую статью. — Въ предлагаемой статьѣ обращено вниманіе именно на нѣкоторые очень важные практическіе вопросы, которыхъ нельзя обойти при обсужденіи не только предлагаемой мѣтры о причетникахъ, но и вообще при обсужденіи положенія и быта духовенства. *Ред.*

бы оживить, возвысить и облагородить все наше духовное сословіе!

Но почти всегда нужно бываетъ, трогая одну какую-нибудь сторону въ существующемъ порядкѣ дѣлъ, коснуться и остальнаго. Безъ этого порядку истра прекрасная сама по себѣ, на практикѣ оказывается новою заплатою, приравненною къ ветхой одеждѣ. Мы ничего не скажемъ противъ замѣщенія причетническихъ мѣстъ людьми образованными. Мы всей душой были бы рады этой истрѣ. Мы желаемъ только предложить общему вниманію нѣсколько другихъ вопросовъ, существенно связанныхъ съ вопросомъ о замѣщеніи причетническихъ мѣстъ семинаристами, окончившими курсъ. Эти вопросы тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что они касаются не только положенія нашихъ причетниковъ, но и быта всего нашего духовнаго сословія.

Какъ заставить окончившихъ курсъ семинаристовъ идти на причетническія мѣста?

«А вотъ какъ», говоритъ г. Бѣляевъ: «пусть каждый епархіальный архіерей, или, во крайней истрѣ, тѣ изъ нихъ, которымъ некуда дѣться съ окончившими курсъ въ семинаріи (зачѣмъ же такое ограниченіе?),—пусть они положатъ себѣ за правило: не поставятъ ни въ священники, ни въ діаконы ни одного кончившаго курсъ въ семинаріи, пока онъ не прослужитъ двухъ-трехъ лѣтъ въ дьячкахъ или пономаряхъ, при городской или сельской церкви, съ непремѣнною обязанностью быть учителемъ для простонародья» (*). Истра, какъ видите,

(*) Въ статьѣ «Православнаго Обзорія», мысль о замѣщеніи причетническихъ мѣстъ семинаристами, окончившими курсъ, предлагается не съ такою рѣшительностію, какъ у г. Бѣяева. Здѣсь эта мысль высказывается только въ видѣ желанія и совѣта окончившимъ курсъ семинаристамъ

очень несложная. Но прежде нежели приступать къ выполнению ея, не мѣшало бы, кажется, узнать мнѣнія тѣхъ, кого она ближайшимъ образомъ касается. Предписать все можно. Не стануть проназывать въ діакона и священника неопределеннаго напередъ нѣскольکو лѣтъ въ причетникахъ, — войдутъ и въ причетники тѣ, которые не захотятъ оставить духовнаго званія. Только не станеть ли тогда уходить изъ духовнаго званія еще больше студентовъ, и лучшихъ студентовъ семинаріи, чѣмъ уходитъ теперь? И вообще, какъ покажется эта мѣра воспитанникамъ семинаріи?

Мы знаемъ, кое гдѣ снархіальное начальство пыталось ввести эту мѣру, чтобы за недостаткомъ священническихъ и діаконскихъ мѣстъ окончившіе курсъ семинаристы не жили праздно, а занимали пока хоть причетническія мѣста. Только эта мѣра вѣсто благодарности встрѣчена была семинаристами съ неудовольствіемъ, и, кажется, нигдѣ не могла утвердиться надолго.

Отчего же кончившему курсъ семинаристу не прослужить нѣскольکو лѣтъ дьячкомъ или пономаремъ? Что за амбиція такая? Это все же лучше, чѣмъ идти пискомъ въ какой-нибудь судъ, или нѣскольکو лѣтъ шататься безъ дѣла, оста-

не объѣзжать причетническихъ мѣстъ, особенно въ столицахъ и губернскихъ городахъ, гдѣ жить причетникамъ довольно сносно. Главнымъ же образомъ здѣсь обращено вниманіе на тѣ выгодныя послѣдствія, какия могутъ произойти отъ замѣщенія причетническихъ мѣстъ людьми образованными. Мы особенно настаиваемъ на томъ, что эта мѣра должна быть осуществлена съ доброй воли самихъ семинаристовъ; притомъ единственно вѣрнымъ путемъ къ этому можетъ быть только устраненіе тѣхъ тяжелыхъ сторонъ въ положеніи причетниковъ и всего духовнаго сословія, какия заставляютъ нашихъ молодыхъ людей бѣгать не только причетническихъ, но и священническихъ мѣстъ. А г. Бѣляевъ надѣется всего достигнуть чрезъ одно оффиціальное обязательное для всѣхъ распоряженіе сверху.

твась на отцовской шеѣ? «Этого требуютъ даже церковныя правила, по которымъ нельзя поставить ни въ священники, ни въ діаконы, не поставивши прежде въ чтецы или дьячки, и по которымъ въ санъ священника долженъ быть допускаемъ человекъ не моложе тридцати лѣтъ отъ рожденія» (слова г. Бѣляева). Хорошо такъ разсуждать со стороны. Но поставьте себя въ положеніе семинариста, окончившаго курсъ, — человека (говорю опять словами г. Бѣляева), который десять-двѣнадцать, а иногда пятнадцать лѣтъ — самыхъ лучшихъ въ жизни — употребилъ на то, чтобы выучиться, терпѣлъ всѣ возможныя лишенія, опередилъ по образованію многихъ своихъ товарищей, наконецъ — кончилъ курсъ положительныхъ наукъ съ достаточными свидѣніями по экзамену очень не легкому, — человека «сколько нибудь сознавашаго достоинства своихъ умственныхъ способностей», человека съ сколько нибудь развитымъ вкусомъ и сознаниемъ личнаго человѣческаго достоинства! Что же, — дестно, утѣшительно такому человѣку, въ возмездіе многолѣтнихъ трудовъ и лишеній, получить дьячковское или пономарское мѣсто? Здѣсь не одна амбція; нынѣшніе семинаристы на столько развиты, чтобы не считать униженнымъ какою бы то ни было полезнаго служенія обществу и честнаго труда. Есть болѣе серьезныя причины, заставляющія семинариста скорѣе идти писцомъ въ какой нибудь судъ, или заниматься нѣсколько лѣтъ частными работами — въ домъ отца, или у чужихъ людей, чѣмъ идти на причетническое мѣсто. Вотъ, намъ кажется, главнѣйшія изъ этихъ причинъ:

1) Семинаристъ бонется, конечно, жалкой грязной нищеты при тѣхъ скудныхъ средствахъ къ жизни, какія получаютъ наши причетники.

2) Семинаристъ бонется, какъ бы, согласившись поступить

на причетническое мѣсто въ какую нибудь глухую дальнюю деревню, не останется тамъ на вѣкъ,—между тѣмъ его товарищъ, вышедшій въ свѣтское званіе, дослужится въ нѣсколько лѣтъ до какого нибудь секретарства,—а тотъ, который предпочелъ по окончаніи курса переждать нѣсколько времени безъ мѣста, отдохнуть въ домѣ отца, получить священническое мѣсто.

3) Семинаристъ боится того неминуемаго для человѣка съ его развитіемъ униженія, которое ожидаетъ его на причетническомъ мѣстѣ, и котораго не придется испытать (по крайней мѣрѣ такъ думаетъ семинаристъ), ни тому его товарищу, который поступитъ въ гражданскую службу,—ни тому, который проживетъ нѣсколько лѣтъ въ домѣ отца или на какомъ нибудь частномъ мѣстѣ до полученія священнической должности.

Всѣ эти три главныя затрудненія принимаются во вниманіе и отчасти устриваются и г. Бѣляевымъ, и авторомъ статьи «къ вопросу о преобразованіи духовныхъ училищъ». Мы прибавимъ къ ихъ словамъ свои соображенія. А тамъ послѣ насъ еще кто нибудь скажетъ свое. И тогда предлагаемая мѣра покажется годна будетъ для приведенія въ дѣйствіе.

Семинаристъ, сказали мы, боится грязной нищеты, въ какой придется жить ему на причетническомъ мѣстѣ. Это затрудненіе, у г. Бѣлева и въ статьѣ «къ вопросу о преобразованіи духовныхъ училищъ» разрѣшается такъ: «Какъ ни мало доходовъ даетъ должность причетника; но все-таки причетникъ можетъ получить больше, нежели начинающій

писецъ въ какомъ-нибудь судѣ. Доходы причетниковъ увеличатся, и будутъ давать для одинокаго человѣка недвѣя средства къ существованію, — когда причетники изъ окончившихъ курсъ семинаристовъ будутъ вѣстѣ съ тѣмъ наставниками народныхъ школъ.» Но на этомъ далеко еще нельзя остановиться.

1) Мнѣніе, будто причетникъ получить болѣе, нежели начинающій (изъ окончившихъ курсъ семинаріи) писецъ въ какомъ-нибудь судѣ, едва ли не въ большей части случаевъ окажется несправедливымъ. *Какіе либудо* сто рублей дохода, полагаемые г. Бѣляевымъ для начинающаго писца, едва ли не для большей части нашихъ причетниковъ въ селахъ, въ уѣздныхъ и даже нныхъ губернскихъ городахъ были бы завиднымъ доходомъ. По доходамъ столычныхъ причетниковъ, получающихъ, по мѣстамъ, гораздо больше, нежели получаютъ у насъ профессора семинарій и даже академій, нельзя судить о доходахъ причетническихъ вообще. А съ другой стороны — въ нашихъ канцеляріяхъ и судахъ семинаристами не брезгаютъ, а особенно окончившими курсъ. Въ нашихъ судахъ немного найдется такихъ толковитыхъ, и въ тоже время трудолюбивыхъ, до удивительной степени терпѣливыхъ и исполнительныхъ чиновниковъ, какіе выходятъ изъ студентовъ семинарій. Въ канцеляріяхъ и судахъ, особенно губернскихъ, это хорошо извѣстно, — и оттого, не смотря на всѣ пошлые предрасудки противъ духовныхъ, семинаристовъ принимаютъ тамъ съ распростертыми объятіями. И здѣсь окончившій курсъ семинаристъ, получивъ на первый разъ высшій для канцелярскаго служителя окладъ жалованья, въ два — три года успѣваетъ дослужиться и до какой-нибудь должности. Много конечно бываетъ и исключеній; и особенно часто приходится

семинаристу по разнымъ причинамъ, сдѣлавъ хорошее начало на службѣ, или весь вѣкъ просидѣть на одномъ и томъ же, или кончить какъ нибудь дурно.

2) Семинаристы, окончившіе курсъ, на причетническихъ мѣстахъ будутъ получать менѣе доходовъ, нежели получаютъ нынѣшніе причетники—исключенники, малоразвитые. Человѣкъ развитый сколько-нибудь неспособенъ будетъ такъ хлопотать, унижаться, ссориться изъ-за каждой копѣйки, какъ нынѣшній причетникъ, грубый, неразвитый, привыкшій жить въ грубыхъ преданіяхъ и грязной средѣ. Кромѣ того нынѣшніе причетники—въ пособіе своему скудному существованію—сами занимаются черною работою—пашутъ, косятъ, молотятъ, — по городамъ занимаются различными ремеслами. Человѣку, проведшему 12–15 лѣтъ съ книгой, и физически, и нравственно тяжело взыаться за соху или за столярное ремесло. Да и времени у него на то не станетъ, особенно когда онъ вмѣстѣ съ причетническою должностію будетъ занимать еще должностъ учителя въ народной школѣ. Кстати вообще замѣтимъ здѣсь, что, при соединеніи причетнической должности съ должностію сельскаго учителя, нужно будетъ точнѣе опредѣлить кругъ причетническихъ обязанностей.

3) Соединеніе причетническихъ доходовъ съ вознагражденіемъ по должности народнаго учителя все-таки даетъ очень небольшія средства къ жизни. Здѣсь еще нужно будетъ рѣшить слѣдующее недоумѣніе. При нашихъ церквахъ только въ малолюдныхъ и бѣдныхъ приходахъ служить по два причетника, а въ иныхъ бываетъ по четыре, иногда и по шести. Если всѣ причетники будутъ заниматься въ приходской школѣ, и здѣсь же будетъ имѣть (а долженъ имѣть непременно) участіе и, слѣдовательно, право на вознагражденіе и самъ священникъ, то едва ли на долю каждаго изъ учителей достанется сколько-нибудь значительная

часть вознагражденія, будетъ ли это вознагражденіе идти отъ казны, или отъ самаго же приходскаго общества. Такимъ образомъ вопросъ о соединеніи причетническихъ должностей съ учительскими встрѣчается съ вопросомъ о новыхъ штатахъ причетническихъ мѣстъ въ нашихъ приходахъ. Когда стануть посылать на причетническія мѣста окончившихъ курсъ семинаристовъ, то произойдетъ что-нибудь одно изъ двухъ: или ограничится число причетниковъ въ нашихъ приходахъ, но въ такомъ случаѣ возможно ли будетъ, напр., одному за двухъ отправлять всѣ причетническія обязанности, да еще съ присоединеніемъ учительскихъ; или только нѣкоторыя причетническія мѣста (одно-два при известной церкви) будутъ заняты образованными причетниками (они только и будутъ учить въ школахъ), а на прочихъ мѣстахъ будутъ такіе же, какъ теперь, малообразованные причетники-исключенники,—но въ такомъ случаѣ не произойдетъ ли въ отправленіи обязанностей, въ раздѣлѣ доходовъ и въ другихъ случаяхъ, затрудненій и непріязненныхъ столкновеній между этими двумя категоріями причетниковъ—между причетниками стараго и новаго порядка, столкновеній особенно непріятныхъ для послѣднихъ. Вопросъ этотъ довольно сложенъ. По нашему мнѣнію, его можно бы рѣшить и такъ: какъ бы ни былъ великъ приходъ, будетъ достаточно имѣть въ немъ двухъ причетниковъ—только образованныхъ, которые и будутъ собственно помощниками священнику въ дѣлѣ богослуженія, проповѣди, народнаго обученія и въ различныхъ письменныхъ дѣлахъ. Всѣ прочія обязанности при отправленіи различныхъ требъ, а въ особенности обязанности пономарскія, могли бы отправлять и простые грамотные, не принадлежащіе къ причту и духовному сословію, миряне, выбранные приходомъ, или сами желающіе посвятить себя

на служеніе храму Божию. Способные къ этому люди и въ настоящее время, мы думаемъ, найдутся въ каждомъ приходѣ; а съ распространеніемъ образованія въ народѣ ихъ будетъ еще больше. Впрочемъ развитіе этой мысли, находящейся въ связи съ другими важными вопросами, стоить особенной статьи. Мы здѣсь высказываемъ ее только мимоходомъ. Начавъ рѣчь о томъ, отчего наши семинаристы, окончившіе курсъ, боятся идти на причетническія мѣста, и указавъ на самую скудость средствъ къ жизни, доставляемыхъ причетническою должностію, мы и на этой сторонѣ дѣла не станемъ долго останавливаться, потому что и эта сторона еще не главная. Не одна скудость средствъ къ жизни заставляеть окончившихъ курсъ семинаристовъ бѣгать отъ причетническихъ мѣстъ. Если причетническія мѣста въ соединеніи съ учительскою должностію будутъ давать всего дохода хоть на 200 или даже на 150 рублей, многіе студенты семинаріи согласятся идти въ причетники, только бы устранены были другія обстоятельства, заставляющія ихъ бояться этого положенія (*).

(*) Мы не стали говорить еще объ одной мѣрѣ, предлагаемой г. Бѣляевымъ въ видахъ улучшенія матеріальнаго быта причетниковъ и вообще духовнаго сословія. Г. Бѣляевъ хочетъ, чтобы имѣющіе поступать на причетническія мѣста студенты семинарій не женились, пока не кончится срокъ ихъ переходной службы, и имъ не дадутъ діаконскаго или священническаго мѣста. Черезъ это и матеріальное положеніе причетниковъ сдѣлается сноситее и уменьшится число нищенскихъ семействъ въ духовномъ сословіи. Все это довольно недурно; но зачѣмъ обязательства? Мы увѣрены, что когда причетническія мѣста будутъ переходными мѣстами для окончившихъ курсъ семинаристовъ, то изъ нихъ, безъ всякаго обязательствъ и запрещеній, большая часть не станутъ торопиться жевитьбой, пока не представится возможность перейти съ причетническаго мѣста на діаконское или священническое. Но дѣлать это обязательнымъ для всѣхъ, имѣющихъ право въ это совершенно личное дѣло — намъ кажется совершенно излишнее.

II.

«Семинаристъ, окончившій курсъ, боится, какъ бы, согласившись поступить на причетническое мѣсто, особенно въ какую-нибудь глухую, далекую отъ центра епархіальнаго управленія деревню,—не остаться тамъ навсегда, или на слишкомъ долгое время,—не быть забытымъ, затертымъ во вниманіи начальства,—не быть обойденнымъ при полученіи священническаго мѣста другими товарищами, менѣе достойными, менѣе трудившимися». Опасеніе это не безосновательно; оно образовалось вслѣдствіе многихъ неотрадныхъ опытовъ, случающихся преимущественно съ бѣдными сельскими учителями (въ слѣдствіе чего и явилось въ воспитанникахъ семинаріи нерасположеніе къ учительскимъ мѣстамъ въ сельскихъ школахъ). Представимъ себѣ такой случай. Человѣкъ, окончившій курсъ семинаріи въ числѣ лучшихъ студентовъ, проситъ себѣ у епархіальнаго начальства мѣста. Мѣсть священническихъ нѣтъ; ему предлагаютъ пока побыть учителемъ въ сельской школѣ. Онъ на столько благороденъ, что предпочитаетъ лучше какое-нибудь дѣло, нежели шататься вовсе безъ дѣла. Онъ ѣдетъ въ дальнюю деревушку,—нанимаетъ бѣдный уголь у крестьянина или причетника, и трудится добросовѣстно за 250 руб. асс. или 100 рублей серебр. годоваго жалованья, въ надеждѣ, что епархіальное начальство не забудетъ его, когда откроется хорошее священническое мѣсто. Но у епархіальнаго начальства мѣсть такъ мало, а просителей такъ много. Помѣстивъ лучшаго студента семинаріи въ сельскую школу, оно успокоивается относительно его участи; у него и безъ того есть много, о комъ заботиться нужно. Открываются священническія

мѣста; но ихъ скорѣе получаютъ не тѣ лучшіе студенты, предпочетшіе трудъ сельскаго учителя праздной жизни,—а тѣ, нерѣдко худшіе—ихъ товарищи, которые имѣли возможность и сочли за лучшее не брать никакихъ переходныхъ мѣстъ, не удаляться далеко отъ центра епархіальнаго управленія, но выждать, жить годъ или два безъ всякаго дѣла, напоминая о себѣ начальству при всякомъ открывающемся священническомъ мѣстѣ. Но и это еще ничего. А вотъ проходить четыре-пять лѣтъ,— а о бѣдномъ добросовѣстномъ труженникѣ, заброшенномъ въ дальнюю сельскую школу, никто и не вспомнить. Наконецъ онъ самъ ѣдетъ въ епархіальный городъ просить священническаго мѣста. Вѣсть съ нимъ подаетъ прошеніе другой семинаристъ, только что окончившій курсъ, и окончившій гораздо хуже—съ свидѣтельствомъ 2-го разряда, нигдѣ еще не послужившій, ничѣмъ себя не зарекомендовавшій. И что же? Этому даютъ лучшее мѣсто,—а тому, который кончилъ курсъ съ отличнымъ аттестатомъ, и лѣтъ пять-шесть добросовѣстно трудился въ сельской школѣ, худшее. Поэтому-то окончившіе курсъ семинаристы и боятся всѣхъ *переходныхъ* мѣстъ! Вотъ поэтому-то и въ настоящее время студентъ семинаріи скорѣе предпочтетъ два-три года прошататься безъ всякаго дѣла—въ надеждѣ прямо потомъ получить священническое мѣсто, нежели идти учителемъ въ сельскую школу. Это-то, мы думаемъ, главнымъ образомъ будетъ пугать окончившихъ курсъ семинаристовъ, когда ихъ станутъ посылать и на причетническія мѣста. Г. Бѣляевъ отчасти предупреждаетъ это затрудненіе. Онъ говоритъ, что для окончившаго курсъ семинариста дьяческая должность будетъ только временною ступенью для повышенія въ должность дьякона, и потомъ священника. Онъ требуетъ, чтобы ни одинъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи не былъ про-

изводимъ въ діакона и священника, не прослуживъ двухъ-трехъ лѣтъ на причетническомъ мѣстѣ съ непрѣменною обязанностию быть учителемъ для простонародья (въ такомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, правá всѣхъ будутъ равны, и случаи, подобные описанному нами, не будутъ имѣть мѣста). Наконецъ, г. Бѣляевъ требуетъ, чтобы—по истеченіи этихъ двухъ-трехъ лѣтъ переходной службы, при произведеніи семинариста въ санъ діакона и священника—принимались во вниманіе какъ семинарская рекомендація, такъ и дѣйствительная заслуга на мѣстѣ причетника и народнаго учителя, и качествами той и другой опредѣлялись бы и бѣльшая, или меньшая продолжительность служенія на переходномъ мѣстѣ, и лучшее, или худшее качество новаго постояннаго мѣста. Хорошо, если все это будетъ такъ. Но чтобы непрѣменно было такъ, для этого мало хорошихъ словъ и добрыхъ желаній; нужно принять къ тому дѣйствительныя мѣры. Нужно обезпечить для семинаристовъ увѣренность, что и такой или другой срокъ служенія на переходномъ мѣстѣ, и такое или другое качество новаго постояннаго мѣста будутъ для всѣхъ опредѣляться личнымъ достоинствомъ и дѣйствительными заслугами, а не другими какими-либо случайными и сторонними соображеніями. А въ настоящее время у семинаристовъ нѣтъ такой увѣренности. Въ настоящее время у насъ на епархіяхъ, встрѣчается много обстоятельствъ, которыми стѣсняются, на которыя жалуются сами епархіальныя начальства, но которыя, тѣмъ не менѣе, часто ставятъ ихъ въ необходимость, при размѣщеніи по приходамъ подвѣдомственныхъ имъ семинаристовъ, руководствоваться не личными только достоинствами и заслугами размѣщаемыхъ, но и сторонними соображеніями. На эти обстоятельства необходимо обратить вниманіе и не за-

всими оттого вопроса, по поводу котораго мы заговорили о нихъ. Эти обстоятельства слишкомъ пагубно дѣйствуютъ на твердость чувства законности во всемъ нашемъ духовномъ сословіи, на довѣріе управляемыхъ къ справедливости управления (а отъ этого, въ свою очередь, могутъ происходить самыя дурныя нравственныя послѣдствія). Надѣмся, никто не станетъ обижаться, если мы позволимъ себѣ назвать важнѣйшія изъ этихъ обстоятельствъ.

1) Не скажемъ во всѣхъ, а—во многихъ епархіяхъ, при замѣщеніи церковно—служительскихъ должностей—имѣютъ большее значеніе стороннія ходатайства, связи и протекціи. Богатые помѣщики, аристократы и аристократки хлопчутъ за своихъ крестниковъ, гувернеровъ, домашнихъ секретарей, родственниковъ любимыхъ ими священниковъ, и другихъ молодыхъ людей, чѣмъ-либо заслужившихъ ихъ благоволеніе. Отъ этого нерѣдко самыя видныя мѣста въ епархіи замѣщаются людьми менѣе достойными, а лучшіе и достойнѣйшіе — остаются назади... Нельзя безъ боли сердечной подумать о томъ, какъ это зло по мѣстамъ все болѣе и болѣе усиливается. Этотъ протекціонизмъ, оправдываемый нерѣдко самыми благовидными резонами, дѣлаетъ великій вредъ и въ гражданской администраціи; а въ церковномъ управленіи, это—нетерпимое зло, самое соблазнительное, нерѣдко дающее поводъ хуламъ противъ церкви. Церковь наша считаетъ это злоупотребленіе тяжкимъ грѣхомъ, и дѣлаетъ противъ него самыя строгія постановленія... И нужно отдать справедливость нашимъ преосвященнымъ: многіе изъ нихъ сами жалуются на эти ходатайства и протекціи, и заботятся объ искорененіи злоупотребленія. Но архипастырю, вновь поступающему на епархію, нерѣдко трудно бываетъ бороться со зломъ до него укоренившимся,—со зломъ, которое имѣетъ

за себя защитниковъ въ самыхъ вліятельныхъ лицахъ епархіи. Двумъ тремъ придется отказать, а инаго и нужно уважить. Оправданій для такого исключенія всегда можно найти довольно. «Какъ отказать такому знатному человѣку, который имѣеть такія связи, котораго вліяніе можетъ быть очень важно для епархіи (а эти знатные господа еще иногда считаютъ за ничтожное одолженіе, если—во уваженіе ихъ ходатайства—дадутъ священный санъ ихъ любимцу. Какъ имъ не совѣстно такъ легко смотрѣть на такое важное дѣло?)? Въ другихъ случаяхъ можно отказывать, а теперь можно сдѣлать исключеніе. Исключеніе—не большая бѣда. Да и притомъ вѣдь этотъ, которому просятъ мѣсто, почти что и стоитъ этого мѣста. Что за важность, если онъ 2-го разряда, а другой просится на это мѣсто студентъ,—если онъ кандидатъ, а этотъ магистръ, — если онъ нягдѣ не служилъ, а тотъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ учителемъ. Все равно; семинарскими аттестатами еще нельзя опредѣлять достоинствъ человѣка. Можетъ быть, этотъ, по аттестату менѣе достойный,—на мѣстѣ, въ жизни выйдетъ еще лучше того, который выпущенъ съ отличнымъ аттестатомъ? Вѣдь не даромъ же онъ пользуется расположеніями такого знатнаго лица!» Какъ ни благовидны такіе доводы, а между тѣмъ чрезъ нихъ открывается широкое мѣсто самому крайнему произволу и злоупотребленію. «Исключеніе—не большая бѣда.» Но каждое изъ такихъ исключеній влечетъ за собою множество другихъ подобныхъ же исключеній! Зло укореняется, и для епархіальнаго начальства все болѣе и болѣе затрудняется возможность отказа на незаконныя рекомендаціи. «Такаго-то уважили, отчего меня не уважить?..» «Почти все равно, что студентъ семинаріи, что семинаристъ 2-го разряда,—что магистръ, что кандидатъ.» Такъ. Но вѣдь эти «все равно» можно расширять до какихъ

угодно предѣловъ! Но этии «все равно» убивается чувство законности въ управляемыхъ, и портится нравственный духъ всего управленія. Не только недостойные, но и достойные люди, не надѣясь на личныя достоинства и заслуги, вынуждаются другими путями заискивать вниманія и милости начальства (*). «Семинарскими аттестатами нельзя опредѣлять достоинствъ человѣка.» Конечно. Но когда не придумано другихъ лучшихъ средствъ для оцѣнки достоинствъ и заслугъ,—то все же лучше опредѣлять ихъ семинарскими аттестатами, чѣмъ ничѣмъ,—лучше семинарскими аттестатами, чѣмъ случайными рекомендаціями привилегированныхъ лицъ.. «Самыя рекомендаціи знатныхъ и почтенныхъ лицъ могутъ въ нѣкоторомъ отношеніи ручаться за достоинства рекомендуемаго.» Но развѣ неизвѣстно, что эти рекомендаціи пріобрѣтаются нерѣдко подслуживаньями, лестью, принижениемъ человѣческаго достоинства, и другими заслугами и качествами, всего болѣе нетерпимыми именно въ будущемъ церковномъ пастырѣ?.. Но нечего долго и говорить о тѣхъ благовидныхъ резонахъ, которыми нерѣдко прикрывается отступленіе отъ правды и закона въ описываемыхъ

(*) Нѣкоторые видятъ въ этомъ обстоятельстве смягчающую сторону описываемаго нами нестроенія,—говорятъ, что нѣтъ ничего предосудительнаго въ протекціи такого рода, когда ходатайствуютъ за человѣка, который и безъ того достоинъ просимаго мѣста,—когда протекція является не болѣе какъ простою рекомендаціею человѣка достойнаго епархіальному начальству. Мы, напротивъ, видимъ въ этомъ очевидное свидѣтельство объ упадкѣ чувства законности въ управляемыхъ, когда не только безсильные и малодостойные, но и сильные и достойные привуждены бываютъ, помимо личныя достоинства и заслугъ, надѣяться на постороннія поддержки и протекціи,—когда и достойные люди должны принимать соответствующую ихъ талантамъ и трудамъ должность или награду не какъ *должное*, но какъ *стороной* испрошенную милость.

нами случаяхъ. Всѣ эти резоны и опроверженій не стоятъ. Несправедливость, нарушение права, обида личнаго достоинства и заслуги—никогда и ничѣмъ не могутъ быть оправданы. Вліяніе ходатайствъ, связей, протекцій—повсемѣстно и навсегда должно быть искоренено въ церковномъ управленіи. Мы увѣрены, этого горячо желаютъ всѣ наши преосвященные.

2) Не такъ-то легко поднимется рука и скажется слово осужденія еще противъ одного обычая, повсемѣстнаго въ нашемъ епархіальномъ управленіи,—обычая не совѣмъ разумнаго, но вызваннаго и поддерживаемаго горькою необходимостью и истинно-христіанскимъ чувствомъ состраданія къ несчастнымъ. Мы хотимъ говорить о зачисленіи мѣстъ за сыновьями и за женихами дочерей умершихъ священно или церковно-служителей, и о передачѣ мѣстъ сыновьямъ и зятьямъ престарѣлыми—больными служителями церкви, увольняемыми отъ службы *за штатъ*. Мѣра эта, мы говоримъ, вызвана горькою необходимостью,—ничѣмъ не обезпеченнымъ положеніемъ состарѣвшихся на службѣ, одряхлѣвшихъ и больныхъ служителей алтара Божія, жалкою безпомощностью сиротскихъ церковно-служительскихъ семействъ... Это одна изъ самыхъ тяжелыхъ и печальныхъ сторонъ нашей духовной службы. Ни въ одномъ сословіи, ни на одной службѣ такъ, какъ на нашей духовной службѣ, не можетъ грозить человѣку мысль остаться на старости лѣтъ, или оставить семейство по смерти безъ куска хлѣба. Приказный, прослужившій 25—30 лѣтъ, можетъ надѣяться, что ему—по выходѣ изъ службы, или его семейству—по смерти его—дадутъ какой-нибудь пенсіонъ. Мѣщанинъ и крестьянинъ оставляетъ по себѣ какую-нибудь собственность, которая по смерти можетъ давать почти столько же его семейству, сколько ему давала при жизни. А слу-

жителямъ церкви пенсій не полагается, и прочной собственности у нихъ семействъ не бываетъ. Священникъ до тѣхъ поръ сытъ-одѣтъ, и, пожалуй, можетъ содержать семейство довольно прилично, пока живъ, пока въ силахъ служить. Священникъ живетъ доходами за отправленіе приходскихъ требъ; его доходы приходятъ копѣйками, и уходятъ копѣйками, а на черный день трудно скопить что-нибудь. И вотъ человекъ, тридцать-сорокъ лѣтъ прослужившій алтарю Божію, можетъ нерѣдко умереть съ тяжелою мыслью, что его семейство завтра пойдетъ по міру. А то иному и самому—на старости лѣтъ, послѣ долговременной службы—прійдется испытать ту же участь... Видали ль вы, благодушный читатель, этихъ дряхлыхъ шестидесятилѣтнихъ и семидесятилѣтнихъ священниковъ и діаконѳвъ заштатныхъ, вымаливающихъ себѣ у штатныхъ, еще состоящихъ на дѣйствительной службѣ, церковно-служителей милости—допустить ихъ къ своимъ праздничнымъ хожденіямъ? Видали ль вы, какъ эти больные дряхлые старцы, положившіе свои силы на службѣ при церкви Божіей, о Рождествѣ или о Свѣтой тащатся за причтомъ изъ двора во дворъ—ради скуднаго подаенія, — какъ они вездѣ жмутся куда-нибудь къ уголку, клапаются мужичкамъ, выносятъ покровительственный токъ штатнаго причта?.. Видали ль вы, благодушный читатель, до какого нищенскаго, унизительнаго, невообразимо-жалкаго положенія доходятъ иногда жены и дѣти умершихъ церковно-служителей, при жизни отца семейства привыкшія жить въ нѣкоторомъ довольствѣ, получившія по своимъ средствамъ приличное воспитаніе?.. Сколько притѣсненій и оскорбленій этимъ бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ приходится терпѣть отъ одного причта, вынужденнаго изъ своихъ трудовыхъ доходовъ на что выдѣлять извѣстную долю этому жалкому

семейству вдовы священника или діакона (нагъ же иначе разсудать и причту, дорожному каждому трудовую копѣйкой?)?.. Мальчики—сироты церковно-служительскія, хотя не безъ хлопотъ и затрудненій,—все-таки получаютъ хоть какое-нибудь казенное содержаніе. А что становится съ бѣдными дѣвцями,—къ слову сказать, скромными, трудолюбивыми, и, не смотря на скудость средствъ и общее небреженіе объ томъ дѣлѣ, по своему кругу еще очень недурно воспитанными для семейной жизни? Что становится съ бѣдною сиротой—дочерью священника или діакона, если преосвященный послѣ смерти ея родителя не дастъ нѣкоторое время прискаты ей жениха для замѣщенія родительскаго мѣста? Ей предстоитъ: или весь вѣкъ промаяться по чужимъ угламъ въ приживалкахъ, или выйдти замужъ за какого-нибудь бобыля.. Завидная доля!.. Вотъ, во избѣжаніе такихъ-то горькихъ затрудненій и бѣдствій, и принято у насъ по вѣсѣмъ епархіямъ зачислять церковно-служительскія мѣста за сыновьями и женихами дочерей умершихъ и престарѣлыхъ церковно-служителей. Мѣра, конечно, по основному побужденію и цѣли, прекрасная, сострадательная. И вѣчная память тону доброму чловѣку, который первый придумалъ этою мѣрою сколько-нибудь облегчить состояніе безпомощныхъ людей нашего званія! Въ виду того раздражающаго душу положенія, до какого доходятъ сиротскія семейства въ духовномъ сословіи, ему, конечно, хотѣлось помочь имъ чѣмъ-нибудь какъ можно скорѣе, и нѣкогда было задумываться надъ невыгодными сторонами придуманной мѣры.

Но всему своя череда. Въ настоящее время пора духовному начальству, самому духовенству, особенно же прихожанамъ подумать о другихъ—болѣе дѣйствительныхъ и болѣе справедливыхъ—мѣрахъ къ обезпеченію старости бѣдныхъ

служителей алтаря и положенія ихъ сиротствующихъ семействъ. Мѣра, доселѣ принимаемая, уже выявила свои невыгодныя стороны. 1) Мѣра эта далеко не простирается, и не можетъ простираться на всѣхъ нуждающихся. Далекое не всѣ сиротскія семейства пользуются правомъ зачисленія на мѣста. Въ епархіальномъ управленіи встрѣчается очень много обстоятельствъ, при которыхъ невозможно удовлетворить и успокоить всѣхъ. 2) Мѣра эта не простирается, и не можетъ простирается на всѣхъ членовъ семейства, которому думаютъ ею сдѣлать помощь. Одной дочери, или одному сыну умершаго церковно-служителя приходится устроиться, а прочіе члены сиротскаго семейства все-таки должны бѣдствовать. И сколько за этою вѣрою остается въ нашемъ званіи безпомощныхъ, нищенскихъ, униженныхъ семействъ! 3) Обязательства, принимаемыя поступающими на мѣсто престарѣлаго или умершаго церковно-служителя сыномъ или зятемъ относительно прочихъ членовъ безпомощнаго семейства, очень мало помогаютъ дѣлу, а бывають очень нерѣдко причиною новыхъ замѣшательствъ и несчастій. Эти обязательства только связываютъ руки той и другой сторонѣ—и обязующейся, и относительно которой дѣлаются обязательства, и поставляютъ обѣ стороны во взаимныя фальшивыя отношенія. Эти обязательства доводятъ нерѣдко до нищенскаго положенія, вмѣсто одного, два соединенныя семейства. А, помимо этихъ нуждъ матеріальныхъ, сколько возникаетъ отсюда самыхъ тяжелыхъ оскорбленій нравственныхъ! Сколько нестроений, несогласій, порчи и всякаго зла вносится отсюда въ семейныя—кровныя отношенія, вообще добрыя и крѣпкія въ нашемъ быту. Сколько горькихъ попрековъ, а иногда и хуже, чѣмъ попрековъ, приходится терпѣть бѣдной матери вдовѣ, обремененной сиротскими се-

нействою, а иногда самому старику отцу, положившему силы на службу церковной, отъ зятя или невестки! И это награда, это-то утѣшеніе нашимъ отцамъ и матерямъ за тѣ неустанныя труды, за тѣ бессонныя заботы, какихъ стоило имъ воспитать сына, или пристроить дочь?... Сколько, наконецъ, возникаетъ отсюда для епархіальныхъ начальствъ хлопотъ и дѣлъ, самыхъ затруднительныхъ (оттого-что дѣло здѣсь касается семейныхъ отношеній) и самыхъ грустныхъ, самыхъ черныхъ!... 4) Мѣра зачисленія мѣстъ за церковно-служительскими сыновьями и зятьями даетъ мѣсто многимъ вольнымъ и невольнымъ несправедливостямъ и злоупотребленіямъ. Нерѣдко семейства—самыя безпомощныя—оставляются безъ мѣстъ; а тѣ, которыя могли бы прожить и пристроиться на собственные средства, получаютъ мѣста. Дѣйствительное же положеніе и достатки церковно-служительскихъ семействъ, при настоящемъ порядкѣ дѣлъ, не могутъ быть извѣстны самому епархіальному начальству.... 5) Мѣра зачисленія мѣстъ за церковно-служительскими зятьями и сыновьями даетъ случай получать мѣста людямъ менѣе достойнымъ, и отстраняетъ нерѣдко достойныхъ. На сиротское мѣсто съ нелегкими обязательствами рѣдко пойдетъ человекъ, который и безъ того достоинъ и надѣется получить себѣ мѣсто; а идутъ большею частію люди, не надѣющіеся на свои достоинства и заслуги. Взять за мужъ сироту, поступить въ зятя къ старому священнику съ обязательствомъ кормить его до смерти—дѣло конечно очень хорошее; но оно нисколько не вознаграждаетъ въ поступающемъ ра такое мѣсто качества, нужныхъ для священнаго служенія. Состраданіе—хорошее чувство; но въ такомъ важномъ дѣлѣ какъ бракъ, хотя бы и съ сиротой, и полученіе церковно-служительскаго мѣста, хотя бы и непраднаго,—одного со-

страданія недостаточно. Да и развѣ состраданіе заставляетъ этихъ молодыхъ людей жениться на сиротахъ, и поступать на непраздныя мѣста съ обязательствами?... 6) Мѣра, разсматриваемая нами, тяжела нравственно и для нашихъ молодыхъ людей, вступающихъ въ бракъ изъ-за полученія мѣста. Она въ значительной степени подрываетъ нравственное значеніе таинства брака въ глазахъ тѣхъ людей, которые должны будутъ проповѣдывать другимъ высокое значеніе этого таинства. Она заставляетъ ихъ—при самомъ первомъ столкновеніи съ жизнью, и въ самомъ важномъ серьезномъ дѣлѣ жизни—заключать сдѣлку съ своимъ чувствомъ, съ своею совѣстью (а развѣ эта сдѣлка не можетъ отозваться впоследствии въ семейныхъ отношеніяхъ и въ нравственномъ характерѣ служителя церкви?); а иныхъ—лучшихъ людей, неспособныхъ на такую нравственную сдѣлку, заставляетъ иногда уходить изъ духовнаго званія... Когда предстоитъ выборъ—или жениться не по склонности, а ради мѣста (хорошо, конечно, если женитьба ради мѣста не противорѣчитъ чувству, но вѣдь это не всегда можетъ быть), или, отказавшись отъ невѣсты, отказаться вмѣстѣ съ тѣмъ отъ надежды получить достойное мѣсто; то конечно первый путь изберутъ менѣе твердые въ нравственныхъ правилахъ, а болѣе добросовѣстные и нравственные скорѣе предпочтутъ совѣсть оставить духовное званіе... 7) Наконецъ, еще слово объ этой мѣрѣ. Ни въ одномъ званіи, ни на одной службѣ должности и мѣста не передаются по родству и наслѣдству, не зачисляются за сыновьями и дочерьми служащихъ. А въ служеніи церковномъ, служеніи по преимуществу духовномъ и нравственномъ, полученіе должностей и мѣстъ тѣмъ болѣе должно опредѣляться одними личными достоинствами и заслугами. Для насъ, свыкшихся съ извѣстными поряд-

комъ дѣлъ, многое конечно не кажется страннымъ, что въ немъ дѣйствительно есть ненормальнаго. Но на человека свѣжаго хоть такой обычай, какъ это зачисленіе священно-служительскихъ мѣстъ за женихами дѣвицъ сиротъ, можетъ произвести очень непріятное и соблазнительное впечатлѣніе. И, помнится, въ одномъ французскомъ журналѣ не такъ давно сдѣланъ былъ по этому поводу довольно цинически-выраженный, но нелишенный смысла отзывъ о нашемъ церковномъ управленіи (т. е. будто у насъ церкви и приходы идутъ въ приданое за поповскими дочерями).

И такъ, нужно подумать о какихъ нибудь новыхъ мѣрахъ къ обезпеченію положенія нашихъ престарѣлыхъ церковно-служителей и безпомощныхъ сиротскихъ церковно-служительскихъ семействъ. А зачисленіе мѣстъ за церковно-служительскими дѣтьми пора вывести изъ обычая. Впрочемъ, еще повторяемъ, съ этою мѣрою нельзя сдѣлаться такъ легко, какъ напр. съ раздачею мѣстъ по прошеніямъ и ходатайствамъ знатныхъ лицъ. Относительно той мѣры нужна только общая добрая рѣшимость. Нужно всѣмъ епархіальнымъ начальствамъ рѣшиться дѣйствовать единодушно, ни для кого и ни въ какомъ случаѣ не дѣлать исключеній,—нуженъ добрый вліятельный примѣръ и братское убѣжденіе,—и всѣ эти происки, ходатайства, протекціи скоро могутъ прекратиться. И ничей здѣсь кровный интересъ не пострадаетъ, и всѣ за то будутъ благодарны, не исключая и тѣхъ, которые при настоящемъ порядкѣ дѣлъ не прочь были бы прибѣгнуть къ этимъ ходатайствамъ и протекціямъ (*). Но отмѣнить зачисле-

(*). Здѣсь мы считаемъ нужнымъ замѣтить,—и самъ авторъ, конечно, согласится съ нами, что никакъ нельзя включить въ разрядъ незаконныхъ ходатайствъ и протекцій—законныхъ и единодушныхъ просьбъ священныхъ прихожанъ объ опредѣленіи имъ священно-церковнослужителей, по ихъ избранію, когда избранные достойны того. *Ред.*

нѣ мѣсть за сиротами не такъ легко; здѣсь можно обидѣть, оставить безъ куска хлѣба тысячи семействъ, и безъ того всѣмъ и всѣмъ обяжаемыхъ. Прежде отиѣненія этой мѣры нужно придумать и ввести въ употребленіе другія прочныя мѣры къ обезпеченію безпомощныхъ людей нашего званія. И вотъ насущный вопросъ на обсужденіе нашей духовной литературы!..

III.

Намъ остается еще сказать о томъ униженіи, въ какомъ поставлены у насъ причетническія мѣста. Въ этомъ униженіи для людей сколько-нибудь развитыхъ—также одна изъ главныхъ причинъ опасенія идти въ дьячки и пономари. Намъ скажутъ здѣсь прежде всего, что то унижительное положеніе, въ какомъ находятся причетническія мѣста, создано самими же нынѣшними дьячками и пономарями, и, слѣдовательно, само собою измѣнится, когда причетниками будутъ люди болѣе образованные и развитые. Это отчасти справедливо, но только отчасти. Конечно, много унижаютъ себя сами изъ нынѣшнихъ причетниковъ—невѣжественные, грубые, невоздержные. Но и кромѣ того—въ самомъ положеніи и обязанностяхъ, возлагаемыхъ на причетниковъ, въ отношеніяхъ къ нимъ священниковъ, много есть непривлекательныхъ сторонъ, въ которыхъ уже не виноваты сами причетники. Въ статьѣ «Православнаго Обозрѣнія» отчасти принята во вниманіе и эта сторона дѣла. «Причетниковъ, поступающихъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи, конечно не нужно будетъ заставлять звонить, топить печи, мести полы въ церквахъ». И, прибавимъ, не нужно будетъ заставлять такихъ причетниковъ быть на посылкахъ у священниковъ не по дѣламъ службы, а также—отдавать ихъ отъ болѣе почетныхъ членовъ причта

въ глазахъ прихожанъ,—обращаться съ ними высококомѣрно, называть ихъ только по имени безъ отчества и т. под. И этого, конечно, не трудно будетъ достигнуть; священники сами сознаютъ справедливость этихъ требованій...

Но обо всемъ этомъ мы не будемъ много говорить. Все это, пожалуй, уладится само собою—при воздѣйствіи благоприятныхъ внутреннихъ и вѣшнихъ обстоятельствъ. Въ настоящемъ отдѣлѣ статьи мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ одну очень соблазнительную сторону положенія не только причетниковъ, но и всего нашего духовнаго сословія. Мы хотимъ сказать о томъ способѣ собиранія и раздѣла доходовъ, который принятъ у насъ. На эту тему много бы можно написать. Сколько можно бы нарисовать здѣсь жалкихъ, безобразныхъ картинъ,—сколько припомнить соблазнительныхъ прозваній, пословицъ, анекдотовъ, составившихся на этотъ счетъ,—сколько поднять грязныхъ клеузныхъ дѣлъ, возникающихъ отсюда по епархіальному управленію. Но мы имѣемъ въ виду не красныя слова, не яркія картины, а дѣйствительную пользу нашихъ отцовъ и братьевъ. Довольно сказать одно,—ничто столько не унижаетъ духовенство не только въ глазахъ людей, и безъ того расположенныхъ относиться къ нему съ пренебреженіемъ, но въ глазахъ и самаго народа, который вообще расположенъ уважать церковь и духовенство, котораго довѣріемъ и уваженіемъ духовенству слишкомъ нужно дорожить, и для нравственной жизни котораго—потеря довѣрія и уваженія къ своимъ духовнымъ пастырямъ можетъ, въ свою очередь, сопровождаться очень печальными послѣдствіями,—ничто, наконецъ, столько не унижаетъ духовенство въ собственныхъ глазахъ, какъ это хожденіе, соединенное съ собираніемъ дохода, нарушающее и въ причтѣ, и въ прихожанахъ благое настроеніе духа въ важную минуту со-

вершенія священныхъ обрядовъ, — мы не говоримъ уже о случайныхъ грустныхъ явленіяхъ скорь, и тяжель, иногда и по мѣстамъ сопровождающихъ эти хожденія. Конечно, это — явленія далеко не общія; но нужно же, чтобъ онѣ вовсе и повсюду уничтожились — эти грустныя явленія. Трудно представить что либо болѣе несоотвѣтствующее высокому духовному служенію!.. И вотъ что составляетъ нерѣдко нашихъ молодыхъ людей, кончившихъ курсъ наукъ, сколько-нибудь развившихся и облагороженныхъ, терять уваженіе и привязанность къ своему званію, бѣжать не только отъ причетнической, но и отъ священнической должности... Устраните этотъ унижительный способъ добыванія доходовъ, — и какъ возвысится тогда уваженіе къ духовному званію и въ глазахъ самаго духовенства, и въ глазахъ народа, — какъ облагородится нравственный характеръ духовнаго сословія въ самыхъ ближайшихъ поколѣніяхъ, — сколько даже времени свободнаго отъ мелкихъ разчетовъ останется у духовенства на его высокое служеніе.

Это, мы надѣмся, общее желаніе и чаяніе нашего духовенства... И неужели-жъ нѣтъ возможности — устранить это зло, всѣхъ тяготящее, всѣхъ соблазняющее и всѣмъ сознаваемое? Мы не говоримъ объ обезпеченіи духовенства правительствомъ, о жалованья духовенству отъ правительства... Нѣтъ, нельзя ли устроить болѣе удовлетворительнымъ образомъ матеріальное положеніе духовенства при пособіи того же самаго прихода, на которомъ и теперь лежитъ обязанность содержать духовенство? Пусть приходъ всѣ заботы о собираніи вознагражденій причту возьметъ на себя, — расположить такъ, какъ ему самому представится удобнымъ, и возложить это дѣло на добросовѣстно-избранныхъ церков-

ныхъ старость, пѣнителей и, такъ-называемыхъ по мѣстамъ, старателей. Эти должности—при разумномъ и добросовѣстномъ выборѣ—могли бы получить большое нравственное значеніе въ народѣ; и къ прохожденію ихъ, даже безкорыстному, нашлись бы охотники въ каждомъ приходѣ—изъ людей, желающихъ послужить Богу и добрымъ людямъ. Вообще, замѣтивъ здѣсь къ слову, много бы добрыхъ плодовъ можно было ожидать, если бы мы позаботились прочтѣе организовать, оживить и возвысить значеніе *нашихъ приходовъ*, этихъ братскихъ церковныхъ общинъ, объединяющихъ православный народъ единствомъ вѣры и самыми высшими жизненными интересами!—Пусть причтъ знаетъ только, сколько круглымъ числомъ прійдется ему получить въ годъ за управленіе своихъ обязанностей, нисколько не думая о томъ, какъ и съ кого взять каждую копейку. Пусть предварительно точнѣе опредѣлится, сколько какой приходъ можетъ дать на содержаніе причта деньгами и другими продуктами (одно чисто денежное обезпеченіе въ нашихъ селахъ, мы думаемъ, невыгодно было бы и для причта и для прихода). Это было бы полезно и епархіальному начальству;—оно могло бы тогда знать состоянія различныхъ приходовъ, и руководствоваться этимъ для болѣе правильнаго замѣщенія приходовъ и другихъ случаевъ. Тогда можно было бы знать напередъ и епархіальному начальству и приходамъ, сколько гдѣ можно имѣть священниковъ и причетниковъ, можно ли при извѣстномъ приходѣ имѣть дьякона, или нѣтъ и проч.

Мы не думаемъ, чтобы такую мѣрою былъ кто недоволенъ. Мы думаемъ, что она была бы принята съ благодарностью нашими духовными и въ такомъ случаѣ, если бы по мѣстамъ причтамъ пришлось получать даже мѣже того, сколько они теперь получаютъ (а отчего же и зачѣмъ имъ

получать меньше?). Мы не думаемъ также, чтобы эта иѣбра показалаь тяжела и неприятна самимъ приходамъ. Имъ все равно придется въ общемъ итогъ давать столько же, сколько они и теперь даютъ. Только тогда самъ приходъ—сама община безпристрастнымъ приговоромъ могла бы рѣшить, кто сколько, и чего, и когда долженъ дать на содержаніе духовенства,—такъ чтобы сборъ не былъ обременителенъ ни для цѣлаго прихода, ни для отдѣльныхъ семействъ. Тогда каждый изъ прихожанъ, внесши свою опредѣленную долю, былъ бы совершенно свободенъ въ своихъ отношеніяхъ къ причту,—не сталъ бы съ опасеніемъ и работою ожидать тѣхъ важныхъ случаевъ жизни, когда придется съ лихвою заплатить приходскому причту за все недоданное въ ту или другую пору (какъ напр. теперь наши мужички сильно озабочиваются, когда приходитъ пора женить кого въ семьѣ).

Русскій человекъ добръ и справедливъ; его нельзя упрекнуть ни въ скупости, ни въ неблагодарности, ни въ неуваженіи къ правамъ и заслугамъ другихъ. Если онъ когда-либо являлся неблагодарнымъ къ людямъ, которые ему служили, не признавалъ правъ и заслугъ другихъ, ни своихъ обязанностей по отношенію къ нимъ,—то это происходило развѣ только отъ того, что въ немъ самимъ задавлено было сознаніе своихъ правъ и заслугъ. Въ настоящее время, когда въ многочислѣннѣйшемъ классѣ народа пробуждено сознаніе о своихъ правахъ, въ народѣ вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждается и сознаніе своихъ обязанностей по отношенію къ людямъ, которые ему служатъ,—по отношенію къ цѣлому обществу. Ужели же русскій человекъ откажетъ въ необходимомъ пособіи тому сословію, которое служить его высшимъ интересамъ—его религіозному, нравствен-

ному и умственному развитію, и которому, кромѣ его пособій, не на что надѣяться, не къ кому обратиться, нечѣмъ существовать? И ужели для русскаго человѣка ничего не будетъ значить, если это сословіе, при лучшемъ устройствѣ своего матеріальнаго быта, само сдѣлается лучше, чище, благороднѣе, и съ большею энергіею, съ большею свободою, не стѣняясь несвойственными его служенію заботами, станетъ служить его духовной пользѣ?

Нѣтъ! мы думаемъ, что предлагаемая нами мѣра не будетъ принята народомъ съ неудовольствіемъ. Мы думаемъ, что и теперь народъ, если и тяготится и соблазняется существующими дачами духовенству,—то его тяготитъ и соблазняетъ здѣсь не справедливое вознагражденіе за трудъ, а неопредѣленность вознагражденія и встрѣчающійся по мѣстамъ произволъ требованій. Мы думаемъ, если приходу отдать на руки содержаніе духовенства,—онъ не только не откажется дать приличное обезпеченіе священнику и причетникамъ, служащимъ въ томъ храмѣ, гдѣ приходъ молится,—но не забудетъ и состарѣвшихся заштатныхъ церковно-служителей, уже потерявшихъ силы служить,—не оставитъ безъ помощи и церковно-служительскихъ вдовъ и сиротъ.

Нужно только одно, чтобы предлагаемая нами мѣра,—если бы угодно было на нее обратить вниманіе кому слѣдуетъ,—не пришла для причтовъ и приходовъ—нежданно-негаданно, какъ снѣгъ на голову. Пусть эта мѣра обсудится между духовенствомъ (у насъ же теперь столько духовныхъ журналовъ), и потомъ пусть будетъ разъяснена народу.

А. Троицкій.

Отъ Редакціи.

Вопросъ о средствахъ къ содержанію духовенства въ настоящее время заслуживаетъ вниманія и многосторонняго обсуждения. Мысль, выражаемая авторомъ предъидущей статьи, имѣетъ не только благовидность, но и ту внутреннюю истину, что *содержаніе духовенства должно быть отъ приходской общины*, а не отъ правительства напр., и т. п. И въ этомъ отношеніи мы безусловно согласны съ нимъ. Теперь дѣло въ способѣ полученія этого содержанія: должно ли оно идти отъ приходской общины въ строгомъ смыслѣ, посредствомъ сбора известной суммы денежной или натурою чрезъ известныхъ старостъ или попечителей, которые собирали бы это съ прихожанъ, раскладывая требуемое количество сообразно съ средствами послѣднихъ, — или отъ прихожанъ *порознь* — чрезъ вознагражденіе трудовъ причта по личному ихъ усердію и по требамъ, для нихъ совершаемымъ. Первое раціональное само по себѣ, средство представляетъ то неудобство, что 1) въ дѣло свободныхъ отношеній къ церкви и духовенству вноситъ элементъ принудительности и сообщаетъ сбору характеръ подати или налога; 2) оно все-таки не можетъ обнимать всѣхъ трудовъ, совершаемыхъ причтомъ по личнымъ потребностямъ прихожанина, и не устраняетъ *рѣшительно* другаго способа, а 3) такимъ образомъ ведетъ къ казуистическому разграниченію характера церковныхъ требъ необходимыхъ, каноническихъ и случайныхъ или произвольныхъ. Впрочемъ — повторимъ опять — этотъ предметъ требуетъ многихъ и многихъ обсужденій. Просимъ священнослужителей и мірянъ обратить вниманіе на этотъ вопросъ.

ПРАВОСЛАВНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

1862.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Февраля 22 дня 1862 г.

Ценсоръ Протопресвитеръ *Д. Поескій.*

ВѢЧНАЯ ЖИЗНЬ

I.

НАЗНАЧЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Всякое время имѣетъ свои интересы. Каждое поколѣніе приноситъ съ собою нѣкоторыя убѣжденія, какихъ не знало поколѣніе предшествовавшее, и о которыхъ, можетъ-быть, забудутъ поколѣнія будущія.

Но есть интересы неизмѣнно важные для всякаго времени. Есть убѣжденія, есть вопросы, присущіе всему человѣчеству: чередуются поколѣнія, а эти вопросы постоянно остаются одни и тѣ же, какъ неизмѣнныя задачи.

Таковъ вопросъ *о назначеніи человека.*

Куда нашъ путь? Зачѣмъ мы живемъ на землѣ? Наше существованіе выполняется ли въ настоящей экономіи? Какая цѣль нашего существованія? Жизнь коротка; почти съ самаго исходнаго ея пункта уже видится другой ея берегъ. Чего намъ ждать, чего бояться и чего надѣяться на томъ берегу? Стоитъ подумать объ этомъ вопросѣ. Только крайнее легкомысліе можетъ не думать о немъ. Да едва ли

кто и забываетъ этотъ вопросъ,—онъ непремѣнно присуще всякой душѣ. Только жизнь разсѣиваетъ насъ, и мы не смотримъ прямо на задачу, которую однако устранить мы не въ силахъ. У каждаго свои дѣла, и каждому нужно жить,—думать о множествѣ предметовъ въ настоящемъ. Гдѣ же взять времени заниматься отдаленнымъ будущимъ? Такимъ образомъ нерѣдко гложетъ въ заросли житейскихъ хлопотъ зерно высокнхъ помысловъ, которые должны бы составлять обычныя занятія разумнаго существа. Скажутъ, что я толкую общими мѣстами. Положимъ; но инѣ кажется,—если пословицы составляютъ мудрость народовъ, то общія мѣста—мудрость человѣчества.

Кто не говорилъ сотни разъ и другимъ и себѣ того, что мы сейчасъ сказали? Кто не знаетъ о суетности предметовъ, которые поработаютъ человѣка? Сколько людей, которые жалуются на свое существованіе, поносятъ его, злословятъ въ нуждѣ. Однако мы вѣримъ въ жизнь, готовы всегда вѣрить ея обѣщаніямъ, ея обаянію, и можетъ-быть особенно вѣримъ ей въ минуты, когда она насъ разочаровываетъ. Этому ослѣпленію надобно противопоставить отчетливый ясный взглядъ на все, что есть несостоятельнаго въ настоящемъ въ нашемъ существованіи и наивнаго въ нашей привязанности къ тому, что мы называемъ дѣйствительностью. Здѣсь намъ нечего искать новыхъ мыслей и выраженій; можно воспользоваться извѣстными. Непрочность всѣхъ вещей, ничтожество видимой дѣйствительности,—это такой предметъ, котораго никогда не обходили и поэзія, и краснорѣчіе, философія,—органы, которыми человѣчество высказывается самому себѣ. Послушайте.

«Всякое существо, измѣряющее себя, есть ничто, потому что все измѣримое имѣетъ свой предѣлъ, и какъ скоро до-

шло до этого предѣла, послѣдній шагъ разрушаетъ все, какъ будто оно никогда и не существовало. Что такое сотня лѣтъ, что такое тысяча лѣтъ, когда послѣдняя минута изглаживаетъ ихъ? Представьте продолженіе вашей жизни равнымъ долговѣчности тѣхъ деревъ, подъ которыми отдыхали наши предки и будетъ отдыхать наше потомство; соберите себѣ на всеиъ этомъ, повидимому, безшѣрномъ пространствѣ времени, почести, богатства, удовольствія: какую пользу принесеть вамъ эта громада, когда послѣднее дыханіе смерти вдругъ разрушить все это, какъ карточный домикъ—забаву дѣтей? Къ чему намъ книга жизни, которой каждая страница наполнена прекрасными письменами, когда одинъ почеркъ зашарываетъ ее всю? Еще бы этотъ почеркъ оставилъ хоть какой-либо слѣдъ собою; на землѣ не остается никакого слѣда отъ того, что мы были.

«Что же такое наше существо? Вступаемъ въ жизнь, чтобъ тотчасъ выдти изъ нея; приходимъ показаться какъ и другіе; а потомъ, приходится исчезнуть. Все призываетъ насъ къ смерти; природа, какъ бы изъ зависти къ тѣмъ благамъ, которыя даетъ намъ, часто напоминаетъ намъ, что она не можетъ надолго оставить за нами ту небольшую частицу вещества, которое для насъ приготовляетъ и которое не должно оставаться въ однѣхъ рукахъ, а вѣчно должно быть въ обращеніи;—ей оно нужно для другихъ, и она требуетъ его назадъ отъ насъ.

«Какъ будто совершается постоянно новый наборъ изъ рода человѣческаго,—я говорю о дѣтяхъ, которыя рождаются, и по шѣрѣ того, какъ вырастаютъ и мужають, кажется толкають насъ плечомъ, и говорятъ намъ: уйдите, теперь папа очередь! Такимъ образомъ, мы видимъ, что передъ нами выступаютъ другіе; а они смотрятъ какъ мы удаляемся, и сами

испытать нашу участь. Что же такое мы? Взглянуть впередъ, какое безграничное пространство, гдѣ меня нѣтъ! взглянуть назадъ, тамъ тоже, меня нѣтъ ужъ болѣе! Какъ мало мѣста занимаю я въ безмѣрномъ пространствѣ времени! Я ничто; мнѣ трудно отличить себя отъ ничтожества; я только для счёту; не будь меня, и жизнь не хуже бы шла и безъ меня.

«Образъ міра сего преходить, и мое существо есть ничто. Я такъ быстро несуюсь, что, кажется, все бѣжитъ отъ меня, и все ускользаетъ. Да, все бѣжитъ; и въ то время, какъ мы, въ этомъ собраніи, увѣрены, что стоимъ на одномъ мѣстѣ, всякій совершаетъ свой путь, всякій, не думая о томъ, удаляется отъ своего сосѣда, потому что всё нечувствительно идемъ къ послѣдней разлукѣ!» (Боссюеть, *Слово о смерти.*)

Такъ, настоящая жизнь не такова, чтобъ намъ нечего было заботиться о будущемъ. Если бы даже наше существованіе здѣсь было полно и достигало полной своей мѣры, и тогда было бы достаточно смерти, чтобъ сдѣлать насъ серьезными въ жизни. Но опытъ даетъ намъ предостереженія болѣе рѣшительныя. Много ли здѣсь существованій полныхъ? Ступайте на кладбище, считайте могилы дѣтей, юношей, молодыхъ дѣвицъ! Кто изъ насъ не знаетъ нѣсколько жизней, разбитыхъ преждевременно? У кого изъ насъ нѣтъ воспоминанія о комъ-нибудь, чья жизнь была полна будущности, надежды, и однако была прервана совершенно неожиданно? Сколько скорби въ ударахъ смерти! и сколько тоже ироніи! Человѣкъ полезный, предметъ самой живой привязанности, умираетъ въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, тогда какъ жизнь другаго, тяжелая и для него самого, и для окружающихъ, будто и конца не имѣетъ. Тяжело продолжать объ этомъ; всякій самъ знаетъ множество подобныхъ безпорядковъ смерти.

Безпорядокъ! Если мы говоримъ о безпорядкѣ, значить иѣдемъ чувство порядка. Этотъ порядокъ, котораго требуетъ наше сердце, наша совѣсть,—этотъ порядокъ, который мы, бѣдные, понимаемъ, по крайней мѣрѣ предчувствуемъ,—нѣтъ ли кого на небѣ или на землѣ, нѣтъ ли кого болѣе великаго, чѣмъ мы, Кто могъ бы вполне понять и осуществить этотъ порядокъ? Неужели за нестройными звуками, которые насъ оскорбляютъ, никогда не послѣдуетъ гармонія?

Такъ жизнь и смерть, скоротечность жизни и ея неизбежный конецъ рѣшительно разрушаютъ чары нашего легкомыслія, и дѣлаютъ насъ внимательными къ вопросу: куда нашъ путь, къ чему мы назначены? —

Спросимъ нашу природу, обратимся къ вашей душѣ. Нѣтъ ни одной силы духа, нѣтъ ни одной потребности нашего сердца, которыя, будучи внимательно изучаемы, не ставили бы предъ нами вопроса: «Назначеніе человѣка выполняется ли здѣсь?» Возьмемъ примѣръ, повидимому далекій отъ нашего предмета.

Въ обширной области изящныхъ искусствъ, поэзія, кажется, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ другія искусства. Она посвоему дѣлаетъ то, что дѣлаютъ своими средствами живопись и музыка,—она старается выразить идеалъ, т. е. она старается подъ различными образами дать почувствовать нѣчто болѣе возвышенное, болѣе богатое, болѣе поражающее, чѣмъ положительная дѣйствительность. Исканіе идеала—сущность искусства, сущность и поэзіи. Но въ этомъ исканіи представляются два направленія, глубоко различныя.

Есть поэзія, которая украшаетъ только настоящую жизнь, дѣлаетъ изъ нея обманчивый образъ, который обольщаетъ насъ, и разбивается отъ прикосновенія съ дѣйствительностью,

оставляя на сердце только досаду и разочарованіе. Я говорю не объ испорченномъ воображеніи, которое украшаетъ пороки, грѣхъ, и облакаетъ блестящимъ покровомъ раны и струпы человѣческаго сердца; я говорю просто о томъ романтическомъ расположеніи, благодаря которому жизнь надѣдаетъ, долгъ становится скучнымъ. Въ этомъ случаѣ идеалъ похожъ на фосфорическій свѣтъ, выходящій изъ предметовъ, а не изъ главнаго его центра. Искусство, которое ищетъ такого идеала, есть удовольствіе, но переходящее и гибнущее, какъ и всѣ земныя вещи.

Есть другаго рода поэзія. Есть поэзія, которая вѣритъ въ источникъ свѣта, старается возвыситься до него, и по переходящимъ здѣсь красотахъ, понять вѣчную красоту, которой онѣ только блѣдныя отраженія. Послушайте греческаго философа Платона: «Человѣкъ, встрѣчая красоту на землѣ, воспоминаетъ объ истинной красотѣ, окрыляется и горитъ желаніемъ летѣть къ ней; но въ своемъ безсиліи, онъ поднимаетъ глаза къ небу.» (Федръ). Послушайте еще Сократа: «Чудная красота есть цѣль всѣхъ поисковъ мудраго,—вѣчная красота, которая не умаляется и не возрастаетъ, которой причастны всѣ другія красоты, однако такъ, что ихъ рожденіе или разрушеніе не приносятъ ей ни уменьшенія, ни прибавки, ни малѣйшаго измѣненія... Зрѣлище этой-то вѣчной красоты даетъ цѣну нашей жизни.» (*Пиршество*).—Итакъ есть идея красоты, которая даетъ цѣну нашему существованію, потому что эта идея дѣлается для насъ залогомъ высшаго существованія. Есть поэзія, которая не довольствуется только увеселеніемъ духа, но которая облагораживаетъ жизнь, освѣщая ее высшимъ свѣтомъ,—есть поэзія, которая не только не отвращаетъ отъ дѣйствительности

и отъ долга, но преобразуетъ дѣйствительность и освящаетъ долгъ. Здѣсь идеаль есть отраженіе свѣта свыше; искусство становится звеномъ той золотой цѣпи, которая соединяетъ небо съ землею.

Вотъ два совершенно различныхъ способа понимать искусство, идеаль, поэзію. На которой сторонѣ правда? Идеаль есть ли только блуждающій огонь, который угасаетъ, едва освѣтивши своимъ фантастическимъ свѣтомъ тѣ болота, которыя произвели его,—или онъ есть лучъ, который сподитъ съ неба для освѣщенія земли?—Обратимъ вниманіе на другой элементъ нашей природы. —

Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ назадъ философъ Аристотель въ одномъ изъ своихъ знаменитыхъ твореній сказалъ: «Всякій человекъ имѣетъ естественное желаніе—знать». Спрашивается, это желаніе знанія соразмѣрено ли только съ нашимъ настоящимъ существованіемъ? Такъ можно бы думать, если бы наука была лишь слугою промышленности, доставляя ей своими изысканіями, своими открытіями орудія къ побѣдѣ надъ природою. Но такъ ли въ самомъ дѣлѣ? Геометрія, говорятъ, явилась у Египтянъ вслѣдствіе потребности розыскать границы наслѣдственныхъ земель, послѣ наводненія Нила. Необходимость отыскивать дорогу въ обширныхъ равнинахъ, гдѣ странствовали съ своими стадами халдейскіе пастухи, натолкнула ихъ на астрономическія наблюденія. Нужда есть мать изобрѣтеній. Положимъ; въ наше время особенно, нельзя отрицать практическихъ выгодъ науки. Но неужели въ этихъ выгодахъ — вся цѣль и полное объясненіе вѣковыхъ трудовъ мысли? Еслибы человекъ искалъ знанія не ради истины, если бы онъ изучалъ, изслѣдовалъ только въ видахъ матеріальныхъ и практическихъ результатовъ отъ своего изученія,

самая промышленность не знала бы тѣхъ чудесъ, которыя теперь удивляютъ насъ. Только послѣ долгихъ безкорыстныхъ научныхъ работъ являются практическія примѣненія науки. Возьмите хоть теорію электричества. Что жь? Ея изобрѣтатели имѣли что ль въ виду ея приложимость къ новѣйшимъ телеграфамъ?!

Любовь къ знанію есть изначальный элементъ нашей природы. Когда мы перестаемъ любить истину ради ея самой, мы уничтожаемъ самихъ себя. Наше желаніе знать безконечно по своей природѣ. Между тѣмъ сопоставьте съ этою внутреннею потребностію, которая не имѣетъ предѣловъ,—сопоставьте тѣ результаты, до которыхъ мы доходимъ въ знаніи.

Обратитесь къ матеріальной природѣ. Вооружите ваши глаза самымъ сильнымъ телескопомъ; думаете ли вы, что вашъ взоръ достигнетъ конца вселенной? Возьмите самый сильный микроскопъ: увидите вы первые элементы матеріи? Самое воображеніе тутъ теряется, безконечное какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ равно ускользаетъ отъ насъ. Притомъ что такое наши чувства, которыми мы допрашиваемъ природу? Какъ бы небольшія окна въ стѣнахъ темницы, изъ которыхъ намъ видна можетъ-быть самая малая часть существующаго. Для слѣпаго и свѣта нѣтъ, для глухаго не существуетъ очарованія звуковъ. И кто скажетъ, сколько сторонъ вселенной ускользаетъ отъ насъ, отъ нашего понятія, потому что намъ нечѣмъ воспринять ихъ, потому что мы слѣпы и глухи въ отношеніи къ нимъ. Всюду вопросы, всюду тайны. Величайшія задачи возбуждаются и полѣтомъ насѣкомаго, и послѣдней былинкой, каждой частичкой воздуха, которымъ дышемъ, самымъ прахомъ, который попираемъ ногами. Наука дѣлаетъ успѣхи, но сколько еще препятствій непреодолимыхъ для науки; если сравнить то, что

извѣстно, съ тѣмъ, что еще неизвѣстно, легко будетъ понять глубокое изреченіе Сократа: «Я знаю одно,—что я ничего не знаю.»

Если таково наше знаніе въ отношеніи къ видимой природѣ, которая такъ доступна нашимъ изслѣдованіямъ, что же сказать о вопросахъ, которые выше опыта: о началѣ и послѣдней цѣли всѣхъ вещей, о существѣ духа? Стремленіе къ рѣшенію задачъ этого порядка соразмѣрно ли съ этою жизнью,—вѣдь эти задачи интересуютъ насъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ рѣшеніе ихъ ускользаетъ отъ насъ? Желаніе разсѣять мракъ, которымъ естественно окружены начало и конецъ нашего существованія, неужели есть фальшивая потребность мысли, которая въ движеніи своемъ переступаетъ самый дѣйствительный предметъ и потомъ уже носится въ пустотѣ? Неужели самая высокая любознательность есть только странная и незаконная утонченность ума? Между тѣмъ, самые первые вопросы, какіе задавало себѣ человечество, были вопросы именно этого порядка. Когда еще не извѣстно было ни физики, ни химіи, философія уже спрашивала о началѣ вещей и о послѣднемъ концѣ вселенной. Таково свидѣтельство исторіи древности. И эта исторія юнаго человечества воспроизводится даже вокругъ насъ. Прислушайтесь къ вопросамъ ребенка: они наивны, но эта наивность подчасъ бываетъ возвышенна. Не случилось ли вамъ быть свидѣтелемъ, какъ иногда въ необширномъ кругу дѣтской мысли вдругъ поднимается одинъ изъ вопросовъ—*почему?* который ставитъ въ тупикъ всю нашу метафизику.

Мы рождены для знанія. Мы хотимъ полной ясности въ знаніи и со всѣхъ сторонъ наталкиваемся на тайны, со всѣхъ сторонъ встрѣчаемъ то *тусклое стекло*, о которомъ говорилъ апостоль Павелъ 18 вѣковъ тому назадъ. Дѣло въ томъ: не-

соразмѣрность между стремленіемъ мысли и результатами, какихъ она можетъ достигнуть, такъ ясна, что невозможно отрицать ее; что отсюда слѣдуетъ? Сказать ли съ Плиніемъ что «природа человѣка фальшива, потому что въ ней соединяется крайняя бѣдность съ безмѣрною гордостью?» Сказать ли, будто взоръ ума, несущійся къ свѣту, есть не больше, какъ болѣзненное раздраженіе? Или сказать, что наша душа имѣетъ предчувствіе своихъ высокихъ судебъ, и что, если смутныя тѣни не могутъ удовлетворить насъ, значитъ мы созданы для полнаго свѣта? Итакъ опять тотъ же вопросъ поднимается мыслию и знаніемъ, какой поднимаетъ и искусство и потребнѣсть идеала.

Но кромѣ прекраснаго и истиннаго, мы стремимся еще къ доброду. Неужели фальшиво это стремленіе? Мы ищемъ нравственнаго добра, котораго не можемъ вполнѣ достигнуть; слѣдуетъ ли отсюда, что это исканіе напрасно и что его надо оставить? или слѣдуетъ, что оно законно и что цѣль его — по ту сторону жизни? Не будемъ пока настаивать на этомъ заключеніи. Постараемся основать наши мысли на соображеніяхъ общедоступныхъ.

Обыкновенно говорятъ, что нравственность требуетъ освещенія (санкціи)? «Будь добръ, и ты будешь счастливъ», говорить внутренней голосъ. Это голосъ правды; онъ утверждаетъ, что счастье человѣка, въ его нормальномъ состояніи, должно быть соразмѣрно съ тѣмъ добромъ, которое исходитъ извнутри его. Но нашъ слухъ истерзанъ жалобами, поднимающимися со всѣхъ сторонъ, жалобами, что этой правды, этой соразмѣрности нѣтъ вокругъ насъ. Мы это хорошо знаемъ: радости жизни раздѣляются вовсе не съ строгимъ соблюденіемъ вѣчныхъ законовъ нравственности; богатство, вліяніе, власть не соединены неразрывною связію съ честностію, съ

правдою, съ самоотверженіемъ. Говорятъ, что и въ этой жизни бываетъ возмездіе этимъ несправедливостямъ счастья,—что добродѣтель сама въ себѣ имѣетъ свою награду, а порокъ свое наказаніе. Пусть такъ, но это возмездіе, какъ бы ни было оно дѣйствительно, въ состояніи ли устранить вопросъ о будущемъ?

Моралисты много говорили о радостяхъ доброй совѣсти; но они мало говорятъ о скорбяхъ,—о скорбяхъ правой совѣсти. Долгъ есть неумытнй владыка. Совѣсть становится тѣнь чувствительнѣе, чѣмъ болѣе она очищается: что прежде казалось ей позволительнымъ, потомъ уже не кажется та-кимъ; въ ней является безпокойство, странное въ глазахъ міра, тяжелое для того, кто носитъ его въ своей груди. Та-кимъ образомъ одинъ долгъ, безъ цѣли, безъ надеждъ, безъ будущности, былъ бы не больше, какъ тяжелымъ игомъ для чело-вѣчества.

Указываютъ на угрызения совѣсти, и особенно имѣютъ въ виду тѣ ужасные примѣры, когда воспоминаніе преступленія, какъ тѣнь, преслѣдуетъ виновнаго, отравляетъ его дни и возмущаетъ покой его ночи. Да, совѣсть говорить; но она также и молчитъ,—не надо забывать объ этомъ молчаніи. Внутренній голосъ строгъ; когда имъ пренебрегаютъ, онъ больше не отзывается. Совѣсть черствѣетъ, и нравствен-ное существованіе мало-по-малу унижается, и для души наступаетъ ночь. Нѣтъ солнца, зажигаютъ свѣчи; нѣтъ ра-дости, ищутъ наслажденій. Безъ сомнѣнія, когда молнія про-рѣзываютъ эту тень, совѣсть просыпается, можетъ-быть въ страшной тоскѣ; но сколько совѣстей легкихъ, которыя легко опять засыпаютъ, лишь кончились страхи.

Взвѣсьте эти факты. Съ одной стороны мы видимъ муче-нія чувствительной совѣсти, съ другой—сонъ, глубокій сонъ

совѣсти созданной. Что же? Правда не исполняется въ этомъ мірѣ; неужели она и никогда не осуществится? неужели никогда не будетъ удовлетворена жажда святости? неужели никогда не проснутся души спящія? Подумайте, вопросъ о будущемъ не заслуживаетъ ли серьезнаго вниманія?

Здѣсь мы должны указать еще на одно затрудненіе, рѣдко представляемое, которое однако встрѣчается. Иногда говорить, будто нравственность не нуждается въ санкціи: поступайте по закону, этого и довольно съ васъ, а искать счастья въ исполненіи долга,—это ужь эгоизмъ; надобно любить добро для добра; добродѣтель достаточна сама себѣ, и не имѣетъ нужды ни въ какихъ видахъ на будущее.—Возраженіе повидимому благородное. Отвѣтимъ на него въ немногихъ словахъ.—Нѣтъ, не эгоизмъ заставляетъ насъ утверждать, что, въ сущности, счастье должно быть соразмѣрно съ добромъ. Безъ сомнѣнія, я желаю этого для себя самого, и не могу переимѣнить моей природы, которая заставляетъ меня безусловно желать этого; но здѣсь такъ мало участія моей личности, что я того же самого желаю и столь же безусловно для другихъ, какъ и для самого себя. Тамъ, гдѣ счастье не слѣдуетъ за добромъ, хотя бы въ этомъ случаѣ лично я нисколько не былъ заинтересованъ, — внутренний мой голосъ возвышается и говоритъ, что тутъ безпорядокъ и что этотъ безпорядокъ долженъ быть исправленъ.

Разсмотримъ теперь самую потребность счастья, безъ отношенія ея къ идеѣ правды. Есть люди, которые отрицаютъ долгъ, но никто не отрицаетъ того, что въ насъ есть желаніе быть счастливыми. Это желаніе удовлетворяется ли земными предметами? Настоящая жизнь имѣетъ свои радости, и мы нерѣдко въ отношеніи къ ней

бываетъ вдвойнѣ несправедливы, и—излишкомъ привязанности къ ней и излишнею благодарностью. Есть радости въ природѣ, есть онѣ въ жизни домашней, есть въ общественной дѣятельности, радости законныя, чистыя.... и однако, чувство жизни въ сущности печально. Припомните предсмертныя слова римскаго императора, достигшаго высшей степени могущества: «У меня было все, и я видѣлъ, что все есть ничто.» Припомните также слова Премудраго царя: «Суета суеть.» Въ лѣтописяхъ литературы можно найти множество свидѣтельствъ, что поэты, которые хотѣли воспѣвать только однѣ шумныя радости, невольно примѣшивали грустную элегію къ своей веселой пѣснѣ. Но оставимъ поэтовъ. Послушаемъ спокойнаго мыслителя:

«Съ самаго начала жизни, наша природа, пробуждаясь со всѣми ея потребностями и силами, встрѣчаетъ міръ, повидимому, представляющій безграничную область для удовлетворенія первыхъ и для развитія послѣднихъ. При взглядѣ на этотъ міръ, который кажется полонъ счастья, наша природа порывается къ нему съ горячими надеждами и упованіями. И ни одна изъ этихъ надеждъ не исполняется, ни одно изъ этихъ упованій не оправдывается. Пока мы молоды, несчастіе насъ больше удивляетъ, чѣмъ поражаетъ; намъ кажется, что оно есть только аномалія, и наша вѣра въ счастье еще не колеблется. Аномалія эта повторяется, и мы все еще крѣпимся. Но наконецъ какой-нибудь слишкомъ сильный ударъ поражаетъ насъ, и внезапно открываетъ намъ глаза, а затѣмъ, чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ яснѣе и яснѣе представляется намъ печальная истина; надежды, которыми прежде смягчались несчастья, исчезаютъ и смѣняются горькими негодованіемъ; тогда изъ глубины сердца, удрученнаго скорбію, изъ глубины разума, уязвленнаго въ самыхъ внутрен-

нихъ его вѣрованіяхъ, неизбежно подымается грустный вопросъ: для чего же человѣкъ поставленъ въ этомъ мірѣ?

• Не думайте однако, будто бѣдствія жизни одни имѣютъ привилегію обращать нашъ умъ къ этой задачѣ: она одинаково исходитъ и изъ нашего счастья, какъ и несчастья, потому что наша природа и въ томъ и въ другомъ одинаково обманывается. Въ первую минуту удовлетворенія нашихъ желаній, мы имѣемъ предубѣжденіе или, лучше сказать, невинность считать себя счастливыми; но если это счастье продолжается, его прелесть скоро увядаетъ; и тамъ, гдѣ вы думали найти полное удовлетвореніе, вы испытываете только нѣкоторое удовлетвореніе, которое, постепенно умаляясь, превращается наконецъ въ скуку и отвращеніе. Такова неизбежная развязка всякаго удовольствія; таковъ роковой законъ, отъ котораго ни одно изъ нихъ не можетъ освободиться. Конечно, если въ минуту еще торжества какой-нибудь страсти вамъ удалось отдаться другой, то увлеченіе этой новою страстью помогаетъ вамъ избѣжать разочарованія первой; и такимъ образомъ въ жизни слишкомъ возбужденной есть возможность довольно долго прожить счастьемъ этого міра, пока узнаешь его суетность. Но такая безчувственность не можетъ же продолжиться навсегда: придетъ же минута, когда остановится эта гоньба за удовольствіями, когда наскучитъ нерѣшительность желаній и явится потребность остановиться на одномъ предметѣ, и на немъ сосредоточить свои желанія. Тогда, какова бы ни была эта послѣдняя страсть, неизбежно приходитъ горькая опытность, которую случай только отсрочивалъ; желанное счастье едва достигнуто, и уже страшитъ душу своею недостаточностью; напрасно человѣкъ усиливается отыскать въ немъ то, о чемъ мечталъ; желанное счастье достигнуто, а желаніе счастья все-

таки не удовлетворено. И такъ счастье есть тѣнь, жизнь—обольщеніе, наши желанія—обманчивая западня? Не найдешь отвѣта на подобный доводъ; онъ болѣе рѣшителенъ, чѣмъ тотъ, который выводится изъ фактовъ несчастія; потому что въ несчастіи вы можете еще обольщаться, слагая вину на судьбу, на природу вещей,—тогда какъ здѣсь сама природа вещей какъ бы извращается: сердце человѣка испытываетъ всѣ утѣхи жизни, и все-таки не удовлетворяется. Такъ, опытъ счастья ставить предъ человѣкомъ все тотъ же неизбѣжный вопросъ о его судьбѣ въ этомъ мѣрѣ.» (Жуфруа, *Философская смѣль*, стр. 399 403.)

Таковъ голосъ личныхъ обольщеній, результатъ опытности. Но этого мало, есть нѣчто лучшее, чѣмъ чувства личныхъ обольщеній. Есть души, которыя живутъ жизнью другихъ, страдаютъ ихъ скорбями, и на дѣлѣ осуществляютъ прекрасную мысль римскаго поэта: «Я человѣкъ, и ничто человѣческое не чуждо мнѣ». Въ эту минуту, какъ мы бесѣдуемъ съ вами, сколько несчастій совершается и тамъ и сямъ, въ цѣломъ родѣ человѣческомъ. Знаете ли вы, сколько въ эту минуту есть въ нашемъ городѣ больныхъ въ агоніи, душъ, возмущенныхъ нравственно, уязвленныхъ въ самыхъ дорогихъ имъ привязанностяхъ, разочарованныхъ въ самыхъ справедливыхъ надеждахъ! А вдали отъ насъ? Въ Америкѣ, гордой своею свободою, дѣти разлучаются отъ ихъ матерей и продаются въ розницу, если нельзя продать цѣлаго семейства. Въ фабричныхъ городахъ нашего Стараго свѣта цѣлыя семейства осуждены на тяжелый трудъ, который все-таки не спасаетъ ихъ отъ голода. Прибавьте обычныя сцены войны, кровопролитія и проч. и проч..... Есть души, которыя страдаютъ всѣмъ этимъ скорбямъ, хотя бы личное ихъ состояніе было самое счастливое. Есть сердца, настолько бла-

городныя, что обливаются кровью, помышляя о несчастіи или подобныхъ. Поймите: счастье только для эгоиста, а для сердце самоотверженныхъ его нѣтъ въ этомъ мірѣ, и однако мы желаемъ счастья. Что жъ это за иллюзія? Что хочеть сказать это страданіе, которое преслѣдуетъ насъ, навязывается намъ подъ тысячею формъ, и представляетъ такой грустный контрастъ съ желаніями нашей души? Если мы не созданы для счастья, къ чему эти проблески радости, прорывающіяся въ нашемъ существованіи? Что значить эти лучи, теряющіеся во мракъ, эти предвкушенія, кончающіяся горечью? Неужели нѣтъ мѣста, гдѣ бы ожидала насъ радость,—радость, чтобъ усладить горечь нашихъ скорбей, и обольщенія нашихъ удовольствій?

Такъ, вопросъ о назначеніи человѣка подымается со всѣхъ сторонъ. Легкомысліе забываетъ о немъ, индефферентизмъ пренебрегаетъ имъ; это извѣстно и неудивительно. Но вотъ что удивительно и грустно: люди серьезные, люди мыслящіе, считающіеся мудрецами міра, заботятся отнять у людей всякую заботу о будущемъ, изгладить въ нашихъ душахъ знаки нашего достоинства, стараясь легкомысліе возвести въ систему, индефферентизмъ на степень теоріи.

Есть партія литераторовъ и ученыхъ, думающихъ видѣть въ исторіи только движеніе мнѣній человѣческихъ;—обращая вниманіе на измѣняющееся, они теряютъ изъ виду неизмѣнно пребывающее; они говорятъ намъ: «Мысли и вѣрованія, разнообразные продукты цивилизаціи, временемъ неозвратно увлекаются въ бездну прошедшаго. Это постоянное теченіе человѣческихъ идей есть прекрасное зрѣлище, полное интереса для философа, и больше ничего. Разумъ, желая уловить истину, бросается въ пустое пространство и встрѣчаетъ однѣ химеры. Религія, философія, говорящія намъ о будущемъ, о лучшемъ»

существованіи, суть цвѣты жизни, но цвѣты земные. Не лишайте себя этихъ прекрасныхъ грезъ, но считайте ихъ именно за грезы; не ищите въ вымыслахъ воображенія твердой, устойчивой истины для опоры вашей жизни. Такое оболъщненіе позволительно умамъ, отставшимъ отъ своего вѣка.»—Иные говорятъ иначе, хотя и въ томъ же родѣ. «Прогрессъ, говоритъ «положительная» философія, есть основной законъ человечества. Въ силу этого закона человекъ проходитъ различныя степени умственного развитія точно такъ же, какъ преемственные возрасты въ образованіи тѣла. Человѣчество жило религіею, которая есть удѣлъ дѣтства; потомъ, мало-по-малу поднимаясь, оно дошло до метафизики; наконецъ, ступивши дальше, оно должно оставить и метафизику, какъ религію, оставить область умозрѣній, и держаться только *положительною*, т. е. фактовъ физическихъ и социальныхъ, подлежащихъ опыту и вычисленію: вотъ послѣдній терминъ прогресса. Наука естествознанія и ея приложенія: телеграфы, желѣзныя дороги и пароходы;—наука социальная и вырабатываемыя ею общественныя установленія—вотъ успѣхъ человечества и больше ничего. Дальше—область невинныхъ грезъ, которыми могутъ забавляться отсталые умы».

И вотъ какъ думаютъ разрѣшить великій вопросъ о назначеніи человека люди, считающіе себя передовыми людьми мысли. Они объявляютъ самый вопросъ не существующимъ. Согласитесь, это—не рѣшеніе вопроса, а бѣгство отъ вопроса, и не только бѣгство самихъ этихъ мудрецовъ, но и насильное отпугиваніе отъ него другихъ, помощію холодной и гордой ироніи, голословно выставляющей свое мнимое превосходство, прикрывающейся знаменемъ *науки*.—Что же общаго у науки съ этой ироніей? Наука не отрицаетъ сомнѣнія, отдающагося трудолюбивому, безпокойному изысканію. Такое сомнѣніе почтенно.

Но этотъ скептицизмъ, гордый и надменный, самодовольный и презрительный, грубо относящійся къ серьезному вѣрованію цѣлаго человѣка этотъ скептицизмъ достоинъ презрѣнія, потому что отъ него вѣсть смертью не только для вѣры, но и для разума; потому что онъ сокрушаетъ основу нравственности, уничтожая различіе между добромъ и зломъ; потому что подвигъ духа онъ низводитъ къ безцѣльному исканію, къ пустому удовольствію, и тѣмъ унижаетъ самое благороднѣйшее изъ свойствъ нашей природы.

Нѣтъ, при такомъ вопросѣ, каковъ вопросъ о нашемъ назначеніи, — вопросъ, который подымается всѣми силами нашей природы, всѣми событіями нашей жизни, надобно неотступно стучаться въ дверь истины; и если бы всѣ наши попытки проникнуть въ нее оказались бесполезными, то все-таки лучше хоть предъ затворенною дверью стоять со скорбію въ сердцѣ, — пусть эта скорбь будетъ нашъ свидѣтельница, что мы созданы для истины. Это не слова отчаянія, напротивъ, въ нихъ — чувство увѣренности и надежды, что для добросовѣстнаго исканія не неразрѣшимъ вопросъ о назначеніи человѣческомъ.

II.

МАТЕРИАЛИЗМЪ.

Мы твердо поставили вопросъ: чего человѣкъ можетъ ожидать, чего надѣяться за предѣлами настоящей жизни? На этотъ вопросъ, прежде всего мы встрѣчаемъ отвѣтъ удивительно ясный и краткій: ничего. Это отвѣтъ материализма. Мы намѣрены изслѣдовать его.

Въ предѣлахъ нашего опыта мы не видимъ ни рожденія, ни разрушенія ни одного изъ элементовъ, составляющихъ природу; въ области нашего наблюденія нѣтъ ни творенія, ни уничтоженія ни одной матеріальной частицы. Эти частицы, эти атомы, или какъ иначе назвать ихъ, представляются въ рядѣ различныхъ соединений, группъ, которыя являются и исчезаютъ, уступая мѣсто новымъ соединеніямъ. Газъ получается изъ разложенія воды, вода въ свою очередь вырабатывается изъ газа въ обширной лабораторіи природы. Это кругообращеніе соединеній и разложеній особенно поразительно въ классѣ органическихъ и живыхъ существъ, къ которымъ принадлежимъ и мы. Корни растений погружены въ почву, которая составляетъ какъ бы оболочку земнаго шара. Начиная отъ этого исходнаго пункта растительной жизни, и восходя къ животнымъ даже до чело-

вѣческаго организма, совершается непрерывное и никогда не нарушаемое движеніе вѣхъ атомовъ. Растеніе получаетъ свою пищу изъ почвы. Растеніе же служитъ пищею для человѣка, или лучше, оно съѣдается животнымъ, которое идетъ на нашъ столъ и преобразуется въ субстанцію нашего тѣла. Такимъ образомъ матерія земнаго шара, или по крайней мѣрѣ его вѣшной оболочки, безпрестанно переходитъ отъ одной формы къ другой, и элементы, изъ которыхъ состоятъ всѣ нынѣ живыя существа, собственно суть тѣ же элементы, изъ которыхъ состояли существа, жившія назадъ тому двѣ, три тысячи лѣтъ, и въ самые отдаленные періоды, какіе только можно вообразить. При поверхностномъ разсмотрѣніи этого факта, на умъ приходитъ самая странная мысль. Если сказать напримѣръ, что полено, которое вы бросили въ печку, заключаетъ въ себѣ можетъ быть какую-нибудь частицу кедра изъ Соломонова дворца, или — что такой-то современный человѣкъ въ волосахъ своей бороды носитъ тѣ же атомы, которые выдѣлились изъ волосъ Ахилла; конечно, такія предположенія вамъ покажутся недостойными вниманія; однако они, хотя и въ странной формѣ, выражаются неоспоримый результатъ науки. Древній греческій философъ Эмпедоклъ можетъ быть имѣлъ, хотя и смутныя понятія объ этихъ истинахъ, когда замѣтилъ, что на пирѣ мы съѣдаемъ, *подъ иной формой*, плоть нашихъ друзей и нашихъ ближнихъ, а о самомъ себѣ говорилъ: «Думаю, я былъ некогда мальчикомъ или молодой дѣвицей, деревомъ, птицею, безгласною рыбою на двѣ моря.» Такъ размышленіе изъ самыхъ простыхъ вещей, къ которымъ мы привыкли, дѣлаетъ тайны, которыя окружаютъ насъ со вѣхъ сторонъ.

Во всеобщемъ обращеніи тѣлесныхъ элементовъ, наблю-

деніе открываетъ твердые и постоянные законы, которыми обуславливаются всѣ явленія. Эти законы и ихъ дѣйствія составляютъ предметъ наукъ, которыя удивляютъ насъ своими открытіями: механики, физики и химіи. Теперь матеріализмъ отправляется отъ положенія, что внѣ матеріи и законовъ, управляющихъ ею, нѣтъ ничего, и слѣдовательно, физика, механика и химія достаточны къ изясненію всего, и происхожденія мысли также, какъ происхожденія пламени, и чувствъ человѣческаго сердца, какъ цвѣта и тяжести предметовъ.

Это очень старое ученіе, но и отрицаніе этого ученія не менѣе древне. Мыслители всѣхъ временъ проводили глубокую пограничную черту между явленіями, которыми занимаются физики, и явленіями жизни, которыя составляютъ предметъ изученія натуралистовъ. Механика, физика и химія недостаточны для объясненія вселенной. Наука, заключенная въ этихъ предѣлахъ, недостаточна даже къ полному объясненію былинки и падаетъ при встрѣчѣ съ червемъ. Но мы не намѣрены здѣсь рѣшать задачи философіи природы, обратимся прямо къ человѣку.

Подъ именемъ матеріализма мы встрѣчаемъ два ученія, которыя приходятъ къ одному и тому же выводу; рассмотримъ каждое отдѣльно.

Первое, довольно распространенное въ древности, учить, что души образованы изъ особой матеріи, тонкой, прозрачной, отличной отъ обыкновенныхъ грубыхъ тѣлъ, — это разрѣженный воздухъ, свѣтоносные атомы. Въ минуту разрушенія тѣлъ, души, какъ самая тонкая ихъ часть; тотчасъ поступаютъ въ общее обращеніе атомовъ. Отсюда идея о перехожденіи душъ отъ индивидуума къ индивидууму, впрочемъ безсознательномъ, безличномъ: лица умираютъ, но души

пребываютъ; каждое поколѣніе оживаетъ въ слѣдующемъ поколѣніи, — ничто не теряется. Это родъ безсмертія, которое вынолживается на землѣ: за предѣлами настоящей жизни нѣтъ ничего.

Такой взглядъ нынѣ совершенно оставленъ, и въ этомъ одинъ изъ рѣшительныхъ успѣховъ философіи. Въ наше время едва ли найдется одинъ ученый, который вздумалъ бы утверждать, будто существуетъ особый видъ матеріи, изъ которой образуется душа. Успѣхъ анализа показалъ всю фальшь претензіи утончать матерію. Въ самомъ дѣлѣ, за чѣмъ говорить о матеріи тонкой, разрѣженной? За тѣмъ, что боятся сказать, будто души имѣютъ форму, — боятся приписывать душѣ качества обыкновеннаго тѣла. Но напрасно усиливается избѣгнуть этого вывода. Утончайте матерію сколько угодно, она все-таки сохранить свойство матеріи.

Для новаго матеріализма, умственные и нравственные явленія суть результатъ организаціи, — не сама матерія, но обнаруженіе извѣстныхъ свойствъ матеріи. Объяснимся сравненіемъ. Вѣтеръ производитъ волны на морѣ и на его неровной поверхности клубить пѣну: вотъ определенное явленіе. Утихаетъ вѣтеръ, и вода восстанавливаетъ свой обычный уровень; — что остается отъ пѣнившихся волнъ? ничего, кромѣ того, что волны были; вода остается, а волна проходитъ и уничтожается. Въ ученіи новаго матеріализма наше умственное и нравственное существо имѣетъ родъ существованія, подобнаго существованію волнъ, которыя на нѣкоторое время являются на поверхности воды. Въ извѣстныхъ определенныхъ условіяхъ матерія производитъ свѣтъ и теплоту; въ другихъ условіяхъ, осуществляемыхъ въ растенія, она производитъ жизнь; въ другихъ наконецъ, осуществляемыхъ въ животномъ, а на высшей степени — въ человѣкѣ, она производитъ чувства, мысль, волю. Всѣ эти явленія суть резуль-

татъ только организаціи, болѣе и болѣе развивающейся. Когда эта организація разрушается, то и явленія духовныя прекращаются вмѣстѣ съ группою матеріальныхъ частицъ, которыя производили эти явленія; и матерія нашего тѣла входитъ въ новыя соединенія съ другими свойствами. Таково ученіе новаго матеріализма.

Для общаго смысла, человѣкъ, рассматриваемый въ цѣлости его природы, представляетъ собою два ряда фактовъ существенно различныхъ. Мы замѣчаемъ въ себѣ форму, цвѣтъ, тяжесть,—свойства тѣла, которыя подлежатъ нашимъ вѣшнимъ чувствамъ. Но рядомъ съ этими свойствами мы встрѣчаемъ въ человѣкѣ радость, страданіе, страхъ, надежду, желаніе,—явленія, которыя не сказываются ни слуху, ни зрѣнію, ни осязанію, а только внутреннему чувству, которое мы называемъ сознаніемъ. Отсюда—вообще утверждаемое различіе между душою и тѣломъ, между духомъ и матеріею, между физическимъ и нравственнымъ. Этими двумя классамъ фактовъ соотвѣтствуютъ двѣ отдѣльныя науки. Физиологія изучаетъ наше тѣло, его форму, его строеніе, законы его жизни. Психологія изучаетъ явленія души, ея природу и законы ея внутренней жизни. Эти двѣ науки соприкасаются между собою, потому что душа и тѣло находятся въ тѣснотѣ единствѣ. Но средства изученія, которыми пользуются физиологи, и средства, какія въ распоряженіи у психологовъ, совершенно различны. Никогда и ни на какой степени одна изъ этихъ наукъ не можетъ замѣнить другую. Соберите философовъ со всего міра, дайте имъ вѣка на философствованіе, въ строгомъ научномъ смыслѣ этого слова, и потомъ попросите ихъ сдѣлать описаніе желудка, или строеніе мозга. Если они умны, они промолчатъ; или—они настроютъ пу-

стыхъ гипотезъ—законный предметъ смѣха для натуралистовъ. Соберите теперь всѣхъ физиологовъ міра, дайте имъ для ихъ работъ столько же времени, сколько и философиямъ, предоставьте въ ихъ распоряженіе инструменты самаго безукоризненнаго совершенства, самыя лучшіе микроскопы, и потомъ спросите у нихъ объясненія словъ: хотѣть, желать, бояться, надѣяться. Еслибъ физиологи не были людьми, если бы они не знали смысла этихъ словъ, какъ знаете вы, какъ знаю я,—благодаря, внутреннему свидѣтельству сознанія, совершенно независимо отъ ихъ специальныхъ занятій; то имъ было бы невозможно, совершенно невозможно даже понять предлагаемаго вопроса. Вотъ признаніе одного физиолога, которое мы заимствуемъ изъ предисловія къ одному изъ послѣднихъ физиологическихъ трактатовъ: «Животное принадлежитъ вполне физиологу. По нѣкоторымъ отправленіямъ чловѣкъ такъ же есть животное, но животное разумное: онъ мыслить, имѣть чувства добраго и прекраснаго, управлять своими потребностями, возвышаясь надъ ними. И вотъ есть науки двухъ родовъ. Однѣ имѣютъ предметомъ изученіе явленій духа, другія занимаются фактами физическими... Очевидно онѣ различаются самою природою ихъ предмета.» (Beclard, *Traité élémentaire de physiologie.*) Это говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ представителей науки естествознанія.

Безъ сомнѣнія, нужны твердыя основанія, чтобы допустить, будто явленія сознанія, которыя не могутъ быть ни видимы, ни слышимы, ни взвѣшиваемы, которыя рѣшительно ускользаютъ отъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ,—будто эти явленія суть продуктъ, или обнаруженіе другихъ явленій, которыя сказываются глазу, уху, рукъ. Материализмъ не оспариваетъ (и какъ бы онъ сталъ оспаривать?) различія этихъ явленій; но онъ настаиваетъ

ваетъ на ихъ единствѣ. Станемъ на его почву, и будемъ соглашаться съ противникомъ во всеиъ, въ чемъ онъ правъ.

Нельзя умолчать объ ученіи, которое чрезвычайно послужило интересамъ матеріализма; мы говоримъ о лжеспиритуализмѣ. Онъ представляетъ душу живущею своею собственною жизнію,—познающею себя въ себѣ самой, не нуждающеюся въ органахъ. Эту душу, съ такою самобытною и независимою жизнію, онъ помѣщаетъ въ тѣлѣ только для того, чтобъ ей была возможность посредствомъ чувствъ и членовъ тѣла дѣйствовать на внѣшній міръ и имѣть объ немъ свѣдѣнія. Словомъ, тѣло есть только орудіе души, къ которому она обращается, когда имѣеть въ немъ нужду. Такое понятіе легко разбивается фактами. Тѣло не есть только орудіе воли, оно есть условіе обнаруженій нашей духовной жизни; всѣ наши способности, чтобъ дѣйствовать, имѣють нужду въ органахъ, и находятся подъ ихъ вліяніемъ. Исследуемъ этотъ предметъ,—это намъ необходимо.

Прежде всего обратимся къ тѣмъ случайнымъ вліяніямъ которыя производитъ тѣло на душу. Влейте въ желудокъ известную дозу алкоголя,—человѣкъ пьянѣеть. Дайте ему опиуму,—онъ засыпаетъ, и всѣ обнаруженія его мысли и воли прекращаются. Умножать подобные примѣры—нечего.

Наша душа подвержена еще болѣе значительнымъ вліяніямъ, которыя проистекають не отъ случайныхъ фактовъ, но отъ самаго устройства организациі. Всякій изъ насъ имѣеть известный темпераментъ, которымъ опредѣляется самый характеръ. Одинъ человѣкъ отъ природы веселъ; другой, тоже отъ природы, склоненъ къ ревности, къ гнѣву. Физиологъ называетъ такой темпераментъ желчнымъ, сангвиническимъ... Не будемъ спорить о словахъ, для насъ важенъ фактъ: известное расположеніе тѣла необходимо налагаетъ

каждому—не говоримъ то или другое дѣйствіе, но то или другое расположеніе. Этими расположеніями воля уступаетъ или противится, но расположеніе само въ себѣ остается, какъ неопровержимое свидѣтельство пребывающаго, тайнаго, глубокаго дѣйствія нашихъ органовъ на нашу душу. Этого мало. Самый центръ нашей жизни, чувство, которое мы имѣемъ о нашемъ собственномъ существѣ, однимъ словомъ—сознаніе существуетъ ли независимо отъ организма? Напримѣръ, подъ впечатлѣніемъ сильной скорби, иногда просто тяжелаго состоянія, человѣкъ доходитъ до обморока, то-есть теряетъ сознаніе, вслѣдствіе простаго измѣненія въ тѣлѣ. Больному даютъ эфиръ или хлороформъ, дѣлаютъ ему операцію; онъ пробуждается и спрашиваетъ, начали ли операцію: человѣкъ потерялъ способность видѣть, слышать, чувствовать, отъ того, что нѣкоторыя оконечности его нервной системы приведены были въ соприкосновеніе съ хлороформомъ, или эфиромъ.

Эти факты не поддѣжаютъ сомнѣнію. Напрасно нѣкоторые огорчаются изслѣдованіями физиологіи, какъ будто она можетъ ослабить основу духовнаго порядка, открывая дѣйствіе матеріи на духъ. Это дѣйствіе и безъ того всѣмъ извѣстно и можетъ быть наблюдаемо въ жизни каждодневно. Что же надобно думать о томъ лжеспиритуализмѣ, который представляетъ душу только помѣщенною въ тѣлѣ, которымъ она располагаетъ по своему произволу, не подчиняясь его вліянію? Такое ученіе само вызываетъ реакцію и благопріятствуетъ матеріализму. Соединеніе души и тѣла есть соединеніе глубокое, внутреннее. Определенное состояніе органовъ есть условіе дѣятельности нашихъ духовныхъ способностей. Этого нельзя не допускать. Но обратимъ вниманіе на другую сторону вопроса.

Тѣло не естъ только орудіе души, но и душа дѣйствуетъ на тѣло, управляетъ имъ. Это особенно ясно открывается въ явленіяхъ движенія. Я хочу: моя рука поднимается; я хочу: моя рука опускается. Но это самая малая часть вліянія, какое производитъ наша духовная природа на наши органы. Вотъ человѣкъ совершенно здоровый. Случилось какое-нибудь живое душевное движеніе, чрезмѣрная ли скорбь, особенная ли радость,—мгновенно весь организмъ приходитъ въ дѣйствіе: ускоряется бѣженіе сердца, текутъ слезы, желудокъ сжимается, и теряется аппетитъ. Выражаясь научно, мы сказали бы: обращеніе крови, пищевареніе, отдѣленія нарушены фактомъ моральнаго движенія; организмъ, въ самыхъ внутреннихъ своихъ частяхъ подчинился вліянію чувства, мысли. Предположимъ, что впечатлѣніе произошло тяжелое, не мгновенное: его продолжающееся дѣйствіе разстроиваетъ самое здоровье человѣка. Матеріальныя обстоятельства не измѣнились; между тѣмъ отправленія жизни мало-по-малу ослабѣли; болѣзнь явилась отъ безпокойства, отъ мысли. Есть болѣзни духа, происходящія отъ тѣла; но, спросите медиковъ, сколько болѣзней физическихъ, которыя происходятъ отъ нравственныхъ причинъ.

Разсмотримъ теперь одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ фактовъ природы: привычку. Есть привычки, которыя рождаются подъ владычествомъ чувственнаго возбужденія, которому воля подчиняется: тутъ явленіе начинается въ тѣлѣ. Другія же привычки рождаются при отсутствіи всякаго чувственнаго возбужденія, отъ однихъ нравственныхъ причинъ. Руссо замѣтилъ, что плотскія страсти суть далеко не единственная причина развращенія нравовъ, и что суетность создала много распутствъ. Вотъ одинъ изъ множества примѣровъ этого рода. Въ Женевѣ на улицахъ можно встрѣтить 8-лѣтнихъ дѣтей съ сигаринами во рту. Неужели возбужденіе слизистой

перепонки, желаніе удовлетворить физической потребности влагаетъ свернутый листь табаку въ ротъ молодаго мальчика? Совѣсьмъ нѣтъ. Ему хотѣлось казаться взрослымъ, и для этого онъ побѣдилъ естественное отвращеніе, онъ боролся противъ него съ настойчивостію, достойною лучшаго дѣла; мало-по-малу пришла привычка, и возбужденіе чувствъ стало требовать себѣ удовлетворенія: привычка, выходя изъ причины нравственной, укоренилась въ органахъ. Такъ воля создаетъ въ тѣлѣ потребности, которыми послѣ рабствуетъ.

Перейдемъ собственно къ нравственнымъ привычкамъ. Есть у насъ склонности, принадлежація собственно нашей природѣ, которыя соотвѣтствуютъ тому, что мы назвали нашимъ темпераментомъ. Это фактъ физическаго вліянія на нравственность. Но извѣстно, что наши склонности укрѣпляются или ослабляются, смотря по тому, слѣдуемъ ли мы имъ, или боремся съ ними, смотря по тому участию, которое принимаетъ въ этомъ отношеніи нравственная свобода. Такъ гнѣвъ, ревность, кротость, или суровость въ ихъ принципѣ суть факты природы, но они падаютъ въ область воли. Смотри по тому, уступаетъ ли воля склонностямъ, или противится имъ, склонности растутъ или уменьшаются. Человѣкъ жесткій не дѣлается мягче чрезъ одинъ актъ своей воли; но можно ли утверждать, что человѣкъ, который уступаетъ влеченію своихъ страстей, и человѣкъ, который борется и владѣетъ собою, что оба они достигаютъ одного и того же результата?

Какъ мы объяснимъ эти факты? Естественныя склонности ослабляются, или укрѣпляются сообразно съ дѣятельностію воли: что отсюда? То, что постоянная дѣятельность воли можетъ видоизмѣнять жизнь тѣла въ послѣднихъ глубинахъ ея.

Всѣ говорятъ, что лицо есть зеркало нравственныхъ расположеній. Хотя вообще и нельзя судить о людяхъ по лицу,

однако въ иныхъ случаяхъ мы невольно говоримъ объ известныхъ физиономіяхъ: вотъ кротость, вотъ свирѣлость, вотъ искренній человекъ, вотъ человекъ фальшивый. Можетъ-быть, при большихъ успѣхахъ науки, она откроетъ въ самыхъ внутреннихъ частяхъ нашей организаціи матеріальный слѣдъ тѣхъ расположеній, которыя мы думаемъ видѣть вообще на лицѣ человека. Еслибъ медицина достигла совершенства, то врачи при вскрытіи труповъ находили бы, можетъ-быть, въ нихъ всю жизнь души, которая одушевляла тѣло,—видѣли бы слѣды и первоначальныхъ, естественныхъ склонностей души, но открыли бы также и результаты самобытной дѣятельности душевной. Кажется, всѣ тайны нашего существованія должны быть начертаны въ нашихъ бранныхъ остаткахъ. Состояніе нашего тѣла, конечно, есть результатъ нашего рожденія, но не менѣе того оно есть также результатъ употребленія нашей воли.

Итакъ тѣло находится въ тѣсномъ единеніи съ душою; но напрасно матеріализмъ думаетъ найти себѣ точку опоры въ этой непровержимой истинѣ. Душа и тѣло составляютъ единство нашей личности. Въ этомъ единствѣ обнаруживаются двѣ различныя силы, способныя къ взаимной борьбѣ. Иногда дѣйствіе происходитъ изъ тѣла, и душа сочувствуетъ или противится; иногда дѣйствіе выходитъ изъ души, и тѣло повинуется или возмущается. Если воля отказывается отъ своихъ правъ, если она уступаетъ всякимъ склонностямъ, и даже ненормальностямъ организма, то человекъ постепенно низходитъ до чистой животности. Въ болѣзненныхъ состояніяхъ, тѣлесное разстройство можетъ разстраивать и мысль, — уничтожать на время чувство нравственной отвѣтственности. Проходитъ кризисъ, и духовное начало всецѣло восстанавливается, потому что восстанавливаются необхо-

димыя условія для его правильныхъ обнаруженій; когда же тѣло близко къ разрушенію, когда продолжительная болѣзнь приходитъ къ роковой развязкѣ, тогда случается, что душа озаряется необыкновенно живыми свѣтомъ, какъ будто она уже вошла въ высшую жизнь. Но замѣтите, тѣло съ нею еще, и состояніе его есть условіе торжества высшей части нашей природы. Не должно спрашивать въ смыслѣ абсолютномъ, гдѣ кончается жизнь тѣла, и гдѣ начинается жизнь души; тутъ нѣтъ ни конца, ни начала. Человѣкъ есть душа и тѣло вмѣстѣ, во всѣхъ фактахъ нашего существованія, подлежащихъ наблюденію. Душа въ чистомъ состояніи не только никогда не открывается другой душѣ, но никогда не обнаруживается и для самой себя. А тѣло въ чистомъ состояніи— это не человѣкъ, а трупъ. Но если душа и тѣло, хотя они тѣсно соединены между собою, видимо различны, и могутъ вступать въ борьбу, то странно заключать къ такому ихъ единству, въ которомъ уничтожается самостоятельность высшаго притомъ начала. А таково именно заключеніе матеріализма: оно противорѣчитъ здравому смыслу.

Доселѣ мы старались только провѣрить анализомъ мысли то, что всякому болѣе или менѣе извѣстно изъ непосредственнаго наблюденія. Теперь намъ надобно войти собственно въ область науки. Относительно внутреннего единства физическаго и нравственнаго началъ въ человѣкѣ, наука показываетъ, какое именно состояніе тѣла соответствуетъ явленіямъ мысли и разумнія. Она показываетъ, что нервная система есть главный дѣятель жизненныхъ отправленій. Эта система имѣетъ центръ, называемый мозгомъ, и здѣсь пунктъ притока внѣшнихъ впечатлѣній, и точка отправленія нравственнаго дѣйствія на органы. Физиологія еще

много предстоитъ труда. Собственно еще неизвѣстно, что бываетъ въ нервныхъ оконечностяхъ, въ длинныхъ нервѣхъ и въ субстанціи мозга, когда мы получаемъ напримѣръ впечатлѣніе свѣта или звука. Неизвѣстно, каково бываетъ состояніе мозга въ минуту, когда воля становится началомъ движенія. Нѣкоторые ученые можетъ-быть предвидятъ природу этихъ явленій: но ихъ теоріи — пока еще ихъ личные взгляды, и вполне не признаны еще наукой. Перенесемся нѣсколько лѣтъ, или пожалуй вѣковъ, впередъ. Допустимъ, что физиологія достигнетъ того, чего она теперь ищетъ, — пойметъ и послѣдній фактъ нервной системы, въ ряду впечатлѣній, и первый фактъ—въ ряду дѣйствій воли. Положимъ, это будетъ, сообразно древнимъ теоріямъ, волненіе особенной жидкости, или, сообразно нынѣшнимъ идеямъ — явленіе электрическое или химическое. Пусть можно будетъ сказать: такому-то чувству, такой-то мысли, такому-то желанію соотвѣтствуютъ такое-то сотрясеніе фибръ, такое-то выдѣленіе электричества, или такое-то соединеніе фосфора. Отъ такихъ научныхъ открытій (предполагаемъ, что они справедливы) улучшится ли положеніе матеріализма? Нисколько. Наука покажетъ до подробностей внутреннюю связь двухъ порядковъ явленій, совершенно различныхъ, и матеріализмъ будетъ заключать: эти явленія тѣсно соединены между собою, следовательно они одной и той же природы;—то, что называютъ мыслию, чувствомъ, волею, происходитъ подъ условіемъ извѣстнаго состоянія матеріальныхъ органовъ, следовательно все это свойство или продуктъ матеріи. Софизмъ остается тотъ же самый; переходя изъ области общаго смысла въ область науки, онъ нисколько не измѣняется. Вотъ его діалектика: извѣстные два факта совершаются въ гармоніи, во взаимной связи, следовательно это не два факта, а одинъ. Попробуйте

сдѣлать нѣсколько приложеній изъ этого силлогизма, и вы увидите его *силу!*

Одинъ медикъ-философъ, Кабанисъ, рѣшился даже сказать: «Мозгъ отдѣляетъ мысль, какъ желудокъ перевариваетъ пищу.» Мозгъ отдѣляетъ мысль! Извѣстно, что называется отдѣленіемъ: это дѣйствіе, посредствомъ котораго желѣза отдѣляется изъ массы крови извѣстныя жидкости, необходимыя для отправленія жизни. Когда говорятъ, что желѣза отдѣляетъ жидкость, вы можете видѣть, по крайней мѣрѣ, представить въ воображеніи струю крови, притекающей къ органу, часть которой отдѣляется изъ нея и получаетъ новый видъ и новыя свойства. Это явленіе во всей его цѣлости однородно; оно начинается и оканчивается въ области внѣшняго и чувственнаго наблюденія. Но когда говорятъ, что совершается такое-то физическое или химическое дѣйствіе, и изъ него выходитъ выдѣленіе умственнаго факта, т. е. справедливой или ложной мысли, добраго или худаго желанія, акта воли,— не чувствуете ли вы, что тутъ столько же злоупотребляютъ словами, какъ и мыслию? Физиологи обрабатываютъ одну изъ интереснѣйшихъ наукъ; пусть они остаются на своей почвѣ; имъ много труда на ней! Но когда они воображаютъ, что въ ихъ наукѣ дано *рѣшительно все* для объясненія не только матеріальнаго, но и духовнаго начала, они вносятъ только смутность въ объясненіе отношеній физическаго и нравственнаго, переступаютъ предѣлы своей задачи, не измѣняя ея сущности. Обратимся теперъ къ философіи.

Мы не будемъ здѣсь приводить доказательствъ существеннаго различія между физическими и нравственными явленіями, — доказательствъ, которыя выходятъ изъ понятія о тѣлѣ, какъ пространственномъ, и о духѣ, какъ недѣлимомъ,

а также—изъ понятія о матеріи, какъ безвольной, и о духѣ, какъ началѣ самоопредѣляющемъ. Эти доказательства давно извѣстны. Обратимъ вниманіе на мнѣе извѣстныя.

Одинъ изъ источниковъ матеріализма есть смѣшеніе свойствъ тѣлъ, разсматриваемыхъ самихъ въ себѣ и свойствъ ихъ, какъ они являются для чувственно-разумнаго существа. Матерія, говорятъ, производитъ явленія высшаго порядка, каковы: свѣтъ, теплота, звукъ; не можетъ ли она на высшей степени организаціи произвести явленія, болѣе возвышенныя: мысль и чувство? Чтò отвѣчаетъ на это—изученіе природы при помощи новыхъ открытій? Оно говоритъ намъ, что въ обыкновенномъ способѣ пониманія явленій, мы приписываемъ матеріи то, чтò не принадлежитъ ей; обьясимся.

Чтò остается отъ звука, если уничтожить ухо? Физики скажутъ: колебаніе атмосферическаго воздуха. Чтò остается отъ свѣта и цвѣтовъ, если уничтожить глазъ? Физики скажутъ: колебаніе весьма тонкой жидкости, называемой эфиромъ. Выходитъ, что музыка со всѣмъ ея обаяніемъ, блескъ свѣта, очарованіе цвѣтовъ, все это—только колебанія, т. е., движенія. Между этими движеніями и существами, способными чувствовать и понимать, существуетъ чудная гармонія, — тайна творенія. Но внѣ этой гармоніи, высшія свойства матеріи, собственно говоря, не существуютъ. Естественно ли думать, что, еслибъ не было одушевленныхъ и чувствующихъ существъ, вселенная выставляла бы свои чудеса и безъ зрителей, и голосъ творенія восходилъ бы къ небесамъ, никѣмъ не слышимый? Мыслимо ли это? Не будь уха, не было бы и звуковъ. Не будь глаза, не было бы никакого и свѣта. Колебанія эѳира продолжались бы и производили бы всѣ ихъ физическія дѣйствія; но того, чтò мы называемъ свѣтомъ и цвѣтомъ, не было бы. Былъ бы только тысячеколесный

механизмъ, безпѣрное движеніе атомовъ, сближающихся и удаляющихся, и больше ничего. Между тѣмъ, въ этомъ-то движеніи матеріи и постоянныхъ законахъ, которые управляютъ этимъ движеніемъ, современная наука ищетъ рѣшительнаго объясненія воиъхъ явленій природы. Значить, совершенно напрасно изъ болѣе тонкихъ свойствъ тѣла думаютъ одѣлать какъ бы ступени для перехода отъ тѣла къ духу. Матерія владѣетъ этими свойствами, но подъ какииъ условіемъ? Подъ тѣмъ, что есть существа одушевленные и чувствующія, — сказать бы — дающія ей эти свойства. Послѣ этого говорите, если угодно, что матерія производитъ мысль и волю, — положимъ; но подъ какииъ условіемъ? подъ тѣмъ, что есть существа разумныя и свободныя. Точно также, какъ есть гармонія между колебаніями воздуха и ощущеніемъ звука, между колебаніями эфира и представленіями цвѣтовъ, — точно также есть гармонія между расположеніями нашего тѣла и состояніями нашей души.

Пойдемъ далѣе. Ежели съ пріемами науки идти противъ общаго смысла, или непосредственнаго пониманія, и утверждать единство природы человѣческой, — и здѣсь не будетъ торжества для матеріализма. Казалось бы, на что ясиѣ идеи, что мы имѣемъ тѣло. Но если изслѣдовать, что такое тѣло само въ себѣ, то мы становимся въ такое затрудненіе, что скорѣе рѣшаемся признать болѣе ясною идею, которую мы имѣемъ о духѣ, мыслящемъ, чувствующемъ, желающемъ, нежели идею о матеріи, которая тѣсно соединена съ нашимъ существомъ; но которая не непосредственно подпадаетъ взгляду нашего сознанія. Мы думаемъ, что внѣшніе предметы мы знаемъ лучше, чѣмъ насъ самихъ, — тѣло знаемъ лучше, чѣмъ душу; но какъ мы знаемъ тѣла? по впечатлѣніямъ, которыя они производятъ на насъ, не иначе. Нѣкоторые философы, отпра-

вникъ отъ этой мысли, говорили, что мы познаемъ тѣля не иначе, какъ посредствомъ идей, которыя имѣемъ о нихъ, и старались доказывать, что если существованіе этихъ идей абсолютно достоверно, то существованіе тѣль, соответствующихъ этимъ идеямъ, еще сомнительно. Но мы не имѣемъ нужды входить въ подобныя отвѣченности.

Обратимся теперь къ свидѣтельству нравственнаго сознанія. Заключение матеріализма таково, что воля, лишенная всякаго начинанія, всякой свободы, и слѣдов. всякой ответственности, есть раба органовъ. Это дѣйствительно важная сторона нашего предмета. Если матеріализмъ имѣетъ основаніе, оно должно быть въ фактъ всѣхъ нашихъ идей о добрѣ и долгѣ: правило, законъ, обязательство существуютъ только для существа свободнаго. Если же въ насъ есть начало свободы, то матеріализмъ есть заблужденіе, по собственнымъ его послѣдствіямъ о произвольности всякаго дѣйствія матеріальнаго. Правда, душа очень часто подчиняется закону органовъ. Вопросъ въ томъ, можно ли утверждать этотъ фактъ, какъ абсолютный, и говорить, что иначе никогда не бываетъ и не должно быть? Наше сознаніе уполномочиваетъ ли насъ утверждать, будто никогда и нисколько мы не ответственны за наши дѣйствія? Свидѣтельство нашего сознанія ~~менѣе ли~~ достоверно, чѣмъ свидѣтельство нашихъ чувствъ? Особливо, менѣе ли оно достоверно, чѣмъ матеріалистическія гипотезы? Въ настоящемъ случаѣ мы ограничимся однимъ примѣромъ; и одного примѣра достаточно, потому что одного свободнаго акта, одного чувства ответственности достаточно для ниспроверженія положеній матеріализма.

Представимъ себѣ челоуѣка умнаго и добраго, который подчинился сильной страсти, — уступилъ искушеніямъ плоти.

Попробуйте убѣдить его, чтобъ онъ не упрекалъ себя въ этомъ, что это есть неизбежное слѣдствіе его темперамента. Выясните ему, что, по законамъ физиологіи, онъ не могъ поступить иначе, что глупо идти противъ природы; что ежели онъ хочеть сокрушаться о своемъ проступкѣ, на такомъ же основаніи ему придется сокрушаться и о томъ, что камень падаетъ къ землѣ, что вода течетъ сверху внизъ. Можетъ-быть этотъ человекъ, встрѣчая слишкомъ жесткое осужденіе своего проступка, и радъ былъ бы въ вашихъ словахъ найти облегченіе своему состоянію. Но то, что вы ему предлагаете,—грубое оправданіе, основанное на отрицаніи его свободы, не уменьшаетъ, не облегчаетъ тяжести его проступка. Если его сердце еще бьется подъ вліяніемъ какого-нибудь благороднаго чувства, если онъ не отказался отъ своего достоинства нравственнаго существа, онъ не захочетъ стать на степень животнаго, чтобы избѣжать самоосужденія; онъ обратится къ чувству собственного достоинства; онъ напомнитъ вамъ, что онъ человекъ, что его внутреннія волненія происходятъ отъ сознанія, что онъ могъ противостоятъ искушенію; онъ отвергнетъ ваши унижительныя оправданія, и захочетъ лучше считать себя виновнымъ, чѣмъ допустить унижить себя.

Таковъ голосъ совѣсти. вмѣстѣ съ общимъ смысломъ, котораго она есть высшее обнаруженіе, совѣсть протестуетъ противъ матеріализма даже у тѣхъ, которые проповѣдуютъ его. Посмотрите на матеріалистовъ на практикѣ. Это особенно ясно выдается у матеріалистовъ-врачей. Какъ они поступаютъ? Они не ограничиваются предписаніемъ лекарствъ, но совѣтуетъ одному больному не бороться слишкомъ съ впечатлѣніями, другому—рекомендуютъ быть бодрымъ, не оставаться съ самимъ собою, противиться впечатлѣніямъ, пере-

ступающіи границы правды и разсудка. Что это такое? Комедія у постели больного? Кому это, матеріи ли, что ли, даются такіе мудрые совѣты? Нѣтъ, здѣсь матеріалистъ обращается къ разумной и свободной силѣ, которую неизбѣжно предполагаетъ у подобнаго себѣ. Этотъ матеріалистъ—человѣкъ, и еслибы онъ хотѣлъ оставаться послѣдовательнымъ своему учению, ему нужно было бы передѣлать свой умъ.

Прослѣдимъ теперь выводы матеріализма. Мы не будемъ доказывать, а будемъ слушать исторію.

Ученіе, которое ничего не хочетъ знать, кромѣ тѣла, возводитъ всю нравственность къ удовольствіямъ тѣла; и можетъ ли быть иначе? Но вы слышали объ Эпикурѣ. Эпикуръ, рѣшительный матеріалистъ, вывелъ изъ своей теоріи заключеніе совершенно неожиданное. Умѣренность во всемъ, почти аскетическая добродѣтель были въ его глазахъ предписаніемъ мудрости и условіемъ счастія. Самъ онъ, по всѣмъ свидѣтельствамъ древности, велъ жизнь трезвую, образцовую, но ученики его не устояли на томъ склонѣ, на которомъ удержался учитель,—естественномъ склонѣ матеріализма: распущенность эпикурейцевъ вошла въ пословицу. Теперь примѣръ другаго рода. Назадъ тому почти 2,200 лѣтъ одинъ изъ учениковъ Сократа основалъ школу въ своемъ отечественномъ городѣ Киринаѣ, на берегахъ Африки. Можно сказать, что онъ былъ матеріалистъ; онъ мало занимался вопросомъ о началѣ вещей; но относительно нравственности онъ лучше всѣхъ извлекъ слѣдствіе изъ ученія, которое низводитъ человѣка на степень тѣла, способнаго къ скорби и удовольствію, являющагося при рожденіи и уничтожающагося съ смертію. Вотъ какъ говорилъ Аристиппъ (имя этого философа): «Удовольствіе есть единственное благо разум-

наго существа, потому что удовольствіе есть единственная дѣйствительность. Должно бросить всѣ разчеты, которыхъ не позволяетъ намъ непостоянство жизни. Не надобно лишать себя настоящаго дня радости изъ опасенія, чтобъ она не причинила намъ скорбь завтра. Можетъ-быть, завтрамы умремъ.»— Таково начало киринейской школы; а вотъ конецъ. Нѣкто, по имени Гегезіасъ, подъ вліяніемъ началъ этой школы, вывелъ изъ нихъ такое заключеніе: «Человѣкъ созданъ для удовольствія; но въ жизни онъ встрѣчаетъ чаще скорбь, чѣмъ радость; жизнь печальна и не достигаетъ своей цѣли. Что дѣлать? Лучше всего лишать себя жизни.» Однако профессоръ, вѣрный своей миссіи, лишилъ себя наслажденія самоубійства, чтобъ имѣть возможность убѣждать другихъ къ этому наслажденію....

Матеріализмъ имѣетъ свою нравственность; имѣетъ также и свою политику. Его политика, съ большимъ знаніемъ дѣла, развита англичаниномъ Томомъ Гоббсомъ. Вотъ какъ онъ рассуждаетъ: «Поелику тѣла суть все, то внѣ тѣлъ и внѣ ихъ свойствъ мысль встрѣчаетъ однѣ химеры, призраки воображенія. Человѣкъ есть живая машина. Сообразно съ впечатлѣніями, которыя отъ внѣшнихъ чувствъ доходятъ до мозга, или отъ мозга до оконечностей органовъ, происходитъ рядъ явленій, называемыхъ скорбію или удовольствіемъ: они единственная основа нравственнаго порядка; право, правда, долгъ, порокъ, добродѣтель суть только слова. Основной законъ человека—питаться и жить. Какъ образуется общество? Въ состояніи природы царствуетъ существенное равенство философія обосновываетъ это равенство такъ, что слабѣйшій, въ благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ убить сильнѣйшаго. Таково первобытное равенство. При немъ нѣтъ ни свободы, ни братства. Состояніе природы есть всеобщая постоянная война,

война всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ. Плоды земли, необходимая пища тѣла, даются борьбой, покупаются цѣной победы; пища достается сильнѣйшему. Теперь, общій интересъ, интересъ даже сильнѣйшихъ, которые всегда рискуютъ встрѣтиться съ болѣе сильными, чѣмъ они, и даже могутъ быть убиты слабѣйшими,—общій интересъ, *правый разумъ*, какъ говорить Гоббесъ, требуетъ мира. Потребность въ мирѣ есть причина существованія общества. Но какъ достигнуть цѣли, на какомъ основаніи утвердить общественный порядокъ, потому что собственно нѣтъ ни права, ни правды? На основаніи силы. Для опоры общества нужна власть, способная противостоятъ общимъ похотямъ. Итакъ необходимо сильное правительство; оно должно властвовать надъ лицами и надъ идеями; оно должно быть всемогуще, его слѣдуетъ считать непогрѣшимымъ. Какъ скоро оно встрѣтитъ противленіе, оно должно дѣйствовать внѣшнею силою, и только сила можетъ спасти общество отъ анархіи, отъ первобытной войны, всегда угрожающей, всегда готовой вспыхнуть. . . . Что это? ученіе повинновенія закону, или теорія рабства? Страхъ вызываетъ силу, а сила распространяетъ страхъ.—Общество Гоббеса есть общество материализма. Оно осуществляется въ той мѣрѣ, какъ развивается исключительное поклоненіе матеріи. Когда право и правда—одни пустыя слова, когда общественное мнѣніе—только капризъ слѣпой толпы, ищущей наслажденія, когда общественная машина работаетъ только подъ вліяніемъ вражды и ненависти, когда общество стремится только къ тому, чтобъ ему не быть вовсе разрушеннымъ, тогда внѣшняя сила неизбѣжно завладѣваетъ обществомъ, и вызывается на это общимъ голосомъ, потому что, какъ справедливо замѣтилъ Гоббесъ, миръ есть одинъ изъ первыхъ общественныхъ интересовъ. Но утверждать такое положеніе вещей,

какъ законное, безъ сомнѣнія, значить проповѣдывать ужасное ученіе. Такова полатика послѣдовательнаго матеріализма; судите о деревѣ по его плодамъ (*).

Мы заключимъ наше сужденіе о матеріализмѣ напоминаніемъ о Руссо (**). Въ его жизни не мало заблужденій; въ его ученіи есть отрицаніе нѣкоторыхъ истинъ самыхъ существенныхъ; при всемъ томъ онъ совершилъ великій подвигъ, какъ писатель. Онъ жилъ въ обществѣ самомъ распущенномъ, гдѣ подъ-часъ потребно было мужество, чтобъ говорить о своей вѣрѣ въ Бога, чтобъ защищать основныя понятія долга. И онъ—утверждалъ бытіе Бога, безсмертіе души, правосудіе въ будущемъ; онъ громко проповѣдывалъ о своемъ уваженіи къ Евангелію. Тогда какъ одни изъ его соотечественниковъ молчаливо держались подъ знаменемъ спиритуализма, этотъ, какъ называли его, потерянный человекъ обратился къ Европѣ со всею силою своего краснорѣчія, проводя высокія мысли человечества о его назначеніи.

Статья Эрнеста Навилл.

(Продолженіе будетъ.)

(*) Здѣсь мы можемъ напомнить нашимъ читателямъ, что мысль о житейской непослѣдовательности матеріализма довольно развита въ статьѣ Правосл. Обозр. «По поводу полемики изъ за-статья г. Юркевича», помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ 1861 года. *Ред.*

(**) Авторъ, читавшій эти статьи въ Женевѣ, имѣлъ особое побужденіе вспомнить о Руссо, какъ женеvскомъ гражданинѣ. *Ред.*

ЛАЗАРЬ БАРАНОВИЧЪ

(ИЗЪ ИСТОРИИ ЮЖНО-РУССКОЙ МИТРОПОЛИ.)

Изъ дѣтства знакомо намъ имя «великаго столпа церковнаго», Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго, автора «Трубы Словесъ» и «Меча духовнаго». Но при исчисленіи проповѣдническихъ и литературныхъ заслугъ Барановича встрѣчается упоминовеніе о заслугѣ другаго рода. «Сей пастырь своими увѣщаніями въ 1669 году убѣдиль войско запорожское покориться царю Алексѣю Михайловичу» (*). Объ этой-то заслугѣ мы и намѣрены подробно поговорить въ настоящей статьѣ.

Чтобъ понять положеніе духовенства малороссійскаго въ то время, когда дѣйствовалъ Барановичъ, надобно вникнуть въ состояніе страны, уяснить себѣ борьбу интересовъ и партій. На бѣду было два главныхъ интереса: интересъ войска или козачества и интересъ городского населенія. Стар-

(*) Митроп. Евгенія - Словарь историч. - II, 6.

шина козацкая стремилась къ тому, чтобъ вся власть находилась въ ея рукахъ, и чтобъ надъ нею, надъ тѣмъ, какъ она владѣеть, было какъ можно менѣе надзора со стороны государства: отсюда естественное нежеланіе видѣть царскихъ воеводъ въ городахъ малороссійскихъ. Иное было стремленіе городского народонаселенія: ему тяжело приходилось отъ козаковъ и ихъ полковниковъ, и потому оно хлопотало о введеніи царскихъ воеводъ, чтобы въ нихъ находить себѣ защиту отъ насилій полковничьихъ. Какъ же теперь духовенство должно было смотрѣть на эти противоположныя стремленія, которому изъ нихъ болѣе сочувствовать? Духовенство относительно этихъ двухъ стремленій не могло сохранить единство взгляда: взглядъ архіереевъ, властей былъ различенъ отъ взгляда городского бѣлаго духовенства. Архіерен сочувствовали стремленію старшины козацкой, для нихъ важно было, чтобъ страна удержала какъ можно болѣе самостоятельности въ отношеніи къ Московскому государству, ибо эта самостоятельность условливала ихъ собственное независимое положеніе; оставаться въ номинальной зависимости отъ константинопольскаго патріарха и не подчиняться патріарху московскому, который не захочетъ ограничиться одною тѣнью власти,—вотъ что было главнымъ стремленіемъ малороссійскихъ архіереевъ; интересы ихъ слѣдовательно были тождественны съ интересами старшины козацкой. Напротивъ, городское бѣлое духовенство, по самому положенію своему тоже связанное съ горожанамъ, раздѣляло стремленіе послѣднихъ, и это—не случайность, что протопопъ городского собора, лицо тогда очень важное, является въ Москвѣ представителемъ горожанъ, доносить великому государю о ихъ желаніи видѣть у себя воеводъ. Съ такимъ характеромъ является пѣжинскій протопопъ Максимъ

Филимоновъ: онъ торопитъ царя взять малороссійскіе города на себя и поставитъ своихъ воеводъ. А что же его владыка Лазарь? Владыка молчитъ и, ставши по удаленіи Діонисія Балобана изъ Кіева блюстителемъ митрополіи, Лазарь ведетъ себя такъ, что не возбуждаетъ довѣрія въ Москвѣ. Здѣсь естественно является мысль—нельзя ли сдѣлать архіереемъ и блюстителемъ митрополіи преданнаго протопопа? Мысль приводится въ исполненіе: въ 1661 году Максимъ Филимоновъ, подъ именемъ Меѳодія, былъ поставленъ въ епископа мстиславскаго и назначенъ блюстителемъ митрополіи кіевской. Лазарь Барановичъ на семь лѣтъ удаляется отъ политической дѣятельности.

Какъ же будетъ теперь дѣйствовать Меѳодій? Останется ли вѣрнъ своему прежнему протопопскому взгляду, или переѣмнитъ его, соотвѣтственно своему новому положенію? Прежде всего блюститель митрополіи не ужился съ гетманомъ Брюховецкимъ и доносилъ въ Москву: «чтобъ великій государь не во всемъ на гетмана полагался, ни въ чемъ меня гетманъ не слушаетъ.» Гетманъ поклонился великому государю городами малороссійскими, ввелъ въ нихъ воеводъ, и въ то же время, злобясь на Меѳодія и на все духовенство, которое успѣлъ вооружить противъ себя, требовалъ, чтобъ малороссійское духовенство подчинилось московскому патриарху и чтобъ въ Кіевъ присланъ былъ митрополитъ изъ великороссійскихъ владыкъ. Въ Кіевѣ игумены сильно возстали противъ этого, и Меѳодій принялъ ихъ сторону, хотя въ то же время и извинялся предъ воеводою Шереметевымъ, что сдѣлалъ это поневолѣ, чтобъ не показаться сообщникомъ гетмана. Но такое поведеніе Меѳодія не могло поправиться въ Москвѣ; очень не нравилась здѣсь и все болѣе и болѣе разгоравшаяся вражда епископа съ гетма-

ношъ, усиливавшая смуту въ Малороссіи. Когда Мееодій въ 1666 году прїѣхалъ въ Москву по Никонову дѣлу, то его приняли не такъ ласково, какъ прежде, и, при отпускѣ назадъ въ Малороссію, строго наказали: не продолжать смуты, помириться съ гетманомъ. Мееодій исполнилъ наказъ, не только помирился съ Брюховецкииъ, но и совтаталъ дочь свою за племянника гетманскаго. При этомъ епископъ передалъ свату все свое неудовольствіе, все свое раздраженіе противъ неблагодарной Москвы, передалъ ему свои наблюденія, свои страхи, что Москва готовитъ что-то недоброе для Малороссіи;—что именно? Мееодій не умѣлъ сказать, передавая догадку, что насчетъ Малороссіи торгуются съ ляхами. О своей обидѣ говорилъ, что его безчестили въ Москвѣ, соболей и корму, сколько хотѣлъ, не давали.

Но Мееодій своими внушеніями могъ только приготовить Брюховецкаго къ измѣнѣ: довершили дѣло другіе. Преешникъ Діонисія Балобана, Іосифъ Тукальскій назывался кievскимъ митрополитомъ; но московское правительство не пускало его въ Кіевъ, какъ человѣка подозрительнаго, безъ его вѣдома поставленнаго; Іосифъ не имѣлъ никакой власти на восточномъ берегу Днѣпра, и жилъ въ Чигиринѣ у гетмана западной стороны, Дорошенко. Интересы обоихъ были тѣсно связаны: Дорошенку хотѣлось быть гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Тукальскому хотѣлось быть дѣйствительнымъ митрополитомъ кievскимъ. Москва препятствуетъ и тому и другому, и вотъ они находятъ средство оторвать восточный берегъ Днѣпра отъ Москвы—съ помощію Брюховецкаго. Тукальскій завелъ переписку съ послѣднимъ, сталъ его обнадеживать, что Дорошенко уступитъ ему свою булаву, и такимъ образомъ будетъ онъ, Брюховецкій, гетманомъ обѣ-

ихъ сторонѣ, но прежде всего онъ долженъ выжить изъ Украйны воеводъ московскихъ, отложиться отъ царя и отдаться подъ покровительство султана. Самъ Дорошенко писалъ, что царь присылалъ къ нему съ призывомъ на гетманство восточной стороны. Брюховецкій, приготовленный Мееодіешъ, не преодолѣлъ искушенія.

Въ февралѣ 1668 года начали выживать московскихъ воеводъ и ратныхъ людей изъ городовъ малороссійскихъ: въ Гадячи, резиденціи гетманской, 70 стрѣльцовъ и 50 солдатъ пали подъ ножами убійць, ратный воевода съ 130 начальными и лучшими ратными людьми былъ захваченъ въ плѣнъ; не пощадили и жену воеводы; въ поруганіе водили ее простоволосую по городу, отрѣзали одну грудь и отдали въ богадѣльню. Покончивъ съ Москвою у себя въ Гадячѣ, Брюховецкій разослалъ листы по всѣмъ другимъ городамъ съ увѣщаніемъ послѣдовать его примѣру. Въ Сосницѣ, Прилукахъ, Батуринѣ, Глуховѣ воеводы были захвачены козаками, въ Стародубѣ и Новгородѣ-Сѣверскомъ погибли, защищаясь. Но эта рѣзня не пошла впрокъ ни Брюховецкому, ни свату его Мееодію. Когда Дорошенко явился на восточномъ берегу Днѣпра, то козаки выдали ему Брюховецкаго, который былъ убитъ «какъ бѣшенная собака». Но если Дорошенко не хотѣлъ терпѣть подлѣ себя Брюховецкаго, то Іосифъ Тукальскій не хотѣлъ терпѣть Мееодія. Послѣ гибели свата, для епископа не было болѣе безопасности. Сперва держали его за карауломъ въ разныхъ мѣстахъ на восточномъ берегу, потомъ перевезли за Днѣпръ и посадили въ Чигиринскомъ монастырѣ. Сюда прислалъ къ нему Тукальскій отобрать архіерейскую мантию: «недостойнъ ты быть епископомъ, потому что принялъ рукоположеніе отъ московскаго митрополита,» велѣлъ сказать ему Іосифъ. Изъ Чигирина перевезли

Меѳодія въ Уманскій монастырь; но здѣсь онъ наполнилъ караульныхъ монаховъ и ушелъ въ Кіевъ. По пріѣздѣ сюда, первымъ его дѣломъ было обвинить передъ воеводою Шереметевымъ кіевскихъ архимандритовъ и игуменовъ въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ, Тукальскимъ и Брюховецкимъ. Архимандритъ печерскій, Иннокентій Гизель отвѣчалъ на доносъ, что Брюховецкій присылалъ за нимъ для того, чтобъ онъ помирилъ его съ Меѳодіемъ; оправдывая себя, Гизель рассказалъ, какъ Меѳодій въ Нѣжинѣ безчестилъ вельможъ и архіереевъ московскихъ. На обвиненіе въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ Гизель отвѣчалъ, что дѣйствительно писалъ къ чигиринскому гетману, просилъ запретить козакамъ грабить маестности Печерскаго монастыря, о томъ же писалъ и къ Тукальскому. Николопустыньскій игумень Алексѣй Туръ оперся на то въ своемъ отвѣтѣ, что Меѳодіевы обвиненія—голословныя, ничѣмъ подтвердить ихъ нельзя. Игумены—михайловскій Θεодосій Сафоновичъ, кирилловскій Мелетій Дзикъ, Братскаго монастыря Варлаамъ Ясинскій, выдубицкаго—Θеодосій углицкій, межигорскаго—Иванъ Станиславскій подали сказки, что они сносились съ Чигириномъ свѣдома боярина Шереметева, всѣ въ одинъ голосъ объявили, что пока Меѳодій былъ въ Москвѣ, все было тихо, а какъ онъ пріѣхалъ въ Малороссію и породнился съ Брюховецкимъ, то и начались бунты. Съ тѣми же рѣчами приходили къ Шереметеву и мѣщане кіевскіе; Дорошенко также прислалъ обвинительную грамоту на Меѳодія, прислалъ письмо, которое тотъ писалъ къ Брюховецкому, поднимая его противъ Москвы.

Положеніе Меѳодія было незавидное: онъ совсѣмъ растерялся, не зналъ, что дѣлать? къ кому обратиться? У Шереметева подслуживался доносомъ на своихъ, а къ Θεодосію

Сафоновичу писалъ, что онъ поссорился съ Шереметевымъ изъ-за общей пользы, для цѣлости отчизны, Церкви Божіей и вольности народной. Шереметевъ призналъ за лучшее от-править Меодіа въ Москву, «а то пожалуй, что и въ Кіевѣ какіе-нибудь бунты заведеть!» Въ Москвѣ на всѣ обвиненія епископъ отвѣчалъ одно, что онъ объ измѣнѣ Ивашка Брюховецкаго не вѣдалъ до тѣхъ норъ, какъ государевы люди были побиты въ Гадячѣ. Его оставили въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ подъ стражею, гдѣ онъ и умеръ.

Дорого заплатились сваты—Брюховецкій и Меодій за смуту; не долго торжествовалъ и Дорошенко. Онъ одинъ, безъ сильной помощи турецко-татарской, не могъ держаться противъ московскихъ воеводъ на восточной сторонѣ Днѣпра. Онъ оставилъ здѣсь наказнымъ гетманомъ черниговскаго полковника Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго, а самъ удалился въ Чигиринъ. Слѣдствіемъ этого удаленія было то, что восточная Украина потянула опять къ Москвѣ; царскій воевода, князь Ромодановскій, началъ наступательное движеніе, и Многогрѣшный долженъ былъ вступить съ нимъ въ переговоры. Тутъ-то и выступаетъ на сцену Лазарь Барановичъ: онъ присылаетъ царю грамоту, умоляетъ простить преступныхъ козаковъ, но вмѣстѣ настаиваетъ, чтобъ не было московскихъ воеводъ въ городахъ малороссійскихъ: «Аще есть родъ строптивъ и преогорчева (пишетъ Лазарь о козакахъ), но ему же со усердіемъ похощеть работати, не щадя живота работаетъ. Ляхи подъ Хотиномъ и на различныхъ бранехъ силою ихъ преславная содѣлаша; родъ сицевъ иже свободы хощеть, воинствуетъ не нуждою, но по воли; Ляхи къ каковой тщеть придоша, егда ихъ войско запорожское остави? Нынѣ видать и различными образы ихъ утверждаютъ, но большее усердіе ихъ—къ вашему царскому пресвѣтлomu

величеству; но отъ однихъ воеводъ, съ ратными людьми въ городахъ будущихъ, скорбять, и весь міръ, сущимъ воеводамъ въ городахъ украинскихъ, одни въ Литву, а иныя въ Польшу итить готовы, подущеніе всегдашнее отъ варварь итѣють; свободою убо, ею же Христось насъ свободи, помазаниче Божій, пресвѣтлый царю, ихъ свободи, да стоять на свободѣ, ихъ укрѣпи, да истинно тебѣ поработаютъ и отъ варварь отлучатся всяко! На знаменіе обращенія своего Демко Игнатовичъ гетманъ Сѣверскій плѣнныхъ отпускаетъ. Яко жена кровоточивая егда коснуса края ризъ Христовыхъ, ста токъ крови ея; сице егда ~~за~~запорожское со смиреніемъ припадаетъ и касается края ризъ вашего пресвѣтлаго царскаго величества,—чаю яко станетъ токъ крови.» Барановичъ переслалъ въ Москву письмо къ себѣ Многогрѣшнаго, гдѣ высказано было условіе, на которомъ козаки могли снова подчиниться царю: это—выведеніе воеводъ изъ всѣхъ городовъ малороссійскихъ. Царь велѣлъ отправить отвѣтныя грамоты къ Барановичу и Многогрѣшному: объявляя прощеніе козакамъ и удостовѣряя ихъ въ своей милости; никакихъ условій или болѣе опредѣленныхъ общаній не было. Въ Москвѣ имѣли право заподозрить въ превеличеніи отзывы Барановича о воеводахъ, ибо жители города Нѣжина не задолго передъ тѣмъ прислали челобитную, въ которой просили оставить у нихъ воеводу Ржевскаго, потому что онъ человекъ добрый, живетъ съ ними Бога бояся, — никакихъ обидъ, разоренья и воровства не допускаетъ. И въ то же время нѣжинцы били челомъ на своего архіепископа Лазаря Барановича, что великую имъ горесть учинилъ, отнялъ два села.

И вотъ въ то время, когда нѣжинцы, довольные воеводою,— въ ссорѣ съ своимъ архіереемъ, когда этотъ архіерей про-

сить царя исполнить желаніе козаковъ—вывести воеводу, въ Москву является нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ. Испугался Демьянъ Многогрѣшный этой побѣздки протопопа къ царю, и написалъ Барановичу: «Нынѣшняя война съ великимъ государемъ возникла по благословенію его милости, отца Меѳодія и его послушника, протопопа нѣжинскаго. Слышу, что князь Ромодановскій отпустилъ этого протопопа къ великому государю; отпустилъ онъ его на послѣднюю гибель нашей бѣдной Малороссіи и всему міру. Если великій государь не захочетъ подтвердить намъ вольностей, постановленныхъ при Богданѣ Хмельницкомъ, тогда, ради не ради, поддадимся поганцу (султану); а на комъ будетъ грѣхъ? на епископѣ Меѳодіѣ, да на протопопѣ нѣжинскомъ.»—Барановичъ прислалъ эту грамоту въ Москву вмѣстѣ съ своею, въ которой словами Писанія умолялъ государя исполнить просьбу Многогрѣшнаго: «Отврати лице твое отъ грѣхъ ихъ, и нечестивіи къ тебѣ обратятся; умоленъ буди на рабы своя, да не отъ отчаянія сопрягутся къ невѣрному ярму бусурманскому.»

Протопопъ былъ ласково принятъ въ Москвѣ и отправленъ назадъ въ Малороссію съ грамотами къ Барановичу и Многогрѣшному. Въ 1669 году онъ прислалъ государю грамоту съ разсказомъ о своихъ приключеніяхъ и съ увѣщаніями, которыя никакъ не походили на увѣщанія Барановича. «Гетманъ Стѣверскій (писалъ протопопъ) сначала принялъ меня любовно, а потомъ, по совѣту преосвященнаго Лазаря, возъярился, и съ 29 ноября до 10 генсаря мучилъ меня за карауломъ, запретилъ мнѣ подъ смертною казнію ни въ Москву, ни къ воеводамъ отнюдь не писать. Преосвященный архіепископъ приговорилъ гетману держать меня за карауломъ, и если ваше царское величество позволите сво-

имъ ратнымъ людямъ изъ городовъ выйти, то оставитъ меня въ живыхъ; если же нѣтъ, то меня либо смерти предать, либо татарамъ отдать. Я сталъ съ слезами просить архіепископа, чтобъ не для меня, но для милости вашего царскаго величества, отпустили меня либо въ Москву, либо въ Нѣжинъ. Архіепископъ отвѣчалъ мнѣ: «Не сдѣлаю этого для земнаго царя, а только для Небеснаго, и еслибъ не мое заступленіе, давно бы тебя гетманъ смерти предалъ.» Самъ я слышалъ своими ушами, какъ архіепископъ говорилъ: «Надобно намъ того, чтобъ у насъ въ Малой Россіи и нога московская не была; если государь не выведетъ своихъ ратныхъ людей изъ городовъ, то гетманъ хотя и самъ пропадетъ, а царство московское погубитъ: какъ огонь вещь подлежащую спалить и самъ погаснетъ.» Воля ваша: если прикажете изъ Нѣжина, Переяслава, Чернигова и Остра вывести своихъ ратныхъ людей, то не думайте, чтобъ было добро. Весь народъ кричитъ, плачетъ: какъ израильтяне подъ египетскою, такъ они подъ козацкою работою жить не хотятъ; воздѣвъ руки, молятъ Бога, чтобъ по прежнему подъ вашею государскою державою и властію жить. Говорятъ всѣ: за свѣтомъ государемъ живучи, въ десять лѣтъ того бы не видали, что теперъ въ одинъ годъ за козаками. Козаки умные, которые помнятъ свое крестное цѣлованье, мѣщане и вся чернь говорятъ вслухъ: если вы, великій государь, изволите вывести своихъ ратныхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ, то они селиться не хотятъ, хотя бѣжать врознь: одни въ украинные города вашего царскаго величества, другіе за Днѣпръ въ королевскіе города.»

Протопопъ побѣдилъ: въ Москвѣ рѣшили не выводить воеводъ. Въ мартѣ 1669 года, на большой радѣ въ Глуховѣ, былъ объ этомъ большой споръ между гетманомъ Много-

грѣшнымъ и царскимъ бояриномъ, княземъ Григ. Григ. Ромодановскимъ. Лазарь Барановичъ былъ тутъ же и говорилъ, попрежнему, противъ воеводъ.

«О выходѣ ратныхъ людей изъ городовъ и не думайте, говорилъ бояринъ: какую вы дадите поруку, что впередъ измѣны никакой не будетъ?»

Гетманъ и старшина молчали.

Бояринъ продолжалъ: «И прежде были договоры, передъ св. Евангеліемъ душами своими ихъ крѣпили, и что жъ? соблюли ихъ Ивашка Выговскій, Юраска Хмѣльницкій, Ивашка Брюховецкій? Видя съ вашей стороны такія измѣны, чему вѣрить? Чтобъ больше объ этомъ дѣлъ и помину не было!»

Заговорилъ Барановичъ: «Отъ чего намъ чинятся налоги, о томъ какъ не говорить и великому государю не бить челомъ? Теперъ ты, бояринъ, не хочешь съ нами чинить договору о выводѣ ратныхъ людей: такъ написать въ статьяхъ, чтобъ впередъ было вольно бить челомъ государю объ этомъ.» «Не только, что объ этомъ въ статьяхъ писать, и говорить съ вами не хотимъ!» отвѣчалъ бояринъ. Козаки уступили.

С. Соловьевъ.

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ РЪШИЛОВСКАГО ДѢЛА И ДЛѢ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛѢТІЯ (*).

Въ Рѣшиловскомъ дѣлѣ мы дошли съ нашими страдальцами Теофилактомъ Лопатынскимъ до дверей страшной тайной канцеляріи. Дверь затворилась за нимъ, и не проникаемая тьма закрыла конецъ его печальнаго процесса. Что съ нимъ дѣлалось? Какая судьба постигла прочія лица, замѣшанныя въ его исторіи?

Цѣлый вѣкъ дѣла тайной канцеляріи скрывали отъ любопытныхъ взоровъ исторію заключенія и суда, пытокъ и страданій многихъ лицъ. Наконецъ они сдѣлались доступными изслѣдованіямъ ученыхъ, и свѣту открылись несвѣтлыя дѣла.

И мы читали «сіи кровавыя скрижали», и можемъ подѣлиться съ нашими читателями тѣмъ, что насъ ближе всего интересуесть въ нихъ—окончаніемъ Рѣшиловскаго процесса въ тайной канцеляріи.

Начнемъ съ главнаго лица Теофилакта и просимъ изви-

(*) См. статью *Правосл. Обзор.* «Теофанъ Прокоповичъ и Теофилактъ Лопатынскій» въ сентябр. книжкѣ 1860 года.

нить насъ за повтореніе того, что можетъ быть извѣстно читателю изъ Рѣшиловскаго дѣла. Мы надѣемся, что читатель, интересующійся этиимъ дѣломъ, въ повтореніяхъ уже извѣстныхъ ему событій, встрѣтитъ новыя лица, новыя узлы и вообще много любопытныхъ подробностей о характерѣ и образѣ дѣйствій какъ подсудимыхъ, такъ ихъ слѣдователей и донощиковъ.

I.

Феофилактъ ужь былъ въ тайной канцеляріи въ 1731 году. Читатели Рѣшиловскаго дѣла помнятъ, что когда онъ просилъ позволенія писать противъ Буддея, его позвали въ Москву. Здѣсь онъ познакомился съ тайной канцеляріей, которая взяла съ него сказку, что онъ противъ Буддея писать не станетъ, и никому объ этой сказкѣ говорить не будетъ.

Что за причина такого запрещенія, и почему тайная канцелярія приняла такое участіе въ этомъ дѣлѣ?

Теперь для насъ это ясно.

Тайную канцелярію взволновалъ Рибейра, или Феофанъ изъ-за Рибейры.

Патеръ Рибейра, бывшій въ Москвѣ при испанскомъ посланникѣ, герцогѣ лирійскомъ, познакомился съ нѣкоторыми нашими духовными лицами, между прочимъ съ архимандритами Феофиломъ Кроликомъ и Евѣиміемъ Колеги.

Поводомъ къ сближенію было, вѣроятно, то, что оба архимандриты были прежде за границей, могли объясняться на иностранныхъ языкахъ и интересовались иностранными событіями (*).

(*) - Нѣкоторые изъ синодальныхъ членовъ—пишетъ Берхгольцъ подъ 26 дек. 1727 г.—люди очень образованные и ученые, въ особенности ар-

Первый познакомился съ Рибейроу Кроликъ, проживавшій въ ту пору безъ всякаго дѣла въ Новоспасскоиъ монастырь. Это была упавшая знаменитость духовнаго круга. Что было причиной его паденія, мы не знаемъ. Но для связности разсказа вспомнимъ его прежнюю исторію.

Съ 1716 по 1722 г. онъ находился за границей въ Прагѣ, для перевода Буддеева нѣмецкаго лексикона на русскій языкъ. По возвращеніи въ Россію, опредѣленъ былъ въ синодѣ ассессоромъ и посвященъ въ іеродіакона и іеромонаха. Въ слѣдующемъ году, послѣ назначенія чудовскаго архимандрита Теофилакта Лопатинскаго въ тверскіе епископы, государь приказалъ поставить на его мѣсто въ архимандриты Теофила, и почти сразу за тѣмъ назначилъ его синодальнымъ совѣтникомъ. Теофиль оставался въ синодѣ по 16 декабря 1726 г., «а съ того числа по синодальному опредѣленію, вѣлно ему быть при своемъ токмо монастырь». Въ мартѣ 1727 г. по указу изъ верховнаго тайнаго совѣта, синодѣ выбралъ его и отправилъ, вмѣстѣ съ троицкимъ протопопомъ Иваномъ Семеновымъ, въ верховный т. совѣтъ съ духовной стороны къ сочиненію уложенія. Но еще до начала дѣйствій законодательнаго собранія онъ получилъ другое назначеніе. Въ маѣ 1727 года, по указу изъ верховнаго совѣта приказано было отправить его къ русскому войску, идущему за границу на помощь цесарцамъ, «и ради искусныхъ съ чужестранными духовными людьми поступковъ». Это ужь опала (*). Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ

хеепископы новгородскій и псковскій, и еще одинъ по имени Кроликъ, который говорилъ на многихъ языкахъ и между прочимъ довольно свободно объясняется повѣмцами. Русск. перев. Аммона. Ч. 4., стр. 113.

(*) -Который указъ—писалъ Кроликъ, — хотя и не безъ малой печали могъ быть мнѣ, для того, что по трудныхъ должныхъ службахъ monkъ,

другой указъ, которымъ велѣно было отрѣшить его отъ чудовской архимандріи, и уступить ее прежде бывшему архимандриту Геннадію (*).

Вслѣдствіе перемирія между державами, вспомогательное войско не выступило за границу; а потому Теофиль остался въ Москвѣ. Чудовскій архимандритъ предложилъ ему гостепріимство въ своемъ монастырѣ: но Теофиль отказался, стѣсняясь своимъ новымъ положеніемъ передъ братством (**), и пріютился въ Новоспаскомъ монастырѣ. Тутъ-то онъ встрѣтился и познакомился съ Рибейрой, котораго и рекомендовалъ потомъ новоспаскому архимандриту Евимію Коleti. Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Анны, Теофиль опять сталъ на ноги, хоть и не надолго. Высочайшимъ указомъ 16 сент. 1730 года велѣно было опредѣлить его ар-

чрезъ дальное и бывшему чину моему не зѣло пріличное странствованіе, лишалъ меня хоть соразмѣрнаго, трудомъ снясканнаго и надѣннаго домашняго при архимандріи покоя: однако яко сынъ послушанія въ исполненіи того указа подписался со всякимъ покореніемъ и радостію, что хотя въ такомъ чину, бывшую мою вѣрную службу къ блаженной памяти высокииъ предкамъ нитѣль случай продолжать къ ново тогда Богомъ избранному и счастливо начавшему владѣнію его И. Величеству.

(*) - Появнутой указъ—продолжаетъ Кроликъ—съ какимъ умерщвленіемъ, горестію и стыдомъ не токмо исполнять, но и слышать мнѣ пріучилось, хотя довольно изобразить трудно, ибо прежде того въ подобныя короткіе походы отправляемые архіереи, архимандриты, іеромонахи и простые священники, не токмо честей своихъ лишаемы не бывали, но и вѣщшемъ ихъ императорскихъ величествъ прирѣніемъ снабждавались, а я такъ смышленымъ указомъ не въ послѣднемъ стѣиени поставленъ безъ суда и примѣру изверженъ. Но и тотъ тяжкій указъ съ послушаніемъ я исполнилъ во всякой терпѣливости, и якобы въ важныхъ проступкахъ уже сужденъ, обличенъ и осужденъ, уступилъ архимандрію ему Геннадію.

(**) - И остался я,— продолжаетъ Теофиль,—яко граждански или натурально умершій безъ всякаго прирѣнія; первое въ томъ, что яко за-

химандритомъ въ Новоспасскій монастырь на мѣсто Евеніа, переведеннаго въ Чудовъ.

Жизнь предшественника его по Новоспасскому монастырю разнообразѣе и богаче приключеніями.

Когда царевичъ въ 1710 г. былъ за границей, то, не имѣя при себѣ русскаго священника, пригласилъ греческаго. Это и былъ Ливерій (Елевверій) Колети, учитель греческой школы въ Але. Въ ту пору проживалъ въ этомъ городкѣ «для обученія наукъ» сынъ графа Ив. Ал. Мусина-Пушкина Платонъ-Мусивъ-Пушкинъ. Кажется, онъ-то и рекомендовалъ его царевичу. Это было еще до сочетанія бракомъ Алексѣя Петровича. Царевичъ пригласилъ его въ Россію и рекомендовалъ И. А. Мусину-Пушкину и митрополиту Стефану, для опредѣленія въ школу, или гдѣ имъ будетъ потребенъ (*). «А какъ онъ Стефану митрополиту явился,—продолжаетъ самъ Колети въ своемъ показаніи,—и тогда оный Стефанъ митрополитъ опредѣлилъ его на обученіе поповыхъ дѣтей въ Москвѣ въ греческую школу; а потомъ,—а въ которомъ году не упомянуть,—по письму государя цесаревича пріѣхалъ онъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Изъ С.-Петербурга онъ отправился съ царевичемъ въ Германію. Какъ былъ царевичъ въ Карлсбадѣ,

прещенному и чина священнослуженія непоказано;—второе, что ни кельи, ни пропитанія ему не назначено, яко забвенному извергу. что и въ великихъ винахъ, не токмо духовнымъ, но и свѣтскимъ злодѣямъ по правачь промышляется для самого Бога и должнаго къ ближнему состраданія. А я при немоществѣ моеиъ живу и питаюся у тѣхъ, которые своимъ благосердіемъ и моимъ прошеніемъ на то подвинуты».

(*) -И покаместъ его не опредѣлятъ—писалъ онъ къ своему духовнику Якову Игнатьеву—домомъ также и жалованьемъ, изволь ему дать по рассмотрѣнію денегъ; такожъ первые дни покаместъ сыщеть себѣ гдѣ жить, и буде будетъ васъ просить, благоволи его у себя поддержать. дондеже обрящеть мѣсто покоишу своему. Изъ Торуня 23 янв. 1712 г.

въ ту пору былъ ему духовнымъ. А потомъ царевичъ изъ Карлсбада поѣхалъ, а его оставилъ въ Берлинѣ у Александра Головкина, и онъ у Александра Головкина просился въ Венецію видѣть свои сродники и провѣдать гдѣ мать, которая въ полону. И бывъ въ Венеціи и тамъ исправя свое дѣло, просилъ пашепорта у агента Беклемишева, и въ томъ пашепортѣ просилъ, чтобъ написать его имя не поименно, и поѣхалъ до Берлина чрезъ Нюренбергъ. А въ Эренбергѣ, гдѣ сидѣлъ государь царевичъ, онъ былъ, а провѣдалъ онъ, объ немъ чрезъ почталіона за три мили до Эренберга. А у него царевича не бывалъ, и его не видалъ. И былъ тамъ два дни, и поѣхалъ почтою къ Нюренбергу, а оттуда въ Берлинъ. А какъ изъ Берлина поѣхалъ въ Венецію, заѣхалъ въ Шверинъ, и тутъ Ивана Афанасьева (царевичева камердинера) видѣлъ и спрашивалъ онъ его, откуда онъ пріѣхалъ? И онъ, Ливерій, сказалъ, что изъ Берлина къ царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ поклониться. И Иванъ его спросилъ: гдѣ государь-царевичъ обрѣтается? И онъ ему сказалъ, что онъ не знаетъ и хочетъ идти въ Венецію. И Иванъ Афанасьевъ говорилъ ему: Возможно ли тебѣ царевича сыскать? И онъ, Ливерій, ему Ивану сказалъ, что русскому человѣку сыскать невозможно; а ежели я поѣду, то того сыскать могу. И онъ, Иванъ, его спросилъ: Хочешь ли идти къ царевичу? И онъ сказалъ, что готовъ. И далъ ему 200 червонцевъ, да цифирную азбуку, да къ царевичу письмо. И поѣхалъ къ тому царевичу, и приказалъ учинить, чтобъ онъ по той цифирѣ писалъ о томъ къ Ивану и ко другимъ. А тою цифирною (азбуку) велѣлъ отдать ему царевичу, а гдѣ взялъ не знаетъ и собиралъ де онъ изъ календаря, и сочинялъ тою азбуку съ нимъ вмѣстѣ онъ попъ обще (*).

(*) У Ивана Афанасьева показаніе полнѣе. • Тутъ въ Шверинѣ, по нѣ-

(Это было въ началѣ 1717 года). И царевича онъ не видалъ. А гдѣ онъ былъ, про то онъ вѣдалъ, и желалъ было у него быть, да въ крѣпость не пустили. И онъ попь тѣ азбуки и письмо сжогъ; а словесно отъ него (Ивана Аванасьева) приказу не бывало. Иванъ Аванасьевъ познакомился въ Шверинѣ съ Александромъ Лопухинымъ и рассказывалъ ему о бѣгствѣ царевича и о посылкѣ къ нему Ливеріа. Поэтому и у Ливеріа спрашивали въ послѣдствіи: не видался ли и онъ съ Лопухинымъ въ Шверинѣ? Ливерій отвѣчалъ, что видѣлъ его уже какъ пріѣхавъ изъ Венеціи въ

которыхъ недѣляхъ, пришелъ ко мнѣ попь Ливерій, который бывалъ у царевича въ Саксоніи на время, послѣ былъ въ Торунѣ, потомъ и здѣсь. Спросилъ я его: Откуда ты пріѣхалъ и зачѣмъ? Сказалъ онъ мнѣ: Изъ Берлина нарочно поѣхалъ посвящать солдатъ русскихъ, которые по мѣстечкамъ въ Пруссакъ живутъ; и откуда-де пріѣхалъ, хочу просить царевну, чтобы она меня ко двору своему къ царю приняла; и былъ-де я у нее и общается-де жалованье малое; хочу-де ѣхать опять въ Берлинъ. Сталъ меня спрашивать: Гдѣ-де нынѣ царевичъ? Я ему сказалъ: не знаю. Я-де слышалъ, что онъ въ Цесарин. Я его спросилъ: не желаешь ли ты къ нему ѣхать? И онъ сказалъ мнѣ: Я-де желю ѣхать да нечѣмъ проѣхать. Спросилъ его: Сколько тебѣ денегъ надобно? И онъ сказалъ: Самъ ты вѣдаешь, каковъ-де дешевъ проѣздъ здѣсь живеть. Посулилъ ему сто червонныхъ и онъ сказалъ, что мало. Далъ ему двѣсти. Сіе учинилъ для того, что царевичъ будучи въ Питербургѣ, при отъѣздѣ объ немъ упоминалъ: когда бы-де въ то время былъ со мной Ливерій, то бы я безъ крестовой службы не былъ. Того ради я Ливеріа и отправилъ. Въ то же время учинили мы съ нимъ общую азбуку: одну онъ взялъ, которую я велѣлъ отдать царевичу, другую я къ себѣ взялъ. А сдѣланы были тѣ азбуки, которую я здѣсь взялъ, у дьячка Воронова на кружокъ мѣдномъ. Съ того кружка онъ списалъ себѣ на бумагѣ, а мнѣ кружокъ отдалъ, который я тамъ же въ Шверинѣ наломалъ, по которой азбуки мы съ нимъ общались переписываться. Да съ нимъ же Ливеріемъ послалъ я письмо къ царевичу, въ которомъ я писалъ только: отправилъ Ливеріа и далъ ему двѣсти червонныхъ. А на словахъ ему Ливерію о себѣ приказывалъ, что ѣхать не смѣю, чтобы не поймали.-

третій разъ (*). А такихъ словъ, что онъ бывалъ въ Тирольтъ, видѣлъ изъ людей Царевичевыхъ одного человѣка, не говаривалъ и кружка иѣднаго (о которомъ показывалъ Аѳанасьевъ) онъ не видалъ. А азбуки цифирныя они сочиняли вмѣстѣ съ нимъ, Иваномъ, и по тѣмъ только знали писать они одни съ Иваномъ Аѳанасьевымъ. А Александру Лопухину такихъ словъ, что онъ былъ у Царевича одинъ день и Царевичъ его опять отпустилъ, не говаривалъ и у Царевича не былъ. А сказывалъ только, что извѣстенъ объ немъ, что обрѣтается въ Эренбергѣ. А пріѣхалъ въ Берлинъ къ Александру Головкину и сказывалъ, что царевичъ обрѣтается въ Эренбергѣ; а того, что Иванъ Аѳанасьевъ его къ царевичу отправилъ и далъ ему червонныхъ и цифирныя азбуки, по которымъ имъ переписываться, ему Александру не сказывалъ.»

Все это Ливерій показалъ въ С.-Петербургѣ, въ розыскѣ, тайной канцеляріи по дѣлу царевича.

Но какъ его показанія являлись не со всѣмъ невинными и, главное, рознили съ показаніями Большова Аѳанасьева, то кабинетъ рѣшилъ 4-го марта (1718 г.): лишить его священства, и въ сущей правдѣ имъ розыскивать.

Съ трехъ розысковъ (5, 8 и 11-го марта) (**) Ливерій показалъ, что у царевича, какъ онъ былъ въ бѣгахъ, онъ не бывалъ и его не видалъ, а ѣздилъ онъ, чтобы его сыскать и жить у него царевича. А думалъ, чтобы его уговаривать по прежнему къ отцу. А Иванъ Аѳанасьевъ въ застѣнкѣ на очной ставкѣ его уличалъ: «Посылалъ онъ Иванъ его Ливе-

(*) Лопухинъ показывалъ: «Когда попъ греческій привезенъ въ Шве ринъ, сказывалъ многимъ, что въ Тирольтъ былъ и видѣлъ изъ людей царевичевыхъ одного человѣка, а кого не сказалъ.»

(**) *Устряловъ*, Ист. П., т. VI, стр. 182, примѣч. 22.

верія къ царевичу, чтобъ онъ его сыскалъ и былъ при немъ, а не въ томъ образѣ, чтобы его возвратить, и сказывалъ ему онъ, Иванъ, за секретъ, что царевичъ ушелъ и не возвратится, чтобъ онъ ѣхалъ къ нему и жилъ при немъ, царевичъ.» Ливерій крѣпко держался своего показанія, что «Иванъ Аѳанасьевъ посылалъ его въ ту мѣру, чтобъ при царевичѣ жить и переписываться съ нимъ, а его намѣреніе было не такъ, какъ Иванъ ему сказывалъ, и хотѣлъ царевича уговаривать, чтобъ онъ ѣхалъ назадъ къ отцу.»

Удовольствовавшись показаніями Ливерія, съ трехъ розысковъ, министры приговорили (16 марта, 1718 г.): попу Ливерію, за вышеписанныя его всѣ вины, и что онъ слышалъ отъ Ивана Аѳанасьева о царевичѣ—что онъ въ бѣгахъ и къ нему, царевичу, поѣхалъ, взявъ 200 червонныхъ, и цифиря составлялъ съ нимъ, Иваномъ, обще, по которымъ хотѣлъ переписываться, о чемъ онъ съ розыску во всемъ повинился,—учинить наказаніе и сослать вѣчно въ Соловецкій монастырь; (Петръ прибавилъ) въ тюрьму» (*). Исполненіе по этому указу поручено было монастырскому приказу, т. е. Мусину-Пушкину, который медлил отправленіемъ Ливерія цѣлые 4 мѣсяца. Ливерій въ это время нашелъ милостивцевъ: но либо просить было рано, либо просьбы остались безплодными,—и потому онъ долженъ былъ отправиться въ ссылку.

Милостивцы, однакожъ, нашли свое время для просьбы. Въ 1721 г., февраля 17, молодые Кантемиры, сыновья стараго князя Дмитрія Кантемира, подали государю прошеніе отпустить къ нимъ Ливерія (**).

«Державнѣйшій и Всемилостивѣйшій Царь Государь.

«Понеже прежде бывый у насъ, низайшихъ Вашего Цар-

(*) Дѣла царевича. Картонъ VII, № 118.

(**) Кабинет. дѣла, отд. II, кн 55.

скаго Величества рабовъ, учитель іерей Настасій Кондонда, который училъ насъ еллино-греческаго, латинскаго и итальянскаго языковъ, Высочайшимъ Вашего Царскаго Величества изволеніемъ и повелѣніемъ взять въ службу Вашего Царскаго Величества то мы чрезъ четыре уже мѣсяца безъ всякаго ученія пребываемъ, инаго же означенныхъ языковъ совершенно искуснаго (учителя) имѣть не можемъ. И тако онаго лишены суще, припадаемъ къ Высочайшимъ Вашего Царскаго Величества стопамъ, и всепокорно просимъ, дабы (аще возможно есть) милостивѣйше соизволилъ повелѣтъ на нашъ пароль отдать іерея Ливерія Колетія, которой по указу Вашего Царскаго Величества, въ Соловецкой монастырь сосланъ, понеже онъ вышереченный языковъ предовольно искусенъ: и когда-либо Ваше Царское Величество отъ насъ его востребовать изволить, мы всегда готовы его поставить»

Вашего Царскаго Величества

Государя нашего всемилостивѣйшаго

всенижайшіе рабы

Матвѣй Кантемиръ.

Константинъ Кантемиръ.

Сербанъ Кантемиръ.

Антіохъ Кантемиръ.

1721., въ 17 день февраля.

Старый князь Дмитрій Кантемиръ, съ своей стороны, прислалъ письмомъ кабинетъ-секретаря Макарова подать эту «супплику» дѣтей его въ удобный, часъ Его Царскому Величеству, и какое Его Царское Величество отвѣтствіе будетъ, безъ увѣдомленія его не оставитъ» (*).

Успѣхъ просьбы превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Кантемиры вывели Ливерія изъ тюрьмы; а Конконди, въ ту пору

(*) Кабинет. письма, отд. 2, кн. 55.

епископъ и синодальный членъ,—подавъ ему руку подняться въ синодъ. Мы забыли сказать, что Ливерій въ Соловецкомъ монастырѣ вступилъ въ монашество и названъ Евѣиміемъ (*). Такъ все пошло заново, какъ будто Ливерія и на свѣтъ не было.

Въ царствованіе Петра II оказаны были милости всѣмъ приверженцамъ царевича. Въ числѣ ихъ былъ и Евѣимій Колетій. Въ 1730 г. мы встрѣчаемъ его уже новоспаскимъ архимандритомъ.

Тутъ онъ познакомился съ Рибейрою;—впослѣдствіи онъ говорилъ, что Рибейру въ первый разъ привелъ къ нему Кроликъ; но и самъ собою онъ встрѣчался съ нимъ на объѣздахъ у герцога.

Однажды пришедши къ Евѣимію, Рибейра показалъ ему Буддееву книгу съ бранью на православную церковь, и съ ругательствами на покойнаго Стефана Яворскаго и Теофилакта Лопатинскаго. Рибейра сказалъ при этомъ, что онъ уже написалъ и отвѣтъ Буддею и издастъ его на латинскомъ и русскомъ языкахъ, но затрудняется русскимъ переводомъ. Евѣимій вызвался перевести его сочиненіе на русскій языкъ, и точно съ листъ перевелъ самъ, а остальные отдалъ для перевода іеродіакону Скрыпицыну и ученику московской академіи Красильникову по найму.

Такъ какъ дѣло касалось, между прочимъ, синодальнаго вице-президента Теофилакта, то Евѣимій, полагая услужить ему, свезъ къ нему Буддееву книжку. Виѣстъ съ нимъ былъ

(*) Въ послѣдствіи Ливерій показывалъ: «въ монашескій чинъ постриженъ онъ въ Соловецкомъ монастырѣ по отсылкѣ его въ тотъ монастырь спустя съ годъ и болѣе, до бытности въ томъ монастырѣ архимандрита Варсоноія, по прошенію его Елвеерія того монастыря намѣстникомъ—а имени его не упомянуть—де-казначею Германомъ.»

у Теофилакта архимандритъ Платонъ Малиновскій, который ѣхалъ было въ Кіевопечерскій монастырь, но, непринятый братствомъ, остался пока въ Москвѣ, гдѣ и получилъ новое почетное назначеніе.

Въ разговорахъ съ ними тверскій архіепископъ сказалъ, что онъ также будетъ писать противъ Буддея, и просилъ оставить у него Рибейринъ экземпляръ его книги, надѣясь извиниться передъ нимъ при слѣдующемъ свиданіи. Вскорѣ послѣ того онъ увидался съ Рибейрой на обѣдѣ у испанскаго посланника, и еще разъ просилъ позволенія пользоваться его книгой, пока можно будетъ. Рибейра позволилъ, съ любезностію. «Гдѣ вы взяли эту книгу?» спросилъ Теофилактъ?—Купилъ въ Нѣмецкой слободѣ, отвѣчалъ Рибейра.

Послѣ коронаціи въ августѣ 1730 г., Теофилакта уволили изъ синода. Въ то же время уволены ростовскій архіепископъ Георгій Дашковъ и коломенскій митрополитъ Игнатій Смола—звѣзды минувшаго царствованія. Теофанъ былъ въ апогееъ своего величія, стоялъ на высотѣ недостижимой.

На мѣсто уволенныхъ членовъ, въ синодъ назначены новые: крутицкій архіепископъ Леонидъ, нижегородскій Питиримъ и суздальскій Іоакимъ; изъ архимандритовъ: новоспасскій Евѣимій Колети и ипатскій Платонъ Малиновскій. Евѣимій вскорѣ (26 сент.) переведенъ былъ въ Чудовъ монастырь, а на его мѣсто въ Новоспасскій—Теофилъ Кроликъ. Рибейра продолжалъ бывать у нихъ и пользовался ихъ услугами въ своихъ литературно-богословскихъ трудахъ. Въ 1730 г. онъ напечаталъ свой отвѣтъ Буддею, на одноѣмъ латинскомъ языкѣ.

Въ слѣдующемъ 1731 году Теофилакта, какъ мы сказали уже, потребовали въ Москву, въ тайную канцелярію, и взяли съ него сказку, что онъ противъ Буддея писать не будетъ.

Послѣ того дѣло опять, повидимому, затихло. Въ началѣ слѣдующаго года дворъ переѣхалъ въ С.-Петербургъ; синодъ тоже. Евѣимій и Платонъ оставались синодальными членами по прежнему.

Эпизодически входятъ въ эту исторію еще нѣсколько лицъ, не имѣющихъ отношенія къ Рѣшиловскому дѣлу, случайно попавшихъ въ эту сѣть.

В. К. Тредьяковскій,—безъ него нигдѣ не обойдется,—возвратясь изъ путешествія за границей, почувствовалъ въ себѣ вдругъ силу генія и началъ проявлять его съ странностію, свойственною такого рода геніямъ; свелъ знакомство съ московскою академіею—прежнимъ своимъ гнѣздомъ—и бывалъ у ректора Германа Концевича

Однажды встрѣтился съ нимъ въ Законоспаскомъ монастырѣ архимандритъ Платонъ Малиновскій. Слово за слово.—Кто вы и откуда? спрашивалъ Платонъ. «Студентъ В. К. Тредьяковскій,—рекомендовался пѣнта,—бывалъ въ чужихъ странахъ, произошолъ разныя ученія, слушалъ и философію.» Платонъ скоро увидалъ, изъ-за какого моря эта птица. «По разговору оказалось, говорилъ онъ послѣ, что эта философія самая атеистическая, якобы и Бога нѣтъ.»

Въ другой разъ Малиновскій встрѣтился съ нимъ въ С.-Петербургѣ, у невскаго архим. Петра Смѣлича. Въ компаніи были синодальные члены, и было пѣніе: пѣвчіе пѣли концертъ великомученицы Екатерины. Послѣ того Тредьяковскій, вынувъ у себя тетрадь, подалъ Θεοфану. Тотъ велѣлъ Тредьяковскому прочесть ее вслухъ. «А въ ней были писаны стихи, зовомые сатиры, и въ оныхъ написана была укоризна на великороссійскихъ богословія учителей, якобы

они ничего не знаютъ, только какъ прочтутъ «Камень Вѣры», то въ ученіе себѣ полагаютъ, мудрыми себя ставятъ.» Малиновскій говоритъ, что и онъ слушалъ и, не смѣя протестовать, молчалъ.

Вскорѣ послѣ этого Платонъ еще разъ встрѣтился съ Тредьяковскимъ въ компаніи у священника невской подмонастырской слободы. Въ гостяхъ были, кромѣ Платона, невскій архимандритъ Петръ, московскій донской архимандритъ Иларіонъ Рогалевскій, пріѣхавшій для посвященія въ казанскіе епископы, чудовскій Евѳимій Коleti и Тредьяковскій. Въ веселый часъ Тредьяковскій вздумалъ угостить своихъ собесѣдниковъ ужъ не чтеніемъ, а пѣніемъ сочиненной имъ псалмы. Малиновскій, предубѣжденный противъ пѣты, разразился страшной бранью. «Ужъ не думаете ли вы, что, побывавши въ чужихъ краяхъ, вы получили право порочить церковь православную своими ересями. Слава Богу, у насъ православная земля и православная государыня, и за нечестіе кровь ваша еретическая прольется.» Иларіонъ и Петръ уговаривали Платона успокоиться: «перестань, оставь, завтра выговоришь. Тутъ ереси никакой нѣтъ; а если молодой человекъ въ чемъ и погрѣшилъ, то завтра пришлетъ къ вамъ псалму на домъ, поправьте, коли что найдете.» Малиновскій сердился еще больше: «Не его дѣло сочинять богословскія вещи, для которыхъ многія имѣются достойнѣйшіе учителя.» За Платона вступился Евѳимій и напалъ на Петра, что онъ ничего не знаетъ и не смыслить, «а то-де подлинно тутъ много противности греческой православной церкви.» На другой день Тредьяковскій прислалъ свою псалму съ латинскимъ письмомъ къ Малиновскому. Тотъ, хладнокровно обсудивши дѣло, увидѣлъ, что онъ неправъ и, пріѣхавъ въ Невскій монастырь къ обѣднѣ, благодарилъ Тре-

дьяковского за письмо и просилъ прощенія, что напрасно его вчера шумно оскорбилъ, «а псалма де-его никакого въ себѣ порока не имѣеть.»

Въ этотъ разъ дѣло не имѣло другихъ послѣдствій, но потомъ попало въ судебный процессъ тайной канцеляріи надъ Евѣиміемъ и Малиновскимъ.

Для насъ важно оно по намеку на отношеніе къ общему дѣлу церкви главныхъ ея правителей.

Это было въ мартъ или въ апрѣль 1732 года.

Въ августъ (1732 г.), вдругъ арестуютъ ихъ одного за другимъ, Евѣиміа—10-го, Платона—12-го числа. Изъ Москвы, кромѣ того, взяли въ тайную канцелярію законосваскаго архимандрита Софронія Мигалевича, ученика богословія Красильникова и іеродіакона Скрипицина, Евѣиміева келейника, Якова Вязьмина.

По связи лицъ ясно, что дѣло пошло о Рибейрь.

Мы выше упомянули, что онъ издалъ свою книгу протавъ Буддея на одномъ латинскомъ языкѣ. На заглавномъ листѣ показано, что она напечатана въ Вѣнѣ 1730 г. Но Теофанъ подозрѣвалъ, что это хитрость, что книги изданы въ Россіи и притомъ послѣ отъѣзда Рибейры изъ Россіи, т. е. послѣ 1730 года. Гдѣ же именно и по чьему старанію?

«Было слѣдованіе, писалъ онъ въ предложенія кабинетнымъ министрамъ,—чьимъ тщаніемъ такъ вредная книжица произведена на свѣтъ типографскимъ тисненіемъ, и гдѣ она была напечатана. Хотя же и найдены такового отравнаго состава продавцы, однакоже доселѣ не было извѣстно, гдѣ составъ той и въ которой типографіи, нашей ли или въ иностранной какой, напечатанъ. А нынѣ показуется, что она Рибейрева книга имѣла быть напечатана въ московской типографіи; но

намѣреніемъ извѣстныхъ того промышленниковъ, съ неопаснаго на безопасное, какъ они помышляли, перемѣненнымъ, напечатана она, по близкому догаду нашему, въ типографіи санктпетербургской академіи наукъ. Которой нашей коніектуры (догадки) имѣемъ мы и явно произнесемъ нелегкіе документы.»

Такимъ образомъ изданіе Рибейровой книжки представлялось дѣломъ русскихъ союзниковъ Рибейры. Но кто были эти промышленники, какъ называетъ ихъ Теофанъ?

Начавшееся передъ этимъ дѣло Аврамова и Родышевскаго открыло переводчиковъ Рибейровой книги. Теофанъ догадывался, что они жь были и издателями ея. Вотъ причина ареста Евеніи и Платона.

Теофанъ умѣлъ представить дѣло въ такомъ видѣ, что оно взято для слѣдованія въ кабинетъ.

Кабинетные министры пригласили въ свое собраніе Теофана, который и далъ направленіе всему дѣлу. Изъ приложения нами, на концѣ, доклада его государынѣ, читатели увидятъ, какъ онъ ловко сводилъ и связывалъ всѣ, самыя отдаленныя одна отъ другой, нити въ одинъ узелъ. Пасквиль Родышевскаго (еще неизвѣстный нашимъ читателямъ), письмо Рѣшиловское, Рибейра, Коleti, Теофилактъ,—все это сведено въ одну злодѣйскую факцію, которая хочетъ возмутить государство внутри и потрясти извнѣ. Потому всѣ члены этой факціи имѣютъ двойной характеръ: внутреннихъ мятежниковъ и внѣшнихъ шпионовъ или союзниковъ. Евеній Коleti особенно казался подозрительнымъ Теофану и кабинетнымъ министрамъ въ обѣихъ этихъ роляхъ.

24-го октября 1732 г. дѣло передано было изъ кабинета въ тайную канцелярію. Евеніи перевели въ крѣпость, а Платону и Софронію дозволили остаться до указу на преж-

нихъ квартирахъ, гдѣ они содержались подѣ карауломъ тайной канцеляріи.

Іеродіаконъ Скрипицынъ и школьникъ Красильниковъ, а вмѣстѣ съ ними и начальникъ ихъ, архимандритъ Софроній, вскорѣ были освобождены, потому что по слѣдствію важной вины за ними не оказалось. Прочіе ждали своей участи.

До 1734 г. оба архимандрита считались еще синодальными членами и, по указу верх. тайнаго совѣта (1726) о членахъ неприсутствующихъ, получали половину своего штатнаго жалованья,—были кое-какъ обезпечены въ необходимыхъ нуждахъ. Но въ 1734 г. синодъ назначилъ въ монастыри, на ихъ мѣста, другихъ архимандритовъ, а государыня—въ синодъ другихъ членовъ. Выдача жалованья имъ прекратилась.

Въ маѣ 1735 г. оба архимандрита прислали въ синодъ доношенія, которыми просили выдать имъ что-нибудь въ счетъ имѣющихся у нихъ по монастырямъ пожитковъ, чтобы имъ «не умереть съ голоду и стужи». Синодъ выдалъ имъ на крайнюю нужду, понемногу.

Въ іюнь тайная канцелярія уже предлагала синоду, что кабинетные министры и генералъ Ушаковъ приказали: со-содержащагося въ т. к. бывшаго Чудова монастыря архимандрита Евѣмія Колетія, по касающемуся до него въ т. к. нѣкоторому важному дѣлу, священства и монашества лишить, и просила прислать для этого дѣла надлежащую духовную персону. Синодъ командировалъ бывшаго при доиѣ преосвященнаго Леонида іеромонаха Герасима. Послѣ р-стриженія, Евѣмію праказано зваться по мірскому—Елевѣріемъ Колетіемъ.

Лишеніе сана было только прелюдіей къ допросамъ и истязаніямъ. О чемъ его не допрашивали? О Рѣшиловѣ, о под-

ютномъ письмѣ,—не бывалъ ли въ Кіевѣ,—обо всемъ, что составляло интересъ Рѣшилловскаго и Родышевскаго дѣла. Но въ показаніяхъ его нѣтъ ничего больше того, что мы сказали выше о переводѣ Рибейровыхъ сочиненій. Какая была дальнѣйшая судьба его, не знаемъ. Въ 1738 г. еще встречаемъ его въ крѣпости въ казематѣ у Кроновверскихъ воротъ; затѣмъ его не видать больше.....

Въ іюнь 1735 г. потребовали въ С.-Петербургѣ Теофилакта. «Рано утромъ, пишетъ современникъ, прибѣжали въ архіерейскій домъ два гвардейскіе офицера и спросили: гдѣ архіерей? Имъ сказали, что здѣсь его нѣтъ, что онъ въ Всесвятскомъ,—и подчивали ихъ водкой, а между тѣмъ архіерею подали тайно вѣсть о случившемся. Архіерей облекся въ епископскую мантию и взялъ посохъ, и въ этомъ облаченіи ожидалъ своихъ противниковъ. Когда офицеры пришли взять его, то испугались, потому что имъ приказано было взять его, въ чемъ застануть. Объявивъ ему указъ тайной канцеляріи, чтобы ѣхать съ ними въ С.-Петербургъ, они не дали ему ни съ кѣмъ проститься. Теофилактъ просился помолиться въ соборную церковь—не пустили.»

Въ С.-Петербургѣ, послѣ допросовъ въ синодѣ и кабинетѣ, 10 іюля привели его къ присягѣ въ томъ, что покажетъ истину. Сущность вопросовъ, предложенныхъ ему подъ присягою, заключалась въ одномъ: кто сочинялъ известное письмо, Рѣшилловъ или нѣтъ? Но любопытно, какъ въ народной молвѣ отозвалась эта присяга. Говорили, что въ церкви спрашивали его подъ присягою: подпишется ли онъ, что книга «Камень Вѣры»—не правая книга? Теофилактъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и за это готовъ пролить свою кровь.»

Въ 1736 г. сентября 8 скончался Теофанъ. Между ближними Теофилакта ходила молва, будто духовникъ

предлагалъ Теофану примириться съ Теофилактомъ. Теофанъ отвѣчалъ съ неистовымъ гнѣвомъ: О, духъ проклятый Лопатинскій!

Въ декабрь этого года, Теофилакта передали изъ кабинета въ тайную канцелярію, съ тѣмъ, чтобы допрашивать его кабинетнымъ министрамъ и, въ случаѣ разнорѣчій, сдѣлать ему очныя ставки съ Маевскимъ и Рѣшиловымъ.

Въ одной изъ такихъ очныхъ ставокъ Рѣшиловъ не постыдился просить Теофилакта, чтобъ онъ укрывательствомъ не пролилъ его Рѣшилова крови. Теофилактъ не выдержалъ этой безсовѣстности и отвѣчалъ ему: «Въ тебѣ, сударь, свиная кровь»; съ тѣхъ поръ Рѣшиловъ сталъ ему противенъ.

Наконецъ послѣ всѣхъ допросовъ, показаній и очныхъ ставокъ состоялся высочайшій указъ слѣдующаго содержанія:

«1738 года, декабря 13-го дня, по указу Ея И. В. въ кабинетѣ Ея И. В. присутствующими господами министрами да генераломъ Ушаковымъ, по слушаніи внесенныхъ изъ тайной канцеляріи экстракта изъ дѣлъ о тверскомъ архіерее Теофилактѣ Лопатинскомъ разсуждено, что помянутый архіерей Теофилактъ, по обстоятельству производимаго съ прочими о немъ дѣла, явился въ важныхъ винахъ; но при слѣдствіи не токмо о тѣхъ своихъ винахъ не принесъ чистой повинной, но коварно въ томъ себя закрывалъ; ибо вѣдая, что имѣлъ онъ съ монахомъ Осипомъ, нынѣ растрогою Иваномъ Рѣшиловымъ, письменную корреспонденцію, къ тому же и персонально съ нимъ неприличныя рѣчи, каковы въ тѣхъ ихъ письмахъ явствуютъ, говаривалъ, и отъ Рѣшилова слышалъ, — на посланныя къ нему именныя Ея И. В. указы съ явною безсовѣстною лжею объявлялъ, что того будто бы не бывало; но когда тѣ его безсовѣстные отвѣты письмами Рѣшилова явно были обличены, тогда никакого

уже оправданія онъ, Теофилактъ, не принесъ, кромѣ отговороки, что прежде не объявилъ онъ яко бы отъ безпамятства; когда и потомъ, сверхъ онаго, по слѣдствію, о происходившихъ отъ него важныхъ непристойныхъ словахъ и нареканіяхъ явно показалось,—онъ и въ томъ въ отвѣтахъ вину свою скрывалъ, паче же присягою предъ всемогущимъ Богомъ съ клятвою себя въ оноу утверждалъ и ни о чемъ на себя и на другихъ не показалъ, и въ томъ подъ присягою своеручно подписался; но послѣ того по отвѣту его явно означилось, что оную присягу учинилъ онъ умышленно-ложно, дабы тѣмъ закрыть нижеобъявленныя вины свои, ибо самъ онъ, Теофилактъ, показалъ, что по словеси апостольскому всякому прекословію кончина клятва есть, и потому думалъ, что оноу учиненною имъ присягою дѣло о немъ кончилось; но по слѣдствію въ тайной канцеляріи онъ явно явился въ злоумышленныхъ непристойныхъ и продерзостныхъ разсужденіяхъ и нареканіяхъ, въ чемъ самъ вину въ распростъ, а именно: о высочайшей Ея И. В. персонѣ продерзостію своею произносилъ весьма непристойно, и къ тому приводя изъ пророчествъ и изъ книгъ Исуса Спраха, Іоанна Златоустаго, разсуждалъ продерзостно отъ одной своей злобы, за то, что отъ синодальныхъ членовъ отрѣшенъ и возраженія на Буддея писать ему запрещено. Къ тому же, сверхъ онаго, въ другихъ продерзостныхъ разсужденіяхъ и нареканіяхъ явно себя виновнымъ показалъ, а именно: 1) имѣлъ онъ, Теофилактъ, разсужденіе о наслѣдствіи, что было де наслѣдство меньшаго брата, а нынѣ де Богъ помянулъ большаго брата, и на его сторону перенесъ наслѣдство; 2) о Ея Высочествѣ, благовѣрной государынѣ принцессѣ Аннѣ разсуждалъ, что крещена въ лютеранскую вѣру, которую де и понинѣ содержитъ, а чрезъ оноу крещеніе спасенія по-

лучить не можно; 3) блаженныя памяти о государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ произносилъ важныя непристойныя, продерзостныя слова, въ чемъ сперва заперался, но по смерти Теофана, архіепископа новгородскаго, объявилъ, что тѣ непристойныя слова яко бы слышалъ онъ отъ него Теофана архіепископа; а какъ оный Теофанъ архіепископъ живъ былъ, тогда на него и на себя о томъ не показывалъ; 4) блаженныя памяти о Его И. В. Петрѣ Второмъ рассуждалъ онъ, Теофилактъ, что во младыхъ лѣтахъ наставленія Его Величеству добраго, какъ монархамъ принадлежить, дать некому и ученія школьнаго не было, и нарекалъ, что нибѣся де учитель графъ Остерманъ, и въ наставленія благочестія нечего добраго надѣяться, и надобно было бы Его Величеству совѣтовать, да некому, а синоду согласиться невозможно, за тѣмъ что новгородскій—и самъ лютеранскій защитникъ, и съ ними только знается, и жившій при немъ іеродіаконъ Адамъ (Селлій) по лютеранскимъ домамъ бѣгаетъ и у генерала Брюса чуть не живетъ; 5) нареканіе жъ имѣлъ онъ, что по напечатаніи книги «Камень Вѣры», вскорѣ отъ Теофана, архіепископа новгородскаго, яко бы посланъ былъ въ Іену жившій при немъ во ученикахъ Зенковскій, и по возвращеніи того Зенковскаго въ Москву яко бы явилась на «Камень Вѣры» Буддеева книга, печатная на латинскомъ языкѣ, и рассуждалъ онъ, Теофилактъ, что Буддею другъ, въ Москвѣ обитающій, оный Теофанъ архіепископъ, а потомъ произносилъ, что Буддей до изданія той книги умеръ, а потомъ эту книгу писалъ будто бы онъ же Теофанъ архіепископъ, въ чемъ онаго Теофилакта бывшій архимандритъ Іосафъ, нынѣ растрига Сидоръ Маевскій, явно изобличилъ; но онъ, Теофилактъ, сперва въ томъ заперался, а потомъ, закрывая себя, объявлялъ, что объ ономъ

говорилъ яко бы оный Маевскій, но по слѣдствію, по произнесеннымъ отъ него, Теофилакта, о Теофанѣ архіепископѣ словахъ, явно, и въ ономъ подозрителенъ онъ остался; 6) продерзостно нарекалъ, что въ синодѣ членовъ выбралъ яко бы Теофанъ архіепископъ такихъ, что никто слова не смѣетъ промолвить; 7) взявъ онъ, Теофилактъ, у растрюги Елевверія Колетія Буддееву книгу на латинскомъ языкѣ печатную, о которой отъ онаго Колетія сказано ему было, что къ нему принесъ гишпанскій патеръ Рейбера и что пишетъ тотъ Рейбера на оное сочиненіе пункты,—не только гдѣ надлежитъ, какъ по долгу его слѣдовало, объ ономъ онъ, Теофилактъ, не объявилъ, но безъ указу собою сталъ писать возраженіе и носылалъ съ тѣмъ помянутымъ Маевскимъ къ князю Дмитрію Голицыну и къ троицкому архимандриту Варлааму, чтобъ они о написаніи ему того возраженія исходатайствовали у Ея И. В. позволеніе, и за неполученіе о написаніи того возраженія повелѣнія, какъ выше явствуетъ, нѣлъ онъ, Теофилактъ, злобу; 8) именнымъ Ея И. В. указомъ объявлено ему, Теофилакту, было, чтобъ онъ въ отвѣтъ на Буддееву книгу не сочинялъ, а ежели такую книгу сочинить или объявлять будетъ кому, что такой книги сочинять указомъ ему запрещено, и за то будетъ онъ судиться, въ чемъ онъ и подписался; но потомъ, не взирая на оный именной Ея И. В. указъ, но паче пренебрегая, отъ злобы своей разглашалъ вышеозначенному Маевскому и умышленно продерзостно нарекая сказывалъ ему, что помянутое возраженіе писать ему, Теофилакту, сперва яко бы повелѣно отъ Ея И. В., но потомъ де о написаніи онаго возраженія разговаривалъ Ея И. Величеству князь Черкасскій, что съ Теофаномъ де архіепископомъ нѣлъ онъ дружеское обхожденіе, а оное возраженіе Теофану архіепископу не угодно было; 9) когда

указомъ запрещено, чтобъ синодальнымъ членамъ архіереемъ сверхъ опредѣленнаго жалованья изъ домовъ архіерейскихъ ничего не давать, тогда онъ, Теофилактъ, злобственно разсуждая, вышеупомянутому жъ Маевскому говорилъ, что здѣсь жить всегда бойся: когда бъ де можно гдѣ укрыться, или хотя бъ де въ Польшу уѣхать, тому бъ онъ радъ; 10) какъ онъ, Теофилактъ, былъ синодальнымъ членомъ и касалось тогда до вышеобъявленнаго Рѣшилова дѣло, и по опредѣленію синодальному велѣно онаго Рѣшилова допрашивать, въ которое время и онъ, Теофилактъ, присутствіе имѣлъ, но потомъ какъ онъ отпущенъ въ епархію свою, то и онаго Рѣшилова своевольно съ собою взялъ, и посланнымъ изъ синода къ нему Теофилакту дву указомъ онаго Рѣшилова въ синодъ не выслалъ и прoderзостно съ злобы своей говорилъ: развѣ государь своимъ именнымъ указомъ его Рѣшилова отъ него возьметъ, а указы, которые изъ синода присланы, не слушаетъ, что указы присылаютъ его братья; 11) да и потомъ, не страшась, что оную прoderзость и непослушаніе указомъ онъ учинилъ, но явно уже оныя присланные къ нему изъ синода указы презря, не выславъ помянутаго Рѣшилова къ надлежащему допросу въ синодъ, безъ указу самовольно онаго Рѣшилова произвелъ тверской епархіи въ Раковъ монастырь во игумена, а потомъ перевелъ его въ Клабуковъ монастырь игуменомъ же; 12) какъ оный Рѣшиловъ, въ бытность свою во ономъ Клабуковъ монастырѣ игуменомъ, произносилъ о имѣющихся въ крестѣ святыхъ мощахъ, что онъ малу вѣру имѣтъ, и образъ Живоначальныя Троицы съ мощами изъ церкви понамарю выкинуть вонъ приказалъ, и прочія прoderзости чинилъ, о чемъ изъ синода въ присланномъ въ тайную канцелярію экстрактѣ явствуеть имено, но и тогда онъ, Теофилактъ, по слѣдствію

объ ономъ дѣлѣ, за показанныя важныя продерзости, ничего оному Рѣшилову не учинилъ, и никуда о томъ на него не писалъ и о томъ уничтожилъ, въ чемъ самъ онъ, Теофилактъ, винился, что оное дѣло безъ рѣшенія онъ оставилъ и въ томъ де признаваетъ онъ себя виновнымъ; 13) въдая онъ, Теофилактъ, что вышепоказанный секретарскій сынъ, Александръ Давыдовъ, Маевскимъ постриженъ былъ въ противность святымъ правиламъ, духовному регламенту и указомъ, оному Маевскому за это не токмо никакого штрафа не учинилъ и куда надлежитъ о томъ не писалъ, но, по представленіи ему оваго Александра въ монашескомъ платьѣ, поздравляя тому Александру, называя его новымъ богомольцемъ, и потомъ говорилъ онъ, Теофилактъ, оному растригъ Александру, что недавно де онъ постригся, для чего изъ монастыря выѣзжаетъ? О чемъ оный Александръ показалъ именно, да и самъ онъ, Теофилактъ, объявилъ, что на него Александра онъ кричалъ: «чего ради онъ обѣщаніе свое оставилъ», говоря де при томъ, что за то имѣеть быть отъ него Теофилакта, онъ наказанъ; почему явно уже явилось, что чрезъ то объ ономъ, противномъ правилу и регламенту и указомъ, оному Александру постриженіи, прикрытъ онъ желалъ, какъ о томъ и о прочихъ означенныхъ его Теофилактовыхъ важныхъ винахъ въ экстрактѣ и по дѣлу явствуетъ именно. И за оныя его важныя вины надлежитъ лишить его архіерейства и всего священнаго и монашескаго чина, и за надлежащимъ карауломъ послать его въ Выборгъ, и содержать тамъ въ замкѣ, называемомъ Германъ, до смерти его никуда не исходно, подъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему никого, такожь бумаги и чернилъ ни для чего ему отнюдь давано бъ не было, и для караула опредѣлить изъ выборгскаго гарнизона унтеръ-офицера и солдатъ шесть че-

ловѣкъ, выбравъ добрыхъ и надежныхъ людей, безпрѣмѣнно которымъ отъ него никуда не отлучаться и никому ни о чемъ отъ него чрезъ тѣхъ караульныхъ сообщаемо бѣ отнюдь не было, и въ томъ во всемъ имѣть крѣпкое смотрѣніе выборгскому оберъ-коменданту самому, а во время содернія онаго Теофилакта на пропитаніе давать ему по гривнѣ на день изъ доходовъ выборгской провинціи, и объ ономъ изъ тайной канцеляріи къ выборгскому оберъ-коменданту послать указъ, а о дачѣ оныхъ денегъ сообщить въ сенатъ; а имѣющуюся въ Твери въ домѣ архіерейскоу онаго Теофилакта бібліотеку и весь собственный его скарбъ, описавъ, взять въ тайную канцелярію, и потомъ доложить объ ономъ въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества, а взятыя въ тайную канцелярію у купца Ивана Корыхалова собственныя, помянутаго Теофилакта, деньги оставить на случившіеся въ тайной канцеляріи по секретнымъ дѣламъ расходы.»

Сколько въ этомъ указѣ неправильностей, натяжекъ, извращеній, придирокъ—предоставляемъ судить самимъ читателямъ, знакомымъ со всею этою исторіею изъ Рѣшиловскаго дѣла. Какъ ни часто повторяется обвиненнымъ и какою ни сдѣлалась избитою фраза, что они сдѣлали то или другое *отъ простоты своей*: по въ отношеніи къ Теофилакту она имѣетъ полное значеніе. Отъ простоты, не пошлой и глупой, но отъ разумной простоты, отъ довѣрія къ жизни и къ людямъ, при полномъ уваженіи къ закону, онъ дѣлалъ все, въ чемъ его обвиняла, за что судила его тайная канцелярія и замучила въ крѣпости. Въ чемъ состояла его вина? Въ томъ, что онъ заботился о благѣ церкви и хотѣлъ сочиненіями въ ея духъ остановить разливъ ложныхъ ученій и не совсѣмъ благовидныхъ или, по меньшей мѣрѣ, торопливыхъ нововведеній; въ томъ, что онъ заботился о благѣ оте-

чества и жалѣлъ искренно о худомъ воспитаніи юнаго государя. Въ важныхъ продерзостныхъ словахъ объ Екатеринѣ не было ничего оскорбительнаго для ея памяти. Въ дневникѣ Берхгольца, на каждой страницѣ можно читать то же самое объ ней и о Петрѣ: это и видѣлъ и зналъ всякій. Остальное—личности съ Теофаномъ изъ-за протеста противъ посвященія Теофана въ епископы, изъ-за «Камня Вѣры» и изъ-за патріаршества. Рѣшиловъ тутъ лицо совершенно случайное, поджога—не больше. Въ дѣлѣ его Теофилактъ виновать конечно послабленіемъ къ противозаконнымъ дѣйствіямъ Рѣшилова; но въ этомъ послабленіи не было государственнаго преступленія и, кромѣ того, оно оправдывалось особыми отношеніями, въ которыя поставленъ былъ этотъ обращенецъ изъ раскола. Почему не думать было, что изъ него выйдетъ другой Пителиръ? Вѣдь все обстоятельство ихъ одинаковы: перемѣнилось только время. Дѣло Александра Давыдова, въ томъ видѣ, какъ оно представлено въ указѣ,—клевета все на Теофилакта. Если кто виновать въ немъ, такъ развѣ Рѣшиловъ съ Маевскимъ, тѣмъ что постригли его безъ указа. Теофилактъ не поздравлялъ его своимъ богомольцемъ, и не думалъ укрывать его; да и отъ кого? Слѣдовало наказать Маевского, Рѣшилова за это постриженіе: Теофилактъ виновать, что не сдѣлалъ этого; но это упущеніе ео всѣмъ не уголовнаго свойства. Такимъ образомъ все дѣло сводится, какъ мы сказали, къ личностямъ между Теофаномъ и Теофилактомъ. Подъ личностію Теофана мы разумѣемъ личность его не только какъ чловѣка, но и какъ общественнаго дѣятеля, не только его самолюбивыя стремленія, но и весь образъ его мыслей и дѣйствій, съ его планами и предположеніями относительно устройства русскои церкви и русскаго государства. Пер-

венствуя въ синодѣ, въ качествѣ вице-президентовъ, какъ совершенно равныя власти, они тянули въ разные стороны: послѣ смерти Петра балансъ склонялся то въ ту, то въ другую сторону. Въ царствованіе Екатерины и Петра II побѣда склонилась было на сторону Теофилакта; но съ восшествіемъ на престолъ курляндской герцогини Анны, Теофанъ восторжествовалъ и уничтожилъ своихъ противниковъ. Единомысленная съ нимъ гражданская власть довершала то, что онъ начиналъ,—уничтожала жертвы, которыя онъ обрекалъ ей на мученіе. О законности, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, тутъ не было и помину. Отчего жъ тайная канцелярія облекала всѣ свои дѣйствія такою непроницаемою тайной?...

Въ одномъ указѣ съ Теофилактомъ рѣшена участь несчастнаго монаха Алиппія, котораго Рѣшиловъ съ Маевскимъ постригли въ монашество для шутки.

Въ 1736 г. 16 іюня, послѣ предварительныхъ допросовъ въ синодѣ, его лишили монашества и передали въ тайную канцелярію. Тайная канцелярія приказала допрашивать его съ дыбы. Несчастный висѣлъ на дыбѣ, съ изломанными руками, пока не далъ показанія на семьдесятъ шесть вопросовъ. Въ заключеніе пытки, продолжавшейся чуть не цѣлый день, дано ему двѣнадцать ударовъ. Возобновлялись ли пытки послѣ того, не знаемъ.

Въ 1738 г. 13 декабря государыня подписала приговоръ тайной канцелярії, рѣшившій его участь: «Разстригу Александра Давыдова, который по приказу помянутаго Теофилакта переписывалъ у него набѣло сочиненное имъ означенное возраженіе (противъ Буддея), и какъ выше явствуетъ, постриженъ въ монахи въ противность святыхъ правилъ, духовнаго регламента и указовъ, и по постриженіи переходилъ изъ монастыря въ монастырь и по другимъ мѣстамъ,—хотя

другой никакой важности по розыску до него не коснулось, но—за оныя его вѣны, дабы впредь болѣе отъ него другихъ таковыхъ продерзостей не происходило, сослать въ Сибирь, на житье вѣчно, за надлежащій карауль.

«При отправленіи Θεофилакта и разстриги Давыдова въ показанныя мѣста, объявить имъ указомъ Ея Императорскаго Величества каждому порознь, чтобъ они объ означенномъ дѣлѣ и ни о чемъ къ тому касающемся отнюдь ни съ кѣмъ не токмо разговоръ и разсужденій не имѣли, но ни чрезъ что никому ни о чемъ не сообщали бѣ; а ежели объ ономъ будутъ они съ кѣмъ имѣть разговоры и разсужденія, или дерзостно о чемъ разглашать стануть, и за то безъ всяка пощады казнены будутъ смертью.»

Измученный допросами и очными ставками (а можетъ-быть и пытками, хотя въ дѣлахъ т. к. мы не нашли указаній на это), Θεофилактъ чувствовалъ себя въ крѣпости очень худо. Обезпокоенный этииъ оберъ-комендантъ выборгской крѣпости генераль-маіоръ Зыковъ требовалъ инструкціи, какъ поступить съ нимъ въ крайнемъ случаѣ. Тайная канцелярія послала ему указъ слѣдующ. содержанія: «По указу Ея И. В. въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, по слушаніи присланныхъ отъ генераль-маіора и выборгскаго оберъ-коменданта Зыкова доношеніевъ о содержаніи въ Выборгѣ, въ замкѣ называемомъ Германъ, разстриги Θεодора Лопатинскаго опредѣлено: по доношенію генераль-маіора Зыкова о содержаніи оного Лопатинскаго и о состояніи того Лопатинскаго и нѣющагося у него караулу, репортовать въ тайную канцелярію помѣсячно, но только бѣ содержанъ онъ былъ по прежде посланному къ нему генераль-маіору Ея И. В. указу во всемъ непремѣнно; а для исповѣди оного Лопатинскаго и по достоинству для сообщенія Св. Тайнъ, священника къ

нему допустить, токмо оному священнику, прежде допущенія его къ Лопатинскому, объявить, дабы онъ съ онымъ Лопатинскимъ, кромѣ надлежащей ясновѣди, другихъ постороннихъ никакихъ разговоровъ отнюдь не имѣлъ, и о дѣлѣ его, по которому онъ сосланъ, у него не спрашивалъ. А если, паче чаянія, оный Лопатинскій умретъ, то мертвое его тѣло похоронить въ городѣ при церкви по обыкновенію, какъ мірскимъ людямъ погребеніе бываетъ, безъ всякой церемоніи. »
31 марта 1739 г.

Страданія Теофилакта этимъ не кончились. Въ маѣ 1739 года, послѣ того, какъ перемучили и разослали всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ его дѣлу, нашелся еще донощикъ изъ враговъ Теофилакта, бывшій иподьяконъ тверскаго архіерейскаго дома Гурій Лукинъ. Теофилактъ частенько бранивалъ его, и ужь конечно,—не за добрыя дѣла. Низкій мститель нашель удобную минуту отплатить ему свою обиду и сдѣлалъ показаніе на близкихъ къ нему и пользовавшихся довѣріемъ лицъ—иподьякона Никифора Семенова и келейника Петра Иванова. «Они все должны знать—говорилъ донощикъ;—а келейникъ, кромѣ того, мастеръ писать полууставомъ». Тайная канцелярія встревожилась. Обвиненныхъ приказано было взять въ С.-Петербургъ, а въ домахъ ихъ все обыскать и зибрать въ тайную канцелярію. Въ Выборгъ положено было послать секретаря т. канцелярії, Н. Хрушова, съ приказомъ наискрѣпчайше распросить Лопатинскаго (14 мая, 1739 г.).

Какія вѣсти привезъ изъ Выборга Хрушовъ, не знаемъ. Но меньше, чѣмъ черезъ двѣ недѣли (25 мая 1739 г.) состоялось высочайшимъ повелѣніемъ: взять Лопатинскаго изъ Выборга опять въ тайную канцелярію.

Все это дѣлалось съ величайшимъ секретомъ. Въ народѣ

никто не зналъ подлинно, что онъ живъ. Всѣ говорили, что завезеть куда-то въ ссылку и тамъ умерь. Теофилактъ оставался въ крѣпости до 31 декабря 1740 года.

II.

Обращаемся къ прочимъ лицамъ Рѣшиловскаго дѣла. *Рѣшиловъ*, какъ мы уже знаемъ, свалилъ все съ своихъ плечъ на головы Теофилакта и Маевского. Болтливость однакожь не спасла его отъ истязаній тайной канцеляріи. Его пытали столько разъ, что почти совѣтъ разорвали. Во все время истязаній онъ содержался въ крѣпости, получая на содержаніе по 3 к. въ сутки.

Маевского сначала держали подъ карауломъ въ синодѣ. Бѣдный, онъ думалъ, что этимъ и кончится его дѣло. «Синодъ, говаривалъ онъ, страшаетъ меня тайной канцеляріей; но государыня не велѣла отсылать меня въ тайную канцелярію». Въ этой надеждѣ онъ жилъ довольно весело; зазывалъ къ себѣ сосѣдей изъ той же братіи, синодскихъ канцеляристовъ, пѣвчихъ, — «и пивали и пѣвали», — еще можно было жить. «Выпивши Маевскій и пооретъ и покричитъ не вѣсть что» (показаніе Аввакума): все съ рукъ сходило. Но дошли и до него печальные деньки.

Исподволь знакомили его съ тайной канцеляріей. Въ 1736 г. апрѣля 14 Теофанъ писалъ къ Дудину: «Сего числа по полудню въ 12 часу былъ у меня превосходительный г. генералъ и кавалеръ А. И. Ушаковъ и требовалъ, дабы, по нѣкоей важной винѣ, изъ св. синода Маевского отдать на время его превосходительству въ тайную канцелярію. Того ради благородіе ваше извольте онаго Маевского, когда отъ его превосходительства потребуется, въ помянутую т. к. отослать,

а для отвезенія его, дабы о немъ никто не зналъ, будетъ стоять у синода домовая наша покрытая коляска.» Вскорѣ послѣ того, 7 мая лишили его священства и монашества; а 10 июня въ кабинетъ состоялось опредѣленіе: «Такъ какъ Маевскій по дѣлу остался въ важномъ подозрѣніи и по слѣдствію о нѣкоторомъ извѣстномъ подметномъ письмѣ признается весьма подозрительнымъ: то изъ подлинной правды розыскивать имъ и при розыскахъ о сочиненіи и о подкидываніи имъ (вмѣстѣ съ другими, о которыхъ рѣчь будетъ ниже) объявленнаго подлиннаго письма и въ говореніи нѣкоторыхъ словъ (о которыхъ мы знаемъ изъ Рѣшиловскаго дѣла) спрашивать накрѣпко.»

Рѣшиловъ ужъ довольно оговорилъ его. Не успѣлъ Юсафъ отдѣлаться отъ его наговоровъ, какъ судьба послала ему другаго, Рѣшилова, который навлекъ на него и на многихъ другихъ лицъ въ этой исторіи ужаснѣйшія страданія. И откуда онъ взялся? Просто съ неба упалъ.

Въ 1735 г. посадскій человекъ въ г. Вышнемъ Волочкѣ, Михаилъ Сердюковъ, привелъ къ бывшему у розыскныхъ дѣлъ прапорщику Зыкову илороссіанина Василія Козьменку, уличеннаго въ забраніи подъ его (Сердюкова) именемъ у разныхъ людей товару и денегъ и въ кражѣ нѣкоторыхъ вѣщей. Паспорта у него не оказалось; вмѣсто того нашелся бѣлый листъ, запечатанный дворцовою петергофской печатью.

По приводѣ къ розыскнымъ дѣламъ, Козьменка не сознался ни въ кражѣ, ни въ забраніи денегъ подъ именемъ Сердюкова; но по уличеніи бѣлымъ листомъ сознался въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ. Жилъ онъ въ Петергофѣ у инспектора Петра Арнарда Ариандера писаремъ, и уличивъ минуту, приложилъ на двухъ бѣлыхъ листахъ петергофскую печать, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ нужды, воспользоваться ими для

написанія фальшивыхъ паспортовъ, и на одномъ уже и написалъ, подведши подъ руки его, Арнарда, и другихъ чиновниковъ.— Изъ-подъ караула какъ-то удалось ему убѣжать; но онъ снова былъ пойманъ и повинился во всемъ. Вышневолоцкая розыскныхъ дѣлъ канцелярія присудила розыскивать иъ. Но предъ пытку Козменка сказалъ за собою слово и дѣло. Это была обыкновенная уловка подсудимыхъ, которые хотѣли отдалить пытку, объявивъ за собою государево слово.

При распросѣ, Козменка, между прочимъ, показалъ, что знаетъ «О письмахъ за высокими персонами, которыя письма пристойны къ возмущенію бунта». Обо всемъ этомъ онъ хотѣлъ объявить въ тайной канцеляріи.

Тайная канцелярія рада была новому субъекту.

Для достовѣрности этого показанія, его привели въ застѣнокъ и подняли на дыбу. Но съ виски Козменка отъ всего отказался и сказалъ, что затѣялъ все это на себя напрасно, отбывая розысковъ. Его пытали въ другой и въ третій разъ: но со всѣхъ трехъ розысковъ онъ говорилъ тѣ же рѣчи, что ни за собою, ни за другими ничего важнаго не знаетъ.

Застѣночный мастеръ почему-то чуялъ, что тутъ кроется тайна и приказалъ объявить ему, что онъ о пасквильныхъ письмахъ какъ за собою, такъ и за другими знаетъ, а не объявляетъ вымысленно, и въ томъ его не истинномъ показаніи будетъ онъ розыскиванъ, пока живъ будетъ. Послѣ этого объявленія опять повели его въ застѣнокъ.

По приводѣ къ пыткѣ, Козменка объявилъ, чтобъ его отвели въ тайную канцелярію, потому что онъ имѣетъ нѣчто показать. По прибытіи жь въ тайную канцелярію объявилъ Ушакову, что желаетъ безъ розыску принести во всемъ повинную. Ему дали бумаги и чернилъ, и показали нѣсколько

строкъ изъ извѣстнаго полууставнаго пашквильнаго письма.

Роковое показаніе это стоило многимъ большихъ страданій и состояло въ слѣдующемъ:

Въ 1731 или 1732 году—началь Козменка—прибыль онъ въ Тверь и пришелъ къ архимандриту Іоасафу. Тутъ встрѣтилъ его келейникъ Іоасафа, племянникъ его, Андрей Масалаевъ, и привелъ къ архимандриту. (Къ слову сказать, Козменка былъ родственникъ Маевского, кажется двоюродный братъ его.) Архимандритъ угостилъ его хлѣбомъ-солью. Вечеромъ, сидя за ужиномъ, Іоасафъ говорилъ бывшему тутъ іеромонаху Исаіи: Кого еще искать? онъ (Козменка) сдѣлаетъ намъ это лучше Андрея (Масалаева).—Для Козменка этотъ разговоръ былъ пока загадкою. Но дня чрезъ два Масалаевъ объяснилъ ему, что архимандритъ хочетъ сдѣлать ему порученіе: не можеть ли онъ потрудиться написать письмо полууставомъ? Козменка спросилъ: «Какое письмо? Для чего жь, — могу сдѣлать.» Исаія выразилъ было сомнѣніе: можно ли на него надѣяться? Но Маевскій сказалъ: «Надѣйся на него, все равно что какъ на меня, проносу не будетъ, потому что онъ еще впервые въ Великой Россіи и никого не знаетъ.» Послѣ этихъ рѣчей Маевскій и Исаія стали говорить ему: и Перепиши ты намъ письмо полууставомъ, за что мы тебя наградимъ; только когда ты станешь такое письмо писать, не моги ты никому объявить, иначе погубишь себя и насъ.»—Что это за письмо? спросилъ Козменка. «А такое письмо, отвѣчали ему, которое надобно тихонько во дворецъ Ея И. В. снести.»—Въ какую силу, спросилъ Козменка? Исаія въ нерѣшимости спросилъ у Маевского: Сказать ему или нѣтъ? Маевскій отвѣчалъ: «Вѣдь я сказывалъ тебѣ, что его не опасайся.» Послѣ этого Исаія объявилъ, что это письмо надо тихонько подкинуть, потому что въ немъ писаны важ-

ныя и великія государственныя дѣла.—Какъ станешь писать, то и самъ увидишь. У насъ есть и свой писецъ, только его руку многіе знаютъ. Козменка отвѣчалъ, что такого письма онъ писать не будетъ,—давайте кому хотите.—Маевскій и Исаія стали его упрашивать: пожалуй напиши; вѣдь твое какое дѣло? Написалъ, да и поѣхалъ въ Малороссію, а мы дадимъ тебѣ на дорогу 30 руб. денегъ, а если хочешь, то и напередъ возьми. Не смотря на это обѣщаніе, Козменка сталъ настойчиво отказываться. Тѣ въ свою очередь сказали ему: «Какъ ты хочешь, мы это такъ тебѣ сказали, у насъ есть и свой писецъ, и безъ тебя напишетъ; а ты только не болтай объ этомъ никому,—мы съ тобой пошутяли.» Съ тѣмъ Козменка и ушелъ.—Пришедши на другой день по утру къ архимандриту, онъ постучалъ въ переднюю дверь—заперто; зашелъ со двора въ другія двери, и войдя въ переднюю увидѣлъ, что Масалаевъ при свѣчѣ пишетъ что-то на большомъ листѣ. Заслышавъ шаги, Масалаевъ загасилъ свѣчу и писанный листъ спряталъ за себя, а на него закричалъ: «Что тебя такъ рано принесло?—развѣ ты не знаешь, что еще всѣ спятъ? и заснуть—то отцу архимандриту не дадите. Ступай, придешь въ другое время.» Заслышавъ эту перебранку, архимандритъ вышелъ изъ спальни и закричалъ на Масалаева: «Что ты тутъ расшумѣлся? дѣлай свое дѣло.»—Я было и сталъ дѣлать, да Козменка помѣшалъ. «А для чего не заложилъ дверей на крюкъ?»—Заперты были, да онъ въ заднія прошелъ. Послѣ этого архимандритъ сказалъ Козменкѣ: «ты впередъ не учишь такъ дѣлать, коли заперто, такъ подожди.»—По разговору оказалось, что Козменко пришелъ за своимъ дѣломъ, собирался въ С.-Петербургъ и просилъ на дорогу денегъ. Архимандритъ далъ денегъ и провизію на дорогу, а къ слову

прибавилъ: не болтай, о чемъ просилъ тебя Исай; вѣдь онъ снѣлся.»

Узнавши въ Петербургѣ, что Маевскій тутъ, онъ приходилъ къ нему раза съ три. Маевскій давалъ ему, по бѣдности, денегъ; спрашивалъ: не болталъ ли онъ кому о прежнихъ рѣчахъ? Козменка отвѣчалъ, что нѣтъ. «Ну и хорошо.»

Глядя, потомъ, на полуустановное письмо, Козменка сказалъ, что это писалъ Масалаевъ, только отъ своего почерка много скрадывалъ. Развѣ не писалъ ли онъ вмѣстѣ съ Жуковымъ (тверскимъ канцеляристомъ), потому что Жуковъ переписывалъ Маевскому кой-какія бумаги.

Позвали къ допросу *Масалаева*. Масалаевъ сначала ни въ чемъ не сознался, сказалъ, что за давнопрошедшимъ временемъ не помнить. Но по приводѣ въ застѣнокъ, съ подъемомъ на виску, сказалъ, чтобъ его спустили и дали подумать. Его спустили. Масалаевъ сталъ припоминать.

«Предъ Маевскимъ судьей тверскаго архіерейскаго дома былъ архимандритъ Александръ; онъ ужъ умеръ; но послѣ него остался племянникъ Степанъ Миссовъ, который писалъ Маевскому уставомъ разныя латынскія задачи: не писалъ ли онъ, по приказу Маевского, чего-нибудь другаго? Больше ничего сказать за собою не знаемъ.»

Миссовъ былъ бѣдный школьникъ, котораго Маевскій (завѣсивши мѣсто его дяди) отдалъ въ школу въ Москву, содержалъ, и принималъ къ себѣ на каникулы. Миссовъ показалъ, что онъ переписывалъ для Іоасафа Теофилактовы проповѣди и латынскія тетради въ защиту «Канія Вары», противъ Будея. Съ школьника что взять? Посѣкли и отпустили. За Жуковымъ тоже ничего не нашли и отпустили.

Но въ то время, какъ вытѣли этихъ служебниковъ Масалаева, ему самому доставалось жарче всѣхъ. Все, что ни

показывали на него, не казалось прочнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ во всея не признается.

Въ первой очной ставкѣ съ Козменкой, Маевскій ни въ чемъ не признался. Нужно было склонить другаго свидѣтеля, іеромонаха Исаію, который былъ при разговорахъ Маевского съ Козменкой. Для тайной канцеляріи его лишили священства и монашества 10 іюня 1736 г., а канцелярія приказала вздернуть его на дыбу (16 іюня 1736 г.). Козменка стоялъ подлѣ и уличалъ Исаію, теперь ужъ Якова Ясинскаго, угорваривая сознаться во всея. У Ясинскаго заговорилъ инстинктъ самоохраненія; а Маевского что ему беречь? Маевскій не берегъ же его, когда еще въ Бизюковомъ монастырѣ держалъ его два года въ цѣпяхъ подъ карауломъ. Ясинскій сознался во всея, что показалъ Козменка.

Теперь предъ Маевскимъ стояли два обличителя. «Что ты заираешься, будто Козменка въ 1736 г. на сырной недѣлѣ въ воскресенье въ домъ архіерейскомъ у тебя не бывалъ? Помнишь, онъ былъ въ суконномъ нѣмецкомъ кафтанѣ васильковаго цвѣту?» Маевскій отвѣчалъ, что не помнитъ, потому что на сырной недѣлѣ дни гуляшіе, и ему случалось быть шумнымъ отъ напитковъ. «Для чего ты лжешь такъ безсовѣстно и истинны показать не хочешь, говорилъ въ свою очередь застѣночный мастеръ,—когда на тебя показывають?»—«Знаю я ихъ совѣсть», отвѣчалъ Маевскій.

Ушаковъ велѣлъ отвезти его въ застѣнокъ. Во время розыска, Маевскій показалъ, что не то ли это письмо, о которомъ говорилъ ему тогда Теофилактъ? Какъ онъ приходилъ въ смущеніе, что началъ писать противъ Буддеевой книги не имѣя позволенія; то говорилъ, что надобно-де во дворецъ написать письмо, а кому и въ какой силѣ—не помнитъ.

Когда напали на слѣдъ, такъ ужъ пошли по немъ и дальше.

Маевского привели въ застѣнокъ въ другой разъ. Усиленная пытка вытянула изъ него новыя показанія.

Маевскій сознался, что Козменка точно былъ у него въ Твери и прилучился въ такую пору, когда Теофилактъ озбочень былъ сочиненіемъ противъ Буддея и хотѣлъ писать къ царскому духовнику Варлааму, чтобы тотъ выпросилъ ему позволеніе писать, да еще велѣлъ сыскать нѣкотораго писца въ Москвѣ, котораго онъ, Маевскій, и сыскалъ, только имени его не упомянуть. Тутъ къ слову и спросилъ онъ у Козменки: не мастерь ли онъ писать полууставомъ и не возьмется ли переписать сочиненную имъ, преосвященнымъ, книгу? Когда же Козменка отказалъ, то онъ наказывалъ ему никому не говорить объ этой книгѣ, потому что этого дѣла никто не знаетъ.

Тайной канцеляріи и это объясненіе показалось недостаточно. Маевского привели въ застѣнокъ въ третій разъ.

Съ розыску онъ показалъ, что съ Козменкою была у него рѣчь и о письмѣ, со словъ Теофилакта. Написавши книгу противъ Буддея, онъ собирался написать письмо къ племяннику покойнаго митрополита Стефана, Яворскому, и попросить его: не можетъ ли онъ черезъ жену свою, урожденную Козловскую, и жившую при домѣ царевны Екатерины Ивановны, выпросить позволеніе на изданіе той книги? Въ этой силѣ онъ и говорилъ, что письмо надо отнестъ во дворецъ. Послѣ розыска было ему 17 ударовъ.

Показанія Маевского по видимости сходились съ показаніями Козменки и Ясинскаго: однако жъ по дѣлу шли въ разныя стороны. Кто жъ правъ и кто виноватъ? Смѣтливая канцелярія рѣшила попытать еще разъ донощиковъ, а ужъ, потощъ, если они останутся при своихъ показаніяхъ, принять за Маевского съ Масалаевымъ окончательно. Козменку

и Ясинскаго привели въ застѣнокъ: оба утверждались на своихъ прежнихъ показаніяхъ. Значить дѣло остановилось за Масалаевымъ и за Маевскимъ. Чтобы привести ихъ къ сознанию, кабинетные министры, вмѣстѣ съ генераломъ Ушаковымъ, положили (9 ноября 1736 г.) учинить слѣдующее: 1) для уличенія Масалаева, изъ показаній Маевского составить записку, въ которой обозначить, что Козменка въ Твери у него, Маевского, подлинно былъ и что Масалаевъ Козменку у него видѣлъ, и когда Маевскій говорилъ Козменкѣ, чтобъ написать письмо, которое надо отнестъ во дворецъ, при томъ былъ также и онъ, Масалаевъ. Для увѣренія Масалаева велѣтъ ему, Маевскому, подъ запиской подписаться и потомъ объявить ее Масалаеву съ увѣщаніемъ, чтобъ онъ ничего не скрываетъ. Ежели жъ онъ будетъ скрывать, то, тотчасъ взявъ его въ застѣнокъ, пытать и жечь вѣниками, и спрашивать его объ ономъ накрѣпко. Опредѣленіе тайной канцеляріи исполнено во всей силѣ. Масалаева, въ третій ужъ разъ, повели въ застѣнокъ и подняли на дыбу. Масалаевъ сказалъ, что ничего не помнитъ, и ничего за собой не знаетъ. «Что за письмо, о которомъ Маевскій говорилъ Козменкѣ?» На это сказали ему, что то письмо секретное. «Вините меня въ чемъ хотите, простоналъ Масалаевъ съ тяжелой пытки: только ни о Козменкѣ, ни о какихъ секретныхъ письмахъ я ничего не знаю», въ чемъ утверждался и по жженіи вѣниками. Вскорѣ послѣ пытки онъ заболѣлъ и думали, что смертельно. Послали къ нему духовнаго отца съ наказомъ: не вывѣдаетъ ли онъ чего-нибудь? Но Масалаевъ на исповѣди при отцѣ духовномъ утверждалъ въ томъ же. 2) Маевскому, показавъ объявленіе о принесеніи чистой повинной, къ размышленію больше четверти часа не давать, и буде онъ по прошествіи четверти часа, вины своей не

принесеть, то его того жъ часа въ удобномъ мѣстѣ водить по спицамъ, сколько времени по состоянію его, г. Ушаковымъ усмотрѣно будетъ, и буде при вожденіи по спицамъ станетъ онъ говорить, чтобъ его болѣе по спицамъ не водить, что онъ вину свою объявить, то ему до тѣхъ мѣстъ, пока о именахъ своихъ сообщниковъ не объявить, свободы не давать.

Врученный ему вслѣдствіе этого ultimatum гласить слѣдующее: Разстригъ Сидору Маевскому объявляется: «Понеже дѣло твое, какъ по слѣдствію, такъ и по отвѣтамъ твоимъ, явлено явилось, что въ томъ дѣлѣ самъ ты главнымъ производителемъ былъ, а Ея. И. В., по обыкновенному своему милосердію не желая крови человѣческой, но токмо чистую отъ тебя повинную, всемилостивѣйше указала въ послѣдніе объявить, чтобъ ты все то дѣло и о всѣхъ бывшихъ въ томъ дѣлѣ съ тобою сообщникахъ, безъ всякія утайки прямо нынѣ объявилъ; и ежели то учинишь, то Ея И. В. изволитъ не токмо отъ смерти тебя помиловать, но и отъ розысковъ свободна учинить, и дабы въ томъ подлинно ты увѣренъ былъ, того ради по указу Ея И. В. объявляется тебѣ о всемъ за подписаніемъ нашихъ (Остермана, Черкаскаго и Ушакова); но ежели, пренебрегая высочайшую Ея И. В. милость, сего не учинишь, то впредь никакого уже милосердія къ тебѣ не будетъ и предавъ будешь жесточайшимъ мучкамъ, пока все то дѣло подробно самъ откроешь. И для того помня Бога и видя высочайшую Ея И. В. милость и не допуская себя до большихъ мукъ, нынѣ чистую повинную принеси.»

Выслушавъ объявленіе, Маевскій показалъ то же самое что и прежде, и прибавилъ, что ежели онъ съ разстригою Лопатинскимъ и съ разстригою жъ Рѣшиловымъ нѣтъ важные разговоры и разсужденія: то говорилъ и разсуждалъ о томъ безъ всякаго умыслу, отъ одной своей простоты.

Ушаковъ объявилъ ему еще разъ, чтобы онъ ни на что не вадѣлся и, оставя свои вымышленныя отговорки, принесъ чистую повинную. Маевскій утверждался на прежнихъ показаніяхъ.

Послѣ того, по прошествіи четверти часа, Маевскій поднятъ на дыбу и воженъ по спицамъ три четверти часа; а съ подъему на дыбу и съ воженія по спицамъ говорилъ то же, какъ выше показано, и въ томъ утвердился. И по прошествіи трехъ четвертей часа усмотрѣно по состоянію его, Маевского, что въ себѣ слабъ сталъ и болѣе по спицамъ не воженъ и съ дыбы спущенъ. (16-го ноября 1736 г.).

Дольше всѣхъ тянулось дѣло Платона Малиновскаго, и—то просвѣтлялось надеждою, то омрачалось, какъ тучею, новыми показаніями и подозрѣніями. Вообще слѣдя за ходомъ этого дѣла мы не должны забывать, что оно разсматривалось и слѣдовалось въ связи съ другимъ дѣломъ *Абрамова и Родышевскаго противъ Теофана*. Слѣдователи и Теофанъ считали оба эти дѣла за одно, и лицъ, замѣшанныхъ въ нихъ или къ нимъ прикосновенныхъ—за злодѣевъ одной факціи. Подозрѣніе въ этой близости участниковъ Родышевскаго дѣла съ Рѣшиловскимъ процессомъ усилилось вслѣдствіе того, что *первое*, вѣди открытую войну, въ то же время (въ августѣ 1734 г.) пустили *подметное* письмо на Теофана и на учрежденія, въ которыхъ онъ былъ главнымъ дѣятелемъ или содѣйникомъ.

Платонъ Малиновскій запутанъ былъ и въ то и въ другое дѣло, хотя не чувствовалъ себя ни въ чемъ виновнымъ и точно не былъ виновенъ. Надежда утѣшала его мыслию о скоромъ освобожденіи. Незвѣстная, высокопоставленная особа поддерживала въ немъ эту надежду. Въ 1736 г. августа 3—*преслѣдъ* забытъ это число—онъ писалъ къ этой особѣ (ни

какъ не меньше, какъ къ одному изъ кабинетныхъ министровъ, къ Остерману, Черкасскому, Волынскому, или къ Ушакову; ни къ кому другому изъ крѣпости писать не позволили бы; судя по названію генераломъ, должно быть, къ послѣднему): «Высокопревосходительнѣйшій господинъ, господинъ генералъ и кавалеръ.

«Мой многоименнѣйшій патронъ.

«Вчерашняго дня, о чемъ я словесно докладывалъ, ваше превосходительство, о томъ же получилъ себѣ приказъ: все то подать на письмѣ къ дополненію поданнаго отъ мене въ 1735 году въ высекій Ея Императорскаго Величества кабинетъ духовнаго дѣла. Но когда я послѣ самъ съ собою довольно о томъ думалъ, и совершенно вспомнилъ, что о всемъ томъ въ самомъ дѣлѣ духовномъ уже показанно отъ мене, разсудилъ я быть лишнее о томъ же и нынѣ подавать письменно: и потому въ показанное дополненіе ничего здѣсь не приношу. Едино токмо крайняя моя убѣждаетъ мене нужда трудить ваше превосходительство всепокорнѣйшимъ прошеніемъ о томъ: довольно и самому вашему превосходительству извѣстно, что уже шесть лѣтъ содержусь подъ карауломъ, кромѣ всякія моея вины: а свидѣтель тому самъ Богъ, и совѣсть моя; да и по дѣлу уже явилось неоправданность моя,—о чемъ я и отъ вашего превосходительства нигдѣ счастье слышать, что въ свободѣ моей только остановилось за докладомъ Ея Императорскому Величеству. Того ради всепокорнѣйше прошу, ради самого Бога, показать со мною, не повинно страдающимъ, въ скорѣйшемъ докладѣ Ея Императорскому Величеству высокую свою милость. А показанность счастливаго сего многоименнѣйшаго вашего милостивѣйшаго предстательствомъ дождусь по тому дѣлу крайняго рѣшенія, прошу всепокорно приказать меня отпустить на мою квар-

тиру по прежнему; ибо въ томъ ни какія важности не находится: что я здѣсь подъ карауломъ, то и тамъ такими жъ мѣрами содержанъ буду. А по слабости здравія моего, ежели долго мнѣ содержаться въ крѣпости, то непремѣнно, отъ единого здѣшняго тяжелаго воздуха, и отъ другихъ неспокойствъ, могу прійти въ неизцѣлимую болѣзнь, а особливо головную, понеже я уже давно тѣмъ безмѣрно страдаю: о чемъ вси знающіи мене извѣстны. Что когда все, особенныя вашимъ ко всѣмъ бѣднымъ милосердіемъ, я получу желаемое, то и васъ, и наследія вашего, Богъ всѣхъ милосердыхъ любитель, желаемыя вами вѣчная и временная сподобить получить благая. О семъ прося пребываю, и пребывать по жизнь мою долженъ.

«Вашего превосходительства

1738 г. «всегдашній богомолецъ и слуга низжайшій
авг. 3 дня. «Архимандритъ Платонъ Малиновскій.»

И послѣ всѣхъ такихъ надеждъ и обнадеживаній, чрезъ четыре мѣсяца послѣ письма, въ одинъ день съ Теофилактомъ Лопатинскимъ, Платонъ лишенъ архимандричьего сана, священства и монашества (*) и, въ одной партіи съ Дудиномъ, Филипповымъ, Давыдовымъ сосланъ въ Сибирь. Въ 1739 г. января 15-го графъ Салтыковъ увѣдомлялъ тайную канцелярію изъ Москвы, что присланные для ссылки въ Сибирь колодники отправлены, на яскихъ подводахъ, всѣ порознь.

Что жъ значили эти обнадеживанія Платона скорымъ выпускомъ изъ крѣпости и благопріятнымъ окончаніемъ дѣла? То, что лицо, къ которому писано это письмо, или не хотѣло, или не могло исполнить своихъ обещаній. Ушаковъ,

(*) Для свѣта сана съ Платона Малиновскаго посылалъ былъ изъ ссылки на казавшіяся при Кларіентъ, еп. ватиканскъ, іеромонахъ Иудасъ.

сильный въ исполнительній части, въ боинѣ и пыткахъ, имѣлъ мало значенія въ совѣтѣ кабинетскихъ министровъ. Тутъ всею вертѣль хитрый Остерманъ. Мы заключаемъ объ этомъ изъ показанія Волынскаго (16 апр. 1740 г.) по поводу известнаго письма его къ государынѣ, съ котораго и начался судъ надъ нимъ. «Оный графъ Остерманъ къ Ея И. В. токмо одну свою вѣрность показываетъ, а другихъ уничтоживаетъ въ томъ, что по дѣламъ кабинетнымъ по общимъ его Волынскаго съ князь Алексѣемъ Черкасскимъ, тако жъ и по предложеніямъ отъ генерала Ушакова о дѣлахъ тайной канцеляріи, разсужденіямъ, что ни предлагаемо ими было, по большей части не такъ имъ графомъ Остерманомъ поступано было,—что тѣ ихъ разсужденія якобы негодны, но только его надлежащее разсужденіе, и показывалъ себя только якобы одинъ оный Ея И. В-ву вѣрность имѣть.»

III.

Не однимъ дѣйствующимъ лицамъ въ этой исторіи досталась горькая чаша. Многіе, волей-неволей, пили изъ нея, за всякое случайное вмѣшательство въ эту печальную исторію, за одно прикосновеніе къ кому-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ.

Послѣ передачи въ тайную канцелярію, подсудимые содержались въ крѣпости, отдѣльно другъ отъ друга, каждый въ своемъ казематѣ. Казематы считались по номерамъ, а номера по мѣстностямъ: отъ Васильевскихъ воротъ,—на Монетномъ дворѣ,—отъ Монетнаго двора,—въ Старой Трезинной, подъ флагомъ (въ одномъ изъ этихъ № содержался Давыдовъ), отъ флага, у Невскихъ воротъ (содержался Барсовъ),—

у Ботика, — у Петровскихъ воротъ. По другой записи 1735 г. встрѣчаемъ другія названія: въ старой аптеки, — въ старой Тейной, у Кронверскихъ воротъ (содержался Колетій), въ банѣ (содержался Родышевскій), противъ магазиновъ. Кормовыя деньги отпускались разнo, по чинамъ: Теофилакту по 10 к. въ день, Колетію по 6 к., Родышевскому по 4 к., Маевскому, Рѣшилову, Аввакуму по 3; Масалаеву и Яоннескому по 2 к. Деньги эти, какъ и все содержаніе канцелярій, почерпывались изъ отписнаго нѣбнѣя у лицъ судимыхъ въ т. канцелярій. Изъ этихъ же денегъ содержались канцелярія и заплечный мастеръ.

Въ крѣпости колодники не видывали другъ друга, развѣ на очныхъ ставкахъ. Но до крѣпости, въ синодальномъ караулѣ, они жили свободнѣе, видѣлись другъ съ другомъ, хаживали одинъ къ другому и жили — кто не былъ закованъ въ желѣза, — неизменно привольнѣе, чѣмъ въ крѣпости.

Изъ Рѣшиловскаго дѣла мы узнаемъ сосѣдей и пріятелей Маевского по караулу.

Тутъ были всякіе люди, и чиновные и вѣнчовные. Высокопетровский архим. Аввакумъ, торопецкій мабисскій архим. Авраамій, нилловскій игуменъ Авраамій и ресколинскій назначенъ съ Вѣтамъ монахъ Павелъ. Всякій разговаривалъ свое горе. «Вотъ я здѣсь страдаю, говорилъ торопецкій архимандритъ, — по дѣлу пана Луки. Завязался съ торопецкими посадскими медьями, руку прикладывалъ, а къ чему — самъ не вѣдаю.» Тутъ не было интереса для разговоровъ, когда самъ виновный мало зналъ свою вину; къ тому жъ онъ былъ большою постыжью, вина не пилъ, а пилъ только квасъ и воду. — Нилловскій игуменъ настраивалъ молодыхъ монаховъ. Синодъ велѣлъ разстричь ихъ. Въ братіи произошло смятеніе. Въ ту пору въ Нилловской пустынѣ шло, на покой, бывшій королевскій епископъ Авронъ: братія бросилась къ нему

и просили написать прошеніе императрицѣ. Ааронъ написалъ. Государыня отдала прошеніе Теофану и пошла переборка.—Раскольникій монахъ Павелъ жаловался на бѣлаго архимандрита Епифанія, который синодомъ назначенъ былъ въ ссылку и убѣжалъ въ расколъ. Все у нихъ было мирно и спокойно, пока не пришелъ этотъ Епифаній. Приняли его,—нажили бѣды. Нашли русскіе офицеры и солдаты, все забрали и церковь сожгли. Епифаній ужъ умеръ, да и насъ погубилъ.»

Все это дѣла не общаго интереса. Ближе всѣхъ подходилъ къ Маевскому архимандритъ Аввакумъ. Онъ былъ судьей въ московской дикастріи и не одинъ разъ ужъ былъ подъ судомъ,—за послабленіе Костромскому Геннадіевскому архимандриту Іонъ въ неслуженіи царскихъ молебновъ и панихидъ, и за противозаконное назначеніе въ Берлюковскую пустынь (въ 35 верстахъ отъ Москвы) строителя саровскаго іеромонаха Іосія Самгина. Теперь онъ попалъ подъ судъ за медленное производство дѣла о воскресенскомъ архимандритѣ Мельхиседеѣ и, подъ арестомъ, свелъ дружбу съ Маевскимъ. Однаковое горе сблизило ихъ. Аввакумъ, живя въ сообщеніи ваятѣ съ Маевскимъ, слышалъ, когда, бывало, поведутъ его въ собраніе и, жалѣя, говорили: «святъ повели, совѣтъ затаскали». Когда Маевскій возвращался изъ собранія, Аввакумъ выражалъ ему свое сожалѣніе. «Да долго ль, батюшка, намъ здѣсь житье свой мучить?»—Богъ въстѣ, отвѣчалъ Маевскій. «Скоро ли конецъ вашему дѣлу?»—Куда конецъ, высоко несутъ и ищутъ не зная чего; развѣ только мучениковъ надвѣяетъ, а что сминутъ—Богъ въстѣ.» «И тверскій архіерей здѣсь? У васъ одно дѣло?»—Одно, по доносу Рѣшилова; все за «Камень Вѣры».—Слышалъ, слышалъ, говорилъ Аввакумъ;—ужъ не

говори. И нахметъ рукой.—Аввакумъ хвалился, что къ нему милостивъ Леонидъ епископъ Сарскій, и надѣется чрезъ его стараніе скоро получить свободу. Маевскій отвѣчалъ на это, что у него нѣтъ защитника, а Θεοφανъ, вирами заботы его за то, что наговоридъ на него Ръшиловъ. Судьба однакожь поравнила ихъ. Въ 1736 г. 23 іюня (по дѣлу Маевскаго) лишили его монашества и съ мирскимъ именемъ Алексѣя Львова отпращали въ т. к. Три года держали его въ казематъ, мучали допросами и очными ставками, а можетъ-быть и чѣмъ похуже. Наконецъ, разобравши дѣло, тайная канцелярія опредѣлила, 1739 г. августа 8: «Такъ какъ противнаго умысла и злости за намъ не оказалось, а все учинилъ онъ (т. е. разговаривалъ съ Маевскимъ про его бѣду) съ простоты своей, то бить его за это, вмѣсто кнута, плетью и сослать въ монастырское братство, куда синодъ назначить».

Заходили къ Маевскому и синодскіе чиновники-канцеляристы. Маевскій, не скунился, подносилъ имъ водочки и пивца. Бѣдные попали потопъ въ тайную канцелярію за эти визиты.

Больше всѣхъ пострадалъ канцеляристъ Якимъ. Онъ переписывалъ дѣло Маевскаго, а потому неудивительно, что Маевскій за нимъ ухаживалъ; а тотъ былъ человекъ семейный, жена, нѣмце ребятишки... Онъ сообщалъ Маевскому о ходѣ дѣла, о показаніяхъ Ръшилова, въ чѣмъ онъ винится и въ чѣмъ замирается, какіе вопросы будутъ дѣлать ему и когда будутъ очныя ставки. Иногда предупреждалъ его: «Пропаасься, не пей вина; сегодня тебѣ будетъ съ Ръшиловымъ очная ставка.» А бороться съ Ръшиловымъ на очной ставкѣ было трудно: тотъ напускался, какъ зѣбрь и не давалъ снуска никому. Вологодскій архіерей Авраамій, пріѣхавши домой, не

собранія, говаривалъ своему келейнику, племяннику Маевского: «Ну, Андрей, Ръшиловъ совсѣмъ загонялъ твоего дядю.»

Не понимая нѣкоторыхъ вопросовъ, Маевскій спрашивалъ у Филиппова: «Ушилосердись, скажи Бога ради! о какомъ это папиномъ письмѣ часто спрашиваетъ меня новгородскій архіепископъ?»— Не знаю, отвѣчалъ Филипповъ, у насъ такого письма въ комиссіи не имѣется и намъ не отдано; развѣ не хранится ль у секретаря Муринова? Да они спрашиваютъ, сами не знаютъ чего.

За эту фамильярность и nepозволительную откровенность съ колодникомъ Маевскимъ, Филипповъ пытанъ былъ въ застѣнкѣ, висѣлъ на дыбѣ и получилъ не одинъ десятокъ ударовъ; а наконецъ, 9 іюля 1738 г. вышло ему рѣшеніе изъ кабинета: «бить кнутаомъ не щадно и сослать съ женою въ Иркутскъ, на житье вѣчно».

Вина Филиппова упала значительной долей на оберъ-секретаря Дудина, и секретаря Муринова, которые посвящены были во всѣ тайны Рѣшиловскаго дѣла. Отропный процессъ Дудина, производившійся сперва въ синодѣ, потомъ въ тайной канцеляріи, оплетается изъ такого множества отдѣльныхъ дѣлъ и разныхъ нитей, что нѣтъ возможности разобрать, что въ немъ главнее и что побочнее, съ чего онъ начался и что вошло въ него потомъ при разслѣдованіи дѣла. Личныя отношенія съ Фесенкомъ играютъ и здѣсь не послѣднюю роль. Фесенъ звалъ его въ довѣренность, чтобы пользоваться разными мелкими и крупными его услугами по синодальнымъ дѣламъ, смотрѣлъ снисхожденіемъ пальцы на его грѣшки, даже дѣлалъ ему въ трудныя времена и переосмылялъ подарочки... Дудинъ, въ свою очередь, легко исполнялъ его порученія, а понимая значеніе его въ синодѣ, бралъ все больше

и больше снѣлости, помыкалъ прочими членами, расподѣлялъ синодскими дѣлами по своему усмотрѣнiю, держалъ на откупѣ монастыри, обдѣлывалъ дѣла провалившихся архіереевъ и архимандритовъ, наживался, тучнѣлъ и мало-по-малу изъ канцелярскаго писца превратился въ разжирѣвшаго барина. Забывшись и зазнавшись, Дудинъ началъ обманывать и Θεοφана въ дѣлахъ, на которыхъ тотъ истрачивалъ всю свою жизнь. Обманъ не могъ идти дальше.

До государыни стали доходить слухи, что служитель ростовскаго архіерея Іоакима, Никифоровъ, обираетъ епархію. Государыня поручила Θεοфану развѣдать объ этомъ по искусу безъ обиды для епископа, пока не откроется вина съ его стороны. Θεοфанъ поговорилъ съ Дудинимъ. Тотъ сначала сказалъ, что въ Ростовѣ у него никого нѣтъ знакомаго; а потомъ даялъ мысль написать къ своему брату, служившему приказнымъ при суздальскомъ архіерейскомъ домѣ,—братъ все развѣдаетъ о Никифоровѣ и къ нему отишеть. Θεοфанъ согласился.—Что же сдѣлалъ Дудинъ? Рука руку моетъ, говорить пословица; а рука Никифорова очень ему знакома и дорога. Онъ посылалъ къ брату письмо и *просилъ* его *сказать* о Никифоровѣ.

Прежде ему сходили съ рукъ подобныя продѣлки. Когда надо было вровѣдать о житѣ Дашкова въ Спасо-Каменскомъ монастырѣ, и строго ли наблюдаетъ за нимъ вологодскій епископъ Афанасій Кондоидъ, Дудинъ посылаетъ къ его секретарю довѣреннаго человека и, по порученію Θεοфана, къ нему пишетъ одно, а къ самому архіерею *другое*, и получаетъ за это хорошия деньги. Теперь это не удалось.

А ужъ какъ удичили въ одножъ, такъ добрались до всего. Тутъ вплелось и Рѣшиловское дѣло и, по важности, въ числѣ преступленій Дудина поставлено на первомъ мѣстѣ:

«Имѣвшееся въ синодѣ великое важное извѣстное о разстригѣ Иванѣ Рѣшиловѣ дѣло, которое велѣно ему Дудину содержать въ особливомъ своемъ смотрѣніи и секретѣ,—не только въ такомъ секретѣ (онъ, Дудинъ) не содержалъ, но безъ приказанія собою допустилъ къ произвожденію онаго дѣла синодальныхъ служителей, которыми ни письменно, ни даже словесно не было подтверждено, чтобы содержать это дѣло въ особливомъ секретѣ; изъ которыхъ допущенныхъ имъ, Дудинимъ, служителей, бывший канцеляристъ Якимъ Филиповъ разстригѣ Маевскому сказывалъ о нѣкоторой матеріи того дѣла, и о томъ, въ чемъ Рѣшиловъ съ розыску не видится, какъ о томъ по слѣдствію ясно показалось.»

Дудина судили и пытали страшно; со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ мѣстъ потребованы были, съ угрозою, отчеты взятокъ: кто, когда, сколько и за что далъ ему деньгами и вещами—все вывели наружу. Дудинъ въ многомъ заирался, а во многомъ прямо сознавался. «Я не просилъ; давали въ почетъ и я бралъ.» По дѣлу однакожь оказалось, что не все давали сами, многіе уступали требованію, насилію

Въ 1738 г. 4 декабря состоялся въ кабинетѣ указъ, рѣшившій судьбу Дудина: «за показанныя вины его учинить ему политическую смерть, бить публично кнутомъ нещадно и послать его въ вѣчную ссылку въ Сибирь за надлежащими карауломъ; вотчину его въ московскомъ уѣздѣ, село Архистоно, отдать въ вѣдѣніе коллегіи экономіи, а дворы, продать настоящею цѣною заплатаить изъ нея долги, кому чѣмъ онъ долженъ былъ». Жена его скончалась во время процесса, сыновья отданы на воспитаніе въ невестку семинарію. Остались еще двѣ дочери въ совершенномъ возрастѣ. Какая была судьба ихъ,—неизвѣстно.

Съ Мурянова, за то же послабленіе Филиппову, вычли въ пользу кабинета половину годоваго жалованья.

IV.

Манифестъ правительницы Анны возвратилъ этимъ несчастнымъ свободу.

Феофилактъ освобожденъ изъ крѣпости 31-го декабря 1740 года. «Всѣ удивились этому, пишутъ одинъ изъ современниковъ, потому что считали его ужъ мертвымъ, а онъ вдругъ явился живымъ.» Послѣ такихъ страданій и по лишеніи знаковъ архіерейскаго сана, онъ снова принималъ ихъ, съ почтеніемъ, отъ св. синода. Когда изъ казармы взяли его на новгородское подворье и очистили отъ загроубѣвшей на немъ грязи, тогда самъ преосвященный Амвросій, архіепископъ новгородскій, со слезами участія снова возложилъ на него знаки монашескаго и архіерейскаго чина. Посѣтила его тутъ и цесаревна Елизавета Петровна, и спрашивала: знаетъ ли ее? Онъ сказалъ: знаю, что ты искра Петра Великаго. Цесаревна, отвернувшись, прослезилась и пожаловала ему на лекарство триста рублей. Но уже больной такъ, что не могъ почти говорить, ни на постели перевернуться, онъ на томъ же подворьѣ скончался 1741 года 6 мая, и 8-го числа погребенъ въ Невскомъ монастырѣ. Амвросій, архіепископъ новгородскій писалъ къ тверскому епископу Митрофану, дабы усопшаго въ Бозѣ Феофилакта архіепископа вписалъ съ прочими православными архіереями въ диптихъ.

Современники, русскіе и иностранцы, отзываются съ величайшимъ почтеніемъ объ умѣ и особенно о нравственномъ характерѣ Феофилакта. «Предобрыи сей архіерей, пишутъ о немъ Евдокимовъ, истинно предобрый; пбо согласовалъ жизнь

съ словомъ и ученіемъ апоетольскимъ (1 посл. къ Тим. гл. III.) Упражняясь въ проповѣди слова Божія, онъ сочинялъ книги противъ раскольниковъ и иновѣрцевъ лютеранъ и кальвиновъ. Нравомъ былъ кротокъ, снисходителенъ и доступенъ. И сколько былъ кротокъ, столько жъ и нестяжателенъ. Купивши мызу Степаново, въ 40 верстахъ отъ С.-Петербурга на свои келейныя деньги, онъ отдалъ ее потомъ въ тверской архіерейскій домъ. До лишнихъ строеній и банкетовъ никогда не былъ охотникъ, развѣ по нуждѣ. Былъ милостивъ къ неимущимъ. Во время голода при крайней дороговизнѣ хлѣба онъ своими келейными деньгами соужалъ своихъ бѣдныхъ крестьянъ, и раздавалъ имъ хлѣбъ даромъ. Когда же минуло голодное лѣто и настало обильное, принесли къ нему записныя книги, кому сколько дано было хлѣба, и докладывали: не прикажешь ли этотъ хлѣбъ отобрать? преосвященный Теофилактъ, взявши книги, бросилъ въ печь въ огонь.»

«Ученый кругъ, писалъ иностранецъ Фендербургъ, уважаетъ Теофилакта Лопатинскаго, епископа тверскаго. Этотъ человекъ самаго многосторонняго образованія, знатокъ греческой литературы, которую занимался очень прилежно и съ большими успѣхошъ... А его непоколебимая честность во всѣхъ обстоятельствахъ жизни напоминаетъ собой золотой вѣкъ.»

О прочихъ содержавшихся въ крѣпости страдальцахъ и преступникахъ Рѣшиловскаго дѣла состоялся высоч. указъ (20 декабря 1740 г.), которымъ повелѣвалось: и Маевскому, Рѣшилову, Якову Ясинскому, Василью Козменкѣ и Масалаеву, хотя они и виновны явились, вины ихъ отпустить и разослать ихъ въ разные монастыри, именно разстригъ: Маевского, Рѣшилова и Ясинскаго въ братство, а Козменку и

Масалаева на пропитаніе, и быть имъ въ тѣхъ монастыряхъ неисходно». Тайная канцелярія, по обычаю, обязала ихъ подпистой: «о чемъ они въ тайной канцелярії спрашиваны и что на то показали, о томъ имъ разговоровъ ни съ кѣмъ никогда не имѣть и ни подъ какимъ видомъ отнюдь не разглашать; а ежели они о томъ съ кѣмъ имѣть будутъ разговоры или хотя мало о чемъ стануть разглашать, и въ ономъ отъ кого будутъ обличены, и за то учинена имъ будетъ смертная казнь». (Высоч. ук. 7 янв. 1741 г.)

Св. синодъ послалъ Козменку въ Каменскій, а Масалаева въ Кирилловъ Новоезерскій монастырь.

Давыдовъ ужь усланъ былъ въ Сибирь и потому не попалъ въ этотъ указъ. Синодъ и тайная канцелярія забыли о немъ. Но манифестъ правительницы возвратилъ и его изъ ссылки (15 дек. 1741 г.)

О Филипповѣ провѣдалъ преосвященный Иннокентій, епископъ иркутскій, и въ 1742 г. 16 янв. послалъ въ тайную канцелярію донесеніе, что въ домъ его архіерейскомъ, за новость епархіи, имѣется въ приказныхъ служителяхъ нужда и въ отправленіи епаршескихъ дѣлъ остановка, а увѣдомился онъ, что въ вѣдомствѣ его живетъ бывший синодскій канцеляристъ Якимъ Филипповъ, сосланный за вѣны. Иннокентій просилъ его къ себѣ, на основаніи высочайшаго указа о неизвѣстныхъ ссыльныхъ. Тайная канцелярія передала просьбу въ синодъ. Иннокентій содержалъ его, съ женою и малыми ребятишками, ради имени Божія, на своемъ коштѣ.

Дудинъ возвращенъ изъ Тобольска, по манифесту Елисаветы Петровны, 10 февраля 1741 г. Ему дозволено жить въ Москвѣ, или гдѣ пожелаетъ.

П. Малиновскій, по возвращеніи изъ Сибири, въ 1742 г.

посвященъ во епископа крутицкаго. Скончался въ 1754 г. архіепископомъ московскимъ (*).

Мы дошли до конца Рѣшиловскаго дѣла. Но развязали ли узелъ, связавшій это множество лицъ, эту массу допросовъ, показаній, очныхъ ставокъ, пытокъ, истязаній? Что такое было Рѣшиловское дѣло? Какъ оно возникло и сложилось, и почему получило государственнй характеръ? За что пытали и мучили столько лицъ? Какую тайну хотѣли отъ нихъ вывѣдать? Какой злой умыселъ подавить?

Читатели Рѣшиловскаго дѣла знаютъ, что оно началось съ пасквиля, пущеннаго въ видѣ письма отъ папы къ Теофану. Вотъ это безграмотное письмишко:

«Наимилскому сыну нашему Ѳ. П., писаль Бенедиктъ, зу ласки Божіей, папа стараго Рима, ангельскаго престола и нашей можности благословенство! Дзенкую за твое написаніе, полученное въ Римѣ 22 августа и сего року, по которому извѣстихомся, аще и отъ союзниковъ нашихъ, что ты въ Россіи день отъ дня въ ласку царскую успѣваешь, и уже на иѣствѣ кардинала засѣдаешь, притомъ прошу, милый сыну мой, не zapomни обѣщанія своего, како входя въ школы наши, святому Петру и намъ клянудся за отеческую свою вѣру поборять, на восточную же ратовать. Разсмотри, коханный мой, лучше не общатися, нежели общавшу не исправлятися. Нынѣ время благоприятно, нынѣ день надежды нашей: ибо царь московскій отеческіе свои законы полагалъ

(*) За исключеніемъ особо указанныхъ источниковъ все прочее изъ дѣла тайной канцеляріи о Ѳ. Прокоповичѣ.

и весьма преклоненъ въ нѣмецкіе законы. Сіе содѣяся чрезъ прилежное трудолюбіе добраго нашего союзника и всей западной церкви благодѣтеля, господина Лефорта, который за молитвами святаго костела, въ великой тогда милости у государя московскаго былъ. И хотя едино противно костелу учинено, но изъ того всему Западу потребность и доброе поспѣшеніе произыде: егда законную свою царицу нуждою послалъ до кляштора, а въ тоя мѣсто поялъ въ другую, отъ исповѣданія лютерскаго; и за просьбу тоя: патриарху уже въ Россіи быть не велѣлъ; сына своего отъ свободныхъ рожденнаго, въ греческомъ исповѣданіи обученнаго, убилъ до смерти... Которыя три главизны въ настоящемъ дѣлѣ нашемъ великіе были пошѣшатели: патриархъ сильный въ догматахъ, царица—едино тѣло, сынъ—естество любительное. Нынѣ же къ тому никто противу говорить не смѣетъ, ибо ясно слышимъ, что оный государь вѣрнаго своего служителя, нашего благодѣтеля, господина Лефорта, внисалъ въ вѣчнодостоиную себѣ жалость и прошеніе его содержать въ неуспной памяти. Паче же другой жены своей, чрезъ которые отеческіе ему уставы тако омерзели, что ни слышати про тѣхъ хочеть. А понеже улюбилъ лютеранскую вѣру, того ради и жестокаго греческаго правила, на посредствѣ нашего исповѣданія легко удержать возможно. Гнусно бо намъ еще едино, какъ слышимъ, что злѣйшіе наши непріатели, патриархи восточные, въ Россіи изъ диптиховъ церковныхъ еще не выключены. Ты же пребывай и успѣвай, въ немъ же наученъ еси: потщися извѣстно твое званіе сотворити, да будетъ слово твое солью растворено. Здравствуйте. Писано въ Римѣ, ноября въ 25 д. 1718 року.» (*)

(*) Г. Семевскаго, „Сторонники царя Алексѣя.“ Ст. 1. пр. 93 (въ „Библиотека для Чтенія“).

Кто бы ни былъ сочинитель этого письма, намъ все равно. Да и по дѣлу не открылось настоящаго виновника этого часквиля. Подозрѣніе пало на двухъ лицъ—Рѣшилова и Маевского, и держалось за нихъ до конца процесса.

Феофанъ и тайная канцелярія разумѣли, что это дѣло цѣлой факціи, цѣлаго тайнаго общества, *склоннаго къ возбужденію бунта.*

Чего жь хотѣло это quasi-мятежное общество? Чѣмъ оно запугало министровъ императрицы Анны?

Гласно выраженное недовольство образомъ дѣйствій Феофана, уничтоженіемъ патриаршества, изданіемъ духовнаго регламента, множествомъ разныхъ отиѣнъ по церковнымъ дѣламъ въ духъ Петровской реформы, изданіемъ благопріятныхъ ей книгъ, не возбудило бы такихъ преслѣдованій, если бы судьи не подозрѣвали тутъ государственныхъ замисловъ и преступленій.

У страха глаза велики. А императрица Анна постоянно окружена была разными страхами. Съ одной стороны Остерманъ, съ другой Феофанъ, желая показать свою особливую вѣрность къ государынѣ, непрестанно пугали ее бунтами и мятежами. И какъ легко имъ было выставить кого угодно государственнымъ преступникомъ, такъ трудно было обвиненному оправдаться въ своемъ преступленіи и вырваться изъ желѣзныхъ объятій тайной канцеляріи. И гибли несчастныя жертвы подозрѣнія и ложныхъ доносовъ десятками, сотнями, тысячами.

Самыя мелкія вины и неважные проступки возводились въ государственныя преступленія по первымъ пунктамъ. И посмотрите, какъ доискиваются до нихъ, когда они нужны кому-нибудь! «Не былъ ли ты, отецъ твой, изъ родныхъ

кто-нибудь, въ стрѣльняхъ? Былъ ли у присяги?» (*) Если духовное лицо:—«Всегда ли служилъ табельные молебны и панихиды?» Если членъ какого-нибудь духовнаго суда: «Почему, зная о вѣсакъ, не доносилъ, или не судилъ, или и судилъ—не такъ скоро? Какъ смѣлъ говорить и разсуждать съ преступникомъ, съ его родственниками, съ женою, съ дѣтьми? Не бралъ ли у него книгъ, ему не давалъ ли?» Мы можемъ представить вамъ сотни примѣровъ, что именно за это судили, и присуждали—къ чему вы думаете?—къ кнуту, къ урѣзанію языка, къ ссылкѣ въ Сибирь! Не всякое дѣло такъ громадно, какъ Рѣшиловское, по его продолжительности и по числу жертвъ замученныхъ, но всё на одинъ ладъ. Чѣмъ больше преступниковъ, тѣмъ больше чести слѣдователю: экое скопище открылъ!

Въ частности, объ Рѣшиловскомъ дѣлѣ можно сказать, что оно было протестомъ противъ Петровской церковной реформы. И такъ какъ Теофанъ, по смерти Петра, долженъ былъ выносить на себѣ, на своихъ плечахъ, эту реформу: то, чтобы облегчить и обезпечить себѣ борьбу съ оппозиціею, онъ придалъ ей государственный характеръ. Возбужденныя нынѣ, на счетъ ея, подозрѣнія пришли къ времени, и началась переборка, и продолжалась цѣлая десятъ лѣтъ.

Впрочемъ мы должны оговориться предъ читателями, что Рѣшиловское дѣло не представляло собою всей оппозиціи Теофану, по смерти Петра. Главнымъ вождемъ правильной, систематически-расчитанной оппозиціи противъ Теофана былъ товарищъ его по академіи, ахрим. Маркеллъ Родышевскій, преслѣдовавшій его съ фанатическою настойчивостію. Теофанъ и тайная канцелярія сливали оба эти дѣла въ одно

(*) -Охъ, эта присяга, говорилъ народъ въ царствованіе Анны, много людей погубилъ!

и за преступленія Родышевскаго общества, по сопряженности лицъ и общности интересовъ, вину и наказывали союзниковъ Рѣшиловскаго дѣла. Рѣшиловское дѣло относится къ дѣлу Родышевскаго только какъ эпизодъ...

И. Чистовичъ.

О ПОЛОЖЕНИИ ДУХОВЕНСТВА ВЪ ОТНОШЕНИИ КЪ НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

Въ январской книжкѣ «Православнаго Обозрѣнія» мы ко-
снулись вопроса о сельскихъ школахъ, должны ли онѣ
оставаться въ рукахъ духовенства, или нужно устранить
духовенство отъ участія въ народномъ образованіи, какъ же-
лаютъ *нѣкоторые*. Мы обѣщались поговорить объ этомъ въ
слѣдующій разъ.

Съ чего и какъ начать, разсуждая *объ этомъ предположеніи*
«устранить духовенство отъ вліянія на народное образованіе»?

Хорошо спорить противъ такого мнѣнія, за которое мо-
жно признать дѣйствительную внутреннюю силу, которое
имѣетъ серьезныя основанія. Хорошо разсуждать о какомъ
либо общественномъ вопросѣ, когда видно, что этотъ вопросъ
имѣетъ смыслъ и жизненное значеніе, когда понимаешь, какъ
и почему могъ возникнуть этотъ вопросъ въ известной средѣ
въ известное время. Хорошо наконецъ говорить тогда, когда
мы знаемъ, что насъ будутъ слушать, что люди, ~~с которыми~~
мы хотимъ говорить объ известномъ предметѣ, дѣйствительно
расположены знать чьи-либо мнѣнія по этому предмету; хо-
рошо говорить съ такими людьми, которые, поднимая извѣ-

ственный вопросъ, уже знаютъ напередъ, что кѣшъ-либо и когда-либо было открыто говорено объ этомъ вопросѣ....

Что же? Имѣеть ли это предположеніе «устранить духовенство отъ участія въ народномъ образованіи» какія-либо серьезныя основанія?—По крайней мѣрѣ они не приведены въ извѣстность. Съ какой стати, и какимъ образомъ мысль объ этомъ могла возникнуть у насъ, и именно въ настоящее время?—И на это, мы не знаемъ, кто бы могъ дать отвѣтъ. Наконецъ, желающими осуществить эту мысль принимается ли во вниманіе хоть напр. то, что говорилось объ этомъ предметѣ въ литературѣ, принимаются ли ими во вниманіе потребности и симпатіи народа, о которомъ они заботятся, ясна ли для нихъ цель народнаго образованія, сознаютъ ли они настоящее состояніе нашего общества?—И въ этомъ мы имѣемъ поводъ сомнѣваться.

Когда нѣтъ возможности услышать прямой отвѣтъ на эти непосредственно относящіеся къ дѣлу вопросы, остается прибѣгнуть къ догадкамъ.

За чѣмъ и почему въ самомъ дѣлѣ нѣкоторымъ хотѣлось бы устранить духовенство отъ вліянія на народное образованіе? «Народныя школы со времени возникновенія ихъ находятся въ рукахъ духовенства, а дѣло народнаго образованія у насъ подвигается неуспѣшно, и народныя школы до сихъ поръ находятся въ дурномъ положеніи». Такъ. А оттого ли народныя школы у насъ плохи, что онѣ находятся въ рукахъ духовенства? А будетъ ли лучше, когда народныя школы будутъ не въ рукахъ духовенства, всѣ же другія стороны этого дѣла, напр. казенный характеръ школъ и народная антипатія къ нему, контролированіе школъ людьми неспособными къ тому, и устраненіе отъ нихъ единственно-

законнаго народно-общиннаго контроля, плохое обезпеченіе наставниковъ, недостатокъ въ распространеніи хорошихъ методовъ преподаванія, недостатокъ хорошихъ руководствъ для народнаго образованія, неумѣнье нашего образованнаго общества ни заинтересовать народъ къ дѣлу народнаго образованія, ни передать ему что-либо примѣнительно къ его понятіямъ и языку, и всѣ другія обстоятельства, замедляющія усилія народнаго образованія,—будутъ оставлены въ небреженія? И отчего народныя школы со времени возникновенія своего были отданы въ руки духовенства? Было ли кому тогда отдать ихъ въ руки, кромѣ духовенства? Да и въ настоящее время, кому бы можно было передать народныя школы изъ рукъ духовенства? Есть у насъ еще одно образованное сословіе — дворянство. Ну что жъ, въ добрый часъ... Можно бы порадоваться, если бы наше дворянство, при своемъ новомъ положеніи, постаралось стать ближе къ интересамъ народа. Да многіе ли изъ дворянъ согласятся идти въ народныя школы? Вѣдь положеніе сельскаго наставника у насъ такое, что его едва ли согласится охотно принять кто изъ образованныхъ людей, кромѣ семинариста, какъ извѣстно, отличающагося особенною способностію терпѣть и сживаться со всякимъ положеніемъ. Пожалуй, пойдутъ въ народныя школы такіе изъ дворянъ, которыхъ некуда больше идти, не чѣмъ больше достать себѣ кусокъ хлѣба. Но при такихъ наставникахъ едва ли подвинется впередъ дѣло народнаго образованія, и—помилуй Богъ, если у насъ въ народныхъ школахъ откроется только новый источникъ къ поддержанію существованья въ обществѣ недорослей и дармоедовъ. Или не отдать ли дѣло народнаго образованія на руки сельскимъ писарямъ, или отставнымъ солдатамъ? Нѣтъ, ужъ въ такомъ случаѣ пусть лучше учать въ народныхъ

школахъ *хоть даже исключенные семинаристы*. Или не лучше ли образовать для этого на вѣдвеніи сельскихъ обществъ особыя педагогическія школы, въ которыхъ бы были приготовляемы собственно для должности сельскихъ наставниковъ въ духѣ и потребностяхъ народа крестьянскіе мальчики по нѣскольку отъ каждой общины? Нѣсколько хорошихъ мыслей по этому предмету было высказано кѣмъ-то года три назадъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но отъ подобнаго рода мѣры, если бы и осуществить ее въ возможно-лучшемъ видѣ, не такъ-то скоро можно ожидать добрыхъ плодовъ; а дѣло народнаго образованія не ждетъ. Притомъ еще неизвѣстно, какъ-то могла бы удался подобная мѣра. А до сихъ поръ опыты *казеннаго* воспитанія крестьянскихъ мальчиковъ для служенія своимъ общинамъ въ особыхъ школахъ, напр. при «палатахъ государственныхъ имуществъ», удавались какъ-то очень плохо. Крестьянскіе мальчики, оторванные отъ родной почвы и воспитанные въ духѣ казарменности и бюрократизма, выходили отсюда не полезными слугами своимъ общинамъ, а тяжелыми и вредными для общинъ выскочками, криводѣями и мироѣдами. Все это нужно принять во вниманіе, а тогда уже и приступить къ преобразованіямъ народныхъ школъ. Нужно тщательно вникнуть въ дѣйствительныя причины неуспѣшности народнаго образованія, — а не останавливаться на томъ только, что нужно перемѣнить покрой платья или форму прически у сельскихъ наставниковъ. Можно конечно сочинять реформы и иначе: принять сначала одну мѣру, а потомъ, если окажется, что при ней (хотя бы и не отъ ней) дѣло идетъ неладно, взять да и замѣнить ее другою противоположною, не сообразивъ того, отчего при прежней мѣрѣ дѣло шло плохо, и устраиваются ли недостатки прежняго порядка дѣль съ новою

реформю. «Положено *наир.* было отдать народныя школы въ руки духовенству; дѣло народнаго образованія идетъ неуспѣшно. Не лучше ли устранить духовенство отъ участія въ народномъ образованіи?» Но вѣдь такъ по догадкамъ нельзя построить ничего прочнаго и полезнаго, а играть реформами дѣло не совсѣмъ хорошее. А что если дѣло народнаго образованія вовсе не отъ того идетъ неуспѣшно, что народныя школы находятся въ рукахъ духовенства, и что если съ устраненіемъ духовенства отъ участія въ народномъ образованіи дѣло пойдетъ еще хуже?

«Духовенство оказалось мало способнымъ къ дѣлу народнаго образованія; оно не знакомо съ успѣхами современной педагогики; оно вообще мало развито.» Положимъ. А въ другихъ-то сословіяхъ найдется у насъ довольно людей, способныхъ на дѣло народнаго образованія? Много у насъ вообще развитыхъ людей, способныхъ педагоговъ? А изъ этихъ развитыхъ людей многіе пойдутъ учителями въ сельскія школы? На словахъ, кому угодно можно много горичиться въ интересахъ народа; а что вышло бы на дѣлѣ, еще не доказано. Будемъ говорить прямо: уровень умственнаго развитія въ духовномъ сословіи не высокъ, но едва ли ниже, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ. Это положеніе мы можемъ смѣло высказать, и если угодно доказать. Общее образованіе, получаемое въ нашихъ семинаріяхъ и академіяхъ, неудовлетворительно; но едва ли семинаристы и академики уступаютъ въ этомъ отношеніи гимназистамъ и студентамъ университета. (Мы имѣемъ въ виду не исключенія, а общее положеніе дѣл.) Свою богословскую спеціальность мы знаемъ плохо, но едва ли хуже, чѣмъ знаютъ свои спеціальности наши филологи, юристы, медики. Съ чужими спеціальностями мы почти незнакомы; но наши филологи, ю-

ристы, медики еще менѣе знакомы съ богословскою наукою, которая для нихъ, по нашему мнѣнію, обязательнѣе, чѣмъ для насъ напр. медицина. Наконецъ въ нашемъ сословіи образованіе распространено все-таки шире и равномернѣе, чѣмъ въ другихъ; совершенныхъ неучей у насъ нѣтъ; пропорція между учившимися въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ и неучившимися у насъ равномернѣе, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ. Изъ духовныхъ академій, также какъ и изъ университетовъ, не часто выходятъ серьезные замѣчательные дѣятели науки; но студенты академій между собою равнѣе развиваются, чѣмъ студенты университета. Тутъ нечего говорить о неразвитости духовенства, какъ о чемъ-то особенномъ, когда и во всемъ-то нашемъ обществѣ развитіе стоитъ на очень невысокомъ уровнѣ. Трудно съ математическою точностью опредѣлить, гдѣ можно найти болѣе способныхъ къ дѣлу народнаго образованія людей—въ духовномъ или другихъ сословіяхъ. Но если измѣрять дѣло хотя вышнюю мѣрку, то едва ли не окажется преимущество на сторонѣ духовнаго сословія. Люди дѣльные говорятъ, что для того, чтобы быть сельскимъ учителемъ недостаточно только умѣть читать, писать и считать, а нужно быть развитымъ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько бываютъ развиты у насъ окончившіе курсъ воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній. Но сравните теперь въ каждой губерніи итогъ оканчивающихъ курсъ гимназій, гдѣ учатся дѣти всѣхъ сословія, и оканчивающихъ курсъ въ семинаріи, гдѣ учатся одни духовные воспитанники. Потому отдѣлите изъ числа первыхъ—желающихъ продолжать образованіе въ высшихъ заведеніяхъ, и тѣхъ, которые прямо поступаютъ на гражданскую службу. Много ли останется? Наверное меньше, чѣмъ сколько нужно наставниковъ для сельскихъ школъ

даже въ настоящее время. А каждая изъ нашихъ семинарій еще можетъ приготовить достаточное для своей епархіи число сельскихъ наставниковъ. Итакъ не лучше ли вѣсто того, чтобы отстранять семинаристовъ отъ преподаванія въ народныхъ школахъ за ихъ малоспособность къ педагогической дѣятельности, не лучше ли было бы, какъ мы когда-то предлагали, знакомить семинаристовъ въ виду будущей ихъ дѣятельности съ началами педагогикки?

«Духовенство наше извѣстно своею апатіею къ общественнымъ интересамъ; можно ли послѣ этого ожидать отъ него добрыхъ плодовъ въ дѣлѣ народнаго образованія.» Мы не принадлежимъ къ числу людей, любящихъ писать панегирики духовному сословію, и апологій въ защиту господствующаго у насъ порядка дѣлъ. Когда мы обращаемъ рѣчь свою къ духовенству, мы всегда считаемъ за лучшее говорить ему о его недостаткахъ, потому что сознаніе недостатковъ есть хотя слабый залогъ лучшаго порядка дѣлъ, а не льстить ему исчисленіемъ его достоинствъ и заслугъ хотя бы и дѣйствительныхъ, «не убаюкивать его въ довольствѣ этими заслугами и достоинствами» и не давать лишняго повода къ заблужденію людей способнымъ разсуждать по такой логикѣ: если наше духовенство хорошо, то значить—все, что говорить о его недостаткахъ и дурномъ положеніи, есть клевета, и нѣтъ нужды заботиться о какихъ либо усовершенствованіяхъ и измѣненіяхъ его настоящаго быта. Но когда начинаютъ дурно говорить о духовенствѣ не почему-либо другому, а только по сословному предразсудку, когда указываютъ въ немъ не дѣйствительные, а выдуманные недостатки, когда начинаютъ унижать его предъ другими сословіями несправедливо, тогда нашъ долгъ, въ интересѣ справедливости, сказать за него слово, не опасаясь

ясь того, если насъ заподозрять въ пристрастія къ сословнымъ интересамъ и предразсудкамъ. Такъ. Духовенство апатично къ общественнымъ интересамъ. Но ради Бога, развѣ другія сословія, и все-то наше общество могутъ похвалиться живымъ участіемъ къ общественнымъ интересамъ? Мы не говоримъ о добрыхъ исключеніяхъ, которыя встрѣчаются во всякомъ сословіи, есть онѣ и въ нашемъ духовномъ. Мы не говоримъ и о тѣхъ общественныхъ дѣятеляхъ, которые только фальшиво воображаютъ себя какими-то будильниками общественнаго сознанія. За исключеніемъ этихъ людей, искренно или призрачно увлеченныхъ общественными интересами, развѣ все наше остальное общество не представляетъ собою соннаго царства, увлекающагося только своими домашними дразгами и личными интересами, а ко всякому дѣлу общественному относящагося въ качествѣ посторонняго зрителя? Вообще когда случается говорить объ апатіи одного какого-либо сословія въ нашемъ обществѣ, справедливость требуетъ подразумѣвать въ такомъ случаѣ и другія сословія; поименно же обыкновенно называется то сословіе, о которомъ нужно сказать въ данную минуту. Но въ такомъ случаѣ то сословіе, которое еще не обличено явно въ общемъ грѣхѣ, не должно же слишкомъ укорительно относиться къ другому сословію, уже явно обличенному, дабы не получили къ нему примѣненіе извѣстныхъ слова: «что видишь сучокъ въ глазѣ ближняго, а въ своемъ бревна не замѣчаешь». Въ настоящемъ случаѣ эти слова какъ бы сами собою приходятъ на мысль; потому что, по правдѣ сказать, у людей, упрекающихъ духовенство въ апатіи къ дѣлу народнаго образованія, у самихъ въ этомъ случаѣ лежитъ въ глазахъ цѣлое бревно. Справедливость требуетъ замѣтить, что съ того времени, какъ нашъ народъ раздѣлился на собственно народъ и такъ-на-

зывается цивилизованное общество, последнее очень мало заботилось об интересах первого. Цивилизованное общество призрачно гонялось за послѣдними новостями въ ходѣ европейской цивилизации, а простой народъ оставляемъ былъ въ самомъ глубокомъ невѣжествѣ; у простаго народа долгое время совсѣмъ не было никакихъ школъ. Уже въ недавнее время, нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ,—стали открываться въ нашихъ селахъ первыя школы для народа. А давно ли еще въ нашемъ цивилизованномъ обществѣ надлежащимъ образомъ рѣшенъ самый вопросъ о пользѣ грамотности для народа? Да полно, и теперь-то все ли наше цивилизованное общество имѣетъ прочный здравый—*просто человеческій* взглядъ на это дѣло? Такъ, повторяемъ, если начинать рѣчь о томъ, что сдѣлано у насъ цивилизованнымъ обществомъ для образованія простаго народа, то здѣсь нечего величаться одному сословію предъ другими. Вообще у насъ для народнаго образованія еще очень мало сдѣлано. Но ужъ если говорить правду до конца, то все-таки въ этомъ отношеніи духовенство сдѣлало болѣе другихъ сословій,—или, еще правдѣе, все, что сдѣлано у насъ для народнаго образованія, сдѣлано почти однимъ духовенствомъ. Вотъ и въ послѣднее время нерѣдко приходится встрѣчать въ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ извѣстія объ открытіи въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи новыхъ школъ грамотности для народа. Къшъ же открываются эти школы? Почти исключительно одними духовными.

Но говорить, что эти школы открываются *не по добровольному расположенію священниковъ, а по какому-то невѣдомому административному распоряженію* (*). Говорять, въ этихъ

(*) См. въ № 18 газеты «День» статью профессора Ив. Бѣляева: «Отвѣтъ тульскимъ епархіальнымъ вѣдомостямъ».

школахъ, открытыхъ, какъ выражается г. профессоръ Бѣляевъ, по щучьему велѣнію—на подобіе тѣхъ знаменитыхъ городовъ и замковъ, которые по приказанію Потемкина были построены изъ полубняка и теса на случай прохода императрицы Екатерины II-й въ Крымъ, въ этихъ школахъ будто бы вовсе нѣтъ учениковъ. Говорятъ, что отъ такихъ школъ не можетъ быть никакого проку.—Мы сами не много полагаемъ надеждъ на тѣ прогрессивныя начинанія и стремленія въ нашемъ обществѣ, которыя вызываются не внутреннею живою потребностью самаго общества, а какими-либо въдошными или невѣдомыми административными распоряженіями. Мы сами не слишкомъ высоко цѣнимъ общественныя заслуги тѣхъ двигателей прогресса, которые любятъ, какъ говорится, чужими руками жаръ загребать,—т. е. хотять прослыть двигателями прогресса, заставляя волей-неволей служить ему другихъ вмѣсто себя. Но мы по совѣсти еще затруднились отказать рѣшительно во всякомъ значеніи тѣмъ добрымъ иѣбрамъ къ развитію и усовершенствованію нашей общественной жизни (если только онѣ дѣйствительно добрыя иѣбры), которыя вызываются административными распоряженіями. Иначе, пожалуй, намъ пришлось бы усомниться въ значеніи и той великой иѣбры, въ которой съ недавняго времени наше общество полагаетъ славу нашего времени, крѣпчайшій залогъ развитія и будущаго благоденствія для всей Россіи.... Вообще, намъ кажется, для уясненія общественнаго сознанія очень небезполезно было бы хоть *напр.* нашей литературы рѣшить слѣдующіе вопросы: нужно намъ или нѣтъ въ дѣлѣ общественнаго развитія участіе правительства, въ какой степени нужно, и какого рода оно должно быть—положительное или только отрицательное,—т. е. того ли нужно желать, чтобы правительство въ дѣлѣ прогресса само всегда

шло вперед общества, или чтобы оно только *не задерживало* развития народнаго,—всегда ли безусловно достаточно въ этомъ дѣлѣ отрицательнаго участія со стороны правительства, или иногда смотря по состоянію окружающей среды и характеру ея историческихъ преданій, нужно бываетъ и положительное. Эти вопросы у насъ далеко еще не рѣшены, и даже для правильной и ясной постановки ихъ, помимо всякихъ внѣшнихъ препятствій, у насъ самихъ—нужно сознаться—недостаетъ надлежащей прямоты и искренности. А отъ этого происходитъ, что мы часто путаемся въ своихъ понятіяхъ, и сами не знаемъ, чего хотимъ. Хоть напр. рассуждая о народномъ образованіи—то мы жалуемся на безучастіе правительства къ этому дѣлу, то на участіе (и всего замѣчательнѣе, что въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ основанія считать свои жалобы справедливыми). Мы съ своей стороны думаемъ, что въ виду жалкой медлительности нашего общественнаго прогресса при всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ возбужденіяхъ къ нему, и въ виду глубокой апатіи и инерціи нашего общества, намъ позволительно еще радоваться всякому доброму начинанію и дѣлу общественному—будетъ ли оно идти отъ самаго общества, или хоть и отъ правительства. Мы думаемъ, что всякое дѣло и официальное по началу, если только оно доброе дѣло, если оно совпадаетъ съ живою потребностью общества—*сознанною или не сознанною, пробужденною или не пробужденною*, по времени должно перейти въ *живое общественное дѣло*. Тогда за правительствомъ останется въ этомъ дѣлѣ только инициатива, что собственно и должно принадлежать ему во всякомъ общественномъ дѣлѣ. На этихъ-то основаніяхъ мы не можемъ безусловно охуждать тѣхъ по большей части *невѣдомыхъ для насъ* распоряженій, по манію которыхъ будто бы въ по-

сѣднее время въ разныхъ концахъ Россіи подъ руководствомъ духовенства возникаютъ народныя школы. Нужно припомнить, что и въ началѣ первое возникновеніе народныхъ школъ по нашимъ селамъ вызвано было не живо возбужденною общественною потребностью, а внѣшнимъ административнымъ распоряженіемъ. Школы, явившіяся при такомъ условіи, естественно при началѣ должны были получить officialный характеръ. Этотъ характеръ въ нихъ и доселѣ не изгладился; и при этомъ дѣло народнаго образованія до сихъ поръ идетъ у насъ неудовлетворительно. Что же? Неужели поэтому мы можемъ прямо сказать, что доселѣ открытія у насъ сельскія школы не принесли рѣшительно никакой пользы для народнаго образованія? Нѣтъ, это было бы несправедливо. Неужели мы должны теперь сожалѣть о томъ, что правительство въ дѣлѣ народнаго образованія упредило дѣятельность общества? Мы говоримъ—*дѣятельность общества*) а не слова одни; словъ хорошихъ въ обществѣ много было и прежде, какъ много ихъ и теперь, но отъ словъ до дѣла еще далеко. Мы говоримъ опять—*дѣятельность общества цѣлаго*, а не готовность *лучшаго меньшинства*; эта готовность меньшинства также конечно очень похвальна и благородна, и въ ней первый залогъ пробужденія цѣлаго общества; но сама по себѣ, пока она ограничивается только *меньшинствомъ*, она также не можетъ многого дать. Нѣтъ, лучше же вѣсто такихъ сожалѣній позаботиться о томъ, чтобы сельскія школы изъ officialнаго учрежденія скорѣе сдѣлались живымъ народнымъ дѣломъ. Озаботиться объ этомъ намъ *и нужно, и можно...* Точно такъ и въ настоящее время, пусть въ открытіи новыхъ народныхъ школъ по нашимъ селамъ имѣютъ большое участіе officialныя распоряженія,

мы все-таки радуемся умноженію школъ. (*). А тѣмъ болѣе мы имѣемъ побужденіе радоваться, зная навѣрное, что открытіе многихъ народныхъ школъ сельскими священниками въ послѣднее время не можетъ быть объяснено одними офіціальными распоряженіями. Нѣтъ, побужденія со стороны епархіальнаго начальства въ этомъ случаѣ (хотя можетъ-быть и не вездѣ, и не въ равной мѣрѣ) совпадаютъ съ желаніями и готовностью самого духовенства послужить дѣлу народнаго образованія. А во многихъ мѣстахъ сельскіе священники открываютъ школы совершенно добровольно, безъ всякихъ побужденій со стороны епархіальнаго начальства. Самъ г. Бѣляевъ, высказавшій предположеніе, что самая эта лихорадочная поспѣшность, съ какою въ послѣднее время сельское духовенство заводитъ народныя школы, ясно выражаетъ не добровольное расположеніе священниковъ, открывавшихъ школы, а какое-то невѣдомое административное распоряженіе, говоритъ далѣе въ своей статьѣ: «Я нисколько не думаю укорять вообще нашихъ сельскихъ священниковъ въ равнодушіи къ народному просвѣщенію. Мнѣ извѣстно и по печатнымъ заявленіямъ и изъ другихъ источниковъ, что многіе сельскіе священники усердно хлопочуть о своихъ сельскихъ школахъ, и ведутъ дѣло народнаго образованія добросовѣстно, съ значительнымъ успѣхомъ, не жалѣя ни трудовъ, ни даже издержекъ изъ своего скуднаго достатка. Такъ я знаю одного молодяго священника въ московской

(*) Мы не думаемъ, чтобы въ этихъ распоряженіяхъ слишкомъ стѣснялась свобода сельскаго духовенства. Желательно вообще, чтобы эти распоряженія исходили только какъ совѣтъ и побужденіе, а не какъ безусловный приказъ подъ страхомъ отвѣтственности въ случаѣ неисполненія, безъ всякаго вниманія къ положенію сельскихъ священниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые можетъ-быть и желали бы открыть школы, да не могутъ почему-либо.

епархіи, который два года тому назадъ объявилъ своимъ прихожанамъ на сельской сходкѣ, чтобы они приводили къ нему своихъ дѣтей учиться, не только не платя ему за труды, но даже не покупая ни книгъ, ни бумаги. Теперь у него до 30 человекъ учениковъ и ученицъ, которымъ онъ самъ на свои деньги покупаетъ книги и прочія учебныя принадлежности; въ последнее время онъ крайне нуждается въ приобрѣтеніи достаточнаго количества Евангелій, псалтырей и часослововъ, но гдѣ бы не менѣе не желаетъ принуждать бѣдныхъ своихъ прихожанъ къ покупкѣ этихъ книгъ. Притѣрь, приведенный г. Блалевымъ, далеко не единственный. Во многихъ селахъ священники добровольно, безъ всякихъ понужденій и возмездій обучаютъ крестьянскихъ мальчиковъ въ своихъ собственныхъ домахъ, расходуя иногда свои собственные деньги на необходимыя для мальчиковъ учебныя принадлежности. Вообще въ настоящее время уже значительно пробуждено въ сельскомъ духовенствѣ усердіе къ дѣлу народнаго образованія. Священники уже начинаютъ считать это дѣло (какъ тому и быть надлежитъ) своимъ *долгомъ*, существенно связаннымъ съ ихъ пастырскими и учительскими обязанностями, и готовы служить этому дѣлу, насколько это возможно для нихъ при ихъ собственномъ развитіи и при ихъ матеріальныхъ средствахъ. И нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ томъ, что эта добрая готовность въ духовенствѣ не ослабнетъ, только бы позаботились самому духовенству дать лучшее развитіе и болѣе прочныя матеріальныя средства, а *не отнимали* у духовенства послѣднихъ средствъ къ образованію и существованію. Самая эта лихорадочная поспѣшность, съ которою въ последнее время заводятся сельскими священниками школы, и которая дѣйствительно съ перваго взгляда можетъ показаться очень по-

дозрительна, ^{то}объясняется не одними понужденіями сверху, не одною боязнью *попасть въ отѣтъ*, а виѣсть и живо пробужденною въ духовенствѣ *въ послѣднее время* потребностью послужить дѣлу общественному. А живое пробужденіе въ духовенствѣ этой потребности *именно въ послѣднее время* также не должно казаться удивительнымъ. Прежде и вообще во всѣхъ нашихъ сословіяхъ интересы общественные были возбуждены гораздо менѣе, чѣмъ теперь (хотя и теперь, опять повторимъ, возбуждены они еще и слабо и призрачно). А духовенству рѣшительно никто и ничего не говорилъ о его призваніи, о его обязанностяхъ,—о томъ, что оно можетъ и должно дѣлать для народа, кромѣ обязательнаго отправленія своихъ церковно-служительскихъ обязанностей. Очень неудивительно, если духовенство тогда ни о чемъ болѣе не заботилось, кромѣ формальнаго отправленія обязательныхъ дѣлъ. Въ послѣднее время духовенство стало хотя изрѣдка слышать призывы къ участию въ общественныхъ интересахъ. И эти призывы не прошли для духовенства безслѣдно. Мы можемъ смѣло сказать, что за послѣдніе пять, даже три года интересы и стремленія нашего духовенства значительно расширились. Это всего ближе знаютъ редакціи духовныхъ журналовъ. Мы не отрицаемъ того, что въ этомъ пробужденіи сознанія и жизни въ духовномъ сословіи, какъ и вездѣ у насъ, есть много скороспѣлаго, непрочнаго и призрачнаго,—мы не отвергаемъ того, что и административныя распоряженія епархіальныхъ начальствъ имѣютъ здѣсь значеніе (да притомъ развѣ можно совершенно разграничивать дѣятельность епархіальнаго начальства и дѣятельность самого духовенства?). Но все-таки здѣсь есть добрый залогъ, который нужно всячески поддерживать и развивать, а не подавлять. Нужно возбуждать и ободрять наше духовенство, а не уби-

вать въ немъ едва пробудившуюся энергію къ служенію общественному.

Въ виду этого замѣтнаго пробужденія общественныхъ интересовъ въ духовенствѣ, въ виду множества новыхъ народныхъ школъ, открываемыхъ сельскими священниками, въ виду особенной заботливости самихъ епархіальныхъ начальствъ— по своему разумѣнію и средствамъ помочь дѣлу народнаго образованія,—намъ и кажется необъяснимо страннымъ, какимъ образомъ и съ какой стати въ настоящее время могла возникнуть съ особенною силою мысль объ устраненіи духовенства отъ народныхъ школъ. Мы уже не говоримъ о томъ, какъ неразумно и несправедливо было бы въ какомъ бы то ни было сословіи въ самомъ зародышѣ подавлять усердіе и готовность послужить дѣлу общественному, когда притомъ еще неизвѣстно, могутъ ли другія сословія съ пользою для общества замѣнить отстраняемое отъ участія въ общественныхъ интересахъ сословіе... Просимъ только обратить вниманіе на тѣ неразрѣшимыя затрудненія, какія на практикѣ можетъ встрѣтить осуществленіе мысли объ устраненіи духовенства отъ участія въ народномъ образованіи.

Уже въ настоящее время число частныхъ школъ, открытыхъ самими священниками, навѣрное равняется числу казенныхъ крестьянскихъ школъ, гдѣ священники состоятъ преподавателями по назначенію начальства. Что же? Ужели предположеніе объ устраненіи духовенства отъ народнаго образованія можетъ простираться и на эти частныя школы, открытыя священниками на собственный счетъ, и содержащія ими добровольно въ собственныхъ домахъ или церковныхъ сторожкахъ? Ужели и эти школы возьмутъ изъ рукъ духовенства, и отдадутъ отставнымъ солдатамъ, сельскимъ

писарямъ, или недоучившимся и отставленнымъ отъ службы дворянчикамъ?

На будущее время у духовенства также конечно не могутъ отнять возможности заводить новыя школы. Дѣло народнаго образованія есть дѣло свободное—общественное. И если всякій отставной солдатъ или грамотѣй—мѣщанинъ имѣеть право открывать у себя домашнюю школу, то тѣмъ болѣе священникъ имѣеть право и обязанность заботиться о просвѣщеніи своихъ пасомыхъ... А съ другой стороны нѣтъ причинъ сомнѣваться, что пробудившееся въ духовенствѣ усердіе послужить дѣлу народнаго образованія—по времени будетъ болѣе и болѣе развиваться. Въ такомъ случаѣ пусть пожалуй отбирають у священниковъ казенныя сельскія школы, и отдають ихъ кому угодно; священники при пособіи причетниковъ (*), или окончившихъ курсъ, но еще не получившихъ мѣста семинаристовъ, при пособіи своихъ женъ и дочерей, которымъ, нужно надѣяться (и, о, еслибы это было скорѣе!), позаботятся давать лучшее образованіе, могутъ заводить свои частныя школы. Тогда видно будетъ, достанетъ ли казенныхъ школъ для удовлетворенія потребности образованія въ народѣ, найдется ли изъ другихъ сословій достаточное число преподавателей для однѣхъ казенныхъ школъ,—и гдѣ пойдетъ лучше дѣло народнаго образованія—въ казенныхъ ли хоть волостныхъ, или въ частныхъ приходскихъ школахъ... Духовенству рѣшительно не о чемъ жалѣть, если бы его и на самомъ дѣлѣ устранили отъ казенныхъ сельскихъ школъ. Отъ преподаванія въ казенныхъ школахъ устранить духовенство можно, а отъ вліянія на народное образованіе никто не можетъ устранить. *Духовенство можетъ,*

(*) О томъ, что на причетническія мѣста должны поступать люди образованные, идетъ въ литературѣ особая рѣчь.

если само захочет, оставить за собою дѣло народнаго образованія, помимо всякихъ административныхъ мѣръ и распоряженій. И вообще, при начинающемся новомъ порядкѣ вещей, сила и значеніе духовенства въ народѣ начинаетъ зависть не столько отъ вѣшнихъ административныхъ вліяній, сколько отъ энергіи самого духовенства, отъ его обличенія съ потребностями и интересами народа. Вотъ гдѣ въ настоящее время опора для духовенства—опора достаточно крѣпкая, предъ которою могутъ оказаться безсильными и ничтожными всѣ предразсудки и антипатіи къ духовенству въ другихъ классахъ общества.—Развѣ, въ видахъ искорененія темныхъ предразсудковъ, будто бы распространяемыхъ отъ духовенства, не найдутъ ли какихъ-нибудь средствъ отдалить духовенство отъ народа? Развѣ, вѣсть съ отобраніемъ изъ рукъ духовенства казенныхъ сельскихъ школъ, не запретятъ ли духовенству открывать и свои частныя школы, и вообще учить народъ? Что жъ, это было бы очень гуманно и прогрессивно!...

Мы сейчасъ назвали такую мѣру, на какую ни одинъ изъ здравсмыслящихъ людей не захочетъ посягнуть у насъ въ виду народа. А между тѣмъ безъ этой мѣры предположеніе объ устраненіи духовенства отъ вліянія на народное образованіе рѣшительно не имѣетъ смысла и никакимъ образомъ не можетъ быть приведено въ исполненіе.

Да и вообще можетъ ли имѣть смыслъ вопросъ о томъ, изъ какого сословія у насъ должны быть сельскіе учителя? Развѣ мы вѣримъ въ абсолютное происхожденіе и вѣчную неизмѣнность кастовыхъ различій, по которымъ изъ одного сословія люди исключительно предназначаются и рождаются годными къ учительству, изъ другаго къ чиновничеству и т. далѣе, и къ чему намъ теперь мѣшать вопросъ о сословіяхъ

въ дѣло образованія, когда въ этоть только благороднѣйшемъ и сравнительно свободнѣйшемъ у насъ дѣлѣ мы и прежде не такъ еще много, какъ въ другихъ дѣлахъ, принимали во вниманіе различія и предразсудки сословій, и когда теперь приходитъ пора и въ другихъ-то дѣлахъ говорить о сословіяхъ какъ можно менѣе?.. Дѣло не въ томъ, изъ какого званія должны быть у насъ сельскіе наставники, а въ томъ, какими бы образомъ намъ вообще находить и приготовить способныхъ наставниковъ для народныхъ школъ, и какъ получше обезпечить для нихъ успѣхъ въ дѣлѣ преподаванія. Очевидно, что при такой постановкѣ вопроса мы становимся въ такое же отношеніе къ мысли объ устраненіи духовенства отъ народныхъ школъ, какъ и къ противоположной ей мысли объ усвоеніи духовенству преподаванія въ народныхъ школахъ навсегда въ исключительную привилегію. Мы возстаемъ противъ первой мысли не въ видахъ сословныхъ интересовъ, а въ видахъ общаго народнаго блага. Точно также мы считали бы своимъ долгомъ возвысить голосъ, если бы кому вздумалось сдѣлать народное образованіе вѣчною и исключительною привилегією духовенства, съ явнымъ вредомъ для народнаго образованія. Мы не считаемъ народнаго образованія исключительною привилегією духовенства на томъ основаніи, что народныя школы доселѣ находились въ рукахъ духовенства. Мы думаемъ, народныя школы первоначально были отданы въ руки духовенства не какъ привилегія, а просто потому, что ихъ некому было болѣе отдать на руки, кромѣ духовенства. Мы говоримъ, что и теперь духовенство не нужно устранять отъ народныхъ школъ не почему-либо другому, а просто потому, что оно, по нашему мнѣнію, и теперь болѣе, чѣмъ другія сословія, служить и можетъ служить народному образованію. Мы го-

воримъ, и на будущее время духовенство, помимо всякихъ административныхъ распоряженій, *можетъ* оставить за собою дѣло народнаго образованія,—т. е. не насильственно внѣшнимъ образомъ овладѣть этимъ дѣломъ, а нравственно своими усердіемъ и трудами усвоить себѣ его; мы говоримъ *можетъ, если захочетъ*,—т. е. захочетъ доказать свою способность и усердіе къ этому дѣлу. А окажется изъ другихъ сословіи много способныхъ и усердныхъ на дѣло народнаго образованія людей, дай Богъ. Зачѣмъ и другимъ сословіямъ преграждать доступъ къ преподаванію въ народныхъ школахъ? Только и въ такомъ случаѣ священникъ не долженъ быть вовсе отстраненъ отъ народной школы. Онъ долженъ сохранять нравственную связь съ школой, на немъ должно лежать преподаваніе закона Божія. И это опять должно быть не почему-либо другому, а потому, что самъ народъ навѣрное не пожелаетъ, чтобы священникъ былъ совсѣмъ отстраненъ отъ приходской школы; народъ нашъ доселѣ считаетъ образованіе дѣломъ священнымъ, и нѣтъ никакого основанія разрушать въ немъ этотъ высокій взглядъ, къ сожалѣнію утраченный нашимъ такъ-называемымъ цивилизованнымъ обществомъ; нравственная связь священника съ школой освящаетъ для народа дѣло образованія. А преподаваніе закона Божія и въ настоящее время во всѣхъ свѣтскихъ заведеніяхъ предоставляется священнику какъ специалисту по этому предмету.

Наконецъ главное—не нужно забывать, что всѣ высшія—чьи бы то ни было соблаженія и внѣшнія мѣры относительно такого или другаго устройства и порядка народныхъ школъ, такого или другаго способа избранія для нихъ наставниковъ, могутъ имѣть отношеніе только къ *казеннымъ*, учрежденнымъ правительствомъ, сельскимъ школамъ. Школы, заведенныя и содержимыя частными людьми, или самими сельскими общи-

нани, конечно должны оставаться учреждениями свободными от вышней опеки, зависящими только от своих учреждений и содержателей. Теперь нужно припомнить, что и въ настоящее время у насъ число частныхъ школъ уже равняется числу школъ казенныхъ, а по времени частныхъ школъ будетъ открываться, безъ сомнѣнiя, все болѣе и болѣе; да и самыя казенныя школы должны будутъ перейти въ приходскiя-общинныя. Правительство только на время благо-родно приняло на себя опеку въ дѣлѣ народнаго образова-нiя, пока не придетъ въ совершеннѣе самъ народъ. Какъ скоро школа сдѣлается для народа необходимою по-требностию, и народъ, при содѣйствii образованныхъ людей, самъ сознаетъ, какiя ему нужны школы и наставники, дѣло правительства будетъ кончено. Народу останется благода-рить правительство за прежнiя заботы, и самому ближе вникнуть въ свое дѣло. Тогда избранiе учителя для сель-ской школы будетъ зависть отъ самой народной общины; и навѣрное народъ въ этомъ дѣлѣ будетъ обращать внима-нiе не на сословіе, а на способность и усердiе избираемаго, будетъ искать въ немъ именно того, чего ему самому ну-жно. Къ чему же въ настоящее время, когда дѣло уже идетъ къ тому, намъ, людямъ образованнаго общества, под-нимать вопросъ о томъ, изъ какого званiя нужно избирать наставниковъ въ сельскiя школы?

Люди, серьезно и искренно заботящіеся о народномъ образованiи, могли бы въ настоящее время обратить вни-манiе на другiя, болѣе важныя стороны этого дѣла. И прежде всего, людямъ образованнымъ нужно позаботиться о томъ, какъ бы поддержать, возбудить сильнѣе и шире распростра-нить въ народѣ пробуждающуюся потребность образованiя; эта обязанность лежитъ прежде всего на сельскихъ священ-никахъ, которые и болѣе средствъ къ тому имѣютъ. А выш-

стѣ съ тѣмъ намъ людямъ образованнымъ нужно подумать и о томъ, чѣмъ мы съ своей стороны можемъ удовлетворить потребность народа, много ли мы заботимся о приготовленіи (не въ одномъ какомъ-либо, а и во всѣхъ сословіяхъ) годныхъ для народа наставниковъ, есть ли у насъ хорошіе способы передать народу, что мы сами знаемъ, и наконецъ много ли добраго и полезнаго сами-то мы знаемъ, и нѣтъ ли чего фальшиваго и гнилаго въ томъ образованіи, какое мы хотимъ передать народу....

Вотъ что мы считаемъ возможнымъ и нужнымъ въ настоящее время сказать по поводу толковъ объ устраненіи духовенства отъ участія въ народномъ образованіи. Мы не входимъ во всѣ подробности этого вопроса потому, что о немъ не мало было говорено и прежде. И у насъ еще, при началѣ изданія нашего журнала, два года назадъ была помѣщена статья объ этомъ предметѣ одного изъ нашихъ сотрудниковъ, нынѣшняго штутгартскаго о. діакона Репловскаго. Въ этой статьѣ вопросъ о сельскихъ школахъ разсмотрѣнъ довольно многосторонне,—и безъ всякихъ сословныхъ пристрастій. Сказанное тогда можетъ быть приложимо и къ настоящимъ толкамъ о сельскихъ школахъ. Поэтому мы считаемъ не излишнимъ привести нѣкоторыя выдержки изъ статьи о. Репловскаго—для тѣхъ, которые, принимаясь разсуждать о вопросѣ, уже не новымъ въ литературѣ, не считаютъ за нужное справляться, не было ли кѣмъ чего сказано по этому вопросу прежде (*).

«Мы думаемъ, что священникъ во всякомъ случаѣ долженъ быть при школѣ, какой бы видъ она ни получила; до

(*) Эта статья напечатана въ феврал. книжкѣ „Прав. Обзор.“ 1860 г.

тѣхъ поръ, пока воспитаніе будетъ христіанское, преподаваніе Закона Божія будетъ лежать на священникѣ и по его праву и по обязанности... Дѣло идетъ о томъ: долженъ ли священникъ имѣть при сельской школѣ главное значеніе или второстепенное?»

«Это зависитъ отъ рѣшенія вопроса, съ котораго прежде всего и слѣдовало бы начинать обсужденіе. Что такое наши сельскіе школы? Должны ли онѣ имѣть характеръ утилитарный, или въ нихъ долженъ преобладать элементъ религіозный и нравственный. Должны ли отсюда выходить конторщики, механики, и пр., или вообще люди съ запасомъ честныхъ правилъ и общихъ основныхъ свѣдѣній, пригодные, въ послѣдствіи, на всякое хорошее дѣло?»

«Если школы будутъ имѣть характеръ утилитарный, то, конечно, въ школахъ главное вліяніе не можетъ принадлежать священнику; но у насъ народъ, по своимъ преданіямъ и по характеру, жаждетъ воспитанія религіознаго и нравственнаго; а школы, въ настоящемъ видѣ, имѣютъ задачей соединить то и другое, и религіозное воспитаніе и утилитарное. Въ этомъ случаѣ, сельскія школы могутъ ли остаться за священниками?»

«Высказываемо было мнѣніе, что подъ руководствомъ священниковъ не можетъ идти успѣшно преподаваніе предметовъ, не относящихся къ религіи, что они мало знакомы даже съ начальными правилами педагогики. Намъ кажется, что того и другаго для сельскихъ школъ нужно такъ не много, что если теперь священники и учатъ не съ большимъ успѣхомъ, то въ будущемъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія ожидать того же. Стоитъ только обратить вниманіе на школы, выставить яснѣе задачу ихъ и обязанности священника, тогда его не трудно будетъ подготовить къ занятіямъ по школѣ, но только тогда, когда это будетъ прямая

и общая обязанность всѣхъ сельскихъ священниковъ. Поэтому, если идетъ дѣло о способности или неспособности къ занятіямъ по сельской школѣ, то вѣроятности можемъ считать одинаковыми: предоставитъ ли воспитаніе народа духовенству, или учителямъ свѣтскимъ. Но обращаясь къ дѣлу съ другихъ сторонъ, мы находимъ много раціональных побужденій отдать сельскія школы священникамъ.

1) «Достоинство духовнаго отца, сопряженное съ званіемъ учителя, возвышаетъ значеніе школы и образуетъ между школою и народомъ самую благородную и священную связь. Отчего въ Англіи, несмотря на многія антипатіи къ господствующей церкви, на многія попытки устранить религію отъ школъ и придать имъ характеръ единственно утилитарный, отчего тамъ школы крѣпко держатся духовенства? Докторъ Визе приводитъ письмо одного директора школы, въ объясненіе этого явленія (Нѣмецкія письма объ англійскомъ воспитаніи, *Визе*. Пис. 14). Этотъ директоръ между прочимъ пишетъ: «Я не смѣю обещать, что въ моемъ заведеніи будутъ обращаться съ родительскою нѣжностію: никто не можетъ имѣть къ чужимъ дѣтямъ чувствъ отца и матери; но, какъ лицо духовное, я всегда питалъ къ моимъ воспитанникамъ по крайней мѣрѣ чувство ихъ крестнаго отца (as churchman I have always felt myself in loco sponsoris) и считаю своею обязанностию заботиться о нихъ такъ, какъ бы я дѣйствительно былъ въ числѣ свидѣтелей при ихъ крещеніи и какъ бы далъ за нихъ обѣтъ.» Для англичанъ давно уже исторически оправдался этотъ взглядъ на учителя, соединяющаго вмѣстѣ и духовное званіе, какъ на лице необходимое въ солидномъ образованіи народа. И въ настоящее время манчестерскія и ливерпульскія школы, гдѣ религіозное воспитаніе, а слѣд. и духовенство, устранены отъ школы, возбуждаютъ серьезныя опасенія даже въ людяхъ,

которымъ болѣе всего правится утилитарность и которые готовы забыть, что у мальчика есть душа, только бы онъ съ десяти лѣтъ могъ зарабатывать деньги. Одинъ изъ либераловъ сознавался, по этому случаю, доктору Визе, что «если будетъ допущено одно мѣрское воспитаніе, то народная школа утратить нѣчто существенное, невознаградиное, а именно—то достоинство и ту святость характера, которыя составляютъ принадлежность учителя народной школы, какъ служителя Слова Божія» (Нѣмецк. писм. объ англ. воспит. 13).

«У насъ преимущественно нужно имѣть въ виду, что школа не есть только мѣсто, въ которомъ сообщаются разныя полезныя свѣдѣнія, пригодныя въ жизни, а есть нѣчто высшее. Народъ охотнѣе идетъ учиться къ священнику, чѣмъ вообще къ человѣку въ свѣтскомъ платьѣ; больше любитъ книгу церковную, чѣмъ гражданскую. Это держится вовсе не на предрасудкѣ; народъ имѣетъ чутьё и дѣйствуетъ осторожно: воспитаніе отъ духовнаго лица и по церковной книгѣ ручается для него, по крайней мѣрѣ за то, что это ни въ какомъ случаѣ не поведетъ ко вреду, а воспитанію другаго рода онъ имѣетъ причины не довѣрять. Отъ книги онъ доселѣ искалъ назиданія въ обширнѣйшемъ смыслѣ, будетъ ли то возбужденіе религіознаго чувства, или вообще развитіе душевное; вѣрилъ во все печатное, какъ въ дѣло и правду; что же теперь дать ему свѣтскій человѣкъ, оторвавшійся отъ общихъ съ нимъ преданій, что даетъ ему свѣтская книга? На перваго въ его глазахъ бросаетъ тѣнь тотъ задній дворъ цивилизація, который мы успѣли перенести къ себѣ такъ скоро; а книга, назначаемая для него, уронила себя пустотою, непривычною для него легкостію взглядовъ на Божій міръ, а не рѣдко и на нравственность. Конечно, предубѣжденія слѣдуетъ разрушать, но только тогда, когда

они дѣйствительно предубѣжденія. Въ противномъ случаѣ, всякое насилуваніе, не перевоспитывая, будетъ производить только новыя раздѣленія.

2) « Не надобно забывать, что школа есть самое лучшее средство для священника въ религіозномъ и нравственномъ воспитаніи прихожанъ. Если это дѣло воспитанія *признается* его прямою обязанностію, и исполненіе этой обязанности дѣломъ важнымъ для блага общественнаго, то совершенно было бы несправедливо отнимать у священниковъ нужное къ тому средство. Притомъ, когда отъ священниковъ будетъ зависѣть воспитаніе народа, то имъ будетъ предстоить самый удобный случай *служить* обществу, наряду съ другими условіями,—быть полезными на глазахъ всѣхъ, чего такъ желалось бы для сближенія духовенства съ народомъ.

3) « Когда дѣятельность по сельскимъ школамъ не будетъ парализирована *различными вліяніями*; когда все будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ одного лица, на сторонѣ котораго духовное, и слѣд. самое сильное вліяніе,—на сторонѣ котораго сочувствіе прихожанъ и возможность устранить всѣ вредныя столкновенія, замедляющія дѣло; то въ этомъ случаѣ гораздо успѣшнѣе можетъ идти образованіе во всѣхъ отношеніяхъ,—не только образованіе религіозное, но и научное въ той мѣрѣ, какъ возможно оно въ первоначальной школѣ.

« Есть ли у священника время заниматься школою? Мы ниѣмъ удовольствіе привести два мнѣнія совершенно согласныя, хотя они и идутъ съ разныхъ сторонъ. « Хотя и говорятъ, что у сельскаго священника очень не много, или вовсе нѣтъ лишняго времени, но пишущій эти строки, самъ хорошо зная бытъ сельскаго духовенства, считаетъ себя въ правѣ увѣрить, что у сельскаго священника очень много

празднаго времени.» (Русск. Газ. № 43.) Тоже подтверждается и духовнымъ журналомъ: «священники всегда найдутъ время для занятій въ школѣ; ихъ прямая пастырскія обязанности не связываютъ ихъ опредѣленною формою, принуждающею ихъ въ извѣстные часы заниматься именно такимъ, а не другимъ дѣломъ, при нихъ всегда можно улучшить свободную минуту для преподаванія въ школѣ. Мѣшали бы этому преподаванію хозяйственныя матеріальныя занятія; но къ этимъ занятіямъ священникъ обращается отъ нужды, и онъ, конечно, будетъ радъ промѣнять черную работу на трудъ болѣе благородный, если только чрезъ это облегчится удовлетвореніе его нужды.» (*) (Воскр. Чт. № 13.)

«Конечно у священника, какъ учителя, долженъ быть помощникъ, что и теперь бываетъ большею частію. Въ настоящее время этимъ дѣломъ занимаются окончившіе курсъ семинаристы и занимаются, говорятъ, безъ успѣха. Причиною этого выставляютъ неудовлетворительное ихъ образованіе, особенно въ тѣхъ предметахъ, которые не касаются ихъ специальности и знаніе которыхъ ближайшимъ образомъ требуется въ сельскихъ школахъ. (Русск. Газ. № 13.) Но, кажется, что причина не въ этомъ; скорѣе виною тому переходное ихъ состояніе, желаніе уйти съ учительскаго мѣста тотчасъ, какъ представится возможность; а уходятъ потому, что положеніе ихъ вовсе не завидное. (Русск. Газ. № 14.)

«Дѣло можно устроить такъ, чтобы готовящіеся въ духовное званіе поступали на эти мѣста. Когда сельскія школы вездѣ будутъ лежать на духовенствѣ, то, конечно, и въ его образованіи будетъ стоять на виду эта цѣль; занятіе учи-

(*) Прибавимъ отъ себя, что объ этомъ *облегченіи удовлетворенія нужды священника, какъ учителя, дѣйствительно нужно позаботиться, не успокоиваясь на томъ, что священникъ получаетъ доходъ отъ прихода...*

тельской должности будетъ полезною практикою, такъ что человѣкъ, послѣ сдѣлавшись священникомъ, будетъ уже опытнымъ надзирателемъ за школою своєю прихода. Въ то же время будетъ достигаться и другая цѣль: подъ надзоромъ и въ сотрудничествѣ съ опытнымъ священникомъ молодой человѣкъ узнаетъ многое, что ему будетъ полезно въ его пастырской дѣятельности, и что онъ теперь долженъ изучать на мѣстѣ, дѣлая постоянныя ошибки. Есть, конечно, опасность, что эта мѣра обратится въ пустую формальность, какъ и многія изъ хорошихъ мѣръ; но мы все относимъ къ *будущему* положенію священниковъ. Главная причина, почему семинаристы не остаются долго въ должности сельскаго учителя—это бездомовность и обстановка, иногда худшая семинарской. При другихъ условіяхъ можно разчитывать и на то, что иной учитель пожелаетъ навсегда остаться при школѣ, и такимъ образомъ можно будетъ имѣть опытныхъ наставниковъ, съ любовію занимающихся своимъ дѣломъ.

«Настоящее состояніе сельскихъ школъ неудовлетворительно,—вину въ этомъ раздѣляютъ и священники и многія, кромѣ ихъ, лица и обстоятельства.

1) «Важнымъ препятствіемъ для успѣшнаго хода сельскихъ школъ служитъ взглядъ русскаго человѣка на школу въ настоящее время, какъ на учрежденіе казенное, офиціальное. Обойти этого вопроса нельзя: часто бываетъ, что мимо школы отдають учиться мальчиковъ и дѣвочекъ къ дячку, или грамотному выслужившему срокъ солдату и прикащику. На чемъ держится эта антипатія?—Чтобы школа не оставалась пустою, съ множествомъ учениковъ на бумагѣ; это, кажется, возможно будетъ тогда только, когда школа въ подномъ смыслѣ будетъ *приходскою*.

2) «Люди, высшіе сельскихъ учителей, общественные дѣя-

тели, которымъ вѣрено заботиться о нуждахъ народа, не достаточно обращаютъ вниманія на это важное дѣло. «Недовольно было только приказать, чтобы были сельскія школы, надобно было подумать-и-подумать о томъ, какъ лучше вести въ нихъ обученіе, указать средства къ успѣшнѣйшему достиженію предполагаемой цѣли;—это оставлено въ сторону.» (Воскр. Чт. № 13). Касательно помѣщичьихъ имѣній, въ Духовной Бесѣдѣ выраженъ такой упрекъ: «чѣмъ трактовать, будутъ ли полезны школы въ имѣніяхъ помѣщиковъ, чѣмъ переливать изъ пустаго въ порожнее—годятся ли священники для этой цѣли, лучше бы сдѣлали, если бы, не теряя драгоценнаго времени, на первый разъ открыли бы хоть какія-нибудь школы подъ надзоромъ приходскихъ священниковъ» (№ 17, стр. 124).

3) «Невниманіе къ трудамъ учителей, со стороны какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго начальства. Виною тому посредники, которымъ предоставлено право надзора за сельскими школами: здѣсь, по старой нашей привычкѣ, преобладаетъ личное впечатлѣніе, зависящее отъ случайнаго состоянія головы, а иногда и взятка. Начальство истины не видитъ. (Воскр. Чт. № 13).

«Со стороны священниковъ неуспѣшный ходъ образованія въ сельскихъ училищахъ зависть прежде всего отъ неудовлетворительной методы преподаванія, отъ незнакомства съ современными успѣхомъ педагогика.

«Впрочемъ, неудовлетворительный методъ обученія не есть принадлежность только сельскихъ школъ, руководимыхъ священниками; и гимназій, и училища уѣздныя имѣютъ тѣ же самые недостатки, но здѣсь они заслуживаютъ бѣльшаго осужденія, потому что ихъ и задача выше и средствъ дано этимъ заведеніямъ больше. Мы говоримъ это къ тому, что,

вмѣсто безусловныхъ упрековъ и сомнѣнія въ будущихъ успѣхахъ священниковъ въ дѣлѣ народнаго воспитанія, не полезно и будетъ узнать повѣрнѣе, что именно сдѣлано священниками доселѣ? Можетъ-быть, статистическія свѣдѣнія покажутъ, что священники на свою долю сдѣлали довольно, и при недостаточномъ вообще развитіи у насъ педагогическихъ понятій и при маломъ вниманіи, какое доселѣ обращено было на сельскія школы. При общей оцѣнкѣ не слѣдуетъ также опускать изъ вида и дѣятельности духовенства въ образованіи народа независимо отъ школъ, устроенныхъ правительствомъ: здѣсь, можетъ-быть, открылась бы и необыкновенная энергія, и врожденный тактъ въ дѣлѣ воспитанія и иногда такое знаніе характера русскаго человѣка и такое умѣніе сблизиться съ нимъ, что женское поколѣніе одного священника въ продолженіи десятковъ лѣтъ въ состояніи было образовать и поддерживать свою собственную школу въ 40—50 мальчиковъ, и что отцы отказывались отъ готовыхъ услугъ уѣзднаго училища и передавали дѣтей своихъ священнику.

Кромѣ неудовлетворительнаго метода преподаванія, въ сельскихъ школахъ указаны и другіе недостатки, какъ напр. небрежность священниковъ учителей, которые за себя посылаютъ въ классъ или дьячка или отставнаго писаря (Воскр. Чт. № 13); но всѣ подобныя недостатки имѣютъ уже значеніе второстепенное и зависятъ и отъ неопредѣленнаго положенія учителей, на которыхъ не возложено полной ответственности за успѣхи школы, и отъ недостатка строгаго и безпристрастнаго контроля. Нужно поставить, какъ можно разумнѣе и крѣпче, общую систему воспитанія въ сельскихъ школахъ, чтобы послѣ рѣже встрѣчались мелкія и случайныя злоупотребленія. Нѣтъ сомнѣнія, что на подготовку са-

михъ священниковъ къ болѣе успѣшному занятію должностей учительскихъ въ сельскихъ школахъ должно обратить особенное вниманіе, и, конечно, будетъ обращено должное вниманіе.»

Тол.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ЦЕРКОВНАГО ПѢНІЯ ВЪ ДУХОВНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

Пѣніе составляетъ одну изъ существенныхъ частей нашего богослуженія, какъ общественнаго, такъ и домашняго.

Православная церковь всегда создавала высокое значеніе пѣнія въ молитвенныхъ собраніяхъ, — а потому постоянно заботилась о его стройности, правильности и одушевленности. Кому неизвѣстны труды по этой части св. Іоанна Златоустаго, Ефрема Сирина, Іоанна Дамаскина, Козмы Маюмскаго, Іосифа Пѣснописца — въ церкви греческой, — и въ нашей русской — св. Владиміра Равноапостольнаго, патріарха Никона и др.

И нынѣ св. синодъ и епархіальное начальство обращаютъ вниманіе на наше богослужебное пѣніе. Въ видахъ улучшенія его по городамъ и сельскихъ церквахъ духовное правительство въ 1859 г. поручило семинарскимъ правленіямъ наблюдать, чтобы воспитанники духовно-учебныхъ заведеній во время богослуженія читали и пѣли на клиросахъ.

Тѣмъ не менѣе наше церковное пѣніе находится въ весьма незавидномъ положеніи, не только въ сельскихъ, но и въ городскихъ, даже столичныхъ церквахъ. Автору пришлось быть по крайней мѣрѣ въ 12-ти русскихъ губерніяхъ, и вездѣ — по городамъ и по селамъ — онъ встрѣчалъ далеко не изящное церковное пѣніе. Исключеніе составляютъ лишь архіерейскіе, семинарскіе и, отчасти, монастырскіе хоры; смотришь, иная церковь понаружности весьма красивая; входяшь внутрь ея, — стѣны отдѣланы подъ мраморъ, иконостасъ облитъ золотомъ, облаченія роскошныя; начинается литургія, — настоятель храма произноситъ славословіе неяскуснымъ голосомъ, — діаконъ необыкновенно кричитъ, пѣвцы нестройно тянутъ священную пѣснь, — словомъ пѣніе стоитъ въ совершенномъ разладѣ со всей обстановкой храма. Иной причетникъ лѣтъ двадцать отправляетъ свою должность, — и, несмотря на это, ни голоса не выработалъ, ни напѣва хорошенько не узналъ, — ни вкуса въ пѣніи не приобрѣлъ никакого. Неудивительно, что вѣрующіе нерѣдко стоятъ въ церкви Божіей съ довольно холодными религіозными чувствами. Всѣ наши литургійныя пѣснопѣнія исполнены чрезвычайной силы и жизни, самаго глубокаго молитвеннаго чувства, самаго высокаго священнаго хваленія, — но и они слабо дѣйствуютъ на душу отъ нескладнаго причетническаго напѣва.

Мы думаемъ, что улучшить наше церковное пѣніе повсюду не такъ трудно, какъ это представляется при первомъ взглядѣ на дѣло. Само собою разумѣется, что дѣло улучшенія церковнаго пѣнія нужно начать не съ теперешнихъ церковныхъ пѣвцовъ и причетниковъ, а съ воспитанниковъ духовныхъ училищъ и семинарій.

Пѣніе въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ новейшее время значительно упало. Старые священники гово-

рять, что въ ихъ время больше обращалось вниманія на обученіе духовныхъ мальчиковъ пѣнію, нежели нынѣ, и что нотное школьное образованіе прежде производилось лучше, нежели теперь. И это совершенно справедливо. Вспомнишь какъ смотрѣлъ на эту часть духовной школы Духовный Регламентъ: «Добрѣ, читаемъ въ 20 пунктѣ его отдѣла о семинаріи, — въ великіе праздники быть при столѣ семинаристовъ гласомъ мусикійскихъ инструментовъ, — и сіе нетрудно: ибо перваго токмо нанять маистра, а отъ него наученные охотные семинаристы, должны будутъ и другихъ научить на свое мѣсто туне.» Взглядъ совершенно прямой и свободный. Не только пѣніе, даже музыка считается здѣсь существенно полезною для учениковъ семинаріи. Дѣйствительно, въ старинныхъ семинаріяхъ музыкѣ давалось большое значеніе: музыкальные органы были во всѣхъ нихъ, — чему доказательствомъ служить между прочимъ доселѣ сохранившійся при виванской семинаріи органъ. Въ рязанской семинаріи при преосвященномъ Симонѣ былъ даже цѣлый оркестръ, который вмѣстѣ съ архіерейскимъ хоромъ пѣвчихъ иногда употреблялся для публичныхъ духовныхъ концертовъ, — дававшихся въ загородной архіерейской Павловской рошѣ. Рассказываютъ, что владыка Симонъ очень любилъ какъ музыкальное, такъ и вокальное пѣніе, и приходилъ въ восторгъ, когда въ послѣднемъ принимали участіе всѣ семинарскіе воспитанники. Къ искуснымъ въ пѣніи онъ былъ особенно внимателенъ.

Съ преобразованіемъ духовно-учебныхъ заведеній во второмъ десятилѣтіи нынѣшняго столѣтія, музыкальное и нотное образованіе духовныхъ воспитанниковъ ослабло сравнительно съ предшествующимъ временемъ. 67-й параграфъ нынѣшняго семинарскаго устава гласитъ: «Хотя между упражненіями

учениковъ музыка, кто оной учится, или обучался, и *можетъ быть терпима*, а искусство пѣнія, пріобрѣтенное въ уѣздномъ училищѣ, должно быть сохраняемо и поддерживаемо; но пѣніе свѣтское и простонародное строго воспрещается.» Здѣсь музыкальному образованію предоставлено слишкомъ мало простора,—оно только терпится, допускается по снисхожденію, но не узаконяется, не одобряется и не поощряется. Этими уже высказанъ совершенно другой взглядъ на дѣло, нежели какой видѣнъ въ Духовномъ Регламентѣ. Если прежде законъ обязывалъ семинарское начальство благовоительно смотрѣть на музыку, то теперь оно становилось болѣе въ антипатическое, нежели въ симпатическое положеніе къ ней. И въ самомъ дѣлѣ, по опыту мы знаемъ, что болѣею частію начальники семинаріи доселѣ неблаговоительно глядѣли на тѣхъ своихъ воспитанниковъ, которые занимались музыкой, — это неблаговоленіе въ нѣкоторыхъ простиралась и на самое домашнее пѣніе и на пѣвцовъ. Конечно, и уставъ и начальство имѣли свои основанія сдерживать въ семинаристахъ музыкальное развитіе,—опасались, какъ бы это развитіе не послужило больше во вредъ питомцамъ, нежели въ пользу. Кажется, эти опасенія были совершенно напрасны: духовный воспитанникъ отъ пеленокъ привыкъ къ духовнымъ пѣснопѣніямъ, — онъ любитъ ихъ всею душою, эта любовь у него какъ бы наследственная, онъ всосалъ ее съ молокомъ матери; поэтому поетъ ли онъ,—поетъ *Херувимскую*, *Тебе поемъ* ипр; играетъ ли на скрипкѣ, гитарѣ, или фортепьяно, — онъ играетъ—*Примдите поклонимся*, *Волною морскою*, — и рѣдко, рѣдко обращается къ свѣтскому пѣнію... Мы очень хорошо знаемъ домашнюю, неофициальную жизнь нашихъ духовныхъ воспитанниковъ, какъ казеннокоштныхъ, такъ и квартирныхъ, — и говоримъ это единъ-

ственно на основаніи ежедневныхъ опытовъ и наблюденій, а не по какимъ-либо отвлеченнымъ соображеніямъ, или заднимъ мыслямъ.

Чѣмъ болѣе настоящій семинарскій уставъ проникалъ въ жизнь заведенія, тѣмъ болѣе онъ ограничивалъ музыкальное, а вмѣстѣ съ симъ и нотное образованіе нашихъ духовныхъ воспитанниковъ. По свидѣтельству очевидцевъ, назадъ тому дѣтъ тридцать между воспитанниками рязанской семинаріи на каждой квартирѣ можно было встрѣтить гуслиста, или гитариста, или скрипача, — и знаніе обиходной ноты было едва не всеобщее; нынѣ же у насъ съ толкомъ знающихъ церковное пѣніе учениковъ очень немного, — а скрипачей одинъ процентъ на сто. Явленіе горькое, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное. Когда здѣсь ректоромъ семинаріи былъ теперешній херсонскій викарій преосвященный Антоній, то общее церковное пѣніе еще цвѣло, — изобрѣтательный и искусный въ педагогіи начальникъ, для поддержанія его, завелъ обычай пѣть въ церкви всѣмъ семинаристамъ, во время литургіи, всѣ болѣе торжественныя пѣснопѣнія, какъ-то: *Во царствіи Твоёмъ, Прійдите поклонимся, Херувимскую, Вѣрую, Милость мира, Святъ Святъ, Достойно и праведно, Тебѣ поемъ, Достойно есть, Отче нашъ*. Чтобы литургійное пѣніе было стройно, всѣ воспитанники за часъ до обѣдни каждый праздникъ собирались въ залъ, и здѣсь спѣвались, подъ управленіемъ двухъ хоровъ семинарскихъ — праваго и лѣваго. Это было сдѣлано въ 1845 г. Мѣра ректора удалась какъ нельзя болѣе; семинаристы, послѣ подготовки, пѣли во время богослуженія очень стройно — такъ, какъ нельзя было и ожидать, вліяніе ихъ на предстоящихъ во храмъ было поразительно сильное; семинарская церковь постоянно буквально была набита народомъ. Въ нашей памяти и теперъ

очень живо рисуется благодатная картина этого всеобщенароднаго церковнаго пѣнія. Стоить, бывало, пять-сотъ чело-вѣкъ воспитанниковъ отъ 13 до 22 лѣтъ; священно-служащій не рѣзкимъ, но задушевно-молебнымъ голосомъ скажетъ возгласъ: «*Твоемъ отъ Твоихъ*»,—звучный и выработанный первый басъ праваго хора начинается — «*Тебѣ поемъ*»,—и за нимъ подымаются цѣлыя сотни разнообразныхъ голосовъ, семинаристамъ вторять другіе вѣрные, не только мужчины, но и женщины; по храму Божью волнуется цѣлый океанъ святыхъ звуковъ, души предстоящихъ восторгаются, — тысячи сердець въ одинъ тактъ бьются подъ напѣвомъ глубокихъ религіозныхъ ощущеній, тысячи рукъ складываются невольно въ крестное знаменіе, тысячи горящихъ глазъ устремляются горѣ; у священнодѣйствующаго крупныя слезы текутъ по лицу... Какое чудное зрѣлище! Духъ захватывается при одномъ воспоминаніи о немъ, — и мысль невольно обращается къ первенствующимъ вѣкамъ, — когда въ церквахъ христіанскихъ всѣ пѣли — и дѣти, и старцы, и юноши, и дѣвы, и у всѣхъ было одно сердце и одна душа! — Скоро замѣченъ былъ большой избытокъ голосовъ твердыхъ противъ нѣжныхъ, — ректоръ отобралъ 60 мальчиковъ изъ рязанскихъ духовныхъ училищъ съ лучшими голосами для обще-семинарскаго пѣнія. Двѣнадцать лѣтъ существовалъ у насъ такой порядокъ. Начальникъ смѣнился, — все пошло другой чередой... Нынѣ въ здѣшней семинаріи воспитанники собираются за часъ въ одну сборную классическую комнату и предъ всенощной, и предъ обѣдней; тутъ всѣ поютъ церковныя пѣсни, но храмъ Божій уже не оглашается попрежнему сотнями голосовъ. Правда, наши семинарскіе пѣвчіе поютъ хорошо, — однако 16 стройныхъ голосовъ никогда не могутъ такъ сильно дѣйствовать на возбужденіе молитвеннаго духа, какъ пять-сотъ,

хотя бы и менѣе искусныхъ въ пѣніи, но въ общеніи молитвы болѣе крѣпкихъ свитымъ чувствомъ.

Въ нашей семинаріи еще, слава Богу, есть нѣкоторое классное время для занятія церковнымъ пѣніемъ, а въ другихъ и того нѣтъ. Вообще, съ переходомъ въ семинарію, духовный воспитанникъ какъ бы оканчиваетъ курсъ по нотному пѣнію, онъ къ нему уже рѣдко возвращается въ теченіи семинарскаго курса. Не правда ли, что если бы онъ и зналъ ноту, въ теченіи шести лѣтъ отъ одного неупражненія долженъ забыть ее? Коль же скоро ему и въ училищѣ не пришлось съ ней познакомиться хорошо, то онъ вовсе остается незнайкой пѣнія на всю жизнь. По окончаніи семинарскаго курса, поступая во священники, онъ не сумѣетъ, какъ говорится, и голоса протянуть: нотная азбука ему темный лѣсъ. При опредѣленіи на мѣсто, студенту обыкновенно дѣлается только замѣчаніе за незнаніе ноты, а отъ мѣста не отказываютъ. Да и странно было бы не допустить его до священническаго сана изъ-за пѣнія, видя его не рѣдко весьма хорошее знаніе богословскихъ наукъ. Притомъ въ такомъ случаѣ пришлось бы отказывать отъ мѣстъ большинству лучшихъ окончившихъ курсъ семинарскихъ наукъ.

Жаловаться на учениковъ, что они въ духовныхъ училищахъ слишкомъ слабо успѣваютъ въ нотномъ пѣніи было бы не совсѣмъ справедливо. Ихъ успѣхи плохи оттого, что многіе училищные руководители по этому дѣлу очень малоискусны. Весьма часто преподаваніе нотнаго пѣнія возлагается у насъ на такихъ лицъ, которые не сумѣютъ вытянуть одной ноты,—а иногда даже и на такихъ, у которыхъ самый голосъ неспособенъ къ пѣнію. *Qualis rex, talis grex*, говорить латинская пословица. Очевидно, и ученики не могутъ быть сильными въ дѣлѣ, когда самъ учитель въ немъ слабъ.

Самое занятіе вотой, какъ третъестепеннымъ предметомъ, по обычаю въ училищахъ бываетъ самое легкое. На него не обращаютъ большаго вниманія даже въ самыхъ причетническихкихъ классахъ, гдѣ, повидимому, пѣніе должно быть на первомъ планѣ. Отсюда и выходятъ такія явленія, что прочувшійся въ причетническомъ классѣ два-три года, сверхъ обычнаго училищнаго ученія, при подачѣ прошенія на дьячковское мѣсто, не можемъ экзаменатору порядочно пропѣть самыхъ простыхъ священныхъ пѣсней. Дастъ ему епархіальное начальство полгода сроку на подготовку съ указомъ на мѣстѣ,—и послѣ того онъ оказывается на испытаніи неудовлетворительнымъ,—долженъ бываетъ еще на полгода остаться для обученія при архіерейскомъ домѣ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что обиходное пѣніе дается трудно учащемуся и потому, что оно почти не имѣетъ приложенія на дѣлѣ. Въ немъ нужда бываетъ только для экзамена,—а послѣ во всю жизнь на него запроса можетъ не быть. Какъ очень протяжное, оно почти не употребляется при богослуженіи; причетники наши держатся напѣва, принятаго съ живаго голоса,—по преданію,—поютъ почти всегда понаслышкѣ.

Такъ церковное пѣніе наше не цѣтеть и въ духовенствѣ, и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ,—а о православномъ народѣ нечего уже и говорить. Между тѣмъ благо церкви и cadaго вѣрующаго требуетъ, чтобы не только во всѣхъ храмахъ Божіихъ у насъ было хорошее священное пѣніе, не только духовенство въ немъ имѣло вкусъ, но и народъ; чтобы оно проникло въ самую семейную нашу жизнь, было его лучшимъ украшеніемъ и чистой отрадой. Чтò же нужно сдѣлать, чтобы оно цвѣло у насъ всюду,—и при общественномъ, и при домашнемъ богослуженіи?

Нынѣ въ семинаріяхъ вовсе нѣтъ классовъ, назначенныхъ

для нотнаго пѣнія, и учителя по этому предмету въ нихъ не полагается. Это большой пробѣлъ въ нашемъ уставѣ. Въ видахъ улучшенія повсемѣстнаго церковнаго пѣнія, желательно было бы имѣть особаго учителя по этой части при всѣхъ нашихъ семинаріяхъ, и во всѣхъ трехъ семинарскихъ отдѣленіяхъ опредѣлить не менѣе двухъ классовъ въ недѣлю на каждое,—полагая классъ въ часъ времени. Всего на каждое отдѣленіе въ годъ придется болѣе 80 нотныхъ классовъ, — а въ шесть курсовыхъ лѣтъ до 500; въ это время можно хорошо выучиться не только нотному голосовому церковному пѣнію, но и инструментальному. У нотнаго учителя сами собою по каждому отдѣленію найдутся помощники, которые будутъ учить своихъ товарищей и нотному пѣнью, и скрипичной игрѣ: такими помощниками на первый разъ могутъ быть налицо состоящіе, знающіе дѣло ученики, и особенно семинарскіе и архіерейскіе пѣвчіе. Покупать множества нотныхъ книгъ здѣсь нѣтъ никакой нужды; довольно пріобрѣсти экземпляровъ шесть извѣстной пѣвческой книги,—по два экземпляра на отдѣленіе; копии съ нихъ ученики снимутъ сами.

Дѣло семинарскаго нотнаго учителя должно состоять не въ томъ, чтобы вновь начинать учить пѣть семинаристовъ, а чтобы продолжать начатое и усовершенствовать ихъ еще болѣе въ томъ, съ чѣмъ они познакомились въ училищѣ. Основаніе нотному голосовому и музыкальному образованію воспитанниковъ должно быть положено въ досеминарскомъ курсѣ ихъ ученія. Съ этою цѣлію необходимо ввести особаго нотнаго учителя и въ духовномъ училищѣ. Здѣсь первые два года воспитанникъ долженъ знакомиться съ однимъ только вокальнымъ пѣніемъ, а потомъ въ остальные четыре—и съ инструментальнымъ. Нотныхъ классовъ въ каждомъ отдѣленіи

училища должно быть также, какъ и въ семинаріи, два въ недѣлю. Маленькіе пѣвчіе архіерейскаго и семинарскаго хоровъ, обыкновенно, избираемые изъ учениковъ училища, на первый разъ окажутъ учителю пѣнія большое пособіе. Современемъ система взаимнообученій, по которой старшій ученикъ учитъ дома младшаго, войдетъ въ силу: труды учителя значительно облегчатся, и нотное обученіе пойдетъ усвѣтлѣй. Въ учебное пособіе по этой части полезно завести въ каждомъ училищѣ и въ каждой семинаріи хотя по одному органу—съ общественными церковными пѣснопѣніями. Воспитанники, собираясь въ одну залу, должны будутъ подпѣвать подъ органную игру и такимъ образомъ практиковаться въ пѣнія и изучать напѣвы. Въ семинаріи хорошо бы имѣть при органѣ фисъ-гармонику, —во первыхъ потому, что на органѣ всѣхъ церковныхъ пѣсней играть нѣтъ никакой возможности, а на фисъ-гармоникѣ это совершенно удобно: во вторыхъ звуки послѣдней несравненно чище и свѣтлѣй.

Мы настаиваемъ на неизбѣжную необходимость обученія духовныхъ воспитанниковъ не только вокальному, но и инструментальному пѣнію ради улучшенія нашего церковнаго пѣнія. Много причинъ есть на это. Одно голосовое пѣніе безъ инструментальнаго никогда не можетъ быть совершенно и вполнѣ удовлетворительно: опытъ говоритъ, что лучше владѣють голосомъ тѣ лица, которыя образованы по обоимъ родамъ пѣнія, чѣмъ тѣ, которые умѣютъ только пѣть, но не умѣютъ играть. Далѣе нотно-образованные священно-церковно-служители образуютъ хоры при церквяхъ, изъ прихожанъ. Но съ голоса нельзя научить такъ, какъ можно научить со скрипки; голосовое ученіе вообще не такъ понятно и выразительно, какъ скрипичное; оно никогда не передаетъ дру-

тому всѣхъ оттѣнковъ и переходовъ искуснаго напѣва,— да оно и тяжело для груди учащаго, который, регентуя, долженъ напрягать свой голосъ на особые лады и для баса и для дисканта,— словомъ, пѣть на всѣ голоса.

Музыкальное, религіозно-эстетическое образованіе возвыситъ нравственный духъ въ самихъ духовныхъ воспитанникахъ. Кому неизвѣстно, что нынѣ они часто и въ своихъ квартирахъ и въ самой церкви дико кричатъ во время пѣнія и даже чтенія, напр., паремій и апостола. При потномъ хорошемъ образованіи, при развитіи вкуса къ пѣнію,— такихъ кличей и воплей мы никогда не будемъ ниѣтъ несчастія слышать. По наблюденію, намъ лично извѣстно, что хорошіе пѣвчіе мальчики никогда не предаются безобразнымъ крикамъ. Самыхъ шалостей тогда между воспитанниками будетъ меньше. Въ Рязани есть одно свѣтское-женское учебное заведеніе, воспитанницы котораго всегда сами поютъ при богослуженіи; замѣчательно, что они никогда дома не поютъ свѣтскихъ пѣсень, а лишь одни духовныя пѣснопѣнія, къ которымъ привыкли ихъ голосъ и ихъ ухо. Несомнѣнно, то же будетъ и съ духовными питомцами при солидномъ потномъ голосовомъ и музыкальномъ образованіи.

Для публичнаго практическаго обученія пѣнію слѣдуетъ изъ воспитанниковъ образовать нѣсколько хоровъ, для пѣнія въ тѣхъ городскихъ церквахъ, близъ которыхъ находятся ихъ квартиры. Священно-церковно-служители и прихожане будутъ этому очень рады, — такъ какъ у нихъ пѣніе въ церкви будутъ болѣе стройное, нежели какое теперь; а пѣвчіе будутъ получать нѣкоторую плату отъ церковнаго старосты за свой трудъ. Знаемъ, что нынѣ семинаристы составляютъ изъ себя частныя хоры и поютъ въ церквахъ раннія объдны; но такихъ хоровъ очень немного,—

тогда бы ихъ было гораздо больше,— и ни одна бы городская церковь не лишалась приличнаго священнаго пѣнія.

Молодое духовное поколѣніе должно быть воспитываемо приравнительно къ нуждамъ и потребностямъ нашего церковнаго общества. Общество уже теперь требуетъ отъ священника полнаго знанія церковнаго пѣнія. Уставомъ нашихъ народныхъ школъ полагается обучать крестьянскихъ мальчиковъ церковному пѣнію, дабы дѣти могли пѣть въ праздничные дни на клиросѣ. Этому превосходному положенію въ большей части сельскихъ училищъ не удовлетворяютъ, потому что священники и учителя сами хорошо не знаютъ нотнаго пѣнія. Нельзя думать, что они не учатъ дѣтей пѣнію съ цѣлю освободить себя отъ излишняго труда: въ школахъ за потное обученіе назнается особая плата. Намъ пришлось слышать по этому случаю жалобу священниковъ на семинарію,— что она нотно не приготовила ихъ къ сельской педагогикѣ. Нѣкоторые сельскіе священники—учителя теперь чрезъ пять—семь лѣтъ, по окончаніи курса семинарскаго, покупаютъ себѣ скрипки и иногда одни, самоучкой, учатся музыкальному пѣнію, опытно убѣдившись, что нѣтъ возможности устроить добрый церковный хоръ изъ сельскихъ дѣтей безъ скрипичной игры: со скрипки скорѣе понимается нота и лучше, нежели съ голоса. Въ рязанскомъ Троицкомъ сиротскомъ училищѣ крестьянскихъ дѣтей состоитъ учителемъ отецъ Петръ Лосевъ; какъ знатокъ музыки и пѣнія, онъ обучаетъ всѣхъ своихъ учениковъ церковнымъ пѣснопѣніямъ, и дѣти занимаются по этой части съ бѣльшимъ рвеніемъ и успѣхомъ, нежели по всѣмъ другимъ учебнымъ предметамъ.

Недостатокъ хорошаго пѣнія по нашимъ церквамъ сознается нынѣ хорошо уже самими прихожанами,— и лучшіе изъ нихъ всячески стараются пособить дѣлу. Въ Касимов-

скомъ соборѣ, напр., въ прошломъ году составилъ хоръ самъ собою изъ купцовъ, дворянъ и чиновниковъ, — единственно въ видахъ улучшенія церковнаго пѣнія.

Дабы помочь устройству добраго церковнаго пѣнія, воспитанники духовно-учебныхъ заведеній должны быть пріучаемы не только къ простому-одноголосному пѣнію, но и къ партесному, хоровому. Въ теченіи двѣнадцати лѣтъ училищнаго и семинарскаго ученія, духовному воспитаннику очевь трудно будетъ изучить и то и другое.

Учители пѣнія какъ въ училищѣ, такъ и въ семинаріи должны быть въ правахъ и жалованьѣ уравнены со всѣми другими наставниками: тогда они не пожалѣютъ трудовъ для усиѣннаго обученія воспитанниковъ.

Н. Главновъ.

Рязань.

16 Янв. 1862 г.

ПРАВОСЛАВНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

1862.

М А Р Т Ъ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Каткова и К^о.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 24 дня 1862 г.

Ценсоръ Протопресвитеръ *Д. Новосіій.*

ВѢЧНАЯ ЖИЗНЬ

III.

МЫСЛИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Самый рѣшительный голосъ противъ матеріализма — это голосъ человѣчества. Находясь между колыбелію и гробомъ, человѣкъ всегда устремлялъ свой взоръ за предѣлы этого тѣснаго пространства; онъ всегда чувствовалъ, что тутъ какъ бы недостаетъ ему воздуха, что онъ задыхается въ этой темницѣ. Если же такъ, то не въ правѣ ли мы спросить у матеріалистовъ: «кто же вамъ сказалъ, будто *вся* судьба человѣка заключена между колыбелію и гробомъ? откуда вы узнали, будто рожденіе есть дѣйствительное начало, а смерть — дѣйствительный конецъ?.. Человѣчество всегда имѣло *мысли* вѣрованія, всегда задумывалось и надъ колыбелію дитяти и надъ гробомъ старца, и доселѣ настаиваетъ на своихъ вѣрованіяхъ; а наука не открыла ни одного факта, который бы серьезно колебалъ эти вѣрованія»...

Въ основѣ всѣхъ религій лежитъ попытка: опредѣлить порядокъ высшій настоящаго порядка вещей; а религіозныя вѣрованія встрѣчаются всюду, гдѣ есть люди, на какой бы сте-

пени развитія они ни находились. И вездѣ ставится вопросъ о будущемъ и вездѣ дается на него отвѣтъ,—только этотъ отвѣтъ разнообразится вмѣстѣ съ различными степенями развитія мысли, и носитъ на себѣ слѣдъ той цивилизаціи, среди которой онъ вырабатывается. Для древнихъ, напимѣръ, обитателей сѣверной Европы, воинственныхъ и жестокихъ, блаженство въ будущемъ представлялось подѣ варварскою формою: войны, умершіе въ сраженіяхъ, были вводимы во дворецъ Одина, гдѣ они могли пить изъ черепа своихъ враговъ.—Было бы весьма интересно прослѣдить исторію ученія о будущей жизни; предметъ обширный,—мы не намѣрены исчерпать его, сдѣлаемъ только легкой очеркъ, необходимый для нашей цѣли.

Прежде всего обратимъ вниманіе на первыя начала греческой цивилизаціи, которая имѣла значительное вліяніе на нашу собственную.

Развернемъ поэмы Гомера; посмотримъ, что въ нихъ говорится о жизни загробной. Герой Улиссъ желаетъ бесѣдовать съ умершими. Своимъ мечемъ онъ копаетъ ровъ и наполняетъ его жертвенною кровью. Повинуясь силѣ таинственнаго заклинанія, приходятъ, одинъ за другими—блѣдныя тѣни, и, отвѣдавши черной крови, начинаютъ говорить. Между ними герой узнаетъ свою мать, которую онъ оставилъ живою въ Итакѣ. Онъ спрашиваетъ у ней: какою изъ Паркъ непреклонныхъ въ руки надолго усыпляющей смерти она предана? Тѣнь отвѣчаетъ:

«...Тоска о тебѣ, Одиссей, о твоёмъ миролюбномъ
Нравѣ и разумѣ свѣтломъ до срока мою погубила
Сладостноимую жизнь».

— «И умолкла она (повѣствуетъ герой).—Увлеченный
Сердцемъ, обнять захотѣлъ я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои къ ней, любовью стремимый простеръ я,

Три раза между руками мѣни она проскользнула
 Тѣнью иль сонной мечтой, изъ меня вырывая стѣнание.
 Ей наконецъ, сокрушенный, я бросилъ крылатое слово:
 Милая мать, для чего, изъ объятій моихъ убѣгая,
 Мнѣ запрещаешь въ жилищѣ Аида прижаться къ родному
 Сердцу и скорбною сладостью плача съ тобой подѣлиться?
 Иль Персефона могучая вмѣсто тебя мнѣ прислала
 Призракъ пустой, чтобъ мое усугубить великое горе?
 Такъ говорилъ я; мнѣ мать благородная такъ отвѣчала:
 Милый мой сынъ, злополучнѣйшій между людьми...
 Такова ужъ судьбина всѣхъ мертвыхъ, разставшихся съ
 жизнью.

Крѣпкія жилы уже не связуютъ ни мышцъ, ни костей ихъ;
 Вдругъ истребляетъ пронзительной силой огонь погребальный

Все, лишь горячая жизнь охладѣлыя кости покинетъ:
 Вовсе тогда, улетѣвши какъ сонъ, ихъ душа исчезаетъ.

Ты же на радостный свѣтъ поспѣши возвратиться!...

— Послѣ своей матери, Улиссъ видитъ мужественнаго
 Ахиллеса и привѣтствуетъ его такими словами:

«О Ахиллесъ, смнѣ Пеллеевъ.....»

Ты между людьми и минувшихъ временъ и грядущихъ
 былъ счастьемъ

Первый; живаго тебя мы какъ бога безсмертнаго чтили;
 Здѣсь же, надъ мертвыми царствуя, столь же великъ ты
 какъ въ жизни

Нѣкогда былъ, не ропщи же на смерть, Ахиллесъ бого-
 равный.»

— Герой отвѣчалъ, тяжело вздыхая:

«О Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся;

Лучше бѣхъ отъѣлъ я живой, какъ подевшикъ, работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать,
мертвый.

Ты же о сынѣ извѣстіемъ душу теперь мнѣ порадуи.
Былъ ли въ сраженіи мой сынъ? Впереди ли у всѣхъ онъ
сражался?»

— Улиссъ разсказалъ о высокихъ подвигахъ Неоптолема.
Выслушавъ это,

...«Душа Ахиллесова съ гордой осанкой

Шагомъ широкимъ, по ровному Асфолидонскому лугу
Тихо пошла, веселяся великою славою сына» (*).

Легко привести много подобныхъ мѣстъ. Въ поэмахъ Гомера, въ мысли древнихъ грековъ есть будущее для души; только это будущее есть не болѣе, какъ печальное, грустное продолженіе настоящей жизни; умершіе интересуются тѣмъ, что происходитъ подъ солнцемъ. Земная жизнь прекрасна; блескъ свѣта радостенъ, а въ царствѣ усопшихъ—мракъ. Обитатели этого плачевнаго царства устремляются своими взорами къ странѣ живыхъ, какъ узникъ—къ окошку, черезъ которое проходитъ въ его темницу слабый лучъ свѣта.—Тѣ же самыя чувствованія позднѣе выражаетъ «Инигенія» Еврипида. Она умоляетъ отца не приносить ее въ жертву: «Не дай мнѣ умереть прежде времени, потому что сладко видѣть свѣтъ; не посылай меня насильно въ подземное царство мертвыхъ. Я первая назвала тебя моимъ отцемъ, и ты меня первую назвалъ своею дочерью; ты меня первую призналъ на свои колѣни, ты отъ меня, я отъ тебя—мы видѣли взаимныя ласки.... отецъ мой, взгляни на меня, поцѣлуй

(*) *Одиссея*, пѣснь XI, переводъ Жуковскаго.

меня,—пусть я, умирая, унесу хоть этот залогъ отъ тебя, если ты остаешься безчувственнымъ къ моимъ мольбамъ... Одно, последнее, самое сильное слово: ничего нѣтъ сладости для смертныхъ, какъ видѣть свѣтъ!.. Жить хотя несчастно, лучше, чѣмъ умереть хотя и со славою.»

Впрочемъ такой смутный и грустный взглядъ на будущее, какой мы находимъ въ поэмахъ Гомера, мало-по-малу окрашивается, проходя сквозь призму греческаго воображенія. Будущій міръ одушевляется,—населяется героями, сдѣлавшимися богами. Философскія мысли, отвлеченныя идеи, тѣ или другія представленія аллегорически олицетворяются въ личностяхъ, полныхъ жизни и движенія. Безъ сомнѣнія, такой шагъ въ нѣкоторомъ отношеніи есть неоспоримый шагъ впередъ въ пониманіи будущей жизни; но онъ имѣлъ и плачевныя слѣдствія. По мѣрѣ того, какъ будущій міръ одушевлялся, въ него переводили цѣликомъ всю настоящую жизнь со всѣми ея страстями, удовольствіями и пороками.

Вліяніе подобной религіи, безъ сомнѣнія, было вредно. Положимъ, чувство богопоклоненія, по самой природѣ своей, таково, что въ извѣстной степени оно обезпечиваетъ права нравственнаго порядка, даже тогда, когда предметы поклоненія сами въ себѣ недостойны его. И потому безнравственныя божества Олимпа не производили на своихъ обожателей всего того вреднаго вліянія, какое можно представить себѣ. Нельзя не допустить, что не всѣ же женщины, обожавшія безстыдную Венеру, слѣдовали примѣру этой богини и т. п. Однако поощреніе безнравственности со стороны идолопоклонства—неоспоримый фактъ. На это жаловались самые мудрецы языческіе. Исторія показываетъ намъ, что греческая религія, — вслѣдствіе ли собственнаго ея развитія,

или—восточнаго на нее вліянія, наложила самыя темныя, неизгладимыя пятна на конецъ древней цивилизаціи.

Мифологія была религією массы. Какъ относились къ ней мудрецы языческаго міра? Они не раздѣляютъ грубыхъ заблужденій; рядомъ съ религіозными ученіями, они кладутъ начало свободнымъ философскимъ изысканіямъ. Разумъ отвергаетъ боговъ, имѣющихъ человѣческія страсти. «Ахъ, говоритъ одинъ философъ, если бы львы и быки умѣли рисовать, они изображали бы боговъ съ львиными и бычачьими головами» (*Ксенофанъ Колофонскій*). Въ одномъ изъ разговоровъ Платона сохранился примѣръ благороднаго протеста совѣсти противъ пороковъ Олимпа (*Евтифронъ*). Такимъ образомъ духъ человѣческой, просвѣтленный пониманіемъ, свидѣтельствовалъ, что грубое идолопоклонство не могло удовлетворить его законныхъ потребностей. Какъ же философы разсуждали о будущемъ? — Возьмемъ древнюю мысль въ высшемъ ея развитіи. Въ разговорѣ *Федонъ*, Сократъ излагаетъ и защищаетъ положеніе, что человѣкъ въ преходящей оболочкѣ тѣла носить начало божественное. Сначала Сократъ опредѣляетъ, что такое смерть, и, согласно съ общимъ убѣжденіемъ, почитаетъ ее отрѣшеніемъ души отъ тѣла. Потомъ, изслѣдываетъ отличительныя черты истиннаго философа и находитъ, что достойный своего имени мудрецъ, стараясь уразумѣть истину, во всю свою жизнь болѣе и болѣе отрѣшается отъ тѣла, ибо тѣло своими чувствами закрываетъ отъ него истину, и, требуя заботливости о себѣ, отвлекаетъ его отъ разумѣнія; безъ истины же и разумѣнія не возможна никакая добродѣтель. Далѣе, Сократъ умозаключаетъ слѣд. образомъ: «Не это ли, не отрѣшеніе ли души отъ тѣла называется смертію?... Занятіе философа въ томъ и состоитъ, чтобъ отрѣшиться души отъ тѣла; поэтому ему понятно, что такое смерть.

Поэтому я, готовясь умереть, оставляя друзей, не жалуясь и не скорблю; я надеюсь, что и тамъ не менѣе, чѣмъ здѣсь, встрѣчусь съ добрыми друзьями.» Подробно объяснивши своимъ ученикамъ надежды безсмертія, онъ прибавляетъ: «Такъ вотъ по этимъ-то, сейчасъ раскрытымъ нами, причинамъ надобно употребить все способы, чтобъ быть въ жизни добродѣтельнымъ и разумнымъ: хороша вѣдь награда и велика надежда... Вѣрить въ то, при явномъ безсмертіи души, и можно и должно рѣшиться: ибо эта рѣшимость прекрасна, и ею надобно какъ бы обаять себя». Надобно читать *Федона* вполнѣ, чтобъ видѣть, съ какою надеждою на безсмертіе и съ какимъ спокойнымъ ожиданіемъ лучшаго будущаго говоритъ Сократъ, стараясь перелить свое убѣжденіе въ скорбныя души друзей, собравшихся вокругъ него на послѣднюю бесѣду (*).

Слѣды тѣхъ же самыхъ воззрѣній можно видѣть у писателей, позднѣйшихъ Платона, великаго ученика Сократа. Вотъ страница изъ Цицерона, часто приводимая, и извѣстная подъ именемъ *Сна Сципіона*. Сципіонъ является своему меньшому сыну, и перенеся его въ звѣздныя страны, говорить ему: «Для возбужденія себя къ добродѣтели, помни, что на небѣ есть мѣсто, назначенное праведному человѣку. То, что называютъ жизнію на землѣ, это—смерть. Собственно жизнь—въ вѣчной обители душъ, и этой обители достигаютъ только святостію, религіею, правдою, почтеніемъ къ своимъ родителямъ и преданностію къ отечеству. Не давай цѣны наградамъ земнымъ. Посмотри отсюда, какъ мала земля, какъ самыя обширныя царства занимаютъ мало мѣста на этомъ шарѣ. Сколько пустынь и морей раздѣляютъ народы одни

(*) *Федона* въ прекрасномъ русскомъ переводѣ можно читать въ *Пропималль*, кн. V.

отъ другихъ. Какой же тутъ предметъ для нашихъ исканій? Римляне переступали ли когда горы Кавказа, или потоки Ганга? Сколько народовъ на востокъ, на западъ, на югъ, на сѣверъ, которые никогда не услышатъ рѣчи африканца? И тѣ, которые теперь въ сношеніяхъ съ нимъ, надолго ли останутся въ этихъ сношеніяхъ? Они умрутъ... Въ паденіи царствъ, въ этихъ великихъ переворотахъ, къ которымъ приводитъ время, память обо мнѣ погибнетъ безъ возврата... О, сынъ мой! Старайся помышлять только о божественныхъ святилищахъ, гдѣ ты теперь слышишь чудную гармонію міровъ; стремись только къ этимъ вѣчнымъ храмамъ, приготовленнымъ для великихъ душъ и для тѣхъ высокихъ умовъ, которые въ продолженіе своей жизни пріучаются къ созерцанію вещей небесныхъ». (De republica, книга VI.)

Вотъ подлинно высокія мысли и ясныя выраженія надеждъ на будущее, свойственныя душѣ человѣческой. Впрочемъ мы уже спѣшимъ заключеніемъ. Нельзя судить о древней философіи по отрывкамъ, нарочно выбраннымъ, которыхъ значеніе легко преувеличить подъ вліяніемъ собственныхъ мыслей. Постараемся опредѣлить основную мысль греко-римской философіи по вопросу о будущей жизни.

Возвратимся къ Федону. По общему признанію, это — самый полный и самый лучшій изъ памятниковъ, содержащихъ собственно философское ученіе о безсмертіи. За объясненіемъ смысла и значенія этого памятника, мы обратимся не къ апологету религіи, но къ представителю философіи. Кузень раздѣляетъ Федона на двѣ части. Въ первой, говоритъ онъ, проводится мысль о неразрушимости умственного начала: душа не одной и тойже природы съ тѣломъ; въ ней нѣтъ ничего на долю смерти. Но ученіе о нематеріальности души не есть еще ученіе о личномъ безсмертіи и о будущемъ

воздаяніи: не рѣдко и пантеизмъ тоже признаетъ различіе тѣла и духа, однако онъ отрицаетъ будущую жизнь, въ нравственномъ и религіозномъ смыслѣ этого слова. Вопросъ о безсмертіи и о будущемъ воздаяніи ставится во второй части Федона. Здѣсь Сократъ обращается къ религіознымъ преданіямъ; онъ допускаетъ ихъ въ ихъ основѣ. «Слишкомъ просвѣщенный,—говоритъ Кузенъ о Сократѣ,—чтобъ безусловно принимать всѣ народныя аллегоріи, онъ однакоже и не отвергаетъ ихъ всецѣло; на лицѣ добраго и умнаго старца какъ бы видится выраженіе и сомнѣнія и вмѣстѣ надежды». Надобно замѣтить, что Кузенъ допускаетъ такое состояніе мысли, какъ законный результатъ вообще философіи. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Философія показываетъ, что въ человѣкѣ есть негибнущее начало; но что это начало является и въ другомъ мірѣ съ тѣми же силами и законами какъ и въ здѣшнемъ мірѣ,—что оно *несетъ съ собою послѣдствія добрыхъ и худыхъ дѣлъ, совершенныхъ здѣсь...* это—высшая вѣроятность, которая можетъ-быть ускользаетъ отъ строгаго доказыванія, но утверждается и освящается тайнымъ голосомъ сердца каждаго человѣка, и всеобщимъ согласіемъ народовъ.» (Сочиненія Платона, перевод. Кузеномъ, стран. 178, 179.)

Вопросъ о личномъ безсмертіи, въ общемъ вопросъ о будущей жизни, есть единственный вопросъ, имѣющій нравственное и религіозное значеніе. Собственно логическое доказываніе не можетъ рѣшить этого вопроса *абсолютнымъ* образомъ: таково признаніе Кузена. Исторія показываетъ, что греческая философія въ этомъ отношеніи останавливается въ положеніи сомнѣнія, смѣшаннаго съ надеждой. Вотъ что говоритъ Сократъ своимъ судьямъ: «Знайте, что смерть собственно не есть зло, ибо одно изъ двухъ: или добро состоитъ въ полномъ уничтоженіи, безпробудномъ снѣ, и

тогда смерть есть добро; или добро состоитъ въ лучшемъ состояніи, чѣмъ каково настоящее наше состояніе, и тогда выходъ изъ этой жизни есть добро по преимуществу. (*Апология Сократа.*)

Элементъ сомнѣнія, лежащій во основѣ древней мысли, не позволялъ и религіи стать основою нравственного порядка. Сомнительной надежды мало для того, чтобы вправлять настоящую жизнь въ цѣляхъ будущей, чтобы жертвовать временными удовольствіями вѣчнымъ радостямъ, чтобы противиться влеченію похотей и страстей. Нравственность мудрецовъ язычества не лишена чистыхъ сторонъ потому, что совѣсть есть несокрушимая дѣйствительность; ихъ нравственность иногда окрашивается отблескомъ религіозной мысли; но эта нравственность все-таки рассчитана въ цѣляхъ земныхъ. Религія украшаетъ ее, но не проникаетъ. Это—мудрость, которая смотритъ только на настоящее, а на отдаленное будущее едва бросаетъ бѣглый взглядъ.

Мы разсматривали древнюю философію въ самый цвѣтушій ея періодъ. Съ дальнѣйшимъ ходомъ греческой цивилизаціи, философія все болѣе и болѣе только колебала миеологическія вѣрованія, не полагая основанія инымъ вѣрованіямъ, инымъ чаяніямъ. Философы не заботились проводить свои воззрѣнія въ массу; и не думали объ этомъ. Такимъ образомъ, послѣ эпохи Сократа и Платона, духовныя истины—не то чтобы не развивались, онѣ—просто изглаждались. Въ религіи какъ и въ философіи, въ храмахъ какъ и въ школахъ, мы видимъ не укрѣпленіе вѣрованія, но распространеніе духа сомнѣнія и невѣрія, чѣмъ и отличается послѣдній періодъ древности. Общее расположеніе умовъ стало вообще противъ всякаго положительнаго убѣжденія. Объ этомъ можно читать у Плинія старшаго. Въ потребности жизни нескончаемой, въ по-

требности глубоко сердечной онъ видитъ пустую претензію и высказываетъ это въ слѣдующихъ словахъ, полныхъ грустнаго краснорѣчія: «Человѣческая природа фальшива, въ ней соединяется крайняя нищета съ безмѣрною гордостію.»

Оставимъ теперь греко-римскій міръ, и обратимся къ отдаленному Востоку.

Отдаленный Востокъ развивался самобытно и донынѣ остаѣтся какъ бы продолженіемъ древности среди новыхъ временъ. Въ обширныхъ пространствахъ Индіи, Тибета и Китая, религіозный элементъ рѣзко выдается. Взорамъ путешественника повсюду представляются храмы и толпы путешествующихъ монаховъ.

Самый древній изъ культовъ Азіи—это культъ браманскій, въ Индіи. Эта религія, доселѣ считающая около 60 милліоновъ своихъ послѣдователей, отвѣчаетъ на вопросъ о будущемъ такъ: «добрые, тотчасъ по совлеченіи смертнаго тѣла, бываютъ ведомы прекрасными путями, подъ тѣнію благовонныхъ деревьевъ, по берегамъ источниковъ, покрытыхъ Лотосомъ; на всемъ этомъ пріятномъ пути, на нихъ падаютъ дожди изъ цвѣтовъ, въ воздухѣ раздаются веселые гимны. Напротивъ, злые бываютъ ведомы тѣсными и мрачными стезями по жгучимъ пескамъ, каменистымъ утесамъ, нагіе, тошнвые жаждою, покрытые кровію и ранами, подъ дождемъ горячаго пепла и угольевъ; имъ встрѣчаются страшныя привидѣнія, которыя наполняютъ воздухъ раздирающими кликами и воплями.» (*Законы ману*, XII, 58.) Изъ этихъ двухъ путей одинъ ведетъ къ блаженству, а другой къ будущимъ мученіямъ.

Вотъ адъ и рай, будущій міръ и будущее воздаяніе. Здѣсь впрочемъ только одна сторова индійской мысли, не самая

главная. Последнее слово браманизма состоитъ въ слѣдующемъ: цѣлая вселенная есть зрѣлище постояннаго движенія, въ силу котораго души находятся въ состояніяхъ самыхъ различныхъ. Однѣ и тѣ же души преимущественно обитаютъ въ тѣлахъ людей, животныхъ, растений, или достигаютъ степени высшихъ духовъ,—степени существованія болѣе высокаго, чѣмъ земное. Онѣ восходятъ или нисходятъ по этой лѣстницѣ, смотря по тому, что заслужили своимъ поведеніемъ. Но въ концѣ этого развитія, по времени, которое надобно считать тысячами лѣтъ, всѣ души погружаются въ начало міра, которое одно пребываетъ въ безпредѣльности своего одинокаго величія. Потомъ начинается новое развитіе; отдѣльныя существа являются на время, и снова погружаются въ великое цѣлое.

Это ученіе было весьма распространено въ древности. Оно встрѣчается въ Египтѣ; его слѣды видны и въ Греціи, гдѣ оно получило названіе *Метемпсихоза* (переселенія душъ). Попытаемся опредѣлить смыслъ этого ученія, какъ оно является въ Индіи. Вотъ что лежитъ въ основѣ браманской мудрости: «Движеніе, составляющее жизнь,—переходъ душъ изъ одной формы въ другую есть зло. Будущія мученія конечно зло, но и будущее блаженство есть зло хотя меньшее, потому что жизнь сама въ себѣ, отдѣльная жизнь не есть благо. Цѣль стремленія разумаго творенія состоитъ въ томъ, чтобъ выдти изъ круга превращеній, и придти къ совершенному поглощенію въ Богъ, войти въ великое цѣлое, потерять чувство, личность, сознаніе, жизнь, чтобъ сдѣлаться сразу свободнымъ отъ всѣхъ превратностей существованія.» Съ этой точки зрѣнія міръ есть безпредѣльное чистилище; рай есть прекращеніе движенія, сознанія, разрушеніе личной жизни: такова основная мысль браманской религіи.

Въ этой религіи почти за 700 лѣтъ до нашей эры образовалась отдѣльная секта, извѣстная подъ именемъ буддизма. Ея основатель былъ Сакіямунни, прозванный Буддою, т. е. мудрымъ. Мы остановимся на нѣкоторыхъ біографическихъ подробностяхъ, потому что ученіе Будды тѣсно связано съ его жизнію.

Сакіямунни былъ царскій сынъ. Однажды онъ съ большою свитою отправился восточными воротами города къ саду Лумбини,—съ этимъ мѣстомъ связывались всѣ воспоминанія его дѣтства; и на дорогѣ встрѣтилъ дряхлаго старика, — всѣ члены его дрожали, онъ весь склонился на свой посохъ, и издавалъ хриплые, непріятные звуки. «Что это за человѣкъ, спросилъ принцъ у своего возницы,—обезсиленный, съ побѣлѣвшею головою, съ дрожащими зубами, изсохшимъ тѣломъ,—опираясь на посохъ онъ едва идетъ, спотыкается на каждомъ шагѣ: особенное ли это состояніе его рода, или это законъ всѣхъ тварей міра?»—Государь, отвѣчалъ возница, этотъ человѣкъ удрученъ старостію; всѣ чувства его ослабѣли; страданіе разрушило его силы; онъ презираемъ своими ближними; его оставили, какъ засохшее дерево въ лѣсу. Это не какое-либо особенное состояніе его рода. Во всякомъ твореніи молодость побѣждается старостію; нѣтъ другаго выхода для тварей. «Итакъ, сказалъ принцъ, неразумное и слабое твореніе напрасно гордится молодостію, не видя старости, ожидающей его. Верни назадъ колесницу. Я, котораго также ожидаетъ старость, не хочу больше удовольствій и радостей.» И молодой принцъ вернулся въ городъ, не посѣтивъ Лумбини.

Подобныя сцены повторяются. Сакіямунни встрѣчаетъ то больнаго, то мертвеца, и полный скорби возвращается въ городъ, откуда выходилъ было искать развлеченія и удо-

вольствій. Последняя встрѣча рѣшаетъ его участь. Однажды онъ встрѣчаетъ человѣка, посвятившаго себя всѣмъ строгостямъ религіозной жизни, и рѣшается подражать ему. Царь противится, но напрасно. «Государь, говорить ему сынъ, не препятствуй мнѣ, и не скорби.» Отецъ съ полными слезъ глазами говоритъ ему:—Что мнѣ сдѣлать, чтобы ты перемѣнилъ свое намѣреніе? я готовъ исполнить всякое твое желаніе: меня самого, дворецъ, рабовъ, царство, бери все.»—«Государь, отвѣчаетъ принцъ, я желаю четырехъ вещей; дай мнѣ ихъ. Если ты можешь мнѣ ихъ дать, я останусь съ тобою: Пусть никогда не придетъ ко мнѣ старость; Пусть навсегда останусь я юнымъ; Пусть никакая болѣзнь никогда не касается моего тѣла; Пусть моя жизнь будетъ безъ границъ и безъ упадка силъ.»—Выслушавши это, царь былъ пораженъ скорбію. «О, сынъ мой, воскликнулъ онъ, ты просишь невозможнаго, я не въ силахъ тебѣ дать этого.»—«Государь, отвѣчалъ юноша, если ты не можешь мнѣ дать этихъ главныхъ четырехъ вещей, дай мнѣ по крайней мѣрѣ вотъ что: пусть, разставшись съ здѣшней жизнію, я буду избавленъ отъ превратностей *переселенія*.»

Царь хотѣлъ воспрепятствовать своему сыну силою. Сакіямуні, объятый мыслию: освободить человѣчество отъ его золь,—внезапно оставляетъ дворецъ и городъ, одѣвается въ одежду нищаго, ходитъ по міру и живетъ въ самомъ строгомъ лишеніи всякихъ удовольствій, въ самомъ строгомъ воздержаніи. Послѣ многихъ лѣтъ поста и подвиговъ, его осіяваетъ свѣтъ, и онъ чувствуетъ себя *освободителемъ* міра. Онъ проповѣдуетъ свое ученіе нѣсколькимъ ученикамъ; ученики передаютъ его другимъ, и проповѣдь распространяется (*).

(*) *Le Boudda*, par M. Barthelemy Saint-Hilaire, стр. 12 и слѣд.

Ученіе Будды было поводомъ къ жестокиѣ войнамъ. Рѣ-
 ками крови оно распространилось и за Индію. Въ настоящее
 время въ Монголіи, Тибетѣ и Китаѣ буддизмъ считаетъ по
 крайней мѣрѣ 300 милліоновъ своихъ послѣдователей. По-
 смотримъ въ чемъ состоитъ это ученіе.

Будда всецѣло отдался своему призванію освободителя. Въ
 странѣ касть онъ провозглашаетъ слово «благоволенія ко
 всѣмъ», какъ онъ высказался однажды въ своихъ рѣчахъ къ
 гордымъ браминамъ, которые смѣялись надъ нимъ потому, что
 онъ заботился обратить одного нищаго. Безъ сомнѣнія, мысль
 о религіозномъ равенствѣ была одною изъ тайнъ его могу-
 щества. Но что это за благоволеніе, которое онъ проповѣ-
 дывалъ? Что за освобожденіе, которое онъ обѣщалъ? Зрѣ-
 лище болѣзни, старости и смерти было началомъ его при-
 званія. Жизнь печальна, жизнь есть зло,—разсуждалъ онъ.
 Корень всѣхъ золъ есть желаніе, потому что желаніе счастья
 обманчиво. Итакъ, освобожденіе состоитъ въ отрицаніи вся-
 каго желанія; высшая цѣль мудраго—прийти въ такое со-
 стояніе, которое на священномъ языкѣ буддистовъ назы-
 вается *Нирвана*. Это слово, заботливо изучаемое европей-
 скими учеными, по однимъ означаетъ полнѣйшее ничтоже-
 ство, по другимъ—уничтоженіе личности.—Желаніе есть основ-
 ное обнаруженіе жизни. Пока мы будемъ жить, мы будемъ
 желать блаженства, исканіе котораго есть обольщеніе. Въ
 другихъ формахъ существованія насъ ожидаютъ другія оболь-
 щенія. Только въ уничтоженіи—миръ; чтобъ избавиться отъ
 несчастія, надобно перестать существовать, надобно войти
 въ *Нирвана*. Вотъ собственныя слова знаменитаго ученаго,
 который спеціально изучилъ буддизмъ: «чаяніе, которое Са-
 кіямуни принесъ людямъ, говорить Бюрнуфъ,—это возможность
 избѣжать закона *переселенія* чрезъ достиженіе того, что на-

зывается Нирвана, т. е. уничтоженія.» (*Введеніе въ истор. буддизма*, стр. 153.)

Нельзя сказать, чтобъ эти грустные мысли буддизма были сознательнымъ достояніемъ всѣхъ 300 милліоновъ буддистовъ. Мысль о будущемъ воздаяніи, безъ сомнѣнія, составляетъ народную сторону ученія: буддизмъ сохраняетъ браманскую идею о переселеніи душъ, награждаемыхъ, или наказываемыхъ въ различныхъ мѣстахъ, какія имъ назначаются сообразно съ ихъ заслугами, въ чиновначаліи вселенной. Но желаніе мудреца, образованнаго въ школъ Сакіамуни, есть именно то, какое самъ Сакіамуни выразилъ своему отцу, и которое составляетъ точку отправленія и ключъ его теоріи,—это желаніе избѣгнуть переселенія, т. е. избѣгнуть движенія жизни. За тѣсными предѣлами настоящаго существованія есть будущее; на этомъ можетъ остановиться обыкновенная мысль; но существованіе отдѣльное, относительно хотя и блаженное, все еще есть страданіе; освобожденіе отъ всякаго зла достигается только прекращеніемъ жизни: вотъ основаніе ученія.

Религія Будды проникла въ Китай, и сдѣлалась достояніемъ народа, тогда какъ ученые, образованные, *мандарины*—какъ ихъ называютъ, исповѣдуютъ религію, которой Конфуцій былъ не основателемъ, а реформаторомъ. Конфуцій былъ философъ, но ему воздаютъ почести богопоклоненія. Онъ думалъ преобразовать общество помимо мыслей о будущемъ, не отыскивая точки опоры въ земли. Утверждали, будто Конфуцій повредилъ ученіе, котораго онъ былъ продолжателемъ; его обвиняли, будто, дѣлая новое изданіе священныхъ книгъ, онъ исключилъ изъ нихъ древнія ученія, бывшія въ первоначальномъ текстѣ. Но едва ли можно предположить, чтобъ человекъ умный, каковъ бы ни былъ его

авторитетъ, рѣшился уничтожить въ народной религiи надежду на лучшую загробную жизнь. Безъ сомнѣнiя, это невозможно. Въ доказательство мы приведемъ тѣ слова изъ сочиненiя современника Конфуціева, которыя обыкновенно приводятъ, какъ остатокъ ученiя, будто поврежденнаго Конфуціемъ

«Когда Му-чо находился въ царствѣ Тзинь, ему на встрѣчу вышелъ Фанъ, и спросилъ: «У людей древности была пословица: *люди умираютъ, но не погибаютъ всецѣло*; какой смыслъ этой пословицы?» Такъ какъ Му-чо не въ состоянiи былъ отвѣтить, то Фанъ сказалъ: «Ну, такъ вотъ что,—предки Кшан предшествовали временамъ Шень, и были изъ фамиліи Яо... Не о продолжаемости ли фамилій говорить пословица?» Му-чо сказалъ: «Моя мысль объ этомъ совершенно различна отъ того, что ты называешь продолжаемостью фамилій. Въ царствѣ Лу въ древности былъ министръ, который говаривалъ: когда умеръ Тзянгъ, о немъ говорили, что онъ всегда существовалъ, т. е., что его добрыя наставленiя перешли и въ будущіе вѣка.—Не такъ ли надобно объяснять пословицу? Я такъ ее понимаю. Добродѣтели святыхъ преbываютъ бесконечно. Заслуги мудрыхъ тоже преbываютъ бесконечно. Ихъ потомки передаютъ ихъ слова будущимъ поколѣнiямъ. Хотя тѣ и другіе и третьи живутъ только известное время, однако объ нихъ говорятъ, что они не погибаютъ совсѣмъ. Вотъ что значитъ выраженіе: *не погибать совсѣмъ*.»

Итакъ безсмертіе мудраго, это—его полезныя мысли, или добрыя дѣла. Авторъ перевода, изъ котораго мы заимствовали приведенное мѣсто, утверждаетъ, что въ цѣлой книгѣ, откуда взято оно, нѣтъ намека на будущую жизнь; даже и предположительно не выражается мысли, что отдѣльное лицо можетъ имѣть въ самомъ себѣ начало безсмертнаго

существованія. Ничто не переживаетъ въ человѣкѣ, кромѣ его дѣлъ, которыя остаются человѣчеству.

Къ удивленію, тѣ же самыя мысли мы встрѣчаемъ у одного нашего современника, славящагося своею ученостію, извѣстнаго также своимъ антагонизмомъ христіанству: «Я утверждаю, говоритъ онъ, что тотъ, чей выборъ падаетъ на добро, тотъ истинно мудрый. Онъ будетъ безсмертенъ, потому что его дѣла будутъ жить въ полномъ торжествѣ правды..... А человѣкъ злой, глупый, легкомысленный весь умретъ, потому что у него не останется ничего въ общемъ итогѣ его трудовъ... Только дѣла человѣка гениальнаго и добраго ускользаютъ отъ всеобщаго ветшанія; они одни составляютъ негибнущее приобрѣтеніе, ихъ плоды постепенно растутъ, хотя бы неблагоприятное человѣчество и забыло ихъ. Ничто не теряется.» (*Введеніе въ книгу Іова*, стр. 90, 91.) Это слова Ренана. Такую-то теорію безсмертія этотъ прославленный ученый выдаетъ намъ будто за новое ученіе. Конечно, въ томъ еще нѣтъ бѣды, что теорія стара; но если мы находимъ ее въ твореніяхъ, извѣстныхъ болѣе 2000 лѣтъ назадъ, то справедливо настаивать именно на томъ, чтобъ никто не принималъ ее за произведеніе современнаго ума, за одну изъ послѣднихъ новостей человѣческаго духа.

Итакъ въ основѣ восточныхъ религій лежитъ мысль, что существованіе есть зло, и надобно скорѣе выходить изъ такого состоянія. Этотъ отчаянный взглядъ, это стремленіе къ ничтожеству, безъ сомнѣнія, не представляется раздѣльнымъ въ народномъ вѣрованіи: мы замѣтили это о буддизмѣ; повторяемъ это и вообще относительно восточныхъ религій. Если бы допустить будто болѣе 400,000,000 намъ подобныхъ исповѣдуютъ столь страшное ученіе, тогда нельзя бы и утверждать, что въ глубинѣ человѣческой души есть истиннѣе

безсмертія. Въ религіяхъ народовъ Азіи не мало и такихъ легендъ и аллегорій, въ которыхъ преобладаетъ идея жизни. Если въ нихъ и есть своего рода матеріализмъ, то болѣе обычныя стремленія ихъ духа—представляютъ матерію только видимостію, тѣло—призракомъ. Тѣсное пространство между колыбелію и гробомъ далеко не удовлетворяетъ ихъ; ихъ воображеніе вращается въ безконечныхъ областяхъ міра божественнаго; въ этомъ отношеніи они подходятъ подъ общій законъ. Но идея, которая естественно отдѣляется изъ ихъ вѣрованій, которая добывается мышленіемъ изъ глубины ихъ символовъ, во внутреннемъ смыслѣ ихъ священныхъ книгъ,— есть идея, что личная жизнь — преходящее и злое явленіе; такая идея есть отрицаніе блаженной вѣчности. Мы не смѣшиваемъ того, что само въ себѣ различно, мы не стираемъ пограничную линію, раздѣляющую пантеизмъ—ученіе о поглощеніи въ общемъ началѣ, отъ ученій, проповѣдующихъ собственно ничтожество. Но мы не занимаемся здѣсь метафизикой. Никто не споритъ противъ того, что преобладающій характеръ азіатскихъ религія есть пантеизмъ, и что, слѣдовательно эти религіи ведутъ къ отрицанію пребывающей жизни, вѣчной жизни тварей. Въ этомъ отношеніи для насъ важны заключенія одного современнаго ученаго: «Жизнь есть долгая ткань скорбей и бѣдствій; спасеніе состоитъ въ томъ, чтобъ не жить: таково во всемъ индійскомъ мірѣ во всѣхъ эпохи плачевное вѣрованіе, которое раздѣляется браминами и буддистами всѣхъ школъ, всѣхъ сектъ, всѣхъ отбѣнокъ, всѣхъ временъ» (*Le Buddha*, par M. Barthelemy Saint-Hilaire, page 120). Брамины, ученые буддисты и ученые китайцы не могли возвыситься до надежды безсмертія. Въ опытѣ бѣдствій, не просвѣтляемыхъ ни однимъ лучемъ вѣчной любви, они находятъ убѣжденіе, что глубокій сонъ лучше всякаго.

здѣшняго счастья, и потому сладко будетъ умирать. Самая высшая ихъ надежда—стусеяться, уничтожиться, заснуть, потерять чувство своихъ бѣдствій, лишившись самосознанія.

Кто не знаетъ тѣхъ тяжелыхъ дней, которые кажутся долгими не вслѣдствіе ожиданія слѣдующаго дня, но потому собственно, что хочется скорѣе видѣть конецъ настоящаго дня? Кто не знаетъ тѣхъ безсонныхъ и томительныхъ ночей, въ которыхъ чувство жизни становится бременемъ, и когда желаешь сна, какъ какого-то благодѣтельнаго божества? Кажется, что въ обширныхъ азіатскихъ населеніяхъ ученые постоянно чувствовали жизнь именно только такимъ образомъ, и если проникнуть въ ихъ мысли, то наши самыя скорбныя элегіи представляются въ розовомъ цвѣтѣ, а книга Іова почти вовсе не скорбною.

Въ прошедшій разъ я напомнилъ вамъ о Руссо; теперь я напомню о миссіонерѣ Востока Лакруа, тоже нашемъ соотечественникѣ. Когда я ближе ознакомился съ вѣрованіями тѣхъ народовъ, которымъ онъ проповѣдывалъ Евангеліе, тогда только я понялъ всю силу его проповѣди, и всю горячность его ревности, тогда только я понялъ его страстное краснорѣчіе, какимъ полна его проповѣдь о жизни, въ обширныхъ и мрачныхъ странахъ, которыхъ обитатели, погруженные въ безчисленныя суевѣрія, не могутъ слышать отъ своихъ жрецовъ и своихъ мудрецовъ другой вѣсти, кромѣ ужаса жизни и надежды уничтоженія (*).

Доселѣ мы прислушивались къ думамъ Индіи и Греціи Востока и Запада. Нѣкогда въ исторіи міра, вслѣдствіе великихъ политическихъ событій, измѣнившихъ древнія об-

(*). Миссіонеръ Лакруа умеръ въ Калькуттѣ въ 1859 году.

щества,—Востокъ и Западъ встрѣтились на берегахъ Средиземнаго моря. Тогда произошло великое соединеніе мыслей человѣчества, и не только Востокъ и Западъ встрѣтились, но въ то время религія и философія подали другъ другу руку. Время было знаменательное; что вышло изъ того?

Перенесемся въ Грецію въ V вѣкъ нашей эры. Славные Аѳены, городъ мысли и искусствъ, клонились къ упадку. Но предъ послѣднимъ концемъ они оживились какъ бы вспыхнутою прежняго свѣта. Юношество, сошедшее со всѣхъ концовъ обширной Римской имперіи, тѣснилось въ амфитеатрахъ этого города, все еще столицы умственнаго міра. Въ обширныхъ аудиторіяхъ раздавалось слово человѣка, котораго нѣкоторые почитали какъ Бога. Самъ онъ называлъ себя первосвященникомъ вселенной; казалось, онъ соединялъ въ своемъ лицѣ все развитіе вѣковъ прошедшихъ, всю философію и всю религію. Это былъ Проклъ,—послѣдній въ длинномъ ряду мудрецовъ, и его ученіе представляло результатъ четырехвѣковыхъ работъ. Это было ученіе школы александрійской, такъ названной отъ города, гдѣ оно явилось. Въ образованіи этой школы потрудились и Востокъ и Западъ соединенными силами. Здѣсь учили, что греческая миеологія была только оболочкою истины, а въ основѣ ея лежалъ пантеизмъ. Александрійцы Богу живому, Творцу вселенной подложили отвлеченное и сухое понятіе бога безъ разума, безъ свободы, безъ власти. Вовсе не заботясь о сохраненіи личнаго существованія человѣка по смерти, напротивъ—это ученіе старалось разрушить личное существованіе даже и въ настоящей жизни, на сколько это возможно. Таковъ былъ результатъ встрѣчи греческой мысли съ восточною.

Умственное движеніе было чрезвычайное; казалось, мудрость человѣческая собрала всѣ свои силы, чтобъ утвердиться са-

мобитно. Кипѣла страстная дѣятельность потому, что эта дѣятельность была борьба, борьба отчаянная и горячая. Но напрасно представители древняго міра старались совѣстить блестящіе вымыслы басни съ глубокими понятіями философіи; почва колебалась подъ ихъ ногами, и они чувствовали, что будущее имъ измѣняется. Почему это? Потому что въ отдаленной провинціи *Нѣкто*, не изучавшій ни мудрости Востока, ни философіи Запада, началъ проповѣдывать вѣчную жизнь нѣсколькимъ рыбакамъ Геннисаретскаго озера; потому что Его ученики несли эту проповѣдь на всѣ четыре страны свѣта; потому что эта проповѣдь была полна такою живою вѣрою въ будущее безсмертіе, что на мученіе бѣжали, какъ на праздникъ, не затѣвъ, чтобъ бѣжать отъ существованія, но чтобъ получить вѣнецъ безконечной жизни. Ничто не могло остановить распространенія новаго ученія. Зерно разрослось въ безмѣрное дерево. Распространяя свои вѣтви, покрывая все своею тѣнью, оно какъ бы лишило воздуха и свѣта боговъ Олимпа..... Представьте теперь себѣ борьбу, которая загорѣлась тогда въ мірѣ; поймите, что должны были чувствовать граждане Рима, когда этому гордому городу приходилось отказаться отъ своего капитолія, обремененнаго богатствами всей вселенной, отъ своихъ триумфовъ, гдѣ владыки земные преклонялись предъ царемъ—народомъ. Поймите чувства этихъ людей, которымъ приходилось разстаться съ воспоминаніями ихъ юности, со всѣмъ своимъ славнымъ прошедшимъ, и все это—ради простаго и неученаго слова, о которомъ не знали что сказать: есть ли оно больше безуміе для мудрыхъ, или соблазнъ для людей міра. И это—то слово побѣдило! Древнія религіи, ослабленныя протестами ума и совѣсти, были обречены на смерть въ тотъ самый день, когда на одной изъ горъ іудейскихъ,

Иисусъ изъ Назарета былъ вознесенъ на крестъ, окруженный плачущими женами и ситующимся народомъ. — Въ дѣлѣ религiи душа никогда не остается праздною; она оставляетъ одно вѣрованiе только подѣ условiемъ и вслѣдствiе принятiя другаго, новаго.

Такъ блѣднѣетъ мудрость древнихъ предѣ словомъ, которое поставило въ очевидность жизнь и безсмертiе, и этотъ фактъ громко говорить о важности Евангелiя въ вопросѣ, занимающемъ насъ. Но эта важность, это значенiе, есть ли только чисто историческое? Каково оно въ отношенiи къ намъ?

Когда новая философiя доказываетъ будущую жизнь, она пользуется доказательствами Платона, не прибавляя, можетъ быть, ничего особенно значительнаго въ дѣлѣ метафизики. Она лучше, чѣмъ древняя, признала смутность идей, на которыхъ опирается матерiализмъ, и твердою рукою провела пограничную линiю между физиологiею и психологiею. Она развила нравственные доказательства будущаго возмездiя и старалась основать такъ-называемую *естественную религию*. И вотъ нѣкоторые, не оспаривая историческаго значенiя Евангелiя, воображаютъ, будто оно уже потеряло свое значенiе въ ученiи о будущей жизни, потому что уже самъ разумъ утверждаетъ вѣчныя надежды человѣка на прочныхъ основанiяхъ.

Только узкая философiя приводитъ къ такому мнѣнiю. Положимъ, доказательства спиритуалистовъ полезны, хороши, ихъ слѣдуетъ защищать; но часто этихъ доказательствамъ придаютъ такое значенiе, какого они не имѣютъ. Кузенъ справедливо замѣтилъ, что одинъ разумокъ не можетъ поставить въ очевидность вѣчную жизнь и будущее воздаянiе. Думается (и едва ли не справедливо), что на краснорѣчивыхъ страницахъ Руссо, въ положенiяхъ знаменитаго Канта, и вообще въ сочиненiяхъ современныхъ спиритуалистовъ, можно

указать слѣды положительнаго вліянія христіанскаго преданія. Въ этой мысли можно опереться на то, что современные ученые, какъ скоро вполнѣ отказываются отъ Евангелія и отъ его непосредственнаго дѣйствія, и впадаютъ въ матеріализмъ; то они разомъ подаются назадъ, стараются воспроизвести древнее переселеніе душъ, и говорятъ лишь о безсмертіи *дѣлъ* въ этомъ мірѣ. Въ этомъ случаѣ для насъ важно свидѣтельство Сентъ-Илера: «Къ несчастію, среди насъ находятъ благопріятный приѣмъ такія ученія, которыя составляютъ основу буддизма. Съ нѣкотораго времени появляются системы, гдѣ превозносятся *метемпсихозы*, гдѣ думаютъ объяснить міръ и человѣка, безъ Бога и Провидѣнія, гдѣ отказываютъ надеждамъ человѣческаго рода на безсмертную жизнь за гробомъ, гдѣ безсмертію души подлагаютъ безсмертіе *дѣлъ*, гдѣ Богу подлагаютъ человѣка, какъ единственное существо, въ которомъ безконечное приходитъ къ самосознанію; и это — то во имя науки, во имя исторіи или философіи, даже метафизики, внушается въ теоріяхъ, которыя нисколько не новы, и нисколько не оригинальны; а между тѣмъ душами слабыми наносится страшный вредъ.» (Le Buddha, введ. стр. 6)

При такомъ положеніи дѣла, должно быть понятно, что Евангеліе, которое хранитъ твердое обѣтованіе, а не одну неопредѣленную надежду на будущую жизнь, достойно полнаго вниманія, при серьезномъ рѣшеніи вопроса, занимающаго насъ.

IV.

ЕВАНГЕЛІЕ.

Евангеліе,—это слово извѣстно всякому изъ насъ съ ранняго дѣтства; мы привыкли къ этому слову и отъ того, конечно, оно не на всякаго такъ дѣйствуетъ, какъ бы слѣдовало: обыкновенно трудно со всѣмъ вниманіемъ останавливаться на мысляхъ, которыя намъ извѣстны. То же самое и съ содержаніемъ Евангелія: дитя слышитъ евангельскія событія и истины изъ устъ своей матери, читаетъ ихъ въ урокахъ дѣтства, привыкаетъ къ нимъ, какъ къ воздуху, которымъ дышетъ, и онѣ нерѣдко въ послѣдствіи скользятъ только по поверхности его ума, не оставляя въ немъ глубокихъ слѣдовъ. Кто желаетъ понять смыслъ и силу Евангелія, тотъ долженъ отнестись къ нему иначе, нежели какъ относится къ предметамъ обыденнымъ, общепзвѣстнымъ.

Въ Римѣ уже царствовалъ императоръ Тиверій, чудовище жестокости и распутства. Но имперія, подъ гнетомъ его правленія, жила еще воспоминаніемъ о славномъ и относительно кроткомъ царствованіи Августа. При Августѣ въ Римѣ, какъ бы въ замѣну потерянной свободы, процвѣтали науки, искусства, извѣстной степени цивилизація, характеризующая одну изъ славныхъ эпохъ исторіи. Творенія того времени и мы изуча-

еиъ въ нашихъ школахъ, какъ достойныя изученія.—Въ эпоху этой—то блестящей цивилизаціи нѣсколько бѣдныхъ людей во всѣхъ концахъ имперіи проповѣдуютъ вѣчную жизнь во имя человека, названнаго Иисусомъ, который умеръ, но о которомъ эти люди говорили, что онъ воскресъ. Отъ ихъ слова всюду заражается живая и глубокая вѣра въ будущее безсмертіе. Это не то, что не полный и смутный взглядъ народовъ язычествующихъ. Это не то, что философскія мысли, остающіяся у дѣломъ нѣсколькихъ ученыхъ. Малыя дѣти узнаютъ то, что предвидѣлъ Сократъ; слабыя женщины исповѣдуютъ истины, которыя восхищали Платона. Это—не сомнительная надежда, но свѣтлая и твердая увѣренность. Эта вѣра была такъ глубока, что самое равновѣсіе нашей слабой природы на время какъ бы поколебалось. Христіане бѣгутъ на мученія, такъ что Церковь принуждена была умирять эти порывы, проповѣдая, что «никто не имѣетъ права желать смерти съ такою ненасытною горячію».

Мало-по-малу общество христіанское образуется, растетъ, устрояется. Оно собираетъ подлинныя свидѣтельства и лѣтописи своей Вѣры, и соединяетъ ихъ въ одну книгу. Эта книга, Новый Заветъ, теперь переведена почти на двѣсти языковъ, и извѣстна почти всѣмъ народамъ земли; въ одномъ прошломъ году ее напечатано почти 2,000,000 экземпляровъ. Христіанское общество, предлагающее міру эту книгу, гдѣ заключаются основы его вѣрованій, представляетъ столь неоспоримое свидѣтельство своего превосходства, что болѣе понимающіе изъ его противниковъ, сами говорятъ, что послѣ такой религіи нѣтъ мѣста другой, и что если она не есть истинная религія, по крайней мѣрѣ есть послѣдняя изъ религій.

То, что проповѣдуетъ христіанство, — что заключается

въ книгѣ христіанъ, означается однимъ словомъ—Евангеліе, или въ переводѣ на нашъ языкъ—*радостная вѣсть*. Прежде, чѣмъ говорить о сущности этой вѣсти благодати и мира, мы скажемъ нѣсколько словъ о приѣмѣ, часто употребляемомъ съ цѣлію отвратить самую постановку христіанскаго вопроса въ его прямомъ и положительномъ смыслѣ. Вотъ этотъ приѣмъ: говорятъ: «всѣ религіи родились во мракѣ первыхъ временъ; такъ какъ человѣческій разумъ не былъ еще возбужденъ, то воображеніе, предоставленное себѣ, населило небо призрачными существами. Позднѣе поняли, что религія есть только оболочка метафизическихъ истинъ, и люди уныные разорвали эту оболочку, за которую держатся теперь одни невѣжды и отсталые». Эта теорія придумана людьми весьма образованными и съ довѣріемъ повторяется иенѣе образованными; но факты,—исторія не говорятъ ли противъ безусловности такой теоріи?

По численности послѣдователей извѣстны въ мірѣ три главныя религіи: Вѣра Иисуса Христа, которая объщаетъ вѣчную жизнь; религія Магомета, которая повреждаетъ это обътованіе, и религія Будды, которая отрицаетъ его. Всѣ эти религіи имѣютъ свое опредѣленное начало, подлинныя памятники,—онѣ явились въ историческія времена. Что касается собственно до Евангелія, то время его явленія не было эпохою мрачною,—это было время, когда подданные Тиверія читали творенія Цицерона. У людей, воспитанныхъ твореніями Virgilія и Горация, уже не было ни дѣтской довѣрчивости, не первобытной воспріимчивости. У нихъ не было недостатка ни въ умственномъ развитіи, ни въ остроуміи, даже въ ироніи. И въ такомъ-то обществѣ Евангеліе однако распространяется съ первыхъ минутъ своего появленія. Древній міръ, находясь во всеиъ блескѣ своего величія, въ

полномъ цвѣтѣ своей образованности, встрѣтился съ безуміемъ Креста, и преклонился предъ нимъ. Послушайте, какъ Боссуэтъ изображаетъ дѣло апостола Павла:

«Онъ, неискусный въ словѣ, иноземецъ, идетъ въ образованную Грецію, отечество философовъ и ораторовъ; и несмотря на всѣ видимыя препятствія, основываетъ тамъ гораздо болѣе церквей, чѣмъ сколько Платонъ имѣлъ учениковъ, несмотря на все свое *божественное*, какъ говорилъ краснорѣчіе. Павелъ проповѣдуетъ Иисуса въ Аѳинахъ... простираетъ свои побѣды и далѣе: онъ склоняетъ къ ногамъ Спасителя величіе римскаго трибунала въ лицѣ одного проконсула и заставляетъ трепетать самихъ судей, предъ которыми стоятъ какъ обвиняемый. Самъ Римъ слушаетъ его слово. и этотъ гордый городъ вдругъ оказываетъ болѣе уваженія къ одному посланію Павла, которое онъ писалъ къ своимъ соотечественникамъ, — чѣмъ къ знаменитымъ рѣчамъ своего Цицерона.»

Въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ описанъ дѣйствительный фактъ, исторія.

Какая же это *радостная вѣсть*? Что это за ученіе, утвержденное столь удивительнымъ образомъ? Провозглашали (то, что провозглашали нѣкогда, то самое мы читаемъ теперь), что оно одолжено своимъ происхожденіемъ Иисусу изъ Назарета Галилейскаго. Передавали, что этотъ Иисусъ говорилъ съ властію, что Онъ не употреблялъ длинныхъ разсужденій, но ссылался на истину, присущую Ему, о которой Онъ и свидѣтельствовалъ; — что Онъ не требовалъ отъ своихъ слушателей ни большихъ усилій ума, ни особенныхъ знаній, а только — правой совѣсти и сердца, проникнутаго правдою. Онъ говорилъ о загробномъ будущемъ не какъ объ истинѣ

новой, потому что нѣкоторые изъ Его слушателей было знакомо это вѣрованіе, но какъ объ истинѣ, съ которой Онъ пришелъ свѣтъ всякую неопредѣленность, и поставить эту истину въ полнѣйшую очевидность. Въ Его бесѣдахъ, это будущее представлялось не въ родѣ общей гостинницы, гдѣ всѣ путешественники безразлично находятъ одинъ и тотъ же приѣмъ. Онъ представлялъ въ ужасающихъ образахъ бѣдствія, ожидающія души нечестивыхъ,—такія бѣдствія, что наслаждающійся самыми полными радостями земными долженъ считать всѣ эти радости за ничто, если при нихъ онъ губитъ свою душу. Онъ говорилъ также и о радостяхъ, ожидающихъ сердца чистыя, которыя въ тѣсномъ общеніи съ Богомъ будутъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ. Вотъ что онъ называлъ *вѣчною жизнью*, или *царствомъ Божиимъ*, которое Онъ обѣщалъ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ. Говоря о вѣчной жизни, Онъ обозначалъ ее, какъ состояніе блаженства постояннаго, пребывающаго, въ противоположность съ измѣнчивостію всѣхъ вещей въ настоящей жизни; говоря о царствѣ Божіемъ, Онъ указывалъ, что исполненіе воли Бога составляетъ неисчерпаемый источникъ радостей для Его творенія. Наконецъ Онъ съ полною увѣренностію возвѣщалъ, что Его слово распространится во всей вселенной, что преграды между народами должны пастъ, что въ одной и той же вѣрѣ и общей надеждѣ соединятся бѣдные съ богатыми и невѣдующіе съ мудрыми.

Все это Іисусъ возвѣщалъ во имя Бога, покланяемаго въ народѣ израильскомъ, Творца неба и земли, Который все произвелъ и постояннымъ Своимъ дѣйствіемъ все поддерживаетъ, но Который внѣ своихъ твореній пребываетъ въ Своей собственной сущности, и вселенная, проявляя Его, не можетъ однако исчерпать Его неисчерпаемой силы.—Древность

не могла придти къ раздѣльной мысли о вѣчной жизни, собственно потому, что не имѣла понятія о Богѣ свободномъ и всемогущемъ. Древніе и послѣ нихъ та продолжающаяся еще нынѣ древность, которую называютъ Востокомъ, смотрѣли на божество, какъ на сущность разлитую въ міръ и въ вселенной не существующую. Душа человека, въ области доступнаго намъ наблюденія, проявляется и имѣетъ самосознаніе только въ союзѣ съ организмомъ; точно такъ древніе думали и о Богѣ, что Онъ есть душа міра, не существующая въ міра. Съ этой точки зрѣнія будущее можетъ быть понято двоякимъ образомъ: или, душа всегда остается въ жизни, подобной настоящей,—такова сущность мифологіи и ученія о переселеніи душъ; или, чтобы избѣжать непрестаннаго круговращенія жизни, душа воссоединяется съ безсознательнымъ началомъ и теряется—или въ поглощеніи браманскомъ, или въ Nirvana буддистовъ.—Но Богъ Иисуса Христа, явившій Свою верховную силу въ откровеніяхъ еврейскому народу, имѣетъ жизнь независимую отъ міра, сотвореннаго свободнымъ дѣйствіемъ Его воли, и повѣдающаго Его славу, не ограничивая Его могущества. Посему, Онъ можетъ принять насъ въ общеніе этой высшей жизни, ввести насъ въ вѣчный покой, не поглощая насъ въ себѣ, потому что Онъ не есть только начало жизни, Онъ есть владыка жизни. Для Него это возможно; онъ хочетъ этого, говорилъ Иисусъ Христосъ, потому что Богъ есть любовь, и Его любовь есть тайна творенія.

Богъ создалъ тварей для блаженства. Его воля есть нашъ долгъ; Его воля есть также наше блаженство: долгъ и блаженство суть только двѣ стороны, два имени одного и того же предмета. А древность не могла понять этого единства. Человѣкъ желаетъ счастья, и носить въ себѣ чувство долга: эти два стремленія ей казались противорѣчащими, и вотъ яви-

лись двѣ секты, изъ которыхъ одна искала долга, не обращающаго вниманія на счастье, другая—счастья, забывая о долгѣ. Болѣе мудрые изъ язычниковъ, и особенно Сократъ, утверждали, что добродѣтель и счастье должны быть нераздѣльны; но это утвержденіе оставалось шаткимъ въ виду опыта жизни, того сомнѣнія, съ какими относились къ будущему, и наконецъ неизвѣстности плановъ вѣчной мудрости. Иисусъ изъ Назарета далъ рѣшеніе этой задачи, которое съ могуществомъ истины примиряетъ противорѣчія грѣсныхъ ученій. Богъ хочетъ нашего счастья, и хочетъ его навсегда. Его воля есть законъ для насъ, она составляетъ нашъ долгъ; но эта воля состоитъ въ томъ, чтобъ мы были счастливы: Богъ есть нашъ отецъ; долгъ, счастье—это два различныхъ имени единственнаго настрѣнія Его милосердія.

Притомъ Богъ есть отецъ всѣхъ, и въ Его царствѣ нѣтъ мѣста радостямъ эгоистическимъ. Въ порядкѣ, утвержденномъ Его всемогущею волею, есть счастье общее, распространяющееся изъ сердца каждаго въ сердца всѣхъ, и отражающееся изъ сердца всѣхъ въ сердце каждаго. Надобно войти въ планъ вѣчной любви, надобно отказаться отъ того, что раздѣляетъ дѣтей великаго семейства, отказаться отъ похотей и злыхъ страстей, возбуждающихъ соперничество и борьбу; надобно понять, что эгоистическія нечистыя радости исчезаютъ въ пустотѣ и въ притупленіи вкуса, и только радости чистыя и раздѣляемыя съ другими суть радости постоянныя; надобно отречься отъ самого себя, не для того, чтобъ погубить себя, но чтобы найти себя въ порядкѣ, въ свѣтѣ, въ мирѣ. Тотъ, кто будетъ полагать свое счастье въ счастьяхъ другихъ, свою радость въ радости всѣхъ подобныхъ ему, тотъ только пойметъ цѣну существованія; онъ увидитъ всѣ вещи въ спокойномъ и ясномъ божественномъ свѣтѣ.

Понимите, что такимъ образомъ вѣчная жизнь не есть только жизнь въ будущемъ. Вѣчность обнимаетъ настоящее и прошедшее точно такъ же, какъ будущее; и мы уже живемъ въ вѣчности. Для того, кто вошелъ въ планъ Бога, небесное царство начинается здѣсь; только—между тѣмъ какъ здѣсь все подчинено измѣнчивости, непостоянству, въ другой экономіи, которую мы называемъ небомъ, жизнь будетъ полная, постоянная и пребывающая, и радость будетъ вѣчная.

«Господь возлюбилъ насъ для вѣчности».—Чьи это слова? Иисуса изъ Назарета Галилейскаго. Произнося ихъ, Онъ не входилъ въ споръ, не доказывалъ, но свидѣтельствовался истинною, какъ обладающій ею. Таково свидѣтельство исторіи.

Для христіанина слово Иисуса изъ Назарета есть слово Богочеловѣка, которому христіанинъ вполне вѣрять,—говорить ли Онъ къ намъ, какъ своимъ братьямъ, говорить, ли, что Его слово есть слово самого Бога, и что Онъ есть едино со Отцомъ. Тутъ уже не исторія, тутъ вѣра. Пока мы не изслѣдуемъ Вѣры христіанъ, мы только излагаемъ ее. Принимаешь ли ее, отрицаешь ли ее, прежде всего надобно признать ее тѣмъ, что она есть. По отношенію къ вопросу о нашемъ назначеніи, эта Вѣра есть увѣренность въ будущемъ, гдѣ совершится правда и гдѣ исполнится любовь; это — твердое упованіе, основанное на общаніи Богочеловѣка,—чаяніе блаженной вѣчности близъ Отца небеснаго.

Послѣ смерти Паскаля, въ подкладкѣ его одежды нашли пергаментъ, съ которымъ онъ никогда не разставался; онъ хранилъ его, какъ памятникъ одной поры своей жизни. На этомъ пергаментѣ было написано: «Увѣренность.... Радость.... Богъ Иисуса Христа, а не Богъ философовъ и ученыхъ.... О, еслибъ мнѣ никогда съ Нимъ не разлучаться!» Этими словами Паскаль хотѣлъ сказать, что въ одну достопамятную

ночь, во время святаго бодрствованія онъ понялъ Бога не только какъ орудіе вселенной, не только какъ субстанцію, или законъ міра, но—Отца, который хочетъ и устрояетъ счастье своихъ дѣтей. Такова надежда христіанина.

Намъ хотѣлось бы дать понять читателю, изъ фактовъ, совершенно особенное положеніе, какое дается обѣтованіями Евангелія, тѣмъ, кто принимаетъ ихъ. Съ этою цѣлю сдѣлаемъ нѣсколько сравненій.

Возвратимся къ умирающему Сократу. Онъ, въ тюрьмѣ, готовится принять цикуту; его ученики въ слезахъ окружаютъ его. Напомнивши ямъ народныя вѣрованія о загробной жизни, онъ продолжаетъ: «Конечно, утверждать рѣшительно, что все это произойдетъ не иначе, какъ я рассказываю, человѣку умному не годится: но что касательно нашихъ душъ и ихъ жилища будетъ нѣчто такое или тому подобное, въ то вѣрить, при явномъ безсмертіи души, кажется и должно и можно рѣшиться: ибо эта рѣшимость прекрасна и ею надобно какъ бы обаять себя». Въ этихъ словахъ есть нѣчто свѣтлое и мирное; но сколько и тѣни! Какое скорбное колебаніе мысли!

Обратимся теперь къ одному изъ памятниковъ буддизма. Молодой человѣкъ, по имени Пурна, рѣшается идти проповѣдовать новую вѣру дикимъ народамъ. Отправляясь въ путь, онъ имѣетъ такую бесѣду съ своимъ учителемъ въ вѣрѣ:

— Жители Хронапаранта, къ которымъ ты идешь, говорить учитель, вспыльчивы, жестоки, бѣшены и наглы. Что, если эти люди, о Пурна, встрѣтятъ тебя злыми, грубыми и наглыми словами? Что, если они придутъ въ ярость и оскорбятъ тебя?

— Если жители Хронапарта, — отвѣчаетъ Пурна, — обратятся ко мнѣ съ такими словами, придутъ въ ярость противъ меня и оскорбятъ меня, то я подумаю: значить,

эти люди добры и кротки, когда они не поднимают на меня руки и не бросают въ меня камнями.

— Но если жители Хронапаранта поднимут на тебя руки и возьмутся за камень, тогда что подумаешь объ нихъ?

— Я подумаю: значить, они добры и кротки, когда они не трогают меня ни жезломъ, ни мечемъ.

— Но если..... тогда что подумаешь объ нихъ?

— И тогда подумаю, что они добры и кротки, потому что не лишают меня совершенно жизни.

— Но еслибъ твоя жизнь была въ полной опасности отъ нихъ, что тогда подумалъ бы ты?

— Я подумалъ бы: все-таки эти люди добры и кротки, освобождая меня съ такою легкою скорбію отъ этого тѣла, исполненнаго нечистоты.

— Хорошо, Пурна; ты благочестивъ, съ такимъ совершеннымъ терпѣніемъ, ты можешь идти въ страну Хронапаранта. Иди, Пурна; освобожденный, освобождай; достигшій другаго берега, помогай достигнуть его другимъ; утѣшенный, утѣшай; достигшій Нирвана, веди къ нему и другихъ» (*).

Въ этомъ интересномъ документѣ нельзя не замѣтить: съ одной стороны нравственной высоты молодаго миссіонера, съ другой—основнаго характера его надеждъ въ будущемъ. Ради дѣла, предпринятаго имъ, онъ готовъ пожертвовать своею жизнію; но въ послѣднихъ его словахъ нѣтъ даже намѣка на безсмертіе, нѣтъ ни одного луча свѣта вѣчнаго, а только чаяніе абсолютнаго покоя, прекращенія жизни. Съ полнымъ безучастіемъ къ ней, Пурна ничего не боится,

(*) Этотъ разговоръ можно читать вполне во *Введеніи къ исторіи Индійскаго Буддизма* Бюроуа, стр. 252 и слѣд.

но потому, что самый худшій случай, какого можно ожидать, доставить ему счастье умереть.

Вспомнимъ теперь о человѣкѣ, который былъ побить камнями, не жителями Хронопаранта, но обитателями береговъ Іорданскихъ. Онъ былъ побить на смерть; но въ послѣднюю минуту онъ произноситъ слова, совершенно иного рода: «Господи Іисусе, пріими духъ мой.» Этотъ человѣкъ былъ первый христіанскій мученикъ Стефанъ.—Вспомнимъ другаго проповѣдника, когорый, будучи обремененъ цѣпями, бить палками, мучимъ различными мученіями, изъ тюрьмы писалъ своему ученику: «Меня уже приносятъ въ жертву, и время моего отшествія наступило. Я совершилъ подвигъ добрый, кончилъ поприще, вѣру сохранилъ. А теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судія въ день оный.» Этотъ человѣкъ былъ апостоль Павелъ. (2 Тимое., г. IV, ст. 6—8.) Сравните силу этихъ христіанскихъ словъ Стефана и Павла съ бесѣдами Сократа и приведеннымъ нами буддистскимъ разговоромъ...

Такова вѣра Евангелія въ несомнѣнное ^иличное безсмертіе. Забудьте притомъ, древніе мудрецы успѣвали сообщать свое ученіе только небольшому числу способныхъ учениковъ;—апостолы въ короткое время успѣли провести слово своего Учителя во всѣ классы общества. Іисусъ предвозвѣстилъ это; Онъ зналъ, что это—дѣйствительно необычайное дѣло, и когда пришли къ Нему просить знаменій Его посольства, то, упомянувши объ исцѣленіи больныхъ, о воскресеніи мертвыхъ, Онъ указываетъ, какъ на самое высшее знаменіе Своего посольства словами: «Евангеліе возвѣщается нищимъ!»

Мы указали только одну сторону Евангелія; мы говорили только о возстановленіи Христомъ первобытныхъ истинъ чело-вѣчества: это—скорѣе послѣдствіе дѣла Христова, чѣмъ

самое дѣло. Слова Евангелія, открывающія намъ внутренне Божіе и Его любовь, свѣтлы и легко и пріятно воспринимаются. Но вѣрующіе знаютъ, что эти слова не заключаютъ въ себѣ всей ихъ Вѣры; а также и невѣрующіе знаютъ, что они идутъ не противъ этихъ собственно словъ. Продолжимъ нашу бесѣду.

Чѣмъ начинается Иисусъ свое дѣло? Проповѣдью покаянія и обращенія. Онъ требуетъ отъ человѣка: отрѣшиться любви къ богатству и облечься духомъ нищеты, отрѣшиться гордости и сдѣлаться смиреннымъ, отрѣшиться самого себя, но не стѣжъ, чтобъ погубить себя, а чтобъ снова приобрести себя въ порядкъ, въ законъ, въ добродѣтели. Евангельскія заповѣди блаженства идутъ рѣшительно противъ обычнаго взгляда на вещи. Богатство, слава, почести называются случаями искушеній и паденій, а страданія, униженія, поношенія— царскими стезями, приводящими къ жизни вѣчной. Перемена, какой требуетъ Иисусъ отъ своихъ учениковъ, такъ велика, такъ существенна, что Самъ Онъ называетъ ее *новымъ рожденіемъ*.

Что значитъ это слово? И кто способенъ ко всѣмъ этимъ дѣланіямъ? Кто можетъ сказать: я такъ поступаю естественно; я исполняю это собственною моею силою; все мое счастье я поставляю въ самоотверженіи; отреченіе отъ собственной воли и исполненіе воли Божіей—есть мое единственное правило, и все мое наслажденіе? Нѣтъ, мы не можемъ сказать этого, и чувствуемъ, что мы — не въ порядкѣ; мы нарушили основной законъ нашей природы, и чувствуемъ всю тяжесть этого; мы потеряли права на вѣчную жизнь, и отдѣлившись отъ Бога, мы повержены въ бѣдствія. Иисусъ знаетъ это, и говоритъ, что потому-то Онъ и пришелъ въ

міръ: Онъ врачъ, который самъ ищетъ больного, чтобъ исцѣлить его; Онъ добрый пастырь, идущій искать овцу заблудшую. Онъ есть *освободитель*, не такой, который общается въ покоѣ смерти конецъ нашимъ страданіямъ, но совершитель спасенія, приносящій грѣшнику помилованіе, и помогающій нашей немощи силою Своей благодати. Онъ самъ говорить, что пришелъ «обрѣсти и спасти погибшее», и возставитъ челоуѣка въ состояніе блаженства, возстановивши его въ святости. Иисусъ Христосъ приноситъ не ученіе только, не теорію о природѣ вещей,—Онъ возвѣщаетъ *дѣло* милосердія, которое и *исполняетъ* Самъ. Онъ самъ есть совершитель помилованія, чрезъ Него мы получаемъ силу и свѣтъ; Онъ есть жизнь міра, и будетъ побѣдителемъ смерти: Онъ самъ о себѣ даетъ такое свидѣтельство. То же самое проповѣдуютъ Его апостолы. Они возвѣщаютъ помилованіе и спасеніе, пріобрѣтенное ихъ учителямъ силою Его жертвы; они говорятъ, что вѣчная жизнь—древняя заповѣдь сдѣлалась новымъ даромъ благодати; они говорятъ, что силою Иисуса, душа, въ скорбяхъ раскаявія, должна возродиться къ надеждѣ жизни и къ силѣ добра.

Евангеліе проповѣдуетъ помилованіе отъ Бога и возстановленіе падшей твари, которое должно быть слѣдствіемъ того дара благодати. То и другое нераздѣльно. Нравственность не составляетъ всей религіи, но ничего нѣтъ опаснѣе и фальшивѣе понятія о религіи, будто она не клонится къ исправленію нравственнаго порядка. Дѣло, начавшееся въ тайнѣ Божія совѣта, и явленное на Голгоуѣ, совершается именно въ совѣсти каждаго челоуѣка помилованнаго и призваннаго къ свѣту.

Вотъ Евангеліе въ собственномъ смыслѣ этого слова. Это не просто ученіе о благодати творческаго. Начала вселенной, Евангеліе есть милосердіе Бога, Его помилованіе и Его бла-

годать; Евангеліе есть крестъ и воскресеніе Спасителя. Чтобъ высказать все: Евангеліе имѣеть двѣ стороны: одна—это миръ и свѣтъ, возвышеніе намѣреній творческой любви; другая—это тѣнь, —это грѣхъ, это крестное жертвоприношеніе, и жертва сердца человѣческаго, приносимая въ глубинахъ совѣсти. Евангеліе есть свѣтъ, но онъ возсіяваетъ въ тѣни смертной: Евангеліе есть слово любви, но также—борьбы, отреченія и жертвы. Евангеліе всецѣло исполнено великихъ противоположностей. Какая тому причина?

Мы все желаемъ счастья, и когда намъ говорятъ, что Богъ хочетъ сдѣлать насъ блаженными навсегда, мы охотно принимаемъ эту мысль. Но оболъщенія жизни и достовѣрность смерти заставляютъ вздыхать все творенія; и если намъ говорятъ о грѣхѣ, мы не понимаемъ, почему Богъ, который хочетъ сдѣлать насъ блаженными, столь часто скрываетъ Свое лице и оставляетъ насъ столь несчастными.—Все мы, въ глубинѣ нашей совѣсти, имѣемъ идею святости, и когда намъ говорятъ, что Богъ хочетъ, чтобъ мы были чисты такъ, какъ Онъ чистъ, то развѣ извращенныя существа остаются безчувственными при этомъ напоминаніи. Но когда намъ молчать относительно благодати, то мы не понимаемъ, почему Богъ оставляетъ насъ, столь слабыхъ въ борьбахъ жизни.

Читайте въ VII главѣ посланія апостола Павла къ Римлянамъ, гдѣ онъ говоритъ о самомъ себѣ, какъ бы словами сердца человѣческаго:

• Не понимаю, что дѣлаю; потому что не то дѣлаю, что хочу, а дѣлаю, что ненавижу... Это не я уже дѣлаю, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо я знаю, что во мнѣ, т. е. въ плоти моей, не живетъ добро; желаніе добра во мнѣ есть, но чтобъ сдѣлать добро, этого нѣтъ. Ибо добра, котораго хочу, не дѣлаю; а дѣлаю зло, котораго не хочу. Если же я дѣлаю то,

чего не хочу; уже не я то дѣлаю, а живущій во мнѣ грѣхъ... По внутреннему человѣку я нахожу удовольствіе въ законѣ Божиємъ; но въ членахъ моихъ вижу другой законъ, который воюетъ противъ закона ума моего, и дѣлаетъ меня плѣнникомъ грѣховнаго закона, находящаго въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ!»

То же самое раздвоеніе внутри себя, конечно, чувствуетъ каждый изъ насъ. Мы имѣемъ желаніе добра, имѣемъ тайное чувство, что прочное счастье возможно только при нравственномъ порядкѣ; и когда намъ говорятъ о великихъ надеждахъ вѣчной и блаженной жизни, то если бы мы могли выразить, что происходитъ иногда внутри насъ, — думаю, мы сказали бы: «эти надежды прекрасны и желанны; хотѣлось бы вѣрять имъ, но я не смѣю».

Не смѣю! Поймите же теперь, почему слово помилованія есть слово вѣчной жизни, — почему крестъ голгоетскій есть дверь въ царство свѣта, — почему мудрецы древности видѣли идеалъ на отдаленномъ горизонтѣ, но какъ бы боязливо останавливались на пути къ нему, потому что чувство бѣдствія и зла преграждало имъ путь. «Иное дѣло, говоритъ блаженный Августинъ, смотрѣть съ высоты горы и изъ глубины темнаго лѣса на свое отечество, не имѣя возможности отыскать къ нему дороги... Другое дѣло въ самомъ дѣлѣ идти по дорогѣ, ведущей къ нему. Платоники извѣстнымъ образомъ знали невидимую природу; но путь, который приводитъ къ этому верховному блаженству, т. е. распятый Христосъ, — казался имъ презрѣннымъ; они отказываются идти по этому пути, и оттого не могутъ достигнуть святилища послѣдняго покоя, хотя свѣтъ, идущій издали и поражаетъ ихъ разумѣніе».

Представимъ теперь вкраткѣ наши соображенія. «Цѣль

творенія разумныхъ существъ есть ихъ счастье; но они сотворены свободными, потому что свобода есть образъ божественной природы и условіе самаго счастья. Явился грѣхъ со всѣми его послѣдствіями: омраченіемъ ума и бѣдствіемъ сердца. Человѣкъ вошелъ въ борьбу съ самимъ собою: разумъ хотѣлъ снова завладѣть лучами затмившагося свѣта, совѣсть протестовала противъ ея униженія; отсюда борьба, успѣхъ, повороты назадъ, крушенія древней мысли. Потомъ, приводить въ міръ дѣйствіе божественной силы, управляемой милосердіемъ; оно привзошло, чтобы даровать благодать безъ насилія, возбудить свободу безъ стѣсненія ея».

Итакъ въ Богѣ двѣ воли: творческая и искупительная; но обѣ онѣ составляютъ одну волю, потому что обѣ производятъ отъ того же Бога, обнаруживаютъ ту же любовь,—дѣло Евангелія возстановляетъ и выполняетъ въ человѣкѣ первоначальный творческій планъ. Это дѣло, это посредство Бога въ спасеніи людей составляетъ собственно порядокъ *сверхъестественный*.—Богъ есть въ природѣ, потому что отъ Него и Имъ все движется и существуетъ; но Онъ выше природы въ полнотѣ Своего могущества и въ тайнахъ Его ненарушимой свободы. Свобода твари, божественные законы, вслѣдствіе которыхъ грѣхъ производитъ тьму и бѣдствія, неровная борьба, которой подверженъ человѣкъ, представленный своими собственными силами,—борьба противъ увлекающаго его потока,—все это *естественно* въ нравственномъ порядкѣ. Но Богъ, дѣйствіемъ Своей любви разрушилъ эту роковую цѣпь грѣха и его слѣдствій: явился Иисусъ Христосъ. Все возвѣщало Его, все приготовляло къ Нему. Иудеи и язычники, величіе человѣчества и его бѣдствія, въ порядкѣ Провидѣнія и въ порядкѣ благодати, все это суть знаменія Христа; Востокъ и Западъ пролагаютъ

путь къ Нему; религіи и философія вѣстѣ равняютъ стези къ Нему. Все Его возвѣщаетъ, все приготовляетъ къ Нему, но не производитъ Его. Когда ночь приходитъ къ концу, пракъ на время удвоется, звѣзды блѣднѣютъ, показывается бѣлая полоса на горизонтѣ, и мгновенно вспыхиваетъ, все возвѣщаетъ звѣзду дня; но заря не производитъ солнца. Иисусъ Христосъ есть центръ исторіи, цѣль всего развитія человечества; но Иисусъ Христосъ измѣняетъ ходъ исторіи, чтобъ знали, что любовь Бога превосходитъ опредѣленіе творенія, которымъ произведена и поддерживается свобода. Онъ измѣняетъ также и природу, дабы послѣ поклоненія Богу въ красотахъ природы мы поклонялись Ему еще въ тайнахъ Его могущества, котораго природа ни поглощаетъ, ни ограничиваетъ. Христа заключаютъ въ гробъ... Онъ выходитъ изъ него, и во имя Его воскресенія возвѣщается вѣчная жизнь.

Евангеліе въ своей сущности есть искупленіе человѣка. Искупленіе есть дѣло безконечнаго милосердія; и это дѣло есть полное основаніе *сверхъестественнаго* порядка; чудо въ исторіи и въ природѣ есть только внѣшнее и вторичное его обнаруженіе. Судите теперь, можетъ ли дѣло Евангелія быть отдѣлено отъ дѣла сверхъестественнаго порядка. Уничтожьте дѣло Божественнаго милосердія, вы уничтожите Евангеліе въ собственномъ смыслѣ этого слова: тогда нѣтъ Искупителя, остается только мудрецъ назаретскій,—хотя и тутъ, этотъ мудрецъ, оставившій такой глубокой слѣдъ въ исторіи человечества, безъ сомнѣнія, превосходитъ всѣхъ мудрецовъ цѣлаго міра.

Отстраняя сверхъестественное, теряютъ Христа, Искупителя; по крайней мѣрѣ сохраняются ли при этомъ первоначальныя истины религіи: Богъ, безсмертіе и нравственность? Говорятъ; но едва ли это справедливо. Когда люди, недо-

волью понимающіе Евангеліе, думаютъ видѣть въ немъ не болѣе какъ религію *естественную*, поставленную подъ санкцію чуда, то ссылаются на то, что истина есть истина, что потому только ее и должно принимать, что нисколько не важно то, откровенная ли это истина или нѣтъ, и потому вопросъ о сверхъестественномъ есть напрасный вопросъ. И мы говорили, что мудрецы язычества предвидѣли высокія истины, и также въ наше время, люди чуждые откровенія приходятъ иногда къ тому же самому познанію. Но когда люди, знакомые съ Евангеліемъ, принявшіе его обѣтованія, отверщаются отъ него, неужели они становятся въ положеніе Сократа? Конечно, нѣтъ. Когда удаляются отъ Вѣры люди, испытавшіе ея свѣтъ, тутъ въ душѣ происходитъ кризисъ, который именно показываетъ всю важность вопроса о сверхъестественномъ, даже для тѣхъ, кто не различаетъ между проблемомъ сомнительной надежды и полнымъ свѣтомъ очевидности. Для объясненія этого кризиса душевнаго, мы воспользуемся словами челоуѣка, котораго никто не сочтетъ нашимъ сторонникомъ въ вопросѣ занимающемъ насъ. Едмондъ Шерръ въ разговорѣ, изданномъ въ прошломъ году, выводитъ двухъ челоуѣкъ, изъ которыхъ одинъ защищаетъ, а другой оспариваетъ сверхъестественный порядокъ. Одинъ изъ спорщиковъ, наконецъ, выражается такъ:

«Когда я чувствую въ себѣ колебаніе вѣры въ чудо, я замѣчаю, что я образъ моего Бога затмѣвается въ моихъ глазахъ; мало-по-малу онъ перестаетъ для меня быть Богомъ свободнымъ, живымъ, личнымъ Богомъ, къ Которому душа обращается какъ къ своему Господу и Отцу. Чтѣ тогда остается? Какою тогда скорбною и безутѣшною представляется жизнь! Какъ скоро мы живемъ только для того, чтобъ ѣсть, спать, приобрѣтать деньги, и лишены всякой будущ-

ности, тогда нашъ зрѣлый возрастъ — просто ребячество, наша старость — несчастье, всѣ наши заботы — бессмыслица. Нѣтъ таинъ, т. е. неизвѣстнаго, — нѣтъ и безконечнаго, нѣтъ и неба надъ нашими головами, нѣтъ и поэзіи. Будьте увѣрены, — невѣріе, которое отвергаетъ чудо, опустошаетъ и небо и землю. Сверхъестественное есть естественная область души, — сущность ея вѣры, ея надежды, ея любви. Я знаю, что доводы критики иногда правдоподобны; но я знаю также, и можете — быть это самое засвидѣлствуете и вы: переставая вѣрить въ чудо, душа теряетъ тайну жизни божественной; мало-по-малу она лишается благочестія, правоты, гения, падаетъ въ прахъ, а иногда — въ грязь.» Послѣ нѣсколькихъ словъ возраженія, другой спорщикъ отвѣчаетъ:

«Въ сущности, я согласенъ съ вами. Я очень хорошо знаю, что чудо есть необходимый элементъ Вѣры, и что съ отрицаніемъ чуда разсѣиваются небо и адъ, — Христовъ, и даже Богъ, и различіе между добромъ и зломъ, и все, что ставитъ насъ выше язычества. Да, нашъ пужень Богъ живой и присутій, и только сверхъестественное даетъ намъ такого Бога. Богъ, который не можетъ или не хочетъ сойти на нашу землю, чтобъ явить на ней Свою силу и славу, есть Богъ деизма, нашииствъ скрывающійся въ небесахъ, отвлеченность ума, мертвый богъ» (*).

Эти слова не только выражаютъ нашу мысль, они идутъ дальше. Мы ограничиваемся заключеніемъ, что вопросъ о сверхъестественномъ, который для понимающихъ силу слова есть вопросъ о Евангеліи, — можетъ для многихъ, въ нѣдрѣ христіанства, стать вопросомъ о Богѣ и о будущемъ безсмертіи...

(*) *Mélanges de critique religieuse*, стр. 181—183.

Но скажутъ: «если наука достовѣрно показала, что вѣшательство Бога есть мечта; нельзя же не принимать ея очевидныхъ показаній, какъ бы ни было грустно разставаться съ пріятными надеждами.» Въ самомъ дѣлѣ утверждаютъ, будто современная критика уже низвела всѣ христіанскія вѣрованія на степень суевѣрій. Объ этомъ мы будемъ говорить особо. Но нѣкоторые идутъ ещедальше: стоять не только за тѣ или другіе результаты науки, но утверждаютъ вообще, будто вѣра въ сверхъестественный порядокъ несовмѣстна съ умственнымъ образованіемъ, — что введеніе Бога въ міръ есть понятіе грубое, механическое, недостойное просвѣщеннаго чловѣка XIX в., не заслуживающее даже и опроверженій. Этотъ голосъ идетъ изъ Германіи и эхо его, къ несчастію, отдается и у насъ.... Конечно, Евангеліе есть безуміе въ глазахъ извѣстной мудрости: это высказалъ еще ап. Павелъ, это далъ понять еще самъ Іисусъ Христосъ. Но мало ли что кажется безуміемъ для извѣстной мудрости? Чловѣку безнравственному кажется безуміемъ строгая обязанность долга; для расчетливой житейской мудрости кажется безуміемъ всякое пожертваніе. Впрочемъ не всѣ мудрецы, не всѣ ученые одинаково относятся къ Вѣрѣ христіанъ. Ученые александрійцы, отвергавшіе проповѣдь Христа, были вполне образованы и учены; но не менѣе ученъ и образованъ былъ и епископъ иппонійскій, Августинъ. Во времена позднѣйшія, Лейбницъ былъ не послѣдній философъ и не посредственный геометръ; а онъ всегда съ благоговѣніемъ говорилъ объ истинахъ Вѣры. Паскаль былъ первый физикъ своего времени и одинъ изъ значительныхъ математиковъ; а онъ оставилъ наконецъ всѣ свои барометры и всѣ вычисленія, чтобъ всецѣло отдаться дѣлу Іисуса Христа. Ньютонъ, великій астрономъ, всякій разъ, какъ слышалъ имя Бога Евангелія, не-

преимѣнно воздавалъ Ему какой-либо знакъ поклоненія, и свою книгу Физики рѣшился заключить напоминаніемъ, что весь законъ состоитъ въ томъ: «любить Бога отъ всего сердца своего и любить ближняго, какъ самого себя.» А въ наше время, развѣ мало великихъ людей науки и дѣятелей исторіи, которые вѣрятъ, поклоняются, молятся вмѣстѣ съ людьми малыми и необразованными. Становитесь въ ряды этихъ ученыхъ и образованныхъ людей, нисколько не смущаясь рѣчами *илыхъ* мудрецовъ вѣка сего.

Примѣры, конечно, не доказательства. Но когда намъ доказываютъ примѣрами, то и мы должны противопоставить этимъ примѣрамъ—свои. Мы подробно изслѣдуемъ важный вопросъ о сверхъестественномъ.

(Продолженіе будетъ.)

Статья Эрнеста Насилл.

ОБОЗРѢНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Обзоръ русской духовной литературы 862—1720. Харьковъ 1859.
То же—1720—1858 (умершихъ писателей). С.-Петербургъ. 1861. Соч.
Филарета, архіепископа черниговскаго и нѣжинскаго.

Преосвященный Филаретъ не имѣлъ въ виду писать подробную исторію русской духовной литературы. «Для такого сочиненія, говорить онъ, въ настоящее время не достаётъ еще многихъ данныхъ.» Дѣйствительно, доселѣ не приведены еще въ извѣстность многіе памятники нашей духовной литературы; у насъ еще мало удовлетворительныхъ монографій о замѣчательныхъ литературныхъ памятникахъ и объ отдѣльныхъ литературныхъ дѣятеляхъ, а что особенно важно—у насъ еще не установлены общія понятія касательно способа разработки исторіи духовной литературы, и касательно тѣхъ задачъ, исполненіе которыхъ она должна принять на себя. При такой скудости подготовительныхъ работъ, писать исторію духовной литературы было бы предпріятіемъ слишкомъ смѣлымъ и неудобноисполнимымъ, было бы «дѣломъ неушимъ», по выраженію самого пр. Филарета. Поэтому пр.

Филаретъ ограничился хронологическимъ обзорѣемъ дѣятелей духовной литературы и исчисленіемъ ихъ произведеній, начиная съ просвѣтителей славянскихъ, Кирилла и Меѳодія (IX в.), до нашихъ временъ. Трудъ пр. Филарета очевидно имѣеть сходство съ *Словаремъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина*, покойнаго митрополита Евгенія, и пытается замѣнить его собою. «*Словарь о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго званія*, говоритъ пр. Филаретъ въ предисловіи къ 1-й книгѣ своего *Обзора*, въ свое время былъ весьма полезнымъ; но въ настоящее время оказывается онъ очень недостаточнымъ. На пространствѣ времени 862—1720 г. въ немъ найдете извѣстія только о 160 писателяхъ, и почти о такомъ же числѣ сочиненій, которыхъ писатели не извѣстны по имени.» *Обзоромъ* пр. Филарета значительно восполняются пробѣлы *Словаря* м. Евгенія. Въмѣсто 160 духовныхъ писателей древней Руси, исчисляемыхъ у м. Евгенія,—у пр. Филарета исчисляется 260 дѣятелей духовной литературы за тотъ же періодъ. Что касается до послѣ-петровской духовной литературы, то *Обзоръ* богаче уже по тому самому, что онъ доведетъ до 1858 г. (*Словарь* м. Евгенія остановился на началѣ нынѣшняго столѣтія.) Хронологическій порядокъ *Обзора* даетъ возможность слѣдить за историческимъ ходомъ нашей духовной литературы съ большимъ удобствомъ, чѣмъ алфавитный порядокъ *Словаря* м. Евгенія. Въ самомъ отношеніи къ дѣлу у пр. Филарета замѣтно болѣе ясное сознание библиографическихъ требованій. М. Евгеній любитъ останавливаться на личности духовнаго писателя и охотно рассказываетъ его біографію, или, точнѣе сказать, послужной списокъ: пр. Филаретъ большею частію пропускаетъ біографическія подробности и непосредственно обращается къ исчисленію сочиненій, ихъ классификаціи и указанію ихъ досто-

ниства и содержанія. Нельзя сказать, чтобы послѣ появленія *Обзора* пр. Филарета *Словарь* и. Евгенія сдѣлался излишнимъ и ненужнымъ: въ *Словарь* есть много весьма любопытныхъ біографическихъ и бібліографическихъ свѣдѣній, которыхъ нельзя найти въ *Обзоре*; при чтеніи *Словаря* представляетъ болѣе интереса и занимательности, чѣмъ *Обзоръ*; тѣмъ не менѣе въ настоящее время *Обзоръ* пр. Филарета долженъ быть признанъ первою настольною книгою и главнымъ руководствомъ для всякаго желающаго познакомиться съ исторіею нашей духовной литературы, тѣмъ болѣе для желающаго заняться спеціальными трудами по этой части.

Спрашивается: вполнѣ ли достаточнымъ указателемъ можетъ быть *Обзоръ* пр. Филарета для человека, желающаго заняться спеціальными работами по исторіи русской духовной литературы? то-есть всѣ ли матеріалы, изъ которыхъ должна сложиться исторія русской духовной литературы, указаны въ книгѣ пр. Филарета? распределены ли они по степени ихъ сравнительной важности и намѣчено ли хотя въ общихъ чертахъ то мѣсто, какое имъ должно занять въ будущей исторіи русской духовной литературы? Чтобы отвѣчать на эти вопросы, нужно прежде всего установить понятіе о томъ, какія произведенія принадлежатъ къ области духовной литературы.

Обыкновенно думаютъ, что духовная литература слагается изъ сочиненій, писанныхъ лицами духовнаго званія. Этого мнѣнія, кажется, держался и покойный митрополитъ Евгеній, какъ показываетъ заглавіе его бібліографическаго труда: *Словарь о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина*. Но такое представленіе поверхностно. Не все то, что выходитъ изъ-подъ пера писателя духовнаго званія, принадлежитъ потому самому къ духовной литературѣ. Человѣкъ изъ духов-

наго званія можетъ быть спеціалистомъ напр. въ математику или филологію, можетъ оставить замѣчательныя сочиненія по этимъ предметамъ: неужели эти произведенія должны быть отнесены къ духовной литературѣ? Съ другой стороны, развѣ сочиненія о духовныхъ предметахъ составляютъ исключительную принадлежность духовенства? Развѣ свѣтское лицо не можетъ написать сочиненія духовнаго содержанія? И въ нашей духовной литературѣ, несмотря на ея недостаточное развитіе, мы находимъ не мало примѣровъ духовно-литературной дѣятельности свѣтскихъ людей. Пр. Филаретъ, какъ видно, не стѣснялся узкимъ воззрѣніемъ, ограничивающимъ предѣлы духовной литературы трудами писателей духовнаго чина: въ *Обзорѣ* нашли себѣ мѣсто слѣдующіе свѣтскіе писатели: Симеонъ царь болгарскій, Владиміръ Мономахъ, русскій путешественникъ XV столѣтія Аванасій Никитинъ, князь Курбскій, Иоаннъ Грозный, князь Константинъ Острожскій; изъ писателей послѣ-петровскаго времени: Посошковъ, Поликарповъ, Сковорода, Писаревъ, Бантышъ-Каменскій, графъ Сперанскій, Надеждинъ, Неволинъ и многіе другіе.

Если личность духовнаго писателя не можетъ служить критеріемъ для опредѣленія того, какія произведенія могутъ быть отнесены къ области духовной литературы, то остается обратить вниманіе на содержаніе этихъ произведеній. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ слѣдующимъ опредѣленіемъ. Говорятъ: тѣ произведенія, которыя содержатъ православно-христіанское ученіе о вѣрѣ и нравственности, исторически или догматически раскрытое, всѣ такія произведенія должны быть отнесены къ области духовной литературы. Но и это опредѣленіе кажется намъ недостаточнымъ. Трудно иногда бываетъ опредѣлить, на сколько извѣстное сочиненіе согласно съ истинными началами христіанства и православія.

Мы знаемъ, что нѣкоторыя изъ сочиненій духовныхъ писателей, напр. *Камель Вѣры* Стефана Яворскаго и *Правда соли монаршей* Теофана Прокоповича были запрещаемы и потомъ опять разрѣшаемы: относительно другихъ, болѣе близкихъ къ нашему времени, сочиненій окончательное сужденіе не установилось и понынѣ. Что же дѣлать съ такими спорными сочиненіями? Неужели ихъ исключить вовсе изъ области духовной литературы? Не говоря уже объ этихъ спорныхъ сочиненіяхъ, мы не можемъ найти причины, почему исторія духовной литературы должна миновать своимъ вниманіемъ даже сочиненія, уклоняющіяся отъ чистаго ученія православнаго христіанства. Исторія духовной литературы—не то, что патрологія; по самому понятію своему, она не обязана заниматься исключительно канонизованными сочиненіями; и напрасно было бы прилагать къ ней патрологическія требованія. Не мѣшаетъ замѣтить и то, что, не познакомивъ насъ съ сочиненіями неправомыслящихъ, исторія духовной литературы не можетъ дать намъ яснаго понятія о ходѣ общецерковной литературы, которая развивалась въ борьбѣ съ ложными направленіями: не говоримъ уже объ исторіи собственно полемики. Кажется, такъ понималъ задачу исторіи духовной литературы и пр. Филаретъ: по крайней мѣрѣ въ его *Обзорѣ* находимъ исчисленіе (хотя неполное) сочиненій раскольничьихъ и масонскихъ или мистическихъ.

Такимъ образомъ надобно признать, что къ области духовной литературы относятся всѣ вообще сочиненія религіозно-церковнаго содержанія, кому бы они не принадлежали, какого бы направленія и достоинства они ни были. Но и это опредѣленіе представляется намъ еще не вполне достаточнымъ. Можно находить религіозную стихію не въ однихъ только сочиненіяхъ богословскаго содержанія, но и въ дру-

гихъ, повидимому далекихъ отъ богословія сферахъ литературы, даже тамъ, гдѣ быть-можетъ всего менѣе ожидали мы найти какое-либо отношеніе къ религіи. Обратите вниманіе на легенды, пѣсни и сказки русскаго народа: вы найдете въ нихъ много религіозныхъ элементовъ, неправильныхъ, искаженныхъ, но тѣмъ не менѣе выражающихъ определенное отношеніе народа къ религіи. Обратите вниманіе на современную свѣтскую литературу, вдушайтесь въ ея основные взгляды и убѣжденія, и вы найдете въ ней много данныхъ какъ для положительнаго, такъ и для отрицательнаго отношенія къ христіанству. Вообще, безъ определеннаго отношенія къ религіи не можетъ существовать ни одно твердое литературное направленіе, ни одно сложившееся міросозерцаніе. Исторія духовной литературы, по нашему мнѣнію, не должна мновать своимъ вниманіемъ сочиненій, не принадлежащихъ непосредственно къ богословской области, но съ особенною ясностію выражающихъ определенное отношеніе къ положительному христіанству. Не видно ясно, какъ думаетъ объ этомъ авторъ *Обзора*. Въ предисловіи къ 1-й книгѣ своего труда, пр. Филаретъ причисляетъ къ области духовной литературы почти всю допетровскую письменность, въ составъ которой входятъ, какъ извѣстно, сочиненія, носящія легендарный характеръ,—никогда упоминаетъ объ *отреченныхъ книгахъ* древней Руси (*Обз.* I, № 75), а также о переводахъ на русскій языкъ сочиненій энциклопедистовъ XVIII столѣтія (*Обз.* II, 122); но мы не рѣшаемся изъ этихъ бѣглыхъ замѣчаній вывести какое-нибудь определенное заключеніе.

Мы нашли, что матеріалами для исторіи духовной литературы должны быть всѣ сочиненія духовно-религіознаго содержанія, писанныя какъ духовными, такъ и свѣтскими лицами, содержащія въ себѣ какъ истинное, такъ равно одно-

стороннее или неправильное изложеніе истинъ христіанской вѣры и нравственности, какъ принадлежащія собственно въ богословской области, такъ равно относящіяся къ другимъ литературнымъ сферамъ, но проникнутыя религиозныиъ элементами. Теперь спрашивается: какъ изъ этихъ разнообразныхъ и разнохарактерныхъ матеріаловъ можетъ сложиться стройное научное зданіе *исторіи духовной литературы*? Какая основная руководящая идея поможетъ намъ объединить, разобрать и упорядочить ихъ?

Чтобы опредѣлитъ идею *исторіи духовной литературы*, нужно напередъ разъяснить понятіе о литературѣ вообще и духовной въ особенности. Литература вообще служитъ руководительницею современнаго общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ представительницею его идей, стремленій и потребностей. Лучшіе литературные дѣятели руководятъ общество, дѣйствуютъ на развитіе его понятій и убѣжденій, наклоняютъ большинство къ извѣстнаго рода практической дѣятельности, но сами они не отрываются отъ общественной жизни, стоятъ на почвѣ того же общества, приводятъ въ ясность и сознательность то, что сокровенно и неявно уже было присуще общественному сознанию: въ этомъ тайна ихъ могущества и вліянія. Во всякомъ случаѣ общество, по отношенію къ литературѣ, служитъ началомъ и цѣлью, исходнымъ и конечнымъ пунктомъ, средою, откуда все исходитъ и куда все возвращается. Поэтому *исторія литературы* вообще есть не что иное, какъ исторія развитія общественнаго сознанія, раскрывающагося въ послѣдовательной сѣтѣ тѣхъ идей, которыя волновали и двигали собою общество. Само собою разумѣется, что въ общей исторіи литературы на первомъ планѣ являются тѣ сочиненія, которыя оказывали наиболѣе вліянія

на общество и служили наибодѣе полнымъ выраженіемъ общественнаго сознанія въ его прогрессивномъ движеніи.

Мы были бы слишкомъ поспѣшны, если бы общее понятіе объ исторіи литературы перенесли безъ дальнихъ разсужденій на исторію литературы духовной. Недостаточно сказать, что исторія литературы духовной есть только исторія постепеннаго развитія въ обществѣ религіознаго сознанія. Для религіознаго сознанія въ христіанскомъ обществѣ есть общая обязательная норма, это—положительная истина христіанства, которая должна быть усвоена и переведена въ жизнь христіанскаго общества. Само собою разумѣется, что при этомъ никакъ не можетъ быть устранено участіе личности; но дѣло въ томъ, что здѣсь трудъ личной мысли имѣетъ для себя опредѣленную общую основу и норму, отвѣтъ данную въ положительныхъ началахъ христіанства. Этого-то процесса личной и общественной мысли, стремящейся къ усвоенію христіанства и къ осуществленію его въ жизни, находятъ себѣ выраженіе въ *духовной литературѣ*, которая имѣетъ своимъ назначеніемъ: посредствовать между духовнымъ состояніемъ современнаго общества и положительнымъ содержаніемъ христіанства. Точкою опоры для дѣятелей духовной литературы служить современное духовное состояніе общества, къ которому они сами принадлежатъ, точкою цѣли—положительныя требованія христіанства. Отсюда открывается и сходство и различіе между литературою вообще и собственно духовною литературою. Своимъ необходимымъ отношеніемъ къ положительнымъ началамъ христіанства, которыми обуславливается развитіе религіозныхъ убѣжденій, духовная литература отличается отъ литературы вообще,—своею подвижностію и разнообразіемъ—сходится съ нею. Напрасно лины думаютъ, будто подвижность и разнообразіе, какъ

качества духовной литературы, несовмѣстимы съ требованіями православнаго христіанства, будто подвижность противорѣчит неизмѣнности его началъ, а разнообразіе—единству Вѣры. Живое личное отношеніе къ христіанству само по себѣ *не ведетъ неизбѣжно* къ искаженію христіанской истины. Христіанство не есть какая-либо отвлеченная доктрина, которую достаточно было бы только механически усвоить,—оно должно быть осуществлено въ дѣйствительности, путемъ продолжительнаго, жизненнаго труда отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, труда, ознаменованнаго напряженіемъ и работою живыхъ духовныхъ силъ. Сколько бы тѣ, или другія лица были православны, никогда нельзя найти совершеннаго сходства въ чертахъ ихъ индивидуальности: отсюда понятно *разнообразіе* личныхъ отношеній къ христіанству при всей вѣрности положительнымъ его требованіямъ. Въ жизни однихъ и тѣхъ же лицъ слишкомъ мало найдется такихъ моментовъ, когда бы внутреннія ихъ состоянія были совершенно тождественны: отсюда понятна *подвижность* въ личной исторіи людей, искренно преданныхъ христіанству. Въ то же самое время, безъ всякаго противорѣчія мы должны признать, что живое личное отношеніе къ христіанству, при одностороннемъ развитіи различныхъ субъективныхъ условій, заключаетъ въ себѣ *возможность* уклоненій отъ положительной христіанской истины: тогда оно становится неправославнымъ, и, какъ явленіе частное и личное, остается чуждымъ общему строю и ходу православно-церковной жизни.

Имѣя въ виду изложенныя соображенія, мы можемъ составить такое опредѣленіе исторіи духовной литературы: *исторія духовной литературы* есть исторія того, какъ отражалось положительное содержаніе христіанства въ сознаніи человѣчества.

Отсюда открывается двойная точка зрѣнія, съ которой должны быть взвѣшиваемы всѣ матеріалы, входящія въ составъ *исторіи духовной литературы*. Всякое духовно-литературное произведеніе должно быть оцѣниваемо: 1) по своему согласію съ положительнымъ содержаніемъ христіанства; 2) по своему отношенію къ жизни современнаго общества. Наиболѣе почетное мѣсто въ *исторіи духовной литературы* должны занять тѣ произведенія, которыя проникнуты и духомъ евангельскимъ и сознаніемъ религіозныхъ потребностей современной эпохи, которыя одинаково замѣчательны и въ смыслѣ праваго исповѣданія Вѣры и въ смыслѣ историческаго памятника религіозной жизни христіанскаго общества въ извѣстную эпоху. На заднемъ планѣ должны быть поставлены какъ тѣ произведенія, которыя, храня правое исповѣданіе Вѣры, отличаются однакожь скудностію субъективной жизненности и не имѣютъ дѣйствительнаго вліянія на общество, такъ и тѣ, которыя при богатой жизненной субъективности и сильномъ вліяніи на общество страдаютъ искаженіемъ христіанской истины. Этою двойною оцѣнкою всѣхъ литературныхъ произведеній *исторія духовной литературы* отличается отъ *исторіи литературы вообще*, такъ какъ въ этой послѣдней исключительнымъ критеріемъ значимости каждаго литературнаго произведенія служитъ его отношеніе къ обществу, его представительное и руководительное значеніе въ общественной жизни.

Обращаясь къ литературнымъ памятникамъ, долженствующимъ войти въ *исторію русской духовной литературы*, мы можемъ по степени важности раздѣлить ихъ на слѣдующія пять группъ: 1) литература *переводная*; 2) *оригинальная церковная* литература; 3) *легендарная* литература; 4) литера-

тура *одностороннихъ и ложныхъ религіозныхъ направленій*, и 5) *свѣтская*, на сколько она стоитъ въ прямомъ или же въ прямомъ отношеніи къ религіи. Займемся разсмотрѣніемъ каждой группы въ отдѣльности.

I. ПЕРЕВОДНАЯ ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Переводная духовная литература была у насъ первою по времени и вѣстѣ съ тѣмъ первою по важности и значенію. Какъ скоро русская земля была просвѣщена свѣтомъ Евангелія, немедленно изъ Греціи и изъ славянскихъ земель, упредившихъ насъ въ пріятіи христіанства (напр. изъ Болгаріи), начала переходить къ намъ вся масса известной до тѣхъ христіанской письменности. Библія, творенія отеческія, помоканоны, богослужебныя книги, патерики, хронографы и пр. доставляли обильный источникъ для переводовъ, и эти переводы обогащали, или, лучше сказать, создавали русскую духовную литературу. Въ монастыряхъ—первоначальныхъ хранилищахъ духовнаго просвѣщенія, усердно переводились и списывались церковно-литтературныя произведенія (*). Паломники ходили за книгами на Востокъ (**); были князья—ревнители просвѣщенія, тщательно собиравше книги, напр. Ярославъ I (+ 1054), Константинъ Ростовскій (+ 1219 г.) Владиміръ Галичскій (+ 1289 г.) (***) . Пло-

(*) Такъ напр. книжное дѣло процвѣтало въ Печерскомъ монастырѣ при преп. Феодосіѣ.

(**) Такъ, при пр. Феодосіи каженникъ Евремъ доставилъ съ Востока въ Печерскій монастырь уставъ Студійскаго монастыря. Въ житіи св. Царьградъ Стефана Новгородца (ок. 1350 г.) есть извѣстіе о томъ, что изъ Студійскаго монастыря посылалось на Русь много книгъ, уставовъ, тріодей, и что онъ (Стефанъ) нашелъ тамъ двухъ новгородцевъ, занимавшихся списываньемъ книгъ. (Обз. I № 68.)

(***) О Ярославі пр. Филаретъ приводитъ свидѣтельство Нестора:

дошъ такой дѣятельности было то, что въ XVI вѣкѣ вся почти греческая литература стала извѣстна на Русь, частію въ оригиналахъ, а еще болѣе въ переводахъ. Богатая греческими рукописями, бібліотека Ивана Васильевича III-го изумила Максима Грека, который говорилъ, что во весь свѣтъ нельзя сыскать подобной. Преп. Іосифъ Волоколамскій (+ 1515 г.) не зналъ греческаго языка, но въ своихъ сочиненіяхъ онъ приводитъ мѣста почти изъ всѣхъ великихъ учителей греческой Церкви, и даже изъ многихъ незабчательныхъ писателей: отсюда видно, какъ богата была при вѣсь переводная духовная литература. Вообще количество древнихъ русскихъ переводовъ превышаетъ сумму извѣстныхъ нынѣ произведеній греческой литературы (*).

Распространенность переводовъ предполагаетъ и обширность ихъ вліянія; а за благотворность вліянія ручается священнѣйшій характеръ переводныхъ произведеній, высоко цѣнимый нашими предками, которые относились къ переводному и читаемому съ великимъ благоговѣніемъ. «Добро есть почитаніе книжное,» говорили они. «Книгами кажемъ, говоритъ преп. Несторъ, и учими есмь пути показанію и мудрость бо обрѣтаемъ и вздержаніе отъ словесъ книжныхъ, се бо рѣки суть напаяюще вселенную, се бо суть исходница милости, книгажь бо есть не источна глубина;

-Ярославъ весьма любилъ книги, прилежно читалъ днемъ и ночью, собралъ много писцевъ и велѣлъ переводить съ греческаго на славянскій языкъ... Онъ засѣялъ словами книжными сердца вѣрующахъ... Любя книги, списавъ множество ихъ, онъ положилъ ихъ въ св. Софія. I. № 13 Подобные отзывы встрѣчаются въ лѣтописяхъ и о другихъ князьяхъ.

(*) Напр. недавними трудами Горскаго и Невоструева открыты неизвѣстныя въ греческомъ подлинникѣ 4 слова Мееодія Патарскаго (Описание Сив. б., выпускъ 3-й, № 110), древній греческій патерикъ (idem № 135;) иъоторыя сочиненія Максима Исповѣдника (id. № 154, 202.)

сими бо въ печали утѣшаемы есмы; сїи суть узда вздержанію, мудрость бо велика есть. • Отдѣленно въ kami, мы не можемъ прослѣдить внутренняго процесса вліянія переводной литературы, но о силѣ и обширности его мы можемъ судить по результатамъ. Главнѣйшимъ результатомъ было то, что изъ дикихъ славяно-язычниковъ предки наши длиннымъ рядомъ поколѣній сдѣлались православными христіанами съ извѣстнымъ развитіемъ образованія и гражданственности. Эта перемѣна условливалась идеями, принесенными вѣсть съ христіанствомъ, представительницею которыхъ и была переводная литература. Несомнѣнно и самостоятельное участіе народа въ этой перемѣнѣ (объ этомъ рѣчь впереди); но тѣмъ не менѣе нельзя не признать здѣсь основнаго участія переводной литературы, какъ причины дѣйствующей.

Съ XVII вѣка количество переводовъ съ греческаго начинается оскудѣвать. Почти все уже было переведено; нужно было не переводить вновь, но исправлять старые переводы, и по этому поводу начались горячіе споры, которыми сопровождалась исторія русскаго раскола. Кромя того петровская реформа мало благопріятствовала умноженію переводовъ съ греческаго; съ одной стороны возбуждивши жизнь гражданскую, она, сравнительно говоря, довольно ослабила въ русскомъ народѣ религіозныя стремленія; съ другой стороны, сблизивъ его съ Западомъ, указала ему на доступныя для перевода богатая литература Запада. Какъ бы то ни было, только со временъ Петра переводная духовная литература теряетъ прежнюю значимость, хотя и начинается наполняться уже изъ двухъ источниковъ: изъ греческой и изъ западной литературы. Продолжались еще переводы съ греческаго: сюда относятся переводные труды Поликарпова, Писарева и нѣкоторыхъ другихъ въ прошломъ столѣтіи, а въ нынѣшнемъ—

переводы отцевъ церкви при появившихся духовныхъ журналахъ, въ особенности обширное изданіе *Твореній св. Отцевъ* при московской академіи, *Олѣтинскія* изданія переводовъ отцевъ-пустынниковъ, и т. д. Начали появляться и переводы изъ иностранныхъ литературъ, при чемъ, конечно, выбирались болѣе такія сочиненія, въ которыхъ бы не имѣли мѣста чуждыя вѣроисповѣдныя воззрѣнія,—то-есть сочиненія, носящія по преимуществу практическій нравственный характеръ. Напримѣръ, М. М. Сперанскій перевелъ извѣстное сочиненіе *Томы Кемпійскаго: О подражаніи Христу*. Когда наши соотечественники, сблизясь съ Западомъ, подверглись вліянію и одностороннихъ религіозныхъ направленій съ ихъ крайностями, то люди, преданные религіи, рѣшились брать оружіе противъ различныхъ появившихся заблужденій изъ западныхъ же литературъ: такимъ образомъ въ русскихъ переводахъ появились Лагарпово *Опроверженіе злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философами XVIII вѣка противъ христіанскаго благочестія*. М. 1810; Портіусово *Изложеніе доводовъ, утверждающихъ истину христіанства*. М. 1811 (оба въ переводѣ Бардовскаго) и тому подобныя сочиненія, писанныя на Западѣ противъ энциклопедистовъ XVIII столѣтія. По своей значимости западная переводная литература не можетъ идти въ сравненіе съ переводною греческой;—она далеко не такъ обширна, не такъ вліятельна, не такъ богата положительною христіанскою истиной. Забѣтимъ одно: греческая духовная литература вся почти есть въ русскихъ переводахъ, а переводы литературныхъ произведеній Запада по своему количеству очень незначительны, сравнительно съ огромною массой западныхъ литературъ. Причиною скудости переводовъ была, безъ сомнѣнія, крайняя осторожность въ выборѣ переводимаго и боязнь столкнуться съ чуждыми вѣроисповѣдными воззрѣніями.

Богатыя научно-богословскія литературы Запада почти еще не тронуты; переводы съ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ принадлежать настоящему и будущему, и слишкомъ еще мало значатъ въ исторіи нашей духовной литературы. Между тѣмъ западная богословская литература оказывала очень сильное и разнообразное вліяніе на нашихъ духовныхъ дѣятелей, стоявшихъ большею частію подъ вліяніемъ западнаго схоластицизма: объ этомъ мы будемъ имѣть случай сказать ниже.

Преосв. Филаретъ въ своемъ *Обзорѣ* мало занялся библиографіею переводной литературы. «Переводы съ греческаго, такъ какъ и другіе, говоритъ пр. Филаретъ въ предисловіи къ 1-й книгѣ своего труда, хотя не исключаются изъ нашего *Обзора*, но и не составляютъ предмета необходимаго.» Встрѣчаются данныя для библиографіи переводной литературы (кн. I, № 24. 50; кн. II, № 4. 58, 122 и проч.), но ихъ очень немного. Указаніе переводовъ въ древней Руси особенно бѣдно, тогда какъ именно въ это время переводная литература была особенно богата и многозначуща. Съ точки зрѣнія общихъ требованій науки этотъ пробѣлъ не можетъ быть оправданъ; не говорить о переводной литературѣ, столь богатой внутреннимъ и историческимъ значеніемъ, по выраженію самого пр. Филарета, «значило бы то же, что не говорить о началѣ русской духовной литературы.» Но этотъ пробѣлъ становится весьма понятнымъ, если обратить вниманіе на несовершенное состояніе нашей библиографіи. Труды Калайдовича, Строева, Ундольскаго, Горскаго и Невоструева и др. еще далеко не освѣтили всю массу нашей древней письменности, и пока этого не сдѣлано, дотолѣ нельзя будетъ найти надлежащихъ данныхъ для удовлетворительнаго обзора переводной литературы.

По отношенію къ исторіи переводной литературы, совре-

менная наука можетъ, кажется, предъявить слѣдующія требованія: 1) нужно описать всѣ древнія библіотеки и привести въ извѣстность всѣ уцѣлѣвшіе доселѣ памятники древней письменности. Изъ совокупленія многихъ частныхъ описаній долженъ быть составленъ общій *библіографическій сводъ памятниковъ переводной литературы*, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ, то-есть по времени составленія переводовъ. Этотъ сводъ послужитъ уже прочною основою для дальнѣйшихъ изслѣдованій по исторіи переводной литературы. 2) Нужно изучить переводную литературу въ оригиналахъ, то-есть изучить древнюю христіанскую письменность и позднѣйшую греческую и западную церковную литературу. Какъ ни далекъ, повидяному, этотъ предметъ отъ исторіи собственно русской духовной литературы, но предварительное знакомство съ нимъ необходимо, потому что оно пролагаетъ путь къ пониманію историческаго значенія нашей духовной литературы. Нужно изучить въ первоначальномъ видѣ основныя идеи христіанской литературы у народовъ, упредившихъ насъ въ принятіи и усвоеніи христіанства, чтобы понять, какъ эти идеи могли воздѣйствовать на образованіе христіанскихъ убѣжденій русскаго человѣка, пришедши во взаимодействіе съ русскою народностью. Замѣтимъ при этомъ, что начало исторической разработки древней христіанской литературы положено преосв. Филаретомъ въ его *Историческомъ ученіи объ Отцахъ Церкви* и въ *Историческомъ обзорѣ псаломщиковъ и псаломщій греческой Церкви*.

II. Оригинальная церковная литература.

Наша оригинальная духовная литература не созрѣла еще до полной самостоятельности и не отличалась особенною оригинальнію. Ея первоначальное, не миновавшееся еще

и повыше, назначеніе состояло въ томъ, чтобы знакомить русскій народъ съ основными источниками христіанской религіи и раскрытіемъ христіанскаго вѣроученія у народовъ, прежде насъ принявшихъ христіанскую вѣру. Поэтому не удивительно, что во все время своего существованія наша духовная литература стояла подъ вліяніемъ чуженароднаго религіознаго образованія, чужихъ духовныхъ литературъ. Въ этомъ отношеніи вся исторія ея распадается на два огромные періода: 1) періодъ вліянія греко-восточнаго и 2) западнаго.

Греко-восточному вліянію обязана наша духовная литература своимъ возникновеніемъ. Первые іерархи наши были греки и писали по-гречески (*): первая духовная литература, служившая нашимъ предкамъ образцомъ для подражанія, была греческая. Литературные приемы и формы, употребительныя въ Греціи, отразились и въ нашей вновь возникавшей духовной литературѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно сличить греческіе хронографы съ русскими лѣтописями, греческіе патерики съ жизнеописаніями русскихъ святыхъ, греческіе каноны и пѣснопѣнія съ канонами, составлявшимися на Русь, греческія проповѣди съ древними русскими проповѣдями. Окажется, что наши духовно-литературныя произведенія очнь часто были довольно блѣдными копіями съ греческихъ подлинниковъ. Люди, жаждущіе духовнаго просвѣщенія, отправлялись въ Грецію и на Востокъ; равно и изъ Греціи приходили на Русь ученые мужи, представители духовнаго просвѣщенія. Знаніе греческаго языка считалось необходимою принадлежностію древней-рус-

(*) Напр. Левъ, митр. кіевскій (1007 г.), Іоаннъ, м. кіевскій (1180—1129). Также Филиппъ пустыяникъ (1095 г.). См. *Обзоръ* I. № 9, 17, 19.

ской учености и вовсе не было особенною рѣдкостью (*). Такъ было до XVII вѣка.

Съ XVII вѣка чрезъ духовныя школы югозападной Руси, въ особенности чрезъ кievскую духовную академію, начинаетъ проникать къ намъ вліяніе западнаго духовнаго образованія. Ревнители духовнаго просвѣщенія отправляются уже не въ Грецію и не на Востокъ, а на Западъ для дальнѣйшаго образованія въ іезуитскихъ коллегіяхъ: вспомнимъ Стефана Яворскаго, Палладія Роговскаго, Теофана Прокоповича. Въ сѣверовосточной Руси (въ Москвѣ) элементъ греческаго образованія борется еще нѣкоторое время съ западнымъ: но вновь приходящіе на Русь греки (напр Лихуды) не могутъ считаться представителями собственно греческаго образованія: они сами получили воспитаніе въ западныхъ школахъ и пропитаны западнымъ схоластицизмомъ. Греческій языкъ вытѣсняется латинскимъ, который входитъ во всеобщее школьное употребленіе (**). Библіотеки духовныхъ ученыхъ того времени наполняются латинскими фоліантами. Литературныя формы, преимущественно употребительныя на Западѣ, переходятъ и къ намъ. Отседа наша духовная литература наполняется школьными богословскими трактатами, проповѣдями и полемическими сочиненіями. Школьные трактаты и полемическія сочиненія очевидно носятъ на себѣ печать западной схоластики; не избѣгли отъ западнаго вліянія и проповѣди, потому что не напрасно же Регламентъ совѣ-

(*) Во время Кирилла, еп. ростовскаго, въ первой половинѣ XIII в. въ Ростовѣ въ церкви св. Богородицы «лѣвый клиросъ гречески пошу, а правый руски». *Обзоръ*, № 51.

(**) Весьма важнымъ документомъ этого можетъ служить *Апология кievскихъ и винницкихъ школамъ* 1635 г., писанная *Силивестромъ Коссовымъ* по поводу народнаго негодованія на преобладаніе въ школахъ языка латинскаго и забвеніе греческаго.

туетъ русскому проповѣднику беречься *польскихъ комедьшишковъ* и прилежнѣе честь Златоуста. Періодъ вліянія западнаго духовнаго образованія на нашу литературу, строго говоря, не являлась еще и понывѣ. Давно ли латинскій языкъ пересталъ быть господствующимъ въ духовныхъ школахъ? А преданія, наследованныя отъ западной схоластики, и доселѣ еще живы и въ нашихъ духовныхъ школахъ, и въ нашей духовной литературѣ.

Сравнивая вліяніе греко-восточнаго и западнаго духовнаго образованія на нашу литературу, мы находимъ: 1) что первое имѣло своимъ проводникомъ по преимуществу *монастыри*, второе—*духовныя школы*; 2) первое было жизненное, реальное, второе было довольно *формальное*; 3) первое воздѣйствовало на образованіе христіанскихъ убѣжденій *всего русскаго народа*, а второе имѣло значеніе почти преимущественно для *духовнаго сословія* (*).

(*) Пр. Филаретъ также раздѣляетъ исторію русской духовной литературы на два большихъ періода, полагая рубежемъ 1720 г., т. е. годъ открытія св. синода: такимъ образомъ его дѣленіе почти совпадаетъ съ нашимъ, только во нашемъ дѣленіи слѣдовало бы отнести ко 2-му періоду писателей югозападной Руси (*Обзоръ* I № 852—192) и нѣкоторыхъ изъ *сѣверныхъ* (напр. Стефана Яворскаго, № 260). Что касается до подраздѣленія на частные періоды, то пр. Филаретъ подраздѣляетъ 1-й общій періодъ на четыре частныхъ періода: 1) 862—1239, 2) 1237—1410, 3) 1410—1588, 4) 1588—1720; но не показываетъ основаній подраздѣленія. Второй огромный періодъ у пр. Филарета остается неподраздѣленнымъ; но, принявъ во вниманіе, что въ теченіе его главнымъ центромъ духовно-литературной дѣятельности были духовныя школы, мы можемъ подраздѣлить его на двѣ части, полагая рубежемъ преобразование духовныхъ училищъ 1802—1814 г. Вторая, доходящая до нашего времени половина этого періода, отличается ослабленіемъ западнаго схоластицизма и знакомствомъ съ иными лучшими направленіями религіозной мысли на Западѣ. Можно надѣяться, что это знакомство со временемъ принесетъ нашей духовной литературѣ добрые плоды.

Переходя къ вопросу о достоинствѣ нашей оригинальной духовной литературы, мы не хотимъ ставить ей въ упрекъ недостатокъ оригинальности. Ея дѣло состояло не въ томъ, чтобы обогатить сознание христіанскаго міра углубленіемъ въ таинственную сущность христіанства, но прежде всего въ томъ, чтобы перенести въ сознание русскаго челоука *чистое пониманіе* христіанскаго вѣроученія и правоученія, по скольку такое пониманіе являлось готовымъ въ Церкви православной. Степенью удачнаго выполненія этой задачи должно опредѣляться достоинство нашей духовной литературы. Что касается до передачи чистаго пониманія и праваго исповѣданія Вѣры, то въ этомъ отношеніи наша духовная литература выполнила свое дѣло безукоризненно; стоя подъ вліяніемъ богословскихъ системъ Запада, она заимствовала отъ нихъ почти только внѣшнюю, формальную сторону, не имѣющую прямого отношенія къ существу вѣры. Этихъ впрочемъ и ограничивается ея достоинство. Жизненнаго пониманія религіозныхъ потребностей русскаго народа, равно и живаго самостоятельнаго отношенія къ служившей предметомъ подражанія литературѣ греко-восточной и западной, не прииѣчается. Забота о возможно-точноиъ храненія и вѣрной передачѣ православнаго вѣроученія видимо убивала въ нашихъ духовныхъ писателяхъ всякую попытку къ самостоятельному христіанскому мышленію и не позволяла выходить изъ-подъ ихъ пера ничему, кромѣ блѣдныхъ, раздражательныхъ произведеній, за которыми не видать личности писателя. Оттого-то наша оригинальная духовная литература менѣе оказывала благотворнаго вліянія на народъ, чѣмъ переводная,—и менѣе важна для знакомства съ религіозною жизнью русскаго народа, чѣмъ литература легендарная и неправославныхъ направленій. Мы впрочемъ не расиространяемъ этого сужденія на всю нашу

духовную литературу; были въ ней и такія произведенія (напр. сочиненія св. Димитрія Ростовскаго и свят. Тихона Задонскаго), въ которыхъ правое исповѣданіе Вѣры соединяется съ теплымъ сердечнымъ благочестіемъ, съ живымъ и искреннимъ самостоятельнымъ отношеніемъ къ христіанству, — въ которыхъ личность писателя не скрывается изъ виду, но выступаетъ въ ясныхъ и привлекательныхъ чертахъ. Къ сожалѣнію, такихъ произведеній очень немного. Пожелаемъ, чтобы на будущее время наша духовная литература умѣла соединить правое исповѣданіе Вѣры съ живымъ и самобытнымъ христіанскимъ мышленіемъ и съ яснымъ сознаніемъ религіозныхъ потребностей русскаго народа!

Пр. Филаретъ въ своемъ *Обзоре* занялся почти исключительно русскою оригинальною духовною литературою; этой части она, быть-можетъ, и не заслуживаетъ. Въ 1-мъ томѣ почисленно 260 духовныхъ писателей; во 2-мъ—243. За всѣмъ тѣмъ нельзя сказать, чтобы *Обзоръ* отличался окончательною полнотою въ этомъ отношеніи: на это двѣ причины. Во 1-хъ пр. Филаретъ прикрѣпляетъ исчисленіе литературныхъ произведеній къ личности писателя; поэтому, съ одной стороны, благодаря одной извѣстности имѣешь, въ *Обзорѣ* нашли себя нѣсто литературныя произведенія, важныя только развѣ для счету (напр. отдѣльныя случайно напечатанныя и нисколько незамѣчательныя проповѣди нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, ничѣмъ болѣе неизвѣстныхъ въ литературѣ. *Обз.*, т. II. № 24. 25. и др); съ другой стороны, подъ покровомъ обычной въ нашей литературѣ анонимности, утаились отъ вниманія автора такія сочиненія, которыя, говоря сравнительно, очень заслуживаютъ упоминовенія. Такъ труды духовныхъ академій, печатавшіеся въ отдѣльныхъ монографіяхъ и въ духовныхъ журналахъ, издававшихся при академіяхъ, въ *Обзорѣ*

не нашли себя упоминовения; о духовныхъ журналахъ *Обзоръ* не говорятъ ни слова. Во 2-хъ, пр. Филаретъ не могъ, конечно, занести въ свой *Обзоръ* литературныя произведенія, доселѣ по несовершенству нашей библиографіи скрывавшіяся подъ спудомъ. Поэтому-то, напр., въ исчисленіи сочиненій Юрія Крижавича Серба (*Обз.* I. № 227) не упомянуто о большомъ трудѣ его, изданномъ недавно г. Безсоновымъ подъ заглавіемъ: *Русское юсударство въ половинѣ XVIII вѣка*; въ исчисленіи трудовъ арх. Макарія, алтайскаго миссіонера (*Обз.* II. № 222), не упомянуто о его важнѣйшемъ трудѣ: *Опытахъ переложенія Библии на русскій языкъ*. Можно надѣяться, что съ теченіемъ времени, при дальнѣйшихъ успѣхахъ нашей библиографіи, когда многіе памятники духовной литературы, находящіеся теперь въ забвеніи, мало-по-малу выдутъ на свѣтъ Божій, число пробѣловъ въ *Обзорѣ*, подобныхъ указанному выше, будетъ увеличиваться болѣе и болѣе.

Желательно, чтобы современная духовная наука по отношенію къ исторіи оригинальной духовной литературы сознала важность и приняла на себя исполненіе слѣдующихъ требованій: 1) чтобы памятники нашей духовной литературы, остающіеся доселѣ въ забвеніи, были приведены въ извѣстность, а важнѣйшіе изъ нихъ, остающіеся доселѣ въ рукописяхъ, изданы; внимательный читатель, при пересмотрѣ *Обзора*, найдетъ не мало рукописей, заслуживающихъ изданія; 2) чтобы наши духовно-литературныя произведенія, носящія на себѣ характеръ подражательности, были сличены съ ихъ первоначальными подлинниками въ греко-восточной и западныхъ литературахъ. Это сличеніе прольетъ много свѣта на исторію нашей духовной литературы.

III. Легендарная литература.

Подъ именемъ легендарной литературы мы разумѣемъ всю совокупность словесныхъ произведеній, въ которыхъ выражалось религіозное міро-созерцаніе русскаго народа, были ли то апокрифическія сказанія, пѣсни, духовные стихи, или умилныя повѣсти, — сохранились ли они въ письменныхъ памятникахъ, или обращались только въ устахъ народа. Происхожденіемъ своимъ легендарная литература обязана главнымъ образомъ сохранявшимся въ народѣ остаткамъ древнихъ языческихъ воззрѣній. Христіанство, принесенное изъ Греціи великимъ княземъ Владиміромъ, было принято народомъ безпрекословно: но понятно, что не могло же оно сразу проникнуть и измѣнить всю народную жизнь; не могъ народъ вдругъ оставить свои прежнія языческія вѣрованія и предать ихъ забвенію. Наступилъ долгій процессъ борьбы христіанства съ язычествомъ и постепеннаго усвоенія христіанства. Выраженіемъ этого процесса внутренней народной жизни и служить легендарная литература. Первыми представителями отживающаго язычества въ борьбѣ его съ христіанствомъ были *волхвы*. Они являлись большею частію въ годы общественныхъ бѣдствій, вѣроятно представляя ихъ, какъ слѣдствіе отступленія отъ праотеческой религіи; называли себя посланниками боговъ—черныхъ, крылатыхъ, живущихъ въ безднѣ; противоположныхъ Богу небесному, высказывали суевѣрный взглядъ на причину общественныхъ бѣдствій, проповѣдывали суевѣрное ученіе о сотвореніи челоука и хулили Бога христіанскаго. Но борьба была неравна. Христіанство, на сколько утверждалось въ народномъ сознаніи, плѣняло его своею Божественною истиною, такъ что протесты волхвовъ въ пользу старой религіи не

находили себѣ въ народѣ поддержки; явленіе волхвовъ стало анахронизмомъ. Последний, стоящій притѣчанія, волхвъ явился въ концѣ XI столѣтія. Но язычество, не находя себѣ опоры въ личностяхъ, въ разныхъ видахъ глубоко еще коренилось въ нравахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, во всемъ міросозерцаніи древняго русскаго человѣка. Отдавшись христіанству, онъ тѣмъ не менѣе не могъ еще окончательно порвать связей съ своимъ прошедшимъ, не могъ оторваться отъ своей исторической почвы. Онъ не могъ и не хотѣлъ быть язычникомъ, но онъ не успѣлъ еще быть вполне христіаниномъ. Результатомъ было—то сліяніе элементовъ, языческихъ и христіанскихъ, въ народномъ сознаніи, которое весьма характерично называется *двоевѣріемъ*. На пути къ христіанству, двоевѣрное сознаніе народа прошло нѣсколько ступеней. Народъ то отождествлялъ языческія понятія и образы съ образами и идеями христіанскаго міра: напр. Велесъ обратился для народа въ св. Власія, праздникъ Купала слился съ праздникомъ св. Крестителя Іоанна, Коляда и Авсень съ Рождествомъ Христовымъ; то, по закону сродства, заимствовалъ изъ византійскаго и западнаго міра однородные легендарные элементы, быть-можетъ уцѣлѣвшіе тамъ, какъ наслѣдіе отъ такой же борьбы съ язычествомъ,—такъ по изслѣдованію г. Пыпина старинныя апокрифы весьма рано перешли въ нашу литературу изъ Византіи чрезъ посредство южныхъ славянъ;—то наконецъ, воспринимая чистыя христіанскія идеи и образы, такъ сказать приурочивалъ ихъ къ своей почвѣ и обставлялъ ихъ подробностями своего быта, — напр. путешествіе Спасителя и апостоловъ въ легендахъ совершается по русской землѣ и обставляется всѣми подробностями русскаго быта. На этой послѣдней ступени народная фантазія, конечно, не всегда умѣла сообразоваться съ достоинствомъ

христіанскихъ идей и образовъ, но иногда возвышалась до истинно-христіанской поэзіи, которая не принадлежитъ уже къ области двоевѣрія. Къ несчастію, нельзя сказать, чтобы періодъ двоевѣрія окончательно уже миновалъ для нашего народа, нельзя сказать, чтобы всѣ легендарныя произведенія, обращающіяся нынѣ въ устахъ народа, носили характеръ чисто-христіанской поэзіи. Должно замѣтить также, что легендарная литература довольно близко прикнута къ религіознымъ направленіямъ, чуждымъ православію (напр. къ расколу) и нашла въ нихъ поддержку и мотивы къ дальнѣйшему развитію. Такъ образовалась собственно *раскольничья легендарная литература*, состоящая болѣею частью изъ духовныхъ стиховъ, выражающихъ въ себѣ религіозныя убѣжденія различныхъ раскольничьихъ сектъ.

Чтобы опредѣлить важность легендарной литературы, или, что то же, мѣсто, которое она должна занять въ общей исторіи духовной литературы, нужно оцѣнить ее съ указанной выше двойной точки зрѣнія, то-есть по отношенію къ выраженію христіанской истины и по отношенію къ выраженію религіознаго народнаго сознанія. По отношенію къ выраженію христіанской истины легендарная литература не много имѣетъ достоинства. Изъ самаго понятія о ней, изъ самой исторіи ея видно, что она состоитъ изъ смѣшенія христіанскихъ и нехристіанскихъ элементовъ. Конечно, встрѣчаются иногда въ народныхъ легендахъ прекрасныя, вполнѣ христіанскія идеи, облеченныя въ возвышенные образы; напр. прекрасно и трогательно выражается идея о безконечномъ милосердіи и долготерпѣніи Божіемъ въ легендѣ о крестникѣ Христовомъ, который, будучи посаженъ Христомъ на Его престолъ судить міру, и, судя по своей человѣческой правдѣ, въ четверть часа перегубилъ великое множество

грѣшниковъ, за что и получилъ упрекъ отъ Спасителя. Но эти, вполне достойныя христіанства, идеи и образы представляютъ явленіе случайное и не имѣютъ за собою никакого обязательнаго авторитета. Русскій человекъ никогда не признавалъ надъ собою авторитета своихъ легендарныхъ воззрѣній и не считалъ ихъ за норму вѣры. Единственною нормою вѣры, единственнымъ хранилищемъ положительной христіанской истины всегда была и признавалась собственно книжная, т. е. переводная и оригинальная церковная литература. Слѣды этого убѣжденія можно найти въ самой легендарной литературѣ. Въ одномъ стихѣ архангелъ Михаилъ говорить грѣшникамъ, покушающимся пробраться въ рай:

У васъ были церкви соборныя,
 Въ церквахъ были книги Божественныя,
 Во книгахъ было написано,
 Написано и напечатано,
 Чѣмъ душу спасти, какъ въ рай войти.

И упрекаетъ ихъ, что они

Поповъ-отцевъ не слушались
 Къ Божьей церкви не прихаживали,
 Писанью Божію не вѣровали (*).

Общее убѣжденіе въ авторитетности и обязательности исключительно церковной книжной литературы видно и изъ того, что сами творцы легендарныхъ произведеній, желая придать имъ значимость въ глазахъ народа, старались ввести ихъ въ составъ церковной литературы, подписывая ихъ именами св. отцевъ и учителей Церкви. Но мало-значущая по отношенію къ чистой христіанской истинѣ, легендарная литература является весьма важною, какъ выразительница религіоз-

(*) *Варенцова* Сборникъ духовныхъ стиховъ, стр. 141.

наго состоянія народа. Въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражается все религіозное міросозерцаніе русскаго народа въ его *statu quo* и въ его историческомъ развитіи. Съ этой стороны изученіе легендъ необходимо для исторіи русской духовной литературы, и не можетъ быть замѣнено самыми прилежнымъ изученіемъ собственно церковной литературы, переводной, или подражательной.

Пр. Филаретъ въ немногихъ мѣстахъ своего *Обзора* коснулся произведеній легендарной литературы, но коснулся случайно и мимоходомъ (*). Очевидно, онъ поставилъ въ своей задаче этотъ предметъ—потому ли, что считалъ легенды не принадлежащими къ духовной литературѣ, или потому, что онѣ имѣли безыменныхъ творцовъ и притомъ мало сохранились въ письменныхъ памятникахъ. Какъ бы то ни было, но для насъ важны въ книгѣ пр. Филарета эти рѣдкія и случайныя ссылки на легендарную литературу, какъ свидѣтельство связи ея съ книжною церковною литературою.

Свѣтскіе ученые прилежно занимаются собираніемъ памятниковъ народной литературы и ихъ разработкою для своихъ цѣлей—для воссозданія исторіи внутренней жизни русскаго народа. Желательно, чтобы духовные ученые приняли участіе въ этихъ трудахъ для своей, болѣе специальной цѣли—знакомства съ религіозною народною жизнію. Желательно въ особенности: 1) чтобы совокупными усиліями духовной и свѣтской науки былъ воссозданъ образъ древняго славянскаго язычества до принятія христіанства; этимъ положенъ будетъ прочный исходный пунктъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій по отечественной церковной исторіи; 2) чтобы тщательно изучены были чужеземные источники легендарной

(*) *Обз.* I. № 49. а. б. 67. 68. 75.

литературы, то-есть византийскіе и западные апокрионческіе и легендарные памятники. Сходство окажется болѣе разительнымъ и заимствованіе болѣе сильнымъ, нежели какъ можно ожидать того съ перваго взгляду.

IV. ЛИТЕРАТУРА НЕ-ПРАВОСЛАВНЫХЪ НАПРАВЛЕНІЙ.

Легендарною литературою не исчерпывается еще область матер.аловъ, важныхъ для пониманія исторической религиозной жизни русскаго народа, но не входящихъ непосредственно въ составъ литературы церковной: въ этомъ случаѣ еще могутъ и должны имѣть значеніе произведенія односторонняго и ложнаго религиознаго пониманія — литература, созданная направленіями, уклонившимися отъ православія. Въ исторической жизни нашей Церкви были такіа направленія и имѣли мѣсто цѣлая области литературы, созданныя такими направленіями. Прежде всего вліяли на нашу религиозную жизнь западныя христіанскія исповѣданія: католичество и протестанство. Католицизмъ никогда не прекращалъ своихъ нападений на православіе: борьба его—борьба исконная. Особенную силу имѣла она въ XVII столѣтіи, когда подъ покровительствомъ гражданской власти начала быть вводимая въ юго западной Руси унія. Въ параллель съ борьбою жизни шла борьба литературная, очень хорошо поставленная на видъ г. Кояловичемъ въ его «Исслѣдованіяхъ о литовской церковной уніи». Это была живая, гнучая полемика, въ которой каждое произведеніе носило на себѣ печать современности и современности. Побѣда осталась на сторонѣ православія, если не побѣда литературы, то побѣда жизни,—и замолкла эта богатая, боровшаяся съ католицизмомъ, литература, хотя по временамъ та же борьба и донынѣ даетъ се-

ба знать нѣкоторыми отдѣльными полемическими вспышками, куда между прочимъ принадлежитъ напр. недавняя полемика нашихъ духовныхъ журналовъ противъ іезуита о. Гагарина и недавняя полемика о. протоіерея Васильева съ епископомъ пантекимъ.

Протестанство также дѣйствовало и притомъ довольно сильно на наше православіе. Не говоря о скрытомъ и мало замѣтномъ вліяніи, было вліяніе очевидное и рѣшительное, которому Церковь наша открыто противодѣйствовала. Реформа Петра привлекла на Русь много иноземцевъ, большею частію лютеранскаго исповѣданія. Близкое знакомство съ лютеранами не осталось безъ слѣда для религиозныхъ убѣжденій русскаго народа. Появились сомнѣнія и возраженія относительно соблюденія постовъ, почитанія святыхъ и иконъ, молитвъ за умершихъ, и другихъ пунктовъ вѣроученія, въ которыхъ лютеранство расходится съ православною Церковію. Мѣстоблюститель патриаршаго престола м. Стефанъ Яворскій принялъ на себя трудъ опровергнуть эти сомнѣнія и возраженія въ своемъ сочиненіи: *Камень Вѣры*, изданномъ уже послѣ смерти автора (1728 г.). Изданіе *Камня Вѣры* вызвало довольно обширную полемическую литературу про и contra лютеранства, въ которой приняли участіе какъ заграничные католическіе и протестантскіе богословы, такъ и наши духовные писатели, различно понимавшіе православіе. Эта полемика мало носила характеръ вѣроисповѣдной; она большею частію отзывалась личностями, тѣсно сплелась съ придворными интригами, часто впутывала въ разсужденіе разныя обстоятельства, къ дѣлу вѣры не относящіяся: по одному остроумному замѣчанію, споръ шелъ не о Камень вѣры, а около Камня вѣры. Но какъ желчна и раздражительна была эта полемика, это можетъ видѣть всякій, кто

потрудится, напр., прочесть проповѣди, говоренныя по вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы, когда наши духовные писатели, какъ лица, наиболѣе противоборствовавшіе лютеранству, получили возможность говорить прямо и свободно.

Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины и въ царствованіе Александра I была другая эпоха вліянія западнаго христіанства: мы разумѣемъ выросшее на почвѣ протестантства мистическое направленіе. Это направленіе, всегда привлекательное для умовъ созерцательныхъ и любящихъ все таинственное, нашло у насъ на Руси хорошей приѣмъ. Мистическіе писатели, напр. Бемъ, Пёрдъчъ, Таулъеръ, Эккартсгаузенъ, Штиллингъ и другіе были усердно переводимы и издаваемы. На подобіе заграничныхъ масонскихъ обществъ, завелись и у насъ масонскія ложи съ ихъ причудливою организациею. Появились оригинальныя мистическія произведенія, носившія нерѣдко форму переписки между разными членами общества. Издавался мистическій журналъ подъ заглавіемъ: *Сіонскій Вѣстникъ*. Въ числѣ членовъ мистическихъ обществъ мы находимъ многихъ людей, высоко стоящихъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и русской государственной жизни. Возникшее подъ вліяніемъ особухъ историческихъ условий, мистическое направленіе естественно должно было исчезнуть и исчезло, какъ скоро жизнь общества приняла другой оборотъ. Къ паденію масонства немало содѣйствовали нѣкоторые духовные писатели, въ особенности юрьевскій архимандритъ Фотій, жестокій врагъ масонства, клеймившій многія изъ мистическихъ книгъ названіями *антихристіанскими*, *блсовскими* и т. п.

Кромѣ того, независимо отъ западныхъ вліяній возникали у насъ на Руси самородныя неправославныя направленія,

имѣвшія также свою литературу. Сюда относится (кроме древнихъ ересей стригольниковъ и жидовствующихъ) русскій расколъ старообрядства съ его многообразными развѣтвленіями, также секты молоканъ и духоборцевъ. Чрезвычайно обширная литература этихъ направленій, доселѣ не подвергнутая тщательному изслѣдованію, представляетъ въ себѣ смѣшеніе легендарныхъ элементовъ съ элементами, заимствованными отъ ересей восточныхъ и западныхъ.

Что касается до важности литературы неправославныхъ направленій, то, конечно, за нею нельзя признавать никакого авторитета въ дѣлѣ вѣры, но огромное историческое значеніе ея не подлежитъ сомнѣнію. Нельзя также отрицать въ некоторыхъ произведеніяхъ ея силы убѣжденія, своеобразности въ пониманіи христіанства и мужественной энергіи въ выраженіи этого пониманія.

Пр. Филаретъ представилъ указаніе некоторыхъ произведеній униатской, раскольнической и масонской литературъ (Обз. I № 165, 228. II № 97, 199), но это указаніе сравнительно со всею суммою литературы неправославныхъ направленій слишкомъ незначительно.

Въ послѣднее время стали издавать матеріалы, важные для исторіи неправославныхъ направленій въ Россіи. Сюда относятся: *Описаніе раскольничьихъ рукописей* Александра Б., *Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія*, изд. Есиповыхъ, *Раскольническая библіографія* Павла Любопытнаго, изд. въ «Библіографич. Запискахъ» 1861 г. и проч. Желательно, чтобы число подобныхъ изданій возросло болѣе и болѣе и чтобы хранящіеся въ архивахъ документы, относящіеся до исторіи неправославныхъ направленій, мало-по-малу приводились въ общую извѣстность. Желательно также, чтобы литература неправославныхъ направленій была изучаема въ связи съ

однородною ей литературою Востока и Запада, также въ связи съ нашею легендарною и полемическою духовною литературою. Такого рода изученіе прольетъ много свѣта на всѣ смежныя области.

V. СВѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЕЯ ОТНОШЕНІИ КЪ РЕЛИГИИ.

До времени Петра Великаго свѣтская литература не существовала отдѣльно отъ духовной. Тѣ отрасли, изъ которыхъ въ настоящее время слагается литература свѣтская, были поглощены массою литературы духовной. Пр. Филаретъ очень хорошо понялъ это. Въ *предисловіи* онъ говоритъ: «Русская литература до новыхъ временъ, до 1720 г., была вся, или почти вся, литературою духовною. Только въ новыя времена о духовныхъ предметахъ стали писать люди по преимуществу духовнаго званія. Въ старыя времена русскій народъ жилъ, или по крайней мѣрѣ думалъ жить, преимущественно жизнію религіозною. Потому и тѣ, которые писали тогда, писали въ религіозномъ духѣ. Изъ круга духовной литературы остается удалить развѣ тѣ письменныя произведенія древняго времени, въ которыхъ заключались уставы для временнаго житейскаго быта, договоры гражданскіе, грамоты купчія, мѣновныя, подрядныя, поручныя, таможенныя, судныя, жалованныя. Да и тѣ иногда писаны бывали въ духѣ глубокаго благочестія и съ свѣтлыми мыслями о значеніи человека, почему не иначе, какъ съ осмотрительностію должны быть исключаемы изъ круга духовной литературы.»

Со времени Петра Великаго свѣтская литература, созданная вліяніемъ западныхъ идей, совершенно отдѣлилась отъ духовной. Немного было такихъ литературныхъ явленій, какъ

журналы: *Малкъ*, *Радуза*, и другіе, которые пытались воскресить прежній порядокъ вещей, т. е. поглощеніе свѣтской литературы духовною. Такое одностороннее стремленіе было уже анахронизмомъ. Вообще же во всей совокупности своей свѣтская литература шла своею особою дорогою, независимо отъ литературы духовной. Тѣмъ не менѣе, понимая исторію русской духовной литературы, какъ исторію отраженія положительныхъ началъ христіанства въ сознаніи и жизни русскаго народа, нельзя при этомъ трудѣ опустить изъ вида свѣтскую литературу времени послѣ-пѣтровскихъ. Мы видимъ слѣдующія стороны, съ которыхъ значеніе ея особенно важно для насъ. Во 1-хъ, своимъ быстрымъ и многостороннимъ развитіемъ послѣ Петра свѣтская литература отрицательнымъ образомъ показываетъ, что въ русскомъ народѣ преимущественно развились интересы научные, художественные, общественные—къ ущербу и сравнительному ослабленію интересовъ собственно религіозныхъ. Во 2-хъ, свѣтская литература можетъ служить выразительницею религіознаго состоянія русскаго общества. Духовная литература въ этомъ отношеніи можетъ оказать намъ очень небольшую услугу. Ея проповѣди и другія произведенія довольно общи, отвлеченны и имѣютъ мало отношенія къ жизни современнаго общества. Въ свѣтской же литературѣ, преимущественно изящной, излагаются иногда факты религіозной жизни русскаго челоуѣка, быть-можетъ искаженные ложною постановкою, но имѣющіе въ основаніи своемъ дѣйствительность. Въ 3-хъ, свѣтская литература обнаруживала иногда и руководительное вліяніе на установленіе религіозныхъ убѣжденій образованнаго русскаго общества. Выше мы замѣчали, что безъ опредѣленнаго отношенія къ религіи не можетъ существовать никакое цѣльное міросозерцаніе. Наша

свѣтская литература пережила нѣсколько различныхъ цѣльныхъ міросозерцаній, заимствуя ихъ съ Запада въ видѣ готовыхъ философскихъ системъ. Она пережила эпоху философіи Лейбнице-Вольфгангской, эпоху Вольтера и энциклопедистовъ, эпоху философіи Канта, Гегеля и переживаетъ теперь эпоху философіи Фейербаха и современныхъ материалистовъ. Сообразно съ переменою философскихъ міросозерцаній измѣнялось отношеніе къ религіи и къ христіанству и въ нашей свѣтской литературѣ, и въ нашемъ образованномъ обществѣ. Что вужды, что наша духовная литература почти не замѣчала этихъ переменъ? На исторію религіознаго сознанія русскаго общества онѣ положили печать неизгладимую.

Пр. Филаретъ мало даетъ указаній для исторіи свѣтской литературы въ ея прямомъ или непрямомъ отношеніи къ духовной. Онъ исчисляетъ русскіе переводы сочиненій Вольтера (*Обз.* II, № 122); упоминаетъ объ ученыхъ трудахъ Неволлина, Надеждина, Павскаго и др., но, кажется, потому только, что авторы были духовнаго происхожденія.

Библиографія свѣтской литературы есть дѣло свѣтскихъ ученыхъ. Но духовная наука должна выдѣлить изъ свѣтской библиографіи элементы, годные для исторіи духовной литературы и подвергнуть ихъ тщательной обработкѣ. Въ особенности же духовная наука должна заняться изученіемъ послѣдовательно снѣнявшихся философскихъ системъ, въ ихъ отношеніи къ религіи и въ ихъ вліяніи на русское общество: потому что въ философіи—корень и жизненный нервъ всѣхъ опредѣленій общественнаго сознанія.

Мы коротко обозрѣли материалы, которые, по нашему мнѣнію, должны войти въ составъ будущей исторіи русской духов-

ной литературы. Читатель видитъ, какъ много нужно самыхъ разнообразныхъ и обширныхъ работъ, чтобы удовлетворить истиннымъ требованіямъ этой науки, чтобы представить по возможности удовлетворительную исторію того, какъ отразилось христіанство въ сознаніи русскаго народа, съ разумнымъ различеніемъ — что въ этомъ отраженіи согласно съ христіанскою истинною и что несогласно съ нею. Этотъ трудъ требуетъ совокупнаго усилія многихъ дѣятелей.

Научная постановка исторіи русской духовной литературы обѣщаетъ обильные плоды. Нѣтъ нужды много говорить о томъ, какимъ важнымъ и существеннымъ пособіемъ служить исторія духовной литературы для уразумѣнія внутренней исторіи Церкви Христовой. Разрытіе Геркуланума и Помпеи поставило изслѣдователей древности лицомъ къ лицу съ древнею жизнію; оно ввело ихъ въ жилища древнихъ римлянъ, какъ будто только что вчера оставленные ихъ обитателями. Подобное значеніе для знакомства не съ внѣшнимъ бытомъ, но съ внутреннимъ строемъ духовной жизни людей извѣстнаго вѣка можетъ имѣть изученіе литературныхъ памятниковъ того времени. Кто будетъ изучать духовную литературу извѣстной эпохи, тотъ какъ бы собственнымъ опытомъ переживетъ тѣ религіозные вопросы, идеи и потребности, какими жила тогдашніе христіане. Стать въ такое тѣсное, искреннее, непосредственное отношеніе къ внутреннему, религіозному міру нашихъ предковъ — для насъ весьма интересно и поучительно. Можно надѣяться, что и современная духовная литература, наученная историческими опытами, сдѣлается плодотворнѣе и жизненинѣе и окажетъ болѣе вліянія на простой народъ, живущій легендарными представленіями, на образованное общество, стоящее подъ вліяніемъ

свѣтской литературы, на отпадшихъ чадъ Церкви, увлекаемыхъ неправославными направленіями.

Обращаясь, въ заключеніе, къ книгѣ пр. Филарета, мы должны сказать, что, несмотря на указанные нами пробѣды, будущій историкъ духовной литературы воспользуется ею съ благодарностію, и будущая исторія русской духовной литературы оцѣнитъ заслуги того, кто былъ однимъ изъ ея трудолюбивѣйшихъ дѣятелей.

Ф. Алексѣевъ.

РУССКІЙ РАСКОЛЪ ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІИ КЪ ЦЕРКВИ И ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Содержаніе раскола составляютъ, какъ извѣстно, погрѣшности и заблужденія, вошедшія въ наши церковно-богослужебныя книги и потомъ уничтоженныя патріархомъ Никономъ. Церковно-богослужебныя книги съ самаго появленія своего въ Россіи пользовались особеннымъ уваженіемъ православнаго народа русскаго, какъ единственный почти источникъ народнаго религіозно-нравственнаго образованія. Въ нихъ народъ изучалъ догматы Вѣры, по ихъ наставленіямъ направлялъ свою жизнь. Въ темныя времена монгольскаго ига, когда ничего почти не писали, напротивъ уничтожалось и прежде написанное, это справедливое уваженіе къ церковнымъ книгамъ мало-по-малу переродилось въ суевѣрное благоговѣніе не только къ содержанію книгъ, но и къ буквѣ ихъ и даже къ погрѣшностямъ, которыя неизбѣжно вкрадываются во всѣ письменныя произведенія. Посему, когда преп. Максимъ Грекъ, по приказанію великаго князя, началъ исправлять погрѣшности богослужебныхъ книгъ, на него стали подозрительно смотреть русскіе люди; тяжело имъ было помириться съ мыслию о томъ, чтобы могли быть погрѣшности въ книгахъ, по ко-

торымъ спаслись, какъ думали и говорили тогда, всѣ русскіе святые (*). «Дрожь великая поняла и ужасъ напалъ на меня,» говорилъ писецъ преп. Максима, Михайль Медоварцевъ, когда тотъ велѣлъ ему загладить нѣсколько строкъ въ одной книгѣ (**). Это говорилъ человекъ приближенный къ Максиму, который по самому занятію и образованію своему долженъ былъ понимать законность Максимовыхъ дѣйствій. Другіе прямо называли преподобнаго «еретикомъ, растлѣвающимъ богодуховенныя книги» (***), возненавидѣли его, судили и осудили на тяжелое заточеніе. Суевѣрное благоговѣніе къ буквѣ книгъ стало возрастать болѣе и болѣе; погрѣшности и заблужденія, бывшія слѣдствіемъ невѣжества и въ свою очередь воспитывавшія невѣжество, стали умножаться,—и исправленіе потому спановилось часъ отъ часу труднѣе. Рѣшились при патр. Филаретѣ исправить служебникъ; но за то, что преп. Діонисій съ своими товарищами зачеркнулъ въ водосвятной молитвѣ лишнее слово «*оилемъ*, или за то, какъ тогда выражались, что злой еретикъ вздумалъ вывести огонь изъ міра, исправителей подвергли публичному поруганію и тюремному заключенію (****). Умные люди того времени боялись прикоснуться къ поврежденному тексту книгъ на томъ основаніи, что «единицею азбучнымъ словомъ ересь вносится» (*****); книги печатались или безъ исправленія, или съ легкимъ исправленіемъ вопіющихъ погрѣшностей. Въ это темное время людямъ дерзкимъ и невѣжественнымъ былъ пол-

(*) Слово 12 преп. Максима отвѣщательно о исправленіи книжномъ.

(**) Преніе Данила митр. московскаго съ инокомъ Максимомъ. М. 1847 г., стр. 10.

(***) Слово преп. Максима 11.

(****) Исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ при патр. Филаретѣ М. 1848 г.

(*****). Бол. Кат. рук. Сол. библ. № 469. л. 293.

ный просторъ вносить въ печатавшіяся съ рукописей книги свои любимыя заблужденія, и вся эта смѣсь истины съ погрѣшностями и заблужденіями получала наименованіе «божественныхъ, богодухновенныхъ книгъ» (*). Никто не смѣлъ подумать о лживости нѣкоторыхъ мѣстъ въ этихъ книгахъ, всѣ вѣрили имъ на слово, какъ Священному Писанію, и—какъ древняя старина училась и жила по церковнымъ книгамъ, такъ и теперь простодушные переводили вѣстѣ съ истинной самыя погрѣшности и заблужденія книгъ въ церковно-обрядовую и религіозно-нравственную жизнь. Въ это время на патриаршій престолъ вступилъ мужъ съ свѣтлымъ умомъ и непреклонной волей—новгородскій митрополитъ Никонъ. Онъ рѣшился прекратить распространеніе зла и изгладить изъ церковно-богослужебныхъ книгъ погрѣшности и заблужденія, уничтожить бездушное благоговѣніе къ буквѣ книгъ, которое, довольствуясь собою, легко уживалось съ отвратительной безнравственностью. Свое дѣло онъ произвелъ съ возможнымъ благоразуміемъ и осторожностію,—и вслѣдствіе его святаго дѣла возникъ расколъ въ русской Церкви.

Здѣсь обыкновенно остававливаются, думаютъ, говорятъ и пишутъ, что именно исправленіе книгъ и было причиной отпаденія раскола отъ церкви, что вся сущность раскола состоитъ въ разнообразныхъ погрѣшностяхъ и заблужденіяхъ, уничтоженныхъ патриархомъ Никономъ, что слѣдовательно не стоить и обращать вниманія на ничтожныя заблужденія раскольниковъ, которыя сами собою исчезнутъ съ распространеніемъ образованія. Мысли не новыя, не оригинальныя и, къ сожалѣнію, противныя исторіи. Преп. Максима Грека осудили какъ еретика, растлѣвающего богодухновенныя книги; а между тѣмъ исправленныя имъ книги введены были въ употреб-

(*) См. предисловіе и послѣд. старопечатн. книгъ.

леніе, и раскола не было. Преп. Діонисія судили, какъ еретика; а исправленный имъ служебникъ введенъ въ употребленіе, прежніе служебники отобраны и сожжены, и раскола не было. Отчего же произошелъ расколъ, когда исправилъ книги святѣйшій п. Никонъ, человекъ облеченный высшимъ церковнымъ саномъ, дѣйствовавшій совокупно съ царемъ и греческими патриархами и слѣдовательно заслуживавшій несравненно большаго довѣрія къ себѣ, и отчего расколъ не уничтожился послѣ паденія Никона? Правда, расколоучители возстали противъ Никона по поводу уничтоженія погрѣшностей и заблужденій, которыхъ и теперь держатся раскольники: но какъ объяснить силу, съ которой привились эти погрѣшности, не имѣющія въ себѣ силы, разнородныя и неодушевленные никакой идеей? Заблужденія раскольниковъ такъ мелки, такъ ничтожны, что часто не заслуживаютъ даже разсмотрѣнія; противъ нихъ нужно бываетъ говорить то же, что сказала одна обращенная къ Церкви раскольница на упрекъ прежнихъ собратій «гдѣ тронится аллилуія, тамо пріемлется чуждый богъ языческій:»—у язычниковъ многіе за боговъ были почитаемы, отвѣчала она, а чтобъ именовался какой ихъ богъ аллилуія, или чтобъ какому богу язычники пѣли аллилуія, того какъ въ церковныхъ, такъ и свѣтскихъ исторіяхъ не упоминается (*). Притомъ же заблужденія и погрѣшности были такъ очевидны, такъ ясно противорѣчили древнимъ книгамъ, что не могли не видѣть этого даже первые расколоучители (**). Посему смѣло можно сказать, что расколъ, несмотря на сует-

(*) Повѣсть о обращеніи къ Церкви Бронниной. М. 1843 г., стр. 55 и 56.

(**) Сборн. соч. Аввак. (Сборники сочиненій Аввакума, Лазаря, Неронова, Феодора, Аврамія, на которое мы будемъ указывать, принадлежать библіотекѣ каз. дух. академіи.)

вѣрное благоговѣніе къ буквѣ книгъ, не продержался бы и 20 лѣтъ самъ собою, безъ идеи, безъ постороннихъ подпоръ, и не оставилъ бы тѣхъ печальныхъ послѣдствій въ Россіи, которыя продолжаютъ доселѣ: сильное, правда, суевѣрное благоговѣніе къ буквѣ уступило бы гораздо сильнѣйшему и искреннему уваженію предковъ нашихъ къ священной іерархіи и царской власти, производившей и утверждавшей исправленіе книгъ. Слѣдовательно, чтобы поддержать возникшій расколъ, необходимо было поколебать авторитетъ священной іерархіи и царской власти; чтобы продолжить возникшій расколъ на 200 лѣтъ и болѣе, несмотря на распространяющееся просвѣщеніе, нужно было утвердить догматическую неприкосновенность погрѣшностей и заблужденій, уничтоженныхъ п. Никономъ; нужно было заставить не сопоставлять заблужденій съ истиной, а при сопоставленіи не обращать вниманія на противорѣчіе заблужденій истинѣ. Гдѣ же расколъ взялъ такую силу, которая сильна была противостать силѣ іерархіи, царской власти и истинѣ? Сознавая противорѣчіе истинѣ и себѣ, одинъ изъ первыхъ расколуучителей говорилъ, обращаясь къ православнымъ: «Четверо-конечный крестъ почитаете; аще вещь и такова же образомъ, якову церковь содержитъ на ризахъ и пеленахъ, но разнство веліе и заблужденіе въ вашемъ разумѣ» (*). Вотъ гдѣ главная опора раскола—въ разумѣ православной Церкви, въ ея разумнѣннн заблужденій раскольническихъ и противоположной имъ истины, въ происхожденіи и направленіи этого разумнѣнія по понятіямъ раскольниковъ. Какой же разумъ православной Церкви заставилъ расколуучителей и ихъ послѣдователей отвергнуть авторитетъ іерархіи, царя и самой исти-

(*) Сборн. соч. Аввак., л. 9.

ны, утвердить догматическую неприкосновенность заблуждений вопреки древнимъ примѣрамъ и ходу всей исторіи? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ намъ исторія и сочиненія первыхъ расколоучителей, которыми мы, разумеется, должны больше вѣрить, нежели соображеніямъ, основаннымъ на ничтожныхъ обстоятельствахъ и на поверхностномъ знаніи раскола.

Исторія говоритъ намъ, что при обращеніи русскихъ въ Христову вѣру, греки передали имъ свою вѣковую ненависть къ латинскому ученію и болѣе всего внушали остерегаться латинянь. Уже сочиненія первыхъ русскихъ учителей (напр. Θεодосія, митроп. Іоанна и др.) проникнуты отвращеніемъ къ латинству. Крестовые походы, флорентинская унія, нападеніе папъ на русскую церковь питали и утверждали эту ненависть. Мудрый святогорецъ пр. Максимъ, представитель истинной русской и греческой церкви о латинствѣ, хотя воспитался въ западныхъ школахъ, пишетъ противъ латинъ и даже ихъ имени противопоставляетъ имя христіанина: защищая супругу Іоанна III Софью противъ Берсена, онъ говоритъ: «Великая княгиня Софья по отцѣ хрестьянка, а по матери латынка» (*). Эта вѣковая ненависть къ латинству, постоянно усиливаемая разными событіями, напр. самозванцами и др., произвела и утвердила въ русскомъ народѣ то жесткое мнѣніе, которое выразилъ представитель русской церкви патр. Филаретъ въ своемъ «Соборномъ Изложеніи»: «всѣхъ еретическихъ вѣръ, говоритъ онъ, сквернѣйши и лютейши есть латыняне, папешницы: понеже всѣхъ древнихъ еллинскихъ, и жидовскихъ, и агарянскихъ, и еретическихъ вѣръ ереси проклятыя въ законъ свой пріяша, и со всѣми съ погаными языки, и съ проклятыми со всѣми же ерети-

(*) Сбор. кн. Оболенскаго М. 1838 № 3, стр. 10.

ками обще все дѣйствуютъ и мудрствуютъ» (*). На основаніи такихъ убѣжденій писатели того времени направляли свою дѣятельность преимущественно противъ латинянъ, и чтобы сдѣлать ихъ и ихъ мнѣнія и обычаи ненавистными для народа, придумывали разныя постыдныя сказки о папахъ: Петръ Гугнивомъ, Формосъ, Агесъ и др. Все это помещалось въ книгахъ «богодухновенныхъ» и принимаемо было съ полнымъ довѣріемъ. Народъ воспитался на этихъ книгахъ и воспиталъ въ себѣ самую глубокую ненависть къ латинству. Посему достаточно было назвать какое-нибудь мнѣніе или обычай латинскимъ, чтобы сдѣлать это мнѣніе или обычай ненавистнымъ для русскаго народа и навсегда помѣстить его въ разрядъ заблужденій. Нужно было писателю Стоглавника утвердить сугубую аллилуію, и онъ говорить о троеніи аллилуіи: «не трегубити аллилуіа. Сіа нѣсть православныхъ преданія, но латынская ересь: не славятъ бо Троицу, но четверятъ» (**); нужно было защитить честную бороду отъ вводившагося тогда брадобритія, и онъ говорить: «священныя правила православнымъ христіаномъ всѣмъ возбраняютъ не брить бородъ и усомъ не постригати. Таковая нѣсть православныхъ, но латынская и еретическая преданія» (***).

Первые расколоучители, воспитанные на этихъ книгахъ, хорошо понимали, что принять латинское мнѣніе или обычай значило въ глазахъ русскаго народа отказаться отъ Вѣры Христовой, потерять даже имя христіанина. Будучи личными врагами патріарха Никона и не имѣя возможности подтвердить истинными доказательствами ученіе старопечатныхъ

(*) Потреб. п. Юсифа, л. 561, на об.

(**) Стогл. гл. 42.

(***) Тамъ же. гл. 3, вопр. царск. 25.

книгъ, она съ радостію ухватились за мысль, что патріархъ Никонъ и всѣ единомысленные съ нимъ утверждаютъ латинскія ереси. Ничѣмъ нельзя было такъ сильно поколебать авторитетъ священной іерархіи, какъ мыслью объ отступленіи ея въ латинство, и расколоучители всѣми силами старались доказать эту мысль съ обычной своей грубостью. Никита Пустосвятъ писалъ: «въ Никоновѣ книгѣ (Скрижали) напечатано: діаконамъ, чернецамъ, и мірскимъ людямъ и женамъ младенцевъ крещати и то онъ, Никонъ, велѣлъ напечатать отъ римскія ереси»; «трократное знаменіе напечаталъ онъ отъ Формосовы ереси» (*). Попъ Лазарь производить отъ латинъ слова символа вѣры «не будетъ конца» вмѣсто «нѣсть конца»; слова Херувимской пѣсни «Трисвятую пѣснь припѣвающе» вмѣсто «приносяще»; слова священника: «причащаюся азъ рабъ Божій» вмѣсто «причащается»; обычай архіереевъ читать на Пасхѣ Евангеліе обратясь лицомъ къ востоку, а не къ западу; постановленіе припадать кающемуся предъ священникомъ на колѣна, не пѣть октоиха въ постъ (**), и др. Въ своей челобитной къ царю онъ писалъ «у мантии сдѣлали колокольцы; а у святыхъ отъ начала и до днесь колокольцевъ не бывало. Были таковыя колокольцы у плясовыхъ кобылокъ, да у собачекъ. А въ церкви римскія и яцкія власти съ колокольцы ходять и побрякиваютъ, а собаки за ними и предъ ними ходять и потявкиваютъ» (***) ; еще: «и то, государь, не явно ли ихъ латинство, яко во всякихъ мѣстѣхъ литургію велятъ служити?» (****). «Понеже бо, добавлялъ Никита, римляне под-

(*) Жезль Правл., л. 49., л. 56 на об.

(**) Жезль Правл. л. 98 на об. л. 98; л. 117; л. 109; л. 115 на об. л. 140.

(***) Сбор. соч. Лаз., л. 16 на об.

(****) Тамъ же, л. 34.

вижныя антимиііи нѣють и гдѣ хотять тако литургисають.» (*). Протопопъ Аввакумъ писалъ: «единъ воръ церковный за главу невѣсту Христову хватилъ и вѣнецъ богочрашенннй сорвалъ, еже есть древо жизни и спасенія честный и животворящій крестъ трисоставный возненавидѣли и сняли и вмѣсто того поставили крестъ латынскій... Четверокопечный и широкоперый крыжъ латынскій наче истиннаго креста почитаютъ» (**). Другіе челобитчики жаловались, что новыя учителя «на Троицкой вечерни молятся стоя по-римски на колѣнкахъ и главъ не преклоняютъ» (***), что «архіерен обѣма рукама осѣняяще народъ благословляютъ по-римски» (****) и проч. Однимъ словожъ, Никонъ, говоритъ Никита, «совершенно возлюбя ересь богоотчужденную римскую и равенъ есть патріархъ съ папою Петромъ Гугнивымъ еретикомъ, яко христонименитую вѣру во всеи съ латынью соедини, и явный есть христіанскій гонитель и папешскій ревнитель» (*****). Раскольникъ Савва въ описаніи стрѣлецкаго бунта говоритъ: «они власти старыя книги возненавидѣли и возлюбили новую латино-римскую вѣру, по своей волѣ, а не по Божіей сотворенную» (*****). Совершенно того же мнѣнія были всѣ послѣдующіе расколуучители: они старались отыскивать новыя сходства въ ученіи православной Церкви съ римскими ересями (*****). Въ повѣсти «О рожденіи и вос-

(*) Жезль Правл., л. 67.

(**) Собр. соч. Аввак., л. 26, л. 30 и на об.; ср. Жезль Правл., л. 64. Солов. Челоб. и др.

(***) Увѣтъ Дух., л. 141.

(****) Тамъ же, л. 182 на об.

(*****) Допол. къ Ак. истор., т. V. № 102, стр. 449.

(*****) Рук. исторія о вѣрѣ и челобитная о стрѣльцахъ.

(*****) Напр. - объявленіе перемѣнъ и новинъ въ церкви російствъ сушихъ, о пѣніи.

питаніи и о житіи и о кончинѣ Никона» говорится, что онъ «едино точію въ разумѣ имѣлъ—древнее отеческое благочестіе истребити, а инославное римское нечестіе утвердити» (*). Въ «Вопросахъ и Отвѣтахъ» почему нужно перекрещивать совращающихся въ расколъ, проводится параллель между римскою и русскою церковію: «что суть дѣла папы, и что суть дѣла Никона и ученикъ его? 1) Яко папа отверже священная и божественная писанія, своя же скверная незаконенія учини: тако и русская церковь священная книги отметнуша и прокляша, а его папешскія книги съ любовію приемятъ. 2) Яко же папа содѣла двочастный и отверженный крыжъ: тако и здѣ той же крыжъ латынскій воспріяша. 3) Яко же папа содѣла обливаніе: тако и здѣ тоже обливаніе воспріяша» (***) и пр. Такимъ образомъ мысль объ отступленіи русской церкви въ латинскую ересь, пущенная въ ходъ первыми расколоучителями, составила главную идею раскола и вмѣстѣ его опорю, не только ниспровергла авторитетъ русской церкви, но и сдѣлала ее столько же ненавистною для раскольниковъ, какъ была для нихъ латинская. Въ глазахъ народа, суевѣрно чтившаго «богодухновенныя книги», расколоучители были правы: эти книги дѣйствительно осуждали нѣкоторые обычаи, введенные патріархомъ Никономъ, какъ римскія ереси, напр. троеніе алилуіи, допущеніе по нуждѣ обливанія въ крещеніи и пр.; въ указаніяхъ на другія перемѣны, какъ на латинскія ереси, народъ вѣрилъ имъ на слово. Оставалась одна надежда, что авторитетъ вселенскихъ патріарховъ и свидѣтельство греческихъ книгъ поддержитъ дѣло русской церкви и ниспровергнетъ расколъ. Но расколо-

(*) Рукоп. раск.

(**) Рук. биб. кѣз. д. акад., л. 8 на об. и 9.

учители, чтобъ остаться послѣдовательными, оперлись на ту же идею и поколебали авторитетъ самой греческой церкви и греческихъ книгъ, имѣя такъ же основанія во временахъ до-никоновскихъ. Объ этихъ основаніяхъ была уже рѣчь въ «Правосл. Обзор.» (*). Поэтому мы скажемъ только кратко о взглядѣ русскихъ на грековъ. Греки много потеряли въ глазахъ русскихъ еще флорентинскою уніей, хотя и не утвердившейся въ Греціи. Митрополитовъ русскихъ стали рукополагать въ Россіи именно потому, что сомнѣвались въ православіи константинопольской іерархіи (**). Когда Константинополь взятъ былъ турками, возникло еще болѣе сомнѣній въ томъ, сохраняютъ ли греки древнее православіе. Въ 1525 г. Максимъ Грекъ при допросѣ показывалъ: «приходилъ ко мнѣ Иванъ Берсень и говаривалъ со мною о книгахъ и о царѣградскихъ обычаяхъ: нынѣ у васъ цари берсерменскіе и гонители, и вамъ де нынѣ отъ нихъ люта времена, и какъ вы отъ нихъ проживаете? И азъ ему говорилъ: цари у насъ злочестивые, а у патриарховъ и митрополитовъ въ ихъ судъ не вступаются. И Берсень молвилъ: хотя у васъ цари злочестивые, а хотятъ такъ; ино у васъ еще Богъ есть» (***)). Такъ уже въ началѣ XVI вѣка выражалъ сомнѣніе въ чистотѣ вѣры у грековъ образованный бояринъ Берсень-Беклемишевъ. Онъ же говорилъ преп. Максиму: «какъ пришла сюда великая княгиня Софья съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалася» (****) разумѣя новыя сношенія съ латинскими землями и преобразования. Умный игумень Ілія, которому поручено было въ 1627 г. исправить катихизисъ

(*) 1861 г. Ноябр.

(**) Акт. Ист., т. I, 41, ст. 85.

(***) Сбор. кн. Оболен. М. 1838. № 3, стр. 3.

(****) Тамъ же, стр. 10.

Лаврентія Зизанія, въ спорѣ съ сочинителемъ прямо выражалъ сомнѣніе въ достоинствѣ новыхъ греческихъ книгъ: «новыхъ переводовъ греческаго языка и всякихъ книгъ не-пріемлемъ; потому что греки нынѣ живутъ въ тѣснотахъ великихъ между невѣрными и по своихъ волахъ печатати имъ книгъ своихъ неумѣтъ; и для того вводятъ иныя вѣры въ переводы греческаго языка, что хотятъ» (*). Наконецъ, въ 1649 г. отправленъ былъ въ греческія страны Арсеній Сухаровъ для разсмотрѣнія богослужебныхъ чиновъ, и хотя по возвращеніи ничего не сказалъ противъ самыхъ чиновъ и вѣры грековъ, но много наговорилъ о безпорядкахъ при богослуженіи (**). А для русскаго народа, который жилъ церковно-обрядовою жизнью, безпорядки при богослуженіи значили почти то же, что потеря вѣры. На основаніи этихъ-то прежнихъ свидѣтельствъ, враги п. Никона напали и на грековъ и на греческія книги, и, чтобъ окончательно испровергнуть авторитетъ ихъ, обвинили греческую церковь, также какъ русскую, въ отступленіи въ латинскую ересь. «Греки уже много блудятъ въ вѣрѣ» (***), замѣчалъ Авраамій. Это блужденіе, по словамъ Лазаря, началось еще до взятія Константинополя турками: «Царь греческій Иванъ Мануиловичъ потребова челоувѣческія помощи и того ради отъ законъ отеческихъ отступи и къ папѣ приступи, хотя Іерусалимъ отъ турковъ очистить. Съ того времени принесли греки три папешскіе законы: 1) обливатися во святомъ крещеніи, 2) знаменатися тремя персты, 3) креста на себѣ не носить» (****).

(*) Бол. кат. рук. Сол. № 469, л. 294.

(**) См. Хожд. Арс. въ іерус. Сол. биб. № 135, л. 4—98. Срав. сбор. соч. Лав., л. 41.

(***) Сбор. соч. Авр. л. 59.

(****) Сбор. соч. Лаз., л. 39 и на об. Ср. сбор., начинающійся исторією о отцѣхъ и страдальц. Сол., л. 83 на об.

«Греческія книги двои стали давно у нихъ, говорилъ діаконъ Ѳеодоръ, рукописныя старыя малыя, кои остались не сожжены отъ римлянъ, и тѣ правы книги; и другія новыя печатныя... Тѣ книги у грекъ римляне на свой языкъ предложили, а старыя всѣ греческія сожгли враги проклятыя... и тѣ прокаженныя книги латинно-греческія печатныя Никонъ посылалъ покупать тамо... и съ тѣхъ новогреческихъ книгъ печаталъ онъ на Москвѣ новыя нынѣшнія книги; потому онъ и не согласенъ со старыми нашими. Арсеній Грекъ, врагъ Божій, научилъ его Никона покупать тѣ книги еретическія (*). И тѣми, государь, греческими книгами, жаловались соловецкіе челобитчики, они православную вѣру дотолика истребили, яко же и нѣтъ православія въ твоёмъ государствѣ российскомъ (**). То же съ разными прибавленіями повторяли и другіе расколоучители о греческихъ книгахъ и самихъ грекахъ, напр. Аввакумъ (***), Нероновъ (****), Никита (*****), Авраамій (*****). Гордые своимъ бездушнымъ православіемъ, малограмотные челобитчики писали: «нынѣшніе, государь, греческіе учителя пріѣзжаютъ не исправлять, но злата и серебра и вещей собирать, а міръ истощать. Въ лѣпоту убо имъ пріѣзжать самѣмъ учиться православнѣй христіанствѣй вѣрѣ

(*) Сбор. соч. Ѳеодора, л. 25 и 26. Какъ протестъ противъ развившагося въ то время мнѣнія о сожженіи греческихъ книгъ римлянами и особенно турками и о потерѣ греками православія, дошло до насъ замѣчательное сказаніе «О царѣ Турскомъ Махметѣ, како восхотѣ сожещи греческія книги» Ивана Пересѣтова, автора эти столы къ Іоанну В. IV (Оп. рук. цар. № 490, —Ист. Гос. Р., т. IX, пр. 849.—Сол. биб. № 43.

(**) Сол. Челоб. въ сбор. начинающ. ист. о от. и страд. Сол., л. 83 на об.

(***) Сбор. сочин. Аввак., л. 61 на об. и 62.

(****) Сбор. соч. Нерон., л. 123, 31 на об. и 32.

(*****) Жезль, л. 52 на об. Дополн. къ Акт. Истор., т. V № 102, стр. 449.

(******) Сб. соч. Авр., л. 177 на об., 178 и 69.

и благочестія навязати (*). Лучше, государь, старыиъ грекамъ вѣрить, а не нынѣшнииъ плутоиъ турскимъ свидѣтелямъ, которые иѣняють вѣру и продають на золото, на серебро и на соболи сибирскіе» (**). Так. обр. убѣжденіе въ отступленіи грековъ въ ненавистную латинскую вѣру совершенно подорвало авторитетъ церкви греческой и заставило раскольниковъ, отвергнувъ всякое руководство въ вѣрѣ, сосредоточиться въ себѣ самихъ, составить отдѣльное религиозное общество.

Но это еще не послѣднее зло. Мысль объ отпаденіи въ римскую вѣру русской и греческой церкви привлекла къ себѣ, какъ слѣдствіе и дополненіе, другую мысль, еще болѣе существенную, болѣе страшную и сильную для раскола,— мысль о воцареніи антихриста въ мнимыхъ отступникахъ отъ вѣры. Страшная мысль объ антихристѣ перепугала всю Европу спустя 1000 л. отъ Р. Хр., на которыя связанъ былъ сатана по Апокалипсису (гл. 20, 2. 7), и волновала ее болѣе двухъ столѣтій. Греки, много пострадавшіе отъ крестовыхъ походовъ, убѣждены были, что антихристъ явится въ Римѣ. Мысль о кончинѣ міра и антихристѣ страшила всю Россію въ концѣ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра (1492 г.). Съ того времени эта мысль не исчезала въ Россіи, и наши писатели, при размышленіи о времени и мѣстѣ появленія антихриста, любили обращать взоры свои къ темному, ненавистному для нихъ Западу. Писатель книги о Вѣрѣ, напечатанной въ Москвѣ за 7 л. до начала раскола (1648 г.), прямо доказывалъ, что настали послѣднія времена, что папа есть антихристовъ прѣдтеча, что скоро явится и самъ антихристъ-папа, соединившій человѣческую и Божію

(*) Сол. Челоб. въ печат. обор., л. 87 и на об.

(**) Сбор. соч. Авр., л. 126 на об.

власть въ одномъ лицѣ. Бывши очевидцемъ страшныхъ насилій латинскихъ при введеніи уніи въ Малороссіи, онъ, на основаніи вѣкоторыхъ соображеній, вздумалъ предсказывать появленіе антихриста около 1666 г.: «много предотечевъ, но и самъ уже близъ есть по числу еже о немъ, 666; число бо человекесо есть антихристово. Кто вѣсть, аще въ сихъ, 1666, явственныхъ предотечевъ его или того самаго не укажетъ». Указывая начало антихристова царства въ отпаденіи латинъ отъ греческой церкви, въ отпаденіи уніатовъ въ латинскую ересь, онъ заключаетъ: «по исполненіи лѣтъ числа, 1666, не непотребно и намъ отъ нихъ винъ опасеніе имѣти, да не нѣкое бы что зло пострадати» (*). И вотъ, когда патріархъ Никонъ сталъ исправлять церковно-богослужбеныя книги, или, по выраженію расколоучителей, сталъ отпадать въ римскую вѣру—антихристово царство, всѣ они завопіяли о пришествіи антихриста: «книга о правой вѣрѣ, говорили они, указа ихъ (отступниковъ) яко перстомъ въ лице, и книга Орель (небопарный) сказа намъ время се» (антихристово (**). Ефремъ Потемкинъ и другіе проповѣдывали «антихриста аки уже пришедша» (***)); Аврамій писалъ «посланіе къ нѣкому боголюбцу о послѣднемъ времени и о своемъ страданіи», въ которомъ доказывалъ, что Никонъ антихристъ, или по крайней мѣрѣ послѣдній предтеча его, и доказывалъ это, какъ говорить, даже на увѣщаніи предъ пастырями церкви (****). Діаконъ Федоръ «въ посланіи о познаніи антихристовой прелести» писалъ: «первѣе по развязаніи своемъ діаволъ из-

(*) Кн. о Вѣрѣ, гл. 30, л. 268 на об., 269 на об., 272.

(**) Сб. соч. Фед., л. 80; также л. 16 на об. и 73 на об.

(***) Доп. къ Ак. Ист., т. V, № 102, стр. 453; см. посл. Шк. Тоб., изд. при Пр. Соб., стр. 112; Увѣтъ, л. 41.

(****) Сб. соч. Авр., л. 156, 157, 159 на об.; 160 и 162 на об.; 187 и 188.

шедь изъ бездны Римъ нечестіемъ порази со всѣми западными странами, и пошедь до нашего царства на пути Литву отступленіемъ плѣни. Таже по исполненіи имепи его (666) и наше російское царство нечестіемъ похити и конечнѣ воцарися всякимъ нечестіемъ надъ всею вселенною, яко Августъ... и сѣде окаанный въ Божіей церкви на мѣстѣ святѣмъ» (*). «Отнынѣ начинались, увѣрять Авраміи, времена десятипестробразна антихристовой прелести по числу звѣря 666... онѣ власти въ прелести сопротивника пребывають» (**); «имуть надъ собою царя, дополнялъ Лазарь, аггела бездны, ему же имя еврейски Аваддонъ, а еллински Аполліонъ» (***). Отсюда само собою слѣдовало, что всѣ измѣненія въ церковно-богослужебныхъ книгахъ и обрядахъ суть дѣйствія антихриста. «Нѣкакѣ странно, говорить Аввакушъ, тремъ персты запечатлѣшася въ сокровищи всегубителя, глаголю печатію антихристовою, въ ней же тайна таиннашъ зійи, звѣрь и жепророкъ» (****); «не буди того, выводитъ отсюда Авраміи, пріяти льстиваго и лукаваго бѣса, скрывшагося въ три простые персты, аще ли кто сего пріиметь, будетъ на немъ печать сатанина звѣрина число 666» (*****). Послѣдующіе расколоучители старались возводить къ антихристу разныя учрежденія Церкви, противоположныя ихъ убѣжденіямъ, напр. «о святыхъ тайнахъ, четвероконечный крестъ, имени *Исусъ*, говорили, что нынѣшнія вѣры преданіе не Христа истиннаго Бога нашего, но лож-

(*) Сбор. соч. Фад., л. 175 на об. и 176; также 55 и 56; см. сб. соч. Лаз., л. 40 на об. и слѣд.

(**) Сб. соч. Авр., л. 46 на об.

(***) Сб. соч. Лаз., л. 46 на об.

(****) Сбор. соч. Авв., л. 90 на об. См. Посл. Игн. Тоб., стр. 22 и 23.

(*****') Сб. соч. Авв., л. 135 на об. См. сб. соч. Лаз., л. 146 на об.

наго антихриста, съ нимъ же здѣ начальникъ и льстецъ Никонъ» (*). Попъ Лазарь, показавши, что современные ему пастыри русской Церкви послѣдователи латинства—слуги антихристовы, заключаетъ: «того ради не подобаетъ намъ къ римскимъ ересямъ приставати» (**).

Итакъ главная идея раскола, сущность его въ той мысли, что правосл. церковь русская и греческая отступила въ латинскую вѣру и вѣстѣ съ этимъ отступленіемъ наступило царство антихристово. Эта идея сообщила расколу силу, которой не могло быть въ его вѣроученіи. Эта идея опредѣлила взглядъ раскольниковъ на православную церковь, существенныя черты котораго мы видѣли при опредѣленіи самой идеи. Подробное изложеніе этого взгляда потребовало бы много времени, и не нужно: для большей ясности дѣла мы сдѣлаемъ только необходимыя краткія замѣчанія.

Расколъ съ воцареніемъ антихриста призналъ уничтоженіе церковной іерархіи.

Изыдъ врагъ вѣры христіанскія (поютъ пѣнѣ раскольники)
 Сынъ погибельный, Никонъ, блудный сынъ...
 Воцарялися слуги антихриста,
 Христіанъ они люто мучили
 Извели они іерейскій чинъ,
 Погубили чинъ епископскій (***) .»

Вслѣдствіе такого убѣжденія расколъ отказался отъ правильныхъ требованій русской исторической жизни и принялъ противно-историческое направленіе. Тогда какъ прежде русскій народъ съ любовію и уваженіемъ обращался къ духо-

(*) Сб. соч. Авв., т. 28.

(**) Сб. соч. Лаз., т. 35 и на об.

(***) Сб. пѣс. рас.

венству и жилъ преимущественно церковно-обрядовою жизнью: тотъ же русскій народъ, совратившись въ расколъ, потерялъ всякое уваженіе и довѣріе къ духовенству и, думая жить по старинѣ, живетъ совершенно противоположно древней жизни. «Злые архіереи, писалъ діаконъ Ѳеодоръ, поставляются славы ради и чести и богатства міра сего, и гордостію надуваются, и святителя властію величаются, и преобразуются во апостолы Христовы. И то не дивно есть, братіе; и самъ бо сатана преобразуется во ангела свѣтла, ему же они послѣдуютъ дѣлеса своими злыми; и сего ради попираемъ бѣсовскую ихъ клятву» (*). «Попы и діаконы не священны суть по правиламъ; вси они отступницы и еретицы глупіи. Православнымъ христіанамъ не подобаеть отъ нихъ нынѣ благословенія пріимати, ни службы, ни крещенія, ни молитвы, и въ церкви съ ними не молитися, ниже въ дому, то есть часть антихристова полка, и отъ исполненія церковнаго самовольнѣ отсѣкшеся, но отъ всепагубнаго сына геены, пагубнаго сосуда сатанина, явившагося въ свое время настоящее, о немъ же вамъ изреку, Никола еретика, адова пса, злѣйша и лютейша паче всѣхъ древнихъ еретикъ, иже быша подъ небесемъ» (**). Вотъ настоящій взглядъ раскольниковъ на церковную іерархію, вотъ настоящія отношенія къ церковной власти и къ Церкви вообще! Свое отрицаніе церковной власти и Церкви вообще они заключили въ весьма характеристическихъ словахъ одной пѣсни:

«Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ,
Съ попами дьяками хлѣбъ-соли не водитъ» (***);

(*) Сб. соч. діак. Ѳед., л. 143 на об. и 144.

(**) Тамже, л. 151 и на об. там., л. 154, 156 на об., и 157. Увѣт., 10, 35. 118.

(***) Сб. рас. пѣсн.

они имѣютъ даже «поученія отъ божественнаго писанія, яко не подобаетъ христіанамъ приходить въ церковь латынскую», то-есть православную. «Нынѣшняя церковь, говорятъ они, нѣсть церковь, тайны божественныя не тайны, крещеніе не крещеніе, архіереи не архіереи, писанія лестна, ученіе не праведное и вся скверна и неблагочестна» (*). Поэтому раскольники съ отверженіемъ іерархіи отвергли и всѣ таинства св. церкви, будучи твердо увѣрены, что она не въ Бога вѣруеть, но въ антихриста, котораго проповѣдуетъ подъ именемъ Иисуса, крещеніе и всѣ таинства, истребленный антихристомъ, содержитъ не во Святую Троицу, но въ сатану (**). «Суетно ихъ кадило, говорилъ еще Аввакумъ, и мерзостно приношеніе: понеже бѣсомъ жрутъ Никоніане, а не Богу» (***)). Отказавшись отъ таинствъ пр. Церкви и не имѣя ихъ у себя, они успокоиваются такими разсужденіями: «Аще чего за нужными случаями не можемъ получитьи, въ тѣхъ случаяхъ тако пребываемъ, якоже древле святія во времена нужная пребываху» (****). Въ своемъ дальнѣйшемъ отрицаніи раскольники, напр. послѣдователи такъ-называемыхъ безпоповщинскихъ толковъ, доходятъ до безотраднаго убѣжденія, что нигдѣ на землѣ и ничего нѣтъ святаго, достойнаго уваженія, и превращаются въ чистыхъ деиствоу, преданныхъ всему разгулу страстей:

«Самъ Спасъ исповѣдникъ, самъ Спасъ и причастникъ,
Въ Христовой любви есть праздниковъ праздникъ» (*****).

«Въ нынѣшнее время послѣднее овца овцу пася, сама

(*) Доп. къ Акт. Ист., т. V, № 102, стр. 445.

(**) Пол. Ист. изв. о раск. Андр. Ив., изд. 1795 г., ч. 2, стр. 32 и др. также рук. объ ант., стр. 5, 6, 30.

(***) Соб. соч. Авв., л. 6.

(****) Пред. къ Пом. отв.

(*****) Сб. рас. пѣсн.

себя паси» (*). На томъ основаніи, что «все новое никоніанское мудрованіе и уложеніе ложно есть и лукаво, и отеческому писанію противно, и богоборно, и богомерзско есть по всему» (**), раскольники отказались отъ всякаго религіозно-нравственнаго образованія, злобно отвергають всѣ книги, писанныя въ православной церкви и особенно направленные противъ нихъ, съ проклятіемъ на тѣхъ, которые читають ихъ, и потому, будучи грамотными, или, лучше, малограмотными, остаются чистыми невѣждами въ вѣрѣ и нравственности. Для примѣра вотъ отзывъ ихъ о книгѣ Жезль, напечатанной соборомъ русскихъ пастырей въ 1666 г.: «Сей Жезль отъ бездны, отъ разумнаго вулкана, злаго діавола, всяку бурю нечестія и претыканія и соблазны на царство и на непостижимую церковь Христову наведе. Иже творя рать со святыи глаголаше славу хульную на Вышняго изрыгая сирадныя бесѣды, подпора джеучителемъ, сатанину первенцу. И отъ сего діавольскаго жезла возшаташася людіе Господни на ихъ развращенія мутна... Сей жезль сатанинъ еще кто чтеть и вѣруеть въ него, нѣсть христіанинъ» (***). Свои отношенія ко всему, что дышетъ православіемъ, и въ частности къ православнымъ чадамъ церкви, они характеризуютъ слѣдующими замѣчательными словами: «никоніанина убить—семь пятницъ молока не есть».

Свою идею объ антихриствѣ расколъ, по необходимости, долженъ былъ перенести изъ церковной области и въ гражданскую и вслѣдствіе того стать въ непріязненные отношенія и къ гражданскому порядку. Этими нашъ расколъ и всѣ ереси, существующія въ Россіи и образовавшіяся подъ несомнѣн-

(*) Обл. непр. раск., л. послѣд. на об.

(**) Собр. соч. діак. Фед., л. 34 на об.

(***) Сб. соч. Авр., л. 122 на об. и 123.

нымъ, хотя и непрямимъ, вліяніемъ старообрядства, и отличаются отъ другихъ ересей и расколовъ древнихъ и новыхъ. Сначала расколоучители думали убѣдить царя Алексѣя Михайловича удержать Россію отъ принятія римскихъ ересей. Первый изъ расколоучителей протопопъ Нероновъ передаетъ такой гласъ «отъ образа Спасова», говорившій ему въ самомъ началѣ раскола: «Іоаннъ, дерзай и не бойся до смерти; подобаетъ ти укрѣпити царя о имени моемъ, да не постражаетъ днесь Русія, якоже Юниты» (*). Потому враги п. Никона писали царю множество челобитныхъ, въ которыхъ жаловались на разные нововведенія, указывали на бѣдствія, какія претерпѣвала тогда Россія за эти будто нововведенія и требовали собора для утвержденія мнимо-старой вѣрм. Когда составился требуемый соборъ въ 1666 году и отсѣкъ раскольниковъ отъ церкви (въ 1667 г.), когда царь утвердилъ постановленія собора и подвергъ раскольниковъ гражданскимъ наказаніямъ: тогда расколоучители стали съ прискорбіемъ провозглашать, что «напоили никониане царя Алексѣя Михайловича піана неповинною христіанскою кровію и своимъ прокислымъ ученіемъ прелести, и ограбили душу его яко татіе и разбойницы духовныи, снявше съ него драгую ризу православія, и облекоша его во многошвенная своя и раздранная рубища нечестія многого» (**). Но расколъ, 'занятый не столько новшествами, сколько происхожденіемъ ихъ отъ латинъ и воцареніемъ съ ними антихриста въ Россіи, не могъ остановиться на этихъ только скорбныхъ провозглашеніяхъ: онъ пошелъ далѣе, и во имя своей идеи, вмѣстѣ съ отверженіемъ авторитета церковной власти, рѣшился отвергнуть авторитетъ власти царской.

(*) Сб. соч. Нерон., л. 68.

(**) Сб. соч. Д. Фед. л. 100 на об.

Явленіе чрезвычайно поразительное по своему противорѣчію исторической жизни древней Россіи! Удивляешься величественному терпѣнію русскаго народа, когда читаешь о жестокостяхъ Іоанна Грознаго; умиляешься, когда слушаешь, съ какою любовію искалъ русскій народъ послѣднюю отрасль угасавшей династіи, Михаила Романова, съ какою любовію дѣлѣялъ его потомъ въ лѣта неопытной молодости. Такой же любовію пользовался и Алексѣй Михайловичъ, и въ русской головѣ не могла, повидимому, уложиться мысль—отказаться отъ «богоучрежденной» царской власти. Между тѣмъ расколоучители во имя своей идеи торжественно провозгласили тотчасъ послѣ собора 1667 г.: «во время се нѣсть ни царя, ни святителя. Единъ бысть православный царь на земли остался, да и того не внимающаго себя *западніи* еретицы, яко облацы темніи, угасили христіанское соднце и сведи во тьму многія прелести и погрузили, да не возникнетъ на истинный свой первый свѣтъ правды. Увы! увы бысть! И се возлюбленніи, заключаютъ они, не явно ли антихрстова прелестъ показываетъ свою личину?» (*) Съ того времени, по ученію раскольниковъ, всероссійскіе императоры—не законные цари Россіи, но похитители престола: потому что Алексѣй Михайловичъ «отсѣчеся отъ колѣна царскаго, и прелестію восхитивъ власть, нѣсть отча и дѣдина престола наслѣдникъ, но восхититель престола римскаго, сирѣчь преемникъ римскія вѣры» (**). Но еще не все. Съ того времени цари русскіе, по понятію раскольниковъ, суть слуги антихрстовы; съ того времени не цари царствуютъ, но антихристъ, который обновляется въ каждомъ

(*) Сб. соч. Д. Фед., л. 161.

(**) Сказ. объ антих., еже есть Петръ I. Въ сборн. библ. каз. д. ак., начинающемся выпискою изъ пращицы о крестѣ, л. 57 на об.

изъ нихъ. «Невидимый змій проклятый діаволь, говоритъ Ѳеодоръ, входитъ въ изобрѣтенные своя сосуды, въ двоицу окаянныхъ человекъ, царя и патріарха, и бываетъ нечистая троица, южь видѣ Богословъ въ трехъ нечистыхъ духахъ, змія, звѣря и лживаго пророка. Ипполитъ же святой и прочіи исповѣдницы Христовы не толковаша змія въ діавола, звѣря же во антихриста, сирѣчь царь лукавый, лживаго же пророка-духовнаго чина начальника, рекше патріарха. И тако бываетъ тройца пребеззаконная, Пресвятой Троицѣ противница» (*). Для подтвержденія своего ученія о царской власти, расколоучители всегда старались находить число антихристово (666) въ именахъ русскихъ царей посредствомъ разныхъ измѣненій именъ ихъ и приложенія именъ людей, близкихъ къ нимъ въ какомъ-либо отношеніи. Такъ антихристово число содержитъ, по ихъ вычисленіямъ, имена Алексѣя царя, Никона патріарха и Арсенія Грека, главныхъ дѣятелей въ исправленіи книгъ, имена Александра I, Аракчеева и др. Такое понятіе о царяхъ раскольники провели отчасти и въ свою религіозную практику: молиться за царя для многихъ изъ нихъ значить молиться объ укрѣпленіи антихристово царства. Потому, когда поморяне, по случаю пріѣзда слѣдственной комиссіи, рѣшились молиться за царя, то едосѣвцы прозвали ихъ самарянами и предписали епитиміи всѣмъ, кто «поморянъ почиталъ хотя мало православными» (**).

Изъ общаго понятія раскольниковъ о царской власти, какъ власти антихристовой, вытекаютъ всѣ частныя понятія о принадлежностяхъ царской власти, о законахъ, судопроизводствѣ, о всѣхъ предметахъ, напоминающихъ царскую

(*) Сб. соч. д. Ѳед., т. 177 и 178.

(**) Пол. истин. изв. о рас., ч. 2, ст. 22—24.

власть, вообще о всѣхъ обычаяхъ государственныхъ. На всемъ этомъ лежитъ печать антихристова, все это ненавистно для раскольника. Сводъ законовъ, по ихъ мнѣнію, «Богомъ ненавидимыя, кривосказательныя, духоборныя книги»,—лица правительственныя всѣ—слуги антихристовы: святѣйшій Синодъ—«жидовскій синедріонъ», правительствующій сенатъ—«антихристовъ совѣтъ»; все дѣлопроизводство по законамъ—«никоніанскій богоборный судъ» (*). Всѣ учрежденія царской власти, самыя безразличныя въ отношеніи къ вѣрѣ, возводятся къ антихристу и къ ненавистному Риму. Петръ В. принимаетъ титулъ императора и раскольники толкуютъ: «сей скверный сосудъ сатанинъ Петръ, родившійся по числу 1666 отъ беззаконнаго новаго жидовина царя Алексѣя Михайловича... именовася императоромъ... скры пагубное свое имя подъ литерою м, а прочій слогъ на азбуцѣ содержитъ число имени его (666)... Иператоръ отъ Рима изыде, да къ намъ въ Русію приде». Переноситъ Петръ В. празднованіе новаго года на 1-е января,—и раскольники толкуютъ: «въ 1700 году возобнови по совершенномъ всея злобы исполненіи новолѣтіе янусовское.. собра весь свой поганскій синклять въ 1-й день генваря мѣсяца и постави храмъ идолу ветхоримскому Янусу». Для точнѣйшаго опредѣленія подушныхъ податей устанавливаетъ Петръ В. ревизію, и раскольники вопіютъ: «до лѣтъ Петровыхъ не было описанія народа русскійскаго..., а сей гордый князь міра, антихристъ властный, и одушевленъ образъ самого сатаны по образу Августа Кесаря учинили народное описаніе, и по записаніи въ своя пагубныя книги, требуя дани душевныя, сирѣчь съ душъ человѣческихъ». Петръ В. называется Петромъ I, и раскольники умствуютъ: «Той ложный Мессія помазанникъ сата-

(* Сказ. объ антих., л. 36 и на об. и др.

нинъ антихристъ, превозносясь надъ славу Сына Божія—превысочайшую власть, именовася Петръ I. Мы вси въ чинхъ лѣтахъ жительствуемъ? «восклицають они;» свободно путь препровождаемъ по даннымъ пашпортамъ и именовъ сатанинымъ. Ого бѣда!» (*) «Печать его (антихриста)—пѣ-нязи, въ пѣнязехъ знамя его; сего ради зело мнози уклоняются отъ вѣры... Мы видимъ нынѣшнія денги бумажны, страшны и ужасны» (**). Однимъ словомъ все, что только происходитъ отъ царской власти, направлено, по мѣтню раскольниковъ, къ тому, «дабы никто не пребывалъ въ прежней правой вѣрѣ, и на римскія новыя еретическіе уставы приступали» (***)), и потому ненавистно для раскольниковъ. Самые даже мелочныя обычаи и предметы и притомъ такіе, которые существуютъ и у самихъ раскольниковъ, изувѣры злобно осуждаютъ. Напр. правила еедосѣвскія запрещаютъ растить волосы, носить малахай и шляпы подъ опасеніемъ строгой епитиміи и отлученія отъ церкви въ случаѣ непослушанія (****). «Аще кто дерзнетъ пити чаю, учать раскольники, той и *отчае*тъ силѣ самого Господа, и да будетъ трикраты проклять. Аще кто дерзнетъ пити *кофю*, въ томъ человекѣ будетъ *ковъ* и лукавство и не будетъ самого Господа Бога въ сердцѣ; десятикратному анаематствованію будетъ преданъ» (*****). «Трава, зовомая *картовъ* (картофель) антихристова похоть... отъ Рима начало имать» (*****).

(*) Сказ. объ ант. въ Сб. л. 42 на об.; 43 на об. и 44; л. 36 и 61 на об. 6, 47, 48; л. 41 на об.; л. 63 и на об.

(**) Сб. ркп. начинающ. выпиской изъ челоб. дрв. письм. биб. каз. д. а., л. 50 и 51.

(***) Сказ. об. ант. въ сб., л. 39.

(****) Пол. вст. изв. о раск., ч. 2, ст. 57 и др.

(*****) Сб. рас., л. 48.

(******) Цвѣт. раск.

«Пришло времечко гонимо (поютъ нынѣ раскольники),
 Народился злой антихристъ,
 Во всю землю онъ вселился,
 Во весь міръ вооружился.
 Стали его волю творити,
 Усы, бороды стали брить,
 Латынскую одежду носить,
 Трепроклятую траву пити» (курить табакъ) (*).

Постоянныя преслѣдованія раскола только укрѣпляли его возрѣнія на правительство, и вѣроятно служили немалымъ стимуломъ къ самымъ бунтамъ, извѣстнымъ въ исторіи. Бунты эти страшнымъ потокомъ разливались по юго-восточной Россіи подъ предводительствомъ мятежныхъ раскольниковъ Разина, Булавина, Некрасова, отказавшихся отъ всякаго повиновенія церкви и правительству. Собошники Стеньки Разина пронесли свой мятежный духъ по всей Россіи и въ соловецкой обители, отказывавшейся тогда отъ новопечатныхъ книгъ, довели дѣло до того, «что начата быти во всемъ противны, не токмо св. церкви хулами, но и благочестиваго царя не восхотѣша себѣ въ государя лѣгти» (**). Десять лѣтъ продолжалось сопротивленіе, пока монастырь не взятъ былъ вооруженной силой. Однако затѣмъ произошелъ за мнимо-старую вѣру страшный бунтъ въ самой Москвѣ: мятежные стрѣльцы цѣлую недѣлю душили и рѣзали бояръ, даже близкихъ къ царскому дому, нагло требовали отъ царской власти восстановленія старой вѣры и съ трудомъ были усмирены. Не указывая на разныя неудавшіяся возмущенія раскольниковъ, упомянемъ о страшномъ мятежѣ Пугачева, который объявилъ себя законнымъ

(*) Сб. раск. пѣс.

(**) Посл. Игн. Тоб. 3, гл. 38.

государемъ Россіи и получилъ благословеніе на царство отъ иргизскаго монаха-раскольника; за благословеніе обѣщалъ раскольническому монаху патріаршіи престолъ (*), будущихъ своихъ подданныхъ жаловалъ большимъ крестомъ и бородой (**), и взволновалъ весь юго-восточный край Россіи.

Вѣрные предписаніямъ своихъ учителей, раскольники выражали и доселѣ выражаютъ свои отношенія къ правительству и государственному порядку въ удаленіи отъ правительства. Бѣгство отъ правительства особенно сильно было въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка, когда цѣлыя тысячи раскольниковъ бѣжали изъ Россіи въ предѣлы Швеціи, Польши, Австріи, Турціи, къ крымскому хану, на Кавказъ, также скрывались въ непроходимыхъ лѣсахъ вологодскихъ, пермскихъ и др. Это отношеніе доселѣ выражается въ сильномъ бродяжничествѣ раскольниковъ, которое олицетворилось въ сектѣ «странниковъ», отвергающей всякую власть и всякія гражданскія отношенія. Другое отношеніе—открытое, но не общее сопротивленіе власти; вслѣдствіе того, мнимое страданіе за вѣру породило тысячи мучениковъ, сожженныхъ правительствомъ, сожгшихся самовольно, и вообще умертвившихъ себя многоразличными способами (***). «Всякъ вѣрный много не раздумывай, писалъ Аввакумъ, гряди со дерзновеніемъ въ огонь и постражди съ радостію Господа ради своего, яко добръ воинъ и вѣрный рабъ Исусъ Христовъ» (****). «Иного времени долго ждати такого, якоже нынѣ, говорятъ современные раскольники, само царство небесное приближается, лишь бы кому

(*) Матер. для стат. Росс. имп. 1839 г., отд. 2, ст. 86 и прим.

(**) Ист. Пугач. бунта Пушк. Свѣтл. 1838, гл. 12, стр. 20.

(***) См. синод. Раск. биб. каз. д. а. '17.

(****) Сборн. соч. Аввак., л. 17.

охота была, можно есть спастися; мало нынѣ Христа ради претерпимъ, да жизнь вѣчную наслѣдимъ» (*). И досель Христось увѣщаетъ безпоповщинскіе толки въ ихъ пѣсняхъ:

« Не сдавайтесь вы, мои свѣты,
 Тому змію седмглаву,
 Вы бѣгите въ горы, вертепы,
 Вы поставьте тамъ костры большіе,
 Положите въ нихъ сѣры горючей,
 Свои тѣлеса вы сожгите.
 Умирайте, мои свѣты,
 За крестъ святой, за молитву,
 За свою браду честную,
 За мою вѣру Христову» (**).

Мы изложили главныя мысли раскола и отношеніе его къ церковному и гражданскому порядку, желая дать истинное понятіе о значеніи его въ Россіи. Въ своемъ изложеніи мы ни на шагъ не отступали отъ ученія самихъ раскольниковъ. Считаемо только необходимымъ замѣтить, что идея объ уклененіи православной церкви въ латинство одинаково принадлежитъ сектамъ безпоповщинскимъ и поповщинскимъ; другая идея—о воцареніи въ Россіи антихриста—преимущественно принадлежитъ сектамъ безпоповщинскимъ, хотя не чужда и нѣкоторымъ поповщинскимъ сектамъ. Вслѣдствіе этого и отношеніе поповщинскаго раскола къ церкви и гражданскому порядку не такъ строго, какъ отношеніе раскола безпоповцевъ. Внимательное изученіе исторіи раскола приводитъ ещекъ одному выводу, — именно: чѣмъ мягче мѣры правительства противъ раскола, тѣмъ снисходительнѣе становятся рас-

(*) Сб. Раск., л. 5 на об.

(**) Сб. раск. пѣсней.

кольники во взглядѣ на церковь и гражданскій порядокъ, даже самая безумная идея ихъ объ антихристѣ сдаетъ свои жесткія черты, блѣднѣетъ, переходитъ въ мысль о духовномъ—невидимомъ царствованіи его, и теряетъ свое широкое приложеніе къ жизни. Но объ этомъ послѣ.

И. Довротворскій.

СОСТОЯНИЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ДѢЛЪ ВО ФРАНЦІИ.

(Періодическое обозрѣніе)

Очень и очень многіе обсчитались въ своихъ расчетахъ и предположеніяхъ, ожидая скораго рѣшенія римскаго вопроса, который однако остался предложѣнъ государственно-религіозныхъ волненій во Франціи и на 1862 годъ. Важные документы, обнародованные правительствомъ и сообщенные камерамъ, разлили яркій свѣтъ на всѣ дипломатическія дѣйствія, какъ со стороны тюльерійскаго кабинета, такъ и со стороны Ватикана. Въ этихъ документахъ открываются всеусерднѣйшія искательства Франціи добиться миролюбивой сдѣлки между папствомъ и новымъ италіанскимъ королевствомъ. Несмотря на это, мы все-таки должны сказать, что римскій вопросъ не подвинулся ни на шагъ впередъ. Въроятнѣе всего, и въ этомъ году вопросъ не будетъ исполнѣнъ. Вообще здѣсь начинаетъ даже преобладать увѣренность, что, самъ по себѣ, римскій вопросъ еще далеко не созрѣлъ къ окончательному рѣшенію.

Въ самомъ дѣлѣ, понятны колебаніе и страхъ людей, при-

званныхъ на разгромъ чудовищнаго и страннаго могущества, которому имя «Первосвященническое Царство». Всѣ боятся ответственности передъ современниками и судомъ исторіи. Роль уничтожителя, разорителя старины, хоть и ветхой и дряхлой до непомятости, не такъ легка, какъ можно бы подумать съ перваго взгляда. Строители, которымъ выпалъ жребій разобрать старую храмину, боятся дотронуться до нея, еще опасаясь за самихъ работниковъ, могущихъ попасть подъ развалины.

Наполеонъ III нисколько не ожидалъ того взрыва различныхъ страстей, какой обнаружился при мысли о возможности паденія гражданской власти папства. Положимъ, этотъ взрывъ ограничился только извѣстными слоями общества. Но въ этихъ слояхъ болѣе жизненности и силы, чѣмъ подозрѣвали, и Наполеонъ III, несмотря на все свое нравственное мужество, не устоялъ, и рѣшилъ, кажется, окончательно: продлить во сколько можно предсмертную борьбу политическаго-первосвященническаго могущества. Если къ этому прибавить сопротивленіе религіозно-монархической партіи, съ которыми онъ все же вынужденъ считаться, положеніе передоваго общественнаго мнѣнія въ Италіи, и наконецъ самую его привычку—какъ можно болѣе медлить и затягивать всякій важный, капиталный вопросъ, тогда легко понять его рѣшимость предоставить времени разрѣшеніе римскаго вопроса.

Приближеннымъ императора французовъ рѣдко удается вырвать у него хоть полслова собственныхъ его мнѣній и предположеній. Между тѣмъ они думаютъ, что въ немъ преобладаетъ духъ либерализма и свободы. Онъ видимо готовъ помогать освобожденію угнетаемыхъ. Положительно то, что въ душѣ своей онъ съ радостію рукоплескалъ силь-

ной рѣчи принца Наполеона, своего двоюроднаго брата, который открыто и прямо объявилъ сенату, что римскій вопросъ можно рѣшить однимъ только выводомъ изъ Рима оккупационнаго французскаго войска. Между императоромъ французовъ и его двоюроднымъ братомъ преобладаетъ согласіе. Разумѣется, положеніе принца Наполеона весьма щекотливое; но императоръ выказываетъ ему довѣренность. Это прямо противорѣчитъ слухамъ, распространяемымъ о ихъ мнимой разладѣ и даже политическомъ соперничествѣ. Однако не должно упускать изъ виду, что если, по старымъ своимъ привычкамъ, императоръ французовъ дѣйствительно либераленъ и свободолюбивъ, и поэтому, насколько могъ, выказывалъ свое сочувствіе къ италіянскому народу, то съ другой стороны, онъ глубокой, отчаянной врагъ демократіи, которой представителями въ Италіи—Гарibaldi и Мадзини, сильнѣйшіе дѣятели возстановленія италіянскаго единства. Императоръ знаетъ, что демократія питаетъ къ нему смертельную ненависть, что въ немъ одномъ она чувствуетъ сильную преграду къ освобожденію разныхъ племенъ, подпавшихъ подъ иноплеменническое иго другихъ народовъ. Между Наполеономъ III и демократіею идетъ частная борьба, и обѣ партіи не могутъ простить другъ другу разность своихъ взглядовъ, понятій и стремленій, несмотря на то, что ни та, ни другая не могутъ существовать безъ взаимной поддержки: поэтому онъ и терпятъ другъ друга, и даже отстаиваютъ другъ друга. Императоръ боится всеобщаго взрыва европейской демократіи, если онъ передастъ въ руки Италіи древній капитолій, нѣкогда владыку и обладателя цѣлаго міра. Такимъ образомъ приверженцы гражданской напской власти весьма хорошо знаютъ, въ чемъ дѣло, и искусно пользуются запутаннымъ

положеніемъ императора, которому безпрестанно представляютъ передъ глаза призракъ переворота, грозящаго въ Римѣ не только уничтоженіемъ папской гражданской власти, но вмѣстѣ съ нею—опасностію и вообще монархической власти. Наполеонъ III, должно отдать ему справедливость, политикъ весьма тонкій и ловкій, но въ немъ преобладаетъ странная слабость, о которой я уже имѣлъ случай упомянуть въ одной изъ моихъ предыдущихъ статей:—онъ считаетъ себя законнымъ монархомъ Франціи по праву наследственному, и забываетъ, что избраніе его удалось только потому, что вообще въ простомъ народѣ съ понятіемъ о Наполеонѣ I какъ-то сливалось понятіе освобожденія отъ разныхъ дрязговъ среднихъ вѣковъ, еще уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ въ нашемъ законодательствѣ, и въ особенности въ нашихъ правителяхъ.

Личность Наполеона III вся состоитъ изъ противорѣчій: такова его и политика. Онъ либераленъ, и между тѣмъ ненавидитъ демократію, вѣчно грозящую ему и ненавидящую его. Онъ монархистъ, и роковымъ образомъ обреченъ на разрушеніе одной изъ древнѣйшихъ, существующей понынѣ монархіи. Какъ либераль, онъ любитъ потакать народнымъ страстямъ и принимаетъ съ гордостію привѣтъ демократическаго императора. Какъ монархистъ, онъ дружитъ съ маркизомъ де-Ларошъ-Жакленомъ, одарившимъ его въ сенатѣ грамотою на право власти наследственной. Кто не постигъ этихъ двухъ противоположныхъ направленій въ Наполеонѣ III, тотъ никогда не въ состояніи истолковать его политическихъ дѣйствій. Въ этой-то двойственности стремленій должно искать истолкованія и двуличности въ политикѣ императора французовъ касательно римскаго вопроса.

Священная коллегія смотритъ на него съ неавиастью, какъ на прямую причину утраты главнѣйшихъ частей Церковной Области: коллегія никогда не забудетъ и не проститъ ему письма къ Эдгару Нею, въ которомъ заключался зародышъ имперской программы касательно не только Церковной Области, но и всѣхъ прочихъ монархій Европы. Въ понятіяхъ кардиналовъ Наполеонъ III самое чудовищное явленіе революціоннаго духа, а между тѣмъ въ Римѣ гражданская власть папы сдерживается пока орудіемъ вѣнчаннаго революціонера. Какъ будто еще нарочно, Наполеонъ III всячески окружаетъ и папу и его кардиналовъ различными выраженіями почтенія, уваженія и преданности. Но, охраняя папу, какъ гражданского властителя противъ всей Италіи и самихъ римлянъ, Наполеонъ III думаетъ оградить и самого себя отъ всякихъ попытокъ и Италіи, и отчасти самой Франціи, свергнуть съ себя тяжелое иго самовластия, подобнаго которому не отыскать ни въ Римѣ двѣнадцати кесарей, ни въ Византіи послѣднихъ временъ, ни наконецъ въ самыхъ среднихъ вѣкахъ.

Въ сущности католическая партія совершенно безсильна, но, противодѣйствуя императору, она находитъ себѣ силу въ убѣжденіи, что не сънимъ народное мнѣніе. И это очень хорошо извѣстно императору; зато ему помогаетъ тайная полиція, организованная съ неслыханнымъ искусствомъ и знаніемъ дѣла. Всѣ бывшіе заговорщики различныхъ партій, закупленные правительствомъ, находятся теперь въ ея рядахъ, и любопытнѣе всего то, что большинство согладатаевъ взято изъ числа отважнѣйшихъ іезуитовъ и жидовъ. Такимъ образомъ Наполеону извѣстны всѣ заговоры, составляемые во Франціи противъ его власти.

Недавно въ Парижъ прибылъ одинъ изъ архіепископовъ

ожныхъ епархій. Этотъ архіепископъ прежде отличался ревностною преданностью къ императору, который съ своей стороны весьма жаловалъ архипастыря. Министръ Руланъ, при первомъ свиданіи съ нимъ, спросилъ его:

— А что, ваше высокопреосвященство, вы вѣроятно представитесь его величеству?

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ архіепископъ.— Я было питалъ кой-какія надежды, которыя не сбылись, и мнѣ было бы неловко предстать передъ его величествомъ.

— Неужели это можетъ служить вамъ препятствіемъ? Вѣдь всѣ васъ знали, какъ самаго искренняго приверженца императора.

— Такъ было...

— Ну, а если императоръ выразитъ желаніе васъ видѣть? прервалъ министръ.

— Въ такомъ случаѣ, дѣлать нечего, представляюсь.

Дѣйствительно, на другое утро архіепископъ получилъ приглашеніе отъ императора явиться ко двору. Духовный сановникъ не преминулъ явиться.

— Преосвященный, сказалъ ему императоръ, — вы мною недовольны?

— Государь, отвѣчалъ архіепископъ,— признаюсь вамъ, я ожидалъ отъ васъ совершенно иного, если в. в. только хотите припомнить свои обѣщанія.

— Отъ исторіи я ожидаю себѣ болѣе справедливаго сѣда, чѣмъ какой слышу отъ французскаго духовенства. Впрочемъ мнѣ нравится, что французскіе епископы отстаиваютъ и защищаютъ права святаго отца. Это ихъ право и ихъ обязанность. Только желаю бы, чтобы подъ этимъ предлогомъ они не вдавались въ заговоры противъ меня.

— О, государь! воскликнулъ архіепископъ,— епископы не заговорщики.

— Знаю, что вы сами не изъ числа заговорщиковъ; но... видите ли это бюро: въ немъ лежатъ два письма, и я вамъ ихъ покажу. Одно изъ нихъ писано на имя герцога д'Омальскаго епископомъ **. Онъ увѣдомляетъ, что часъ возстановленія орлеанской династіи насталъ, что все готово; но надѣются, что орлеанцы съумѣютъ поддержать права церкви и утвердить гражданскую власть святаго отца. Это письмо было перехвачено на почтѣ. Я велѣлъ взять съ него копію, а оригиналъ приказалъ доставить по назначенію. Мнѣ хотѣлось узнать, каковъ будетъ отвѣтъ. Отвѣтъ полученъ мною, и вотъ онъ. [Прошу васъ замѣтить, что это не копія, а оригиналъ. Выраженія герцога исполнены достоинства. Онъ благодарить епископа за его приверженность и старанія; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣдомляетъ его, что мои дѣйствія въ итальянскихъ дѣлахъ таковы, каковы они долженствовали быть, и что если бы онъ былъ на моемъ мѣстѣ, то не могъ бы дѣйствовать иначе.—Въ заключеніе, императоръ прибавилъ:—Повѣрьте, ваше преосвященство, я всегда буду въ состояніи воздать всякому свос. Отдаю полную справедливость тѣмъ изъ епископовъ, которые дѣйствуютъ и противъ меня, сообразно съ ихъ вѣрованіями и убѣжденіями, но открыто и въ особенности съ умиренностью, какъ на дѣлѣ, такъ и на словахъ.—

Здѣсь надобно замѣтить, что герцогъ д'Омальскій очень хорошо зналъ, что письмо епископа ** имѣло уже счастье быть прочтено его императорскимъ величествомъ.

Впрочемъ императору извѣстно нравственное состояніе Франціи. Ему извѣстно, какъ и всѣмъ намъ, что наприимѣръ флотъ приверженъ къ орлеанской династіи, что африканская армія въ рукахъ орлеанистовъ, что даже въ самой Франціи болѣе половины французской арміи—противъ него. Партія ор-

леанистовъ выигрываетъ съ каждымъ днемъ; къ ней въ особенности принадлежитъ финансовая аристократія, которая болѣе могущественна, чѣмъ вообще думаютъ. Такимъ образомъ раздражить еще клерикальную партію значитъ заставить и ее примкнуться окончательно къ орлеанистамъ, и тогда сила противниковъ имперіи перетянетъ непремѣнно силу правительства. Вотъ почему въ послѣднее время Наполеонъ III такъ мягко и слабо дѣйствуетъ противъ клерикальной партіи.

Надѣюсь, изъ сказаннаго понятно, какъ императоръ относится къ римскому вопросу. Онъ питаетъ ненависть къ единству Италіи, и потому радъ противопоставлять ему гражданскую власть папы, пока отыщется иной рычагъ или тормасть, какъ угодно. Ему равно страшны теперь и либерализмъ и клерикалы. Главное теперь—помышлять всѣмъ партіямъ соединиться въ одну цѣлую громаду. Въ Италіи онъ боится демократіи, во Франціи онъ опасается духовенства. Тамъ онъ страшится примиренія демократіи съ религіею, здѣсь онъ пугается мысли союза религіи съ демократіею.

Мы по необходимости довольно долго останавливаемся на политическихъ вопросахъ. Во Франціи въ послѣднее время религія и политика до того перепутаны между собою, что ихъ отдѣлить нѣтъ возможности.

Наполеону предстоялъ выборъ между Италіею, единичною и могущественною, которая посредствомъ тѣснаго союза съ Франціею, съ однимъ изъ сильнѣйшихъ народовъ латинскаго племени въ южной Европѣ, могла бы предоставить ей важную роль въ политикѣ міра, и между Италіею, обезсиленнымъ союзомъ. Побѣдитель при Сольферино предпочелъ послѣднее. Этотъ фактъ имѣлъ свое значеніе. Италія угадала, въ чемъ дѣло, и съумѣла съ необыкновеннымъ искусствомъ, и не

обожая черезъ-чуръ своего могущественнаго освободителя, заставить его помогать себѣ. Имперія вынуждена теперь втиснуться въ систему единства, и искать, во что бы ни стало, союза съ народомъ, который она презирала, какъ неспособный къ осуществленію вѣковыхъ своихъ стремленій. Между тѣмъ всякому понятно, что Италія безъ Рима—все равно, что обезглавленное тѣло; имперія вынуждена въ настоящее время поддержать ее въ домогательствахъ. Тутъ много надѣются на смерть папы. Думаютъ: со смертію папы, всѣ затрудненія отстранены. Римскій народъ провозгласитъ во всеуслышаніе свою волю. Отвѣтственности за личную безопасность папы боже не будетъ. Викторъ-Эммануилъ представитъ всей Европѣ поручительства касательно безопасности будущаго папы, котораго родитъ конклавъ. Въ Римѣ останется нѣсколько войска французскаго и италіянскаго, и то и другое будетъ стоять постоемъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Вѣчномъ Градѣ. Новому папѣ, если только онъ не увлечется надеждами реакціи, останется только одно—согласиться на совершившееся дѣйствіе.

Конечно, проще и практичнѣе подобнаго рѣшенія не найти. Но католическая партія съ совершенно одинаковымъ правомъ предполагаетъ иную случайность; она съ своей стороны восклицаетъ: «ну, а если в. в. умрете прежде папы,—что же тогда?» На этотъ вопросъ, конечно выражаемый дипломатическимъ языкомъ, императоръ отвѣтилъ, черезъ своего двоюроднаго брата, въ одномъ изъ оппозиціонныхъ журналовъ, именно въ *Opinion Nationale*, статью, подписанной секретаремъ редакціи. Знакъ, что она истекла свѣше, и назначена для того, чтобы распознать общее мнѣніе. Статья довольно хитро предлагаетъ среднее положеніе: замѣнить французскій постой въ Римѣ смѣшаннымъ франко-италіянскимъ постоемъ.

Это дало бы возможность впустить заблаговременно Виктора Эмианула въ Римъ, гдѣ итальянское знамя въ такомъ случаѣ будетъ развиваться на крѣпости Сентъ-Анжа рядомъ съ знаменемъ Франціи. Такимъ образомъ роль покровителя папства будетъ раздѣлена между двумя державами, которыхъ представители будутъ—съ одной стороны французскій, а съ другой итальянскій военачальникъ. Если папа смолчитъ, то это уже будетъ началомъ рѣшенія. Если же онъ убѣжитъ изъ Рима, то Франція можетъ объявить во всеуслышаніе по цѣлой Европѣ, что она сдѣлала, что могла, дабы примирить папу съ Италією, но все было тщетно, и что римскій дворъ всячески отклонялъ и отдалялъ отъ себя всякую возможность примиренія и полюбовной сдѣлки.

Но такой выходъ окруженъ тысячью опасностей со стороны клерикальной партіи. Она и теперь уже восклицаетъ по поводу статьи, о которой я упомянулъ: «Если папа уйдетъ изъ Рима, то вся вина все-таки должна пасть на самого императора. Къ чему было приобщать къ французскому постою итальянскія войска? Папа не покинулъ бы въ такомъ случаѣ Рима. Лучше всего было оставаться въ *statu quo*. И справедливо, что предлагаемый исходъ поставитъ только въ новое затрудненіе императора. Вѣроятно, онъ еще разъ одумается и не допуститъ поста полу-французскаго, полу-итальянскаго, изъ опасенія возбудить снова взрывъ гнѣва и негодованія клерикальной партіи. Однако можетъ-статься, что положеніе, предлагаемое въ *Opinion Nationale*, и сбудется въ крайнемъ случаѣ.

Нерѣшительность имперской политики касательно религіознаго вопроса дурно отражается и на другихъ вопросахъ жизни. Правительство теряетъ кредитъ, и чрезъ это колеблются всѣ дѣла и предпріятія—коммерческія и промышленныя. Нѣтъ

торговли, нѣтъ работы. Нѣтъ работы, нѣтъ и хлѣба, а голодь— не свой братъ. Таковы послѣдствія у насъ само-малѣйшей незвѣстности, и всякаго, хотя бы ничтожнаго, замѣшательства въ политикѣ. Теперь у насъ такой застой, что старики подобнаго не запомнятъ. Даже въ 1848 году, въ который такъ любягъ бросать издали грязью, даже въ этомъ году не было такого затишья въ дѣлахъ и оборотахъ. Жалобы слышатся не только между торговцами и дѣльцами, но даже и между тѣми, которые живутъ случайными доходами. И все это сваливается на правительство, которое медлитъ рѣшеніемъ римскаго вопроса. Общее мнѣніе до того настаиваетъ на этой причинѣ, что объ американскомъ переломѣ, даже о торговомъ договорѣ съ Англіею, нѣтъ и помину. Замѣчательнѣе всего, что тутъ сходятся люди самыхъ противоположныхъ стремленій.

• Если бы, говорятъ одни, императоръ не дозволилъ развернуться честолюбію Піемонта, то Римъ и Неаполь остались бы независимы, и въ Италіи все было бы хорошо и спокойно ».

• Если бы, твердятъ другіе, императоръ вывелъ нашъ военный постой изъ Рима, вопросъ тотчасъ же порѣшился бы. Викторъ-Эммануиль возсталъ бы на Квириналѣ, а папа, волей-неволей, долженъ бы довольствоваться однимъ Ватиканомъ. Тѣмъ бы все и кончилось ».

Главная ошибка императора состояла въ томъ, что онъ побоялся быть смѣлымъ тамъ, гдѣ вся Франція поддержала бы его. А теперь, что бы императоръ ни задумалъ сдѣлать для поправленія своихъ промаховъ, вездѣ и всюду ему ставятъ преграды. Въ сенатѣ напр. было предложено увеличить содержаніе низшаго духовенства. Между тѣмъ кардиналы-сенаторы, испугавшись, чтобы имперія не выиграла

въ популярности въ многочисленномъ сельскомъ духовенствѣ, отклонили предложеніе подъ предлогомъ, будто бы сельское наше духовенство ни въ чемъ не нуждается, да и не думаетъ о своей нищетѣ, а просить въ настоящее бѣдственное время обратить вниманіе на рабочій классъ, не имѣющій способовъ къ заработкамъ. Сенатъ, выслушавъ рѣчи господъ кардиналовъ, не могъ скрыть ни своего удивленія, ни своего негодованія. Всѣ поняли тайныя побужденія, руководившія мнѣніемъ и словами сердобольныхъ безсребренниковъ, получающихъ отъ 180 до 350 тысячъ франковъ годоваго содержанія. Къ несчастію, императоръ не могъ понять, что это обстоятельство отдаляетъ отъ его престола до сорока тысячъ человекъ дѣльныхъ и вліятельныхъ въ народѣ.

Другой, весьма значительной для имперіи мѣры, также не могутъ здѣсь добиться отъ него. Всѣ просятъ пересмотра, или точнѣе—уничтоженія конкордата.

Древняя, отжившая свой вѣкъ, французская монархія, оставила намъ весьма незавидное наслѣдство,—мы разумѣемъ ту зависимость государства отъ церкви, которой мы обязаны разнообразными непрестанными столкновениями, расприми и стѣсненіями. Въ то же время сама церковь давно уже, и не безъ причины, жалуется на то, что наши монархи и правители мѣшаютъ ей въ ея нравственномъ и религіозномъ развитіи; свободное ея дѣйствіе, всякое ея вліяніе уничтожаются непрестаннымъ надзоромъ и опекою правительства. Помочь этому горю можетъ только радикальное, коренное преобразование существующаго порядка. Но передъ такимъ преобразованиемъ до сихъ поръ всѣ, слѣдовавшія одно за другимъ правительства, останавливались со страхомъ и боязнью. Мы гордимся званіемъ передоваго народа, и все же поклоняемся съ жалкимъ подобострастіемъ старому наряду, какъ искони передали намъ его наши дѣды и отцы.

Третья имперія, наследница первой и второй имперіи, перваго и втораго возстановленія бурбоновъ и іюльскаго монархіи, получила въ наследіе конкордаты, посредствомъ котораго она заправляетъ и управляетъ дѣлами церкви въ свою пользу и въ ущербъ церкви и самой вѣрѣ. Если прослѣдить, какъ былъ заключенъ нашъ конкордатъ главнымъ консуломъ, то можно удивляться только тому, какъ онъ могъ донинѣ существовать, не произведши еще большихъ безпорядковъ въ общественной жизни. Конкордатъ былъ принятъ правленіемъ Луи-Филиппа такъ, какъ онъ былъ составленъ первоначально. Извѣстно, что главный консулъ хлопоталъ о самомъ себѣ, заготовляя себѣ имперскую корону, и нисколько не заботился о томъ, будутъ ли, нѣтъ ли страдать церковь и государство отъ непрестанныхъ и неизбѣжныхъ столкновеній. Все это обнаружилось теперь ко взаимному вреду и для церкви, и для государства. Вѣра изсякла, нравственность упала до коллосальнаго разврата—политическаго и умственнаго. Общество въ совершенномъ разобщеніи съ религіею, и между государствомъ и церковью господствуетъ гибельная для той и для другаго непримиримая вражда. Можно сказать, что церкви во Франціи нѣтъ: вездѣ сгублена и попрапа въ прахъ ея древняя, святая свобода. Вопреки надеждамъ царей-первосвященниковъ, правительство держитъ церковь въ оковахъ. Конкордатъ далъ въ руки гражданской, государственной власти возможность попирать въ конецъ не только низшее духовенство, но и самихъ епископовъ. Стоить только всмотрѣться пристальнѣе въ послѣдствія подобной сдѣлки, называемой конкордатомъ, чтобы вполне удостовѣриться въ томъ. Религія и нравственность считаются теперь или пустыми словами между невѣрующими людьми, или словами равнозначущими кощунству, изувѣр-

ству, пустому формализму—между людьми, еще не потерявшими для вѣры. Вотъ уже слишкомъ два года продолжается это волненіе умовъ, и кто знаетъ, до чего все это можетъ дойти? Но кончиться должно непременно однимъ изъ двухъ: или паденіемъ третьей имперіи, или же совершеннымъ отдѣленіемъ церкви отъ государства.

Съ нѣкотораго времени неестественное положеніе церкви, порабощенной государствомъ, обнаружилось до такой степени, что люди всѣхъ партій и вѣроваій настоятельно и неотступно настаиваютъ на необходимости—окончательно приняться за постоянное рѣшеніе этого труднаго вопроса. Очевидно, что у государства свои интересы, свои выгоды и свои влеченія, для которыхъ оно жертвуетъ всѣмъ. Понятно, что духовенство, сильно затронутое въ собственныхъ выгодахъ, противоборствуетъ изъ всѣхъ силъ. Отсюда—страшное столкновение, которое рано ли, поздно ли можетъ обнаружиться самымъ плачевнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ голосъ общаго мнѣнія все громче и громче окончательно требуетъ свободы церкви и независимости ея отъ государства.

Правительство, которое мужественно рѣшится наконецъ прибѣгнуть къ желанному рѣшенію вопроса, выиграетъ сколько въ общемъ мнѣніи, столько въ собственной силѣ. Невмѣшательство въ дѣла церкви развяжетъ ему руки во многомъ. Стоить только предоставить каждому свободу вѣроисповѣданія, которой не существуетъ у насъ ни въ законахъ, ни на дѣлѣ. Здѣсь позволяется всякому быть католикомъ, протестантомъ, жидомъ, магометаниномъ и атеистомъ,—только не дозволяется быть ни православнымъ, ни принадлежащимъ къ какому бы то ни было другому вѣроисповѣданію, не внесенному въ разрядъ правительственныхъ списковъ. Я и мой сынъ—французы, пользующіеся по законамъ

всѣми правами, не можешь официально быть вписаны въ графъ шнуровыхъ избирательныхъ книгъ православными. Намъ хотѣли вписать въ протестанты. Я отклонилъ эту честь, и противъ нашихъ именъ въ параграфѣ: *Религія* стоитъ пробѣлъ, единственный между 22,147 избирателей нашей общины. Такъ мы и слышемъ безъ вѣронсповѣданія. По счастью, требовать отъ насъ не могутъ непременно вписаться или въ жида, или въ протестанта, или католика. Открытыхъ гоненій нѣтъ; но сколько мелочныхъ притязаній и гадостей дѣлается вокругъ меня и противъ меня, со стороны кого бы вы думали? Не духовенства католическаго, а самого правительства, т. е. его мелкихъ чиновниковъ.

Странная судьба Наполеоновъ! сдѣлаться старшими сынами церкви и всехристіанскими царями, тогда какъ первый изъ нихъ открыто принадлежалъ, въ 93 году, къ школѣ Голбаха, т. е. къ школѣ матеріалистовъ!

Самое худшее слѣдствіе конкордата — еще не въ томъ, что правительство можетъ отрѣшиться отъ должности любого епископа, отозвать отъ своего прихода любого священника. По праву конкордата папа можетъ отказать въ каноническомъ поставленіи и водвореніи любого епископа, возведеннаго въ этотъ санъ правительствомъ. Тутъ онъ не обязанъ даже сказать, почему онъ отказывается. Въ настоящее время императоръ не можетъ добиться отъ папы ставленной грамоты г-ну Монлику (Monliq), назначенному на епископскій престолъ Гвадалупы. Такими отказами всегда почти руководствуютъ политическія причины, иногда достаточно увѣренности, что избранный епископъ (какъ напримѣръ г. Марэ), принадлежитъ къ галликанской партіи. Такъ духовныя потребности общества остаются въ пренебреженіи изъ однихъ капризовъ между папою и королемъ или императоромъ. Въ цар-

ствование Лудовика XIV двадцать пять епархій оставались въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ безъ архипастырей, потому только, что король повздорилъ съ папою! Пій IX потому только, что онъ не доволенъ Наполеономъ III, можетъ отказывать въ ставленной грамотѣ епископамъ нѣсколько лѣтъ сряду, а Франція можетъ оставаться такъ долѣ, пока папа и императоръ вздумаютъ помириться—впредь до новой распри. Такииъ образомъ конкордаты есть не что иное, какъ постоянный предлогъ распри и вражды, столкновения и борьбы между гражданскою и духовною властями. До конкордата, епископовъ поставляли во Франціи митрополиты: тогда престолы архипастырскіе не зависѣли отъ капризовъ и своеволія ни папъ, ни королей. И нынѣ всѣ согласны, что во французской церкви господствуетъ страшный безпорядокъ, и что главная тому причина—конкордаты.

Истинктивное чутье либеральной Франціи все болѣе и болѣе возстаетъ противъ непомярнаго распространенія монашескихъ и братскихъ общинъ. Это возстаніе ярко обрисовывается ежедневными статьями журналистики, непрестанно взывающей къ настоящему, единственно возможному судилищу всякаго дѣла, къ общему мнѣнію. Многочисленны въ особенности брошюры и мелкія сочиненія, гдѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія обсуживается дѣло монашескихъ общинъ. Нѣтъ сомнѣнія, что публику сильно расшевелили всѣ эти голоса современной журналистики и литературы. Для примѣра достаточно упомянуть о нелѣпой брошюрѣ, пущенной въ свѣтъ подъ извѣстнымъ заглавіемъ *Monita Secreta iезуитовъ*. Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ вамъ объ этой книжкѣ, мѣсяцевъ пять или шесть тому назадъ, ея было распродано до двадцати тысячъ экземпляровъ. Это доказываетъ, что вновь усилившееся вліяніе добрыхъ отцевъ общества Іисуса тревожить не на шутку наше общество.

Урокъ, заданный *Monita Secreta*, доказываетъ одно, что духовныя, монашескія общины всегда руководились на западѣ, въ латинскомъ католицизмѣ, духомъ стяжанія, необыкновеннымъ умѣніемъ дѣйствовать въ свою пользу сколько можно гражданскою властью. Матеріальныя выгоды—вотъ на чемъ основано существованіе этихъ общинъ. Нельзя скрыть той опасности, которою угрожаютъ ордены нашему современному обществу. Опасенія возбуждены необыкновеннымъ разбромъ и скорымъ распространеніемъ различныхъ монашествующихъ братствъ, которыя вполне умѣли воспользоваться наставленіями *Monita Secreta*.

На дняхъ появится и поступитъ въ продажу нѣчто въ родѣ *Monita Secreta*: это—книжечка, перепечатанная съ старинныхъ сочиненій Камю. Заглавіе ея: *Религозные ордена, обсужденные Камю, епископомъ Беллэ, съ предисловіемъ Вольтера*. Если вникнуть въ сущность побужденій къ изданію этой книжки, то это не что иное, какъ афера. Впрочемъ публикѣ интересно будетъ удостовѣриться, что монашескіе ордены всегда дѣйствовали одинаково, и что въ нашъ вѣкъ рѣшительно о нихъ можно сказать то же самое, что сказалъ епископъ Беллэ полтора или двѣсти лѣтъ тому назадъ. Тѣ же самыя упреки дѣлались имъ, тогда, какими осыпаютъ ихъ и въ наше время. Они все остаются гордецами, искателями наслѣдствъ, любителями нахальнаго властвованія надъ всѣми и каждымъ, лѣнивыми обитателями монастырей и пустошей. Нѣтъ сомнѣнія, что это книжечка разоидется тысячами экземпляровъ, тѣмъ болѣе, что ее ни въ чемъ не измѣнили: любопытно прочитать, какъ отзывался о монахахъ XVII вѣка знаменитый въ свое время духовный сановникъ, близкій другъ Франциска де Саль. Почтенный епископъ безъ дальнѣйшихъ околичностей называетъ

ихъ *промышленниками*, а ихъ искательство богатыхъ наслѣдствъ и пожалованій—*промыслами*. Онъ нисколько не боялся прямо называть гнусное гнуснымъ. Сильно и рѣзко упрекалъ онъ ихъ въ безбожной торговлѣ святыми вещами и святынею. Въ одномъ мѣстѣ онъ восклицаетъ: «когда же, Владыка, събичемъ въ рукахъ Ты изгонишь сихъ торговцевъ изъ храма?»

Другая брошюра, также обратившая вниманіе читающей публики, указываетъ на необыкновенное развитіе іезуитскаго ордена во Франціи. Изъ семи тысячъ братій этого ордена—двѣ тысячи французовъ, и теперь нѣтъ во Франціи ни одного большаго, многолюднаго города, въ которомъ бы не было іезуитскаго дома. Іезуитское общество—самое могущественное: доселѣ ничего подобнаго ему не существовало. Оно всецѣльно въ особенности въ провинціи—въ департаментахъ, гдѣ іезуиты ворочаютъ всѣми дѣлами, всѣмъ народонаселеніемъ, какого бы оно ни было вѣроисповѣданія. Искусство ихъ вмѣшиваться во всякія житейскія дѣла необычайно. Религіозный міръ Франціи и всей Европы—въ ихъ рукахъ. Настоящій папа католицзма—не Пій IX, а главный генералъ іезуитскаго ордена, въ рукахъ котораго сосредоточено все. Въ свѣтѣ смутно чувствуютъ и не совсѣмъ понимаютъ, въ чемъ состоитъ страшное темное могущество братства, тайно захватившаго въ руки миліоны денегъ и людей, тяготящаго надъ всѣми сословіями. Наше правительство начинаетъ чувствовать, что со стороны іезуитовъ грозитъ ему немалая бѣда. Главное ихъ агенство существуетъ втайнѣ въ самомъ Парижѣ. Въ этомъ агенствѣ находятся росписи людей, рекомендованныхъ обществу и покровительствуемыхъ имъ. Тамъ записываются люди, готовые на все, лишь бы извлечь себѣ матеріальную выгоду. Всѣ главнѣйшія мѣста, всякаго рода, заняты ихъ людьми. У нихъ въ тайной полиціи—своя тайная полиція.

Есть также и иезуитши, такъ-называемыя сестры *Sacre-Coeur*. Почтенныя монахиши точно также организованы, какъ и братья общества Иисусова. Всѣ онѣ дѣйствуютъ по наказаніямъ и приказаніямъ братцевъ. Это самыя ловкія свахи, посредствомъ которыхъ совершаются браки между богатыми невѣстами и женихами. Онѣ также—отъ избытка милосердія и сердобольнаго сердца—не-прочь покровительствовать какой-нибудь непозволенной связи, лишь бы была для общества выгода. Монастыри *Sacre-Coeur*, въ которыхъ воспитываются молодыя дѣвицы разныхъ сословій (лишь были бы денежки)—настоящіе пріюты сватовства. Тамъ замышляются и совершаются не только браки, но и такія дѣла, за которыя попадаютъ простые смертные подъ уголовный судъ. Одно уже то, что сватовство вошло въ главный *промыселъ* сестеръ, побуждаетъ семейства, отягченныя многочисленными невѣстами, препоручать имъ воспитаніе дѣвицъ—подъ нарочитымъ условіемъ достать хорошаго женна. Сдѣлки эти повседневныя.

Внѣшательство иезуитовъ въ воспитаніе дѣтей есть не что иное, какъ систематическое разтѣнѣе умовъ и сердецъ современнаго юношества. Стоить только видѣть ихъ учебныя книги и послушать ихъ преподаваніе. Испортивъ сердце дитяти, извративши всѣ его понятія, они готовятъ обществу страшнаго врага въ немъ самомъ.

Извѣстно, что во Франціи преобладаетъ главнѣйшая идея, идея свободы, пріобрѣтенной въ 1789 году. Эта идея до того слилась съ жизнью Франціи, что даже самая имперія 1851 года не посмѣла объявить иныхъ началъ въ своей правительственной программѣ. Теперь можно судить, что станется съ обществомъ, въ которомъ въ теченіи семидесяти лѣтъ укоренились подобныя понятія, когда на него напустятъ моло-

дыхъ людей, принадлежащихъ большею частью къ самымъ древнѣйшимъ семействамъ бывшаго французскаго дворянства, слѣдовательно своими именами, связями, историческими воспоминаніями, воспитанныхъ Богъ знаетъ въ какихъ понятіяхъ. Тутъ непременно должна будетъ возгорѣться страшная борьба. Въ этой молодежи стараются почтенные патеры вселить самую явную, ожесточенную, неумолимую ненависть ко всему, что только вышло лучшаго и благороднаго изъ 89 года.

Къ сожалѣнію, наше правительство еще опасается стать прямо противъ іезуитовъ, какъ слѣдуетъ защитнику и поборнику общественной безопасности. Іезуиты хорошо понимаютъ, что уничтоженіемъ ихъ общества оправдалось бы уничтоженіе всякаго иного общества, братства или товарищества, — и вооружаются тѣми же самыми орудіями, которыми хотятъ поразить ихъ. Они нападаютъ на свободу тѣмъ, что поражаютъ своихъ противниковъ тою же свободою, во имя которой совершаются въ наше время всѣ общественныя движенія. Разумѣется, люди логичные твердятъ, что въ этомъ дѣлѣ должно идти до крайности, что для поддержанія и окончательнаго утвержденія свободы правительство, которому вручена диктаторская власть, имѣетъ право отбиваться до крайности отъ заклятыхъ враговъ человѣчества. Они утверждаютъ, что для убійцъ не существуетъ никакой пощады, и что народъ, котораго хотятъ снова поработить, имѣетъ право и обязанность уничтожить, такъ или иначе, своего злѣйшаго врага. Врагъ этотъ всѣмъ извѣстенъ, на него всякій указываетъ, даже самое духовенство, которое равно страдаетъ отъ него. Всякій доказываетъ *фактами*, что общество іезуитовъ есть не что иное, какъ постоянный, закономъ установленный заговоръ не только противъ народовъ, но и противъ самой вѣры, что

должно спасти отъ крушенія и гибели тѣ новыя начала, которыя стоили столько крови и страданія прошедшему поколѣнію. Отказаться отъ права законнаго сопротивленія и защиты, заключаютъ эти люди, все равно, что наложить на себя добровольно руки.

Но третья имперія иначе понимаетъ вещи. Она опасается кореннаго уничтоженія общества столь могущественнаго, столь хитраго и искуснаго, какого общество іезуитовъ. Къ тому же на рукахъ у нея и безъ того хлопотъ много. Противуборство духовенства изъ-за римскаго вопроса стоитъ на переднемъ планѣ. Потому дѣло возникшее по поводу братства Сень Венсень де-Польскаго. Затронъ еще имперія добрыхъ патеровъ іезуитовъ! Такой подымется гвалтъ, что имперія не рада будетъ.

Дѣло Сень-Венсень-де-Польскаго Общества еще доселѣ вездѣ возбуждаетъ различныя толки и пренія. Оно поддерживается даже многими приближенными императора. Эти приближенные—самые горячіе приверженцы братства, и многіе изъ нихъ страшно негодуютъ и возстаютъ противъ императора, осмѣливагося затронуть это братство. Предлогомъ негодованій ихъ служитъ самое сознаніе государственныхъ мужей, объявившихъ, что въ сущности это общество не подало очевиднаго повода къ гоневію. Но вотъ въ чемъ истинная сущность дѣла.

Я уже говорилъ, что имперское правительство владѣтъ одною изъ лучшихъ тайныхъ полицій въ мірѣ. Посредствомъ своихъ наущниковъ, набираемыхъ во всѣхъ слояхъ общества, оно очень хорошо знаетъ все, что говорится и дѣлается въ этомъ громадномъ братствѣ, за которымъ слѣдитъ шагъ за шагомъ, день за днемъ. Изъ всѣхъ рапортовъ и донесеній своихъ агентовъ, правительство, сравнивъ эти

документы и взвѣсивъ въ нихъ каждое слово, могло удостовѣриться съ достовѣрностью, что если это братство и дѣйствительно въ своихъ собраніяхъ и совѣщаніяхъ никогда не касалось и не касается политическихъ вопросовъ, тѣмъ не менѣе оно ведетъ дѣйствительную, горячую пропаганду въ народныхъ массахъ, подготавливая ихъ къ новому возстанію. Ни для кого не тайна, что главнѣйшіе члены Сень-Венсенъ-де-Польскаго братства всѣ наперечетъ принадлежать къ сильной партіи орлеанистовъ, состоящей изъ богатаго средняго сословія и отчасти изъ бывшихъ дворянъ; или же къ партіи легитимистовъ, принадлежащихъ къ древней аристократіи. Правительству извѣстно, что самые значительные члены этого братства ведутъ пропаганду анти-наполеоновскую.

Однако правительственные ораторы и въ сенатѣ и въ законодательномъ собраніи съ ловкостью отстранили отъ себя подозрѣніе Франціи, что имперія опасается братства Сень-Венсенъ-де-Польскаго. Они обратились только къ закону, въ силу котораго государство не признаетъ существованія обществъ, произвольно учреждаемыхъ.

Какъ бы то ни было, въ послѣднее время религіозная партія сдѣлала нѣсколько неудачныхъ попытокъ—возбудить въ народѣ дѣйствительное волненіе. Она, по старому преданію, вздумала начать съ студентовъ, возбуждая ихъ къ беспорядкамъ, и даже подстрекая къ уличной свалкѣ. Объ этихъ попыткахъ у насъ мало говорили, да и нечего было говорить. Дѣло началось съ освистанія Гаэтаны Эдмонда Абу. Свистали главные зачинщики, набранные въ іезуитскихъ школахъ. Въ Гаэтанѣ религіозная партія мстила остроумному писателю *Римскаго Вѣстника*. Впрочемъ число іезуитовъ-школяровъ было навеленко, можетъ-быть всего-на-все шестьдесятъ человѣкъ; но достаточно было и этого, чтобы втянуть прочую

молодежь, довольную случаемъ помутить. Попытка не удалась, и оставила іезуитовъ въросакъ: они хотѣли быдо освятить котомъ и г. Ренана, профессора еврейскаго языка, принадлежащаго къ рационалистической школѣ. Но молодежь не поддастся на этотъ разъ и цѣлою громадой столпилась во-кругъ Collège de France откуда изгнали іезуитскихъ школьникъ весьма неделикатнымъ способомъ—въ толчки. По улицѣ des Postes, главнаго притона іезуитовъ, столпилась страшная громада, кричавшая: *долой іезуитовъ! бой ихъ!* Еслибы не подоспѣла полиція, то вѣроятно дѣло кончилось бы неприятнымъ образомъ для патеровъ.

Такимъ образомъ открытая въ нынѣшней гѣду клерикальною партіею компанія была начата самымъ плачевнымъ образомъ. Пойметъ ли она этотъ урокъ и воспользуется ли имъ? Надобно полагать, *по своему* пойметъ и воспользуется.

Вотъ все, что могу сказать за истекшіе первые три мѣсяца 1862 года. Годъ этотъ несомнѣнно будетъ годомъ столкновения и борьбы идей.

Къ несчастію, религіозныя понятія, понятія чисто христіанскія, все болѣе и болѣе теряютъ силу въ пародныхъ массахъ. Вотъ гдѣ истинное горе. Пади папа, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—сомнѣнія нѣтъ, что для нравственнаго и духовнаго міра это событіе составило бы истинное счастье. Съ нимъ вѣроятно сокрушится и все зло, порожденное имъ. Но все же самое это паденіе повлечетъ за собою гибель многихъ и многого. Изъ чисто-политическаго вопроса поборники религіи, съ умѣли сдѣлать религіозный вопросъ. Велика будетъ отвѣтственность ихъ въ исторіи. Они до того переищдали теперь и перепутали между собою духовную сторону жизни народной съ политической, что распутать, выяснить все это сплетеніе нѣтъ болѣе силъ человѣческихъ.

И къ довершенію золь, Ватиканъ, если вѣрять итальянскимъ журналамъ, вздумалъ теперь собрать соборъ всѣхъ латинскихъ епископовъ для канонизаціи японскихъ мучениковъ! Предлогъ хорошъ. Полагаютъ, что здѣсь Пій IX хочетъ еще разъ сдѣлать попытку объявить, что папа непогрѣшимъ, и вслѣдъ за тѣмъ произнести рѣшеніе, что въ немъ нераздѣльны гражданская и духовная власть. Давно ли, кажется, вся Франція смѣялась надъ новозобрѣтеннымъ догматомъ! Неужели эти люди слѣпы и глухи ко всему?

Графъ де-ла-Фитъ-де-Шелляпоркъ.

Парижъ, 23 марта 1862 года.

ПРАВОСЛАВНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

1862.

А П Р Ъ Л Ъ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Апрѣля 28 дня 1862 г.

Ценсоръ Протопресвитеръ *Д. Новосіій.*

ВѢЧНАЯ ЖИЗНЬ

V.

ЕВАНГЕЛІЕ ПРЕДЪ НАУКОЮ И ВѢРОЮ (*)

Предметъ нашего изслѣдованія—не какое-нибудь неопредѣленное, но личное безсмертіе, вѣчная жизнь, какъ она открыта и обѣщана Иисусомъ Христомъ. Слѣдовательно намъ было необходимо говорить о Евангеліи. Но судьбы Евангелія тѣсно связаны съ вопросомъ о *сверхъестественномъ*. Это отчасти мы уже и видѣли. Постараемся теперь подробнѣе изслѣдовать этотъ вопросъ. Говорятъ, будто вѣрованіе въ прямое посредничество Бога непримиримо съ новою наукою. Справедливо ли это? Сначала опредѣлимъ точнѣе христіанское понятіе (тезисъ) о сверхъестественномъ.

Физическій міръ сотворенъ и поддерживается постояннымъ дѣйствіемъ божественной воли: но въ этомъ мірѣ матеріи духъ человѣка открываетъ законы его бытія. Можно предсказывать задолго впередъ различные перевороты звѣздъ, опредѣлять часъ и минуту какого-нибудь затмѣнія; такимъ

(*) См. *Февр.* и *Март.* книжки Православнаго Обзорія.

образомъ ученый, сидя въ кабинетѣ, посредствомъ своихъ вычисленій открываетъ событія, которыя совершаются въ небесныхъ пространствахъ. Въ природѣ есть опредѣленный порядокъ, твердые законы, и творческая мысль сообщаетъ свою тайну мысли человѣческой. То, что называютъ обыкновенно закономъ природы, для взгляда человѣка, вѣрующаго въ Бога, есть просто способъ дѣйствія Творца неба и земли. Но если мы встрѣчаемъ въ исторіи утверженіе событія, которое рѣшительно выступаетъ изъ обыкновеннаго хода вещей, наприимѣръ воскресеніе мертваго; тогда, съ точки зрѣнія нашего опыта, мы говоримъ, что это событіе *необычайное*.

На ряду съ міромъ матеріальнымъ существуетъ міръ нравственный, слагающійся изъ событийъ разума и свободы. И здѣсь умъ человѣка узнаетъ правильныя явленія, которыя называетъ законами. Онъ утверждаетъ наприимѣръ, что въ жизни отдѣльнаго лица разстройство воли производитъ страданіе,—что, въ жизни народовъ, распущенность и анархія суть предвѣстіе деспотизма. Но тутъ предъ наукою факты вовсе не тождественныя и постоянно пребывающіе; почему? Потому что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ пассивною матерією, не съ земными атомами, не съ планетами небесными, появляющимися слову, котораго онъ никогда не разумѣли. Въ міръ духовномъ это слово разумѣвается и можетъ быть или нарушаемо, или исполняемо; тутъ двѣ воли: божественная воля, которая сотворила и управляетъ всѣмъ, и духъ человѣческой, который также обнаруживаетъ свою силу. Впрочемъ и въ нравственныхъ явленіяхъ наблюденіе открываетъ дѣйствительную связь, хотя и безусловно крѣпкую, особенно же открываетъ границы, которыхъ эти явленія не переступаютъ. Такимъ образомъ, если и въ этомъ новомъ порядкѣ вещей мы встрѣчаемъ утвержде-

ніе, рѣшительно выходящее изъ всего того, что показываетъ наблюдение, напримѣръ—утвержденіе, что на землѣ явился совершенный человѣкъ; тогда мы опять говоримъ, что это событіе *необычайное*.

Христіанство утверждаетъ, что необычайное дѣйствительно существуетъ, и его центръ и высшая точка—въ Иисусѣ Христѣ, Которому предшествовали и сопутствовали явленія, также превышающія природу. Это необычайное есть для христіанина сверхъестественное, которое онъ объясняетъ такъ: «Тварь была сотворена свободно и по своей свободѣ она могла нарушить божественный законъ. Она дѣйствительно нарушила его; въ міръ вошелъ грѣхъ, и, по опредѣленію, которое восходитъ ко времени творенія и составляетъ нравственную природу, за разстройствомъ воли послѣдовали скорби сердца и потемнѣніе ума. Но чтобъ разрушить рабство грѣха, чтобъ поднять свободу безъ принужденія, Богъ приходитъ, посредствуетъ благодатию Своего помилованія и помощію Своего Духа. Искупительная воля, разсматриваемая въ Богѣ, какъ опредѣленіе Его милосердія, существенно составляетъ сверхъестественное, *сверхъестественное-божественное*, по противоположности съ порядкомъ природы, по которому тварь подверглась всѣмъ послѣдствіямъ своего противленія. *Сверхъестественное-историческое*, или чудо есть только внѣшнее и вторичное обнаруженіе опредѣленія Верховной любви. Итакъ въ Богѣ двѣ воли; но онѣ составляютъ одну въ ихъ Виновникѣ, который есть Богъ, и въ ихъ основаніи, которое есть любовь.» Эти мысли лежатъ въ основѣ тайнъ христіанства; истинны ли онѣ или ложны, но сами въ себѣ онѣ ясны: тѣ, кто отрицаетъ ихъ, очень хорошо знаютъ, чего они не хотятъ допустить.—Можетъ-быть, слово: сверхъестественное,

которое мы употребляемъ для выраженія нашей мысли, не безъ неудобствъ. Оно подало поводъ къ страшному заблужденію: заключать, будто природа есть сила, независимая отъ Бога, въ которую Онъ привходитъ, какъ чуждая ей сила; а между тѣмъ природа есть только первоначальный планъ, по которому совершается дѣйствіе творческое и вмѣстѣ промыслительное о вселенной. Ошибаются также, если изъ слова, которое мы употребляемъ, выводятъ понятіе, будто Богъ благодати выше Бога природы, тогда какъ Онъ одинаково во всемъ и надъ всѣмъ есть Богъ вѣчно благословенный. Наконецъ: если подъ природою разумѣютъ человѣка такого, какимъ онъ долженъ быть въ планѣ любви Творца свободы, то Іисусъ Христосъ есть единственный человѣкъ *естественный*, а мы чрезъ грѣхъ сдѣлались, если можно такъ выразиться, *миже-естественными*, или, лучше, *противоестественными*. Послѣ этихъ объясненій, надѣмся, не остается никакой двусмысленности въ нашихъ словахъ.

Мы сказали, что двѣ воли: творческая и искупительная, составляютъ въ Богѣ одну волю въ полномъ ихъ согласіи. Эта тайна существуетъ не только на небеси, но мы находимъ ее и въ нашей собственной совѣсти. Чтò собственно *самодѣятельнаго* въ человѣкѣ, т. е. чтò составляетъ природу въ насъ? И чтò составляетъ благодать Бога, или *сверхъестественное* въ насъ? Спросите мыслящаго христіанина, можетъ ли онъ указать границы этихъ двухъ силъ? Онъ отвѣтитъ вамъ, что нѣтъ, потому что Богъ есть безусловная причина нашего существованія, и что дѣло Его благодати состоитъ въ томъ, чтобъ дать намъ волю, которой намъ не достааетъ. Потомъ спросите его: если онъ не можетъ указать границъ между этими силами, то воля *человѣческая* и *благодать божественная* суть ли одно и то же? Понятно, что

онъ вамъ отвѣтитъ... Естественное и сверхъестественное въ исторіи представляется въ подобныхъ же условіяхъ: ихъ различіе глубоко, ихъ единство—внутренне; дѣло Евангелія соединяется съ природою, безъ смѣшенія этихъ двухъ элементовъ. Все происходитъ отъ Бога; только грѣхъ, произведеніе сотворенной свободы, преложилъ единый и прямой лучъ вѣчной Любви.

Итакъ вопросъ въ томъ: Евангеліе сверхъестественно ли, или оно есть простое произведеніе развитія человечества? Евангеліе отъ Бога, или отъ человѣка? Постараемся прежде всего точнѣе опредѣлить то, что предполагается этимъ вопросомъ.

Вопросъ о посредствѣ Бога предполагаетъ вѣру въ Бога свободнаго, внѣ вселенной, Бога, который не есть субстанція или законъ міра, но его Творецъ и верховный Владыка. Ясно, что внѣ этой вѣры занимающей насъ вопросъ не можетъ быть и поставляемъ. Тѣмъ, кто отрицаетъ Бога дѣйствительнаго, живаго и свободнаго, мы не будемъ и отвѣчать. Мы обращаемся къ деиствамъ, которые, допуская бытіе Творца, считаютъ чудо невозможнымъ.

Относительно сверхъестественнаго порядка дѣлаютъ троякое возраженіе: ему противопоставляютъ естествовѣдніе, философію и исторію. Прежде всего, возможности божественнаго посредства противопоставляютъ безусловную твердость законовъ вселенной. Тутъ просто отводъ глазъ. Естественныя науки, достигшія въ наше время высокой степени развитія, объясняютъ явленія и ихъ законы; но ни одинъ физикъ въ мірѣ не можетъ посредствомъ наблюденія доказать, будто явленія, какъ мы ихъ видимъ, *необходимы*, и будто ихъ порядокъ не можетъ быть ни нарушенъ, ни задержанъ.

Такое утверждение, безусловно чуждое опытной наукѣ, происходитъ изъ философіи, и потому мы прямо и останавливаемся на этомъ пунктѣ спора.

Во имя философіи говорятъ, что несообразно съ премудростію Бога измѣнять свои законы. Только неискусный художникъ подправляетъ свое произведеніе. Посредство Бога ставило бы границу Его премудрости.—Это возраженіе держится на смѣшеніи порядка матеріальнаго и порядка духовнаго. Признаете ли вы, что въ духовныхъ тваряхъ есть начало свободы? признаете ли вы, что мы отвѣтственны за наши дѣла, и что мы можемъ дѣлать дѣла худыя? Кто рѣшится сказать—нѣтъ? Но Богъ святъ; Онъ хочетъ добра, безусловнаго добра; значить, зло есть противорѣчіе Его воли. Если мы совершаемъ дурное дѣло, если мы произносимъ нечестивое слово, если мы имѣемъ нечистую мысль, то это дѣло, это слово, эта мысль, вопіють къ небесамъ и говорятъ святѣйшему Существо: «Твоя воля не совершается.» Такъ, она не исполняется; между тѣмъ Онъ всемогущъ! Чтò жь? Для сохраненія идеи о Его безусловномъ могуществѣ, неужели вы хотите пожертвовать своею совѣстію, скажете, что добро и зло суть одно и то же, что различіе ихъ есть обманъ глазъ? Рѣшитесь ли вы сказать, что все, что совершается, есть воля Бога? Вы думаете этимъ спасти Его всемогущество, но какую цѣною? Цѣною достоинства челоувѣческаго существованія. И къ какому результату вы приходите? Къ самому страшному противорѣчію. Вы сдѣлали изъ Бога механическую силу, производящую тѣ или другія дѣйствія; но вы отняли у Него право творить свободныя существа. Чтòбъ сдѣлать Его всемогущимъ, вы отрицаете у Него высшую дѣятельность Его могущества. Вы сами запутываете себя. Поймите, сотвореніе свободы есть чудо пзъ

чудесь: свобода есть высшее твореніе всемогущаго Существа, между тѣмъ грѣхъ есть произведеніе свободы, и является нѣкоторымъ страннымъ ограниченіемъ могущества святѣйшаго Существа, котораго воля нарушена. Вы не хотите понять двоякаго хотѣнія въ Богѣ, и потому вы отвергаете Евангеліе. Но это хотѣніе или воля состоитъ въ томъ: съ одной стороны, чтобъ мы были свободными тварями: эта воля исполнилась; съ другой стороны,—чтобъ мы были добродѣтельны и счастливы: эта воля нарушена. Тайна не на небѣ только, и не на Голгоѣѣ только, тайна — въ самыхъ мысляхъ человека о добрѣ. Когда сойдешь въ глубину этихъ мыслей, когда надолго остановишь взглядъ на этой тѣмѣ, гдѣ однако свѣтитса свѣтъ; тогда становишься сдержаннѣе, и не станешь спѣшить разрѣшеніемъ великихъ вопросовъ тѣмъ поверхностнымъ приѣмомъ, которымъ думаютъ сказать все, повторяя, что премудрый Богъ не можетъ измѣнять своихъ законовъ, что только неискусный художникъ поправляетъ свое произведеніе. Только *одинъ Художникъ* производитъ свободныя существа; и потому, въ такомъ предметѣ всякое сравненіе напрасно, и неизбежно приводитъ къ заблужденію.

Если вы вѣрите, что зло существуетъ въ мірѣ, а также, что нравственный законъ есть обнаруженіе вѣчной воли, то смотрите хорошенько, что вы отнимаете у Бога. Во имя Его мудрости вы какъ бы запрещаете Ему милосердіе! Во имя Его могущества, вы оспариваете у Него власть—чудомъ любви возстановить Его нарушенную волю. Тѣ, которые говорятъ такимъ образомъ, либо неясно понимаютъ свою мысль, либо не вѣрятъ въ Бога, живаго и истиннаго. И дѣйствительно, въ настоящемъ движеніи мысли, деизмъ уступаетъ свое мѣсто тѣмъ ученіямъ, которыя прямо или непрямо отрицаютъ на-

шего Бога. Этотъ Богъ, который есть отецъ своихъ тварей, который знаетъ насъ и любитъ насъ, которому близки наши страданія, христіанскій Богъ, который отдаетъ Самого Себя человѣку съ тѣмъ, чтобы человѣкъ отдалъ себя Ему,—этотъ Богъ въ глазахъ извѣстной философіи, мы знаемъ, есть идолъ. Но если это есть идолъ, то намъ лучше быть язычниками съ Иисусомъ Назаретскимъ, чѣмъ занять мѣсто въ ряду мудрецовъ въ ледяныхъ храмахъ безнадежной и безутѣшной метафизики.

Идолъ! А кто же Богъ этихъ мудрецовъ? Безстрастный геометръ вселенной? Еще менѣе: субстанція, законъ міра, существо (они особенно настаиваютъ на этомъ пунктѣ), безъ сознанія и безъ воли... мертвый богъ. Правда, эти люди очень хорошо чувствуютъ, что сердце и совѣсть противъ ихъ ученія; но они идутъ на борьбу противъ самихъ себя; они налагаютъ на себя суровый долгъ всецѣло заклать собственную человѣчность на алтаряхъ чистой логики; они утверждаютъ, что полусвѣтъ религій уступилъ мѣсто полному свѣту философіи, и что для мудраго покой—только на ея вершинахъ, можетъ-быть, сверкающихъ, но объятыхъ холодомъ и смертію. Конечно, есть философія, приводящая къ такимъ результатамъ, но есть лучшая философія, приводящая къ другимъ. Какъ бы ни былъ малъ авторитетъ моего слова, впрочемъ оно не слово такого человѣка, который никогда не заглядывалъ дальше тѣснаго круга своей собственной мысли, или преданія, въ какомъ воспитанъ. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ, по расположенію и по долгу, главный предметъ моихъ занятій составляетъ метафизика. Я люблю эту благородную науку, которую называютъ философіею; люблю живую любовь это стремленіе ума, который, желая измѣрять, изслѣдовать всякую вещь, самому себѣ даетъ свидѣтельство о сво-

емъ высокою происхожденію и о своихъ высокихъ судьбахъ. И я скажу вамъ, несмотря на немощь моей вѣры и слабость моей мысли: въ Евангеліи я вижу не только средство противъ нашихъ золъ, возстановленіе насъ въ нашихъ паденіяхъ, утѣшеніе въ нашихъ скорбяхъ; въ смиренной вѣрѣ христіанъ, для рѣшенія самыхъ высокихъ проблемъ, до какихъ можетъ доходить философія я нахожу такія тайны, которыми ни Греція не учила, и которыхъ многіе изъ нашихъ современниковъ не понимаютъ. Разумъ заблуждается, когда онъ думаетъ быть удовлетвореннымъ чрезъ пожертвованіе благороднѣйшими инстинктами нашей природы. Истина познается по тому признаку, что она возстановляетъ гармонію въ нашемъ внутреннемъ мірѣ. Не безбожной философіи, или философіи безъ Бога,—наукѣ христіанской предстоитъ свести миръ въ душу и отвѣтить самымъ высшимъ потребностямъ человѣческаго ума.

Я заключаю: философія напередъ не отрицаетъ сверхестественное; отрицаетъ его *известная* философія, которая въ сущности есть маскированный атеизмъ.

Перейдемъ къ возраженіямъ, которыя заимствуются изъ критики и изъ исторіи. Говорятъ, будто критика и исторія доказываютъ, что сверхестественное, возможно ли оно или нѣтъ, въ дѣйствительности не существуетъ. Утверждаютъ, будто истинность чудесныхъ дарованій разрушена трудами ученыхъ, что допускать еще чудеса—значитъ остаться внѣ научнаго движенія. Нельзя спорить противъ того, что труды и открытія современной науки показали нѣкоторую несостоятельность въ постановкѣ тѣхъ или другихъ богословскихъ вопросовъ. Но чтобы эти труды дѣйствительно законно разрушали вѣру въ Евангеліе,—это я отрицаю, и вотъ мои доказательства.

Извѣстно имя Штрауса. Это одинъ изъ ученыхъ противниковъ дѣйствительности евангельскихъ сказаній. Вотъ начала, которыми онъ руководствовался: «Всякое происшествіе, непримиримое съ извѣстными законами природы, не есть историческое. Психологическіе законы не позволяютъ вѣрить, чтобъ какой-нибудь человекъ дѣйствовалъ, мыслилъ, говорилъ иначе, чѣмъ другіе люди.»—Что сказать на это? Конечно, то, что докторъ Штраусъ началъ изслѣдованіе объ евангельской исторіи съ предзанятымъ положеніемъ, что сверхъестественнаго факта существовать не можетъ. Онъ пришелъ къ заключенію, что такихъ фактовъ не существовало... Иного заключенія нельзя было и ожидать отъ него.

Беру другой примѣръ,—извѣстнаго французскаго ученаго Ренана. Онъ также отрицаетъ сверхъестественное; и поелику онъ владѣетъ наукою критики, то часто думаютъ, будто его отрицанія суть результатъ этой науки. Но достаточно читать Ренана, чтобъ видѣть ошибочность такого мнѣнія. Въ своихъ историческихъ изысканіяхъ онъ также идетъ съ предзанятымъ началомъ, которое становится для него руководительною нитью. Вотъ его начало: всякій фактъ, выдаваемый за сверхъестественный, есть ложный фактъ. Затѣмъ онъ изглаждаетъ изъ исторіи все, что имѣетъ характеръ прямого посредства Божія, и уже не видитъ никакихъ слѣдовъ этого посредства.... Заключеніе опять совершенно ожиданное.

Но откуда выводитъ этотъ прославленный писатель высшее правило своей исторической критики? Послушайте: «Богъ, Провидѣніе, безсмертіе—старыя хорошія слова, которыя философія истолковываетъ въ смыслъ болѣе и болѣе очищенномъ....» (*Etude d'histoire religieuse*, page 419.) Слышите? Богъ, это священное имя, предъ которымъ самый маловѣрующій изъ насъ останавливается по крайней мѣрѣ съ по-

ченіемъ, здѣсь—старое слово, которое употребляется только для выраженія мысли ученаго, скрытой подъ нимъ. Чѣмъ же это за новая мысль, которая скрывается подъ старымъ словомъ? Послушайте дальше: «вѣчная красота всегда будетъ жить въ этомъ высокомъ имени (Иисуса Христа), какъ во всѣхъ тѣхъ, которыя человѣчество избрало, чтобы напоминать себѣ то, что оно живетъ по его собственному образу. *Voilà Dieu vivant, voilà tout, кому должно поклоняться*» (стран. 215). Не подумайте, что я злоупотребляю отрицательными фразами. Вы можете видѣть такое именно отрицаніе дѣйствительности Бога въ цѣлыхъ статьяхъ автора, напримеръ въ статьѣ, помѣщенной имъ въ *Revue des deux Mondes*, 15 января 1860 года. Въ этой статьѣ авторъ отрицаетъ истинность метафизики и тотчасъ противорѣчитъ себѣ, полагая основы для метафизики, которая обожествляетъ человѣка; въ заключеніи статьи—воззваніе къ Отцу Небесному. Признаюсь, на меня непріятно дѣйствуютъ подобныя сочиненія, которыя оканчиваются молитвою, а начинаются утвержденіемъ, что безусловный разумъ и безусловная правда существуютъ только въ человѣчествѣ, а внѣ человѣчества и безусловная правда и безконечный разумъ суть только пустыя отвлеченія. Понятно, что въ подобной системѣ вопросъ о сверхъестественномъ не могъ быть и поставленъ.

Итакъ два ученые, о которыхъ я упомянулъ для примѣра, вовсе не приходятъ къ отрицанію сверхъестественнаго путемъ критики и исторіи; это отрицаніе составляетъ для нихъ точку отправленія, ихъ аксіому. Я не знаю ни одного ученаго, который бы, отрицая чудо, такъ или иначе не высказывался, что невозможность чуда напередъ уже положена въ основаніи его мыслей. Дѣло понятное. Въ средніе вѣка алхимики, искавшіе философскаго камня, иногда находили

золото на днѣ ихъ тигля.... если они клали въ него золото при началѣ опытовъ. Точно такъ поступаютъ и наши знаменитые критики, когда они находятъ въ концѣ своихъ трудовъ отрицаніе, которое было для нихъ точкою отправленія.

Но, говорятъ, независимо отъ всякаго частнаго разсужденія, отъ всякаго спеціального изученія памятниковъ, критическій смыслъ самъ по себѣ не позволяетъ допускать порядка сверхъестественнаго. Отвергать этотъ порядокъ есть законная точка отправленія серьезнаго изслѣдованія; это не результатъ отдѣльнаго изученія, это общій результатъ навыка въ изслѣдованіяхъ и выработки историческаго смысла.— Это доказательство не имѣетъ другаго основанія, кромѣ авторитета тѣхъ, которые полагаютъ его а priori. И потому авторитету противопоставимъ другіе авторитеты. Боссюэтъ представляетъ намъ всеобщую исторію тяготящуюся вокругъ Иисуса Христа, какъ вокругъ своего центра. Но Боссюэтъ былъ епископъ, историкъ—случайно; можетъ-быть его имя не должно входить въ нашъ споръ; поищемъ другаго.

Человѣкъ, писавшій исторію нашего отечества (Швейцаріи), не принадлежавшій къ духовенству, ни даже къ числу особенно послѣдовательныхъ и благочестивыхъ христіанъ, Іоаннъ Мюллеръ жилъ послѣ Вольтера и Руссо. Въ 1782 году онъ былъ въ Касселѣ, и подъ вліяніемъ своихъ обширныхъ историческихъ изученій, вотъ что писалъ оттуда къ Шарлю Боннэту, нашему соотечественнику, а его другу, который очень хорошо зналъ, какое было различіе ихъ убѣжденій въ отношеніи вѣры:

«Вы меня любите, мой почтенный другъ: вы не полюбите меня больше, если я буду больше походить на васъ,—если вы узнаете, что ничто и никогда не будетъ раздѣлять насъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь въ Касселѣ, я читаю древ-

нихъ, не исключая ни одного, въ порядкѣ времени, какъ они жили, и о каждомъ замѣчательномъ фактѣ дѣлаю извлеченія. Мѣсяца два назадъ, не знаю какъ-то мнѣ пришло на мысль посмотрѣть въ Новый Завѣтъ, прежде чѣмъ въ порядкѣ моихъ чтеній я дошелъ до эпохи, когда онъ былъ писанъ. Какъ мнѣ выразить вамъ то, что я нашелъ! Сколько уже лѣтъ я не читалъ Евангелія, и теперь приступилъ къ чтенію съ предубѣжденіемъ противъ него. Свѣтъ, который освѣтилъ св. Павла во время его путешествія въ Дамаскъ, былъ не болѣе чудесенъ, не болѣе неожиданъ для него, чѣмъ чудесно и неожиданно для меня было то, что я вдругъ открылъ: исполненіе всѣхъ надеждъ, завершительную точку всей философіи, объясненіе всѣхъ переворотовъ, ключъ ко всѣмъ кажущимся противорѣчіямъ физическаго и нравственнаго міра, жизнь и безсмертіе. Я увидѣлъ необычайное дѣло, совершенное самыми малыми средствами. Я понялъ отношеніе всѣхъ переворотовъ Азіи и Европы къ тому несчастному народу, который хранилъ залогъ святыхъ обѣтованій. Я увидѣлъ религію, явившуюся въ самое благопріятное время для ея утвержденія и при условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ для ея усвоенія... Видимо, міръ былъ приготовляемъ единственно для принятія религіи Спасителя, и я рѣшительно тутъ ничего не понимаю, если это религія не есть божественная. Я не читалъ ни одной книги возвышеннѣе этой. Но изучая исторію до этой эпохи, я всегда находилъ, что въ ней не достаеъ чего-то, а съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ нашего Спасителя, все стало ясно въ моихъ глазахъ; нѣтъ ничего, чего бы съ Нимъ я не могъ разрѣшить... Извините, что я пишу похвальное слово солнцу; это простиительно слѣпому, который вдругъ получилъ прозрѣніе.»

Итакъ вотъ историкъ, который приступаетъ къ Евангелію

съ безразличіемъ, даже съ враждебностію, но при встрѣчѣ съ Новымъ Завѣтомъ онъ начинаетъ говорить объ исторіи міра точно такъ же, какъ говорилъ Боссюэтъ.

Скажутъ: Іоаннъ Мюллеръ жилъ въ прошедшемъ вѣкѣ, а вѣрованіе въ сверхъестественный порядокъ разрушено, благодаря возбужденію историческихъ изслѣдованій, характеризующему нашъ вѣкъ. На это я отвѣчу примѣромъ Августина Тьерри, одного изъ вождей исторической науки нашего времени. Я не говорю о позднѣйшей его жизни, гдѣ все хотятъ объяснять его старческою слабостію. Тьерри былъ въ тѣсной дружбѣ съ однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, уже умершимъ, о. Еспиномъ (*). Въ письмѣ къ нему, писанномъ въ 1853 году, во время самой громкой своей литературной славы, касаясь религіознаго вопроса, онъ говоритъ о христіанской вѣрѣ, какъ о пристани, которой онъ ищетъ, «пристани, куда разсудокъ не приводитъ,» и прибавляетъ слѣдующія замѣчательныя слова, понятныя для тѣхъ, кто знаетъ, каково было религіозное положеніе его корреспондента: «то, чего я желаю, это—имѣть возможность быть въ моей вѣрѣ такимъ, какимъ вы въ вашей, такъ же твердымъ и въ то же время такъ же снисходительнымъ, какъ вы.»

Я не хочу выводить изъ этихъ словъ болѣе, чѣмъ сколько есть въ нихъ; я вывожу только то, что нашъ современникъ, человекъ глубоко свѣдущій въ исторической наукѣ, человекъ, по общему признанію, не только даровитый, но и гениальный, въ своей наукѣ не нашелъ ничего, что бы по-

(*) Г—нъ Еспинъ, изъ Женевы, отецъ доктора Марка Еспина, умершій слишкомъ рано для себя, для друзей и для науки. У соотечественниковъ онъ извѣстенъ своею ревностію къ евангельской вѣрѣ, пріятностію характера и дѣятельною христіанскою благотворительностію. Онъ долгое время жилъ на югѣ Франціи и тамъ подружился съ Тьерри.

препятствовало ему идти отыскивать пристань, какую доставила ему Вѣра христіанская

Такъ, современная наука нисколько не рѣшила вопроса о сверхъестественномъ, хотя и громко кричать объ этомъ. Споръ остается открытымъ. Во всякое время найдутся ученые, склонные отождествлять свои личныя воззрѣнія съ наукою, и направленіе своей собственной мысли считать общимъ стремленіемъ духа ихъ времени. Во всякое время найдутся люди (и кто не подвергался этому искушенію?), готовые говорить, какъ Ормандъ Мольера:

«Всѣ дураки, кромѣ насъ и нашихъ друзей.»

Но глядя на вещи, какъ онѣ есть, никто не имѣетъ права утверждать, будто современная наука разрушила основы христіанской Вѣры, никто не имѣетъ права утверждать этого общими мѣстами и безъ доказательствъ. Подобныя ссылки на современную науку, безпрестанно повторяемыя, только вредятъ самой наукѣ. Какъ скоро извѣстный пунктъ ученія дѣйствительно утвержденъ на незыблемомъ основаніи, онъ держится, его допускаютъ, а не толкуютъ объ немъ тысячу разъ. А когда слишкомъ громко и слишкомъ часто кричать о чемъ-нибудь, какъ неоспоримомъ, это перѣдко бываетъ именно потому, что тутъ тайное чувство подсказываетъ, что едвали это такъ, что это можетъ быть законно оспариваемо.

Теперь, какія же доказательства можемъ мы представить для утвержденія дѣйствительности (реальности) сверхъестественнаго порядка? Прежде всего считаемъ нужнымъ сказать о характерѣ этихъ доказательствъ. Можемъ ли мы здѣсь представить доказательства безусловныя, неопровержимыя, въ смыслѣ математическомъ, противъ которыхъ бы никто и

ничего не могъ замѣтить? Легко понять, что это невозможно. Чего въ самомъ дѣлѣ хотятъ, что требуютъ доказать такимъ образомъ? Сверхъестественное-историческое—чудеса? Если вы вѣруете, что Богъ былъ во Іисусѣ Христѣ, вы не будете удивляться, что природа повиновалась своему Владыкѣ, и что гробъ возвратилъ Начальника жизни. Еслижъ вы этому не вѣрите, то нельзя васъ принудить принимать чудо. Станутъ вамъ говорить объ этомъ, вы тотчасъ отвѣтите, что законы природы *слишкомъ извѣстны*, чтобы возможно было допустить что-нибудь подобное. Станутъ настаивать на силѣ свидѣтельствъ, вы отвѣтите, что силы природы *слишкомъ мало извѣстны*, чтобы имѣть право говорить о неоспоримомъ фактѣ, будто онъ превосходить природу. Всегда есть средство вывернуться, если хотятъ этого. Можетъ-быть даже, одни и тѣ же лица будутъ поступать такимъ образомъ въ интересахъ своего дѣла, т. е. будутъ давать попеременно эти два противорѣчащіе отвѣта.

Хотятъ ли рѣшительнаго доказательства относительно сверхъестественнаго-божественнаго, свободнаго опредѣленія любви Творца,—это ли нужно доказать логически безусловно? Но гдѣ же искать такихъ доказательствъ? Логически доказывать значитъ выводить изъ законовъ необходимости,—доказывать не то, что извѣстная вещь существуетъ, но что невозможно ей иначе существовать. Въ кругу того, что доказывается такимъ образомъ, по самой природѣ вещей, нельзя имѣть ни свободы, ни любви. Сказать объ актѣ любви, что онъ необходимъ, что онъ есть неизбѣжный результатъ цѣпи причинъ, логически связанныхъ, значило бы отрицать его въ самой его сущности.

Итакъ въ предметъ, насъ занимающемъ, нельзя имѣть доказательствъ, подобныхъ геометрическимъ. Притязаніе дойти

до такихъ доказательствъ только вызываетъ естественную реакцію и даетъ оружіе невѣрію. Но если наука не всемогуща въ этомъ ряду идей, однако ея задача здѣсь не мало важна. Есть христіане, которые, изъ-за злоупотребленій научными приемами въ отношеніи къ религіознымъ предметамъ, хотѣли бы произвести невозможное раздѣленіе между дѣломъ Евангелія и научнымъ изученіемъ фактовъ, съ которыми находится въ тѣсной связи явленіе Евангелія. Эти люди поддаются напрасному унынію. Постараемся сдѣлать опытъ прииревнѣнія научныхъ изслѣдованій съ дѣломъ Евангелія.

Предположимъ, что мы имѣемъ дѣло съ челоувѣкомъ современнаго научнаго образованія, строго методическаго направленія, и сомнѣвающимся въ Евангеліи, впрочемъ не вооруженнымъ противъ истины. Вотъ какъ можно было бы поступить въ этомъ случаѣ, не на почвѣ нравственныхъ доказательствъ, которыя одни и тѣ же во всякое время, но собственно на почвѣ научныхъ преній. Мы не стали бы прямо доказывать ему истинность Церкви или Новаго Завета. Нашъ противникъ знакомъ со всѣми разногласіями, возбужденными по предмету канона Писанія. Что касается до авторитета Церкви, которая образовала этотъ канонъ и приняла его подъ свою зашиту, то ясно, что этотъ авторитетъ зависить отъ рѣшенія, какое дается главному и первому вопросу—о природѣ и авторитетѣ Иисуса Христа, Основателя Церкви. На это и нужно обратить вниманіе, это—историческая основа, содержащаяся въ памятникахъ, *не подверженна спору.*

Но мы владѣемъ этою основою; эти неоспоримые памятники въ нашихъ рукахъ. Отрицательные германскіе богословы въ этомъ отношеніи оказали намъ истинную услугу; добро можетъ происходить и изъ зла. Они подвергли книги

Новаго Завѣта критикъ самаго разрушительнаго направленія,—и очевидность фактовъ заставила ихъ остановиться предъ 4-мя посланіями ап. Павла: посланіемъ къ Римлянамъ, двумя посланіями къ Коринѳянамъ и посланіемъ къ Галатамъ. Итакъ при настоящемъ состояніи науки есть четыре письма Павла изъ Тарса, которыя самыя отчаянные скептики принимаютъ за подлинныя, которыя писаны около 64 года нашей эры. Если относительно года еще нѣтъ общаго согласія, то вѣдь неизвѣстно также, въ которомъ году Колумбъ открылъ Америку, въ какихъ годахъ Цицеронъ писалъ свои рѣчи. Итакъ мы имѣемъ основу, историческую точку отправленія, принимаемую учеными, весьма далекии отъ вѣры. Открываемъ одинъ изъ этихъ неоспоримыхъ памятниковъ, и читаемъ въ немъ:

« Напоминаю вамъ, братія, Евангеліе, которое я благовѣствовалъ вамъ, которое вы приняли, и въ которомъ утвердились; которымъ и спасаетесь, содержа ученіе, какое я благовѣствовалъ вамъ, если только вы не безъ основанія увѣровали. Ибо я прежде преподавалъ вамъ то, что и самъ принялъ, т. е., что Христосъ умеръ за грѣхи наши, по Писанію, и что Онъ погребенъ былъ, и что воскресъ въ третій день, по Писанію, и что явился Киѣ, потомъ двѣнадцати, потомъ явился болѣе, нежели пятистамъ братій, въ одно время, изъ коихъ большая часть донныи въ живыхъ, а нѣкоторые и почли. Явился также Іакову, опять всѣмъ апостоламъ; а послѣ всѣхъ явился и мнѣ, какъ извергу какому » (1 Коринѳ. XV, 1—8).

Что выражается въ этихъ словахъ? Мысли Павла изъ Тарса? Гораздо болѣе. Когда Павелъ писалъ, Церковь была уже основана, Евангеліе было не только проповѣдано, но и принято, и христіане уже были соединены въ общество вѣрующихъ на основаніи вѣры въ Иисуса Христа, умершаго и

воскресшаго. Въ мѣстѣ, которое мы прочитали, Павелъ не учитъ, а напоминаетъ о томъ, чему училъ прежде своего посланія. Павелъ свидѣтельствуесть о воскресеніи Иисуса Христа, и указываетъ на множество другихъ свидѣтелей, изъ коихъ большая часть были еще въ живыхъ. Онъ утверждаетъ, что Спаситель явился также и ему самому; и въ своемъ посланіи къ Галатамъ объявляетъ, «что онъ получилъ Евангеліе, и научился оному не отъ человѣка, но чрезъ откровеніе Иисуса Христа» (Галат. 1 гл., ст. 12). Вотъ положительныя, рѣшительныя утвержденія. Теперь вопросъ въ томъ: то, чтó возвѣщаетъ Павелъ, отъ Бога, или отъ человѣкъ? Апостолъ говоритъ, что онъ получилъ откровеніе; чтó надобно думать объ этомъ? Обманываетъ опъ? Этого не дерзаютъ говорить. Есть ли онъ жертва обольщенія чувствъ вслѣдствіе его энтузіазма, или онъ свидѣтельствуесть объ истинѣ? Надѣмся, вопросъ поставленъ точно. Если его рѣшать въ смыслѣ вѣры, отправляясь отъ неоспоримаго основанія, которое доставляетъ намъ наука, то мысль должна именно воспроизвести Христа, Церковь, Писаніе. Если рѣшаютъ этотъ вопросъ въ смыслѣ раціонализма, тутъ мысль входитъ на другую дорогу; ей придется естественными средствами объяснять необыкновенныя обнаруженія, какія окружаютъ явленіе Евангелія. Съ одной стороны, изучаютъ исторію божественныхъ откровеній, съ другой—думаютъ приводить безотчетныя вѣрованія къ раціональной истинѣ. Какъ скоро удаляются отъ немногихъ фактическихъ данныхъ, принимаемыхъ всѣми, тогда нѣтъ *одной* богословской науки, а являются двѣ съ совершенно различными началами,—нѣтъ одной научной критики, а являются двѣ: критика невѣрія и критика вѣры. Чрезъ пропасть, которая ихъ отдѣляетъ, никто еще не сумѣлъ перекинуть моста.

Чью же взять сторону? Какъ опредѣлить себя: къ вѣрѣ, или къ отрицанію? Будемъ продолжать собраніе матеріаловъ нашей задачи.

Евангеліе проповѣдано. Послѣдуемъ за его судьбами въ мірѣ. Оно явилось въ странѣ, не отличавшейся образованіемъ; проповѣдывалось непосредственно въ знаменитѣйшихъ центрахъ древней образованности. Оно утверждалось нѣсколькими вѣками кровавыхъ гоненій на него и нападеній ученыхъ и философовъ, до самого того времени, когда стало ясно, что слишкомъ поздно уже останавливать его успѣхи. Утвердившись столь необычайнымъ способомъ, христіанство не менѣе чудесно и поддерживается. Оно торжествовало при нападеніи его противниковъ и преслѣдователей; оно постоянно торжествуетъ надъ всѣмъ, ему враждебнымъ, въ средѣ самыхъ его послѣдователей. Одинъ общественный ораторъ думалъ обвинять Евангеліе во всѣхъ беззаконіяхъ, совершенныхъ и совершаемыхъ во имя религіи, во всемъ, что бываетъ постыдно въ жизни обществъ христіанскихъ.... Но я незнаю, есть ли доказательства, болѣе величественныя въ пользу божественности Евангелія, чѣмъ эти беззаконныя и постыдныя дѣла. Послушайте поэта, который дѣлаетъ такое обращеніе ко Христу:

«Человѣкъ не могъ очернить Твоего закона истины. Не вѣжество облагало иракомъ Твои величественныя свѣты, злоба думала снѣшать Твои добродѣтели и наши злодѣянія, льстецы продавали тираннамъ Твои заповѣди; и все-таки пребывали правда, любовь и свобода! Ослѣпленный разумъ спрашиваетъ: чѣмъ, какими чудесами свидѣтельствуется этотъ, будто старѣющійся законъ? Чудо пребывающее и безконечное заключается именно въ томъ, что эта истина, чрезъ волны обмановъ и лицемѣрія, что этотъ блистающій свѣточъ, чрезъ облегающую его мглу, что это слово, чрезъ наши

нечистыя уста, прошло почти двѣ тысячи лѣтъ и остается еще божественнымъ» (*).

Ничто не мѣшаетъ въ хорошихъ стихахъ быть основательному доказательству; вообще когда говорятъ, какъ о необыкновенномъ, о томъ, что Евангеліе противостояло всѣмъ нападеніямъ на него и, какъ еще болѣе необыкновенномъ, о томъ, что оно противостояло всѣмъ недостаткамъ его послѣдователей, и даже беззаконіямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; то мнѣ кажется, что этимъ говорится весьма серьезное дѣло. Вамъ хорошо извѣстно, что Евангеліе доселѣ есть источникъ всего лучшаго на землѣ; это въ сущности извѣстно всѣмъ, самымъ маловѣрующимъ изъ насъ. Несмотря на всё, что говорится о фальшивой набожности и лицемеріи, неужели вы не знаете ни одного истиннаго христіанина, т. е. человѣка, который бы, руководимый Искупителемъ, искалъ у Бога силы служить своимъ ближнимъ,—человѣка, предпочтительно любящаго дѣлать добро втайнѣ, и молиться не на стогнахъ?.. Не знаю я, съ какими людьми вы имѣете дѣло, но во дни скорби всегда близко отъ васъ этотъ желанный человѣкъ.

Мы стараемся сократить въ немногихъ словахъ соображенія, которыя легко было бы распространить. Христосъ сказалъ: «миръ Мой даю вамъ.» И въ продолженіе XVIII вѣковъ тысячи голосовъ—бѣдныхъ и богатыхъ, ученыхъ и необразованныхъ, отвѣчали ему: «да, Ты даровалъ намъ миръ.»

Онъ сказалъ еще болѣе удивительное слово: «Я есмь истина.» И съ самыхъ вершинъ науки, исторіи и философіи люди, которымъ нѣтъ равныхъ въ мірѣ, отвѣчали: «да, Ты истина.»

(*) Ламартинъ, *Нутье au Christ*.

Онъ сказалъ: «научите всѣ народы,» и Его слово исполнено. Если любовь къ приобрѣтенію далеко заводида промышленниковъ, если любознательность далеко влекла ученыхъ, то мы видимъ также людей, несущихъ слово Евангелія еще въ отдаленнѣйшія страны, и тамъ водружающихъ крестъ Спасителя. Явленіе безиѣрное; но мы не показали еще дѣйствія, произведеннаго Иисусомъ на законы, нравы, установленія; мы не показали еще той господствующей и владычествующей цивилизаціи, которая есть цивилизація ни востока, ни запада, ни сѣвера, ни юга, ни той или другой расы, но есть христіанская цивилизація, имѣющая на себѣ всѣ признаки превосходства, котораго никто не думаетъ оспаривать.

Такъ христіанская цивилизація приобрѣла побѣду надъ міромъ, и соль, которая препятствуетъ ей повредиться и уничтожиться, есть именно Евангеліе. Никто не имѣетъ права сказать намъ, будто мы, вращаясь въ тѣсномъ своемъ горизонтѣ, развиваемъ здѣсь риторическую тему, которую такъ же хорошо можно приложить къ образованности китайской или браманско-индійской. Міровая исторія не есть простое соединеніе отдѣльныхъ исторій. Въ ней замѣтно одно главное теченіе, которое несетъ и приводитъ насъ къ побѣдѣ надъ міромъ. Христіанскіе народы имѣютъ видимое превосходство надъ всѣми другими народами; часто они злоупотребляютъ этимъ превосходствомъ, и нерѣдко злоупотребляютъ гнуснымъ образомъ; но самое это превосходство—кто можетъ не знать его? Восточная ли торговля грозитъ поглотить торговлю европейскую? Китайскія ли арміи грозятъ христіанскимъ государствамъ? Буддисты ли и брамины посылаютъ къ намъ своихъ миссіонеровъ? Насъ что ли открываютъ и изучаютъ другіе на-

роды? Не мы ли, напротивъ, даже помогаемъ ихъ собственному самосознанію; не въ европейскихъ ли бібліотекахъ и університетахъ индусъ долженъ будетъ изучать исторію своего народа и истинный смыслъ памятниковъ своей литературы? Превосходство наше неоспоримо, но откуда оно? Еще разъ, это не преимущество племени, или климата. Народы, царящіе въ мірѣ, суть народы, принявшіе Евангеліе; они могутъ забывать объ немъ, повреждать его, отрицаться его въ своихъ дѣлахъ, но оно все-таки составляетъ ихъ силу и ихъ жизнь. Эти народы, даже въ своихъ насиліяхъ, даже въ беззаконіяхъ, являются орудіями божественнаго плана, и исполняютъ пророчество того Обитателя береговъ іорданскихъ, который зналъ, что поле, гдѣ должно быть постыпно Его слово—это міръ, и что всѣ народы земли—Его достояніе.

Иногда говорятъ, что болѣе обширный взглядъ на исторію долженъ поколебать нашу вѣру, что сравнительное изученіе религій пагонить облака, которыя остановятъ лучи божественности Евангелія. Повѣрьте (мы не думаемъ говорить съ авторитетомъ, мы обращаемся къ собственному разсужденію каждаго), повѣрьте, что мы идемъ къ совершенно противоположному результату. Евангеліе—единственно, какъ одна образованность, которой оно служитъ началомъ; чѣмъ болѣе будутъ намъ извѣстны языческія религіи, тѣмъ болѣе возсіяетъ предъ нами божественный свѣтъ нашего Спасителя. Евангеліе единственно; это признаютъ самые противники его, когда они не стоятъ на стражѣ своихъ теорій. Нельзя возводить его къ небытію, какъ особый случай приложенія общаго закона, на томъ основаніи, что онъ ускользаетъ отъ всякаго сравненія. Нельзя думать, чтобъ какой-нибудь серьезный философъ оспаривалъ это въ наше время: вопросъ о

божественности религіи или невозможенъ, или возможенъ только по отношенію къ одному Христіанству.

Итакъ утвержденіе и сохраненіе Евангелія представляютъ намъ безмѣрное, несравнимое явленіе. И что же мы видимъ при его началѣ? Человѣка, вознесеннаго на крестъ, на одномъ изъ холмовъ Іудеи, среди плачущихъ женщинъ и смѣющагося народа; и отъ подножія этого креста, пѣсколько неизвѣстныхъ проповѣдниковъ идутъ во весь міръ, провозглашая: «Сей, повѣщенный на древѣ, есть Сынъ Божій. Обратитесь къ Нему!»

Таковы факты. Мы утверждаемъ, что самое разумное ихъ объясненіе, это сказать: «Здѣсь дѣло Божіе».

Поставить вопросъ, опредѣлить его въ точныхъ словахъ, показать элементы отвѣта—это все, что можетъ сдѣлать изученіе и изслѣдованіе въ предметѣ, который насъ занимаетъ. Наука можетъ рѣшать возраженія, которыя сама же она возбуждала въ умѣ. Она не можетъ произвести вѣры. Если бы надлежало быть ученымъ, чтобы идти на встрѣчу своему Богу, то въ виду этого неравенства что значили бы всѣ другія неравенства человѣческаго существованія!

Умственный трудъ можетъ разсѣять предубѣжденія, враждебныя религіозной истинѣ, приготовить пути къ Евангелію, утвердить признаки его имовѣрности; но въ образованіе собственно такъ-называемаго вѣрованія, которое становится основаніемъ жизни, входитъ элементъ другаго порядка.

Почему вѣрующіе вѣрятъ? Спросите ихъ объ этомъ. Они вамъ скажутъ, что ихъ вѣра зародилась отъ встрѣчи съ обитованіями, благодатію, свѣтомъ, принесенными Іисусомъ Христомъ. У однихъ эта вѣра развивается мало-по-малу, у другихъ она мгновенно обнимаетъ душу; у всѣхъ она есть про-

изведеніе жизни, жизни души въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова, жизни въ ея отношеніяхъ съ міромъ и съ Богомъ. Чтобъ объяснить вамъ ходъ ея мыслей, образованіе ея надеждъ, часто необходимо, чтобъ христіанинъ разсказалъ вамъ всю свою жизнь и повѣрилъ вамъ самыя сокровенныя тайны своей совѣсти. Какъ показать все то, что приводитъ къ Евангелію? Скорбь, пресыщеніе удовольствіями, разрушившіяся обольщенія, борьба противъ страстей, горькія паденія, существованія, разбитыя кровною разлукою, потребность силы, потребность покоя, потребность свѣта и разумѣнія.... Но кто можетъ исчислить всѣ тѣ пути, по которымъ идутъ души? Кто можетъ указать всѣ тѣ точки на горизонтѣ, откуда приходятъ люди, которые, встрѣчаясь между собою у ногъ Иисуса Христа, единогласно, подъ тысячью формъ, выражаютъ Ему свидѣтельства слѣпорожденнаго: «я былъ слѣпъ, а нынѣ вижу».

Можно изучать и обозрѣвать въ извѣстной мѣрѣ различные пути, которыми вѣрующіе приходятъ къ вѣрѣ; но что касается до послѣдняго факта, что касается до образованія самаго убѣжденія, это остается непостижимымъ таинствомъ и дѣломъ Бога. Не думайте, чтобъ здѣсь я защищалъ какое-нибудь исключеніе въ пользу Евангелія, въ пользу религіи истинны. Нѣтъ, это одинъ изъ существенныхъ законовъ нравственнаго и духовнаго порядка, что во всей цѣлой его области *одинъ* разсудокъ ничего не изъясняетъ полнымъ образомъ.

Лейбницъ сказалъ: «Если бы геометрія противорѣчила нашимъ страстямъ, тогда оказалось бы немало людей, оспаривающихъ твердость ея доказательствъ.» Я не останавливаюсь на этомъ парадоксѣ, хотя во всѣхъ лѣтописяхъ рода человеческого едва ли можно найти кого-либо болѣе правомощнаго, чѣмъ Лейбницъ, для сужденія объ этомъ предметѣ.

И мы допускаемъ, что въ области наблюденія и вычисленія пѣтъ спора, который не могъ бы быть разрѣшенъ тою же самою наукою. Какъ же скоро вы касаетесь міра духовнаго, здѣсь совершенно другое дѣло. Вы вѣрите въ Бога? По крайней мѣрѣ вы сказали бы съ Вольтеромъ, когда ему предлагали сдѣлаться безбожникомъ: «Вселенная отвсюду обвиняетъ меня, и я не могу думать, чтобы эти часы существовали, а не было ихъ Художника.»

Но были нѣкоторые астрономы-безбожники. Это, конечно, удивительно, но было на самомъ дѣлѣ. Что это значитъ? Небеса и земля повѣдаютъ силу и мудрость Строителя міровъ; но кто не воздаетъ славы Творцу при взглядѣ на былинку травы, при видѣ насѣкомаго, тому и самое глубокое изученіе не покажетъ Творца ни въ свѣтлѣхъ небесныхъ, ни въ чудесахъ земли. Слѣдовательно, вѣра въ Бога предполагаетъ нѣчто другое, чѣмъ чистая наука.

Вы вѣрите въ нравственность. Вы называете соблазнителемъ того, кто бы вамъ въ лицо сказалъ, будто долгъ есть только хорошее слово, которымъ вы прикрываете исканіе собственнаго удовольствія. Но знаете ли, что дѣйствительность нравственнаго порядка была отрицаема не только людьми грубыми или легкими до безразсудства, но и мыслителями, отличавшимися силою ума? Знаете ли, что степенные философы писали толстыя книги, чтобы доказать, будто долгъ есть бессмысленное слово и будто человѣкъ всегда ищетъ только собственнаго интереса? Значитъ, вѣра въ долгъ предполагаетъ нѣчто другое помимо чистой науки.

Что же такое происходитъ съ этими людьми, которые отвергаютъ существенныя основы духовнаго порядка? Что они, идутъ ли сознательно противъ истины? Не знаемъ. Неизвѣстно, что скажетъ имъ Богъ въ послѣдній день. Многіе

изъ нихъ представляютъ зачатки нравственнаго характера, достойнаго уваженія; и хотя извѣстна глубокая связь между заблужденіемъ и грѣхомъ, мы не считаемъ себя въ правѣ сказать имъ, что ихъ заблужденіе происходитъ именно отъ испорченности. Но есть право утверждать это; потому что это съ полною очевидностію выводится изъ изслѣдованія фактовъ: вовсе не наука роетъ пропасть, и одна наука не можетъ наполнить эту пропасть между читателями Бога святаго и людьми, отрицающими Бога и Его законъ. Въ образованіи самыхъ первоначальныхъ вѣрованій духовнаго порядка, кромя умственнаго труда является тайна, которую нельзя измѣрить разсудочными понятіями. Говорить, что въ зарожденіи христіанской вѣры, помимо науки, совершается въ душѣ нѣчто особенное, что составляетъ тайну Бога, вовсе не значитъ отстаивать исключеніе въ пользу занимающаго насъ вопроса.

Но не будемъ злоупотреблять этой истиной; не будемъ расчитывать на божественное дѣйствіе, сами оставаясь въ сонливости; это было бы прямымъ нарушеніемъ самаго перваго нашего долга. Не будемъ расчитывать только на дѣло благодати, не будемъ ожидать свѣта, который поразилъ Савла на пути въ Дамаскъ. Вѣра, въ ея началѣ, есть весьма часто слабый свѣтъ, который идетъ изъ глубины совѣсти: это— или мысль, иногда посѣщающая васъ, что Евангеліе, можетъ быть, истинно, или — потребность помилованія, при которой ваши взоры обращаются къ Искупителю, или еще— удивленіе, которое вы испытываете при встрѣчѣ съ истиннымъ христіаниномъ. Такое чувство вашего сердца, такая мысль вашего ума, суть блѣдный свѣтъ утренняго разсвѣта, который, занявшись въ правой совѣсти и проводимый доброю волею, идетъ постепенно возрастая до полноты полуденнаго

свѣта. Этотъ путь совершается при двухъ условіяхъ, указанныхъ Христомъ и дознанныхъ опытомъ Его учениками; эти условія: добрая жизнь и молитва,—дѣланіе дѣлъ христіанскихъ, происходящее пока не изъ вѣры, но изъ желанія вѣры,—молитва, покоящаяся пока не на увѣренности быть принятой, но на надеждѣ быть услышанной.

Здѣсь не излишне привести одинъ примѣръ, достойный упоминанія. Одинъ изъ членовъ національнаго конвента, Иснардь, слѣдующими словами произвелъ шумъ въ этомъ собраніи, весьма впрочемъ невзыскательномъ въ отношеніи вѣры: «законъ—вотъ мой Богъ, другаго Бога я не знаю». Послѣ того, мы видимъ его въ заключеніи въ продолженіи 16-ти мѣсяцевъ. Въ подземельи, ожидая только смерти, онъ обратился къ Богу. Вотъ какъ онъ самъ передаетъ намъ о своемъ душевномъ состояніи:

«Я понялъ, что въ дѣлѣ религіи рѣшеніе истины зависитъ не столько отъ усилія нашего ума, сколько отъ расположенія нашего сердца.... Я понялъ, что среди темной ночи религіозной метафизики, истина является только какъ проблескъ, который надобно схватывать, и какъ свѣтильникъ, который возжигается смиренною молитвою, и погашается гордостію.... Итакъ, я началъ молиться, и чѣмъ болѣе приближался къ Богу, я становился лучше, спокойнѣе и способнѣе различать истину» (*).

Это—не минутное движеніе сердца: Иснардь, тридцатилѣтнею, истинно-христіанскою жизнію доказалъ дѣйствительность своего обращенія и дѣйственность молитвы въ приобрѣтеніи вѣры.

Мы не намѣрены здѣсь излагать опытовъ внутренней, ду-

(*) De l'immortalité de l'âme, par Martin Isnard. Paris, 1802.

ховной жизни. У насъ была другая цѣль—выяснить, насколько имѣютъ силы въ дѣлѣ религіознаго убѣжденія ученіе и изслѣдованіе, потомъ—показать, что внѣшніе признаки откровенія Иисуса Христа представляютъ оное достойнымъ всякаго уваженія со стороны разума. Въ слѣдующей статьѣ мы постараемся показать, что христіанское ученіе о вѣчной жизни совершенно согласно съ потребностями ума, сердца и совѣсти людей съ доброю волею.

Статья Эрнеста Навиля.

(Продолженіе будетъ.)

О ПОСТАНОВЛЕНІЯХЪ АПОСТОЛЬСКИХЪ.

«Постановленія Апостольскія» (*Διατάξεις τῶν Ἀποστόλων*, Constitutiones Apostolicae) излагають, на ряду съ вѣроученіемъ, практику Церкви первыхъ трехъ вѣковъ—богослужебную, нравственную, іерархическую и юридическую.

Этотъ памятникъ сталъ извѣстенъ въ церковной литературѣ съ начала четвертаго вѣка. Съ этого времени мы находимъ свидѣтельства о немъ у церковныхъ писателей. Евсевій Кесарійскій упоминаетъ объ нихъ между «сомнительными» сочиненіями — *ὀρθα* (*Hist. eccles. L. III., c. 25; сл. 57—59; lib. VII, cap. 7*), не указывая ихъ содержанія, но поставляя ихъ прежде посланія апостола Варнавы, подъ заглавіемъ: *такъ-называемыя Наставленія Апостоловъ* (*τῶν Ἀποστόλων αἱ λεγόμενα διδάχαι*). Подъ такимъ же точно заглавіемъ, только въ единственномъ числѣ, приводитъ ихъ св. Аѳанасій Великій. Онъ говоритъ, «что хотя они не могутъ считаться каноническими, впрочемъ пастырями Церкви одобряются для чтенія», наравнѣ, напр., съ книгою Ермы (*Epist. Fest.*). Въ другомъ мѣстѣ (*in Synopsi*) онъ ставитъ ихъ между «спорными» сочиненіями (*ἀντιλεγόμενα*). Съ именемъ

«Постановленіе Апостоловъ» (*ἡ τῶν Ἀποστόλων διατάξις*) часто упоминаетъ св. Епифаній въ своихъ книгахъ противъ ересей и отзывается объ нихъ такъ: «хотя нѣкоторые они не принимаются, но нельзя и вовсе отвергать ихъ, потому что въ нихъ содержитсяъ весь уставъ церковнаго благочинія и ничего противнаго вѣрѣ» (Haer. LXX, § 10). Неизвѣстный латинскій толкователь евангелиста Матѳея, жившій, какъ полагаютъ, раньше VI-го столѣтія, цитуетъ «осьмую книгу» изъ *Canonum Apostolorum* (ad. Matth. XXV, 18) (*). Съ этого времени книги Апостольскихъ Постановленій приводятся уже опредѣленно и правильно у многихъ богослововъ и канонистовъ (**).

Книги Апостольскихъ Постановленій произошли и пользовались постояннымъ употребленіемъ на Востокѣ. Восточное происхожденіе Апостольскихъ Постановленій, кромѣ общихъ признаковъ, каковы: языкъ (греческій) и письмо, догматическія формулы, при столь близкомъ отношеніи ихъ къ мар-

(*) Другая цитата: in libro canonum, qui est de episcopis (ad Matth. VI, 3.) въ теперешнемъ текстѣ ихъ не находится. См. Фабриція *bibl. graec.* VII, 25, ed. Harl.; Краббе, — стран. 67 ff. Слич. Экуменія ab act. apost. IX, 10, 1. Дамаскина de orthodoxa fide L. IV, с. 18.

(**) Напримѣръ у Тимофея Пресвитера (въ нач. VI-го вѣка) «шестая книга ихъ» подъ названіемъ τὰ ἀποστολικὰ (ρήματα in tractatu de iis, qui accedunt ad ecclesiam, in. auct. biblioth. P. P. Combef), у Максима Исповѣдника (въ полов. VII-го в.) «седьмая ихъ книга» (гл. 46) ἀποστολικὰ διατάγματα (in Prologo ad Dionis. Агеор.) и *ἱεραὶ τῶν ἀποστόλων διατάξεις* (in epist. octav. Dionys.), наконецъ все сочиненіе у Фотія (IX в.) (*Biblioth. cod.* 112, 113), который цѣлѣмъ съ тѣмъ первый упоминаетъ о соединеніи (85) Правилъ съ Постановленіями. Онъ говоритъ: «наконецъ, были читаемы два сочиненія Климента Римскаго, одно съ надписаніемъ — *διατάξεις τῶν ἀποστόλων διὰ Κλημεντος*, гдѣ содержатся и правила приписываемыя апостоламъ, другое — *τοῦ Πέτρου πράξεις*,» и т. д. Свидѣтельства позднѣйшихъ греческихъ писателей можно читать у Котельера (*Patr. app.* I, 192—194: Слич. Монфокоуз *bibl. Coisl.* p. 111; Фабриція *bibl. graec.* 7, 26. 11, 571—584 ed. Harl.

кіонизму и савелліанству, сродство съ подлинными и поврежденными посланіями Игнатія Богоносца, подтверждають еще многія частныя обстоятельства. Времясчисленіе и названіе мѣсяцевъ въ книгахъ Постановленій отлично отъ нашего, именно сирійское, или, вѣрнѣе, грекосирійское. Въ первый мѣсяць *Ксантикъ* (Xanthikus—апрѣль) Христосъ былъ взятъ іудеями (кн. V, гл. 14); на 22 день двѣнадцатаго мѣсяца *Дистроса* (Dystros, по-эѳіопски *Bermabath*—мартъ) падаетъ весеннее равноденствіе (въ опредѣленіи времени празднованія Пасхи по нынѣшнему тексту Постановленій V, 17); десятый день *Корнія* (Corriäus сентябрь)—день плача іудеевъ по разрушеніи храма іерусалимскаго. Указаніе на Сирію можно видѣть также въ порядкѣ епископовъ, поставленныхъ апостолами и перечисляемыхъ въ 46 главѣ седьмой книги (если только эта глава не вставлена въ послѣдствіи); ибо за епископами іерусалискимъ и кесарійскимъ слѣдуютъ тотчасъ епископы антioxійскіе, потомъ уже александрійскіе и римскіе. Равно въ одной изъ молитвъ осьмой книги (гл. 10) упоминается имя Еводія, епископа антioxійскаго, хотя въ вѣнскомъ манускриптѣ стоитъ (вѣроятно, поврежденіе александрійскаго переписчика) имя Анніана, епископа александрійскаго вмѣсто перваго (см. у Котел. подстр. прим. 2 на эту главу, т. I, стр. 401). Сюда же относится предписаніе той же осьмой книги (гл. 12), по которому, во время литургіи, два діакона должны стоять по обѣимъ сторонамъ жертвенника (престола) и опахаломъ или рипидою отгонять наѣтковыхъ отъ святой чаши,—потребность и обычай восточныхъ церквей. Наконецъ, къ этому можно присоединить еще свидѣтельство св. Епифанія (наср. LXX, п. 10 и 11), что Авдіане, извѣстная въ Сиріи секта антропоморфитовъ, имѣли книги Постановленій въ особенномъ уваженіи и пользовались ими, какъ Св. Писаніемъ,

и на основаніи ихъ-то, главнымъ образомъ, оправдывали свой обычай праздновать Пасху вмѣстѣ съ іудеями. И это свидѣтельство, въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе имѣетъ силы, что какъ, съ одной стороны, древнѣйшій текстъ Постановленій, бывшій подъ руками у Епифанія, дѣйствительно предписываетъ такое правило, такъ съ другой,—по словамъ Аѳанасія Великаго (de Synod. Nicaen. n. 5) и св. Златоуста (Orat. 7 de Pascha), въ Сиріи, Киликии и Месопотаміи, не смотря на споръ Виктора, папы римскаго съ восточными епископами, продолжали праздновать Пасху въ одно время съ іудеями. Итакъ, мѣсто происхожденія нашего памятника Востокъ и частнѣе Сирія, въ то время одна изъ церковныхъ провинцій (*).

(*) Въ новѣйшее время Бауръ (Tüb. Zeitschr. für Theol. 1838, III, S. 134 ff.) высказалъ другой взглядъ на этотъ предметъ. На томъ же основаніи, на какомъ Ротэ производитъ книги Постановленій отъ какой-либо іудействующей секты первыхъ вѣковъ, то-есть на особенномъ уваженіи ихъ къ Моисееву закону и въ частности къ предписанію о празднованіи субботы, на рѣдкомъ упоминаніи объ апостолахъ Павлѣ и, напротивъ, частоиъ—Симонѣ волхвѣ, какъ патріархѣ всѣхъ еретиковъ, вообще на слѣдахъ такъ называемаго іудео-христіанства онъ построилъ такую догадку: Постановленія Апостольскія, какъ и Клементины, съ коими они такъ согласны въ указанныхъ пунктахъ, составлены на Западѣ, именно въ Римѣ, тамошними христіанами изъ іудеевъ, которые, однако, были родомъ не римляне, а греки, и вмѣстѣ съ языкомъ удержали и другія особенности огречавившихся со времени македонскаго владычества странъ передней, или верхней Азіи. Но на Италію и Римъ, не говоря уже объ извѣстности имени Климента и на Востокѣ, не указываетъ ни одно внѣшнее обстоятельство, ни одна, хотя бы случайная, замѣтка въ Постановленіяхъ. Въ древности они мало, или совсѣмъ не были извѣстны на Западѣ, тогда какъ восточныя рукописи наполнены ими. Если Бауръ (S. 13 ff.) замѣчаетъ, что колебаніе касательно празднованія субботы между іудейскимъ и христіанскимъ возрѣніемъ, какое замѣтно въ Постановленіяхъ (II, 36, 59; V, 15, 20; VII, 23), имѣло мѣсто и въ Римѣ (сл. Тертуліана de jejun. C. 14): то можно сказать напротивъ, что въ началѣ четвертаго

Книги Постановленій Апостольскихъ какъ произошли въ восточной Церкви, такъ здѣсь же пользовались постоянною извѣстностію и уваженіемъ, особенно до времени шестаго вселенскаго Собора (Трульскаго 691 г.). Онѣ служили во многихъ случаяхъ руководствомъ для практики церковной, пособіемъ при изясненіи древнихъ обрядовъ и обычаевъ; по частямъ входили даже въ нераннее время въ кодексы, или сборники церковныхъ правилъ; въ нѣкоторыхъ сборникахъ соединялись съ Правилами Апостольскими подъ общимъ именемъ Климента, и въ отрывкахъ сохранили свое мѣсто въ сборникахъ переводныхъ, напр., славянскихъ (*). Послѣ соборнаго опредѣленія (Трульскаго) (**), хотя Апостольскія Постановленія по частямъ

столтїа празднованіе воскресенья въ христіанскомъ духѣ въ Римѣ было уже повсюднымъ, какъ Бауръ и самъ утверждаетъ (S. 136); а противъ такъ-называемаго іудео-христіанства говорятъ многія мѣста Постановленій, напр. кн. VI, гл. 26 и другія.

(*) Такъ, напр., онѣ были въ кодексѣ александрійской Церкви (Бянеръ de Coll. graec., pag. 18), у I. Схоластика (VI вѣк.) въ его собраніи правилъ и въ древнемъ сборникѣ (synopsis) правилъ, бывшемъ подъ руками у Аристена. (Слич. Фотія bibl. cod. 112). Въ нашей славянской Кормчѣ 2—4 главы заимствованы изъ Постановленій Апостольскихъ, именно изъ VIII ихъ книги.

(**) *Вторымъ правиломъ* Трульскій соборъ опредѣлилъ: - Прекраснымъ и крайняго тщанія достойнымъ призналъ сей святыи Соборъ и то, чтобы отнынь, къ исцѣленію душъ и ко уврачеванію страстей, тверды и ненарушимы пребывали прїятныя и утвержденныя бывшими прежде насъ святыми и блаженными отцами, а также и намъ преданныя именемъ святыхъ и славныхъ Апостоловъ, — восемьдесятъ пять правилъ. Поелику же въ сихъ правилахъ повелѣно намъ примати опытъ же святыхъ Апостоловъ-постановленія, чрезъ Климента преданныя, въ которыя нѣкогда иномыслящїе, ко вреду Церкви, привнесли нѣчто подложное и чуждое благочестію, и помрачившее для насъ благолѣпную красоту Божественнаго ученія: то мы ради назиданія и огражденія христіаннѣйшія паствы, оныя Климентовы постановленія благоразсмотрительно отложили, отнюдь не

оставались еще въ употребленіи, но вообще уже Церковь (восточная) смотрѣла на нихъ какъ на неканоническія и поврежденные. Впрочемъ на отдаленномъ Востокѣ опредѣленіе шестаго вселенскаго Собора не вездѣ было строго соблюдаемо. Маркъ, патріархъ александрійскій, спрашивалъ у Вальсамона, могутъ ли быть читаемы различныя книги, которыя находятся въ восточныхъ и южныхъ странахъ, и которыя одни называютъ «Ученіями свв. Апостоловъ», другіе— «Видѣніями св. Павла». Вальсамонъ, въ своемъ отвѣтѣ, отвергаетъ ихъ. (См. Свицера Thesaur. s. v.; *didachalia*; Tom. I. Juris Graeco-Romani, a Leunclavio edit., p. 363). У Котельера (Т. I, p. 194) находимъ замѣчаніе, что «эіопскіе христіане считаютъ Постановленія за истинно-апостольскія». Напротивъ, въ Церкви западной книги Постановленій Апостольскихъ были вообще малоизвѣстны и неупотребительны. Еще въ V вѣкѣ соборъ римскій, бывшій при папѣ Геласіи (494), признавалъ ихъ неподлинными, апокрифическими. Когда Никита Стифатъ, или, какъ называютъ его западные писатели, Пекторатъ въ борьбѣ съ латинянами, между другими пунктами разногласія церковей, нападалъ преимущественно на употребленіе опрѣспоковъ, постъ въ субботу и безженство духовныхъ лицъ, и, въ защиту греко-восточныхъ обычаевъ, ссылался на пятую и шестую книгу Постановленій, то противникъ его кардиналъ Гумбертъ, поставляя ихъ въ одинъ разрядъ съ «Встрѣчами» Климентя (*Recognitiones Clementis*— иначе «Путевыя записки Петра», *itinerarium Petri*), прямо и рѣшительно отвергнулъ ихъ. А Христіанъ Лупъ (part. 2. ad. concil. Trull.) вообще говоритъ, что латинская Церковь въ этомъ случаѣ всегда слѣдовала такъ-называемому декрету

допуская порожденій еретическаго жесловесія, и не вмѣшивая ихъ въ чистое и совершенное апостольское ученіе.

папы Геласія (de libr. resur. (496) Diest. XV, cap. 3; сл. с. 3. § 29) (*). Переводить и издавать Постановленія Апостольскія началъ на Западѣ только въ XVI столѣтіи (**).

(*) Безымянный латинскій комментарий на евангелиста Матея составленъ былъ первоначально, можетъ быть на греческомъ языкѣ. Что бл. Иеронимъ перевелъ будто бы Апостольскія Постановленія на латинскій языкъ, какъ утверждаютъ Туррианъ и Бовій, первые издатели ихъ, это мнѣніе основывается, вѣроятно, на смѣшеніи переведенныхъ Руфиномъ «Встрѣчь» Климента. (См. Уссерія de Epist. Ignat. с. 7; Эразма in operis Origenis censura; Геннадія, Catal. Script. ecclesiastic in Rufino). Въ декретѣ папы Геласія упоминается еще какое-то загадочное сочиненіе, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ называемое «laus apostolorum», въ другихъ «lusa arr», также «liber Lusanae», а въ Coll. Hisp. «jus arr.», которое Рихтеръ (ad. С. З. D. 16 и въ К-Р. § 65) несправедливо поставляетъ въ связь съ книгами Постановленій. Въ латинскомъ сочиненіи не-известной древности—de aleatoribus, помещаемомъ между твореніями св. Кипріяна, приводится мѣсто изъ Doctrinae Apostolorum, которое, однакожъ, бывъ сравнено съ нашими Постановленіями (II, 37—39), не представляетъ действительнаго сходства съ нами (см. у Котел. I, 197).

(**) Францисканецъ Краббе издалъ въ первый разъ только латинскій отрывокъ изъ Постановленій Апостольскихъ въ своемъ 2 изданіи Соборовъ, въ переводѣ К. Капеллія (сдѣланномъ въ Ингольштадтѣ 1546 г.) по критской рукописи, Кёльнъ, 1551—7 гг. Первый полный переводъ сдѣлалъ К. Бовій, Венеція 1563 г. in 4-то. Л. Сурий издалъ его въ своемъ собраніи Соборовъ 1567—1585 гг. Кёльнъ (fol.). Особенности чтенія по этому изданію указываются иногда Котельеромъ. Другой переводъ сдѣлалъ доминиканецъ Николай, 1563 г. Венеція, который сначала отдѣльно, а потомъ вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ и особеннымъ предисловіемъ издалъ Фр. Туррианъ, сличивъ манускрипты критскій, сицилійскій и калабрійскій, Антверпенъ, 1563, 1578 — 1585 гг. (fol.). Онъ же напечатанъ былъ въ 1 собраніи Соборовъ Бинія (также Северина Берійскаго) 1606 г. Далѣе—греческій текстъ съ латинскимъ же переводомъ и съ схолиями Зонары издалъ иезуитъ Фр. Дуцей (fol.). Парижъ, 1618 г.; послѣ того онъ является по порядку времени въ Лаббеевомъ сборникѣ Соборовъ 1662 г. Парижъ; у Уайстона primitive Christianity reviv'd Лондонъ 1711 г. vol. 11; въ известномъ изданіи Котельера Patr. arr. (кромя двухъ прежнихъ 1672 и 1698 гг. Антверпенъ. fol.).

Когда, такимъ образомъ, съ шестнадцатаго вѣка книги Постановленій сдѣлались извѣстны на западѣ посредствомъ различныхъ переводовъ, стали входить въ сборники соборныхъ дѣлій, наконецъ былъ изданъ и оригинальный, греческій текстъ ихъ, то естественно они должны были возбуждать къ себѣ вниманіе критики. Вопросы объ ихъ подлинности, или неподлинности, объ ихъ писателѣ и времена происхожденія, объ ихъ исторической и догматико-канонической важности ясно были поставлены богословско-исторической наукой. Рѣшеніе этихъ вопросовъ, какъ и слѣдовало ожидать, было весьма различно, смотря по тому, къ какой вѣроисповѣдной системѣ принадлежали богословы-рецензенты, бравшіеся за дѣло, не говоря уже о степени церковно-историческихъ познаній каждаго изъ нихъ и критическаго таланта. Что книги Апостольскихъ Постановленій не могли произойти изъ апостольскаго вѣка, что онѣ не принадлежать св. Клименту Римскому (+ 101), что онѣ въ цѣломъ вообще не изъ первыхъ временъ христіанства, это легко можно видѣть изъ ихъ содержанія всякому, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ церковною исторію и не глубокихъ соображеніяхъ (*).

1724 г. (fol.), сличенномъ 1. Клерикомъ съ 2 вѣнскими рукописями, Амстердамъ; въ сборникѣ Николая Колеты 1728 г. Венеція; у Манси 1759 г. Т. I; у Голланда bibl. Patr. III, 1788 г. Новѣйшее изданіе греческаго текста Апостольскихъ Постановленій сдѣлалъ Уельценъ, 1853 г., Швеяръ. Лучшія изслѣдованія объ этомъ памятникѣ слѣдующія: *Krabbe* *Über den Ursprung und Inhalt der Apoltol. Constitutionen des Clemens Romanus*, 1829. Hamburg. *Дрелъ*: *Neue Untersuchungen über die Constitutionen und Canones der Apostel*, 1832. Tübingen, и *Бмкелля*: *Geschichte des Kirchenrechts*, 1843, Gießen.

(*) Укажемъ нѣкоторыя несообразности, вслѣдствіе которыхъ Постановленія нельзя производить отъ Климента Римскаго. Здѣсь говорится противное тому, что пишетъ Климентъ Римскій въ 1-мъ своемъ посланіи къ Коринтянамъ (слич. § 25, V, 7: повѣсть о феникѣ): апо-

Здѣсь не только отдѣльные пункты церковнаго благочинія, каковы, наприм., приведенные въ систему посты и праздники, низшія церковныя должности, въ отношеніи къ вѣроученію аріанскія, или кажущіяся такими формулы, указываютъ на позднѣйшее время,—здѣсь вся церковная дисциплина, іерархія, литургія, догматика—изъ половины третьяго, или начала четвертаго столѣтія, словомъ, все устройство и порядокъ церковный представлены такъ, какъ они проявились около этого времени въ практикѣ Церкви, и какими находилъ ихъ

столь Петръ свидѣтельствуетъ (VI, 8), что Маркъ, ученикъ Валентина, извѣстный жепророкъ и жечудотворецъ, Василідъ (александрійскіе гностики) и Сатурнинъ (изъ сирійскихъ гностиковъ,—докетъ,—а послѣдамъ ученія можно отличить многихъ послѣдователей разныхъ маріонитскихъ обществъ),—проповѣдуютъ ереси, тогда какъ эти еретики жили послѣ временъ апостольскихъ (во II вѣкѣ); Постановленія преподаются 12 апостолами, въ присутствіи Павла и семи діаконовъ (II, 55; VIII, 4; ср. II, 39), а Стефанъ, какъ извѣстно, умерщвленъ былъ прежде обращенія Павлова (Дѣян. VIII, 1) и въ самыхъ книгахъ Постановленій онъ часто называется мученикомъ (II, 49; V, 8; VI, 30; VIII, 18—46; сл. 33); апостолы Петръ и Павелъ устанавливаютъ праздники въ честь апостоловъ же и святыхъ мучениковъ (VI, 30; VIII, 33). Различая имена трехъ Іакововъ: Іакови сына Заведеева, брата Іоаннова, Іакова Алѣеова, иначе малаго, и Іакова, брата Господня, перваго епископа іерусалимскаго (II, 55; VI, 14; VIII, 12,—23,—35,—46), Постановленія насчитываютъ уже 14 апостоловъ (включая сюда Матея и Павла), тогда какъ сами же они хотятъ оставаться при числѣ 12 (VI, 12; VIII, 4; сл. II, 39; III, 6), или по крайней мѣрѣ 13 (VIII, 46); но самъ апостолъ Павелъ двухъ послѣднихъ Іакововъ соединяетъ въ одно лице (Гал. I, 19). Притомъ, братъ Господа, въ однѣхъ книгахъ (VI, 14; VIII, 35) представляется еще живымъ и даже присутствующимъ на Соборѣ апостольскомъ въ Іерусалимѣ (VI, 12), въ другихъ давно умершимъ (V, 8; ср. Дѣян. XII, 2), такъ что выставляются уже два преемника его (VII, 46)—Симонъ Клеоповъ и Іуда Іаковлевъ, изъ коихъ первый (+ ок. 107), равно и Θεопилъ, третій епископъ Кесарій Палестинской (+ къ концу II-го вѣка: Исидоръ origina lib. VI, cap. 2) жили опять послѣ Климента. Другіе анахронизмы и противорѣчія увидимъ въ послѣдствіи.

еще св. Епифаній, почему онъ и могъ сказать, что въ Постановленіяхъ содержитсяъ весь церковный уставъ. Но въ то же время въ нихъ такъ много истинно-христіанскаго духа и апостольской простоты, повсюду господствуетъ столь строгая и вѣстѣ столь любвеобильная сила благочестиваго чувства и чисто-евангельской нравственности, что можно прочесть нѣсколько страницъ въ полнѣйшемъ убѣжденіи, что действительно слышишь здѣсь голосъ апостоловъ. И отсюда становится понятнымъ, какимъ образомъ, послѣ перваго ознакомленія съ этимъ сочиненіемъ, апостольское достоинство его могли защищать ученѣйшіе мужи, особенно если при этомъ находилъ для себя пищу церковный интересъ. Чтобы теперь различныя мнѣнія новѣйшихъ богослововъ-рецензентовъ *за* и *противъ* Апостольскихъ Постановленій соединить въ одинъ цѣлый обзоръ, для этого всего лучше представить здѣсь основныя положенія критики и подъ каждое изъ этихъ положеній подвести имена замѣчательнѣйшихъ ея представителей.

Подлинное апостольское происхожденіе (черезъ Климента Римскаго) усвоили Постановленіямъ первые издатели ихъ—*Бовій* и *Туррианъ*, изъ которыхъ послѣдній подлинность ихъ, наравнѣ съ такъ-называемыми «Правилами Апостольскими», старался защитить въ пространномъ греческомъ предисловіи и примѣчаніяхъ къ нимъ. Потому, Постановленія Апостольскія нашли для себя многочисленныхъ и самыхъ жаркихъ защитниковъ въ этомъ отношеніи между англійскими богословами. Въ своихъ спорахъ съ протестанскими братьями они постоянно указывали, между прочимъ, на эти книги и авторитетомъ ихъ думали оправдать іерархію (епископальную си-

стему) и устройство своей церкви, въ чемъ они такъ далеко разошлись съ первыми. *Сталлемонъ* (def. auct. eccl. l. I, с. II) такъ высоко цѣнилъ Постановленія, что по его мнѣнію Церковь могла бы и теперь еще принять ихъ въ свящ. канонъ. *Пейрсонъ* (in vindic. epist. s. Ignatii у Котел. II, 298 ff.) выдавалъ ихъ за ученія, которыя или написаны были самими апостолами, или продиктованы ими ихъ ученикамъ, и отъ нихъ переданы церквамъ; *Граббе* (Spicileg. Patr. Oxon. T. I, p. 40 ff., 253 ff.) производилъ ихъ изъ устныхъ преданій, въ началѣ втораго вѣка заключенныхъ уже въ письмена. Дальше всѣхъ зашелъ *Уайстонъ* (prim. Christ. III, 14), который въ обширномъ трактатѣ старался доказать, что Постановленія были преподаны апостоламъ самими Господомъ въ теченіи сорока дней по воскресеніи Его. Въ новѣйшее время еще *Кестнеръ* (die Ahare, Iena, 1819 г. S. 187 ff.) нѣмалъ трудъ защищать древнее мнѣніе, что Постановленія Апостольскія вышли изъ рукъ Климента, епископа римскаго. Надобно, впрочемъ, прибавить, что писатели, приписывавшіе Постановленіямъ апостольское происхожденіе, естественно, находили въ нихъ много измѣненій и поврежденій изъ временъ послѣдующихъ.

На за апостольскія, но тѣмъ не менѣе за древнія принимали книги Апостольскихъ Постановленій, *Бароніи* (Annal. ad ann. XXXII, nr. 18; XLIV, nr. 36; CII, nr. 9), считавшіи ихъ тождественными съ «Наставленіями», упоминаемыми Евсевіемъ и Афанасіемъ; *Балларминъ* (de Script. Saec. I), который ставилъ ихъ въ одинъ разрядъ съ «Встрѣчами» Recognitiones, Климента; *Билліи* (in bibl. Part. T. III); *Гавріилъ Альбапинеискій* (Observ. eccl. S. 13); *Блондель*, приписывавшій ихъ, крайне несправедливо и вопреки давнему замѣчанію Фотія, писателю «Встрѣчь», въ концѣ втораго столѣтія (Pseudoisid. et Turr. va-

puantes, p. 28); *Петръ де Марма* (Concordia, 1, с. 2), который относилъ ихъ составленіе къ третьему вѣку; *Вилеръ* (Arratus juris canon. part. II, cap. 4). Кардиналь *Бока* (Reg. liturg. l. I, с. 8) признавалъ ихъ, и совершенно справедливо, за до-никейсія и изображенную въ нихъ дисциплину такою, какою она явилась въ Церкви христіанской при Константинѣ Великомъ. *Беверидъжъ* (in Annot. ad can. ap. 85), безъ достаточнаго, впрочемъ, основанія, утверждалъ, что не римскій, но александрійскій Климентъ (+ 211) собралъ древнія преданія частію изъ твореній древнѣйшихъ учителей, частію изъ разсказовъ своихъ современниковъ, и далъ имъ наименованіе Апостольскихъ Постановленій, потому что къ его время вообще вѣрили, что они происходятъ отъ апостоловъ (*). Наконецъ, *І. Басмажъ* былъ того мнѣнія, что По-

(*) Беверидъжъ основывался на томъ, что издатель Апостольскихъ Постановленій (въ 85 прав. ап.), повидимому, отличаетъ себя (личнымъ мѣстоимѣніемъ, *δι εμού*) отъ писателя посланій къ Коринѳянамъ, о которомъ говорить въ третьемъ лицѣ. Но это обстоятельство, дающее поводъ къ различенію лицъ Климентовъ, такъ же не важно, какъ и ссылка на свидѣтельство Евсевія (hist. eccl. VI, 13; см. Catal. Иеронима; Пост. Ап. VI, 18; прав. ап. 30, 50, 82, 85), что Климентъ александрійскій написалъ сочиненія *Κατὰ ἐκκλησιαστικὰς, ἃ πρὸς τοὺς ἰουδαίους* и «Книгу о Пасхѣ» (Евсев. тамъ же, гл. 15; ср. Епифанія haeres. LXXV, №. 6). Столько же неосновательно предположеніе, составленное *Вомю Бруно* и *І. Клеркомъ*, что писатель, или, по крайней мѣрѣ, участникъ въ написаніи Апостольскихъ Постановленій былъ аріанинъ Леонтій Триполитанскій, епископъ Лидіи, жившій въ началѣ четвертаго вѣка (Котельер. Т. II, стр. 178 ff., 493—495). Напротивъ, *Ротъ* въ позднѣйшее время высказалъ особенную догадку (Anfänge d. Christl. Kirche, S. 541—547 въ подстр. примѣч. 234). Находя въ Апостольскихъ Постановленіяхъ слѣды такъ-называемаго іудео-христіанства, или, какъ выражается *Кредлеръ* (Eipl. in d. A. T. I, S. 485) «остатки Петринизма» (мажевы, напр., предпочтеніе книги Ветхаго Завета Новому I, 5—6), особенное уваженіе къ Моисееву законодательству, съ различеніемъ въ немъ Перво-и-Второзаконія (I. 6 f.; II,

становленія Апостольскія имѣли своимъ писателемъ, по крайней мѣрѣ отчасти, св. Ипполита (+ ок. полов. III вѣка); онъ ссылался при этомъ на кодексъ (*διδασκαλία... διὰ Ιππολίτου*) вѣнской бібліотеки, изъ котораго Ламбецій издалъ нѣсколько отрывковъ (фрагментовъ), гдѣ Ипполитъ выводитъ и заставляетъ говорить самихъ апостоловъ, подобно какъ они говорятъ, все вмѣстѣ и каждый порознь въ осьмой книгѣ Постановленій (*Histoire de l'église*, T. I, lib. 9). Съ такимъ мнѣніемъ Баснажа соглашается отчасти и *Биккель*.

Другіе критики судили *еще неблазосклоннѣе* какъ о содержаніи, такъ и о древности Постановленій. *Уссеріи* въ своихъ диссертацияхъ о посланіяхъ Игнатія Богоносца (сар. 6—16) не опредѣляетъ времени, когда впервые были написаны Постановленія, но считаетъ ихъ не тождественными съ «Наставленіями Апостоловъ», и старается изъ цитатовъ у св. Епифанія и чрезъ сравненіе съ поврежденными посланіями Игнатіевыми вывести доказательство, что и первыя и послѣднія въ шестомъ вѣкѣ были повреждены одною рукою. Съ мнѣніемъ Уссерія соглашается *Тильмонъ* (*Memoires*. T. II, art. 8). Нѣсколько *блазосклоннѣе* смотрятъ на книги Апостольскихъ Постановленій *Спантеймъ*, *Котельеръ* и *Дюпенъ*. Первый принимаетъ по историческимъ даннымъ завѣрное, что бóльшая часть предписаній, заключающихся въ нихъ, имѣли мѣсто въ

5, 35; VI, 12 f., 19—25) и въ частности ревность о празднованіи субботы (II, 36,—59; V, 20), олушеніе, или нѣкоторое забвеніе апостола Павла (о немъ только два, три мѣста: 24, 55—57; VI, 8—14; VIII, 4), напротивъ, частое упоминаніе Симона волхва, какъ отца всѣхъ ересей (II, 14; VI, 7—10), въ ближайшей связи ихъ съ известными «Клементинами», онъ пришелъ къ мысли, что они произошли первоначально изъ какой-нибудь еретической секты, напр., евіонитской, или маркіонитской, а потомъ мало-по-малу были исправляемы и очищаемы руками православныхъ. Но въ Постановленіяхъ есть мѣста и съ противоположнымъ характеромъ, напр., VI, 26 и другія.

Церкви уже къ концу третьяго столѣтія, а цѣлое ихъ было составлено въ концѣ пятаго (Geogr. chronol. et hist. sacr.). Котельеръ признаетъ (Judic. de Constt. App. in Patr. App. T. I, pag. 191 ff.) слѣдующія положенія: что Постановленія не происходятъ ни отъ апостоловъ, ни отъ св. Климента, что они послѣ ихъ составленія были повреждены, что они въ различныхъ спискахъ носили различныя заглавія, или подъ такими цитовались, что они отъ «Климентинъ» всегда были отличаемы и имѣютъ другаго писателя, который выдалъ себя за Климента Римскаго; но для него остается не рѣшеннымъ, когда и кѣмъ они были написаны, когда и кѣмъ повреждены, также составляютъ ли они отличное сочиненіе отъ «Наставленій» Евсевія и Афанасія, или одно и то же съ нимъ: касательно послѣдняго вопроса онъ приводитъ обоюдныя доказательства, касательно перваго утверждаетъ лишь то, что они написаны были до св. Епифанія. Дюпень (Nouv. bibl. des auteurs eccles. T. lier. ed. Paris, 1690, pag. 31 ff.) въ большей части пунктовъ соглашается съ Котельеромъ; только онъ по достоинству и церковному употребленію ставитъ Постановленія Апостольскія далеко выше «Климентинъ», опредѣленнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ тотъ, полагаетъ третій, или, по крайней мѣрѣ, четвертый вѣкъ временемъ ихъ составленія, и хотя не сомнѣвается, что они въ послѣдствіи получали измѣненія и прибавленія, однакожь замѣчаетъ, что догматическія формулы, считавшіяся послѣ Никейскаго собора арианскими,—гораздо древнѣе. Почти одни отрицательныя сужденія о книгахъ Постановленій встрѣчаемъ у *Петавія*, *Даллеля* и *Александра Натаниса*. Первый говоритъ объ нихъ мимоходомъ въ своихъ «Замѣткахъ» на Епифанія (haer. LXX, p. 291) и называетъ ихъ лжеапостольскими, второй пускается (въ Pseudepigraphis Apostolicis S. libris etc.) въ очень длинныя из-

оцѣдованія, которыя, впрочемъ, направлены единственно къ опроверженію Турріана и его доказательствъ, и потому не даютъ никакого положительнаго результата; наконецъ, третій въ своей церковной исторіи (Т. 111, Sect. 1) посвящаетъ цѣлую диссертацию Постановленіямъ, гдѣ онъ доказываетъ, что они—апокрифическія и вмѣстѣ подложныя, и во многомъ стоятъ въ противорѣчій съ ученіемъ апостоловъ и Церкви.

Больше общій взглядъ на Постановленія Апостольскія новѣйшихъ историковъ и богослововъ состоитъ въ томъ, что *все* сочиненіе составлено неизвѣстнымъ писателемъ къ концу третьяго, или началу четвертаго столѣтія, но что съ теченіемъ времени оно потеряло значительныя измѣненія и поврежденія. Такъ думали, между прочими, *Иттизъ* (dissert. de pseudepigr., с. 12), *Шреккъ* (K. Gesch. Th. II, S. 127 ff.), *Шмидтъ* (Hdb. der. K. Gesch. Th. I, S. 481 ff.). Нѣкоторые писатели, какъ напр. *Пеарсонъ* (in vindic. epist. Ignat. у Котел. II, 298 ff.), *Граббе* (Spicil. T. I, p. 40 ff, 283 ff.), *Штаркъ* въ своей церковной исторіи (Th. I), и *Августинъ* въ своихъ «Запискахъ» (Band. IV) старались доказать, что оно образовалось изъ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ ученій (или постановленій) самихъ апостоловъ, или апостольскихъ мужей, притомъ уже послѣ св. Епифанія; и Граббе еще замѣчаетъ въ своемъ позднемъ и небольшомъ трактатѣ (Essay upon two arabick manuscripts, Лондонъ 1711 г.), что *этотъ сборникъ содержалъ въ себѣ сначала только шесть первыхъ книгъ*, а седьмая и осьмая составлены и присоединены къ нимъ въ послѣдствіи изъ другихъ подобныхъ же отрывковъ (фрагментовъ) Климента и Ипполита, которые собиратель распространилъ еще. Граббе опровергаетъ такое происхожденіе *семи* первыхъ книгъ изъ отдѣльныхъ и независящихъ одно отъ другаго ученій апостольскихъ, но составленіе ихъ, несмотря на частныя поврежде-

мія, полагаетъ въ концѣ третьяго столѣтія; относительно же *осьмой* книги утверждаетъ, что она дѣйствительно составлена изъ отдѣльно существовавшихъ, если и не апостольскихъ, все-таки древнихъ ученій въ началѣ пятаго вѣка. Напротивъ, *Дрей* оспариваетъ и это происхожденіе *осьмой* книги и относительно *седьмой* думаетъ, что первоначально она явилась, вѣроятно, также сама по себѣ, а все цѣлое Постановленій раздѣляетъ на четыре различныя сочиненія, кои суть: *шесть первыхъ* книгъ, образующія первоначальное ядро памятника и явившіяся во второй половинѣ третьяго вѣка, *седьмая* книга, принадлежащая началу четвертаго вѣка, *осьмая*, составленная изъ разновременныхъ (нецѣльныхъ и самостоятельныхъ), однакожъ не позднѣйшихъ литургико-каноническихъ статей, и, наконецъ, такъ-называемыя *Правила Апостольскія* (*κανόνες ἀποστολικοί*,—въ числѣ 85), которыя составляютъ 47 главу *осьмой* книги и служатъ заключеніемъ всего сборника. Такой взглядъ на составленіе Апостольскихъ Постановленій и распределеніе ихъ составныхъ частей, по которому первая и большая по объему половина сочиненія заключается именно въ шести первыхъ книгахъ (извѣстныхъ подъ именемъ «Ученіе Апостоловъ»), оправдывается и сличеніемъ ихъ съ манускриптами восточными—сирскими, арабскими и египетскими, въ первый разъ сдѣланнымъ *Биккелемъ*, результатъ котораго мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Этому порядку, опредѣляемому характеромъ сборника Апостольскихъ Постановленій и послѣдними выводами богословско-исторической науки мы и последуемъ въ историко-критическомъ разборѣ ихъ (помимо Правилъ Апостольскихъ). Но предварительно считаемъ нужнымъ изложить въ общихъ и краткихъ чертахъ содержаніе каждой изъ *осьми* книгъ по главамъ, чтобы ближе познакомить читателей съ самымъ па-

мятникомъ и имѣть возможность въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ довольствоваться по мѣстамъ одними ссылками.

I.

Все сочиненіе раздѣлено на восемь книгъ, и каждая книга—на извѣстное число главъ. Въ теперешнемъ изданіи Апостольскихъ Постановленій каждая книга и глава имѣтъ свою особенную надпись, или заглавіе, впрочемъ содержаніе не всегда точно соотвѣтствуетъ заглавіямъ; есть главы весьма неясно составленныя; въ 8-й книгѣ, напр., можно встрѣтить почти въ каждой послѣдующей главѣ конецъ, иногда значительную часть предыдущей, что, разумѣется, можетъ сбивать съ толку невнимательнаго и не любящаго вдумываться читателя. По объему, книги неравны между собой; особенно первая и четвертая книги отличаются необычайной краткостію сравнительно съ прочими.

Первая книга—*О мѣрлахъ*—послѣ привѣтствія отъ апостоловъ и пресвитеровъ всѣмъ христіанамъ изъ язычниковъ, и краткаго вступленія, въ которомъ они приглашаются выслушать «священное ученіе, согласное съ достославными глаголами Спасителя и хранящееся въ каеолической Церкви, какъ избранномъ Его виноградникѣ», излагаетъ обще-христіанское правоученіе, направленное противъ любостыжашія, ненависти и мщенія обидчикамъ, противъ роскошныхъ и изысканныхъ украшеній, противъ празднаго любопытства—наблюдать за другими, противъ нерадѣнія о своихъ дѣлахъ (гл. 1—4). Христіане должны читать Свящ. Писаніе, а не сочиненія языческія, ибо археологія находится въ книгѣ Бытія, законовѣдѣніе — въ божественномъ законодательствѣ Моисея, исторія—въ книгахъ Царствъ, философія и риторика—

у Иова, пророковъ и въ притчахъ Соломона, поэзія—въ исаннахъ Давидовыхъ (гл. 5—6). Излагается образъ жены развратной и жены цѣломудренной, преданной мужу, какъ главѣ своему (преимущественно по притчамъ Соломона), изображается поведеніе женщины; обличается сварливость и болтливость, и другіе пороки, свойственные женскому полу (гл. 7—10) (*).

Вторая книга — *О епископахъ, пресвитерахъ и діаконахъ*—разсуждаетъ въ 63 главахъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ) о свойствахъ и обязанностяхъ духовныхъ лицъ. О качествахъ епископа умственныхъ и нравственныхъ, его образованіи, характерѣ, говорится большею частію по посланіямъ апостола Павла (гл. 1—3, 5—6, 9, 17, 24, 57). Епископъ, хотя не безусловно, требуется не моложе лѣтъ 50. Свое высокое положеніе въ Церкви «быть образомъ Бога среди людей» (гл. 11; сл. 26, 29 и др.) онъ долженъ являть предъ всѣми священниками, царями, правителями, отцами, сыновьями, учителями. Между различными обязанностями его ни одна не раскрывается такъ пространно, не внушается такъ настойчиво, какъ обязанность обращать и исправлять грѣш-

(*) Достойна замѣчанія та черта въ дисциплинѣ древней Церкви, что чтеніе Свящ. Писанія настойчиво внушается всѣмъ христіанамъ, и притомъ болѣе книгъ Ветхаго Завета, чѣмъ Новаго, если не видѣть здѣсь слѣдовъ ученія іудействующихъ еретиковъ, напр., евіонитовъ и маркионитовъ. Подобныя предписанія предполагаютъ, съ одной стороны большее распространеніе свящ. книгъ, съ другой—большее просвѣщеніе въ массѣ христіанъ на самыхъ раннихъ порахъ христіанства, чѣмъ какъ обыкновенно думаютъ. Строгая нравственность древнихъ христіанъ, вообще довольно извѣстная и простиравшаяся на весь кругъ жизни частной, семейной и общественной, особенно видна въ наставленіяхъ объ открытомъ поведеніи обомъ половъ: жены не должны ходить съ открытой головой, румяниться, вдаваться въ тщеславное щегольство, не только не должны мыться съ мушангами въ публичной банѣ, но и ходить въ баню однѣ или въ полдень, или оставаться тамъ долго, и т. д.

никовъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ покаянія (гл. 10—24, 38—41, 55). За епископомъ, какъ отцемъ церковной семьи, слѣдуютъ, не всегда впрочемъ въ одинаковомъ порядкѣ, прочіе члены іерархіи, или клира, которымъ принадлежатъ въ Церкви большія, или меньшія права и преимущества, соединенныя съ особенными обязанностями. Здѣсь послѣ пресвитеровъ и діаконовъ—лицъ собственно іерархическихъ,—причисляются къ клиру чтецы, пѣвцы, привратники, діакоиссы (гл. 25, 26 и 28), и вообще къ духовному сословію—вдовицы, дѣвственницы и сироты, какъ люди, которыхъ Церковь, по духу христіанскаго человеколюбія, всегда принимала подъ свое покровительство (гл. 4, 25 и 26). О пресвитерахъ говорится весьма мало, и надобно думать, что писатель, сообразуясь съ идеєю священства у апостола Павла (1 Тим. гл. 3.), обязанности епископа считалъ вмѣстѣ обязанностями и для пресвитера,—напротивъ, о діаконахъ—очень много. Какъ первые «занимаютъ мѣсто апостоловъ Господнихъ, будучи совѣтниками епископа и составляя вѣнецъ Церкви, снудріонъ и совѣтъ церковный (гл. 28; ср. 26): такъ послѣдніе заступаютъ мѣсто судей, избранныхъ нѣкогда Моисеемъ (Исх., гл. 18), служа для епископа ухомъ, окомъ, устами, сердцемъ и душою; впрочемъ, они безъ епископа ничего не должны дѣлать,—въ частности безъ его вѣдома ничего никому не раздавать, что было существенною ихъ должностію, но во всемъ они относятся къ епископу, съ его воли и согласія исправляютъ большую часть дѣлъ сами собою, и только важнѣйшіе случаи представляютъ на его рѣшеніе (гл. 44; см. 26, 28—32). Столь же подробныя предписанія излагаются относительно епископскихъ судовъ, со всѣми соприкосновенными имъ обстоятельствами (гл. 21; 37, 38, 42—53). Далѣе авторъ распространяется на нѣсколько

главъ объ общественныхъ собраніяхъ вѣрующіихъ, съ описаніемъ сего храма (*δῆμος*) христіанскаго для совершенія таинства Евхаристіи (здесь изображена литургія въ короткихъ чертахъ), для принесенія утренней и вечерней молитвы, (54—61 гл.), наконецъ о томъ, что христіане всячески должны избѣгать языческихъ празднествъ, обрядовъ и зрѣлищъ, а вмѣсто того должны сидѣть дома и работать (62—63 гл.) Но слѣдующія главы: 4-я «Какимъ вдовицамъ должно оказывать пособіе и какии вѣтъ», 7-я «О нравственномъ поведеніи новообращеннаго», 8-я «О подвергающихся поношенію за имя Христово», 25-я «О начаткахъ и десятинахъ и способъ употребленія ихъ», подобная ей, 28-я «О вечерн любви», 35-я «О томъ, что законъ и Евангеліе предписываютъ приношенія» и 36-я, раскрывающая общее ученіе «десяти-словія» стоять одиноко и внѣ порядка (*).

(*) Общественныя утреннія и вечернія собранія (*συλλήσεις*) происходили въ церкви ежедневно, и состояли въ гѣснопѣніяхъ и молитвахъ, при чемъ должны быть провознесены утромъ 62, а вечеромъ 140 псалмы (Св. VIII кн., гл. 35 и 37). Епископъ долженъ побуждать вѣрующихъ къ постоянному посѣщенію собраній и не дозволять, чтобы кто-нибудь уклонился отъ нихъ и всегда, но особенно въ субботу и воскресенье, въ которое христіане три раза собираются на молитву, совершая ее стоя безъ колѣноопреклоненія, при воспоминаніи о воскресшемъ Господѣ, и въ которое читались пророки, проповѣдывалось Евангеліе, приносилась жертва (Евхаристія) и раздавался священный хлѣбъ. Писатель поставляетъ христіанамъ въ примѣръ подражанія язычникамъ и іудеямъ: о первыхъ онъ говоритъ, что они, вставши по утру, спѣшатъ къ своимъ идоламъ помолиться имъ, что они предъ началомъ всякаго дѣла возносятъ къ нимъ свои прошенія и усердно собираются на свои празднества и церемоніи, даже издалека. Іудеямъ онъ хвалитъ за ревность о празднованіи субботы и посѣщеніи своей синагоги. Впрочемъ христіане могутъ подражать язычникамъ и іудеямъ только лишь въ религиозной ревности, но въ ихъ обрядахъ они не должны принимать никакого участія, не должны ходить въ нечистые храмы и капища язычниковъ, равно какъ въ синагоги іу-

Третья книга—*О вдовцах*—въ первыхъ 15-ти главахъ говорить о призрѣніи вдовицъ Церковію. Онѣ не должны поспѣшно и необдуманно давать обѣтъ всегдашняго вдовства, только 60-ти лѣтній возрастъ можно считать благонадежнымъ, а молодыя вдовицы не должны быть принимаемы въ чинъ церковный, чтобы въ случаѣ невоздержанія не нанести ему безчестія, впрочемъ и онѣ должны быть вспомошествованы со стороны Церкви. Второй бракъ имъ дозволенъ, третій есть доказательство невоздержанія, а всякій дальнѣйшій—открытый блудъ (гл. 1—2). О нравственныхъ качествахъ вдовицъ, и виѣсть о долгѣ епископа помогать имъ, равно какъ и всѣмъ нуждающимся, говорится въ 3 и 4 гл. 5-я глава—о доброй нравственности и поведеніи вдовицъ; 6-я о томъ, что онѣ не должны учить въ Церкви, но лишь слушать и молиться; 9-я запрещаетъ имъ крестить, потому что только язычникамъ свойственно имѣть жрицъ, въ христіанской же Церкви никакая женщина, ни сама Матерь Божія никогда не брала на себя должности священства (то же самое постановлено вообще о всѣхъ мірянахъ—гл. 10, и даже о низшихъ клирикахъ гл. 11). Далѣе идетъ рѣчь о лжевдовицахъ, и о недостаткахъ, отъ которыхъ вдовицамъ нужно воздерживаться (гл. 7 и 8): корыстолюбія и выпрашиванія милостыни у людей недостойныхъ (гл. 12), зависти и злословія (гл. 15); (въ связи съ 12 гл., 13-я предлагаетъ вдовицамъ образецъ молитвы за своихъ благотворителей, а 14-я запрещаетъ всякому хвалиться дѣлами

деевъ и собранія еретиковъ, также праздновать виѣсть съ ними ихъ праздники: при этомъ изъ языческихъ обычаевъ поминованы еще театральныя зрѣлища, разнаго рода чары и гаданія, публичныя процессіи и пиршества, гладиаторскія игры, на которыхъ христіанинъ не долженъ и показываться; ему неприлично даже посѣщать открытыя и людныя торжища. О *матуріи* по изображенію *Постановленій* скажемъ въ послѣдствіи особо.

благотворительности). Потомъ говорится о чинопослѣдованіи св. крещенія, съ самою формулою его и о таинственномъ значеніи его—во всемъ священнодѣйствіи изображается смерть Іисуса Христа (гл. 16—17); 18-я гл.—о поведеніи новокрещеннаго. Въ всякаго контекста въ 15-й главѣ говорится объ избраніи и обязанностяхъ діаконовъ и діакониссъ, въ 19-й—о свойствахъ и обязанностяхъ діакона, въ 20-й—о рукоположеніи епископа и прочихъ клириковъ (*).

Четвертая книга—*О сиротахъ*. Сначала (гл. 1—5) говорится о сиротахъ и бѣдныхъ вообще. Долгъ христіанъ помогать всемъ нуждающимся. Въ особенности малолѣтныя сироты должны быть принимаемы (усыновляемы) и воспитываемы бездѣтными, но богатыми людьми, которые вмѣстѣ съ тѣмъ должны озаботиться снабженіемъ дѣвицъ приданымъ, когда

(*) Постановленія о крещеніи и посвященіи состоятъ въ слѣдующемъ: епископъ помазываетъ прежде всего голову крещаемого святымъ елеемъ, какъ символомъ Духа, который даруется въ крещеніи. Потомъ произносить надъ нимъ самъ же епископъ, или пресвитеръ призваніе Отца и Сына и Св. Духа (формула крещенія) и креститъ его въ водѣ, между тѣмъ какъ воспринимаетъ его, если то мужчина—діаконъ, если женское лице—діаконисса. Послѣ того епископъ помазываетъ его мѣромъ. Крещеніе передается въ смерть Христову (Рим. VI, 3), ибо вода означаетъ погребеніе Христа, елей—Св. Духа (I. Петр. III, 18), крестное знаменіе, дѣлаемое на крещаемомъ—крестъ Христовъ, самое помазаніе—утвержденіе въ исповѣданіи вѣры. Получивъ крещеніе, новообращенный читаетъ какъ бы отъ имени всего общества вѣрующихъ молитву Господню. Епископъ долженъ быть рукополагаемъ тремя епископами, или, по крайней мѣрѣ, двумя, но никакъ не однимъ: потому что только свидѣтельство двоихъ, или трохъ свидѣтелей вѣрно и благонадежно. Пресвитера и діакона, равно какъ и прочихъ клириковъ, посвящаетъ одинъ епископъ; пресвитеръ, или діаконъ не можетъ рукополагать низшихъ клириковъ, но первый имѣетъ право учить, приносить жертву (Евхаристію), крестить и благословлять народъ; послѣдній обязанъ лишь помогать епископу и пресвитерамъ въ ихъ священнодѣйствіяхъ.

онѣ выростутъ, а мальчиковъ — обученіемъ разнымъ ремесламъ, и когда они сами будутъ въ состояніи заниматься ими — приобрѣтеніемъ для нихъ нужныхъ инструментовъ, чтобы каждый потомъ жилъ и содержался самъ собою и не былъ въ тягость братьямъ по вѣрѣ. Больше всѣхъ объ этомъ надлежитъ заботиться епископу (гл. 6—10), который можетъ публично объявлять народу о нуждахъ Церкви (гл. 9.) Здѣсь говорится и о дарахъ или приношеніяхъ для этой цѣли. Слѣдуетъ подробный перечень лицъ, коихъ епископъ долженъ считать по ихъ правамъ, или занятіямъ нечистыми предъ Церковію, отъ которыхъ, слѣдовательно, нельзя брать никакихъ жертвъ, хотя бы и для бѣдныхъ, а лучше довольствоваться незначительными приношеніями братьевъ единовѣрныхъ. Нечестные торговцы, угнетающіе слабыхъ вдовицъ и сиротъ, ввергающіе невинныхъ въ темницу, обращающіеся жестоко съ своими рабами, опустошающіе города, ложные обвинители и покровители неправды, дѣлатели идоловъ, воры и несправедливые сборщики податей, злоупотребляющіе мѣрою и вѣсами, солдатъ-ябедникъ, недовольный своимъ жалованьемъ и притѣсняющій бѣдныхъ, убійца и палачъ, неправедный судія, коварный клеветникъ, пьяница, поноситель, развратникъ, ростовщикъ, всякій злодѣй долженъ быть для епископа предметомъ отвращенія, потому что всѣ такіе люди, по свидѣтельству Писанія, нечисты предъ Богомъ. «Если нужда Церкви, замѣчаетъ писатель (гл. 8.), будетъ такъ велика, что призрѣваемая ею сироты и вдовицы, вообще бѣдные, могутъ быть содержимы не иначе, какъ только приношеніями нечестивыхъ людей, то лучше имъ умереть съ голоду, чѣмъ принять дары отъ враговъ Божіихъ, къ посрамленію Бога и друзей Его» (т. е. святыхъ). Нужно впрочемъ замѣтить, что писатель разумѣетъ тѣхъ, которые не хотятъ

исправиться въ своихъ порокахъ (гл. 7) и отлученныхъ отъ Церкви, т. е. несущихъ еще покаяніе и неудостоившихся вторичнаго принятія въ общество вѣрующихъ (гл. 8). Впрочемъ, навязанные силою дары такихъ лицъ въ крайности могутъ быть употреблены на покупку дровъ и угольевъ, но никакъ уже не на пищу. Въ гл. 11 и 12 излагаются отношенія родителей и дѣтей, господъ и слугъ; въ 13—обязанности къ (мірскому) начальству (по посланіямъ св. апостола Павла). Гл. 14 — о дѣвственницахъ: онѣ не должны безразсудно обречь себя на жизнь безбрачную, которая не заповѣдана необходимо, но предоставлена на волю каждаго; но если онѣ уже сдѣлали это, то должны жить сообразно съ даннымъ обѣтомъ, цѣломудренно, скромно и честно.

Пятая книга—*О мученикахъ*. Виѣсть съ почитаніемъ вѣрные обязываются чрезъ своего епископа оказывать всевозможныя пособія св. исповѣдникамъ имени Христова и страдальцамъ за истину Евангелія, хотя бы это соединено было съ опасностію ихъ собственной жизни (1—3 гл.). 4-я гл. трактуетъ о томъ, какъ страшень и гибелень грѣхъ отреченія отъ Христа: предлагаются наставленія—не подвергаться гоненіямъ съ безразсудною отважностію, но и не отступать предъ опасностію съ постыдною трусостію; бѣгство дозволено, согласно съ словами Спасителя (Мѣ. X. 23), (глав. 6; ср. 3). Внушается мужественное перенесеніе страданій за вѣру,—съ указаніемъ на примѣры Самого Христа, Іакова и Стефана, (гл. 5 и 8); въ связи съ этимъ находится слѣдующее за тѣмъ увѣреніе въ истинѣ воскресенія, для чего собраны почти всѣ доказательства, богословскія и философскія, какія встрѣчаются у древнихъ отцевъ Церкви (между прочими свидѣтельство Сивиллы и повѣсть о фе-

никсъ). (Гл. 7) Далѣ говорится о лжеученикахъ, которые только называются христіанами, но взяты и осуждены за какія-либо преступленія и съ которыми, поэтому, не должно имѣть вѣрныхъ ни въ чемъ общенія (гл. 9; сл. 2). Съ 10-й главы предметы рѣчи начинаютъ мѣняться, предлагается предостереженіе отъ различныхъ пороковъ, особенно отъ идолопоклонства, куда относятся божба свѣтилами, звѣздами, стихіями и т. п. (и вообще христіанинъ не долженъ божиться), также пѣніе языческихъ и безстыдныхъ пѣсней (гл. 10—12). Главы 13—20 имѣютъ предметомъ *праздники и посты*. Рождество Христово предписывается праздновать въ 25 день девятаго мѣсяца (декабря); Богоявленіе (*επιφάνια*) въ 6 день десятаго мѣсяца (января). Потомъ слѣдуетъ сорокодневный постъ (четырдесятница), отличный отъ поста великой, или предпасхальной недѣли (страстной); ибо первый установленъ въ воспоминаніе жизни и ученія, послѣдній въ воспоминаніе страданій и смерти Господа, которыя и описываются въ 14 главѣ подробно и съ чувствомъ истиннаго униженія (*). Этотъ постъ самый строгій,—онъ продолжается съ первые четыре дня до девятаго часа, или до вечера, или доколѣ кто можетъ, въ пятницу и субботу (великія)—до ночнаго пѣнія пѣтуха,—по первому примѣру самихъ апостоловъ; притомъ тогда позволяется вкушать только хлѣбъ, соль, овощи и воду, въ два же послѣдніе дня, или, по крайней мѣрѣ, въ субботу заповѣдуются совершенное воздержаніе, какъ въ дни плача по отнятіи небснаго Жениха (гл. 18). Вся ночь подъ Пасхальное Воскресенье должна быть проведена въ церкви въ обыкновенныхъ благочестивыхъ упражненіяхъ и, въ

(*) По словамъ этой главы, Іуда не присутствовалъ при установленіи Господомъ таинства Евхаристіи, но удалился съ вечера тотчасъ же послѣ совершенія ветхозавѣтной пасхи.

частности, въ крещеніи оглашенныхъ. Особенно внушается (христіанамъ изъ язычниковъ) молиться въ это время объ обращеніи къ покаянію іудеевъ и о прощеніи имъ грѣха богоубійства (гл. 19; см. 13. 15). Наконецъ, съ «пнїемъ пѣтуха»—конецъ посту и сѣтованію, наступаетъ веселіе праздника. Пасху христіане должны праздновать не въ одно время съ іудеями, которые уже потеряли правильное времясчисленіе, но каждый разъ послѣ весенняго равноденствія, которое падаетъ на 22 день двѣнадцатаго мѣсяца (двустроса—марта), въ первое воскресенье послѣ полнолунія (гл. 17—19). Повелѣвается еще праздновать осьмой день послѣ Пасхи въ память явленія воскресшаго Господа апостолу Ѳомѣ, сороковой—въ память вознесенія Его на небо и пятидесятый—сошествія Св. Духа на апостоловъ. Первую недѣлю по Пятидесятницѣ христіане опять празднуютъ (недѣля «Св. Духа», у насъ нынѣ «Всѣхъ святыхъ»), а вторую по ней опять постятся (нашъ «Петровский постъ».) Во всю остальную часть года только четвертый (среда) и шестой день недѣли (пятница) считаются постными; первый потому, что Господь въ этотъ день былъ преданъ, другой потому, что Онъ былъ осужденъ на смерть (гл. 15.) Въ субботу же, исключая одной великой, предпасхальной, не должно поститься, тѣмъ болѣе въ воскресенье. Рѣчь о постахъ заключается прекраснымъ совѣтомъ—что будетъ сбережено во время поста, то раздавать бѣднымъ (гл. 20). Въ 20 гл. и въ 17 приводятся еще многочисленныя пророчества о Христѣ въ обличеніе іудеевъ.

Шестая книга—*О ересьяхъ и расколахъ*, о которыхъ и говорится до 18 главы включительно. Отвергая ереси и расколы, авторъ опирается на примѣры Ветхаго Завета и судьбы іудейскаго народа (причемъ цѣлая глава 3-я написана въ похвалу Моисею). Изъ раскольниковъ іудейскихъ, возставав-

шихъ противъ законной власти (царской), или противъ священства, поименованы: Даваанъ и Авиронъ, Корей съ единомышленниками, также Маріамъ, сестра Моисея (Числ. XII, 1), и Азарія (т. е. Озія), Авессаломъ и Аведаданъ (т. е. Савей); изъ еретиковъ ветхозавѣтныхъ (гл. 6)—саддукеи, фарисеи, басмотеи или масботеи, имеробаптысты, евїонеи, ессен; изъ новозавѣтныхъ, христіанскихъ: Симонъ волхвъ, летавшій въ Римъ по воздуху и сломавшій себѣ руки и ноги, общеникъ Симона Клеовій, оба—ученики Досїоеа, Керинеѣ, Маркъ, Менандръ, Василидъ и Сатурниль (Сатурнинъ),—кратко излагается и самое ихъ ученіе, съ явнымъ и близкимъ отношеніемъ къ «Климентинамъ» (*) (гл. 7—8.) Впрочемъ, сюда (гл. 8, 10; сл. 26) включены многія догмы и позднѣйшихъ гностиковъ (маркіонитовъ), между коими особенно выдается положеніе о трехъ безначальныхъ существахъ, различныхъ другъ отъ друга, и однако вѣчно сосуществующихъ другъ другу. Этими лжеучителямъ противопоставляются апостолы, какъ истинные учителя, наставленные въ вѣрѣ самими Исусомъ Христомъ. Гл. 11 и 12 содержатъ описаніе апостольскаго Собора въ Іерусалимѣ (противъ обязательности обрядоваго закона), въ 14 гл. изображается составленіе каеволическаго ученія всѣми апостолами, которое они (18 гл.) и послали епископамъ и священникамъ чрезъ Климента (символь вѣры). Въ слѣдующей главѣ 15-й объявляется, что крещеніе еретиковъ недѣйствительно, истинное же крещеніе не должно быть повторяемо; должно крестить и младенцевъ на основаніи словъ Спасителя (Мѣ. XIX

(*) *Климентины*—другой замѣчательный литературный памятникъ первыхъ вѣковъ христіанства. Подробное изслѣдованіе о Климентинахъ (свѣд. Пюльдинскаго-Платонова) было помѣщено въ *Правосл. Обзорникѣ* за 1860 г. См. №№ 2, 3, 7.

14); не хорошо поступает не только тотъ, кто не хочетъ креститься по небреженію, но и тотъ, кто откладываетъ крещеніе до смерти изъ опасенія согрѣшить послѣ и тѣмъ осквернить таинство; въ 16-й—предписывается беречься отъ подложныхъ книгъ (*ψευδεπιγραφα*), составленныхъ еретиками, напр. Симономъ и Клеовіемъ, и выдаваемыхъ подъ именемъ Христа и апостоловъ, подобно тому, какъ между іудеями извѣстны были въ древности апокрифическія сочиненія съ именами Моисея, Еноха, Адама, Исаи, Давида, Иліи и трехъ патріарховъ; въ 18-й, послѣдней главѣ этого отдѣла еще разъ подтверждается епископамъ внушать вѣрнымъ—удаляться нечестивыхъ еретиковъ, которыхъ Самъ Господь предъуказалъ, которые хуже іудеевъ и язычниковъ,—торжественно отлучать и изгонять ихъ изъ Церкви Божіей и не позволять ни въ чемъ съ ними общенія, ни въ бесѣдѣ, ни въ молитвахъ (ср. гл. 4, 13, 26). Среди этихъ предостереженій отъ ересей и расколовъ, внѣ всякой связи, 17-я глава излагаетъ постановленіе о *бракъ духовныхъ лицъ*. Въ епископы, пресвитеры и діаконы могутъ быть поставляемы только однобрачные, будутъ ли жены ихъ живы, или нѣтъ. Если они не вступили въ бракъ до рукоположенія, то должны оставаться навсегда безбрачными, а женившіеся прежде своего избранія должны довольствоваться одною женою, то-есть, они не могутъ вступить во второй бракъ въ случаѣ смерти жены. Также и низшіе церковнослужители не могутъ жениться болѣе одного разу; но если они, бывъ причислены къ клиру неженатыми, не захотятъ такъ оставаться, то имъ позволено вступить въ бракъ, только отнюдь не съ блудницею, или рабынею, или вдовицею или отверженною (сл. кп. II, гл. 2.) Равнымъ образомъ, вдовица, имѣвшая болѣе одного мужа, не можетъ уже быть діакониссою, дѣвственницы же должны быть пред-

почитаемы всякой вдовицѣ. Въ слѣдующихъ 11 гл. писатель предлагаетъ различныя практическія наставленія, и старается установить отношеніе христіанства къ іудейству и язычеству (*). Христіане, какъ свободные, должны чуждаться всѣхъ

(*) Въ VI книгѣ (гл. 19—29) писатель развиваетъ полнѣе и обстоятельнѣе свой взглядъ на законъ Моисеевъ, высказанный имъ еще въ 6-й гл., 1 кн. и повторяемый нѣсколько разъ въ продолженіи всего сочиненія. Онъ различаетъ въ древнемъ законодательствѣ Моисея по его достоинству двѣ части, которыя различаются и фактически—временемъ происхожденія. Для него собственно и истинно Божественный законъ есть законъ десяти заповѣдей; Богъ далъ его іудеямъ съ тѣмъ, чтобы помочь естественному, врожденному людямъ закону разума; этотъ законъ десяти заповѣдей былъ чистый и святой, благій и спасительный, совершенный и свободный. Но сердце іудеевъ оказалось для его внушеній слишкомъ грубымъ; они склонились къ служенію чувственнымъ богамъ, и слили себѣ золотого тельца, по образу египетскаго Аписа. Богъ наказалъ ихъ за идолопоклонство, и далъ имъ въ наказаніе новый законъ, который нашъ авторъ называетъ повтореніемъ (*deuteromeis*), наполненный неказанными и тягостными предписаніями. Прежде Богъ никогда не требовалъ, не заповѣдовалъ прямо жертвоприношеній, даже по изведеніи еврейскаго народа изъ Египта; ибо Исх. XX, 24 не говорится: -ты долженъ создать Мнѣ алтарь-, но только: -если ты создаешь алтарь, то создай его такъ и такъ-. Значитъ, жертвы и всѣ внѣшніе обряды были предоставлены свободной волѣ и внутреннимъ побужденіямъ чловѣка, такъ какъ самъ Богъ въ нихъ не нуждается. Но за грѣхъ идолослуженія и неблагодарности Онъ связалъ ихъ неразрѣшными узами, наложилъ на нихъ иго положительныхъ предписаній и далъ имъ почувствовать всю тяжесть этихъ оковъ. Теперь уже прямо говорится: -поставь Мнѣ алтарь и приноси жертву непреставно; Я запрещаю тебѣ такой-то родъ пищи, Я заповѣдую тебѣ различныя отдѣленія, очищенія, омовенія, окропленія, освященія, субботаствованія, и вмѣстѣ полагаю наказаніе за каждое нарушеніе ихъ, какъ непокорному: все это для того, чтобы ты никогда не забывалъ Меня, и не говорилъ больше: вотъ твои боги, Израиль! но слыши Израиль: Господь Богъ твой, Господь Единный; чтобы ты обратился къ тому закону, который Я всѣмъ людямъ напечатлѣлъ въ самой ихъ природѣ, и который гласитъ:—одинъ только Богъ на небѣ и на землѣ, Его ты долженъ любить всѣмъ сердцемъ- и т. д. На этотъ естественный законъ указывали пророки, объ-

іудейскихъ и языческихъ обычаевъ, должны отложить всякій суевѣрный страхъ (рѣчь идетъ о различныхъ предосторожностяхъ противъ естественныхъ нечистотъ, особенно женскихъ) и кромѣ грѣховъ и гнуснаго разврата, все считать для себя позволительнымъ и безвреднымъ,—причемъ въ гл. 29 выставлены взаимныя обязанности супруговъ. Оканчивается шестая книга указаніемъ отношеній и обязанностей христіанъ къ умершимъ, и въ частности къ св. мученикамъ—также направленнымъ противъ іудеевъ и язычниковъ, гнушающихся останками мертвыхъ (гл. 30). 24 и 25 главы говорятъ объ обращеніи къ «закону правды», т. е. къ христіанству римлянъ по заслуженномъ покровеніи ими іудейскаго народа. Если здѣсь нѣтъ позднѣйшаго поврежденія, эти послѣднія главы могутъ указывать на распространеніе христіанства между римлянами въ концѣ второго и началѣ третьяго вѣка.

Седьмая книга—*О Нравахъ и обрядахъ христіанскихъ* (въ подл. *περί πολιτίας, καὶ εὐχαριστίας, καὶ τῆς κατὰ Χριστὸς μυστοῦ*). Первый отдѣлъ книги, продолжающійся отъ 1 по 21 главу, содержитъ въ себѣ общехристіанское ученіе нравственности, по характеру своему вполне свойственное писателю первыхъ вѣковъ и направленное, очевидно, противъ современныхъ пороковъ язычества. Здѣсь, послѣ указанія двухъ путей—пути жизни, естественнаго и происшедшаго отъ Бога, и пути смерти,

являя безсильными (къ исполненію и спасенію) положительныя заповѣди закона; его и Христось не только не отрицалъ, но еще болѣе утверждалъ (нагорная проповѣдь), явившись самъ исполнителемъ его за насъ; напротивъ отъ другаго, привзошедшаго послѣ закона, освободилъ ихъ, и вмѣсто его установилъ простѣйшій и духовнѣйшій; вмѣсто многихъ омовеній—только одно крещеніе; вмѣсто многихъ жертвъ—одну, духовную, безкровную и таинственную жертву Своего Тѣла и Крови; священства не привязалъ къ одному какому-либо сословію, богослуженія—къ одному мѣсту, но то и другое сдѣлалъ свободнымъ и всеобщимъ.

привзошедшаго по навѣту противника (т. е. діавола)—(гл. 1, сл. 18), излагаются различныя нравственныя увѣщанія, сопровождаемыя прииѣрами и свидѣтельствами Св. Писанія обоихъ Завѣтовъ. Таковы, въ отрицательной формѣ: запрещеніе гнѣва, убійства, любодѣянія, чаръ и гаданій (3 и 6 гл.), дѣтоубійства, клятвы и лжесвидѣтельства, злословія и ненависти, коварства, празднословія, лжи, обмана и лицемерія, злонравія, лицепріятія, человѣконенавидѣнія, зависти, негодованія, своенравія, гордости и дерзости; въ положительной: увѣщаніе къ великодушію, незлобію, кротости и терпѣвію, къ почитанію учителей духовныхъ больше плотскихъ родителей, миролюбію и правосудію, къ благотворительности, къ добрымъ отношеніямъ рабовъ и господъ между собою, къ соблюденію законовъ и исповѣданію грѣховъ, любви къ родителямъ и подчиненію царю и вообще начальству, къ совершенію молитвы съ чистою совѣстію, къ твердости въ благочестіи, къ благовременному и благодарному употребленію всякаго рода пищи, и воздержанію отъ однихъ яствъ идоложертвенныхъ.—Во второмъ отдѣленіи 24—49 гл., до конца книги, находятся литургическіе и другіе образцы молитвъ: это—не что иное, какъ ручной молитвенникъ для народа. Прежде всего—постановленіе *о чинѣ св. крещенія*, въ связи съ *миропомазаніемъ*, — виѣстъ съ формулою для крещенія; въ сущности она та же, какая и въ третьей (гл. 16.) книгѣ, и все тайнодѣйствіе изъясняется совершенно одинаково, только здѣсь предписывается еще, чтобы оглашенный постился предъ принятіемъ крещенія, по прииѣру самого Господа (гл. 22). Въ связи съ этимъ—общія наставленія: объ однодневныхъ постахъ здѣсь короче повторяется то же самое, что мы видѣли уже въ 15 гл. пятой книги (гл. 23); объ истинной молитвѣ (противъ лицемеровъ): это молит-

ва Господня, которую повелѣвается вѣрнымъ читать три раза въ день (гл. 24.) Съ 25 гл. слѣдуютъ нѣкоторыя канонико-обрядовыя предписанія и различныя образцы молитвъ, относящіяся либо къ *Бож. литургіи*, либо къ другимъ священнодѣйствіямъ и частнымъ случаямъ, но расположенныя не совсѣмъ въ связномъ порядкѣ. Въ 25 гл.—молитва на совершеніе таинства Евхаристіи; въ 26—молитва послѣ св. причащенія; въ 27—молитва на мвропомазаніе; въ 29—постановленіе о начаткахъ и десятинахъ; въ 30—о празднованіи дня Воскреснаго. Главы 33—38 излагаютъ длинныя молитвы, заключающія въ себѣ прославленіе и благодареніе Бога за сотвореніе вселенной, мудрое устройство и управленіе ею, за отеческую благодать, съ какою Онъ промышляетъ о всѣхъ тваряхъ, въ особенности о святыхъ своихъ, за помощь, какую Онъ во всѣ времена являлъ праведнымъ въ ихъ бѣдствіяхъ, за ниспосланіе въ міръ Иисуса Христа, и проч. (*). Отъ 39 по 44 гл. излагается *чмо-последованіе св. крещенія*, вмѣстѣ съ молитвенными образцами. Сначала говорится, чему и въ какомъ порядкѣ должны быть обучаемы оглашенные, потомъ какъ они при самомъ крещеніи должны отрицаться сатаны, и сочетаваться Христу,—излагается символъ вѣры, съ догматическими различіями отъ символа IV книги; далѣе слѣдуютъ освятительныя молитвы надъ елеемъ и водою крещенія—съ иною, чѣмъ въ 27 главѣ, молитвою для таинства мвропомазанія, которое преподается тотчасъ же за крещеніемъ, въ «утвержденіе въ кре-

(*) Подобнаго содержанія, хотя иного характера и назначенія, встрѣчаются молитвы и въ осьмой книгѣ, но тамъ онѣ стоятъ на своемъ мѣстѣ и входятъ въ составъ литургіи, которую она сполна изображаетъ; здѣсь же онѣ не больше, какъ отрывки изъ молитвенныхъ образцовъ, безъ всякаго отношенія къ литургіи, въ самомъ контекстѣ соединены слишкомъ мало важущимися словами: «удостоившись отъ Него (Бога) столь великихъ благъ, будемъ непрестанно призывать Его и молиться Ему».

стившемся благоуханія Христова». Послѣ этого, новокрещенный, обратясь къ востоку, самъ произноситъ молитву Господню и другую краткую молитву. Слѣдующія главы, поставленныя внѣ связи, носятъ характеръ отрывковъ: 28 я—«о приемъ чужихъ христіанъ и въ особенности учителей»; 31—«о нравственныхъ качествахъ лицъ, рукополагаемыхъ на священныя степени», 32-я—«о послѣдней судьбѣ міра»; 46-я перечисляетъ «имена мужей, поставленныхъ самими апостолами въ епископы» первыхъ христіанскихъ церквей (*). Заключение седьмой книги составляютъ 47—49 гл., гдѣ утренняя, вечерняя и обѣденная молитвы, изъ коихъ первая начинается словословіемъ: «Слава въ вышнихъ Богу», вторая словами 112 псалма, и оканчивается пѣснію Симеона Богопріица, третья состоитъ изъ нѣсколькихъ, приличныхъ предмету выраженій.

Осьмая книга, послѣ второй самая большая по объему, имѣетъ предметомъ своимъ *духовныя дарованія, хиротоніи и правила церковныя* (разумѣются 85 Правилъ Апостольскихъ). Это, можно сказать, греческій литургіарій или нашъ *Служебникъ*. Первые три главы составляютъ какъ бы предисловіе,

(*) Въ Іерусалимъ первый Іаковъ, братъ Господа, второй по немъ Симеонъ, сынъ Клеопы, третій Іуда, сынъ Іаковлевъ; въ Кесарію Палестинскую—Закхей, послѣ него Корнилій и Теофілъ; въ Антіохію—Еводій «мною Петромъ», Игнатій—Павломъ; въ Александрію Анніанъ—Маркомъ, Авліій Лукою; въ Римъ первый Линъ сынъ Клавдіевъ, второй Климентъ «мною Петромъ»; въ Ефесъ Тимоѳей—Павломъ, Іоаннъ «мною Іоанномъ»; въ Смирну Аристонъ, Стратей, сынъ Лонды и Аристонъ 2; въ Пергамъ Гай; въ Филадельфію Дмитрій «мною Петромъ»; въ Кенхрею Луцій—Павломъ; въ Критъ Титъ; въ Аѳины Діонисій (Ареопагитъ); въ Триполисъ Финикійскій Марсаонъ или Марсаонъ; въ Лаодикію Фригіійскую Архиппъ; въ Колоссы Филамонъ; въ Берю примакедонскую Онисимъ, сынъ Филимона; въ Галатію Кресцентъ; въ (Малую) Азію Акѳила и Никита; въ Эгину—Криспъ.

въ которомъ излагается понятіе о чрезвычайныхъ, чудесныхъ дарованіяхъ. Эти дарованія сначала были преподаны самимъ апостоламъ, потомъ преподавались всѣмъ увѣровавшимъ чрезъ нихъ во Христа—для убѣжденія и обращенія невѣрующихъ. Поэтому необходимо, чтобы такіа дарованія были общи всѣмъ христіанамъ; довольно, что всѣ они получили даръ Св. Духа, и съ нимъ вѣру во единого истиннаго Бога, и во Единороднаго Сына Его, Иисуса Христа. Поэтому, обладающіе чрезвычайными дарованіями не должны гордиться ими, и презирать не имѣющихъ ихъ. Ибо чудеса и пророчества зависятъ единственно отъ Бога и совершаются силою Божественною, такъ что не всякій пророчествующій непремѣнно—благочестивый человѣкъ и не всякій, изгоняющій демоновъ, святъ по жизни, точно такъ же, какъ есть недостойные между епископами и пресвитерами. На это представлено множество примѣровъ изъ вѣтхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, съ одной стороны истинныхъ пророковъ и чудотворцевъ, которые, обладая чрезвычайными дарованіями, однако не превозносились предъ другими, не имѣвшими ихъ, напр., Моисей, І. Навинъ, Самуиль, Ілія, Елисей, Даніилъ, Сила и Агавъ, даже изъ женщинъ—Маріамъ—сестра Моисея, Деввора, Олдама и Іудию, Матерь Божія, Елисавета, родственница Ея, Анна и дочери Филипповы, съ другой—лжепророковъ и лжечудотворцевъ, дѣйствовавшихъ, правда, по изволенію Божію, но нечестивыхъ по жизни, каковы: Ананія и Самея—въ Іерусалимѣ, Седекія и Ахіавъ въ Вавилонѣ, Валаамъ Каіафа и сыновья Скевы, архіерея іудейскаго. То же самое и по той же причинѣ внушается лицамъ избраннымъ на священныя степени,—другаго рода отличіе, которое опять не всеобще, потому что не всѣ христіане могутъ быть епископами или пресвитерами. Отъ предисловія писатель пере-

ходить къ главнѣйшему предмету церковнаго устройства—*къ духовнымъ посвященіямъ*. Прежде всего постановленіе (Петра) объ избраніи и поставленіи епископа (гл. 45) (*). Въ этотъ санъ долженъ быть избранъ человекъ во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненный и наиспособнѣйшій, *при участіи всего народа*, и въ ближайшее воскресенье долженъ быть посвященъ тремя епископами, въ присутствіи другихъ епископовъ и пресвитеровъ, когда они напередъ удостовѣрятся въ достоинствѣ избраннаго публичнымъ одобреніемъ, засвидѣтельствованнымъ чрезъ троекратное изъявленіе согласія отъ всей церкви; указанъ обрядъ и самая формула посвященія. И такъ какъ новопоставленный епископъ имѣетъ теперь же совершать бож. литургію, то она излагается здѣсь (какъ постановленіе Андрея брата Петрова и Іакова Заведеева) сполна со всѣми молитвами, діакопскими возгласеніями (эктениями), епископскими благодареніями (благословеніями) и прочими обрядовыми дѣйствіями (гл. 6—15). Это важнѣйшая часть не только осьмой книги, но и всего памятника, въ которой намъ представленъ древнѣйшій образецъ литургіи извѣстной доселѣ здѣсь подъ именемъ *Климентовой* или римской. Гл. 16—18—о посвященіи пресвитера и діакона чрезъ рукоположеніе и тайнодѣйственную молитву епископа (постановленіе Іоанна); надъ пресвитеромъ епископъ молятся, чтобы «Богъ воззрѣлъ на раба своего, избраннаго въ пресвитерство *по приговору и суду всего клира*, и исполнилъ его духомъ благодати и совѣта, чтобы ему имѣть попеченіе и управлять народомъ съ чистымъ сердцемъ, чтобы ему, исполненному врачующей силы и учительнаго слова, настав-

(*) Здѣсь предварительно говорится, что постановленія преподаются отъ лица 12 апостоловъ въ присутствіи «соапостола» ихъ Павла и епископа Іакова, равно какъ пресвитеровъ и семи діаконовъ. (Сл. кн. II, гл 55)

лять народъ въ кротости и служить Богу искренно, съ чистую мыслию и желаніемъ душевнымъ, и безпорочно совершать для народа всѣ священнодѣйствія; надъ діакономъ, котораго производитъ епископъ (по постановленію Филиппа), онъ молится, чтобы Богъ исполнилъ его Св. Духа и силы, и далъ ему, по совершеніи ввѣреннаго ему служенія—благоприятномъ, непреткновенномъ, безпорочномъ и неукоризненнымъ, — удостоиться высшей степени священства. Главы 19—22—о посвященіи діакониссъ (постановленіе Варфоломея), иподіаконовъ (Θομῶν) и чтецовъ (Ματθαῖοῦ Λευῖα) съ приличными молитвенными образцами; и для этихъ лицъ также предписывается здѣсь рукоположеніе (χειροτονία). Главы 23—26 объ исповѣдникахъ и дѣвственницахъ (постановленіе Іакова Алфеева), о вдовицахъ и заклинателяхъ-экзорцистахъ (Θαδδαιῶν). Они не получаютъ никакого рукоположенія, потому что ихъ званіе—дѣло свободнаго выбора, а не чина, или должности церковной. Главы 27—28 содержатъ опредѣленія (Симона Канонита)—первая о томъ, что епископъ долженъ быть рукополагаемъ тремя, или двумя епископами, исключая случаевъ крайней нужды, напр. во время гоненія, когда и рукоположеніе отъ одного имѣеть законную силу,—вторая о томъ, что каждый членъ клира въ своей степени можетъ и чего не долженъ дѣлать; діакону усвоется право, въ случаѣ нужды и за отсутствіемъ пресвитера, отлучать отъ церкви низшихъ клириковъ, не исключая и діакониссы, но изъ этихъ послѣднихъ никто не имѣеть такого права. Глава 29-я—«о благословеніи воды и елея» епископомъ или пресвитеромъ; 30-я—«о начаткахъ и десятинахъ», 31-я—«о раздѣлѣ между клириками остатковъ отъ жертвенныхъ (евхаристическихъ) даровъ» (постановленія Маттея). Глава 32-я — различныя правила (κανόνες апостола Павла)

относительно *крещеніи*: какъ желающіе должны просить крещенія, кого изъ просящихъ допускать и кому отказывать въ немъ (подробный перечень лицъ, подобный тому, какой находится въ гл. 6 IV-й кн.), какъ и долго ли оглашенные должны быть испытываемы и наставляемы въ вѣрѣ. Глава 33-я «о праздникахъ» (постановленіе Петра и Павла): къ выше исчисленнымъ (кн. V. гл. 13 и слѣд.) теперь прибавляются по счету многіе другіе. Главы 34—39—*о временахъ молитвы*. Христіанамъ предписывается молитва шесть разъ въ день—утромъ, въ третьемъ, шестомъ и девятомъ часу, вечеромъ и въ полночь. Въ мирное время они должны сходитьса въ церковь, во время гоненія—въ какой-нибудь домъ; когда и это невозможно, пусть каждый поетъ, читаетъ и молится у себя дома, либо двое-трое вмѣстѣ, только вѣрные съ вѣрными, но отнюдь не съ оглашенными и еретиками. Болѣе необходимыми и болѣе торжественными считаются утрения и вечерняя молитвы, для которыхъ послѣ обыкновенныхъ псалмовъ (62 и 140), предписаны особенные молитвенные образцы (иные, чѣмъ въ седьмой книгѣ, гл. 47—48) по постановленію Іакова, брата Христова, рукоположеннаго, по словамъ 35-й главы, въ епископа іерусалимскаго самими Господомъ и апостолами. Глава 40-я излагаетъ «благодарственную молитву надъ начатками плодовъ»; гл. 41—45—торжественно унизительную «молитву съ нарочными днями богослуженія за умершихъ». Въ третій, девятый и сороковой день послѣ кончины брата вѣрующіе собираются въ церковь, чтобы помянуть его въ духѣ христіанской любви; здѣсь поются псалмы, читаются свящ. книги и приносятся молитвы о прощеніи ему грѣховъ, вольныхъ и невольныхъ, и объ упокоеніи души его въ странѣ блаженныхъ праведниковъ. Подобнымъ образомъ празднуется память его въ годовой день его смерти.

При этомъ бѣдные получаютъ изъ его имущества милостыню, и родственникамъ дозволяется устроить умѣренный обѣдъ (поздній видъ вечери любви), но роскошь и неуѣренность строго воспрещены, особенно духовнымъ, приглашаемымъ сюда; тутъ же идетъ разсужденіе о принятіи и вспоможеніи гонимымъ за вѣру. Глава 46-я, составляющая заключеніе осьмой книги, опредѣляетъ отъ лица всѣхъ апостоловъ, что каждый клирикъ долженъ оставаться на своей степени и ограничиваться дѣлами, ей свойственными, а не предвосхищать самовольно ничего чуждаго, не дарованнаго ему. Это положеніе, на ряду съ общимъ и основнымъ устройствомъ ветхозавѣтной и новозавѣтной іерархіи, подтверждается исторією лицъ, законно пользовавшихся и злоупотреблявшихъ правами священства и власти: таковы именно сыны Кореовы, цари Саулъ и Озія, въ противоположность имъ — первоученикъ Стефанъ, Филиппъ и Ананія. Въ главѣ 47-й изложены 85 Правилъ Апостольскихъ, которыя составляютъ уже отдѣльный и самостоятельный памятникъ.

Н. БЛАГОРАЗУМОВЪ.

(Продолженіе впереди.)

ЦЕРКОВНО-ФИНАНСОВЫЙ ВОПРОСЪ.

I.

Съ того времени, какъ прошли у насъ слухи о составленіи особаго комитета по дѣлу преобразованія духовныхъ училищъ,—намъ, и вѣроятно не намъ однимъ, случалось слышать съ разныхъ сторонъ сомнѣнія въ возможности удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса. Замѣчанія скептиковъ преимущественно опирались на томъ, что у насъ не найдется достаточно матеріальныхъ средствъ, нужныхъ для приведенія въ исполненіе самыхъ необходимыхъ мѣръ къ преобразованію духовныхъ училищъ. Уже не мало времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ комитетъ по преобразованію духовныхъ училищъ ведетъ свои разсужденія. Въ общество по временамъ проникали извѣстія о широкихъ начинаніяхъ и добрыхъ мѣрахъ къ преобразованію духовно-учебныхъ заведеній, предполагаемыхъ комитетомъ. Можетъ-быть въ настоящее время комитетъ уже приводитъ къ концу свое соображенія. А и до сихъ поръ скептики все еще продолжаютъ говорить, что дѣло преобразованія духовныхъ училищъ есть дѣло весьма сомнительное, — что въ комитетскихъ засѣданіяхъ и во всякихъ письменныхъ проэктахъ можно ко-

нечно придумывать самыя широкія реформы, но на дѣлѣ трудно ихъ выполнить, когда нѣтъ на то необходимыхъ средствъ, — что настоящее состояніе духовно-учебныхъ капиталовъ едва позволяетъ поддерживать духовно-учебныя заведенія даже въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь существуютъ, — и что при такомъ положеніи дѣла ожидаемое преобразование духовныхъ училищъ по необходимости должно будетъ ограничиться какими-нибудь незначительными перемѣнами во внѣшней сторонѣ духовно-учебныхъ заведеній, и то пожалуй — къ худшему. Одниѣ словомъ, скептики говорятъ, что всѣ наши блестящія мечты и дорогія надежды на новый порядокъ и лучшее устройство духовно-учебныхъ заведеній должны разбиться о неизбѣжную трудность финансовой стороны этого вопроса.

На чемъ основываются подобныя предположенія скептиковъ, — справедливы они, или нѣтъ?.. Мы считаемъ необходимымъ прямо и ясно поставить этотъ вопросъ въ виду всего нашего духовенства, потому что съ вопросомъ о преобразованіи духовныхъ училищъ соединяются самыя дорогія чаянія нашего духовенства и самаго общества; а слухами и замѣчаніями, подобными приводимымъ нами, эти чаянія парализуются, и въ духовенствѣ подрывается довѣріе къ дѣйствительности и искренности видимыхъ попеченій о немъ со стороны духовнаго правительства.

Нужно удивляться, какъ это въ духовной литературѣ до сихъ поръ никто не обратилъ вниманіе на этотъ важный вопросъ. Одними независающими отъ редакторовъ и писателей обстоятельствами это едва ли можно объяснить. Мы видимъ, что въ духовныхъ журналахъ за послѣдніе годы помѣщаются статьи и статейки по дѣлу преобразования духовныхъ училищъ (почти исключительно впрочемъ касающіяся одной

учебной ихъ стороны), въ которыхъ откровенно выставляются на видъ недостатки нынѣ существующаго въ нихъ порядка, и предлагаются мѣры къ ихъ исправленію. Значить, вообще говорить о преобразованіи духовныхъ училищъ можно, и за это не обижаются. Почему же бы сталъ кто обижаться въ такомъ случаѣ, если бы въ литературѣ стали разсуждать о финансовой сторонѣ этого дѣла? Намъ кажется, что финансовая-то сторона и есть, по крайней мѣрѣ должна быть, самая безобидная въ этомъ дѣлѣ. Потому что, напр., еслибы кто-нибудь сказалъ и доказалъ, что въ нашихъ училищахъ дурно учатъ, все-таки нѣкоторые наставники и начальники имѣли бы если не право, то по крайней мѣрѣ поводъ принять это на свой счетъ. А въ разсужденіяхъ о финансовомъ вопросѣ по дѣлу преобразованія духовныхъ училищъ, до чего бы кто ни договорился,—хотя бы до того, что дѣйствительно духовно-учебное управленіе не имѣетъ матеріальныхъ средствъ не только поправить къ лучшему наши духовныя заведенія, но даже поддержать ихъ въ теперешнемъ видѣ,—кто бы могъ принять это на свой счетъ? Никто въ этомъ не виноватъ; духовно-учебныхъ капиталовъ безъ нужды — на свои прихоти, никто, конечно, не моталъ. Въ такомъ случаѣ оставалось бы только сообща подумать о томъ, какъ помочь бѣдѣ; и это конечно никому не было бы непріятно, потому что всякій знаетъ пословицу «умъ хорошо, а два лучше», а много умовъ—значить еще лучше... Итакъ, если можно въ духовной литературѣ говорить вообще о преобразованіи духовныхъ училищъ, то тѣмъ болѣе, конечно, можно касаться и финансовой стороны этого вопроса. Думать же такъ, что духовной литературѣ позволяется разсуждать для собственнаго удовольствія о всякихъ возможныхъ вопросахъ, за исключеніемъ вопросовъ существенныхъ и важныхъ—это зна-

чло бы оскорблять духовенство унижительнымъ для него предположеніемъ, будто къ его открытому органу — къ духовной литературѣ, не имѣютъ никакого уваженія. Итакъ, повторяемъ, это молчаніе духовной литературы о важнѣйшемъ въ дѣлѣ духовнаго образованія вопросѣ не можетъ быть объяснено одними независящими отъ редакціи обстоятельствами. Скорѣе можно объяснить его тѣмъ, что объ этомъ предметѣ почти никто ничего положительнаго не знаетъ. О томъ, чему и какъ учать въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ, знаетъ всякій, кто учился въ 'нихъ,—и всякій можетъ написать объ этомъ, кто только умѣетъ писать. Потому объ этомъ предметѣ и болѣе пишутъ въ духовной литературѣ. А внутреннія пружины управленія духовно-учебными заведеніями, и особенно средства содержанія ихъ извѣстны очень немногимъ. Эти немногіе можетъ-быть почему-либо считаютъ неудобнымъ передавать во всеобщее свѣдѣніе, что они знаютъ. А прочіе, имѣющіе только общія и поверхностныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, переглядываются другъ на друга, и не хотятъ начать рѣчь изъ опасенія проговориться, сказать что-нибудь не впадать, быть уличенными въ верхоглядствѣ и невѣжествѣ, замарать свою репутацію въ литературѣ. А своею литературною репутаціей большая часть пишущей братіи—нужно сознаться—дорожатъ больше, чѣмъ общимъ благомъ... Однакожь такое положеніе дѣла, по нашему мнѣнію, ненормально, и ни къ чему доброму повести не можетъ. Когда есть въ обществѣ настоятельная потребность говорить о какомъ-либо дѣлѣ,—а между тѣмъ всё молчать о немъ потому, что каждый въ отдельности имѣетъ только поверхностныя понятія объ этомъ дѣлѣ,—въ такомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, можно и нужно кому-нибудь начинать рѣчь хотя и съ поверхностнаго взгляда на дѣло. Вся-

кія поверхностныя, незорѣлыя, полуфальшивыя понятія, когда зрѣютъ не гласно, въ одиночку, въ отдѣльныхъ кружкахъ и лицахъ, становятся болѣе и болѣе односторонними, фальшивыми, вредными,—и въ общемъ результатѣ этого незамѣтнаго, не гласнаго прозябанія въ обществѣ фальшивыхъ, поверхностныхъ, незорѣлыхъ понятій, иногда разомъ выходятъ наружу такія явленія, которыя поставляютъ все общество въ крайнее недоумѣніе и заставляютъ горько раскаяваться въ томъ, что прежде никто не позаботился предотвратить эти явленія. А когда такимъ понятіямъ дается гласность, тогда чрезъ откровенное высказываніе одностороннихъ единичныхъ воззрѣній, чрезъ столкновеніе ихъ съ другими также односторонними единичными воззрѣніями, расширяется и поднимается уровень воззрѣнія общественнаго, проясняются личныя взгляды и у отдѣльныхъ членовъ общества, и общество спокойно приходитъ къ правильному пониманію дѣла. Поэтому-то мы и рѣшаемся начать рѣчь о дѣлѣ мало извѣстномъ и намъ и всѣмъ другимъ (за исключеніемъ очень немногихъ), — рѣшаемся печатно говорить о немъ, не опасаясь того, если наши сужденія назоветъ кто-нибудь поверхностными, незорѣлыми, даже *рутинными*. Откровенно сознаваясь въ томъ, что мы мало знаемъ дѣло, о которомъ хотимъ говорить, и не имѣемъ возможности узнать его какъ слѣдуетъ,—мы далеки отъ того, чтобы придавать своимъ сужденіямъ какую-либо непогрѣзительность и особенно-важное значеніе. Съ насъ и того довольно будетъ, если намъ удастся въ своей статьѣ поставить вопросъ, высказать хотя отчасти различныя мнѣнія о немъ, смутно распространяющіяся въ нашихъ кружкахъ, и возбудить людей знающихъ къ болѣе серьезному обсужденію дѣла.

Теперь уже проходитъ пора того фальшиваго и вреднаго

убѣжденія, будто во всякомъ управленіи финансовая сторона всего болѣе требуетъ непроницаемой тайны. Прежде это убѣжденіе было сильно; нигдѣ такъ не заботились о тайнѣ, какъ тамъ, гдѣ дѣло касалось финансовой стороны общественнаго управленія. И можно сказать—ни отчего столько не выходило вреда для обществъ, какъ отъ скрытности въ этомъ дѣлѣ. Мы могли бы въ подтвержденіе этого привести много крупныхъ историческихъ примѣровъ. Въ настоящее время, благодаря Бога, этотъ вредъ признанъ. Недавно нашъ добрый Государь подалъ примѣръ полезной гласности въ этомъ дѣлѣ, положивъ обнародовать во всеобщее свѣдѣніе отчетъ о состояніи государственныхъ финансовъ.

Намъ нечего говорить о томъ, съ какою благодарностію принята была въ нашемъ обществѣ эта государственная мѣра. Много по этому случаю высказано въ журналахъ дѣльныхъ мыслей о томъ, какъ вредна въ финансовомъ управленіи система скрытности, какъ много помогаетъ она распространенію въ обществѣ разныхъ нелѣпныхъ и вредныхъ понятій, какъ много подрываетъ нравственное довѣріе управленыхъ къ управленію. Гдѣ-то было сказано, что «народъ, не имѣя положительныхъ свѣдѣній о состояніи государственныхъ финансовъ, обыкновенно представляетъ себѣ *казну* какою-то бездонной пропастью, въ которую уходятъ лучшія силы общества, и пропадаютъ неизвѣстно куда.» Намъ кажется, эта мысль вѣрна. По крайней мѣрѣ намъ приходилось слышать нѣчто подобное и относительно нашихъ церковныхъ финансовъ. Съ одной стороны многіе, кажется, имѣютъ слишкомъ преувеличенное понятіе о размѣрахъ церковной суммы, составляющейся, напр. изъ свѣчныхъ и тому подобныхъ сборовъ. Вѣроятно многимъ приходилось слышать въ нашихъ духовныхъ кружкахъ неопредѣленную фразу, будто «у насъ

при святѣйшемъ синодѣ гниютъ милліоны. А съ другой стороны, многіе имѣютъ превратныя понятія о употребленіи церковныхъ капиталовъ. Нѣкоторые говорятъ, напр., что у насъ были бы средства нужныя на улучшеніе духовно-учебныхъ заведеній, еслибы наши церковныя суммы не тратились даромъ на содержаніе чрезмѣрно размножившихся чиновниковъ по Управленію, на разные бесполезныя разъѣзды, незаслуженныя награды, и т. п. Какъ будто эти траты, еслибы онѣ и въ самомъ дѣлѣ были бесполезныя, могутъ что-нибудь значить въ общемъ итогѣ церковныхъ суммъ? Другіе говорятъ, будто церковныя суммы въ разныя времена были затрачиваемы въ большомъ количествѣ на дѣла полезныя и важныя, но только далекія отъ ихъ первоначальнаго назначенія, т. е. будто бы изъ церковныхъ суммъ дѣлаемо было не церковное употребленіе. И съ этимъ не хотѣлось бы согласиться. Трудно повѣрить, чтобы лица, завѣдывающія церковнымъ достояніемъ, такъ мало имѣли уваженія къ неприкосновенности церковнаго достоянія,—такъ легко смотрѣли на свои обязанности, — что позволяли бы себѣ жертвовать церковными суммами на дѣла и нужды постороннія, между тѣмъ какъ у Церкви много своихъ настоятельныхъ дѣлъ и нуждъ. Наконецъ нѣкоторые говорятъ еще, что и въ настоящее время безъ всякаго ущерба для церковной экономіи въ будущемъ (если можно такъ выразиться),—церковныхъ суммъ съ избыткомъ достало бы на всѣ необходимыя издержки по преобразованію духовныхъ училищъ, и вообще по улучшенію быта духовенства, только будто бы ихъ просто не хотятъ расходовать—скупятся, стараются побольше сберечь для будущаго времени, того не принимая во вниманіе, что не употребляя эти суммы на нужды собственно церковныя въ настоящее время, послѣ можетъ-быть принуждены будутъ

отдать ихъ даромъ на стороннія для Церкви нужды. И это предположеніе намъ кажется страннымъ. Мы не можемъ объяснить себѣ, что такое эта чрезмѣрная, доходящая до скудости, заботливость о храненіи церковно-общественнаго достоянія, соединенная съ явнымъ вредомъ для церковно-общественнаго благосостоянія. Притомъ лица, имѣющія отношеніе къ завѣдыванію церковными суммами, навѣрное понимаютъ, что теперь совсѣмъ не такое время, когда можно было бы легко незначительными издержками удовлетворить современныя нужды Церкви и духовенства, откладывая лишніе тысячи и милліоны про черный или про какой-либо необыкновенный день, что теперь-то именно наступилъ для насъ необыкновенно важный день, съ котораго можетъ начаться у насъ въ жизни Церкви и бытѣ духовенства новая эпоха,—такъ что если мы позаботимся устроить какъ нужно свои дѣла въ настоящее время, то можемъ предотвратить для себя много черныхъ дней въ будущемъ. Много и еще распространяется въ нашемъ духовномъ обществѣ странныхъ мнѣній относительно церковно-финансоваго вопроса. Нѣтъ надобности повторять здѣсь всѣ такія мнѣнія. Мы привели нѣкоторыя изъ нихъ только за тѣмъ, чтобы показать, что наше духовное общество, не имѣя почти никакихъ официальныхъ свѣдѣній по церковно-финансовому дѣлу, не остается однакожь равнодушнымъ къ этому дѣлу,—думаетъ, разсчитываетъ, соображаетъ,—и, не зная ничего положительно-вѣрнаго, по необходимости приходитъ къ произвольнымъ, страннымъ, и иногда не совсѣмъ выгоднымъ для духовнаго правительства мнѣніямъ. Всѣ эти мнѣнія сорзвѣваютъ во иракѣ,—незамѣтно распространяются съ силою и быстрою смѣлою непризнанной официальной мысли,—смущаютъ умы, колеблютъ въ духовенствѣ довѣріе къ его попечителямъ и правителямъ. Въ интересъ церковнаго прави-

тельства, въ цѣляхъ общаго блага Церкви необходимо принять мѣры къ разсѣянію подобныхъ мнѣній, и къ утвержденію въ духовенствѣ правильнаго взгляда на дѣло. Никакими запретительными мѣрами этого сдѣлать невозможно; мысли не согласной, слова устнаго нельзя связать никакими цензурами. Единственное средство противъ распространенія фальшивыхъ и невыгодныхъ для духовнаго правительства мнѣній о церковно-финансовомъ дѣлѣ есть открытое, печатное обсужденіе этого дѣла.

Здѣсь мы могли бы и закончить свою статью. Съ насъ довольно было бы и того, чтобы, поставить важный насущный вопросъ, возбудить къ обсужденію его людей болѣе насъ знающихъ. Впрочемъ нисколько не помѣшаетъ правильному обсужденію дѣла, если и мы съ своей стороны выскажемъ вѣсколько хотя и поверхностныхъ мыслей по этому дѣлу.

II.

Прежде всего мы убѣждены, что въ настоящее время удовлетвореніе необходимыхъ потребностей Церкви и духовенства требуетъ большихъ сверхъобычныхъ издержекъ. Теперь вѣчего и думать о возможности удержать расходъ церковныхъ суммъ на прежней цифрѣ. Еще менѣе, конечно, можно думать о какомъ-либо ограниченіи церковно-общественныхъ издержекъ, о сбереженіи излишковъ для будущаго времени. Съ настоящаго времени начинается въ жизни всего русскаго народа новая эпоха, съ которою и жизнь Церкви и бытъ духовенства много могутъ измѣниться въ сравненіи съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ они находились въ продолженіи послѣднихъ полутора ста лѣтъ. Къ лучшему или къ худшему

произойдетъ эта перемена, это много будетъ зависѣть отъ энергій самого духовенства и духовнаго правительства. Только во всякомъ случаѣ нужно дорожить временемъ, чтобы не остаться назади, когда все движется впередъ. При пробужденіи всего русскаго народа, при новыхъ важныхъ реформахъ, предпринимаемыхъ правительствомъ ко благу государства, при коренномъ измѣненіи въ бытѣ, правахъ и взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ русскихъ сословій, уже начинающемся въ настоящее время, и русскому духовенству нужно позаботиться о томъ, чтобы устроить свой бытъ на прочныхъ основаніяхъ, и поставить себя въ возможно-лучшія для интересовъ Церкви и народа отношенія къ народу. И при всемъ этомъ нельзя обойтись безъ большихъ сверхъобычныхъ издержекъ. Какъ до сего времени жалкое униженное положеніе нашего духовенства много зависѣло отъ нужды матеріальной, такъ и съ настоящаго времени это положеніе не можетъ измѣниться къ лучшему иначе, какъ только при большой матеріальной обеспеченности нуждъ и потребностей духовенства.

Теперь еще трудно опредѣлить съ точностію, на что именно и сколько могло бы пойти денегъ для того, чтобы поставить духовно-учебныя заведенія въ такомъ видѣ, какъ имъ быть слѣдуетъ, и вообще обезпечить надлежащихъ образомъ бытъ духовенства. Но конечно на все это потребуется не мало. Укажемъ для примѣра хоть нѣсколько такихъ сторонъ въ бытѣ духовенства, для исправленія которыхъ, по всеобщему сознанію, безотлагательно требуются весьма значительныя издержки.

Начнемъ съ образованія духовенства (а какое значеніе имѣетъ этотъ предметъ и для блага Церкви, и для блага народа, объ этомъ говорить нечего)—съ духовныхъ училищъ.

Здѣсь повсюду слышатся жалобы на то, что въ духовныхъ заведеніяхъ трудъ преподаванія цѣнится слишкомъ низко, и этимъ подрывается въ обществѣ уваженіе къ представителямъ духовнаго образованія, а въ нихъ самихъ энергія и успѣшность въ трудѣ. Доказывать справедливость этихъ жалобъ нѣтъ нужды. Едва ли у кого достало бы духу утверждать, что у насъ наставникамъ духовныхъ заведеній даютъ за труды соразмѣрное вознагражденіе. Чтобы представить, какъ унижены и обижены у насъ эти люди, довольно сказать то, что у насъ въ высшихъ заведеніяхъ—въ академіяхъ, преподаватели получаютъ гораздо менѣе жалованья, нежели въ свѣтскихъ заведеніяхъ учителя гимназій и вообще среднихъ учебныхъ заведеній, подлежащихъ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, что окладъ жалованья, получаемый у насъ адъюнктъ-профессоромъ академіи (429 руб.), едва ли можетъ сравняться съ окладомъ какого-нибудь младшаго столоначальника въ какомъ бы то ни было департаментѣ, что наконецъ въ Петербургѣ и частію Москвѣ дьячки и пономари получаютъ больше профессоромъ академіи. Это мы говоримъ о наставникахъ высшихъ духовныхъ заведеній. А что сказать про учителей училищъ?—Бакалавръ изъ тридцати пяти рублей мѣсячнаго жалованія долженъ и нанимать квартиру (*).

(*) Безсемейные профессора духовныхъ академій пользуются довольно удобными квартирами въ самыхъ академическихъ зданіяхъ. Но какъ скоро кто-либо изъ наставниковъ академіи женится, онъ долженъ выбираться изъ казенной квартиры на вольную. Какое основаніе къ этому? Ужели дорого бы стоило при каждой академіи устроить жилой корпусъ для семейныхъ наставниковъ. Это пошло бы на много лѣтъ. Въ Петербургѣ, напр., при Александро-Невской лаврѣ, недалеко отъ академіи есть много земли. Лавра строитъ на ней дома, и отдаетъ ихъ въ вольный наемъ, а профессора академіи должны искать себѣ дешевыхъ квартиръ

и платить прислугѣ, и кормить и одѣвать себя съ женой, дѣтьми и прислугой, и приобрѣтать нужныя въ пособіе своимъ занятіямъ книги, и проч. и проч. При такомъ положеніи дѣла можно ли рассчитывать не только на какое-либо особенное усердіе наставниковъ къ своему дѣлу, но просто на возможность дѣлать дѣло. Оттого наставники духовныхъ академій, семинарій и училищъ принуждены бываютъ или, прослуживъ на духовно-училищной службѣ положенныя четыре-пять лѣтъ, бросать мѣсто и переходить на другое болѣе выгодное, — или, оставаясь на духовно-училищной службѣ ради насущнаго пропитанія, большую часть времени посвящать на какія-либо постороннія занятія. Въ томъ и другомъ случаѣ страдаютъ интересы заведенія, интересы всего духовнаго образованія.

Обращаясь отъ наставничковъ къ воспитанникамъ, вспомнимъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находятся у насъ мальчики-сироты духовные, воспитывающіеся на казенный счетъ въ училищныхъ и семинарскихъ бурсахъ (исключая очень немногія семинаріи). Нечего говорить о томъ, что воспитаніе этихъ мальчиковъ въ казенныхъ домахъ, какъ говорится — на *полномъ* казенномъ содержаніи, само по себѣ есть боль-

гдѣ-нибудь на Пескахъ, въ грязи непроходимой, или на Петербургской сторонѣ — верстахъ въ пяти отъ академіи. Странно еще то, что при петербургской, московской, вѣзанской семинаріяхъ всѣ наставники (и семейные), получая равный съ адъюнкты-профессорами академіи окладъ жалованья, пользуются притомъ и казенными квартирами (въ московской — двѣ три семейныя квартиры), а при петербургской академіи этого нѣтъ. Да, мы забыли сказать, что при академіяхъ семейные профессора получаютъ квартирныя пособія. Дѣйствительно, *нѣкоторые* по выслугѣ четырехъ лѣтъ на адъюнкты-профессорской должности, получаютъ въ годъ 74 руб. квартирнаго пособія. Но эти деньги въ Петербургѣ весьма незначительны.

шое благодѣяніе, дѣлающее особенную честь духовному сословію и его правителямъ, потому что у насъ одно только духовное сословіе, при всей бѣдности своей, воспитываетъ на казенный счетъ всѣхъ своихъ мальчиковъ-сиротъ, а не нѣкоторыхъ только по выбору, какъ это дѣлается въ другихъ сословіяхъ. На эту заслугу, на этотъ добрый примѣръ нашего сословія другія-сословія мало обращаютъ вниманія; и за это нельзя не отдать ему справедливости. Что хорошо, то хорошо. Но начавши хорошее дѣло, не нужно оставлять его на половинѣ. Правда, что у насъ всѣхъ мальчиковъ-сиротъ положено воспитывать на казенный счетъ,—но надобно знать, какъ они содержатся въ этихъ бурсахъ, особенно при дальнихъ провинціальныхъ училищахъ и семинаріяхъ. Намъ случалось видѣть нѣкоторыя изъ этихъ жалкихъ лачугъ, существующихъ при духовныхъ училищахъ подъ именемъ бурсъ, гдѣ въ двухъ небольшихъ комнаткахъ живутъ по тридцати, по сорока мальчиковъ. Порядочному человеку туда заглянуть совѣстно. Грязь, духота, темнота. Мальчики не имѣютъ даже постелей, ни отдѣльныхъ коекъ, и спятъ въ своихъ халатишкахъ, *въ повалку*, на досчатыхъ подмосткахъ, устроенныхъ въ комнатѣ отъ одной стѣны до другой на подобіе деревенскихъ палатей. Иногда эти подмостки перегородиваются еще маленькими дощечками, и выходятъ непрерывный рядъ отдѣльныхъ-тѣсныхъ коекъ наподобіе множества соединенныхъ между собою гробиковъ. Нужно замѣтить, что въ этихъ же комнатахъ мальчики и занимаются. Нѣсколько почище и поудобнѣе устроивается развѣ только училищная больница. Одежда и обувь у мальчиковъ соответствуетъ помѣщенію; нанковый халатишка на годъ, чуйка изъ сержаннаго сукна года на два, на три, пары двѣ-три тол-

стаго бѣлья, пары двѣ сапогъ; а лѣтомъ мальчики большею частію ходятъ босые. На все это мальчики смотрятъ еще довольно равнодушно; всего болѣе ихъ одолеваетъ голодъ. И дѣйствительно, ихъ кормятъ здѣсь нищенски. Довольно сказать то, что говядина имъ дается только по праздникамъ. Во всѣ остальные дни одни и тѣ же—безперемѣнные пустяки и каша часто изъ затхлой крупы; картофельная пища — пища жалкихъ ирландскихъ пролетаріевъ, о которыхъ столько болѣзнуютъ наши гуманисты и политикоэкономы, на столѣ бурсацкомъ составляетъ роскошь. А на завтракъ мальчикамъ, еслибы выдавали хотя по ломтю сухаго хлѣба, они и тому были бы рады. Наконецъ, въ довершеніе картины, скажемъ, что эти сироты-мальчики должны при своихъ бурсахъ сами поочередно исполнять служительскія обязанности, т. е. прибирать постели, мести комнаты, топить печи въ жилыхъ комнатахъ (классныя комнаты не только въ училищахъ, но и въ большей части провинціальныхъ семинарій никогда не топятся, за исключеніемъ развѣ того класса, гдѣ занимается самъ ректоръ); этого мало: десятилѣтніе—двѣнадцатилѣтніе мальчики должны сами даже зимою носить воду въ большихъ ушатахъ, топить баню, разчищать училищный дворъ. Надо надѣяться, что выставляенныя нами черты бурсацкой жизни идутъ не ко вѣснѣ бурсамъ; но довольно и того, если онѣ идутъ только къ нѣкоторымъ. Да и вообще можно сказать, содержаніе казенныхъ воспитанниковъ при духовныхъ училищахъ до крайности скудное. Мы не говоримъ еще о злоупотребленіяхъ... Но какъ же иначе и содержать-то ихъ училищному начальству, если на полное содержаніе воспитанника: на пищу, одежду, обувь, и проч. отпускается въ годъ какихъ-

нибудѣ двадцать рублей серебромъ, или нешного болѣе. Тѣмъ лицащъ, которымъ когда-либо приходилось быть ревизорами въ духовныхъ училищахъ, должно быть отчасти извѣстно жалкое положеніе училищныхъ бурсы; и едва ли у кого изъ нихъ послѣ ревизіи доставало смѣлости написать въ своемъ отчетѣ, что наши бурсы находятся въ сносномъ положеніи. А нужно замѣтить, что этимъ людямъ на официальной ревизіи придется увидѣть развѣ десятую долю той бѣдности и грязи, какую можно встрѣтить здѣсь во всякое обыкновенное время. Напоказъ ревизору училищнымъ начальства (ужъ Богъ вѣсть по какимъ соображеніямъ) стараются представить и самое училище, и имѣющуюся при немъ бурсу въ такомъ видѣ, что самими ревизорами приходится иногда удивляться, какъ это училищное начальство при такихъ малыхъ средствахъ можетъ еще такъ хорошо поддерживать училище и бурсу. При слухѣ о пріѣздѣ ревизора, въ училищахъ обыкновенно поднимается страшная суетня: училищный дворъ разчищается, классныя и жилыя для казенно-коштныхъ мальчиковъ комнаты отчищаются и отмываются, на сколько ихъ можно отчистить и отмыть; столовая, гдѣ обѣдаютъ казенно-коштные мальчики, является также въ преобразенномъ видѣ: столъ покрывается чистою скатертью (а въ обыкновенное время никакой не бываетъ), передъ каждымъ изъ мальчиковъ, къ всеобщему изумленію, является казенная тарелка, вилка, ложка, даже салфетка (а въ обыкновенное время мальчики не только не видятъ какихъ-нибудь салфетокъ, тарелокъ и вилокъ, но и ложки должны носить въ столовую свои), приготавливаются щи изъ хорошей говядины, на столахъ разставляются графины съ квасомъ, каждому мальчику дается по булкѣ. При этомъ нерѣдко мальчишкамъ дается строгій наказъ ни до чего не дотрогн-

ваться; пройдетъ ревизоръ, и все это—скатерти, тарелки, вилки, булки, даже графины съ квасомъ въ глазахъ мальчиговъ убираются прочь. Поэтому-то трудно надѣяться, чтобы духовно-учебное правительство могло хорошо узнать матеріальный бытъ нашихъ училищъ посредствомъ ревизій, особенно если ревизорами будутъ назначаться люди посторонніе, сами въ духовныхъ училищахъ не учившіеся, если ревизіи будутъ совершаться съ отрицательной помпой, если въ каждомъ училищѣ ревизоры будутъ имѣть привычку сначала знакомиться съ ректорами и экономами училищъ, а потомъ при ихъ посредствѣ и руководствѣ осматривать самыя заведенія. Вѣсто такихъ ревизій, полезнѣе было бы тѣмъ изъ занимающихъ высокія мѣста въ церковномъ управленіи, которые когда-то сами учились въ духовныхъ училищахъ, и особенно на казенномъ содержаніи, почаще обращаться къ собственнымъ воспоминаніямъ или поближе сходитья съ другими людьми, знающими дѣло, и не имѣющими надобности утаивать правды. А сколько бы для людей, мало знакомыхъ съ нашимъ бытомъ, открылось печальныхъ картинъ, еслибы въ литературѣ люди, воспитывавшіеся въ духовныхъ училищахъ, почаще обмѣнивались воспоминаніями юности. Впрочемъ довольно намъ распространяться объ этомъ. И при настоящихъ свѣдѣніяхъ о состояніи духовныхъ училищъ всѣ сознаютъ, что содержаніе духовныхъ мальчиговъ, воспитывающихся въ училищныхъ и семинарскихъ бурсахъ, до крайности скудно, и поэтому необходимо возвысить цифру суммъ, полагающихся на этотъ предметъ.

Обращаясь отъ вѣшнихъ потребностей учащихъ и учащихся въ духовныхъ заведеніяхъ къ ихъ внутреннимъ потребностямъ, не можемъ не упомянуть о томъ, въ какомъ жалкомъ состояніи находятся у насъ училищныя и семинар-

скія библіотеки (*). При училищахъ впрочемъ по большей части, и вовсе нѣтъ библіотекъ. Въ семинарскихъ библіотекахъ очень часто нельзя найти необходимыхъ пособій для преподаванія главныхъ предметовъ семинарскаго курса,

(*) Относительно семинарскихъ библіотекъ считаемъ не лишнимъ сдѣлать еще слѣдующее замѣчаніе: въ основаніе семинарскихъ библіотекъ, при первоначальномъ устройствѣ ихъ, въ большей части семинарій положены частныя библіотеки, пожертвованныя мѣстными архіереями, ректорами, настоятелями монастырей, и другими духовными и свѣтскими благотворителями и любителями духовнаго просвѣщенія, — также перенесенныя сюда изъ старыхъ упраздненныхъ учебныхъ заведеній (каковы прежнія школы при архіерейскихъ домахъ, упраздненныя коллегіумы въ югозападныхъ малороссійскихъ губерніяхъ). Книги, перешедшія отсюда въ семинарскую библіотеку и донинѣ составляютъ главное богатство ея; новыхъ книгъ пріобрѣтается немного, потому что сумма на это отпускается незначительная. Между старыми книгами, перешедшими въ семинарскія библіотеки отъ разныхъ ученыхъ меценатовъ и благотворителей, кромѣ стараго, ни на что негоднаго въ настоящее время, попадаетъ не мало изданій рѣдкихъ и дорогихъ (каковы, напр., творенія греческихъ и латинскихъ классиковъ, творенія св. отцовъ и древнихъ писателей церковныхъ въ подлинникѣ, памятники русской литературы прежнихъ вѣковъ), составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость, — разные многотомные сборники и сочиненія средневѣковыхъ богослововъ, философовъ, поэтовъ, историковъ, филологовъ и экзегетовъ, на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ). Всѣ подобныя изданія могли бы быть очень полезны и дороги въ рукахъ знатоковъ дѣла, въ библіотекахъ въ сплнхъ учебныхъ заведеній, и т. п. Но въ семинарскихъ библіотекахъ они только гниютъ на полкахъ и въ шкапахъ безъ всякой пользы, и до нихъ никогда не касается рука не только воспитанника, но и наставника. А между тѣмъ въ библіотекѣ нѣтъ новыхъ книгъ, необходимо нужныхъ и доступныхъ всякому наставнику и воспитаннику. Не бесполезно было бы тщательнѣе пересмотрѣть всѣ семинарскія библіотеки, старыя полуистлѣвшія, ни на что ненужныя книжонки исключить, чтобы онѣ не занимали мѣста даромъ, и не затрудняли попусту библіотекаря, старыя дорогія и полезныя для ученыхъ специалистовъ изданія воспроизвести въ какія-либо центрально-ученыя (университетскія, академическія, публичныя) библіотеки въ большихъ городахъ; а на мѣсто того пріобрѣсти въ библіотеку новыя, особенно нужныя для семинарскаго образованія сочиненія.

за исключеніемъ принятыхъ устарѣлыхъ учебниковъ по этимъ предметамъ. Сумма, отпускаемая на семинарскія библіотеки, вѣроятно очень незначительна; библіотеки большею частью наполняются книгами, какими-нибудь образомъ приобретенными, или пожертвованными бездомно. Притомъ у библіотекарей семинарскихъ, всего болѣе конечно заботящихся о томъ, чтобы сохранить въ цѣлости библіотеку и не понасть въ отвѣтъ,—иногда образуется привычка подъ разными предлогами не выдавать изъ библіотеки книгъ не только воспитанникамъ, но и наставникамъ. Такимъ образомъ воспитанники семинаріи лишаются средствъ пополнять узнаваемое ими изъ профессорскихъ лекцій и учебниковъ собственнымъ чтеніемъ (изученія же только лекцій и учебниковъ какъ недостаточно для развитія!), а наставники не имѣютъ возможности готовить хорошія лекціи и сколько-нибудь слѣдить за развитіемъ своей науки, при недостаткѣ нужныхъ пособій по своему предмету. Въ послѣднее время при семинаріяхъ, даже при училищахъ воспитанники на свой счетъ стали заводить въ складчину частныя библіотеки. Дѣло прекрасное. Желательно было бы, чтобы это распространилось по всѣмъ семинаріямъ и училищамъ. Желательно было бы, чтобы это дѣло, по началу своему исходящее отъ доброй воли самихъ воспитанниковъ, и при исполненіи своемъ было какъ можно болѣе свободно, и не встрѣчало какихъ-либо стѣсненій, чтобы лица, принимающія на себя обязанность руководить вкусами воспитанниковъ при составленіи библіотекъ, сами руководствовались въ этомъ случаѣ здравымъ смысломъ и знаніемъ дѣла, а не рутинной или какими-нибудь своекорыстными разсчетами. Но во всякомъ случаѣ заведеніе частныхъ учебныхъ библіотекъ при семинаріяхъ и училищахъ нисколько не устраняетъ необходимости позаботиться объ улуч-

шеніи казенныхъ бібліотекъ при семинаріяхъ и училищахъ, куда въ особенности должны пріобрѣтаться всѣ нужныя наставникамъ въ пособіе по преподаваемымъ ими предметамъ книги. Скупиться деньгами на необходимыя улучшенія по этой части—нечего. Хорошая бібліотека при всякомъ учебномъ заведеніи также необходима, какъ необходимъ хорошій учитель, какъ необходимы въ своемъ родѣ крѣпкія училищныя зданія, и проч.

Наконецъ и самая поправка училищныхъ зданій по духовно-учебному вѣдомству также неизбѣжно потребуеть не мало расходовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ училищныя и семинарскія зданія слишкомъ тѣсны, въ нѣкоторыхъ слишкомъ ветхи, гдѣ полъ проваливается, гдѣ потолокъ грозитъ паденіемъ, и у самой каеэдры наставника стоятъ безобразныя подпорки; гдѣ больница устроена на такомъ хорошемъ мѣстѣ и такъ исправно, что въ ней и здоровому человѣку очень немудрено заболѣть, и пр. ир.

Всѣ указанныя нами недостатки и нужды по духовно-учебному вѣдомству сознаются всѣми, и большихъ расходовъ на исправленіе ихъ избѣжать никакъ нельзя, сколько бы ни откладывали дѣла въ дальній ящикъ.

Еще къ слову объ образованіи духовенства необходимо упомянуть и объ училищахъ для дѣвицъ духовнаго званія. Въ настоящее время этотъ вопросъ становится очень важнымъ. Въ прежнія времена вообще мало обращали вниманія на образованіе женщинъ; прежде думали, что образованіе нужно мужчинамъ, а для женщинъ это только роскошь; того же замѣчали, что женщина, какъ человѣкъ, имѣеть равныя съ мужчиною права на удовлетвореніе общей для людей потребности развитія; того же замѣчали, что гдѣ женщины остаются совершенно неразвиты, тамъ и развитіе мужчинъ не можетъ быть полно и высоко, потому что низкій уро-

вень развитія одной половинны общества необходимо будетъ тянуть внизъ и уровень развитія въ другой половинѣ. Теперь это начинаютъ сознавать. Въ обществѣ довольно сильно возбужденъ вопросъ объ образованіи женщины, и нѣкоторые хотѣлось бы прямо поставить уровень женскаго образованія на такую ступень, какой достигло образованіе мужчины послѣ многолѣтняго ухода за нимъ. Предоставимъ другимъ сословіямъ устроить это дѣло, какъ имъ покажется лучшимъ, — допускать женщинъ въ университетъ, въ медицинскія и пожалуй военныя академіи, или открывать для нихъ особые женскіе университеты. Намъ, не задаваясь пока слишкомъ широкими требованіями, нужно позаботиться о томъ, чтобы *вся* непремѣнно дѣвнцы духовнаго сословія получали образованіе такое, какое нужно жентъ священника, чтобы она могла сознавать свое человѣческое достоинство, понимала обязанности мужа и свои собственныя, была ему не помѣхой, а ближайшею нравственною поддержкою въ его высокомъ и трудномъ служеніи, была мужу истинною помощницею не въ хозяйственномъ только дѣлѣ (впрочемъ и объ этомъ дѣлѣ нельзя отзыватья съ такимъ пренебреженіемъ, какъ отзываются часто у насъ), но и въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, народнаго образованія, правильно организованной общинно-приходской благотворительности, и проч. Съ недавняго времени стали открываться у насъ по епархіямъ училища для дѣвицъ духовнаго званія. Но по ходу дѣла кажется, что и доселѣ это считается только дѣломъ роскоши и дѣлается главнымъ образомъ по увлеченію прогрессивнымъ духомъ времени. Училища для дѣвицъ духовнаго званія открыты только въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, а въ иныхъ еще и не думаютъ о нихъ; значить, убѣжденіе въ ихъ необходимости далеко не сдѣлалось всеобщимъ. Потому

вездѣ замѣтно стараніе только о томъ, чтобы это дѣло обошлось какъ можно дешевле, хорошо бы—дешевѣе—еслибы кто пожертвовалъ для училища домъ, а другой сумму денегъ на содержаніе бѣдныхъ дѣвицъ, и нашлись для училища безмездные преподаватели. Мы не думаемъ осуждать этого старанія — устроить дѣло какъ можно дешевле, только бы оно было устроено хорошо. Но гдѣ заботятся только о дешевизнѣ, и вовсе способны оставить дѣло, если нельзя устроить на дешевую цѣну,—тамъ нѣтъ еще твердаго убѣжденія въ необходимости дѣла—это вѣрный признакъ. Наконецъ и въ духовной литературѣ что-то мало говорятъ объ училищахъ для дѣвицъ духовнаго званія; видно, этому вопросу не придаютъ первостепенной важности. Въ духовныхъ журналахъ случается только иногда встрѣчать извѣстія (конечно сочувственныя) объ открытіи школъ для дѣвицъ въ той или другой епархіи; та мысль, что эти школы не полезно только, а необходимо нужно открыть по всѣмъ епархіямъ, не достаточно разъяснена. О томъ, хороши ли школы уже открытыя, какъ учать въ нихъ, довершается ли здѣсь или только портится домашнее воспитаніе дѣвицъ, выходятъ ли онѣ отсюда приготовленными или вовсе негодными для практической жизни, — объ этомъ также еще не говорено въ духовной литературѣ. (Да и въ свѣтской литературѣ, замѣтимъ кстати, толки объ образованіи женщины отличаются крайнею неопредѣленностью, шаткостью, обивчивостью, обиліемъ неосмысленныхъ фразъ и недостаткомъ серьезнаго отношенія къ дѣлу.) А между тѣмъ это дѣло требуетъ серьезнаго вниманія. Вопросъ объ образованіи дѣвицъ собственно духовнаго званія тѣсно связывается съ вопросомъ о развитіи нашего сословія вообще, съ вопросомъ о народномъ образованіи, даже съ вопросами о воз-

вышеніи у насъ значенія церковно-пастырскаго служенія, о религіозно-нравственномъ состояніи народа. И если это дѣло во многихъ епархіяхъ останавливается потому, что не на что завести школь для дѣвицъ; и если бы устройство школь для духовныхъ дѣвицъ по *всѣмъ* епархіямъ, и *хорошихъ* школь, потребовало не мало матеріальныхъ средствъ, дѣло не должно за этия останавливаться. Мы не то хотимъ сказать здѣсь, чтобы центральное духовно-учебное правленіе, т. е. то, которое въ настоящее время завѣдуетъ духовными мужскими училищами, взяло на свое попеченіе и открытіе женскихъ епархіальныхъ училищъ и контроль надъ ними, и матеріальное обезпеченіе ихъ изъ находящихся въ его вѣдѣніи духовныхъ учебныхъ капиталовъ. О томъ, откуда взять денегъ на устройство и содержаніе женскихъ епархіальныхъ училищъ, мы пока не говоримъ ничего; мы только говоримъ здѣсь, что хорошія училища для духовныхъ дѣвицъ необходимо нужны, и что на этотъ предметъ также потребуются деньги. И вообще, перечисляя здѣсь нужды духовенства, мы вовсе не къ тому ведемъ свою рѣчь, что духовное правительство должно принять на себя исключительно непосредственное попеченіе обо всѣхъ этихъ нуждахъ, и удовлетворить ихъ изъ находящихся теперь въ его вѣдѣніи церковныхъ суммъ. Мы только хотимъ здѣсь яснѣе представить, какія именно у насъ есть нужды, и какъ онѣ велики и важны. Мы пока не касаемся вопроса, откуда взять средствъ на удовлетвореніе этихъ нуждъ. Рѣчь объ этомъ слѣдуетъ послѣ.

Теперь же, обращаясь къ вышензложенному, еще разъ скажемъ: «вотъ сколько намъ нужно матеріальныхъ средствъ для того только, чтобы прочно обезпечить для духовенства потребности образованія!» А другія стороны въ нашемъ ду-

ховномъ бытъ развѣ исправны, и развѣ мало требуютъ средствъ для своего улучшенія? Не имѣя возможности перебрать здѣсь все, укажемъ на болѣе выдающіяся, и уже затронутыя въ нашей литературѣ стороны этого дѣла.

Намъ необходимо подумать объ обезпеченіи быта престарѣлыхъ и больныхъ священнослужителей, увольняющихся отъ службы въ заштатъ. Въ послѣднее время духовное правительство приняло по этому дѣлу нѣкоторыя мѣры, и само духовенство обращаетъ вниманіе на этотъ предметъ. Но пока для него сдѣлано еще мало.

Еще болѣе необходимо намъ подумать объ обезпеченіи сиротскихъ церковнослужительскихъ семействъ. Ихъ положеніе въ настоящее время жалкое; а мѣра, доселѣ принимаемая къ облегченію его, т. е. зачисленіе мѣста за кѣмъ-либо изъ членовъ сиротскаго семейства, оказывается неудобною. О пособіяхъ, выдаваемыхъ въ настоящее время сиротскимъ семействамъ изъ «Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія», нечего и говорить; оно слишкомъ незначительно.

Нѣтъ необходимости во всѣхъ мѣстахъ, независимо отъ приходскихъ сборовъ (въ какой бы формѣ они ни существовали), обезпечивать содержаніе духовенства опредѣленнымъ жалованьемъ. Но въ *нѣкоторыхъ* приходсахъ необходимо нужно жалованье, напр. гдѣ много раскольниковъ и иновѣрцевъ, гдѣ вообще приходскіе доходы причта не могутъ соответствовать важности и трудности его положенія (*).

(*) Относительно улучшенія матеріальнаго быта приходскаго духовенства существуютъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ два мнѣнія. Одни полагаютъ нужнымъ обезпечить бытъ духовенства жалованьемъ отъ правительства. Другіе считаютъ лучшимъ, чтобы духовенство всегда содержалось, какъ и теперь содержится, приходскими сборами. Въ способѣ содержанія духовенства отъ приходовъ, какъ онъ существуетъ у насъ въ настоящее время, есть много невыгодъ, потому что этотъ способъ

Очень важно было бы въ настоящее время поощрить пробудившееся въ духовенствѣ усердіе къ служенію народной пользѣ—не одними официальными и неофициальными внушеніями, а и дѣйствительнымъ пособіемъ. Духовенство показываетъ готовность послужить дѣлу народнаго образованія, общественной благотворительности, и т. под. Но часто для этого дѣла требуются матеріальныя средства; а духовенство не можетъ много издерживать на это изъ своихъ доходовъ. Если бы, при нѣкоторыхъ пособіяхъ со стороны, духовенство могло безпрепятственнѣе расширить въ этомъ отношеніи свою дѣятельность; это много бы помогло духовенству

вообще неопредѣленный, не совсѣмъ надежный, соединенный со многими затрудненіями, иногда злоупотребленіями. Въ первомъ же способѣ, т. е. въ содержаніи духовенства на жалованьи, находятъ также много несоответствующаго значенію пастырскаго служенія интересамъ Церкви и народа; получая жалованье отъ правительства, священникъ въ своемъ приходѣ мало-по-малу можетъ превратиться въ официального государственнаго чиновника, и если этотъ способъ содержанія духовенства сдѣлается общимъ для всей Церкви, Церковь можетъ стать въ невыгодное для нея слишкомъ обязательное и зависимое отношеніе къ государству. Мы болѣе склоняемся къ тому мнѣнію, чтобы духовенство получало содержаніе отъ приходоѡ; только чтобы при этомъ устранены были существующія нынѣ тяжелыя затрудненія въ сборахъ приходскихъ (а какъ это сдѣлать, объ этомъ особая рѣчь). Если же этихъ затрудненій никакъ нельзя устранить; въ такомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, лучше же положить въ тѣхъ проходахъ, гдѣ нужно,—жалованье духовенству, нежели оставлять дѣло въ настоящемъ его видѣ. Только нужно, чтобы жалованье духовенству шло не изъ государственной казны, а изъ церковныхъ же суммъ. Въ такомъ случаѣ, и получая жалованье, священникъ не былъ бы официально-обязаннымъ государственнымъ чиновникомъ; потому что суммы церковныя не суть суммы государственныя. И въ такомъ способѣ содержанія духовенства, кажется, не было бы ничего несоответствующаго значенію пастырскаго служенія и интересамъ Церкви; потому что служителямъ алтаря очень естественно отъ алтаря питаться, и интересамъ Церкви нисколько не противно было бы, еслибы служители ея и въ своемъ матеріальномъ быту никому другому не были обязаны, кромѣ ея.

стать въ такіа отношенія къ народу, какихъ при новыхъ порядкахъ нужно желать для блага Церкви и народа; временныя жертвы вознаградились бы въ будущемъ сторицею.

Кромѣ частныхъ пособій по иѣстамъ тому или другому священнику, трудящемуся на пользу общественную, очень важно было бы для Церкви въ настоящее время выказать свое попеченіе о благѣ народномъ какими-либо общими иѣрами на пользу народа, напр. распространеніемъ Священнаго Писанія, богослужебныхъ книгъ и святоотеческихъ твореній на понятномъ народу языкѣ, распространеніемъ по дешевой цѣнѣ, но не дешевыми руками составленныхъ для народнаго чтенія книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго и церковно-историческаго содержанія, развитіемъ внутренней и внѣшней миссіонерской дѣятельности, поощреніемъ различныхъ духовно-ученыхъ предпріятій, и т. д. Вообще же, еще разъ повторимъ, прежде всего намъ нужно сознать и глубоко убѣдиться въ томъ, что теперь наступаетъ для насъ время необыкновенно-важное и рѣшительное, съ котораго въ нашей народной и церковной жизни можетъ произойти важный переворотъ къ лучшему или къ худшему для Церкви и для народа. На тѣхъ, кому опредѣлено жить въ такую важную эпоху, и кто можетъ чѣмъ-либо дѣйствовать на пользу общественную, лежитъ священный долгъ позаботиться, чтобы дѣло устроилось къ лучшему. И сословію, которое считаетъ себя служителемъ Церкви и представителемъ высшихъ духовныхъ интересовъ народа, нужно показать здѣсь особенную предусмѣрительность и энергію (а не отвращать намѣренно взора отъ хода дѣлъ, не предаваться апатіи, не откладывать настоятельно-нужныхъ дѣлъ въ дальній ящикъ),—чтобы упрочить свое положеніе на твердыхъ основаніяхъ, и поставить себя въ возможно-лучшія для интере-

совъ Церкви и народа отношенія къ народу. И если сословіе это затруднено тѣмъ, что у него нѣтъ матеріальныхъ средствъ устроить надлежащимъ образомъ свой бытъ и свои внѣшнія отношенія,—за этимъ не нужно ни откладывать, ни оттягивать дѣла, а нужно усерднѣе общими силами подумать и позаботиться о томъ, какъ помочь дѣлу.

III.

Теперь намъ время перейти и къ вопросу о томъ, откуда же въ самомъ дѣлѣ взять средства на удовлетвореніе настоятельныхъ нуждъ и потребностей Церкви и духовенства. Мы не имѣемъ на столько смѣлости, чтобы принять мнѣніе тѣхъ людей, которые говорятъ, что всѣ эти нужды можно удовлетворить изъ наличныхъ церковныхъ суммъ, находящихся въ вѣдѣніи св. синода. Какъ хорошо было бы, еслибы это дѣйствительно возможно было... Но въ такомъ случаѣ настоятельныя нужды Церкви и духовенства навѣрно были бы уже удовлетворены; потому что кто же бы сталъ, по одной небрежности, апатіи или какой-либо необъяснимой скупости, откладывать рѣшеніе такого важнаго дѣла, и въ такое важное время?...

Какъ же быть, что дѣлать, если изъ существующихъ налицо церковныхъ суммъ невозможно удовлетворить нужды и потребности Церкви и духовенства? Мы не можемъ принять на себя рѣшеніе такого важнаго вопроса. Осмѣливаемся только предложить общему вниманію нѣкоторыя мнѣнія по этому дѣлу, смутно ходящія въ различныхъ кружкахъ нашего общества.

Нѣкоторые полагаютъ, что «Церковь и духовенство въ этомъ случаѣ никакъ не могутъ обойтись безъ государствен-

веннаго пособія,—что духовенство находится въ необходимости обратиться къ правительству съ просьбою о помощи, поставить на видъ свое значеніе въ государствѣ, свои прежніе труды и заслуги на пользу государству и народу, свою настоящую готовность къ служенію общественному, выставить на видъ то, что духовенство въ прежнее время безъ крайней нужды не обременяло правительство просьбами о пособіи, и въ настоящее время нуждается въ государственномъ пособіи не ради своихъ только сословныхъ интересовъ, но ради интересовъ всего народа.» Это конечно прямой и кратчайшій путь къ цѣли; но можетъ ли онъ привести къ чему-нибудь? Очень нерѣдко подобныя мнѣнія держатся только на томъ, помянутомъ нами, фантастическомъ представленіи, будто государственная казна есть какая-то бездонная неисчерпаемая пропасть. Нужно быть увѣреннымъ въ томъ, что православное правительство не отказалось бы помочь нуждамъ Церкви и духовенства, на сколько это было бы возможно. Правительство наше признаетъ себя попечителемъ интересовъ церковныхъ; оно конечно понимаетъ, какъ эти интересы важны, какое значеніе имѣть въ жизни народной стихія религіозно-нравственная. Но ни для кого не тайна и то, что въ государствѣ, особенно въ настоящее время, много другихъ нуждъ настоятельныхъ и очень важныхъ. Дай Богъ, чтобы эти нужды были удовлетворены, и за тѣмъ что-нибудь осталось и на нашу долю. Но въ послѣднемъ ни полагать свои надежды, ни отчаяваться мы не имѣемъ основанія и права. Не лишена справедливости и та мысль, что духовенству нашему, прежде жившему не на счетъ государства, лучше бы и на будущее время служить общественной пользѣ, не требуя возмездія отъ государства, что въ настоящее время можно было бы желать развѣ того,

чтобы государство оказало Церкви иѣкоторое пособіе не въ видѣ дара или опредѣленнаго жалованья, а развѣ въ видѣ отдачи долга—вознагражденія за тѣ матеріальныя пособія, какими по временамъ оно пользовалось изъ церковныхъ имуществъ. Другіе высказываются въ пользу противоположной мѣры въ пользу соединенія церковныхъ суммъ съ суммами государственными, такъ чтобы всѣ нужды и потребности духовенства удовлетворялись изъ общаго источника государственныхъ расходовъ, напр. духовно-учебныя заведенія содержались наравнѣ съ заведеніями, подвѣдомственными министерству народнаго просвѣщенія, синодскіе служители и консисторскіе чиновники получали жалованье на равныхъ основаніяхъ съ чиновниками различныхъ департаментовъ и палатъ, и т. д. Эта мысль, какъ она ни странна показалась бы большинству нашего духовнаго общества, для нѣкоторыхъ имѣетъ свои какъ будто и серьезныя основанія. Нѣкоторые, напр., разсуждаютъ такъ: «если бы наши учебныя заведенія были поставлены на ряду съ заведеніями, подвѣдомственными министерству народнаго просвѣщенія, то, конечно, духовныя академіи во всемъ были бы уравнены съ университетами, гимназіи съ семинаріями, духовныя училища съ свѣтскими училищами, и адъюнкты-профессоры нашихъ академій не получали бы жалованья меньшее противъ учителей гимназій, или (какъ еще недавно было въ московской, кіевской и казанской академіяхъ) даже равное съ учителями свѣтскихъ уѣздныхъ училищъ. Точно также тогда наши духовныя заведенія не оставались бы въ такомъ застоѣ, въ какомъ они находятся теперь. Всякая новая прогрессивная мѣра по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія принималась бы и въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ. А теперь случается и такъ, что иная мѣра, признанная

уже несостоятельно въ свѣтскихъ заведеніяхъ, въ духовныхъ только принимается заново.—Всѣ подобныя соображенія какъ будто имѣютъ нѣкоторый смыслъ по отношенію только къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ частностямъ дѣла, и то односторонне разсматриваемымъ; при всестороннемъ же разсмотрѣніи дѣла, они оказываются слишкомъ узкими и несостоятельными. Возьмемъ въ примѣръ хоть опять тѣ же учебныя заведенія; эта сторона дѣла всего болѣе какъ будто подходитъ къ взгляду людей, говорящихъ въ пользу слянія церковныхъ имуществъ съ государственными имуществами, и вообще въ пользу соединенія церковнаго управленія съ государственнымъ управленіемъ. Положимъ, что духовныя заведенія будутъ получать содержаніе изъ общаго источника съ заведеніями, подвѣдомственными министерству народнаго просвѣщенія. Положимъ, что тогда наши заведенія во всемъ были бы уравниены съ свѣтскими заведеніями: академіи съ университетами, семинаріи съ гимназіями, духовныя училища съ гражданскими училищами (только были ль бы *въ такомъ случаѣ* духовныя заведенія уравниены съ свѣтскими—еще Богъ вѣсть). Наши заведенія имѣли бы тогда такія же удобныя чистыя помѣщенія, какъ свѣтскія; нашимъ академіямъ и семинаріямъ на устройство библіотекъ, физическихъ кабинетовъ, и другія учебныя пособія отпускались бы такія же суммы денегъ, какъ университетамъ и гимназіямъ, и наши профессора академіи не получали бы жалованья меньше свѣтскихъ учителей гимназій. Это было бы хорошо—очень хорошо. Но что же, если бы, на основаніи такого уравниенія, въ нашихъ заведеніяхъ выведенъ былъ добрый обычай безвозмездно воспитывать всѣхъ мальчиковъ-сиротъ духовнаго званія на казенный счетъ, потому что въ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, такого обычая нѣтъ? это было бы

хорошо?... Нѣтъ, мы увѣрены, за такую цѣну ни одинъ изъ духовныхъ наставниковъ не захотѣлъ бы получать жалованья втрое болѣе настоящаго; и большинство навѣрное согласилось бы съ тою мыслию, что лучше намъ самимъ изъ собственныхъ небольшихъ средствъ какъ-нибудь исправить свои нужды, нежели, гоняясь за чужими непригодными для насъ образцами, и отдавая себя въ чужія руки, способствовать искорененію того, что у насъ есть своего добраго. Мы поставили на видъ одно изъ наиболѣе выдающихся затрудненій въ предполагаемомъ случаѣ соединенія духовныхъ заведеній съ заведеніями, подвѣдомыми министерству народнаго просвѣщенія. А сколько бы при осуществленіи этого дѣла открылось другихъ затрудненій, теперь всего этого еще и представить нельзя. Притомъ люди, высказывающіеся въ пользу этого предположенія, кажется, еще не сознаютъ ясно чего бы имъ хотѣлось,—того ли, чтобы духовныя заведенія только получали содержаніе изъ общаго источника съ свѣтскими заведеніями,—или того, чтобы они по всѣмъ частямъ управленія были подчинены министерству народнаго просвѣщенія? Первое безъ послѣдняго почти невозможно. А если бы и было возможно, т. е. еслибы духовныя заведенія только содержаніе получали изъ одного источника съ свѣтскими заведеніями, а во всѣхъ другихъ частяхъ управленія были подчинены особому духовно-учебному вѣдомству; то въ такомъ случаѣ финансовое управленіе духовными заведеніями соединилось бы еще съ большими проволочками и затрудненіями, нежели какія бываютъ по этой части теперь. О каждой маловажной нуждѣ, поправкѣ въ духовныхъ заведеніяхъ, требующей денегъ, духовно-учебное вѣдомство должно было бы дѣлать представленіе свѣтскому вѣдомству; а свѣтское вѣдомство навѣрное часто или отвѣчало бы прямымъ

отказомъ на эти представленія (потому что такъ вообще дѣло дѣлается туго, гдѣ зайдетъ рѣчь о деньгахъ), или, не понимая особенностей чуждаго ему духовно-учебнаго быта, должно было бы по иному дѣлу разъ десять сноситься съ духовнымъ вѣдомствомъ запросами и отношеніями къ вышему развитію письмоводства въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Допустимъ теперь другой случай. Пусть духовныя заведенія по всѣмъ частямъ своимъ были бы подчинены министерству народнаго просвѣщенія. Въ такомъ случаѣ духовныя заведенія или управлялись бы тѣми же самыми людьми и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и свѣтскія заведенія; а при такомъ управленіи въ нихъ все могло бы пойти вверхъ дномъ, и скоро они должны были бы утратить свое отличіе и самую отдѣльность отъ свѣтскихъ заведеній,—чего, мы полагаемъ, желать нельзя, пока въ нашемъ обществѣ будутъ признаваться права и цѣли самостоятельнаго существованія духовно-учебной специальности. Или же, чего скорѣе нужно ожидать, по вниманію къ особенностямъ духовнаго образованія, при министерствѣ народнаго просвѣщенія для управленія духовными заведеніями была бы учреждена какая-нибудь особенная коллегія, въ родѣ настоящаго духовно-учебнаго правленія при св. синодѣ. Но въ такомъ случаѣ новаго въ порядкѣ дѣлъ выйдетъ только то, что духовно-учебное правленіе будетъ находиться не при св. синодѣ, а при министерствѣ народнаго просвѣщенія. А по нашему мнѣнію, ему лучше же быть при синодѣ, чѣмъ при какомъ бы то ни было министерствѣ; потому что при министерствѣ особенностей духовнаго быта могутъ не знать и не уважатъ а при синодѣ потребности и всякія новыя усовершенствованія по дѣлу *просвѣщенія* могутъ знать и уважать (потому что эт сторона доступна всѣмъ образованнымъ людямъ, а не о .-

нимъ служащимъ по министерству просвѣщенія). При синодѣ духовно-учебное правленіе можетъ дѣйствовать самостоятельнѣе, имѣя надъ собою только такую власть, которой цѣли совершенно согласны съ его цѣлями; а при министерствѣ во всякомъ случаѣ оно будетъ учрежденіемъ зависимымъ, подчиненнымъ, къ которому еще едва ли будутъ относиться съ полнымъ вниманіемъ и справедливостью, потому что въ настоящее время вообще свѣтскіе люди еще не привыкли относиться съ полнымъ вниманіемъ и справедливостью къ дѣламъ и нуждамъ духовныхъ... Люди, расположенные къ подчиненію духовныхъ заведеній министерству народнаго просвѣщенія, говорятъ еще, что тогда наши заведенія не оставались бы въ такомъ застоѣ, въ какомъ они пребываютъ теперь; потому что въ свѣтскомъ учебномъ вѣдомствѣ дѣло идетъ живѣе, и всякія новыя прогрессивныя мѣры по дѣлу образованія тамъ принимаются скорѣе, чѣмъ у насъ. Положимъ. Но при особенностяхъ нашего быта и нашего образованія, и отсюда еще не вышло ли бы болѣе вреда, чѣмъ пользы, если бы въ нашихъ заведеніяхъ вдругъ приводилось въ исполненіе все то, что дѣлается въ свѣтскихъ? Вотъ, напр., въ университетахъ въ прошломъ году положено брать съ каждаго студента за слушаніе лекцій значительный взносъ денегъ; а въ нашихъ духовныхъ академіяхъ студенты не только не платятъ за слушаніе лекцій, но и всѣ пользуются казеннымъ содержаніемъ. Что еслибы и въ нашихъ заведеніяхъ вдругъ ввести университетское заведеніе прошлаго года? Порадовались бы мы тому, что въ нашихъ заведеніяхъ скоро принимаются мѣры, вводимыя по министерству народнаго просвѣщенія? Вообще бытъ нашихъ духовныхъ заведеній имѣеть много своего особеннаго, своеобразнаго. И эти особенности образовались не со вчерашняго дня по чьему-либо

личному произволу, а образовались исторически (наши семинаріи и академіи не однимъ десяткомъ лѣтъ будутъ постарше свѣтскихъ гимназій и университетовъ). И въ этихъ особенностяхъ есть много хорошаго, и особенно пригоднаго для нашего быта. Правда и то, что здѣсь много есть обветшавшаго, непригоднаго для настоящаго времени; правда, что вообще у насъ господствуетъ черезчуръ сильная приверженность къ старымъ преданіямъ и порядкамъ, и всякія новыя прогрессивныя мѣры принимаются въ духовныхъ заведеніяхъ слишкомъ туго. Но для устраненія этого, лучше же позаботиться о томъ, чтобы лица, имѣющія вліяніе на ходъ духовнаго образованія, хорошо знали свое дѣло, внимательнѣе слѣдили за потребностями образованія,—были дѣятельнѣе, энергичнѣе (а этого; мы полагаемъ, можно же достигнуть), а не отдавать духовныя заведенія въ чужія руки, въ руки людей, не знающихъ нашего быта, для рѣшительной передѣлки ихъ по чужимъ образцамъ.. Сказанное нами о духовно-учебныхъ заведеніяхъ еще въ гораздо большихъ размѣрахъ прилагается и къ духовному быту вообще. Какъ нельзя нашимъ заведеніямъ получать содержанія изъ общаго источника съ свѣтскими заведеніями, и состоятъ въ подчиненіи министерству народнаго просвѣщенія; такъ еще болѣе нельзя всему нашему сословію и вообще Церкви на свои нужды получать деньги изъ общей государственной казны, и находиться въ зависимости отъ какого-либо изъ частныхъ вѣдомствъ государственнаго управленія. Соединить подъ одно управленіе духовныя и свѣтскія учебныя заведенія еще таки скорѣе можно было бы; между тѣми и другими все-таки есть не мало общаго; въ тѣхъ и другихъ одна главная цѣль—образованіе. Но въ духовномъ бытѣ вообще (за исключеніемъ этой стороны—учебныхъ заведеній), въ его нуждахъ, цѣляхъ, обязан-

ностяхъ, правахъ совѣтъ уже нельзя найти подходящаго къ быту какого бы то ни было, напр., государственнаго соловія. Поэтому для управленія дѣлами, относящимися къ духовному быту и вообще дѣлами Церкви, непременно нужно особенное правительственное учрежденіе, состоящее изъ людей, знающихъ быть духовный и знакомыхъ съ каноническимъ правомъ: будетъ ли это учрежденіе составлять въ государствѣ особенное вѣдомство (какъ напр. у насъ вѣдомство православнаго исповѣданія), или оно будетъ присоединено къ какому-нибудь другому вѣдомству государственнаго управленія (какъ въ нѣкоторыхъ странахъ министръ народнаго просвѣщенія завѣдуетъ церковными дѣлами); въ томъ и другомъ случаѣ церковныя дѣла необходимо должны находиться въ вѣдѣніи особеннаго правительственнаго учрежденія, состоящаго изъ высшихъ церковныхъ представителей. Только въ первомъ случаѣ это духовно-правительственное учрежденіе, имѣя больше самостоятельности, можетъ успѣшнѣе дѣйствовать на пользу Церкви (разумѣется, если вмѣстѣ съ этимъ правомъ внѣшней самостоятельности въ немъ будетъ и внутренняя нравственная самостоятельность и энергія). Въ послѣднемъ же случаѣ, находясь въ подчиненіи другому вѣдомству государственнаго управленія, оно естественно не будетъ имѣть такой самостоятельности и свободы. Что же? ужели мы можемъ желать этого? Ужели наша Церковь пользуется въ государствѣ такимъ избыткомъ самостоятельности и свободы, что въ интересахъ Церкви намъ нужно желать сокращенія церковной самостоятельности?... Такимъ образомъ соединеніе церковныхъ дѣлъ съ другими государственными дѣлами подъ одно управленіе, не принося ничего особенно новаго и полезнаго въ управленіе духовными дѣлами, было бы только противно интересамъ церковной самостоятельности, которые дол-

жны быть свято уважаемы всякимъ православнымъ христіаниношъ. А оставить всѣ другія церковныя дѣла подъ управленіемъ особенно самостоятельнаго вѣдомства, и отнять у этого вѣдомства одно только управление финансами церковными также невозможно. Если и въ духовныхъ заведеніяхъ, какъ мы уже сказали, трудно отдѣлать финансовую сторону отъ другихъ сторонъ духовно-учебнаго управленія; то тѣмъ труднѣе распространить эту мѣру на управление дѣлами всего духовнаго сословія всей Церкви вообще. Такимъ образомъ вопросъ о соединеніи церковныхъ суммъ съ государственными суммами оказывается уже несостоятельнымъ, когда мы разсматриваемъ его только со стороны результатовъ такого соединенія... А что выйдетъ если мы станемъ разсматривать этотъ вопросъ со стороны права—права церковнаго, права государственнаго, права нравственнаго и всякаго другаго. Съ этой точки зрѣнія соединеніе церковныхъ имуществъ съ государственными имуществами должно представиться просто *нравственно-невозможнымъ* дѣломъ; потому что въ пещь было бы прежде всего насильственное поправленіе церковнаго права, въ которомъ и малыя измѣненія не можетъ дѣлать никто, кромѣ самой Церкви, ни одинъ изъ высшихъ представителей ея, ни свѣтская власть, ни народъ, который составляетъ собою Церковь, но не такъ, чтобы Церковь состояла только изъ народа, и притомъ изъ одного извѣстнаго народа (*).

(*) Съ этой точки зрѣнія распоряженіе церковными имуществами вообще представляется дѣломъ очень сложнымъ и требующимъ большой осторожности; личною собственностію можетъ распоряжаться, и въ извѣстныхъ случаяхъ распоряжается государство, — государственною собственностію распоряжается государство, общинною собственностію община и т. д. Но церковною собственностію *имѣютъ право* распоряжаться только Церкви (говоримъ — *имѣютъ право*, потому что, конечно, могутъ быть распоряженія всякою собственностію и вопреки праву); а

Далѣ, здѣсь будетъ нарушеніе и древнихъ гражданскихъ постановленій, утвердившихъ Церкви неприкосновенность ея имуществъ, чтобы они не переходили въ гражданское владѣніе. Здѣсь будетъ наконецъ нарушеніе нравственнаго права тѣхъ лицъ, пожертвованіями которыхъ составляются церковныя суммы... Такимъ образомъ вопросъ о соединеніи церковныхъ имуществъ съ государственными имуществами, съ какой стороны ни разсматривать его, оказывается совершенно несостоятельнымъ. Въ прежнія времена, при неразвитости понятій о правѣ, подобныя предположенія могли быть осуществляемы въ извѣстной мѣрѣ. Но теперь пора съ ними покончить навсегда. И всего страннѣе, что подобныя предположенія заходятъ нерѣдко въ головы людей, усердно радующихъ о благѣ Церкви. И въ настоящее время нѣкоторые видятъ въ этомъ соединеніи церковныхъ суммъ съ государственными суммами средство помочь нуждамъ Церкви и духовенства; точно также, какъ въ прошломъ вѣкѣ были отобраны въ казну монастырскія имущества не въ видахъ стѣсненія монастырей, а въ видахъ облегченія ихъ отъ заботъ мірскаго управленія, въ интересахъ духовенства и духовнаго образованія, какъ значится по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ наказовъ Екатерины Второй. Радующимъ объ интересахъ Церкви нужно помнить прежде всего, что для всѣхъ открытъ безпрепятственный путь помогать нуждамъ Церкви добровольными пожертвованіями по мѣрѣ силъ и усердія...

Вотъ уже изъ двухъ разсмотрѣнныхъ нами мѣръ къ удовлетворенію нуждъ Церкви и духовенства—одна оказывается ненадежною, другая несправедливою и несостоятельною. Обратимся къ другимъ мѣрамъ.

Церкви не представляетъ вполнѣ ни іерархія, ни свѣтская власть, *покровительствующая* Церкви, ни народъ, взятые въ отдѣльности.

Нѣкоторые говорятъ, что много можно бы помочь нуждамъ Церкви и духовенства чрезъ одно улучшеніе системы собиранія, храненія и распоряженія церковными (въ частности свѣчными) суммами,—вообще чрезъ болѣе правильное устройство церковно-экономической системы. Намъ приходилось слышать и то, въ чемъ именно можно было бы сдѣлать полезныя улучшенія по этой части. Но недостаточно знакомые съ этимъ дѣломъ, мы не беремся передавать подробностей. Только вообще трудно надѣяться, чтобы чрезъ одно улучшеніе церковно-экономической системы на столько увеличались церковныя суммы, чтобы изъ нихъ можно было, не прибѣгая ни къ какимъ новымъ мѣрамъ, удовлетворить всѣ настоящія потребности Церкви и духовенства. Впрочемъ такъ какъ рубли состояются изъ копѣекъ, а милліоны изъ тысячъ, и такъ какъ вообще нужно желать, чтобы церковно-экономическая система у насъ была устроена какъ можно лучше; то мы были бы рады, еслибы люди, знакомые съ этимъ дѣломъ и имѣющіе возможность что-либо придумать для улучшенія церковно-экономической системы, раскрыли подробно свои мысли. Еще очень нерѣдко приходится слышать, что наши старые богатые монастыри могли бы много помочь настоящимъ нуждамъ Церкви и духовенства: такъ какъ въ нихъ есть много старыхъ нетронутыхъ сокровищъ, и такъ какъ въ настоящее время они освобождены отъ многихъ повинностей, лежащихъ на приходскихъ церквахъ (напр. монастыри, точно также, какъ и многіе богатые соборы и церкви придворнаго и военнаго вѣдомствъ,—не обязаны представлять въ синодъ свѣчныхъ сборовъ, и эта важная повинность, составляющая главный источникъ содержанія духовныхъ училищъ, лежитъ главнымъ образомъ на приходскихъ

церквахъ). Мы не думаемъ, чтобы этотъ источникъ въ настоящее время былъ такъ неисчерпаемо богатъ, какъ многіе представляютъ; впрочемъ, конечно, и изъ него можно было бы извлечь кое-что. Только замѣтимъ, что было бы не совсѣмъ справедливо стѣснять въ чемъ-нибудь давнія права и добрую волю монастырей, и желать отъ нихъ какихъ-либо недобровольныхъ пожертвованій въ пользу блага духовенства, духовнаго образованія и т. под.,—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ со всею ясностію рѣшенъ вопросъ о правахъ монастырей и отношеніи монастырскихъ имуществъ къ церковнымъ имуществамъ вообще. Но нужно быть увѣреннымъ, что наши монастыри, бывшіе когда-то главными радѣтелями блага церковнаго, и въ настоящее время не отказались бы сдѣлать значительныя пожертвованія хоть, напр., въ пользу духовнаго образованія. Нужно только, чтобы у насъ распространилось убѣжденіе, что напр. ревность о распространеніи и возвышеніи религіознаго образованія въ народѣ не менѣе пріятна Богу, какъ и забота о внѣшнемъ церковномъ благолѣтіи—объ украшеніи иконостасовъ, устройствѣ богатой ризницы, приобрѣтеніи звучныхъ колоколовъ, и т. д.

Намъ остается рассмотреть еще одно мнѣніе по дѣлу, составляющему предметъ нашего разсужденія. Мнѣніе это еще очень новое, не созрѣвшее, не опредѣлившееся въ своихъ частныхъ сторонахъ; но оно едва ли не скорѣе всѣхъ другихъ предположеній и соображеній могло бы навести насъ на прямую и твердую дорогу къ удовлетворительному рѣшенію вопроса. Мы слышали, что это мнѣніе не чуждо нѣкоторымъ изъ людей, имѣющихъ непосредственное вліяніе на ходъ разсматриваемаго нами дѣла; и если это правда, мы искренно тому радуемся. Мнѣніе это состо-

ить въ томъ, чтобы предоставить разрѣшеніе нашего затруднительнаго церковно-финансоваго вопроса мѣстнымъ епархіальнымъ начальствамъ, такъ чтобы они сами, соображаясь съ потребностями и условіями каждой епархіи, изыскивали средства къ содержанію находящихся въ епархіи духовныхъ училищъ, и къ удовлетворенію другихъ потребностей мѣстнаго духовенства. Преимущество такого способа въ рѣшеніи вопроса предъ другими заключалось бы уже въ томъ, что здѣсь вопросъ будетъ рѣшаться многими, и рѣшаться на мѣстѣ его ближайшихъ практическихъ приложений. Впрочемъ не нужно скрывать отъ себя и того, что дѣло такимъ способомъ можетъ сдѣлаться не скоро; этотъ путь для насъ новъ и непривыченъ, особенно въ настоящее время (говоримъ въ настоящее время, потому что въ былыя времена, даже до текущаго столѣтія, мѣстные епархіальныя начальства имѣли болѣе значенія и самостоятельности по управленію финансовыми дѣлами, дѣломъ духовнаго образованія и другими дѣлами своей епархіи). Притомъ вопросъ этотъ чрезвычайно сложенъ; онъ не можетъ ограничиться одною финансовою стороною церковнаго управленія, а необходимо долженъ вызвать за собою общій вопросъ объ усиленіи значенія мѣстной епархіальной власти и по всѣмъ другимъ частямъ церковнаго управленія (разумѣется, если вопросъ будетъ возбуждаться не для формы, не для одной проволочки дѣла, а съ тѣмъ, чтобы дать ему живое безпрепятственное развитіе, и чрезъ это достигнуть цѣли). Какъ при всемъ этомъ можетъ пойти дѣло, заранѣе предсказывать трудно, и обольщать себя не за чѣмъ; можетъ оно пойти и хорошо и худо, смотря по тому, какъ поведутъ его. Вообще отвлеченно, безъ примененія къ живому дѣлу, довольно трудно рѣшать вопросъ, какая система упра-

влєнія лучше: та ли, гдѣ господствуетъ централизація, или та, гдѣ дается больше самостоятельности отдѣльнымъ помѣстнымъ управленіямъ. Централизаціонная система все стягиваетъ къ одному центру, и при этомъ верѣдко сдавли-ваетъ и мертвитъ живыя силы организма; а если еще при этомъ упадаетъ жизненная сила съ самою центрѣ, орга-низму совсѣмъ грозитъ крайнее истощеніе и распаденіе. Противоположная система можетъ быть опасна въ такомъ случаѣ, когда въ отдѣльныхъ самостоятельно живущихъ чле-нахъ организма слишкомъ слабѣетъ связь съ главнымъ цен-тромъ и съ другими членами. Примѣняя это начало къ раз-считываемому нами дѣлу, мы прежде всего должны желать того, чтобы у насъ не было чрезмѣрнаго пристрастія къ какой-нибудь одной изъ наименованныхъ системъ, и не дѣ-лалось крутыхъ, произвольныхъ, непослѣдовательныхъ по-воротовъ отъ одной системы къ другой. Не говоря уже о томъ, что, при усиленіи значенія мѣстныхъ епархіальныхъ правленій, у насъ все-таки должно остаться общее цент-ральное церковное правленіе, которое между прочимъ дол-жно имѣть въ своемъ завѣдываніи и общія церковныя суммы для удовлетворенія общихъ нуждъ Церкви (потому что кромѣ помѣстныхъ епархіальныхъ потребностей у насъ есть не мало потребностей общихъ для всего нашего духовенства, и для всей Церкви; только, разумеется, при разграниченіи помѣстныхъ епархіальныхъ казнохранилищъ отъ централь-наго церковнаго казнохранилища, въ послѣднее изъ епархі-альныхъ церковныхъ сборовъ долженъ идти гораздо мень-шій процентъ сравнительно съ теперешнимъ); не говоря объ этомъ, нужно было бы принять мѣры и къ тому, чтобы между самими помѣстными епархіальными управленіями по финансовымъ и другимъ дѣламъ церковнымъ было болѣе

разумной стройности и равномерности. Только эта стройность и равномерность должна бы поддерживаться не столько внешнею силою officialнаго постановленія и контроля (что имѣетъ мѣсто при централизованной системѣ), сколько нравственною силою единомыслія и открытаго свободнаго слова, силою общественнаго мнѣнія, силою взаимнаго братскаго вразумленія, совѣта и предостереженія. Поэтому дѣло, о которомъ мы говоримъ, тогда только можетъ пойти хорошо, когда оно отъ начала до конца будетъ ведено сообща—открыто, а не сокровенно и въ одиночку. И прежде всего, по нашему мнѣнію, нужно, чтобы центральное церковное правительство, предоставляя помѣстнымъ епархіальнымъ начальствамъ позаботиться объ изысканіи средствъ для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей мѣстнаго духовенства, напередъ дало имъ при этомъ не какія-либо непремѣнныя инструкціи, отъ которыхъ нельзя отступать ни на шагъ подъ опасеніемъ отвѣтственности, а предварительное указаніе или намекъ, чѣмъ имъ нужно руководствоваться въ поручаемомъ дѣлѣ, и на что особенно обращать вниманіе. Иначе, если—говоря вообще—какое бы то ни было центральное правительство спрашиваетъ по какому-нибудь дѣлу совѣта или цѣлыхъ проектовъ у подчиненныхъ ему вѣдомствъ, и еще не привыкшихъ къ тому, чтобы у нихъ спрашивали совѣта по такимъ важнымъ дѣламъ, и чтобы ихъ проектамъ придавали серьезное значеніе; то въ подобныхъ случаяхъ подчиненныя вѣдомства прежде всего обыкновенно приходятъ въ недоумѣніе, чего отъ нихъ хочетъ высшее начальство и затѣмъ, когда доходитъ до дѣла, или стараются отдѣлаться какимъ-нибудь неопредѣленнымъ отвѣтомъ на запросъ начальства или предварительно развѣдываютъ, какого мнѣнія по этому дѣлу держится само начальство, и отвѣчаютъ приспособляясь

къ нему,—или, наконецъ, сговариваются между собою, что отвѣчать на запросъ начальства, и пишутъ всѣ какой-нибудь общій неопредѣленный отвѣтъ. Во всякомъ изъ этихъ трехъ случаевъ цѣли высшаго начальства остаются недостигнутыми; оно не успѣваетъ узнать нужныхъ ему мѣстныхъ о дѣлѣ отъ людей, близко стоящихъ къ этому дѣлу. Желательно было бы, чтобы въ дѣлѣ, о которомъ мы говоримъ, ничего подобнаго не было.—Далѣе, еслибы этому дѣлу данъ былъ ходъ, нужно было бы, чтобы всѣ мѣры, принимаемыя епархіальными начальствами къ удовлетворенію мѣстныхъ потребностей епархіи, были публикованы во всеобщее свѣдѣніе, хоть напр. въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Черезъ это епархіальныя вѣдомости получили бы огромное значеніе, и служили для всѣхъ епархіальныхъ начальствъ наилучшимъ средствомъ взаимнаго руководства и предостереженія,—и много бы черезъ это было предотвращено по мѣстамъ различныхъ увлеченій, ошибокъ, злоупотребленій.—Наконецъ, когда уже по епархіямъ устроились бы финансовыя учрежденія для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей церковныхъ, въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ также долженъ бы печататься самый подробный и обстоятельный отчетъ прихода и расхода епархіальныхъ суммъ. Это мы говоримъ не потому, чтобы можно было сомнѣваться въ благоразумномъ распоряженіи епархіальныхъ начальствъ общими епархіальными суммами, или предполагать здѣсь возможность злоупотребленій; а потому, что черезъ такое открытое распоряженіе общими церковными суммами, во всемъ епархіальномъ духовенствѣ возбуждалось бы довѣріе къ начальству, участіе къ общему дѣлу и готовность помогать общими нуждамъ епархіи словомъ и дѣломъ... При такихъ условіяхъ дѣло, кажется, могло бы пойти хорошо. Конечно, полныхъ плодовъ

отъ такого порядка дѣлъ пришлось бы ожидать долго; впрочемъ, чѣмъ скорѣе положится начало, чѣмъ скорѣе дождемся и желанныхъ плодовъ.

Въ заключеніе же опять скажемъ, что прежде всякихъ новыхъ мѣръ къ удовлетворенію нуждъ Церкви и духовенства,—необходимо сдѣлать этотъ вопросъ предметомъ общаго литературнаго обсужденія. При общемъ обсужденіи дѣла, безъ сомнѣнія, высказалось бы не мало новыхъ не бесполезныхъ мнѣній. А кто знаетъ, можетъ-быть кто-нибудь придумалъ бы поправить дѣло какою-нибудь новою мѣрою, о которой теперь и на мысль никому не приходитъ, и которая между тѣмъ надолго обезпечила бы нужды и потребности духовенства, подобно тому, какъ мѣра Сперанскаго относительно свѣчныхъ сборовъ вотъ уже полвѣка обезпечивала у насъ содержаніе духовныхъ заведеній.

Когда настанетъ такое время, что при открытомъ серьезномъ обсужденіи церковно-финансоваго вопроса людьми болѣе насъ знающими вопросъ этотъ уяснится и станетъ приходить къ удовлетворительному рѣшенію; тогда, безъ сомнѣнія, первыя подобныя нашей попыткѣ къ рѣшенію этого вопроса будутъ казаться слишкомъ слабыми, незрѣлыми, смутными,—будутъ возбуждать добродушную улыбку у людей знающихъ дѣло и не поставленныхъ въ необходимость блуждать въ потемкахъ и хвататься за чтò попало, чтобы какъ-нибудь выбраться на свѣтъ Божій...

Мы ничего такъ не желаемъ, какъ того, чтобы скорѣе настало у насъ такое ясное время...

СЕЛЬСКІЯ ШКОЛЫ ВЪ ЮЖНОЙ ГЕРМАНИИ.

Предлагая свѣдѣнія о сельскихъ школахъ въ южной Германіи, мы имѣемъ въ виду дать читателямъ матеріалы для сравненія при обсужденіи «Проекта и общаго плана устройства народныхъ училищъ», изданнаго отъ министерства народнаго просвѣщенія 1862. С-Петербургъ (*).

(*) При обсужденіи этого проекта, намъ кажется, не должно упускать изъ виду слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) Министерство не имѣетъ ни одного духовнаго лица. 2) При губернскомъ директорѣ училищъ—ни одного духовнаго лица. 3) Попечители школъ *должны* быть, по проекту, свѣтскіе. 4) Въ составленіи плана занятій школъ, распредѣленіи часовъ, наблюденіи за школою—духовенство не участвуетъ. 5) Въ назначеніи учебниковъ и книгъ для чтенія—духовенство не участвуетъ. 6) Законоучитель состоитъ на равныхъ правахъ съ учителемъ; между тѣмъ обязывается наблюдать за нимъ. При такомъ порядкѣ наблюденіе священника за учителемъ будетъ казаться доносомъ. Въ какое положеніе ставятъ уставъ священника? Параграфъ устава о наблюденіи священника за учителемъ, не есть ли только своего рода *decozum*? Или уставъ дѣйствительно не увѣренъ въ будущихъ учителяхъ и разсчитываетъ только на контроль за ними священника? Но въ такомъ случаѣ за чѣмъ изыскивать такого рода учителей, которые не стоятъ довѣрія? Еще: труды учителя и наблюдателя, т. е. священника, цѣнятся примѣрно въ 50 рублей, а учителя въ 150. Однимъ этимъ послѣдній ставится уже выше перваго.

§ 1. Цѣль сельскихъ школъ полагается въ религіозно-нравственномъ образованіи народа и въ сообщеніи необходимыхъ въ жизни свѣдѣній. Поэтому существенные предметы преподаванія: религія и правила нравственности. чтеніе, письмо, нѣмецкій языкъ, счетъ и церковное пѣніе.

Въ какомъ объемѣ и въ какомъ взаимномъ отношеніи должны преподаваться эти предметы, — объ этомъ заботится *деканъ* (благочинный) округа, который представляетъ *плавъ консисторіи*. Матеріалы для этого онъ получаетъ отъ мѣстнаго духовенства, которое вмѣстѣ съ школьными учителями опредѣляетъ часы занятій для каждаго возраста, и вспомо-гательныя средства для лучшаго обученія, ищетъ въ виду учебники, назначенные для школъ. Деканъ разсматриваетъ представленные планы, дѣлаетъ замѣчанія, и послѣ, при ревизіи школъ, наблюдаетъ, дѣйствительно ли утвержденные планы исполняются. Въ основаніи плана обыкновенно полагается для занятій 26 часовъ въ недѣлю и вообще распредѣленіе часовъ слѣдующее: 9 часовъ для закона Божія, 4 для ариѳметики, 2 для каллиграфіи, 2 для церковнаго пѣнія и 9 часовъ для нѣмецкаго языка, т. е. упражненія въ чтеніи, правописаніи, и пр.

Религіозное обученіе и обученіе церковному пѣнію имѣетъ слѣдующій видъ:

Преподаваніе закона Божія принадлежитъ мѣстному духовному лицу, при содѣйствіи школьнаго учителя. Отъ 2—3 часовъ въ недѣлю преподается законъ Божій и нравственное христіанское ученіе; 2 часа употребляется на заучиваніе наизусть молитвъ и изрѣченій Св. Писанія; остальные часы употребляются на чтеніе Библии и библейской исторіи. Духовные обязаны твердо держаться назначенныхъ часовъ и записывать ихъ въ школьный журналъ.

На церковное пѣніе обращается особенное вниманіе; учитель школьный есть вмѣстѣ канонархъ, который обязанъ заглаживать при церковномъ богослуженіи. Въ началѣ и концѣ класса поется одинъ или нѣсколько стиховъ изъ церковной пѣсни, вслѣдствіе чего малолѣтныя наизусть знаютъ многія мелодіи. Кромѣ того два часа въ недѣлю употребляются исключительно на пѣніе, такъ чтобы ученики могли легкія піесы пѣть безъ приготовленія. Прежде всего стараются учениковъ выучить пѣнію одногласному; но высшій школьный совѣтъ (Oberschulbehörde) поощряетъ учителей, посредствомъ премій, составлять четырехголосные хоры и изъ взрослыхъ въ приходѣ образовывать пѣвческій хоръ въ полномъ составѣ. Конечно учитель долженъ имѣть для этого музыкальное образованіе до извѣстной степени; а какъ достигается оно, объ этомъ мы будемъ говорить ниже.

Продолженіе постоянныхъ сельскихъ школъ составляютъ *воскресныя школы*. Онѣ имѣютъ цѣлю, съ одной стороны, тверже напечатлѣть въ памяти полученное въ элементарныхъ школахъ, — съ другой стороны, продолжить образованіе взрослыхъ. Къ посѣщенію воскресныхъ школъ обязываются всѣ, мальчики и дѣвочки до 18 лѣтъ; старшій учитель занимается съ дѣвочками, а младшій съ мальчиками. Обыкновенно назначается въ годъ 52 раза держать воскресныя школы; временемъ для этого полагается часть предъ послѣобѣденнымъ богослуженіемъ.

§ 2. Къ посѣщенію школы обязаны дѣти всѣхъ гражданъ; они обязываются посѣщать школу отъ 7—14 лѣтъ. Впрочемъ родители могутъ посылать въ школу дѣтей и ранѣе семи лѣтъ, если они достаточно развиты; равнымъ образомъ позволяется оставлять въ школѣ дѣтей годъ по истеченіи школьнаго срока, если это находятъ родители полезнымъ для

своихъ дѣтей. Дѣти, оказавшіяся слабыми на послѣднемъ экзаменѣ, оставляются еще на два года.

Дѣти посѣщаютъ ту школу, которая находится въ мѣстѣ жительства ихъ родителей; если же они живутъ на сторонѣ,— то школу ихъ мѣстопребыванія. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ школъ, дѣти обязываются посѣщать школу того селенія, съ котораго оно находится въ учебной, по назначенію правительства, связи.

Въ мѣстахъ, имѣющихъ жителей различныхъ вѣроисповѣданій, дѣти посѣщаютъ школу своего вѣроисповѣданія, если таковая имѣется. Если же нѣтъ школы, то родителямъ предоставляется на произволь, или посылать дѣтей въ сосѣднюю школу своего вѣроисповѣданія, или оставлять дѣтей при нѣстной школѣ другаго вѣроисповѣданія. Но посылать въ школу должны всѣ безъ исключенія, будь то еврей, магометанинъ или другой кто.

За исправное посѣщеніе дѣтьми школъ отвѣчаютъ родители, и, по мѣрѣ замѣчаемой небрежности, сельское правленіе оштрафовываетъ родителей деньгами или заключеніемъ въ деревенскую тюрьму. Въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, дѣло ведется по общимъ полицейскимъ законамъ. Впрочемъ, эти случаи очень рѣдки (*).

§ 3. Учрежденіе новыхъ школъ и упраздненіе существующихъ зависятъ отъ высшаго учебнаго совѣта. Но вообще законъ полагаетъ, чтобы всякое мѣсто, составляющее изъ себя общину, содержало одну и, если нужно, многія сельскія школы. Селеніе, образующее только часть общины, но имѣющее до 30 семействъ, обязано имѣть школу. Небольшимъ мѣстечкамъ позволено состоять въ учебной связи съ сосѣ-

(*) Будемъ надѣяться, что у насъ не прельстятся нѣмецкимъ принципомъ *принудительности* въ дѣлѣ народнаго образованія.

нииъ селеніемъ и посылать туда дѣтей; но только въ такомъ случаѣ, когда разстояніе не превышаетъ часа ходьбы, и когда нѣтъ опасности для жизни и здоровья дѣтей. Въ противномъ случаѣ, высшій учебный совѣтъ предписываетъ основывать школу даже для 15-ти семействъ.

Каждая школа должна имѣть достаточно просторную комнату, и гдѣ нѣсколько учителей, особую комнату для каждаго класса. Школа должна быть снабжена школьными принадлежностями и нагрѣваться въ холодное время: дрова для этого доставляются на счетъ общины.

Законъ особенно заботится объ исправной постройкѣ и поправкѣ школьныхъ домовъ и строго требуетъ, чтобы училищный домъ былъ достаточно просторенъ, хорошо освѣщенъ и стоялъ на здоровомъ мѣстѣ. Принято за норму, чтобы для каждаго ученика въ школьной комнатѣ приходилось 7 квадрат. футовъ.

Сверхъ того при каждой школѣ должны быть необходимыя учебныя пособія и въ особенности собраніе книгъ. Выборъ книгъ для школы предоставляется пастору; при этомъ онъ долженъ имѣть въ виду нужды самого учителя и пріобрѣтать необходимыя для него пособія. Для воскресныхъ школъ онъ избираетъ такія книги, которыя могутъ поддерживать въ ученикахъ любовь къ чтенію. Библию имѣетъ каждое дитя, равно какъ самый бѣдный членъ общины; Библии пасторъ получаетъ отъ библейскаго общества на комиссію и послѣ посылаетъ счетъ, сколько Библий продано, сколько роздано даромъ.

Издержки на содержаніе школы община выдаетъ изъ своихъ, особо назначенныхъ для этой цѣли источниковъ; если же этихъ средствъ оказывается недостаточно, то она дѣлаетъ налогъ на всѣхъ членовъ общины, безъ различія вѣроиспо-

въдавай. Для увеличенія школьныхъ средствъ община пазначаетъ извѣстную плату съ воспитанниковъ, за посѣщеніе школы, въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ собственно сельскихъ школахъ и въ городахъ, имѣющихъ менѣе 2000 жителей—48 крейцеровъ (48 копѣекъ); въ городахъ, имѣющихъ болѣе 2000 и менѣе 6000 жителей—1 гульдентъ (60 коп.); гдѣ 6000 жителей—1 гульд. 24 крейцера. Отъ этой платы освобождаются дѣти бѣдныхъ родителей и дѣти школьныхъ учителей. Въ школьную кассу поступаютъ также деньги, собираемыя въ особую, пазначенную для того кружку при конфирмаціи дѣтей въ церкви, и штрафныя деньги за небрежность въ посѣщеніи школы. Тѣмъ общинамъ, которыя не имѣютъ достаточно средствъ содержать исправно школу, помогаетъ правительство.

§ 4. Учители въ сельскихъ школахъ бываютъ трехъ родовъ: старшій или главный учитель (Hauptlehrer, Schulmeister), младшій учитель (Unterlehrer) и учительскій помощникъ (Lehrgehülfe). Постоянное мѣсто занимаетъ только старшій учитель; младшій учитель завѣдываетъ однимъ какимъ-либо отдѣломъ школы, подѣ собственною отвѣтственностію; но учительскіе помощники дѣйствуютъ подѣ отвѣтственностію старшаго учителя. Вслѣдствіе недавняго распоряженія, мѣста учительскихъ помощниковъ и младшихъ учителей могутъ занимать учительницы въ школахъ для дѣвочекъ и малолѣтнихъ мальчиковъ, а также въ смѣшанныхъ классахъ,—но всегда съ согласія общины и высшаго учебнаго совѣта.

Когда въ школѣ извѣстной общины есть одно только мѣсто, то оно должно быть занято *старшимъ учителемъ*.

Если существуютъ два учительскихъ мѣста, то одно *должно* быть занято старшимъ учителемъ; другое *можетъ* быть занято младшимъ учителемъ или учительскимъ помощникомъ.

При трехъ учительскихъ мѣстахъ два должны быть заняты старшими учителями.

При 4, и до 6 мѣсть, число учительскихъ помощниковъ не должно превышать число старшихъ учителей.

При 11 мѣстахъ непостоянные учителя могутъ составлять только 3-ю часть всего числа учителей.

Изъ низшихъ учителей при одной и той же школѣ по крайней мѣрѣ половина должны получать жалованье младшаго учителя. Общины могутъ по желанію увеличивать средства учителей и переводить учительскихъ помощниковъ на высшее жалованье младшихъ учителей. Но, напротивъ, упразднить учительскія мѣста съ высшими окладами и вмѣсто старшихъ учителей назначать младшихъ, — это возможно только съ разрѣшенія высшаго учебнаго совѣта. Это распоряженіе очень важно потому, что не позволяетъ общинамъ произвольно уменьшать содержаніе учителямъ и вслѣдствіе этого отнимать охоту на занятіе учительскихъ мѣсть. Что будетъ съ сельскими школами, если въ извѣстномъ году не явится значительное количество кандидатовъ на учительскія мѣста?

Отношеніе между числомъ учениковъ и учителей слѣдующее: болѣе, чѣмъ при 90 ученикахъ нужны два учителя; болѣе, чѣмъ при 180—три учителя, при 270—четыре, и такъ далѣе. Конечно, по экономическимъ соображеніямъ общины, иногда бываютъ и исключенія: одинъ учитель можетъ оставаться и тогда, когда число учениковъ выше 90; но когда переходитъ за 120, тогда одинъ учитель быть не можетъ. Въ такихъ исключительныхъ случаяхъ планъ школы измѣняется; но отъ учителя требуется, чтобы онъ занимался ежедневно въ продолженіе 7 часовъ: 4 часа съ старшими учениками и 3 съ младшими. Само собою разумѣется, что за это увеличивается плата учителю.

Для старшаго учителя закономъ полагается жалованья, по меньшей мѣрѣ, 300 гульденовъ (1 гульд. = почти 60 коп.), съ

достаточною для семейнаго чловѣка квартирою или квартирнымъ жалованьемъ; но, сообразно съ средствами общины, жалованье доходить до 450 гульденовъ. Часть содержанія, равная 50 гульденамъ, доставляется натурою, т. е. или сельскими продуктами или землею, которую учитель может отдавать внаймы. Но и здѣсь законъ заботится объ интересахъ учителя; продукты оцѣниваются по рыночнымъ цѣнамъ въ данное время, а проценты съ отведенной учителю земли община должна всегда полагать въ 4^о, хотя бы земля приносила 7^о. Младшій учитель получаетъ комнату или сообразную съ тѣмъ квартирную плату, 180 гульденовъ жалованья и полъ-сажени дровъ. Учительскій помощникъ получаетъ 110 гульденовъ жалованья деньгами и пять шefeldей зерноваго хлѣба, или деньги, по рыночнымъ цѣнамъ. Если младшій учитель или учительскій помощникъ переводятся, безъ собственной вины и просьбы на другое мѣсто, то они получаютъ отъ правительства прогоны.

Старшій школьный учитель есть вмѣстѣ и пономарь (Messner) при приходской церкви и органистъ; особеннаго жалованья за эту должность онъ не получаетъ. Въ должности пономаря ему помогаетъ учительскій помощникъ, особенно въ колокольномъ звонѣ; но младшій учитель къ этому не обязывается.

Учители освобождаются отъ всякой личной службы, напр. въ войскѣ, и отъ всѣхъ повинностей. Имъ не позволено принимать на себя какую-либо должность одновременно съ учительскою; а также и заниматься промыслами. Но высшій учебный совѣтъ охотно поощряетъ занятія учителей, не роняющія ихъ достоинства, напр. садоводство, пчеловодство, шелководство, и пр. Содержаніе тѣхъ актирныхъ заведеній, съемъ на откупъ охоты, а также должности, могущія привести къ столкновенію съ членами общины, строго воспрещаются.

§ 5. Когда школьный учитель вслѣдствіе старости или болѣзни не можетъ исправно отправлять свою должность, хотя еще не совсѣмъ неспособенъ, то учебный совѣтъ даетъ ему помощника. Если болѣзнь его или неспособность продолжается не далѣе 3 мѣсяцевъ, то онъ ничего не платитъ отъ себя помощнику; въ противномъ случаѣ, онъ уступаетъ третью часть своего жалованья. Остальное доплачивается помощнику изъ кассы, назначенной для пенсіона учителямъ.

Срокъ для пенсіона не назначенъ опредѣленно; но вообще полагается, что если учитель прослужилъ полныхъ 9 лѣтъ и потомъ или сдѣлался боленъ безъ собственной вины, или переступилъ за 65 лѣтъ, то уже имѣетъ право на пенсіонъ.

Кто прослужилъ девять лѣтъ и поступаетъ на пенсіонъ, тотъ получаетъ 40 процентовъ своего жалованья; съ каждымъ годомъ службы пенсіонъ увеличивается на $1\frac{1}{2}$ процента. Съ 40-мъ годомъ дѣйствительной службы увеличеніе процентовъ прекращается, такъ что высшій пенсіонъ составляетъ 90 процентовъ всего жалованья.

Если состоящій на пенсіонѣ учитель занимаетъ какую-нибудь общественную должность, съ извѣстнымъ доходомъ, то половина этого дохода вычитается изъ слѣдующаго ему пенсіона. За границу можетъ жить онъ только съ высочайшаго соизволенія, и въ такомъ случаѣ у него вычитается 10 процентовъ изъ пенсіона. Если отставной школьный учитель подпадаетъ подъ судебное слѣдствіе, изъ-за котораго онъ потерялъ бы мѣсто, еслибы находился на службѣ, то въ этомъ случаѣ онъ пенсіонъ терять.

Пенсіоны производятся изъ особенно назначеннаго для этой цѣли школьнаго фонда.

§ 6. Для пособія вдовамъ и сиротамъ школьныхъ учителей существуетъ также особая касса. Въ эту кассу каждый

старшій школьный учитель обязанъ ежегодно отдѣлять два процента своего жалованья. При поступленіи на должность старшаго учителя онъ платитъ *восьмую* часть годоваго жалованья (изъ 400 гульд. 50); при каждомъ увеличеніи жалованья — также *осьмую* часть прибавленной къ его жалованью суммы: если прежде онъ получалъ 300, а потомъ положено на другомъ мѣстѣ жалованья 400, то онъ платитъ *восьмую* часть изъ 100 гульденовъ, и такъ при каждой прибавкѣ къ жалованью.

Изъ этой кассы получаютъ пенсіоны вдовы школьных учителей и законныя ихъ дѣти, всегда въ одинаковыхъ размѣрахъ, безотносительно числа лѣтъ службы умершаго учителя, числа оставшихся послѣ него дѣтей, и пр. Каждая вдова получаетъ ежегодно 44 гульдена; дитя, мать котораго жива, получаетъ четвертую часть этой суммы; не имѣющіе ни отца, ни матери, сироты получаютъ половину вдовьяго пенсіона. Вдовъ пенсія прекращается, какъ скоро она выходитъ замужъ въ другой разъ; дѣтямъ — по достиженіи 18-ти лѣтъ мальчиками и 16-лѣтъ дѣвочками.

§ 7. Сельскія школы вездѣ состоятъ подѣ надзоромъ духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ какому принадлежитъ община; гдѣ нѣскольکو духовныхъ, тамъ одинъ изъ нихъ назначается для надзора за школою — высшимъ учебнымъ совѣтомъ.

Педагогическія знанія пріобрѣтаются пасторами въ университетахъ, гдѣ теологи обязываются слушать лекціи по педагогикѣ и дидактикѣ. Какъ надзиратель, пасторъ обязанъ прилежно посѣщать школу, слѣдить за исполненіемъ назначеннаго для занятій плана, за методомъ преподаванія и дисциплиною, за дѣятельностью учителей и исправностію ихъ по школѣ, и представлять о нихъ свидѣтельства; также за-

ботиться о книгахъ для школы и учебныхъ пособіяхъ и другихъ нуждахъ, о чемъ онъ предлагаетъ церковному мѣстному совѣту (Kirchenconvent), состоящему изъ самого пастора и пяти значительнѣйшихъ членовъ общины (нѣчто въ родѣ нашихъ должностей старшины, церковнаго старосты, и трехъ другихъ членовъ). Посѣщеніе частое школы особенно рекомендуется пастору; онъ посѣщаетъ ее не съ тѣмъ только, чтобы давать уроки религіи и наблюдать за порядкомъ, но и затѣмъ, чтобы ближе знакомиться съ дѣтьми, знать ихъ способности, успѣхи, недостатки, поощрять и исправлять, при чемъ онъ долженъ избѣгать всякихъ тѣлесныхъ наказаній. Его посѣщенія аккуратно вносятся въ школьный журналъ.

Отношенія пастора къ школьному учителю должны имѣть характеръ самый дружескій; предполагается, что пасторъ дастъ всѣ доступныя для него средства, чтобы продолжить образованіе учителя,—поможетъ ему приобрести выгодное мнѣніе общины и любовь дѣтей.

Когда школьный учитель желаетъ получить другое мѣсто, то онъ получаетъ отъ пастора свидѣтельство, въ которомъ показывается его знанія, прилежаніе, способности и нравственное поведеніе; кромѣ того, каждую весну посылаются отъ пасторовъ вѣдомости объ учителяхъ, чрезъ декановъ, въ учебный совѣтъ.

Въ школахъ каждый годъ бываетъ два раза экзамень: одинъ разъ въ концѣ зимы, другой разъ въ концѣ лѣта. Экзамену ютъ учитель и пасторъ, въ присутствіи знатнѣйшихъ членовъ общины и родителей. Отличившіеся ученики получаютъ въ награду полезныя книги.

§ 8. Пасторъ и общинный совѣтъ, по дѣламъ школы, подлежатъ, въ первой инстанціи, вѣдѣнію а) главнаго уѣзнаго

судьи или окружного начальника (въ вѣдѣніи его находится полицейская часть по уѣзду) и б) уѣзднаго школьнаго инспектора.

Уѣздный судья завѣдываетъ всѣми дѣлами по постройкѣ и поддержкѣ школъ, налогами для содержанія школы, и жалованьемъ учителямъ въ томъ случаѣ, когда дѣло требуетъ судебного разъясненія. При ревизіи уѣзда онъ обязанъ осматривать школы, особенно относительно ихъ помѣщенія и исправности зданій.

Уѣздный школьный инспекторъ обыкновенно есть деканъ (благочинный) или другой кто-либо изъ духовенства, назначаемый учебнымъ совѣтомъ. На нихъ лежитъ самая *отельственная и существенная* часть надзора за всѣми школами ихъ округа; и они слѣдятъ за вѣрнымъ исполненіемъ предписанныхъ духовенству занятій. Чтобы узнать ихъ педагогическія способности и заставить заниматься этии дѣломъ, всѣмъ деканамъ каждые два года даются педагогическія задачи, письменное рѣшеніе которыхъ поступаетъ въ высшій учебный совѣтъ. Всѣ школы своего округа деканы должны посѣтить въ продолженіе двухъ лѣтъ; при чемъ они испытываютъ учениковъ, смотрятъ ихъ письменныя работы и вообще точнѣйшимъ образомъ узнаютъ состояніе школъ. При ревизіи декаи посѣщаетъ всѣ частныя учебныя заведенія и пансіоны, какъ мужскіе такъ и женскіе, и подвергаетъ испытанію дѣтей въ тѣхъ предметахъ, какіе назначаются для сельскихъ школъ.

При ревизіи декана замѣчательна также тайная ревизіи его, которая состоитъ въ томъ, что деканъ призываетъ къ себѣ отдѣльно пастора, учителя и общиннаго старшину и выслушиваетъ ихъ желанія и жалобы, и послѣ, не указывая именъ, старается уяснить несогласія, примирить недовольныя стороны и удовлетворить указаннымъ нуждамъ.

За свою ревизію (Schulvisitation) деканъ получаетъ извѣстную плату, именно за полный день 6—8 гульденовъ; за половинный 4—5, при чемъ, судя по отдаленности посѣщенныхъ имъ мѣстъ, онъ получаетъ прогоны.

Главный уѣздный судья и деканъ вмѣстѣ составляютъ также особое присутственное мѣсто, въ которое поступаютъ дѣла по проступкамъ лицъ, принадлежащихъ по службѣ къ школамъ; председатель въ этихъ случаяхъ—уѣздный судья.

§ 9. Назначеніе учителей, испытаніе ихъ, программа знаній, которыя требуются отъ школьныхъ учителей—все это зависитъ отъ высшаго учебнаго совѣта или консисторіи. Консисторія есть высшее правительственное мѣсто по дѣламъ протестантской церкви и школы. Составъ консисторіи слѣдующій:

1) *Президентъ* — свѣтское лице. 2) Пять *ординарныхъ соельмниковъ*; изъ нихъ *трое* духовныхъ и *двое* свѣтскихъ. 3) *Два прелата*, состоящіе въ качествѣ экстраординарныхъ совѣтниковъ. 4) *Два ассессора*,—одинъ свѣтскій, другой духовный.

На этомъ присутственномъ мѣстѣ лежитъ обязанность основывать заведенія для приготовленія школьныхъ учителей и избирать лицъ, способныхъ частнымъ образомъ готовить учителей. Способъ приготовленія школьныхъ учителей слѣдующій:

По достиженіи 14 лѣтъ (терминъ сельскихъ школъ) юноша обращается съ просьбою къ декану, выражая желаніе посвятить себя званію школьнаго учителя. Къ прошенію прилагается 1) метрическое свидѣтельство о крещеніи, 2) свидѣтельство мѣстнаго пастора, 3) свидѣтельство учителя школьнаго о прилежаніи и способностяхъ, 4) свидѣтельство врача о состояніи здоровья и 5) оспенное свидѣтельство. Деканъ, подвергнувъ первоначальному испытанію кандидата, съ уча-

стіемъ школьнаго учителя, отсылаетъ просьбу въ консисторію. За тѣмъ онъ поступаетъ на два года въ учительскую семинарію.

Но возможенъ и другой ходъ дѣла; кандидатъ можетъ готовиться подъ руководствомъ пастора или школьнаго учителя, назначенныхъ для того, и по истеченіи двухъ лѣтъ является уже прямо сдавать экзаменъ на школьнаго учителя. Въ этомъ случаѣ учительская семинарія требуетъ свидѣтельство о двухъ-лѣтнихъ занятіяхъ при указанныхъ нами лицахъ.

Программа учительской семинарія, обязательная и для всѣхъ готовящихся на сторонѣ, слѣдующая:

Въ религіи или законѣ Божіемъ отъ учителя требуется, чтобы онъ зналъ порядокъ и раздѣленіе Библии, цѣль и содержаніе каждой книги Священнаго Писанія; знакомъ былъ съ историческими книгами В. Завѣта; съ псалмами и пророками. Особенно требуется отъ него знаніе Евангелія, Дѣяній апостольскихъ и Посланій. Кандидаты должны твердо знать наизусть Лютеровъ катихизисъ, также пѣсни церковныя и изреченія, которыя предписано дѣтямъ учить наизусть; въ нравственномъ вѣроученіи онъ долженъ знать настолько, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ умѣть представить въ поясненіе мѣсто изъ катихизиса и изреченій Св. Писанія (Spruchbuch). Отъ него требуются нѣкоторыя познанія въ ученіи о вѣроисповѣданіяхъ и отличіяхъ одной Церкви отъ другой. Въ церковной исторіи онъ обязанъ знать не болѣе, сколько получилъ самъ, учившись въ сельской школѣ.

Замѣтимъ еще, что при преподаваніи краткой географіи онъ долженъ преимущественное вниманіе обращать на карту Палестины, и затѣмъ на карту своего отечества.

Въ музыкѣ отъ него требуется *пльміе правильное* церков-

ныхъ пѣсней, умѣнье проиграть на скрипкѣ легкія, церковныя пѣсы, для обученія дѣтей пѣнію, и умѣнье играть на органѣ. Всѣ эти свѣдѣнія онъ долженъ имѣть настолько, чтобы удовлетворить существеннымъ нуждамъ школы; и правильное устройство школъ, хорошо составленныя хрестоматіи (Lesebuch) и учебныя пособія дѣлаютъ то, что готовящіеся въ школьныя учителя, вездѣ имѣютъ возможность приготовиться къ удовлетворительному прохожденію должности.

P...

ЕЩЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Въ Рѣшиловскомъ дѣлѣ мы сообщили довольно свѣдѣній о печальной судьбѣ преосвященныхъ Теофилакта Лопатинскаго и Платона Малиновскаго.

Невинные и несчастные страдалцы при императрицѣ Аннѣ, сперва томившіеся нѣсколько лѣтъ въ Петропавловской крѣпости, потомъ лишенные одинъ—архіерейства, священства и монашества, другой—архимандритскаго сана, священства и монашества, наконецъ сосланные въ заточеніе,—одинъ въ Выборгъ, другой въ Сибирь, оба они однакожь дожили до лучшихъ дней, если не для себя, то для народа, изъ котораго они выдѣлились и выступили въ пользу общаго и святаго дѣла Церкви. Исторія хранитъ и навсегда сохранитъ благоговѣйную память объ нихъ, какъ объ исповѣдникахъ и мученикахъ, явившихъ въ тяжелое время Биронщины горячую силу вѣры и духа и пострадавшихъ за святая убѣжденія свои и] своего народа.

Въ дѣлахъ государственнаго архива мы нашли объ нихъ еще нѣсколько весьма любопытныхъ свѣдѣній, которыми и дѣлимся съ нашими читателями.

Сообщаемая нами переписка Теофилакта Лопатинскаго и синодскій докладъ по его дѣлу относятся къ началу его служенія еще въ званіи архимандрита, впрочемъ бывшаго уже синодальнымъ членомъ. Прошеніе жъ Platона Малиновскаго къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ относится къ служенію его, уже по возвращеніи изъ ссылки, въ санѣ епископа.

1) ДОНОШЕНІЕ СВЯТѢЙШЕМУ СИНОДУ ЧУДОВСКАГО АРХИМАНДРИТА
Теофилакта.

Увѣдавъ я, нижеподписавшійся, что Его Пресвѣтлѣйшаго Императорскаго Величества о избраніи во Иркутскъ архіерея апостольское и, рещи возможно, самое божественное желаніе есть, и видя мало дѣлателей на оную многую жатву угодныхъ, да и просто на самое оное епископство, безъ дѣла ему сопряженнаго, аки на едино тѣло безъ души озирающихъ не многихъ охотниковъ, которые на тамошній архіерейскій санъ избраніе вмѣсто ссылки себѣ вмѣняють, держа правительствующему святѣйшему Синоду на сіе честное и святое служеніе свою объявити охоту, надѣясь, что мнѣ сіе дерзновеніе не вмѣнится въ любочестіе, ибо смнѣ болѣзнующій не иркутскаго, но инаго поближе Москвы желаютъ епископства. Къ тому я и на Москвѣ, по милости императорской и благоизволенію святѣйшаго правительствующаго Синода, ни въ голышахъ, ни въ бобыляхъ обрѣтаюсь. Не любочестіемъ убо подстрекаемъ, ни иною какою страстію побѣждаемъ, но единою къ Богу и ближнему любовію подвигаемъ, отзываюся съ моею на то охотою. Уповаю бо на Всесильнаго помощь къ доброму дѣлу, которая всегда всякому отъ Него готова есть, что возмогу тамо послужити

сему богоугоднѣйшему Его Императорскаго Величества намѣренію, то-есть человѣческихъ душъ кровію Христовою искупленныхъ, купно и своему притомъ спасенію.

Святѣйшаго правительствующаго Синода всенижайшій
 послушникъ сослужитель и богомолецъ
 Теофилактъ архимандритъ чудовскій.

Іюня 14 дня.

- 2) Всеподданнѣйшій докладъ св. Синода съ представленіемъ
 кандидатовъ на Иркутскую епископію.

Всеимлостивѣйшій Государь.

Понеже, по имянному Вашего Величества указу изъ нынѣшняго походу, за собственноручнымъ Вашего Величества подписаніемъ къ намъ присланному, повелѣно въ Иркутскъ поставивъ во архіереа, послать такого, который бы ученъ былъ для обращенія тамошнихъ народовъ, того ради въ Синодѣ усмотрѣли мы удобныхъ, по нашему мнѣнію, на такую службу двухъ человѣкъ, а именно: изъ Кіевопечерскаго монастыря архимандрита Іоанникія Сенютовича и корабельнаго флота оберъ-іеромонаха Рафаила Заборовскаго. А подъ сей случай совѣтникъ синодальной чудовскій архимандритъ Теофилактъ Лопатинскій подалъ въ Синодѣ доношеніе съ объявленіемъ своей на оное честное и святое служеніе охоты, которую и предъ симъ словесно Синоду, въ бытность еще въ Москвѣ Вашего Величества, объявлялъ, о которомъ, яко о потребномъ въ Синодѣ, докладать бы Вашему Величеству и не посмѣли. Но понеже нынѣ усердную свою на помянутое служеніе охоту и письменно объявилъ: того ради, не возмогше о себѣ умолчать, Вашему Величеству и объявля-

емъ, и со онаго ево доношенія посылаемъ въ кабинетъ Вашего Величества копію, требующе благоразсмотрительной Вашего Величества резолюціи.

Вашего Величества низжайшіи богомольцы
(слѣдуютъ подписи синодальныхъ членовъ)

Изъ Москвы,
іюня въ 24 д. 1722 года.

Письмо чудовскаго архимандрита Ѳеофилакта къ кабинетъ-
секретарю А. В. Макарову.

Государь мой Алексѣй Васильевичъ.

Отъ высочайшія резолюціи, въ святѣйшій правительствующій Синодъ съ нынѣшняго походу присланныя, уразумѣвъ я, каковаго въ иркутскую епархію кандидата желаетъ Его Императорское Величество, дерзнулъ свою на то охоту доношеніемъ объявити святѣйшему правительствующему Синоду, по которому доношенію моему, и вспомянуто о мнѣ въ письмахъ къ вамъ и самому Милостивѣйшему Государю нашему отсюду посланныхъ. Надѣюсь я на помощь всеильнаго Бога, Котораго непреоборимая сила въ немощахъ чловѣческихъ совершается, что возмогу послужити святѣйшему и богоугоднѣйшему Его Священнѣйшаго Величества намѣренію, сирѣчь спасенію душъ чловѣческихъ, которыя въ христіанскомъ православномъ государствѣ напрасно погибаютъ, не безъ страха праведнаго отомщенія Божія на нерадѣющихъ о томъ, и не безъ поношенія и укоризны Церкви нашей отъ иновѣрныхъ, иже не токмо въ своихъ государствахъ, но и за рубежи въ ханскія, индійскія, японскія и прочія далѣчайшія страны шрежи сзоея проповѣди прости-

рають. То разсуждая святѣйшій правительствующій Синодъ хотя и жаелаетъ мнѣ при немъ не отлучну быти, однакожь ради таковыя превеликія нужды соизволяетъ мнѣ отпустить на сіе изряднѣйшее служеніе, и хотя ярыхъ кандидатовъ и положили, обаче отъ нихъ не надѣются жаелаемыя пользы; понеже не надѣются на то ихъ охоты, безъ которыя доброму дѣлу быти невозможно. Мнози бо не токмо Иркутское, но и сибирское архіерейство вмѣняютъ себѣ вмѣсто ссылки. Аще бы кто возмнѣлъ о мнѣ, что я и на Москвѣ или поближе ея гожуся или потребенъ буду, тотъ кромѣ того, что обманулъ бы себѣ, легко бы себѣ ставилъ спасеніе душъ человѣческихъ, аки меньшее здѣшняго какова-нибудь служенія, гдѣ слава Богу есть довольно людей учительныхъ и дѣльныхъ, и еще удобнѣе умножатися могутъ, а тамо весьма нѣтъ, а жатва многа. Да и прицѣръ можно взяти отъ Римлянъ, которые на таковыя служенія самыхъ лучшихъ посылаютъ, да и въ дому обрѣтаются образцы; ибо во время прешедшія войны потребенъ былъ при корпусѣ воинскомъ и походѣ фельдмаршалъ: однакожь, ради нужды случившіяся отъ измѣнниковъ, посланъ былъ отъ корпуса въ Астрахань, а не иной кто поплосе его, который сдѣлавъ дѣло и возвратился. Такъ возможно разумѣти и о сей духовной экспедиціи. Кромѣ сего можетъ быти нѣкая польза и отъ близкости съ Китаемъ; тамо бо посланный епископъ можетъ требовати совѣта или иного чего къ своему званію потребнаго отсюда, и скорѣе чрезъ мене получать резолюцію. Аще же бы кто реклъ, что я ради епископства въ Иркутскъ расхотѣлся, тотъ да вѣдаетъ, что я и безъ епископства при иномъ какомъ-нибудь епископѣ быти тамо готовъ есмь: дѣла бо епископскаго, а не самаго епископства жаелаю. Того ради надѣюсь на твою, государь мой, древнюю

ко мнѣ милость, молю всеусердно благоволи государь воспріять о томъ попеченіе, дабы сіе мое желаніе, паче же Его Императорскаго Величества святое намѣреніе исполнилось, за что, яко къ доброму дѣлу содѣйствитель будещи причастникъ апостольскія изды отъ Господа, Его же азъ недостойный до кончины жизни моея долженствую молити о вашемъ здравіи и спасеніи. Ему же азъ купно съ собою вручая, пребываю вашего превосходительства государя и благодѣтеля моего

слуга низжайшій и богомолецъ

Феофилактъ архимандритъ чудовскій.

Государь не утвердилъ ни одного изъ представленныхъ кандидатовъ, и дѣло это, при жизни его, не возобновлялось больше. Ужь послѣ смерти его возвратился въ Иркутскъ, не принятый въ Китаѣ, преосвященный Иннокентій Кульчицкій, съ котораго и начинается рядъ иркутскихъ епископовъ.

4) Письмо крутицкаго архіепископа Платона Малиновскаго къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Всепресвѣтлѣйшая Самодержавнѣйшая Всемиловитѣйшая
Великая Государыня.

По высокомонаршему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, изволилъ писать ко мнѣ преосвященный Симонъ, епископъ псковскій, требуя письменнаго отъ мене извѣстія первое: о нынѣшнемъ здравіи моего состояніи, второе: ежели де приключившаяся немощь не препятствуетъ,—желаю ли я быть архіереемъ московскимъ; на что съ глубочайшею по-

корностію отвѣтствуя, воспріемлю дерзновеніе Вашему Императорскому Величеству всеподаннѣйше представить: что касается до болѣзни моея, то я больше въ безнадеждіи остаюсь, дабы мнѣ впредь возможно быть могло принѣти въ совершенное здравіе, и епаршескія всякія великія тяжести носить, послѣдовательно не только при московской, но и при крутицкой епархіи быть не желаю; а ежели бы за старостію моею, и неудобоицѣльною болѣзнію окончати прочее жизни своея на обѣщаніи моемъ въ Лавръ-Кіево-Печерской, ежели бы въ томъ воля Божественная и я бы возмогъ быть пожалованъ высокоmaterнею Вашего Императорскаго Величества монаршею милостію. О которой рабски прося, и повергая себѣ къ ногамъ Государыни моея, на ту едину по Бози уповаю.

Вашего Имп. В. Всеи. и. Гос.

всепод. р. и всегд. богом.

Смиренный Платонъ архіепископъ Крутицкій.

Изъ Москвы,
въ мартѣ, 1748 г.

Однакожь въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ переведенъ былъ въ Москву, гдѣ, послѣ шестилѣтняго правленія, и скончался 14 іюня 1754 г.

И. Чистовичъ.

ЗАМѢТКИ ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

ЯНВАРЬ

1862.

СОДЕРЖАНІЕ: Тысячелѣтіе Россіи—1862 годъ.—Нѣсколько словъ о положеніи духовенства въ отношеніи къ народному образованію.—*Внутренняя корреспонденція:* Письмо о воскресныхъ домашнихъ бесѣдахъ и о сельскихъ школахъ. *Свѣщ. І. Тихомирова.*—Письмо о воскресныхъ школахъ въ селахъ. *Свѣщ. І. Пуцкинского.*—*Заграничныя замѣтки:* Сочиненія Стурдзы.—О Шопенгауерѣ.—Проповѣдникъ Писмонъ.—Желанія неаполитанскаго духовенства.—Собравіе Евангелическаго Союза въ Галле 1-го октября.—Новѣйшія движенія піетизма въ Германіи.—Сборникъ церковныхъ сказаній объ апостолахъ.—Сочиненіе Кеплера о христіанскомъ лѣтосчисленіи.—*Новыя книги:* Жизнь графа Сперанскаго.—*Разныя извѣстія:* Прощаніе кievской духовной академіи съ профессоромъ Юркевичемъ.—Предположеніе о назначеніи въ должности благочинныхъ по выбору духовенства.—Письмо *проевѣщ. Макарія* въ Редакцію.—Богослужебные кановы на греческомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ.—Богослужебныя книги на греческомъ языкѣ.—Отъ Редакціи.

ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ РОССІИ

1862 ГОДЪ.

26 августа 1862 г. будутъ праздновать тысячелѣтіе Россіи: минула тысяча лѣтъ со времени возникновенія русскаго Государства.

Ровно столько же лѣтъ минуло со времени начала славянской грамоты и грамотности. Въ 862 году Великоморавскіе Славяне прислали въ Константинополь просить себѣ христіанскихъ учителей, которые «сказали бы имъ истины Вѣры словомъ роднымъ (въ языкъ свой)». Послѣдствіемъ посольства было порученіе двумъ братьямъ: Константину философу — въ иночествѣ *Кириллу*, и *Методію*, только что возвратившимся съ проповѣди изъ Козарь, хорошо знакомымъ

съ языкомъ славянскимъ (ибо они были родичи Солуна, гдѣ по выраженію имп. Михаила *чисто говорили по славянски*) — отправиться къ просившимъ просвѣщенія и наставленія «въ языкъ свой». Моравы не имѣли еще и письменъ для своего языка. Христіанскіе просвѣтители *составляютъ* и несутъ имъ славянскія письмена и славянское переложеніе Псалтири, Евангелія, Апостола и избранныхъ церковныхъ службъ; а на мѣсть — перелагаютъ на славянскій языкъ и прочія книги Вѣтхаго и Новаго Завѣта. Эти письмена и эти переложенія, *составленные* для моравовъ, послужили и намъ, при нашемъ обращеніи къ Православной Вѣрѣ, равно какъ и другимъ соплеменникамъ, разувѣвшимъ въ ту пору легче другъ друга, чѣмъ теперь, хотя и теперь нѣтъ другаго племени въ Европѣ, котораго бы члены, разбросанные по страшно огромнымъ пространствамъ, съ такою легкостію могли понимать другъ друга. (*О времени происхожденія Слав. письменъ—Бодянского*).

Такимъ образомъ: въ основу просвѣщенія славянства, слѣдовательно и нашего просвѣщенія—положена *священная и церковная письменность на родномъ языкѣ*; славянскіе просвѣтители — и наши просвѣтители. — 1862 годъ есть годъ двойнаго тысячелѣтняго юбилея Россіи — ея государственности и народной грамотности!

Не забыли ли мы нашихъ просвѣтителей?!

Не равнодушны ли мы и къ самому памятнику, ихъ трудами для насъ сооруженному? Отъ чего для нашего образованнаго общества языкъ церковно-славянскій сталъ будто не роднымъ языкомъ?. Только въ последнее время обратили нѣкоторое вниманіе на изученіе его въ свѣтскихъ училищахъ. А церковно-славянскій языкъ, какъ древнѣйшій, считается краеугольнымъ камнемъ славянской критической лингвистики и филологіи. Онъ долженъ быть изучаемъ всеми славянскими вѣтвями, даже въ собственномъ интересѣ каждой изъ нихъ. — Какъ онъ изучается въ духовныхъ училищахъ?

Въ нашихъ увѣдннхъ училищахъ преподается коротко славянская грамматика. Но что это за преподаваніе, — всякому изъ насъ извѣстно. Благодаря только церковной практикѣ, мы не отвыкли отъ пониманія священныхъ звуковъ...

Что удивительнаго, что мы не занимаемся славянствомъ и въ его церковныхъ судьбахъ? Многіе ли изъ насъ могутъ понимать письменность славянскихъ нарѣчій? Многіе ли могутъ свободно читать даже свои древнія рукописи? И откуда быть многимъ? Въ нашихъ семинаріяхъ и академіяхъ славянскій языкъ и литература не изучаются. На самую исторію Славянъ въ ряду исторіи другихъ народовъ почти не обращается вниманія. Специальнымъ свободнымъ занятіямъ дѣломъ славянства безъ особенныхъ цѣлей—окружающая насъ атмосфера вообще не благопріятствуетъ...

Мы не разъ говорили о необходимости серьезнаго изученія древней нашей письменности въ духовныхъ училищахъ. Хотя бы въ цѣляхъ высшаго ученаго образованія ввести изученіе церковно-славянскаго языка съ важнѣйшими изъ славянскихъ нарѣчій въ нашихъ академіяхъ—съ тысячелѣтней годовщины славянскаго просвѣщенія,—вспомнявши память славянскихъ просвѣтителей (*).

Тысячелѣтняя годовщина славянскаго просвѣщенія, въ основу котораго, какъ мы сказали, положена священная и церковная письменность на родномъ языкѣ, удивительно какъ близко сходитса съ недавнимъ временемъ сильно вѣсти у насъ почувствованной и ясно сознанный потребности имѣть всю Библію на понятномъ, современномъ русскомъ языкѣ. Мы съ самаго начала нашего изданія говорили и теперь повторяемъ, что дѣло переложенія Библии на современный русскій языкъ требуетъ строгой вѣрности переложенія древнихъ стихіямъ языка. Слѣдовательно эти стихіи требуютъ серьезнаго изученія.—Русская Библія, предназначенная для

(*) Память св. Кирилла и Меѳодія—11 мая.

домашняго употребленія, должна помочь возстановленію упадающаго знакомства съ Писаніемъ на церковно-славянскомъ языкѣ, слышимомъ въ церкви. Такимъ образомъ Слово Божіе, приемлемое разумно и сердечно, по прѣжнему легло бы въ основу дальнѣйшаго просвѣщенія Россіи въ новыхъ тысячелѣтія!

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПОЛОЖЕНІИ ДУХОВЕНСТВА ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Нельзя не порадоваться тому, съ какою силою пробуждается въ нашемъ сельскомъ духовенствѣ мысль о заведеніи воскресныхъ бесѣдъ или воскресныхъ школъ. Кромѣ двухъ, печатаемыхъ нами въ настоящемъ № «Православнаго Обозрѣнія», писемъ сельскихъ священниковъ, за послѣднее время намъ случалось слышать отъ многихъ сельскихъ священниковъ и діаконовъ предположенія и чаянья относительно воскресныхъ бесѣдъ и школъ. Видно, наше сельское духовенство не живетъ уже теперь день за день, заботясь только о формальномъ исполненіи своихъ обязанностей, о дѣлахъ хозяйственныхъ и семейныхъ; его также волнуютъ интересы общественные, нравственные, литературные. Нельзя не порадоваться этому пробужденію мысли и жизни въ духовномъ сословіи. Еще нѣсколько времени, еще нѣсколько благопріятныхъ обстоятельствъ, и тогда можетъ быть увидать всѣ наши недоброжелатели, что если до сихъ поръ участіе духовенства въ общественной дѣятельности у насъ мало было замѣтно, то это зависѣло не отъ неспособности нашей, и не отъ равнодушія къ общественнымъ интересамъ. Въ частности мы всей душой желаемъ возможно-лучшаго осуществленія прекрасной мысли о воскресныхъ бесѣдахъ, и съ удовольствіемъ готовы будемъ помѣщать на страницахъ нашего журнала извѣстія о ходѣ этого дѣла. Очень жаль только, что наши сельскіе священники и діаконы, при всемъ своемъ желаніи служить общественной пользѣ, слишкомъ робки въ своихъ

добрыхъ предпріятіяхъ, слишкомъ стѣснены и запуганы разными формальностями, нѣкоторые, напр., удерживаются отъ желанія завести воскресныя бесѣды съ прихожанами или частныя школы—изъ опасенія, какъ бы это не надѣлало имъ много хлопотъ у благочиннаго, или какъ бы начальство не увидѣло въ этомъ одного желанія похвастать или выказаться. Такое дѣло, какъ воскресная бесѣда съ прихожанами или домашняя школа, есть дѣло частное. И если какой-нибудь отставной солдатъ имѣетъ полное право, не сносясь ни съ кѣмъ, заводить у себя частныя школы, то тѣмъ болѣе священникъ и діаконъ имѣютъ право и обязанность содѣйствовать просвѣщенію прихожанъ. И если для этого дѣла нужно утвержденіе и благословеніе начальства, то уже конечно оно не можетъ возбуждать со стороны его какого либо запрещенія или подозрѣнія. Желательно было бы, чтобы относительно этого дѣла постановлены были опредѣленные, но какъ можно менѣе стѣснительныя правила. Во всякомъ случаѣ мы надѣемся, что мысль о воскресныхъ бесѣдахъ въ сельскихъ приходяхъ не пройдетъ безслѣдно, и сельскія воскресныя бесѣды могутъ быть будутъ имѣть болѣе успѣха, нежели воскресныя школы по городамъ.

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ и о воскресныхъ школахъ городскихъ, преимущественно столичныхъ—московскихъ и петербургскихъ. Уже нѣсколько времени повсюду жалуются на упадокъ ихъ, и какъ будто сбываются предсказанія тѣхъ дальновидныхъ господъ, которые при появленіи ихъ успокаивали другихъ недалковидныхъ и трусливыхъ людей тѣмъ, что это явленіе нисколько не опасно, оттого что не свое, а чисто подражательное, что нужно только ничего не предпринимать противъ нихъ, и онѣ черезъ полгода падутъ сами собою. Какъ жаль, что у насъ нерѣдко сбываются предсказанія непрогрессивныхъ людей относительно прогрессивныхъ стремленій молодаго поколѣнія. Какъ жаль, что наши прогрессисты нерѣдко сами мараютъ свое

знамя, и даютъ поводъ смѣяться надъ своими стремленіями.

Въ послѣднее время у нѣкоторыхъ приходитъ къ сознанию одна изъ причинъ упадка нашихъ воскресныхъ школъ. Эта причина—неясность цѣли, неопредѣленность, шаткость, даже прямая противорѣчія въ преподаваніи воскресныхъ школахъ. «Воскресная школа—частное свободное учрежденіе. Здѣсь не имѣютъ мѣста ни программы, составленныя правительствомъ, ни преподаватели, назначаемые официально. Здѣсь можетъ преподавать всякій, кто чувствуетъ себя способнымъ и желаетъ послужить дѣлу народнаго образованія». Все это такъ; но что же будетъ, если въ одной и той же воскресной школѣ нѣсколько преподавателей будутъ дѣйствовать не только безъ всякаго общаго направленія, не только врозь—независимо другъ отъ друга, но даже въ прямомъ враждебномъ противорѣчій другъ съ другомъ, когда одинъ будетъ разрушать то, чтó созидаетъ другой. А это-то къ сожалѣнію и открылось въ нашихъ воскресныхъ школахъ.

Многіе изъ разныхъ прогрессистовъ жалуются на то, что священники завладѣли вліяніемъ въ воскресныхъ школахъ, что они наблюдаютъ полицейски за всѣми другими преподавателями, и, при своей слѣпотѣ и мраколюбіи, не только сами не стараются разсѣивать народныхъ предрасудковъ, но даже препятствуютъ высказаться всякой ясной и здравой мысли,—что при нихъ *лазр.* нельзя высказать даже такой невинной истины, что громъ можно объяснить естественными причинами, что земля движется вокругъ солнца, что человѣкъ имѣетъ отношеніе къ почвѣ, на которой живетъ и пр. Оттого будто школы падаютъ, преподаваніе, связанное полицейскимъ надзоромъ, тянется вяло, люди, наиболѣе годные для этого дѣла, теряютъ всякую энергію и бросаютъ дѣло, а схоластическое преподаваніе самихъ священниковъ само отбиваетъ у всѣхъ охоту посѣщать воскресныя школы.

А другая сторона говоритъ, будто многіе молодые люди слишкомъ прогрессивнаго образованія берутся преподавать

въ воскресныхъ школахъ не за тѣмъ, чтобы научить народъ грамотѣ или хоть чему нибудь (на что у нихъ нѣтъ ни усердія, ни знанія, ни способности принаровляться къ понятіямъ народнымъ), а только для того, чтобы пустить пылъ въ глаза разными либеральностями, которые, подъ видомъ разсѣянія народныхъ предрасудковъ, стараются колебать въ народѣ самыя святыя религіозныя и нравственныя понятія, самыя коренныя связи семейныя и общественныя, и притомъ безъ всякихъ основаній, безъ яснаго сознанія,—что преподаваніе такихъ господъ дѣйствительно требуетъ надзора надъ собою не только со стороны распространяемыхъ ими теорій и взглядовъ, но просто со стороны требованій здраваго смысла, но въ настоящее время никакой контроль надъ ними невозможенъ, потому что они прикрываются священнымъ знаменемъ истины, свободы,—никто не можетъ сказать имъ никакого замѣчанія безъ опасенія прослыть обскурантомъ или доносчикомъ,—и они продолжаютъ распространять свои легкомысленныя и вредныя мнѣнія. При этомъ они еще стараются колебать въ слушателяхъ всякое довѣріе къ преподавателямъ другаго направленія,—научаютъ мальчиковъ насмѣхаться надъ священникомъ, и въ виду преподаванія Закона Божія вступаютъ съ законоучителями въ соблазнительные споры относительно священныя истины. Оттого будто и школы падаютъ; народъ теряетъ всякую охоту посѣщать ихъ и посылать въ нихъ своихъ дѣтей, видя, что въ этихъ школахъ одно празднословіе и пустомысліе, а ничему святому, доброму и полезному научиться нельзя.

Мы не будемъ разбирать здѣсь, на чьей сторонѣ больше правды. Мы замѣтимъ только, что каждая сторона относится къ другой пристрастно и преувеличенно,—и при этомъ у каждой замѣчается неприличная тенденція усвоить одной себѣ привилегію слова, а другую заставить совсѣмъ молчать какими бы то ни было средствами. Отсюда-то является здѣсь

и насмѣшки однихъ преподавателей надъ другими и доносы и проч.

Очевидно, что при такомъ порядкѣ дѣлъ воскресныя школы всегда будутъ напоминать собою Крыловскую басню: «ракъ, щука и лебедь». А не лучше ли всѣмъ ревнителямъ народнаго образованія, согласнымъ въ добромъ желаніи просвѣщать народъ, но несогласнымъ въ мнѣніяхъ, какъ и чѣмъ нужно просвѣщать его, вмѣсто того, чтобы ссориться, браниться, мѣшать другъ другу, не лучше ли разойдтись, и дѣлать каждому свое дѣло по своему крайнему убѣжденію и совѣсти?.. И если самъ священникъ открываетъ школу, то онъ имѣетъ полное право требовать, чтобы въ его школѣ религиозное образованіе положено было въ основу всему, принимать къ себѣ въ помощники по преподаванію только людей одинаковаго съ нимъ образа мыслей, а людей другаго направленія лучше вовсе не принимать, нежели принявъ, наблюдать за каждымъ ихъ словомъ, и стѣснять ихъ во всемъ.

«Воскресная школа—учрежденіе частное. Въ ней не имѣютъ мѣста программы, составляемыя правительствомъ.» Но въ ней можетъ и должно быть единство въ направленіи и цѣли преподаванія. Пусть люди одного направленія, близко знающіе другъ друга, соберутся и устроятъ одну школу, а люди другаго направленія другую,—и каждое пусть дѣлаетъ свое дѣло, не стѣсняя другаго, по и не стѣсняясь другимъ.

Люди, признающіе значеніе религіи въ нравственной жизни народа, пусть присоединяются къ такимъ школамъ, въ которыхъ Законъ Божій полагается въ основу образованія,—и присоединившись, пусть уже не смущаются присутствіемъ священника въ школѣ. А тѣ, по мнѣнію которыхъ въ воскресныхъ школахъ нужно преподавать напр. только естественныя и историческія науки, пусть составляютъ свою школу.....

А какая школа болѣе удовлетворитъ потребностямъ народнымъ, пусть рѣшитъ самъ народъ. Гдѣ преподаваніе будетъ

болѣе соответствовать народнымъ потребностямъ, куда конечно народъ и пойдетъ. И мы увѣрены, что въ тѣхъ школахъ, гдѣ Законъ Божій не будетъ преподаваться, гдѣ напротивъ подъ видомъ искорененія предрассудковъ будутъ колебать религіозныя и нравственныя убѣжденія народа,—въ этихъ школахъ едва ли будетъ много посѣтителей. Да, мы увѣрены въ этомъ, вопреки мнѣніямъ нѣкоторыхъ господъ, распускающихъ молву, будто и народу неприятно видѣть священника въ воскресныхъ школахъ, какъ это неприятно имъ самимъ.

Напрасно подобные господа навязываютъ народу свои мнѣнія, симпатіи и антипатіи. Если бы они вздумали на самомъ дѣлѣ обратиться съ ними къ народу, то увидѣли бы, что жестоко ошибаются.

Вотъ еще нѣкоторые думаютъ, что въ сельскихъ школахъ у насъ дѣло идетъ неудовлетворительно оттого, что они находятся въ рукахъ духовенства,—хотѣли бы помочь горю рѣшительнымъ устраненіемъ духовенства отъ вліянія на народное образованіе. Право, какъ-то уже совѣстно и опровергать такое мнѣніе. Но объ этомъ—въ слѣдующій разъ.

О ВОСКРЕСНЫХЪ ДОМАШНИХЪ БЕСѢДАХЪ И О СЕЛЬСКИХЪ ШКОЛАХЪ.

(Письмо въ редакцію)

Вотъ я меня Пастыреначальникъ нашъ Исусъ Христосъ, для блага своихъ словесныхъ овецъ, вразумилъ отереть школу въ собственномъ моемъ домѣ, для крестьянскихъ дѣтей, и учредить въ домахъ крестьянъ праздничныя духовныя собесѣдованія со взрослыми и пожилыми прихожанами обоюга пола, и помочь мнѣ привести это въ исполненіе. Я хочу сообщить свѣдѣніе о началѣ, ходѣ и успѣхахъ новой пастырской моей дѣятельности и высказать свои мысли по этому предмету.

Съ наступленіемъ осени наши земледѣльческія дѣла прекращаются; въ глубокую осень и зимою мы почти безъ дѣла; церковная служба только по праздникамъ, требы въ моемъ маломъ приходѣ очень рѣдки, да и тѣ—крестьяне, большею частію, подгоняютъ къ праздникамъ; выйти не-куда, иногда и почитать нечего... Зимою, когда весь домъ завесетъ снѣгомъ, сидишь дома и горюешь, какъ будто заключенный узникъ. Убивая время въ бездѣйствіи, бывало, ждешь не дождешься какъ бы прошелъ день и длинный вечеръ.... Теперь совсѣмъ не то. Томительнаго однообразія въ жизни не стало. Занятіе съ учениками и праздничная бесѣда съ прихожанами прогоняютъ мучительную скуку, указываютъ дѣла длиннымъ вечерамъ, научаютъ меня цѣнить время и дорожить имъ къ пользѣ вѣранныхъ моему попеченію молодаго поколѣнія и взрослыхъ членовъ Христовой церкви. А эта дѣятельность сопровождается какими сладостными ощущеніями для моего сердца, и сколько приноситъ удовольствія и моимъ питомцамъ, и моимъ праздничнымъ собесѣдникамъ! Дай Богъ, чтобы больше нашихъ сельскихъ собратовъ одумались и, опытно извѣдавши животворную силу такой дѣятельности, встали за нее дружно, смѣло и твердо; такимъ образомъ мы явились бы сугубыми благовѣстниками вѣры и просвѣщенія отечественнаго—каждый въ своемъ приходѣ.

Мы почтены высокимъ саномъ и призваны къ пастырскому служенію не для того только, чтобы совершать спасительныя таинства, отправлять церковныя службы и требы: эти священныя обязанности могутъ исполнять, и прежде исполняли, свято и ненарушимо люди безъ всякаго образованія, умѣющіе только читать и писать; а насъ къ должности пастырской церковь дѣятельно заботилась приготовить довольно многостороннимъ образованіемъ. Послѣ сего, не въ правѣ ли она ожидать отъ насъ болѣе полезнаго служенія ей,—видѣть насъ просвѣтителями людей темныхъ, воспитателями и руководителями вѣряемыхъ намъ чадъ къ правильному свисканію благъ временныхъ и вѣчныхъ? Иристонъ—сколькихъ трудовъ и усилій и какого терпѣнія стоило намъ семинарское образованіе, при нашихъ скудныхъ средствахъ къ содержанію! Всѣ матеріальные недостатки своего содержанія мы переносили тогда съ благодушіемъ, и на всѣ труды для успѣха въ наукахъ рѣшались съ охотою и усердіемъ, и, кончивши курсъ семинарскихъ наукъ, получили священство. Ужели теперь цѣль нашего многотруднаго образованія совершенно до-

стигнута мы можемъ, безъ упрека совѣсти, оставить приобретенныя знанія безъ приложенія къ дѣлу, и спомойно забывать ихъ?.. Правительство въ настоящее время особенно озабочено образованіемъ русскаго народа къ сохраненію его вѣры во всей чистотѣ и неповрежденности и улучшенію его вѣшняго быта и нравственности; но ему, среди множества занятій, вызываемыхъ нашимъ временемъ, трудно успѣть въ этомъ. Успѣха въ здравомъ просвѣщеніи русскихъ поселянъ болѣе всего можно ожидать отъ насъ, сельскихъ пастырей,—отъ нашего полнаго сочувствія къ этому дѣлу, усердія и старанія. И общество ожидаетъ отъ насъ такихъ подвиговъ любви и благотворительности въ пользу сельскихъ населеній, страдающихъ отъ умственной бѣдности. Оно надѣется, что «отъ нашего горячаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія одинаково много выиграютъ и вѣра и просвѣщеніе, соединенныя въ святой союзъ: вѣра, положенная въ основаніе просвѣщенія, не найдетъ себѣ противника и при завершеніи его; просвѣщеніе, въ свою очередь, получить въ нашихъ рукахъ жизнь и силу,—согрѣваемое и оживляемое вѣрой, и, постепенно увеличиваясь въ объемъ, ровно и твердо поведетъ нашъ народъ къ счастью временному и блаженству вѣчному».

Теперь и для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости своихъ владѣльцевъ, наступила пора уразумѣть пользу образованія своихъ дѣтей. Прежде, находясь подъ принудительнымъ руководствомъ своихъ владѣльцевъ, они не ощущали особенной потребности для своего быта въ грамотности. Грамотность имѣла мало приложенія къ обыденнымъ ихъ земледѣльческимъ и хозяйственнымъ занятіямъ. Правилкомъ ихъ дѣятельности была воля помѣщика и обычай старины. Распорядиться временемъ по своему усмотрѣнію—они не могли. Притомъ дѣти, при частыхъ поголовныхъ отлучкахъ изъ дома всѣхъ совершеннолѣтнихъ на полевые и разныя господскія и свои собственныя работы, почти постоянно нужны были дома—для услуги и присмотра за больными или за младенцами, или для пособія въ работахъ. Посему не удивительно то, что помѣщичьи крестьяне были какъ-то глухи на гласъ, призывающей дѣтей ихъ къ грамотности и образованію. «На что намъ грамота, обыкновенно говаривали они,—хоть умѣй звѣзды съ неба хватать, а все будущее ходить на барщину; а на барщинѣ-то всѣмъ почетъ равенъ и дѣло одно—и грамотѣмъ и намъ, людямъ слѣпить. Лучше посадить мальчишку за какое-нибудь ремесло, или отдать

въ мастеровые на фабрику, пока до тягла—коли дома не ну-
жень: известное дѣло—все копѣйку добудеть» (*). Но вотъ иъ-
является ихъ быть и—лишь только полагается начало свободному
ихъ труду и пользованію временемъ—они уже являются съ
инымъ взглядомъ на образованіе, сознають и видятъ пользу и не-
обходимость грамотности—для улучшенія своего быта домашня-
го, для службы общественной. Должностныя лица новаго крестъ-
янскаго волостнаго правленія, избранныя изъ среды крестьянъ,
трубятъ всѣмъ и каждому, какъ мало значить теперь старая
бирка, и какъ трудно имъ, неграмотнымъ, исправлять разно-
стороннія, возложенныя на нихъ обществомъ, обязанности. И
что же сдѣлалось? Въ короткое время, у насъ многія тысячи
крестьянскихъ дѣтей частію получили, частію получаютъ обра-
зованіе подъ руководствомъ духовенства (**). Это ясно свидѣ-
тельствуешь о силѣ пробудившагося желанія въ простомъ народѣ
выйти изъ тьмы невѣденія въ свѣтъ разумнія, и улучшить свое
благосостояніе путемъ грамотности и образованія.

Впрочемъ, тотчасъ же приводить въ исполненіе пробудившееся
желаніе увидѣть дѣтей своихъ грамотными и за тѣмъ болѣе по-
лезными дѣятелями домашними и общественными—помѣщичьи
крестьяне еще затрудняются недостаткомъ въ матеріальныхъ
средствахъ, нужныхъ для сего дѣла. Мои прихожане, на мое
внушеніе о послѣдномъ образованіи дѣтей своихъ, отвѣчали: «Мы
и сами теперь видимъ, что грамота нужна нашимъ дѣтямъ: то-
ли дѣло грамотный,—изъ книгъ наберется ума-разума, все запи-
шетъ, больше будетъ знать; можетъ, лучше станетъ и Бога по-
мнить и насъ, родителей, почтять, и скорѣе кусокъ хлѣба себѣ
найдетъ,—куда ни пошелъ, за что ни взялся—на всякое дѣло
годится. Но еще время тому не пришло. Теперь и безъ того

(*) Само собою разумѣется, что оброчные крестьяне, занимаясь тор-
говлею, фабрикаціями, руководствіями, способнѣе были видѣть пользу гра-
мотности; и потому—особенно въ зажиточныхъ домахъ—между ними
грамотность—явленіе не-такъ рѣдкое.

(**) Укажемъ, для примѣра, только на двѣ губерніи: въ черниговской
епархіи, въ теченіи одного 1860 года, открыто мѣстными священниками
769 школъ; въ нихъ мальчишковъ 5777, дѣвочекъ 1292. Въ кievской всѣхъ
училищъ теперь 1065; въ нихъ 17,397 мальчишковъ и 3723 дѣвочки. См.
Церк. Лѣт. въ Дух. Бесѣдѣ 1861, стр. 649—656. «Христ. Чт.» 1862,
кн. сент., стр. 171—205.

нуждъ много. Надо очистить старые недовымки барскіе,—заплатить за этотъ годъ оброкъ.... Да къ тому же явились у насъ новыя расходы—по новому управленію; а взятыя вовсе не чѣмъ, хотъ послѣднюю корову вели со двора: сѣна-то нынче изъ годовъ вонъ: на одно-то тягло на буренку не накосили; съ яроваго нныя и сѣмень не взяли; и семена взяты въ долгъ—все нужно отдать. Нѣтъ, теперь и думать нечего, и безъ того голова кругомъ идетъ. Вотъ Богъ дастъ голокъ, другой поживемъ на своей волькѣ, поправимся: тогда и о дѣтяхъ позаботимся; а начальство, можетъ, тамъ, и училище заведетъ у насъ.» И точно, прихожане говорили сущую правду. Настоящее время переходнаго состоянія для нихъ, какъ и для многихъ другихъ крестьянъ, очень тяжело, особенно по случаю нынѣшняго неурожая. Многимъ хотъ и хотѣлось бы обучать дѣтей своихъ грамотѣ, но на деньги они теперь не въ состояніи. И трудно намъ, священникамъ, найти теперь между подмосковными крестьянами какія либо средства къ вознагражденію за обученіе дѣтей ихъ.

Конечно, эта трудность, съ теченіемъ времени, облегчится и устранился и распоряженіями правительства и болѣе твердымъ сознаніемъ и убѣжденіемъ крестьянъ въ необходимости и пользѣ образованія. Но ужели намъ, пастырямъ церкви, обязаннымъ всегда бодрствовать на стражѣ словесныхъ овецъ своихъ, и находить свое благо въ ихъ благѣ,—нужно ждать того времени,—до тѣхъ поръ оставить дѣло образованія своихъ прихожанъ? Нѣтъ, необходимо принять живое и дѣятельное участіе въ томъ благородномъ дѣлѣ немедленно, совершенно добровольно, во имя истинной ревности къ просвѣщенію, во имя христіанской братской любви къ бѣднымъ дѣтямъ, безвозмездно (благо-желаютъ родители обучить дѣтей своихъ),—пока мы живы и силы наши свѣжи—пожертвовать, по возможности, и своими средствами, и своимъ трудомъ и временемъ для пользы своихъ прихожанъ. Пусть наше добровольное занятіе съ учениками не приноситъ намъ матеріальныхъ выгодъ и улучшенія довольно скудныхъ средствъ къ нашему содержанію, только бы не стѣснялось ово формальностію школъ. Прихожане оцѣнятъ наше искреннее доброжелательство, наши безкорыстные труды, подъятыя для ихъ пользы, и намъ придется отъ нихъ получить гораздо высшую награду—душевное расположеніе и признательность къ намъ, и ихъ теплыя молитвы за насъ ко Всевышнему.—Изъ періодическихъ духовныхъ и свѣтскихъ изданій видно, что уже не мало добрыхъ сель-

скихъ пастырей добровольно вступили на поприще религиозно-нравственнаго образованія простолюдиновъ. Не можемъ мы сравняться съ другими по душевнымъ способностямъ и въ жертвѣ матеріальными средствами: постараемся по крайней мѣрѣ, выразить вмѣстѣ съ ними свое сочувствіе къ общепользному дѣлу, и не отстать отъ нихъ въ стремленіи, готовности и усердіи потрудиться въ томъ же дѣлѣ по нашей возможности. Вѣдь, нельзя сказать, что немногосложное дѣло христіанскаго образованія приходскихъ дѣтей простаго народа намъ несподручно, и что мы неспособны и не приготовлены къ этому дѣлу: оно не спрашиваетъ отъ насъ особыхъ дарованій и высокой учености. Намъ стоитъ только взяться за него съ усердіемъ и терпѣніемъ,— и трудъ каждаго изъ насъ, сельскихъ священниковъ, не будетъ тощъ: сѣмя, бросаемое хотя слабою рукою на молодая почвы, не остается безплодно: дѣти мало по малу получаютъ отъ насъ религиозное направленіе безъ суевѣрія, и въ поведеніи своемъ, время отъ времени, освободятся отъ дурныхъ привычекъ и наклонностей, съ которыми они бывають часто въ семействѣ при своихъ родителяхъ. Такимъ образомъ мы, хотя и при посредственныхъ своихъ душевныхъ силахъ, но съ запасомъ довольно твердыхъ и основательныхъ духовно-религиозныхъ свѣденій, приготовимъ и добрыхъ христіанъ, и семьянъ, и добрыхъ дѣателей въ службѣ общественной.

Вслѣдствіе такихъ размышленій, я рѣшился болѣе не медлить принятіемъ на себя должности сельскаго учителя и домъ свой сдѣлать хотя малымъ разсадникомъ знанія, и объявилъ прихожанамъ свое желаніе и усердіе заняться обученіемъ дѣтей ихъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, въ своемъ собственномъ домѣ, бесплатно, и на мои издержки завести необходимыя книжки, аспидныя доски, бумагу, перья и пр. Вѣсть эту съ радостію приняли крестьяне деревни Подушкиной, въ полверстѣ отъ моего дома, и крестьяне приписнаго села Вешекъ, въ двухъ верстахъ, и почти всѣ выразили желаніе привести ко мнѣ дѣтей своихъ—мальчиковъ, отъ 7 до 13 лѣтъ. Теперь въ школѣ моей обучается 18 мальчиковъ, и 1 дѣвочка. Въ слѣдующемъ мѣсцѣ придутъ въ нее еще мальчиковъ 5 или 6. Дѣвочекъ, не смотря на всѣ убѣжденія мои, родители не соглашаются отдать въ школу—удерживають ихъ при себѣ для постоянной помощи въ бумагомотаніи, этомъ единственномъ зимнемъ средствѣ многихъ крестьянъ къ своему пропитанію. Изъ послѣдняго селенія моего прихода, де-

ревни Згонниковъ—въ трехъ верстахъ отъ моего дома, крестьяне видятъ большое затрудненіе для своихъ дѣтей ходить ко мнѣ по дорогѣ, рѣдко когда накатанной зимою.

Ученіе въ моей школѣ началось съ 20 октября прошлаго 1861-го года, и продолжается ежедневно два раза въ день до-и послѣ обѣда, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Предметы занятій избраны мною самые необходимыя, именно: 1) чтеніе по славянской и гражданской печати и чистописаніе, 2) молитвы, необходимыя для всякаго христіанина, 3) священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта въ краткихъ, а о болѣе замѣчательныхъ событіяхъ и лицахъ—въ болѣе подробныхъ простыхъ рассказахъ, 4) краткій катихизисъ, 5) первая часть ариметики, 6) отчасти грамматика (преимущественно правописаніе), 7) объясненіе литургій и церковныхъ обрядовъ, и, наконецъ, 8) сообщу имъ краткія географическія свѣденія о землѣ, о частяхъ свѣта, о государствахъ Европы, о главныхъ городахъ ихъ, о моряхъ, озерахъ и рѣкахъ и о Россіи. Дѣвочекъ, если будутъ, кромѣ сего, жена моя имѣетъ желаніе обучать рукодѣлію: вязать, шить, кроить.

Опредѣленнаго назначенія дней и часовъ для занятія каждымъ изъ сихъ предметовъ порознь—въ моей школѣ не будетъ. Сколько потребуется времени для болѣе обстоятельнаго изученія означенныхъ предметовъ,—это покажетъ опытъ (*). Теперь, призвавъ на помощь Бога, буду стараться не терять время даромъ, съ усердіемъ и терпѣніемъ продолжать начатое, а не поспѣшать къ концу. Ученіе, на скоро схваченное, скоро и вылетитъ изъ головы. Лучше потрудиться съ учениками побольше, чтобы въ нихъ осталось на всегда. На такихъ условіяхъ образовалась у меня школа.

Съ мыслию объ открытіи въ собственномъ моемъ домѣ школы, у меня явилась и укрѣплялась другая мысль: какъ бы вывести сколько-нибудь самихъ взрослыхъ, пожилыхъ и уже состарѣвшихся прихожанъ, обоюго пола, изъ закосненія и мрака невѣжества. Жалко и грустно видѣть въ нихъ почти ребяческія понятія о самыхъ первыхъ и существенныхъ истинахъ вѣры и прав-

(*) По двухмѣсячному занятію, ученики, поступившіе со 2 октября, твердо уже знаютъ, со словъ моихъ, всѣ необходимыя молитвы, символъ вѣры и заповѣди; свѣщ. исторію—до сивайскаго законодательства; бойко складываютъ слова и начинаютъ читать толкомъ по церковной и гражданской печати; пишутъ малыя буквы и цифры; считаютъ до тысячи.

ственности, множество суевѣрій. Правда, нашъ народъ, по своей славянской природѣ, очень склоненъ къ благочестію, но по неразвитости своего ума и привязанности ко всему вѣщному, поставляетъ благочестіе не въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ. Благочестіе заключается у него большею частію во вѣщномъ выполненіи различныхъ обрядовъ и уставовъ церковныхъ: крестьянинъ поставитъ свѣчу предъ иконою, или затеплитъ лампаду у себя дома, сходитъ въ церковь въ воскресный или праздничный день, не съѣстъ скоромнаго въ среду и пятокъ. Хорошо и это, но недостаточно. Оттого-то, они напр., при обращеніи съ своимъ семействомъ иногда бываютъ невыносимо грубы и тяжелы,—въ отношеніи къ ближнимъ своимъ не чужды зависти и зложелательства и пр. Чтобы сколько возможно помочь невѣденію своихъ прихожанъ, раскрыть имъ спасительныя истины вѣры и благочестія, дабы чрезъ искорененіе разныхъ предрасудковъ, суевѣрія и дурныхъ привычекъ во взрослыхъ, тѣмъ успѣшнѣе вести воспитаніе молодаго поколѣнія,—я вѣдннлъ себѣ въ непремѣнную обязанность, при нѣкоторыхъ руководствахъ, составлять къ каждому празднику поученіе и говорить его въ церкви;—кромѣ того, рѣшился учредить воскресныя и праздничныя собесѣдованія съ крестьянами въ деревнѣ Подушкиной и приписномъ селѣ Вешкахъ—въ крестьянскихъ домахъ, съ согласія домохозяевъ. Но на мое призваніе къ участию въ сихъ собесѣдованіяхъ, со стороны крестьянъ, сначала не было послушанія. Впрочемъ я не терялъ надежды—привести въ исполненіе свое доброе намѣреніе. Въ день Воздвиженія животворящаго Креста (14 сент. 1861 г.) я рѣшился положить начало праздничнымъ собесѣдованіямъ, и въ церкви объявилъ о семъ прихожанамъ. По приходѣ въ деревню Подушкино, послалъ я крестьянина—въ каждомъ дворѣ возвѣстить о моемъ прибытіи въ извѣстный домъ, для собесѣдованія. Крестьянинъ обошелъ подворно всю деревню. Часа полтора ждалъ я, не придетъ ли кто. Явились двѣ старушки. Почему же другіе нейдутъ? спросилъ я старушекъ; развѣ они не христіане и не желаютъ употреблять праздничное время на душеспасительныя бесѣды и добрыя дѣла, по заповѣди самаго Господа? Старушки отвѣчали: « Э, батюшка, у насъ всякаго народу много, кто говоритъ: за чѣмъ, да къ чему это? прежде этого никогда не было. Воишь-то говорятъ: денекъ Богъ послалъ хорошъ, надо кое-что подѣлать около двора; а такіе-то говорятъ: въ будни не приходится, а въ праздникъ нужно отдохнуть. Насильно никого не вызовешь и

не приведешь.» Что же это значить? подумалъ я. Ужели доброму предпріятію моему не суждено осуществиться на дѣлѣ? И самъ—съ словомъ назиданія и увѣщанія—обошелъ подворно всю деревню. Около 20 человекъ обоего пола согласились идти на собесѣдованіе—въ слѣдъ за мною. Съ симъ малымъ числомъ званыхъ, съ благословенія Божія, произошло мое первое собесѣдованіе, на которомъ рассказалъ я исторію праздника, прочелъ статью: «О томъ, какъ православные христіане должны проводить церковные праздники», помѣщенную въ «Душеполезномъ Читаніи» (ч. 1. 1860 г.), и рассказывалъ еще, чѣмъ заниматься будемъ въ собесѣдованіяхъ, и какую пользу получимъ отъ нихъ. Въ слѣдующее воскресенье я думалъ, что опять потребуется таже мѣра для сбора собесѣдниковъ, но ошибся: она сдѣлалась болѣе не нужною. Крестьяне въ довольномъ числѣ сошлись на собесѣдованіе въ это время, и стали сходиться послѣ съ охотою—тотчасъ же по извѣщеніи о моемъ приходѣ въ домъ собесѣдованія. И благодаріе, Господу Богу!—число собесѣдниковъ разъ отъ разу все возрастаетъ,—христіанская любовательность ихъ болѣе и болѣе пробуждается. Теперь крестьяне находятъ духовное удовольствіе въ собесѣдованіяхъ, и начинаютъ опытно сознавать пользу ихъ; а потому каждый разъ, воздавая мнѣ свою нелицемѣрную благодарность за мои труды, просятъ меня не лишить ихъ такихъ собесѣдованій въ будущіе праздники. Впрочемъ, не подумайте, что такой успѣхъ моихъ собесѣдническихъ трудовъ зависитъ отъ какихъ-либо личныхъ моихъ достоинствъ; нѣтъ во мнѣ ихъ: мое слово не свободно, не мощно, вяло и слабо, особенно разговорное. Успѣхъ зависитъ единственно отъ дѣйственной силы Божіей, присущей всякому доброму слову и дѣлу, съ добрымъ на мѣреніемъ совершаемому.—Можно думать, что пробужденіе христіанской любовательности въ крестьянахъ, въ свою очередь, будетъ много содѣйствовать къ распропагандированію грамотности и образованія между нами.

Собесѣдованія наши въ деревнѣ Подушкиной имѣютъ происходить каждое воскресенье и каждый праздникъ, когда литургія совершается въ моей приходской Владимірской, села Неклюдова, Церквѣ;—въ Вешнахъ только дважды въ мѣсяцъ, въ два воскресныхъ дня, послѣ литургій, совершаемой здѣсь по-прежнему. Время для сбора, какъ тамъ, такъ и здѣсь, назначается чрезъ часъ, или часа чрезъ полтора послѣ обѣдни. Бесѣда наша продолжается часа два, иногда и болѣе, смотря по обстоятельствамъ.

Если Богъ приведетъ мнѣ дожить до будущей весны, то на лѣто мѣстоу сихъ собесѣдованій будетъ церковь, а временемъ—промежуточное отъ утрени до обѣдни (*). Въ крестьянскихъ избахъ и душно и тѣсно, а въ нашихъ холодныхъ церквахъ вести это дѣло съ успѣхомъ зимою рѣшительно невозможно. Къ тому же грязь и стужа служить у насъ не малымъ препятствіемъ прійти въ церковь къ божественной службѣ и для усердныхъ къ дому Божію, особенно для людей старыхъ и не имѣющихъ, по бѣдности, крѣпкой и теплой обуви или одежды.

Согласно съ предположенною цѣлю предметомъ собесѣдованій имѣть быть:

1) Чтеніе живаго и дѣйственнаго Слова самаго Господа по славянскому и русскому переводамъ Евангелія, особенно—чтеніе и толкованіе Евангелій, положенныхъ на тѣ дни, въ которые происходятъ собесѣдованія. 2) Наученіе необходимыхъ для всякаго христіанина молитвъ. 3) Разказы изъ священной исторіи новозавѣтной и о болѣе замѣчательныхъ событіяхъ и лицахъ ветхозавѣтныхъ. 4) Чтеніе мною составленныхъ и печатныхъ—какія есть, или будутъ подъ руками—катехизическихъ поученій на символъ вѣры, молитву Господню, заповѣди и блаженства. 5) Объясненіе литургій, обычаевъ христіанскихъ, обрядовъ и постановленій церковныхъ; также постараюсь выставлять на видъ ложное и дурное въ вѣрованіяхъ и предубѣжденіяхъ нашихъ раскольниковъ и въ предразсудкахъ и суевѣріяхъ народныхъ—чтеніемъ печатныхъ статей сего рода и словесно. 6) Чтеніе жизнеописаній святыхъ и болѣе назидательныхъ для крестьянъ статей, относящихся къ вѣрѣ и нравственности.

Вотъ предметы моихъ занятій въ праздничныхъ собесѣдованіяхъ съ крестьянами. Такія собесѣдованія много не обременяютъ меня; также, думаю, не отяготили бы онѣ и нашихъ сельскихъ собратьевъ, а польза ихъ несомнѣнна. Для простаго народа онѣ даже полезнѣе, чѣмъ говоримыя нами въ церкви, съ наоя, бесѣды и поученія, составленіе которыхъ тоже стоитъ намъ не малаго труда и времени. Ибо въ церковномъ поученіи, по краткости объема онаго, много ли мы можемъ высказать для пользы своихъ слушателей, и все ли здѣсь можемъ высказывать имъ свободно,

(*) Съ вечера всенощное бдѣніе у меня весьма рѣдко отправляюсь и прежде, потому что крестьяне до ночи занимаются работами, а свободныхъ обывателей и стороннихъ богомольцевъ не бываетъ.

нѣсколько не стѣсняясь? Да и много ли изъ этаго поученія останется въ головѣ и на сердцѣ простыхъ, несвѣдущихъ слушателей, не привывшихъ сразу усвоивать высокія истины христіанскія? Правда, крестьяне съ охотою и жаждою слушаютъ церковныя поученія, тѣснятъ омоло проповѣдника и, кажется, готовы бывать уловить каждое его слово, даже не рѣдко приходится видѣть горячія ихъ слезы, вызываемыя трогательными словами подвижнаго живыми чувствованіями проповѣдника; но въ памяти ихъ большею частію остаются одни воззванія проповѣдника къ Богу и святымъ: прочее содержаніе проповѣди забывается ими вмѣстѣ съ окончаніемъ оной. По выходѣ изъ церкви, имъ приходилось спрашивать нѣкоторыхъ крестьянъ о причинѣ ихъ слезъ во время проповѣди, и получать отъ нихъ такой отвѣтъ: «какъ же намъ не плакать, когда онъ говорилъ такъ хорошо; у него и самого, батюшки, навернулись слезы!» и только. Припомнить слова или мысли проповѣдника, тронушія ихъ до глубины души, они были не въ состояніи. Да, сразу простымъ слушателямъ трудно замѣтить самыя главныя и важныя мысли, передаваемыя нами въ поученіи, отъ чего и другія мысли, стоящія съ ними въ связн, дѣлаются для нихъ не такъ понятными, невнимательными. Въ такомъ случаѣ и наше слово назиданія много ли приноситъ назиданія? Даже случается, оно приноситъ вредъ, когда крестьянинъ, схвативъ изъ него только два или три слова, двѣ или три мысли, по-своему пойметъ ихъ и перетолкуетъ. Чтобы слово проповѣдника сопровождалось большимъ успѣхомъ, чтобы крестьяне, сколько возможно, поняли его, запомнили и приняли къ сердцу и сердцемъ,—для сего требуется, со стороны проповѣдника, растворить свое слово живыми чувствованіями,—изложить его, какъ можно, проще, нагляднѣе и яснѣе, и повторить слушателямъ не одинъ разъ. Но первое не всегда и не всякому проповѣднику легко дается: это есть плодъ нѣжно-любящаго сердца и особой умственной развитости, даровитости и духовной опытности; послѣднее не принято у насъ, и не удобно для проповѣдника, при произношеніи проповѣди съ налою, въ церкви. Между тѣмъ въ нарочитыхъ собесѣдованіяхъ это неудобство устраняется, и чтѣ не достигается, иногда, трудомъ и усиліями церковнаго проповѣдника, то здѣсь можетъ быть достигнуто безъ особенныхъ усилій и съ большимъ успѣхомъ, только было бы въ насъ сердечное желаніе къ просвѣщенію и вразумленію меньшихъ братій и духовныхъ дѣтей нашихъ. Здѣсь,

въ поученіе своихъ прихожанъ, мы можемъ безъ всякой натянутости объяснять прочитанное, или говорить вѣчто праготовленное отъ себя—однимъ предварительнымъ размышленіемъ—безъ особой заботливости о чистотѣ и плавности рѣчи, просто, какъ умѣемъ, разговорнымъ языкомъ, спрашивая отъ собесѣдниковъ отчета въ прочитанномъ или высказанномъ нами, и, затѣмъ, повторяя и, какъ Богъ насъ вразумитъ, все болѣе и болѣе практически поясняя одно и то же,—до тѣхъ поръ, пока они поймутъ и сколько-нибудь усвоятъ. При семъ не только можно, но и нужно—дать право всѣмъ крестьянамъ возражать намъ, высказывать свои недоумѣнія, сужденія и мнѣнія—съ цѣлію получить на нихъ нашъ отзывъ, замѣчаніе и разрѣшеніе. Это больше пріохотитъ крестьянъ къ собесѣдованіямъ и больше будетъ возбуждать въ нихъ вниманія къ тому, о чемъ бесѣдуемъ. Въ такомъ случаѣ лучше уяснится и полнѣе—съ болѣе нужныхъ сторонъ—рассмотрится и предметъ собесѣдованія. Кромѣ того, такая бесѣда наша скорѣе будетъ походитъ на бесѣду отца съ дѣтьми, и въ ней намъ легче будетъ открывать и видѣть особыя духовныя ихъ нужды, требующія особеннаго нашего вниманія—въ особенной дѣятельности собесѣднической и проповѣднической. Тогда и успѣхъ церковной проповѣди будетъ вѣрнѣе, когда мы въ ней напомнимъ слушателямъ объ истинахъ и обязанностяхъ христіанскихъ, бывшихъ прежде или имѣющихъ быть въ тотъ же день предметомъ нашихъ собесѣдованій съ ними.

Жаль только, что—къ выполненію сего пастырскаго долга—мы весьма мало имѣемъ пособій: наши бібліотеки, церковныя и свои собственныя, очень скудны книгами духовнаго содержанія. Такъ, у меня при двухъ церквахъ не имѣется ни одной книги, кромѣ поученій на воскресные и праздничные дни, издавшихся въ прошломъ столѣтіи отъ Святѣйшаго Синода, пролога на весь годъ, одной четверти Четы-Миней и Розыска Димитрія Ростовскаго; а моя собственная бібліотека, по житейскимъ моимъ недостаткамъ, состоитъ только изъ Библии, изъ семинарскихъ учебниковъ, изъ семи или восьми книжекъ разныхъ сочиненій духовныхъ и изъ проповѣдей. Какъ помочь теперь этому горю? Завести хоть небольшую бібліотеку при своей приходской церкви—не позволяютъ весьма скудныя ея средства. Въ настоящее время я получаю 8 періодическихъ духовныхъ изданій, и на это едва ли достанетъ всего годоваго дохода церковнаго, за исключеніемъ самаго необходимаго, обыкновеннаго расхода по церкви. Но я

чувствую еще нужду въ пособіи нѣкоторыхъ книгъ и сочиненій духовныхъ, вышедшихъ и вновь выходящихъ въ свѣтъ отдѣльно. Правда, съ согласія прихожанъ, учрежденъ мною кружечный сборъ на покупку въ церковь книгъ духовнаго содержанія: церковный сторожъ каждый праздникъ ходитъ по домамъ прихожанъ моихъ съ кружкой, собирая въ нее посильные лепты отъ нихъ усердія на этотъ предметъ; но и этотъ сборъ не много помогаетъ нужному дѣлу. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Благотворителей въ пользу духовнаго назиданія прихожанъ своихъ не имѣю; родственниковъ, или знакомыхъ въ Москвѣ, библіотекою которыхъ могъ бы я пользоваться, нѣтъ. Остается желать учрежденія общей церковной библіотеки при одной, или лучше—для большаго удобства въ полученіи и пересылкѣ книгъ—при двухъ церквяхъ нашего вѣдомства.

Учрежденіе сихъ библіотекъ не требуетъ многихъ соображеній и усилій; съ разрѣшенія начальства оно можетъ осуществиться легко. Для сего нужно только избрать одну или двѣ церкви въ каждомъ благочиніи, при которыхъ болѣе удобно учредить библіотеку, и священника, который принялъ бы на себя обязанности библіотекаря; потомъ собрать въ эту церковь всѣ новѣйшія книги духовнаго содержанія изъ всѣхъ церквей одного вѣдомства, и назначить опредѣленную сумму, которую каждая церковь ежегодно вносила бы въ библіотеку, для ежегоднаго восполненія ея новыми книгами и для ея содержанія. И при такомъ неизсякаемомъ источникѣ средствъ, общая церковная библіотека годъ отъ году все расширялась бы, и какъ бы была тверда и благотворна! По истинѣ, она была бы благодѣяніемъ и для нашихъ церквей, и для насъ, священниковъ, и для нашихъ прихожанъ. Отъ церквей не потребовалось бы большаго расхода на книги; пастыри имѣли бы возможность читать всѣ духовные журналы, получать нужныя книги и пользоваться ими, собирая изъ нихъ цвѣты христіанскаго любомудрія и благочестія,—къ собственному назиданію и назиданію прихожанъ; и сами прихожане черезъ насъ, даже бесплатно, могли бы получать духовныя книги и заимствовать изъ нихъ истинныя понятія о предметахъ вѣры и нравственности.

Какъ незначительно было бы тогда для каждой церкви даяніе въ пользу библіотеки—это показываетъ примѣрный расчетъ. Число ежегодныхъ періодическихъ духовныхъ изданій простирается теперь до 11-ти (за исключеніемъ епархіальныхъ вѣдомствей)—на сумму до 60 р. сер. Значитъ, на выпускъ всѣхъ ду-

ховныхъ журналовъ, въ двухъ экземплярахъ, требуется до 120 руб. сер. Гдѣ мало церквей въ вѣдомствѣ, тамъ выписывать по одному экземпляру. По истеченіи года, изъ сихъ журналовъ составитса до 9½ книгъ; на переплетъ ихъ нужно 22 р. 20 к., по 90 к. за каждый. На выписку нѣкоторыхъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, на покупку отдѣльныхъ книгъ и на малый расходъ по содержанію библіотеки, очень достаточно положить 60 р. сер. (Разумѣется, при открытіи библіотеки можно одновременно собрать съ церквей нѣкоторую сумму на приобрѣтеніе нѣкоторыхъ извѣстныхъ лучшихъ книгъ и сочиненій духовныхъ.) Итакъ для существованія и усовершенствованія библіотеки, всего нужно 200 р. сер. въ годъ. Разложимъ эту сумму на всѣ церкви поровну (чего, конечно, не должно быть: нужно соображаться съ средствами церквей): съ каждой церкви нашего вѣдомства сойдесть въ пользу библіотеки 12 руб. 50 к. сер. въ годъ (такъ какъ въ нашемъ вѣдомствѣ 16 церквей). Видите, какъ немного тогда каждая церковь будетъ удѣлять изъ своихъ средствъ на духовныя книги; между тѣмъ, съ теченіемъ времени, распространится грамотность въ простомъ народѣ, и у насъ какое будетъ изобиліе въ книгахъ!

Такъ, дай Богъ, чтобы скорѣе кто-нибудь изъ нашихъ собратьевъ составилъ проектъ,—представилъ его на утвержденіе нашему начальству и испросилъ отъ него разрѣшеніе на заведеніе сихъ библіотекъ повсемѣстно. Вѣсть объ открытіи ихъ съ радостію приняли бы всѣ священники, жаждущіе новыхъ познаній, и сочувствующіе общественнымъ нуждамъ; и, конечно, каждый изъ насъ охотно пожертвовалъ бы отъ 1 до 3 р. сер. въ годъ, въ пользу библіотеки. Можно также надѣяться, что въ иныхъ приходоухъ нѣкоторые и изъ прихожанъ выразятъ сочувствіе къ симъ библіотекамъ: тоже сколько-нибудь пожертвуютъ въ пользу ихъ. Эти деньги церковная библіотека употребила бы на выписку, по одному экземпляру, съ общаго согласія, нѣкоторыхъ свѣтскихъ журналовъ и книгъ историческаго или другаго содержанія, или на что-нибудь болѣе необходимое (*).

Священникъ Іоаннъ Тихомировъ.

(*) А не лучше ли и не удобнѣе ли — вмѣсто того, чтобы изъ всѣхъ церквей собрать книги въ одну и потомъ отсюда опять разбирать ихъ по приходамъ для чтенія, не лучше ли просто мѣняться книгами, и для того сосѣдямъ условиться—однимъ выписывать одни книги и журналы, другимъ другія? Это можно сдѣлать безъ великихъ оофициальныхъ распоряженій. Ред.

О ВОСКРЕСНЫХЪ ШКОЛАХЪ ВЪ СЕЛАХЪ.

(письмо въ редакцію)

У насъ въ селахъ воскресныя школы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ заведены въ городахъ собственно для ремесленниковъ и другихъ людей, не имѣющихъ возможности повседневно обучаться чтенію, письму и закону Божію,—замѣняются постоянными училищами для крестьянскихъ дѣтей обоюга пола. Но нужны ли при семъ и воскресныя школы?

Если не могу сказать, чтобы воскресныя школы вездѣ и во всякомъ мѣстѣ были совершенно удобны, то скажу рѣшительно, что онѣ во всякомъ мѣстѣ, въ каждомъ селѣ, въ каждомъ приходѣ совершенно полезны. Воскресныя школы могутъ быть вполнѣ полезны для всѣхъ взрослыхъ крестьянъ, для которыхъ повседневно обученіе грамотѣ невозможно, и для которыхъ, по выраженію ихъ самихъ, ушло время учиться. Вотъ въ этихъ—то воскресныхъ школахъ и можно учиться всѣмъ безъ различія крестьянамъ, и учиться не по азбукѣ или другимъ книгамъ, но словесно, разговорно, собесѣдовательно.

Но скажутъ, не воскресныя ли школы всегда имѣлись и имѣются доселѣ во всѣхъ тѣхъ приходахъ, гдѣ благомыслящіе и усерднѣйшіе къ своей должности священники съ церковной каедрой въ одно время предлагаютъ прихожанамъ своимъ ученіе о православной вѣрѣ, изъясняютъ молитву Господню, толкуютъ заповѣди Божіи, въ другое—объясняютъ дневное Евангеліе или посланіе апостольское съ нравственными выводами, или приложеніями; изъясняютъ значеніе и важность церковныхъ праздниковъ, значеніе или важность церковныхъ обрядовъ?

Все это такъ, правда; къ проповѣданію Слова Божія и къ наученію своихъ прихожанъ каждый пастырь церкви обязанъ самымъ долгомъ своего служенія. Но дѣло въ томъ, на сколько эти наши пастырскія поученія могутъ быть полезны для простовародья? Кто изъ насъ, сельскихъ пастырей, по пристальномъ наблюденіи, могъ бы сказать по совѣсти, что онъ довольно научилъ простой народъ чрезъ свои поученія, и что его слова, произносимыя съ каедрой, не были и не бываютъ мѣдью звучащею? Почему это такъ, какъ не потому, что церковныя поученія наши, какъ бы ни были ясны, просты и удобопонятны сами по себѣ, все-таки не могутъ вполнѣ удовлетворить слишкомъ уже про-

стымъ понятіямъ нашего простаго народа, предубѣжденнаго считать себя слѣпымъ? Что же сказать о пользѣ тѣхъ нашихъ церковныхъ поученій, которыя пишутся школьнымъ языкомъ, называются по тетрадкѣ, а мысли для нихъ заимствуются изъ печатныхъ книгъ, мысли, направляя насъ и понимаемая нами, но несомнѣнно понятныя для простаго народа? Поученія или бесѣды, преподаваемые съ церковной кафедрѣ, всегда преподаются въ праздники, при большомъ стеченіи народа, гдѣ, не смотря на всѣ заботы предстоятеля церкви о возможной тишинѣ, неизбѣжно шорохъ, кашель, плачь малыхъ дѣтей, препятствующій слышанію не только всей бесѣды въ совокупности, но и отдѣльныхъ мыслей и словъ, конечно ни къ чему уже не ведущихъ. Если при семъ взять во вниманіе слабый голосъ проповѣдника, то еще болѣе открывается неудобствъ для успѣха нашихъ церковныхъ бесѣдъ. Кромѣ того, самые холодные деревенскіе храмы въ зимнее время много препятствуютъ даже сказывать такіа церковныя поученія. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ до слушанія ли проповѣди, когда съ трудомъ можно выстоять самую церковную службу? Вотъ нѣкоторыя причины тому, что церковныя поученія и бесѣды наши очень мало приносятъ пользы простому народу, и что народъ, не смотря на всѣ заботы и старанія пастыря церкви о просвѣщеніи и наученіи его хотя главнымъ истинамъ вѣры, все-таки остается въ жалкомъ невѣденіи оныхъ.

Помочь священнику въ важномъ дѣлѣ наученія простаго народа, облегчить его труды, часто безполезные,—заботы его, часто недостигающія своей цѣли, вполне могутъ воскресныя школы. Въ воскресныхъ школахъ, гдѣ бы онѣ ни были, въ училищѣ ли или другомъ удобномъ мѣстѣ, въ сторожкѣ ли при церкви, или въ самой церкви, только внѣ службы церковной,—во всякомъ случаѣ безъ сомнѣнія легче и удобнѣе вести дѣло религіознаго образованія народа. Здѣсь къ объясненію одного того же предмета, одной той же истины, догматической ли, нравственной, или исторической, можно обращаться нѣсколько разъ, и не отступать отъ сего, не переходить къ другому предмету или истинѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ поймутъ то, о чемъ шла бесѣда. Здѣсь удобно и легко спрашивать каждаго отдѣльно, понялъ ли онъ то, о чемъ шла бесѣда, что говорено, или читано ему съ объясненіемъ? Между тѣмъ какъ въ храмѣ, при произнесеніи съ кафедры поученій, дѣлать это неудобно и даже не прилично. Здѣсь—въ воскресныхъ школахъ, какъ домашнихъ, дружественныхъ бесѣ-

дать, можно рѣшительно упростить языкъ свой, приблизить его къ понятію простаго народа. Не наблюдали ли кто-либо изъ насъ, какъ много иногда пользы доставляютъ простому народу наши дружественныя, задушевыя бесѣды съ нимъ при разныхъ требаніяхъ, какъ-то: при похоронахъ, при поминкахъ, при крестинахъ и под. Еще гораздо большей пользы можно ожидать для простаго народа отъ дружественныхъ, чисто разговорныхъ собесѣдованій въ воскресныхъ школахъ. Это потому, что здѣсь можетъ, да и должно быть болѣе вниманія къ предмету бесѣды и менѣе постороннихъ развлеченій, чѣмъ дома.

При семъ съ одной стороны нужно замѣтить, — чтобы воскресныя школы приносили существенную пользу простому народу, — необходимо *изустное* преподаваніе въ оныхъ. Преподаваніе изустное во всякомъ случаѣ лучше и полезнѣе, чѣмъ преподаваніе по тетради, или по книгѣ. Преподавателю въ воскресныхъ школахъ совершенно излишне заботиться объ искусственности изложенія, которая требуетъ немалыхъ трудовъ, но совсѣмъ бесполезна для простаго народа. Говори отъ сердца, говори, какъ говоришь, а не какъ пишешь, и тогда успѣхъ несомнѣненъ.

Впрочемъ открытіе воскресныхъ школъ въ селахъ отнюдь не исключаетъ собою обыкновенныхъ церковныхъ поученій или бесѣдъ. Что касается до способа преподаванія въ воскресныхъ школахъ, то конечно послѣдовательное преподаваніе истинъ вѣры было бы самое полезнѣйшее для народа. Связь и послѣдовательность въ преподаваніи истинъ вѣры полезны потому, что при этомъ способѣ преподаванія истины христіанскія гораздо скорѣе могутъ быть приняты умомъ, легче усвоены сердцемъ и тверже напечатлѣны въ памяти. Таково уже свойство ума человѣческаго, что онъ старается привести всѣ свои познанія къ единству, послѣдствія соединить съ ихъ причинами. Правда, для сего необходимы одни и тѣ же или постоянные слушатели, но развѣ нельзя имѣть такихъ собесѣдниковъ въ воскресныхъ школахъ? Очень многіе постоянно ходятъ къ церковной службѣ, исключая болѣзней и другихъ крайностей, слѣдовательно и могутъ быть постоянными слушателями. Очень многіе, разъ побывавъ въ воскресныхъ школахъ и найдя тамъ душеполезную бесѣду, по всей вѣроятности захотятъ быть постоянными слушателями въ оныхъ. Какъ на пособія и руководства для объясненія истинъ вѣры въ послѣдовательномъ порядкѣ, можно указать на имѣющіяся подъ нашими руками книги, — во первыхъ, катехизическія поученія о Символѣ

вѣры, молитвъ Господней и десяти заповѣдяхъ протоіерея Нордова; во вторыхъ, катехизическія же поученія священника Стратилатова и другія. Прекраснымъ пособіемъ въ этомъ случаѣ можетъ служить для насъ ученіе Православно-каволической Вѣры, вложенное въ бесѣдахъ приходскимъ священникомъ къ своимъ прихожанамъ, въ 4-хъ томахъ (1860 года, С.-Петербургъ). Не лишне въ воскресныхъ школахъ и чтеніе душеполезныхъ книгъ, особенно житій Святыхъ, но чтеніе всегда внятное и съ объясненіемъ.

Теперь вопросъ въ томъ, въ какое время дня удобнѣе и лучше собирать воскресныя школы? Лучшимъ временемъ для воскресныхъ школъ было бы время послѣ утрени до обѣдни. Это время предъ прочимъ временемъ дня даетъ много преимуществъ для воскресныхъ школъ. Часы послѣ утрени до обѣдни бываютъ для всѣхъ свободны, изъяты отъ житейскихъ попеченій и дѣлъ, и всѣ въ это время болѣе или менѣе бываютъ серьезно настроены и, слѣдовательно, умы и сердца всѣхъ въ это время живѣе и воспримчивѣе для принятія святыхъ истинъ. Избѣгать предполагаемыхъ трудностей и неудобствъ составленія воскресныхъ школъ въ это время—очень легко. Все дѣло состоитъ въ благоразумномъ распоряженіи священника и зависитъ отъ его усердія. Для сего можно равнѣ начинать утрению и позднѣ литургію. Менѣе важныя требы, какъ-то: молебны по домамъ и проч. можно исправлять послѣ обѣдни, а на важнѣйшія, не терпяція отлагательства требы, какъ-то: напутствованіе больныхъ, крещеніе слабыхъ младенцевъ, не много потребно времени. Да и не всегда же могутъ быть таковыя требы.

Городъ Сапожокъ
Село Чулково.

Священникъ Іакинѣъ Пушчинскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Штутгардъ. 9/8 января, 1862.

— Въ Парижѣ изданъ 5-й томъ сочиненій А. Стурдзы. Съ 1858 по 1861 г. явилось пять книгъ его сочиненій, подъ общимъ заглавіемъ: *Oeuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires d'Alexandre de Stourdza*. Русской публикѣ пора бы подробнѣе познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ лицомъ, и

кто будетъ писать о немъ, для того необходимо имѣть эти книги подъ руками. Къ тому, изданному въ 1859 г., приложена краткая біографія Стурдзы. Но и для исторіи русской церкви вообще сочиненія его представляютъ много интереснаго. Здѣсь, между прочимъ, помѣщена отдѣльная статья о Евгеніи Булгарѣ и Никифорѣ Феотокѣ, которую стоило бы перевести вполне на русскій языкъ. О послѣднемъ Стурдза передаетъ слѣдующій анекдотъ. Въ одинъ праздникъ, Потемкинъ пригласилъ архіепископа на обѣдъ, гдѣ находилось множество военныхъ и статскихъ чиновъ. Это было въ постный день; но постныя блюда приготовлены были только для епископа. По обыкновению, Потемкинъ предложилъ преосвященному благословить трапезу, состоящую изъ богатыхъ мясныхъ блюдъ. Тотъ отказался, объясняя, что онъ не можетъ одобрить такаго явнаго нарушенія правилъ церковныхъ, и, замѣтивъ раздраженіе Потемкина, поклонился и вышелъ. Послѣ этого начались интриги, и Никифоръ удаленъ былъ съ епархіи.

Въ настоящемъ случаѣ мы хотимъ только сказать нѣсколько словъ о характерѣ религіознаго движенія, которое появилось у насъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Великій переворотъ, произведенный французскою революціею какъ въ политической, такъ и въ религіозной жизни европейскаго общества, за тѣмъ—погромъ Наполеоновскій, спутавшій всѣ челоуѣческіе расчеты и показавшій безсиліе всякихъ силъ той эпохи, возбудили реакцію и заставили общество, игравшее невѣріемъ, обратиться къ забытому Богу. Это потрясеніе отразилось и въ русскомъ обществѣ; и здѣсь поняли, что слишкомъ легко дотогдѣ смотрѣли на жизнь, и пора было уже покаяться. Предъ походомъ Наполеона на Россію и ранѣе того Россія сдѣлалась мѣстомъ убѣжища всѣхъ, кто не находилъ себѣ пріюта на Западѣ; вмѣстѣ съ знаменитостями политическими и литературными, явились люди и съ религіозною пропагандою. Общество, чувствовавшее потребность такъ или иначе удовлетворить религіозному чувству, и, по своей исторіи, значительно отдалившееся отъ господствующей церкви, поддалось самымъ разнообразнымъ влияніямъ, и Россія представила изъ себя картину разнообразнаго религіознаго движенія, гдѣ партіи спорили за преобладаніе. Этой эпохѣ нельзя отказать въ извѣстномъ величій, которое страдалось и въ религіозной жизни напряженностію и стремительностію религіознаго чувства, которое должно было замѣнить собою пе-

родъ невѣрія и легкомыслія; но чтобы это движеніе было прочно и оставило слѣды въ исторіи, — этого мы сказать не можемъ. Главная причина этой безплодности заключалась въ томъ, что это движеніе вовсе было не церковное; народу до него не было никакого дѣла. Высшіе классы должны были каяться въ своихъ прошлыхъ грѣхахъ, которые были дѣйствительно велики; къ религіи они доходили путемъ все невѣдавшей грѣховной жизни, какъ напр. мадамъ Крюденеръ. Но такъ какъ народу не пришлось пройти тотъ же процессъ, то новое движеніе и не касалось его и не было ему понятно: каяться ему въ грѣхахъ, нѣтъ же сдѣланныхъ, ему было не нужно. Поэтому все движеніе и ограничилось высшими классами. Но и въ самой сущности его была задатокъ непрочности: къ религіи прииѣшались политическія стремленія; въ усиленіи религиозной жизни старались найти опору противъ разрушительныхъ началъ, внесенныхъ французскою революціею. Религія принималась, какъ самый консервативный элементъ политической жизни. Доказательства на это можно находить во многихъ мѣстахъ сочиненій Стурдзы. Религія, принимаемая какъ служебное орудіе, не могла поэтому проникать своею спасительною стороною въ здоровую часть народной жизни. Все это вело къ явленіямъ довольно страннымъ. Такъ какъ при взоу угрожающемъ порядкѣ теряли высшіе классы всѣхъ странъ и для всѣхъ религія представлялась единственнымъ икоремъ спасенія, то образовалось какое-то общее, не церковное христіанство, гдѣ протестантъ, католикъ, методистъ, мартинистъ и православный подавали другъ другу руки, въ полномъ убѣжденіи, что это и есть христіанство, и что здѣсь прочный залогъ безопасности и невозмутимаго хода общественной жизни. Доказательство этого слиянія всѣхъ подъ одно знамя можно опять видѣть у Стурдзы; здѣсь всѣ мѣняются мыслями и надеждами: Юнгъ Штилингъ, мадамъ Крюденеръ, Деместръ, князь Голицынъ... Изъ всего этого образовалось произвольное, оторванное отъ исторической почвы, христіанство, пониманіе его предоставлено было произволу, и церковь замѣнилъ «человѣкъ внутренній», съ болѣзненною вѣрой въ видѣнія и пророчества. Церковь, ищущая здоровой пищи и опредѣленнаго церковнаго содержанія, опять не понимала къ чему это искусственное братство. А. Стурдза прожилъ достаточно долго, чтобы отрѣшиться во многомъ отъ этихъ взглядовъ, историческое паденіе которыхъ онъ видѣлъ; но началъ онъ все отдался этому потому времени.

Передадимъ нѣсколько мѣстъ изъ воспоминаній Стурдзы, которые могутъ пояснить наши слова.

Объ обращеніи русскихъ прежде всего, конечно, должны были позаботиться иезуиты, и они дѣйствительно основались въ Петербургѣ сначала довольно прочно. Для воспитанія юношества основана, была коллегія, а въ обществѣ дѣйствовала де-Местръ. Верхніи слои общества, думалъ онъ, обезсилены противонароднымъ и легкомысленнымъ (frivole) воспитаніемъ; поэтому ихъ не трудно будетъ увлечь. Народъ послѣдуетъ ихъ примѣру, какъ нѣкогда принялъ крещеніе по примѣру бояръ. И вотъ онъ начинаетъ пропаганду, способомъ, совершенно годнымъ только для тогдашней публики. Послѣ ужина у г-жи Свѣчиной или Головиной, начинается разговоръ, съ блестящими парадоксами графа; онъ то ловко опровергаетъ невѣріе, то вставляетъ злую насмѣшку надъ русскимъ духовенствомъ, наивно спрашивая, отъ чего это не видитъ онъ въ салонѣ никого изъ русскихъ духовныхъ; то поразить своею ученостію. Завязывается споръ, дамы приглашаются къ рѣшенію и турниръ оканчивается побѣдою графа. Въ своихъ шуткахъ, которыми онъ потѣшалъ общество, онъ заходилъ такъ далеко, что православное крещеніе чрезъ погруженіе называлъ *рыбимъ* (le baptême poissonique). И послѣ такихъ вечеровъ явились Soirées de Saint-Petersbourg! Еслибы де-Местръ, говорить Стурдза, былъ Фенелономъ или Флери, то его проповѣдь была бы безуспѣшна; но для тогдашняго общества де-Местръ съ своимъ догматизмомъ шелъ какъ нельзя лучше; обращенія въ католичество были довольно часты. Въ 1820 г., наконецъ, выгнали иезуитовъ за предѣлы имперіи.

Одновременно работали и мартинисты. Подавленный Екатериною мартинизмъ ожилъ въ царствованіе Александра Павловича. Лабзинъ, издатель «Сіонскаго Вѣстника», работалъ неутомимо; онъ сосредоточилъ свою дѣятельность на изданіи переводовъ Бема, Эккартсгаузена, Юнга Штиллинга и проч., которые было распространять тѣмъ легче, что книги не проходили сквозь духовную цензуру. Съ прибытіемъ англійскихъ методистовъ, Лабзинъ получилъ новую опору, и еще долгое время русское общество представляло печальное зрѣлище безсилія противъ внѣшнихъ вліяній, которыя не приносили никакой пользы и только заставляли смотрѣть на него, какъ на добычу всѣхъ вѣроисповѣданій.

Но въ сущности церковь сама не имѣла никакого дѣла съ этими

явленіями; онѣ были чужды ей и по началу, и по характеру; это былъ духъ времени и нѣсколькихъ людей, а не церкви.

Въ послѣднее время въ русскихъ журналахъ не разъ упоминалось имя Шопенгауера, и для многихъ людей, заинтересованныхъ борьбою философскихъ направленій нашего времени, оно получило авторитетъ при совершенномъ отсутствіи всякихъ свѣдѣній объ этомъ мыслителѣ. Считаемо не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о только-что вышедшей брошюрѣ: Arthur Schopenhauer aus persönlichem Umgange dargestellt, von Wilhelm Gwinner. 1862. Авторъ хорошо зналъ Шопенгауера и рѣшился какъ можно вѣрнѣе представить его. Какъ человѣкъ близкій къ Шопенгауеру, онъ передаетъ много характеристическихъ чертъ изъ жизни этого философа, которыя помогаютъ болѣе вѣрному пониманію и самой личности его, и его системы. Оцѣнивая его заслуги, онъ приходитъ къ такому результату. «Мы не можемъ согласиться съ отзывомъ фонъ-Квадта, что Шопенгауеръ выше Васко-де-Гама, такъ какъ онъ открылъ путь отъ реального къ идеальному. Но тѣмъ болѣе мы должны удивляться его гению, который, не смотря на основную ошибку, умѣлъ представить въ такой ясности и чистотѣ глубочайшія проблемы философіи, тѣ именно, которыя касаются отношенія метафизики къ ноннѣ, — физическаго къ нравственному.» Основной недостатокъ его системы—тотъ же, что и у Гегеля, Фихте, такъ не любимыхъ Шопенгауеромъ. Въ своей системѣ Шопенгауеръ ближе всѣхъ стоитъ къ Канту. Кантъ училъ, что вещь сама въ себѣ непостижима. Но Шопенгауеръ поставилъ дѣло такъ: «эта terra incognita, вещь непостижимая сама въ себѣ—мы сами: какъ же она можетъ быть недоступна намъ? Конечно, опытъ въ этомъ случаѣ для познанія насъ самихъ долженъ быть совершенно отличный отъ интеллектуальнаго, непосредственный. Это познаніе вещи самой въ себѣ дается намъ реально въ актѣ воли, хотя въ извѣстныхъ границахъ времени.» Впрочемъ мы не будемъ излагать систему Шопенгауера. Скажемъ о его жизни.

Шопенгауеръ родился 1788 г., въ самую сильную эпоху отрицанія. Въ домѣ его отца, очень любившаго французскую и англійскую литературу, преимущественно собирались люди, уча-

ствовавшіе словомъ и дѣломъ въ разрушеніи прежнихъ вѣрованій; знакомства этого рода еще болѣе увеличились во время многочисленныхъ поѣздокъ ссмейства по Франціи, Англіи и Голландіи. Когда молодой Шопенгауеръ помѣщенъ былъ въ пансіонъ въ Англіи, то онъ уже въ состояніи былъ писать матери противъ христіанства въ пользу философіи. Надобно замѣтить, что ему было только 15 лѣтъ, и въ это время не позволяють такъ отзывать ни о философіи, ни о христіанствѣ, по очень простой причинѣ, что человѣкъ въ эти лѣта не успѣваетъ еще узнать вполнѣ ни философіи, ни христіанства. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовала неожиданная смерть его отца (онъ упалъ изъ окна кладовой въ каналъ); а отношенія его къ матери также измѣнились. Мать писала ему въ 1807 г.: «Я тебѣ всегда говорила, что мнѣ трудно было бы жить съ тобою. Я не отрицаю добраго въ тебѣ,—и чтѣ меня отталкиваетъ отъ тебя, это лежитъ не внутри тебя, а въ твоемъ виѣшнемъ существѣ, твоихъ взглядахъ, твоихъ сужденіяхъ, твоихъ привычкахъ; также твое недовольство, твои мрачныя видѣнія, твои странныя сужденія, которыя ты высказываешь какъ оракулъ, не позволяя никому возражать;—все это подавляетъ меня». Шопенгауеръ имѣлъ причины быть недовольнымъ матерью; но и его характеръ рано получилъ большое направленіе. Онъ сдѣлался необыкновенно раздражителенъ. Въ Берлинѣ 1821 г. онъ выбросилъ за дверь хозяйку, у которой нанималъ помѣщеніе; по несчастію она сломала руку, и онъ, вслѣдствіе судебного приговора, 20 лѣтъ платилъ ей на содержаніе. Виѣсть съ этимъ онъ страдалъ непобѣдимую болязнью. Въ началѣ войны 1813 года онъ постоянно боялся насильственнаго назначенія въ военную службу. Изъ Неаполя выгналъ его страхъ оспы, изъ Берлина—холера. Въ Веронѣ онъ едва не помѣшался на мысли, что понюхалъ отравленнаго табаку. Въ продолженіи многихъ лѣтъ его преслѣдовалъ страхъ—то уголовнаго процесса, то потери имѣнія. Если ночью раздавался шумъ, то онъ вскакивалъ съ постели и брался за шпагу и пистолеты, которые были постоянно заряжены. Дорогія вещи онъ такъ далеко пряталъ, что, не смотря на латинскія замѣтки, находившіяся въ завѣщаніи, съ трудомъ можно было отыскать кое-что,—и все это—по недовѣрію къ людямъ.

Исторія его литературныхъ успѣховъ также не могла смягчать его врожденную недовѣрчивость къ людямъ. Онъ два раза рѣшился читать лекціи и безъ успѣха: первый разъ въ Берлинѣ

(1825 г.), второй разъ—въ Дрезденѣ (1825). Его сочиненія, въ первомъ изданіи, пошли въ макулатуру, и онъ почти въ продолженіи сорока лѣтъ оставался незамѣченнымъ. Это онъ объясняетъ всеобщимъ заговоромъ противъ него. Мы вовсе не думаемъ дѣлать вывода противъ системы Шопенгауера изъ этихъ частныхъ. Мы желаемъ только опредѣлить почву, изъ которой вышла система; и въ этомъ случаѣ находимъ, что первыми возбудителями его были, какъ онъ и самъ говоритъ: Гелвецій и Кабанисъ, хотя онъ стоитъ несравненно выше ихъ; потомъ—вліяніе поэтического пессимизма Шатобриана и Байрона; личный характеръ и обстоятельства сдѣлали остальное. Въ этомъ отношеніи Шопенгауеръ для многихъ можетъ служить историческимъ документомъ, также какъ Гелвецій, Байронъ и другіе. Изъ примычекъ Шопенгауера можно замѣтить то, что онъ любилъ читать Библию въ переводѣ 70-ти, такъ какъ всѣ другіе считалъ испорченными духомъ партій,—и мистическія христіанскія творенія среднихъ вѣковъ. Траппистовъ онъ называлъ «почтеннѣйшими монахами». Однажды, глядя на портретъ Равсе, настоятеля траппистовъ, онъ сказалъ: «Да! это дѣло благодати! Я же хочу быть только ученымъ, а не аскетомъ, не святымъ! Кто не умѣетъ отдѣлять ученіе отъ жизни, знанія отъ дѣйствія, тотъ можетъ быть прекраснымъ человѣкомъ, истиннымъ христіаниномъ, но онъ—не философъ.» Шопенгауеръ никакъ не хотѣлъ допустить значеніе цѣльнаго человѣка.

Онъ умеръ во Франкфуртѣ на Майнѣ 21 сентября 1860 г., куда уже давно переселился съ сѣвера Германіи.

Штутгардъ. 12/24 января.

—28 декабря проповѣдникъ при прусскомъ посольствѣ въ Константинополѣ Пиннонъ запрещенъ и отозванъ телеграфическою депешей прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ, безъ всякаго распоряженія со стороны духовнаго правительства. Причиной этой рѣшительной мѣры была жалоба прусскаго посланника въ К—ль, графа Гольца,—дѣло было въ слѣдующемъ. При освященіи новой протестантской капеллы, Пиннонъ увѣщевалъ слушателей посѣщать богослуженіе—въ выраженіяхъ очень умѣренныхъ. Потомъ, обращаясь къ посланнику, сказалъ: «Описывать заслуги, которыя вы оказали при построеніи этого храма, я не позволяю себѣ, и притомъ здѣсь не мѣсто. Но что я обязанъ сказать, это—во имя Господа просить васъ, чтобы вы посвятили

полное свое участіе богослуженію и внутреннему созиданію общины. Государь нашъ, въ тотъ часъ, когда онъ свѣзною рукою бралъ въ первый разъ бразды правленія, сказалъ достопамятныя слова своимъ приближеннымъ совѣтникамъ: чѣмъ выше кто стоитъ изъ моихъ слугъ, тѣмъ вѣрнѣе я ожидаю отъ него, что онъ будетъ служить примѣромъ своимъ подчиненнымъ въ прилежномъ посѣщеніи богослуженія.—Какъ прекрасно соглашаются эти слова съ божественнымъ ученіемъ, открытымъ намъ, Господомъ І. Христомъ, что нельзя воздавать Кесарю Кесарева тому, кто не воздастъ Божіи Богови. Затѣмъ обращаюсь я къ вамъ, мои сослужители» и пр... Посланныкъ обидѣлся этими словами и отправилъ жалобу. Судя безпристрастно, здѣсь нѣтъ ничего обиднаго; но посланныкъ сознавалъ за собою вину, потому что, какъ одни говорятъ, онъ никогда не бывалъ ври богослуженіи,—другіе, что онъ не былъ четыре мѣсяца.

Въ здѣшнія газеты пишутъ изъ Італіи: Въ неаполитанскомъ клирѣ замѣтно сильное движеніе, цѣль котораго преобразовать католичество, примирить его съ настоящими потребностями, и поставить его на тѣхъ началахъ, на какихъ оно существовало въ первые времена христіанства. Во главѣ движенія стоитъ Лоренцъ Захарій (Logenzo Zaccago), много писавшій и дѣйствовавшій въ этомъ смыслѣ еще до итальянской революціи. Въ началѣ прошлаго года онъ основалъ «Общество взаимнаго вспоможенія» для итальянскаго клира и началъ издавать журналъ «Огненные столпы». Это общество быстро распространилось въ низшемъ клирѣ, и изъ него—то отправлено было посланіе къ папѣ, въ которомъ просили папу отказаться отъ свѣтскаго владычества, въ интересахъ церкви. Ультрамонтанскій Union увѣреть, что это общество вступило уже въ сношеніе съ клиромъ Франціи, Германіи и Англіи. Программа этого союза чрезвычайно обширна, и мы приводимъ слѣдующіе пункты: 1) Римская церковь должна состоять изъ свободныхъ частей, должна отбросить бремя свѣтской власти и слова должна сдѣлаться смиренною послѣдовательницею Распятаго Господа и прямою наслѣдницею Рыбаря Апостола. 2) Ея епископъ долженъ довольствоваться первенствомъ чести, которое дано было ему христіанскою древностію. Въ постановленіяхъ, касающихся богослуженія и дисциплины, національныя церкви должны сохранять свою первоначальную апостольскую

автономію; но для взаимнаго содѣйствія единству въ вѣрѣ, надеждѣ и любви, надобно признать въ римскомъ епископѣ средоточіе католическаго единства. 3) Церкви должно быть возвращено ея прежнее представительное управление. 4) Должны быть введены какъ частные, такъ и общіе соборы съ полною свободою разсужденія и рѣшенія. 5) Изъ національныхъ собраній должны быть выбраны депутаты національныхъ церквей, какъ ихъ представители при средоточіи христіанства (папѣ). 6) Епископы и примасъ ничего не могутъ предпринять въ интересѣ своихъ провинціальныхъ и національныхъ церквей безъ согласія высшихъ соборовъ. Также и епископъ римскій, во всѣхъ вопросахъ, касающихся католическихъ интересовъ, долженъ подчиняться рѣшеніямъ высшаго собора, который будетъ существовать въ Римѣ съ титуломъ высшаго апостольскаго сената. 7) Католическое богослуженіе должно быть очищено отъ многихъ нововведеній. 8) Богослуженіе должно совершаться на народномъ языкѣ. 9) Богословскія науки должны примириться съ прочими науками. 10) Право законодательства о бракахъ принадлежитъ государству, какъ это и было въ первенствующей церкви. 11) Всѣ пункты духовной дисциплины, которые доселѣ служили предметомъ столкновеній между церковію и государствомъ, должны быть приведены въ согласіе съ разумными требованіями правительства національнаго и гармонія между обѣими силами должна установиться. 12) Надобно дать священнику отечество, дозволивъ ему невинныя и тихія удовольствія семейной жизни. 13) Всѣ монашескіе ордена обонхъ половъ должны быть уничтожены, кромѣ тѣхъ, которые служатъ чисто-человѣческимъ цѣлямъ. 14) Всѣ духовныя имѣнія должны быть обращены въ пользу національной церковной кассы. Управление ею будетъ въ рукахъ комиссій, состоящей изъ духовныхъ и мірянъ; ею будутъ покрываться расходы по церковному управленію, изъ нея будетъ выдаваться соразмѣрное съ саномъ содержаніе духовенства, такъ чтобы всѣ духовныя требы совершались безкорыстно и неопустительно.

Среди такого положенія дѣлъ въ самой Италіи, папа устремляетъ взоры на Востокъ и объявилъ въ послѣднее время, что онъ обратитъ все свое вниманіе на присоединеніе грековъ; и для этого въ пропагандѣ въ Римѣ составленъ особый комитетъ. Ультрамонтаны очень рады назначенію нунція въ Петербургѣ.

— Въ собраніи Евангелическаго Союза (Evangelische Unions-Verein), 1-го октября въ Галле, поставленъ былъ вопросъ о народныхъ книгахъ, и разными лицами высказаны слѣдующія желанія и замѣчанія:

«Распространять отдѣльные трактаты небольшими книжками гораздо удобнѣе, чѣмъ большія книги, потому что они скорѣе находятъ доступъ въ хижины бѣдныхъ и опытъ показалъ ихъ пользу. Желательно, чтобы изъ среды Союза назначена была коммиссія для строгаго разбора книгъ, изданныхъ разными обществами, во избѣжаніе повдвнхъ ошибокъ. Пасторы могли бы имѣть запасъ этихъ книжекъ, чтобы при удобныхъ случаяхъ употреблять ихъ въ дѣло. При постели больного, въ домахъ скорби охотно принимается слово утѣшенія. Дѣти приносятъ домой книжку, полученную отъ пастора, съ большою радостію; охотно читаютъ ее, и родители изъ устъ ребенка выслушиваютъ то, что они въ другомъ случаѣ съ нетерпѣніемъ отвергли бы. Но вмѣстѣ съ небольшими трактатами надобно распространять и значительныя сочиненія и для этого слѣдуетъ вездѣ основать народныя библіотеки. Въ нихъ должны входить 1) проповѣди—для тѣхъ, кто не можетъ идти въ церковь; 2) сочиненія о важнѣйшихъ предметахъ христіанской вѣры и жизни; 3) подвижническія сочиненія; 4) истолковательныя сочиненія по Св. Писанію въ томъ видѣ, какъ издаетъ ихъ Кальвскій союзъ (Calwer-Verein; о немъ я напишу вамъ); 5) церковно-историческія сочиненія; 6) миссіонерскія извѣстія; 7) отечественная исторія—преимущественно въ біографіяхъ; 8) хорошія описанія странъ и земель; 9) разказы, освѣщающіе жизнь народную Словомъ Божиимъ; 10) дѣтскія сочиненія. Библіотеки составляются изъ суммъ, собранныхъ отъ добровольныхъ дателей, церковныхъ попечителей и отъ самихъ церквей. Бѣдные приходы соединяются по четыре и ежегодно мѣняются книгами.

«Нужно основать центръ книжной торговли этого рола и главное—тщательнѣе организовать общество разнощиковъ (colportage). Самъ пасторъ не можетъ заниматься продажей книгъ, поэтому книги поручаются колпортѣрамъ, и тѣ, явившись въ приходѣ, дѣйствуютъ подъ руководствомъ пастора. Что все это возможно и не требуетъ капиталовъ огромныхъ, доказательствомъ тому служитъ Тюрингскій книжный союзъ, который началъ свою дѣятельность съ 10-ю талерами и доселѣ успѣлъ издать 51,963 листа трактатовъ, 15,600 книгъ съ священными картинами, 61,726

дѣтскихъ сочиненій, 1500 другихъ мелкихъ сочиненій и на 1143 талера большихъ сочиненій.»

Дѣятельность библейскихъ обществъ въ самомъ дѣлѣ изумительна. Когда вслѣдствіе новыхъ событій въ Италіи, сдѣлался возможнымъ ввозъ библій, къ таможи на итальянской границѣ спѣшны колпортеры съ тележкой, наполненною книгами. Они хотѣли поспѣть ранѣе всѣхъ, чтобы первому пробѣхать съ своими библіями въ недоступную до того страну. Вдругъ они видятъ, что впереди его стоятъ уже два вола; начинаются вопросы: Что везешь?—Библіи. Спрашиваютъ ближайшаго къ заставѣ: А у тебя что?—Библіи! Такимъ образомъ, первое, что ввезено въ Италію послѣ взрыва революціи—это библіи. Если этотъ рассказъ и вымышленъ, то и въ этомъ случаѣ онъ вѣренъ дѣйствительной неутомимости протестантскихъ обществъ распространенія книгъ. Теперь почти во всѣхъ журналахъ рассказываютъ о религиозномъ движеніи въ глухомъ закоулкѣ Франціи, которое произошло отъ 19 библій, вывавшихъ случайно изъ тележки колпортера и поданныхъ жителями.

Королевство Виртембергское извѣстно, какъ центръ германскихъ піетистовъ, отсюда со временъ Шпенера являются отличители всѣхъ малѣйшихъ измѣненій въ протестантствѣ. Извѣстны піетисты самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, начиная съ тѣхъ, которые живутъ въ полномъ мирѣ съ государствомъ и господствующею лютеранскою церковію, и оканчивая тѣми, которые полагаютъ закономъ не снимать шляпы предъ свѣтскимъ начальствомъ и называть церковь Вавилономъ. Крайнія проявленія піетизма обнаружались въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда Георгъ Раппъ, «съ избраннымъ корпусомъ Спасителя», въ 700 человекъ отправился въ Америку, чтобы тамъ основать общество, на новыхъ, социальнo-христіанскихъ началахъ. Это движеніе интересно и для насъ русскихъ, потому что піетисты въ это же время, съ разрѣшенія Александра Благословеннаго, выселились въ большомъ числѣ и въ Россію,—одни въ малороссійскія губерніи, другіе въ кавказскія провинціи на границѣ Азии, чтобы быть ближе къ Іерусалиму и при удобномъ случаѣ двинуться туда для основанія новаго христіанскаго царства. Кто знаетъ, не положили ли значительную долю и піетизмъ германскій въ разныя секты русскихъ раскольниковъ?

Піатистическія движенія въ южной Германіи постоянно соединялись съ социальными вопросами; земли здѣсь чрезвычайно дороги, и масса населенія находится въ очень невѣрномъ положеніи. Отсюда піатизмъ находитъ сочувствіе въ людяхъ, готовыхъ уже къ всякому протесту, политическому и религіозному; съ своей стороны онъ искренно болѣе или менѣе старается помочь нуждамъ бѣдныхъ. Съ этимъ характеромъ является и теперь движеніе піатизма въ лицѣ *Христіана Гофмана*, принявшаго титулъ «епископа нѣмецкаго храма.» Вотъ объявленіе его отъ 19 іюня, 1861 г.

«Имѣя въ виду всеобщее разстройство человѣческой жизни, причина котораго заключается въ томъ, что ни одна изъ существующихъ церквей не думаетъ о возстановленіи человѣка въ храмъ Божій и о созданіи святилища для всѣхъ народовъ въ Иерусалимѣ, мы нижеподписавшіеся объявляемъ наше отреченіе отъ Вавилона, т. е. отъ существующихъ церквей и сектъ, и соединяемся для возстановленія нѣмецкаго храма, исполненія закона, Евангелія и пророчествъ». (Слѣдуютъ 64 подписи.)

Нѣсколько лѣтъ назадъ общество это не разрывало своихъ сношеній съ господствующею церковію и обдумывало одинъ планъ построить въ Иерусалимѣ храмъ, откуда истинная религія должна разлиться по всему міру и побѣдить Вавилонъ. Сдѣланы были посильные сборы, и въ Иерусалимъ отправлены депутаты, которые должны были испросить у турецкаго правительства земли для колоніи, право собственнаго управленія и суда, и свободу отъ всѣхъ податей. Депутаты возвратились съ отказомъ отъ турецкаго правительства и объявили, что издержки на одно переселеніе превосходятъ въ сто разъ собранную сумму. Такимъ образомъ мысль о переселеніи пріостановилась; но въ тиши недовольство развивалось: пасторовъ осуждали какъ наемниковъ и довели до того, что консисторія предложила желающимъ явно отдѣлиться отъ господствующей церкви, если они такъ ею недовольны. Это, какъ видимъ, и заявлено теперь. Но мысль о храмѣ Иерусалимскомъ слилась какъ-то съ храмомъ нѣмецкимъ и чего собственно диссиденты добиваются, трудно пока понять. Но вотъ позднѣйшее объявленіе *Христіана Гофмана*:

«Потребность въ новомъ вѣроисповѣданіи, которое полагаетъ своею цѣлю исполненіе закона, Евангелія и пророчествъ, дѣйствительно улучшаетъ состоянія людей и устраняетъ вѣроисповѣдныя споры, — потребность въ такомъ вѣроисповѣданіи давно

уже чувствовалась всѣми. Теперешнее положеніе Германіи прі-
нуждаетъ къ рѣшимости — вызвать къ жизни новое вѣроисповѣ-
даніе и такимъ образомъ создать храмъ Божій для Германіи.

«Основаніемъ нѣмецкаго храма не можетъ быть что-либо дру-
гое, кромѣ Св. Писанія; поелику оно не только даетъ средства
къ удучшенію самыхъ худыхъ и развращеннѣйшихъ состояній,
но и проповѣдуетъ также усовершенство отдѣльныхъ лицъ и
всего человѣчества до совершенства. Различныя церкви и секты
упустили изъ вида эту ясную цѣль Св. Писанія и изъ этого не-
вѣрія произошли наши настоящія безнадежныя положенія. Не-
сомнѣненъ фактъ, что развитіе нѣмецкаго народа пришло къ
безвыходному концу. Причина этого—недостатокъ въ святилищѣ,
изъ котораго каждый отдѣльный человѣкъ получалъ бы побуж-
деніе къ вѣрному дѣйствованію для своего личнаго и общаго
блага. Такія побужденія въ сильнѣйшей мѣрѣ можно находить
только въ пророчествѣ, которое, съ одной стороны, угрожаетъ
сильнѣйшими наказаніями людямъ, сомнѣвающимся въ прогрессѣ
человѣчества и задерживающимъ его,—съ другой, представляетъ
человѣку блестящее состояніе, которое возможно для него,—
именно возстановленіе здравія душевнаго и тѣлеснаго, увеличе-
ніе долготѣія и въ такой именно мѣрѣ, что послѣдній врагъ
смерть упразднится. Только чрезъ исполненіе пророчества поло-
женъ будетъ конецъ колебанію человѣка между возвышеніемъ
и паденіемъ, и дѣйствительно установится безконечный прогрессъ
рода человѣческаго.

«Нѣмецкій храмъ почерпаетъ свой богослужебный чинъ изъ
Св. Писанія; но не въ немъ—главное; поелику такіе чины нахо-
дятся уже и въ существующихъ церквахъ. Главнымъ дѣломъ нѣ-
мецкаго храма и новаго вѣроисповѣданія должны быть средства,
которыми приводится человѣкъ на путь освященія и устраняются
препятствія къ его счастью и блаженству».

Средства эти, по ихъ указанію, слѣдующія: 1) надобно помочь
разстройству семейной жизни; 2) уравнивать отношенія между
богатымъ и бѣднымъ, между дѣйствительною потребностію и ро-
скошью; 3) создать, при помощи всей Германіи, храмъ въ Иеруса-
лимѣ и основать нѣмецкую колонію; 4) преобразовать воспитаніе
нѣмецкаго юношества, въ которомъ замѣчается недостатокъ нрав-
ственной основы; 5) государство и церковь должны дѣйствовать
согласно для достиженія этой цѣли; иначе врагъ Германіи—Фран-
ція и социализмъ ея—неизбѣжно погубятъ Германію.

— Die kirchliche Legende über die Heiligen Apostel für Geistliche und Nichtgeistliche aller Confessionen. Franz Otto Stichert, Pfarrer. Leipzig. 1861. (Церковныя сказанія о святыхъ апостолахъ для духовныхъ и мірянъ всѣхъ вѣроисповѣданій.)

Эту книгу смѣло можно рекомендовать, какъ одно изъ добросовѣстнѣйшихъ и полезнѣйшихъ сочиненій послѣдняго времени. Авторъ положилъ задачею собрать все, что только сохранилось въ церкви и ея преданіяхъ о св. апостолахъ; начитанность его огромная, и онъ приводитъ свидѣтельства, большею частію по первоисточникамъ и неизданнымъ доселѣ рукописямъ. Послѣ послѣдняго труда Каве ничего подобнаго не было. Изъ новѣйшихъ извѣстій онъ собралъ подробныя указанія, гдѣ имѣются св. мощи или части мощей 12-ти апостоловъ.

Вышла первая часть четвертаго тома сочиненій Кеплера, издаваемыхъ профессоромъ Фришемиъ. Здѣсь между прочимъ помѣщено сочиненіе, написанное Кеплеромъ въ 1613 г., въ которомъ онъ доказываетъ, что наше счисленіе отстаеъ отъ дѣйствительнаго дня Рождества І. Христа на полныя 5 лѣтъ, и что тогда нужно было считать не 1613 а 1618 годъ отъ Рождества Христова. Доказательства на это онъ выводитъ: 1) Изъ года смерти Ирода, который, по Іосифу Флавію, долженъ падать на 42 годъ юліанскаго календаря. 2) Изъ времени избіенія младенцевъ въ Вилеємѣ. 4) Изъ приблизительнаго опредѣленія возраста Іисуса Христа при Его крещеніи и вступленіи Его на проповѣдь.

Первое изъ этихъ доказательствъ Кеплеръ развиваеъ съ большею подробностію и показываетъ, что Іосифъ не ошибался въ годъ смерти Ирода, такъ какъ лунное затмѣніе должно было именно случиться 13 марта 42 года, по юліанскому счисленію. При этомъ случаѣ Кеплеръ замѣчаетъ, что до 500 г. по Р. Х. церковь вѣрно знала годъ Рождества І. Христа, и что ошибка произошла съ того времени, когда не только церковныя происшествія, но и гражданскія, начали считать отъ Р. Христова.

p***

НОВЫЯ КНИГИ.

Жизнь графа Сперанскаго. Два тома. Спб. 1864.

М. М. Сперанскій безпорно принадлежитъ къ числу величайшихъ государственныхъ дѣятелей Россіи. Родившись въ 1772 г. отъ бѣднаго священника владимірской епархіи, получивши воспитаніе въ духовныхъ школахъ, Сперанскій единственно своими дарованіями, трудами и заслугами достигъ той высоты, на которой, въ качествѣ государственнаго секретаря, сдѣлался участникомъ всѣхъ государственныхъ думъ, заботъ и стремленій императора Александра I. Злоба аристократовъ къ человѣку, вышедшему не изъ ихъ среды, поставленному во главѣ государственнаго управленія, успѣла огласить Сперанскаго опаснымъ нововводителемъ и даже измѣнникомъ. Императоръ Александръ менѣе всѣхъ вѣрилъ этому и однако принужденъ былъ уступить общему голосу, требовавшему паденія Сперанскаго. Сперанскій былъ удаленъ отъ дѣлъ и провелъ четыре тяжелыхъ года (1812 — 1816 г.) въ ссылкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Перми и въ своемъ новгородскомъ помѣстьѣ—Великопольѣ. Благодушіе императора Александра снова возвратило Сперанскаго на государственную службу и дало ему возможность усердною дѣятельностію *въ полной мѣрѣ очистить себя отъ небывалыхъ преступленій*. Терпѣливо прошелъ Сперанскій свой очистительный подвигъ въ должности пензенскаго губернатора и сибирскаго генералъ-губернатора, снова былъ вызванъ ко двору (1821 г.), но уже не возвышался до прежней степени въ царствованіе императора Александра I. Государь Николай I въ началѣ своего царствованія неблагоклонно и подозрительно смотрѣлъ на Сперанскаго. Задумавши кодификацію законовъ, государь не-хотя поручилъ это дѣло Сперанскому, потому что иначе некимъ было взяться. Невольный выборъ оказался самымъ лучшимъ. Сперанскій съ необыкновеннымъ успѣхомъ и быстротою совершилъ «монументальное дѣло» составленія «Полнаго собранія» и «Полнаго Свода Законовъ Россійской Имперіи»—трудъ громадный, свидѣтельствующій о необыкновенной энергіи и даровитости Сперанскаго. Послѣдній періодъ своей многотрудной жизни Сперанскій провелъ сравнительно спокойно. Россію помирили съ ея передовымъ человѣкомъ его страданія, его незлобіе,

его дѣла. Онъ умеръ 11 февраля 1839 г. *графомъ Сперанскимъ*, безъ сомнѣнія далеко не исполнивъ своихъ великихъ назначеній.

Биографія Сперанскаго любопытна для всѣхъ, кто интересуется судьбами нашего отечества въ его недавнемъ прошломъ. Имя Сперанскаго тѣсно связано съ исторіею важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій за первую половину царствованій Императоровъ Александра I и Николая I. Для насъ особенно интересна жизнь Сперанскаго, «бѣднаго семинариста—сына своихъ дѣлъ», не потому только, что онъ былъ *наше* по происхожденію и воспитанію, но потому особенно, что онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ преобразованіи духовныхъ училищъ, оказалъ церкви и духовенству такія заслуги, которыя нынѣ, въ виду новыхъ улучшеній и преобразованій во духовному вѣдомству, не могутъ быть пройдены молчаніемъ. Съ этой собственно стороны мы намѣрены представить вниманію читателей дѣла Сперанскаго, пользуясь для сего книгою барона Корфа.

«По докладу князя Голицына—тогда синодальнаго оберъ-прокурора, пишетъ баронъ Корфъ, указомъ 29 ноября 1807 г. повелѣно было составить особенный комитетъ для усовершенствованія духовныхъ училищъ и для изысканія способовъ къ улучшенію содержанія духовенства. Въ число шести членовъ этого комитета, свѣтскихъ и духовныхъ, назначенъ былъ в статсъ-секретарь Сперанскій. Самъ воспитанникъ, потомъ преподаватель и наконецъ префектъ въ духовныхъ заведеніяхъ, онъ подробно зналъ ихъ устройство и недостатки, и, принявъ живое и дѣятельное участіе въ дѣйствіяхъ комитета, тотчасъ сдѣлался его душою.

«Въ Россіи для образованія духовенства существовали тогда 4 академіи, 36 семинарій и только 115 низшихъ училищъ. На содержаніе въ нихъ 29,000 учащихся отпускалось всего 180,000 руб. ассиг. При такихъ скудныхъ средствахъ, эти заведенія, сверхъ того, не имѣли ни систематической организаціи, ни уставовъ, ни связи въ управленіи, ни полноты или правильности въ учебныхъ курсахъ, даже не соединялись ни подъ какимъ общимъ надъ ними надзоромъ. Комитетъ опредѣлилъ, въ главныхъ чертахъ, предметы и кругъ преподаванія, порядокъ и отношенія управленія, въ отдѣльномъ отъ гражданскаго вѣдомства составѣ, и мѣстное раздѣленіе училищъ по степенямъ. Число академій и семинарій было оставлено прежнее, но въ каждой епархіи положено имѣть 10 уѣздныхъ и 30 приходскихъ училищъ, съ от-

пускомъ на эту часть, вмѣсто 180,000, по 1,669,450 р. въ годъ; для пополненія же этой суммы и съ тѣмъ вмѣстѣ для улучшенія содержанія причтовъ, опредѣлено возстановить право церкви на исключительную продажу восковыхъ церковныхъ свѣчъ, право дарованное имъ еще Петромъ Великимъ, но потомъ, съ теченіемъ времени, ослабѣвшее и напослѣдокъ, отъ дозволенія въ таможенномъ уставѣ 1755 года, крестьянамъ торговать церковными свѣчами, совсѣмъ утраченное. Сперанскій не остался въ долгу передъ сословіемъ, въ которомъ родился, и передъ мѣстами, въ которыхъ образовался. Мысль о возстановленіи упомянутого права, въ существѣ столь простая и между тѣмъ никому не приходившая въ продолженіи полулѣтка, принадлежала по общему отзыву всѣхъ членовъ комитета, бывшему префекту, а извѣстно, какія огромныя капиталы она доставила, впослѣдствіи, духовному вѣдомству, безъ отягощенія казны и народа. Сперанскимъ же были написаны окончательный докладъ комитета и представленное при докладѣ начертаніе правилъ объ образованіи духовныхъ училищъ и о содержаніи духовенства.»

Предположенія комитета были утверждены государемъ 26-го іюня 1808 года и тогда же была учреждена особая *комиссія духовныхъ училищъ*, въ видѣ установленія постоянного; Сперанскій назначенъ былъ въ число ея членовъ, а по открытіи С.-Петербургской духовной академіи въ обновленномъ ея видѣ, онъ былъ избранъ въ протекторы философіи.

Нельзя не замѣтить, что открытій Сперанскимъ источникъ духовно-училищнаго капитала, образовавшійся отъ продажи церковныхъ свѣчъ, вѣрно и какъ нельзя болѣе удачно былъ сообразованъ и съ потребностями духовнаго вѣдомства и съ интересами православнаго народа, — съ какихъ бы сторонъ мы на нихъ не смотрѣли. Воспитаніе и приготовленіе священно-и церковно-служителей по этой системѣ поддерживается средствами церковными, въ образованіи которыхъ участвуетъ народъ, удовлетворяя только своимъ непосредственнымъ религиознымъ потребностямъ. Мысль о томъ, что церковныя суммы, образуящаяся отъ продажи свѣчъ, идутъ на приготовленіе священно-церковнослужителей, очень много значить для народа, который въ дѣлѣ религіи не пожелаетъ служить сурогатомъ для какихъ-либо стороннихъ, гражданскихъ интересовъ. Если бы предположить отдѣленіе такъ-называемой *свѣчной* суммы отъ церкви и поглощеніе ея въ общей государственной казнѣ, тогда религі-

озное чувство народа болѣзненно парализовалось бы этой гражданской опекой надъ церковью. Церковь есть самобытный духовный организмъ, живущій своею жизнью: ея благу народъ готовъ служить свободно, и тотъ же народъ готовъ отъвертаться отъ церкви, если бы увидѣлъ, что гражданскіе чиновники стали бы собирать церковныя суммы и гражданское вѣдомство стало бы готовить для церкви ея служителей. Мѣра, установленная Сперанскимъ, въ теченіи полувѣковаго опыта оправдала себя со всѣхъ сторонъ, а въ настоящее время она является въ новомъ, благопріятѣйшемъ свѣтѣ: нынѣ при болѣе чувствительномъ развитіи религиозныхъ интересовъ, съ одной стороны, при сложныхъ затрудненіяхъ финансоваго и экономическаго быта народа съ другой, невозможно представить никакой другой мѣры, которая болѣе соотвѣтствовала бы тому же назначенію по условіямъ времени.

«Въ комиссіи духовныхъ училищъ Сперанскій былъ сначала столь желательнымъ участникомъ всѣхъ занятій, какъ прежде въ комитетѣ. Для успѣшнѣйшаго теченія дѣлъ поставлено было правиломъ, чтобы главные проекты, истекавшіе изъ круга занятій комиссіи, составлялись самими членами, и Сперанскій, взявъ на себя сочиненіе уставовъ всѣхъ училищъ, уже 9-го февраля 1809-го года успѣлъ представить первую часть проекта академическаго устава и планъ двухъ слѣдующихъ. Комиссія, «принявъ эту работу—какъ сказано въ журналѣ—съ достодожною признательностію», вполне ее утвердила. Но съ тѣмъ вмѣстѣ Сперанскій нашелся вынужденнымъ, по множеству другихъ своихъ занятій, отказаться отъ дальнѣйшаго составленія уставовъ, и продолженіе ихъ было поручено другому члену комиссіи, казужскому архіепископу Теофилактѣ, довершившему потомъ это дѣло въ порядкѣ и по плану, какіе были указаны первоначальнымъ его составителемъ (*). (Томъ I, стр. 253—255).

«Въ отчетѣ, представленномъ 11-го февраля 1811-года, Сперанскій изъявилъ желаніе сложить съ себя званіе члена комиссіи духовныхъ училищъ. «Комиссія, говорилъ онъ, занимается теперь приложеніемъ общихъ правилъ къ подробностямъ. Журналы ея составляютъ цѣлыя стопы бумагъ, къ коимъ, безъ пользы и съ потерю времени, я долженъ только прикладывать

(*) - Самые уставы вышли, впрочемъ, уже гораздо позже, и именно 30 августа 1814 г. (Полное собраніе законовъ № 25,673—25,676) .

руку. Новыя учрежденія по училищной духовной части должны входить или въ Совѣтъ, или въ Комитетъ (министровъ), и слѣдовательно, если бы нѣкоторое участіе мое въ дѣлахъ сего рода и могло быть полезно: то оно всегда можетъ быть употреблено въ своемъ мѣстѣ. Вообще часть сія требуетъ терпѣнія и не можетъ идти съ успѣхомъ въ настоящемъ образѣ управленія.»

«Но увольненіе его не послѣдовало. Онъ оставался членомъ комисіи духовныхъ дѣлъ до тѣхъ поръ, пока мѣсть не велѣно было совсѣмъ исключить его изъ гражданскаго списка.» (Стр. 261—262.)

Припомнимъ важнѣйшія стороны устава, которыя и въ настоящее время заслуживаютъ полнаго вниманія. Это въ учебномъ отношеніи—*стройная послѣдовательность въ распредѣленіи предметовъ*: она нарушена была и искажена послѣдующими измѣненіями и разнородными приставками (какъ это показано въ статьяхъ гг. Бѣлавина въ *Прав. Обзор.* и Шѣвницкаго въ *Трудахъ кievск. дух. акад.*), а въ административномъ отношеніи—*коллегіальное начало*, такъ какъ исключительная сила придана академической конференціи, и бѣлое духовенство нисколько не устранено отъ управленія; ректоромъ академіи по уставу можетъ быть протоіерей. Эти стороны устава заслуживаютъ особеннаго вниманія и безпристрастнаго обсужденія при составленіи новаго проекта преобразованія духовныхъ училищъ: онѣ могли бы получить теперь правильное дальнѣйшее развитіе.

Сдѣлавши такъ много для духовенства, Сперанскій хотѣлъ чтобы духовное юношество обязательно послужило на пользу общества: мы разумѣемъ вызовъ студентовъ изъ духовныхъ заведеній для юридическаго образованія. Сперанскій сознавалъ присущія духовенству силы и вмѣстѣ съ собою вывелъ изъ духовенства и образовалъ многихъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей.

«Въ 1828 году, пишетъ баронъ Корфъ, когда уже было окончено историческое обозрѣніе нашего законодательства и приступлено къ составленію догматическихъ сводовъ, Сперанскій представилъ государю, что для установленія правосудія на твердыхъ основаніяхъ необходимы не одни явные и положительные законы, но и знающіе судья и законовѣдцы... Вслѣдствіе того Сперанскій предложилъ: 1) вызывать изъ духовныхъ академій с.-петербургской и московской по три лучшихъ студента, исполнѣ

окончившихъ курсъ, помѣстить ихъ въ с.-петербургскій университетъ, на казенный счетъ, для слушанія лекцій только по римскому праву и латинской словесности; 2) этимъ студентамъ являться, сверхъ того, каждый день во II-е отдѣленіе, гдѣ слушать у его чиновниковъ уроки русскаго публичнаго и гражданскаго права, а также читать лучшія юридическія сочиненія, съ представленіемъ письменныхъ о нихъ отчетовъ, практически упражняться въ дѣлопроизводствѣ и составлять систематическія алфавиты къ «Полному Собранію Законовъ»; 3) по выдержаніи ими строгаго экзамена во всемъ пройденномъ, поручить этимъ новымъ профессорамъ образовать нѣсколькихъ лучшихъ изъ казенныхъ студентовъ с.-петербургскаго и московскаго университетовъ, для приготовленія себѣ достойныхъ помощниковъ и преемниковъ. «Такимъ образомъ, говорилъ онъ въ заключеніи докладной записки, положено будетъ твердое начало юридическому образованію въ Россіи и, судя по охотѣ къ сему роду ученія, въ молодыхъ людяхъ примѣтной, должно надѣяться, что оно скоро распространится и перестанетъ быть рѣдкимъ.»

«Избранные на этомъ основаніи, студенты духовныхъ академій по окончаніи предназначенныхъ имъ курсовъ, доказали свои успѣхи на шести испытаніяхъ, при которыхъ Сперанскій всегда лично присутствовалъ. Во время экзаменовъ у него родилась мысль отправить ихъ, для дальнѣйшаго еще усовершенствованія въ одинъ изъ иностранныхъ университетовъ. По сношенію съ знаменитымъ Александромъ Гумбольтомъ, онъ выбралъ для этого университетъ берлинскій, гдѣ наши молодые люди, подъ надзоромъ извѣстнаго Савиньи, были вверены особенному попеченію и руководству профессора Рудорфа. Къ первымъ шести, присланнымъ сюда студентамъ, позже были присоединены еще новые, частію вызванные также изъ духовныхъ академій и подобно первымъ прослушавшіе курсы сперва въ петербургскомъ университетѣ, а потомъ во II-мъ отдѣленіи. Всѣ они, во время пребыванія за границею, постоянно представляли II-му отдѣленію письменные отчеты о своихъ занятіяхъ, а въ 1830-мъ и въ 1832-мъ годахъ Сперанскій при поѣздкахъ, для поправленія своего здоровья, къ заграничнымъ водамъ, по нѣскольку дней проводилъ въ Берлинѣ, чтобы лично удостовѣриться въ ихъ успѣхахъ и переговорить о ходѣ ихъ занятій съ профессорами. Одна часть студентовъ возвратилась въ Петербургъ въ 1832-мъ году, другая въ 1834-мъ; послѣ чего бывъ еще оставлены на нѣкото-

рое время при II-мъ отдѣленіи для практическихъ занятій, частью же для перевода на русскій языкъ приготовлявшагося тогда Свода Законовъ остзейскихъ губерній, они, по выдержаніи экзамена на степень доктора правъ, были размѣщены профессорами въ разные наши университеты. Между этими воспитанниками Сперанскаго назовемъ: Неволина, Редкина, Калмыкова, двухъ братьевъ Баршевыхъ, Крайхфельда, Алексѣя Куницына и др., которыхъ имена сдѣлались болѣе или менѣе извѣстными не только по педагогической ихъ дѣятельности, но и въ юридической нашей литературѣ. Только съ этого времени открылась возможность замѣщать профессорскія кафедръ русскими учеными правовѣдами и давать молодымъ поколѣніямъ настоящее юридическое образованіе, не одно, какъ прежде, общее, но и специальное въ области отечественнаго законовѣдѣнія » (Томъ II, стр 328—330).

ПРОЩАНІЕ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ СЪ ПРОФ. ЮРКЕВИЧЕМЪ.

Сообщаемъ читателямъ свѣдѣнія о прощаніи кіевской духовной академіи съ профессоромъ философіи П. Д. Юркевичемъ.

«Кіевская академія въ числѣ своихъ лучшихъ преподавателей справедливо можетъ считать многихъ профессоровъ философіи. Въ ея исторіи памяты имена Карпова, Новицкаго, Михиѣвича, Авсенева, Гогоцкаго. Въ послѣднее время приобрѣлъ въ ней извѣстность профессоръ философіи П. Д. Юркевичъ. Девятилѣтняя его служба при академіи, гдѣ получилъ онъ и образованіе, прошла въ непрерывномъ трудѣ, посвященномъ изученію философіи. Его литературная дѣятельность по участію въ академическомъ журналѣ («Труды кіевской дух. Академіи») расширила его извѣстность и вывела его на болѣе обширное поприще. Ему сдѣлано было предложеніе занять въ званіи ординарнаго профессора кафедру философіи въ московскомъ университетѣ. Старѣйшій и передовой изъ нашихъ университетовъ показалъ въ этомъ случаѣ примѣръ безпристрастной оцѣнки личныхъ дѣйствительныхъ достоинствъ: оставивши въ сторонѣ формальности и наружныя дипломы, онъ искалъ ученаго мыслителя. 18 октября минувшаго года состоялся приказъ по министерству народнаго

просвѣщенія о перемѣщеніи ординарнаго профессора кievской духовной академіи магистра Юркевича въ московскій университетъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ философіи.—Академія дорожила этимъ профессоромъ и не могла безразлично отнестись къ этому перемѣщенію. 26 ноября товарищи, бывшіе сосовпитанники и ближайшіе изъ знакомыхъ г. Юркевича, пригласили его на прощальный обѣдъ, который былъ приготовленъ въ квартирѣ ректора академіи. Тихая, но оживленная бесѣда сопровождала этотъ болѣе семейный, чѣмъ торжественный обѣдъ. Въ числѣ участвовавшихъ здѣсь находились также бывшіе преподавателями философіи въ кievской академіи воспитанники ея: помощникъ попечителя кievскаго учебнаго округа І. Г. Михѣвичъ, членъ кievскаго цензурнаго комитета О. М. Новицкій и ордин. профессоръ педагогикъ въ университетѣ св. Владиміра С. С. Гогоцкій, изъ которыхъ первый былъ по выходѣ изъ академіи профессоромъ философіи въ Ршсельевскомъ лицей, а два послѣдніе читали философію въ университетѣ св. Владиміра до закрытія философскихъ кафедръ въ 1850 году. При концѣ обѣда ректоръ академіи архимандритъ Филаретъ въ краткихъ словахъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что съ отбытіемъ проф. Юркевича кievская академія лишается достойнѣйшаго изъ своихъ преподавателей и вмѣстѣ желаніе ему многоплодной дѣятельности на новомъ, болѣе обширномъ поприщѣ, на которое онъ избранъ ученымъ сословіемъ московскаго университета. Послѣ того сказано было привѣтствіе и благожеланіе помощникомъ попечителя, г. Михѣвичемъ, который вспоминая прошедшія неблагопріятныя обстоятельства, сопровождавшія закрытіемъ философскихъ кафедръ, выразилъ надежду на болѣе свободное философское развитіе вышнѣшняго времени, и предложилъ тостъ за скрѣпленіе связи между нашими академіями и университетами, «чтобы эта связь скрѣплялась болѣе и болѣе и чтобы истинные таланты всегда цѣнились такъ, какъ показалъ теперь первый примѣръ этому московскій университетъ, т. е. не по мѣсту образованія ихъ и не по однимъ вышнѣшнимъ отличіямъ учености и дипломамъ званій, а по самому знанію и прямымъ результатамъ его—ученымъ занятіямъ и трудамъ.» Г. Юркевичъ въ отвѣтъ на это привѣтствіе, въ простыхъ словахъ благодарилъ собраніе за оказанное ему вниманіе; относя это вниманіе къ интересу науки, которой былъ преподавателемъ, и ея особенному значенію для духовныхъ заведеній обязанныхъ преслѣдовать интересы высшаго

умственного образованія, и высказалъ чувства признательности, съ которыми разстается съ академіей. Въ заключеніе О. М. Новицкій обратился ко всему собранію съ рѣчью, въ которой между прочимъ сказалъ: «Если не ошибаюсь, это первый среди насъ опытъ гласнаго выраженія сочувствія къ товарищу по наукѣ, во имя науки; дай Богъ, чтобы этотъ опытъ не былъ послѣднимъ, чтобы сочувствіе къ достойнымъ ея представителямъ не скрывалось болѣе, но всѣми возможными способами гласно выходило на широкій Божій свѣтъ; въ дѣлѣ гласности лежитъ выраженіе созрѣвающаго сознанія великаго достоинства науки.»

Это прощаніе кievской академіи съ профессоромъ Юркевичемъ дѣйствительно есть первый опытъ въ жизни нашихъ духовныхъ заведеній открытаго признанія серьезной важности философіи для интересовъ духовнаго образованія, равно какъ первый опытъ справедливой оцѣнки профессора, вызванной не какими-либо высшими преимуществами, но дѣйствительными достоинствами, за которыя академія дорожила этимъ профессоромъ какъ лучшимъ своимъ представителемъ. Желательно, чтобы въ нашихъ академіяхъ вообще установилось такое серьезное отношеніе къ наукѣ и ея способнѣйшимъ дѣятелямъ.

ПРЕДПОЛОЖЕНІЕ О НАЗНАЧЕНІИ ВЪ ДОЛЖНОСТИ БЛАГОЧИННЫХЪ ПО ВЫБОРУ ДУХОВЕНСТВА.

Изъ Кіева пишутъ, что тамошній преосвященный митрополитъ Арсеній, извѣстный своими административными мѣрами по дѣлу народнаго образованія въ кievской епархіи, недавно сдѣлалъ важное распоряженіе по епархіальному управленію: *подвернуть благочинныхъ выбору самому духовенства*. Отъ этой мѣры надобно ожидать самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій: 1) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что духовенство цѣлаго благочинія никогда не выберетъ себѣ въ благочинные челоуѣка недостойнаго; доказательствомъ этому можетъ служить избраніе духовниковъ, которые вездѣ избираются самимъ духовенствомъ,—избираются строго и добросовѣстно и всегда удачно; слѣдовательно начальство можетъ быть увѣрено, что выборъ въ благочинные всегда будетъ падать на

лица достойныя, стоящія довѣрія. 2) Благочинный, избранный самимъ духовенствомъ, чрезъ это самое будетъ облеченъ довѣріемъ и со стороны лицъ, которыя должны быть ему подвѣдомы; чрезъ это прекращается всякая возможность, произвольнаго недовольства, подозрѣнія, различныхъ *отседовъ* благочинныхъ отъ производства тѣхъ или другихъ дѣлъ тою или другою стороною, заинтересованною въ дѣлѣ; чрезъ это наконецъ самыя рекомендаціи благочинныя получаютъ неоспоримое значеніе и въ глазахъ духовенства и у самого епархіальнаго начальства. Конечно можетъ-быть, *накоторыя* изъ настоящихъ благочинныхъ будутъ противъ этой мѣры, чувствуя, что свободный выборъ не падеть на нихъ, и будутъ придумывать самыя небывалыя пренятствія къ осуществленію ея: но это недовольство и эти ухищренія ясное всего будутъ говорить противъ достоинства самыхъ недовольныхъ. Впрочемъ мы увѣрены, что найдутся и такіе, которые, не смотря на личныя опасенія, крѣпко станутъ за эту разумную и плодотворную мѣру. А когда она будетъ введена, то скоро *все* увидятъ, что *такъ*—несравненно лучше.—Очень любопытно было бы знать, какія основанія и условія выбора предложены просвѣщеннымъ кievскимъ архипастыремъ: допущено ли избраніе въ благочинные изъ присутствующихъ въ консисторіяхъ и духовныхъ правленіяхъ? Конечно должность благочиннаго есть должность исполнительная, а должность присутствующихъ — судейская; но еслибъ, зная и понимая это, духовенство все-таки рѣшилось избрать присутствующаго, — слѣдуетъ ли запрещать это? Потому: на какой срокъ будутъ избираться благочинные? Наконецъ: будетъ ли положено благочиннымъ жалованье отъ церкви ихъ вѣдомства, чтобы уничтожить поборы во время благочинническихъ визитацій и вмѣстѣ дать благочиннымъ какъ необходимое вознагражденіе за труды, такъ и обезпеченіе для ихъ развѣдывъ и проч?

ИЗЪ ХАРЬКОВА, ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

«Въ статьѣ: «Состояніе и нужды духовно-учебныхъ заведеній», помѣщенной въ послѣдней книжкѣ издаваемаго вами журнала (Прав. Об. Декабрь 1861) между прочимъ, сказано: «Мы удив-

ляемся, почему, наприм., преосвященный Макарій изъ своего обширнаго «Богословія» не составитъ учебника для семинарій, который, кажется, во многихъ отношеніяхъ могъ бы быть лучше принятаго въ употребленіе руководства» (—стр. 593).

«Позвольте объяснить, что это удивленіе произошло отъ невѣдѣнія. Уже болѣе шести лѣтъ, какъ мною соображено мое православно-догматическое Богословіе, и изложено въ формѣ учебника для семинарій, который тогда же, по рассмотрѣніи его с.-петербургскимъ комитетомъ духовной цензуры, и представленъ, куда слѣдуетъ. Но что случилось потомъ съ моимъ учебникомъ, кому порученъ онъ для окончательнаго рассмотрѣнія, рассмотрѣнъ ли или не рассмотрѣнъ, найденъ ли совершенно не годнымъ или требующимъ только нѣкоторыхъ исправленій, — о всемъ этомъ я доселѣ не имѣю никакихъ, по крайней мѣрѣ, официальныхъ извѣстій. Пишу къ вамъ единственно съ цѣлію отклонить отъ себя незаслуженный мной укоръ, будто я не хотѣлъ потрудиться для нашихъ среднихъ духовно-учебныхъ заведеній и послужить имъ, по мѣрѣ силъ моихъ, составленіемъ учебника. И такъ какъ вами напечатано въ вашемъ журналѣ то, что бросаетъ на меня нѣкоторую невыгодную тѣнь: то надѣюсь, что вы не откажетесь напечатать на страницахъ того же журнала и настоящее мое объясненіе (*).

МАКАРІЙ, Еп. Харьковскій.

29 дек.
1861 года.

Вышли изъ печати Богослужебные каноны на греческомъ, славянскомъ и русскомъ языкѣ, *второе, исправленное изданіе*—Профессора Спб. духовной академіи *Е. Ловица* (**).

(*) Очень рады, что наша замѣтка подала поводъ къ разъясненію дѣла во всѣхъ отношеніяхъ интереснаго для нашихъ духовно-учебныхъ заведеній и вообще для духовенства. *Ред.*

(**) Цѣна за экземпляръ въ 4-ю долю листа: 1 р. 65 коп. безъ пересылки; съ пересылкою 2 руб. серебромъ. Тѣ же каноны на двухъ языкахъ славянскомъ и русскомъ, въ 8-ю д. л. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 р. 50 к. Тѣ же каноны на одномъ русскомъ языкѣ въ 12-ю д. л. цѣна 45 коп.; съ пересылкою 75 коп. сер. продаются: у издателя профессора

Содержаніе книги слѣдующее: каноны ва величайшіе праздни- ки православной Церкви: 1) Рождество Христово, 2) Богоявле- ніе Господне, 3) Срѣтеніе Господне, 4) Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы, 5) Недѣлю Ваиѣ, 6) Св. Пасху, 7) Вознесеніе Го- сподне, 8) Св. Пятдесятницу, 9) Преображеніе Господне, 10) Успеніе Пресвятой Богородицы; 11) Рождество Пресвятой Бого- родицы; 12) Воздвиженіе Креста Господня, и 13) Введеніе Пре- святой Богородицы. Каноны святой и великой четыредесятиницы: 1) Великій канонъ Св. Андрея Критскаго, 2) канонъ съ акаѳи- стомъ Божіей Матери, 3) каноны на страстную седмицу, какъ-то: трипѣснець на великій понедѣльникъ, двухпѣснець на великій вторникъ, трипѣснець на великую среду, канонъ на великій четвертокъ, трипѣснець на великій пяткъ и канонъ на великую субботу. Примѣчаніе. Важнѣйшія разности (варіанты) въ грече- скомъ текстѣ.

Нельзя не желать возможно-большаго распространенія этого изданія. Священники могутъ рекомендовать его своимъ прихожа- намъ; и всякій—своимъ знакомымъ. Мы особенно рекомендуемъ «изданіе каноновъ на двухъ языкахъ: славянскомъ и русскомъ»— Прочитывая предварительно дома тотъ или другой канонъ; будутъ съ большимъ вниманіемъ, повниманіемъ и благоговѣніемъ слушать чтеніе и пѣніе тѣхъ каноновъ въ церкви, а затѣмъ мало по малу и все вообще церковное Богослуженіе.

Намъ случалось слышать отъ нѣкоторыхъ священниковъ о же- ланіи имѣть Богослужебныя книги на греческомъ языкѣ и о за- трудненіи приобрѣтать ихъ.—Нѣкто *Каріофиллис* предпринялъ изданіе «Полнаго церковнаго круга—*Παράκληση τῆρᾶ Ἐκκλησιαστικῆς*— въ пяти томахъ. Первые два тома вышли, остальные выдутъ въ продолженіи этого года. Цѣна каждому тому два рубля. Выпи- сывать можно чрезъ «хозяйственное управленіе при Св. Синодѣ.»

Е. Ловягина, въ редакціи «Христіанскаго чтенія» при С.-Петербургской духовной академіи, въ Синодальной лавкѣ и у всѣхъ извѣстнѣйшихъ с.-петербургскихъ книгопродавцовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Нѣкоторыя редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей (Херсонскихъ и Подольскихъ) обращаются къ намъ съ вопросомъ: согласны ли мы въ нынѣшнемъ году на обмѣнъ „Православнаго Обозрѣнія“ съ ихъ изданіями?—Совершенно согласны. Мы еще въ ноябрьской книжкѣ „Православнаго Обозрѣнія“ за прошлый годъ сами сдѣлали предложеніе объ обмѣнѣ *всѣмъ* редакціямъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Нѣкоторыя изъ нихъ уже прислали намъ свои изданія. За что мы очень благодарны и уже распорядились высылкою имъ (также редакціямъ херсонской и подольской) экземпляровъ „Православнаго Обозрѣнія“ на 1862 годъ.—Считаемъ нужнымъ повторить наше предложеніе. Для насъ очень важно: получать *всѣ* Епархіальныя Вѣдомости, и притомъ — своевременно — каждый выходящій номеръ.

ЗАМѢТКИ ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

ФЕВРАЛЬ

1862.

СОДЕРЖАНІЕ: О церковныхъ имуществахъ.—О заведеніи церковныхъ домовъ для священно-церковно-служителей въ Москвѣ.—**Внутренняя корреспонденція:** Письмо изъ Саратова, объ училищѣ для двѣяцъ духовнаго званія. С. К.—Изъ Балты, Подольской губерніи: Сельская школа. П. Анщукъ.—**Заграничныя замѣтки:** Церковь и церкви, папство и Церковная Область, Дёллингера.—Содержаніе духовенства въ южной Германіи.—Права православныхъ въ протестантскихъ земляхъ.—Дѣятельность протестантскихъ миссіонерскихъ обществъ.—Число явныхъ іезуитовъ въ Европѣ.—Новый философскій журналъ.—Театръ и церковь на Западѣ.—Книга Вальтера по исторіи церковнаго закововдѣнія.—**Библиографія:** Новая изданія александрійскаго текста книгъ Священнаго Писанія.—**Разныя новости:** Число православныхъ лицъ, церквей и духовенства въ Россіи въ 1859 г.—О сельскихъ школахъ при приходскихъ церквяхъ.—О программѣ для экзамена на степень студента духовной семинаріи.—Объ ученическихъ бібліотекахъ.—Пенсіи заштатному приходскому духовенству.—Своекошныя студенты и вольнослушатели Петербургской духовной академіи.

О ЦЕРКОВНЫХЪ ИМУЩЕСТВАХЪ.

«Что такое церковныя имущества? Какое мѣсто занимають они въ ряду съ имуществами государственными и съ личною собственностію? Составляютъ ли они исключительную собственность духовенства? Если нѣтъ, то принадлежать ли они всему народу какъ государству, или народу какъ Церкви? И если справедливо послѣднее, то не возникаютъ ли отсюда нѣкоторыя особенности въ правѣ распоряженія церковными имуществами? Не отнимается ли у него чрезъ это вполне характеръ безусловности, которою отличается распоряженіе обыкновенною собственностію? Понятіе безусловности не переносится ли здѣсь съ владѣющихъ лицъ на то назначеніе, которому должно служить имущество? И какъ

опредѣлить это назначеніе?—Все это вопросы не только нерѣшенные, но даже не тронутые у насъ. А безъ рѣшенія ихъ невозможно и сужденіе объ *отобраніи* церковныхъ имуществъ» (*).

Дѣйствительно, этихъ вопросовъ доселѣ никто у насъ еще не ставилъ, особенно такъ прямо и цѣлостно; а безъ полного и яснаго отношенія къ нимъ рѣшительно невозможно *никакое* разумное сужденіе о церковномъ имуществѣ. Мы не намѣрены представить рѣшеніе этихъ сложныхъ вопросовъ въ короткой замѣткѣ. Но мы сдѣлаемъ краткій историческій очеркъ происхожденія и употребленія церковныхъ имуществъ, а также распоряженія ими и взгляда на ихъ значеніе—въ православной Церкви, въ первое ея тысячелѣтіе. Это послужитъ необходимымъ указаніемъ къ рѣшенію тѣхъ вопросовъ. Впрочемъ нашъ взглядъ на церковное имущество понятенъ изъ того, что было нами высказано о свѣчномъ капиталѣ, въ предыдущей книжкѣ Православнаго Обозрѣнія, въ статьѣ о графѣ Сперанскомъ.

Въ первые вѣка Церкви, церковная собственность составлялась изъ добровольныхъ приношеній христіанъ,—разными вещами, плодами, запасами, денежными вкладами. Болѣе достаточные изъ христіанъ, по особенному усердію къ Церкви, отдѣляли въ ея пользу десятины изъ своихъ имѣній. Съ теченіемъ времени, Церковь пріобрѣтала разнаго рода недвижимыя имущества, какъ-то: зданія, поля, угодья и проч. Со времени прекращенія государственныхъ гоненій на Церковь, церквамъ удѣлялось даже нѣкоторое пособіе изъ государственныхъ доходовъ и были передаваемы имущества, отходившія отъ языческихъ храмовъ.

Употребленіе церковной собственности древней Церкви обыкновенно раздѣлялось на три части: 1) на необходимыя

(*) *День* № 16, 1861 г. «Замѣтка по поводу статьи г. Чистовича объ Арсеніѣ Маціевичѣ».—*Р. С. Т.*

потребности для богослуженія и храма, 2) на содержаніе служителей церкви и, 3) на пособіе бѣднымъ, немощнымъ и всѣмъ призрѣваемымъ отъ Церкви.

Въ первые вѣка, когда церковное имущество было не многочисленно и большею частію состояло изъ временныхъ добротныхъ приношеній отъ христіанъ, управленіе имуществомъ было вполнѣ предоставлено епископамъ. Совершенное довѣріе пасомыхъ къ своимъ пастырямъ и общая строгость нравовъ спасали епископовъ отъ подозрѣній, или нареканій въ этомъ управленіи. Съ теченіемъ времени,—съ постепеннымъ увеличеніемъ имущества церкви, чтобъ облегчить епископовъ отъ заботъ хозяйственныхъ, учреждены были при епископскихъ кафедрахъ особые икономы для управленія хозяйственною частію церковью. Икономы избирались изъ епархіальнаго духовенства съ общаго согласія клира и утверждались епископомъ. Впрочемъ еще апостольскія правила, въ управленіи церковною собственностію, ограничивали власть епископа запрещеніемъ—присвоить себѣ изъ этой собственности что-либо сверхъ опредѣленной части, или передавать другимъ по произволу и съ утратою необходимаго для Церкви. Чтобы личная собственность епископовъ не смѣшивалась съ церковною, апостольскія правила повелѣвали раздѣлять ту и другую, и дѣлать извѣстною собственность епископа, такъ же какъ и общее достояніе Церкви.—Икономы обязывались строгою отчетностію предъ областнымъ Соборомъ.

Видно, что неприкосновенность церковнаго имущества строго охранялась. Церковная собственность, движимая и недвижимая, признавалась неотчуждаемою. Апостольское правило (40, 41) запрещаетъ продавать что-либо изъ церковнаго имѣнія, подъ какимъ то ни было предлогомъ. Седьмой вселенскій Соборъ разрѣшаетъ это только въ крайнемъ случаѣ,—когда недвижимая собственность не приноситъ никакой пользы, а только дѣлаетъ убытокъ въ церковномъ хозяйствѣ. Но и въ такомъ случаѣ не позволено пе-

редавать ее въ руки богатыхъ и знатныхъ лицъ, а только клирикамъ, или земледельцамъ. Очевидно и здѣсь церковь заботилась о бѣдномъ большинствѣ своихъ членовъ. Замѣтимъ, что этотъ взглядъ церкви, касательно неотчуждаемости ся имущества, перешелъ даже и въ государственныя поставленія. Они опредѣляли, чтобы церковная собственность, въ случаѣ нужды, перепродавалась только отъ церкви—одной къ другой, или отъ одного клира къ другому, дабы во всякомъ случаѣ эта собственность оставалась въ церковномъ вѣдомствѣ и не переходила въ гражданское владѣніе. (Юст. Новосл. 120).

О ЗАВЕДЕНІИ ЦЕРКОВНЫХЪ ДОМОВЪ ДЛЯ СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛЕЙ ВЪ МОСКВѢ.

Недавно разосланъ въ Москвѣ циркуляръ по приходскому духовенству, которымъ требуется представить духовному начальству свѣдѣнія: «при какихъ церквахъ удобно приобрести дома для священно- и церковно-служителей, сколько гдѣ требуется суммы на покупку такихъ домовъ, ищются ли въ виду какія къ тому средства, и въ случаѣ займа во сколько времени занятая сумма можетъ быть возвращена къ своему источнику.» По разнымъ обстоятельствамъ, въ Москвѣ доселѣ еще не много приходовъ, гдѣ духовные пользуются церковными квартирами. Нужно ли говорить о томъ, какъ было бы благотѣльно повсемѣстное заведеніе церковныхъ домовъ? Оно сняло бы съ духовенства тяжкія заботы — приобрести дома большею частію въ долгъ, освободило бы духовенство отъ непрерывныхъ, нерѣдко сложныхъ и трудныхъ хозяйственныхъ хлопотъ, оно избавило бы духовныхъ отъ ссоръ при продажѣ другъ другу домовъ и уничтожило бы грустныя, нерѣдко темныя сцены такъ-называемыхъ *духовныхъ аукционовъ*;

благодѣтельно подѣйствовало бы и на семейную жизнь духовенства, облегчало бы устройство дѣвицъ духовнаго званія на мѣста, такъ какъ вмѣсто приданаго, которое необходимо теперь главнымъ образомъ на покупку дома, родительскія заботы могли бы быть болѣе обращены на лучшее воспитаніе и образованіе дѣтей. По этому очень желательно, чтобы духовенство отвѣтило искреннимъ сочувствіемъ на призывъ начальства и серьезно занялось вопросомъ о приобрѣтеніи необходимыхъ помѣщеній при церквахъ для приходскаго духовенства. Дѣло это можетъ быть сдѣлано только *самимъ духовенствомъ*: со стороны духовенства требуется самое дѣятельное участіе, соединенное съ искреннимъ желаніемъ общаго блага. Убѣдительно просимъ нашихъ духовныхъ, не считать этого распоряженія, какъ часто бываетъ, однимъ офіціальнымъ циркуляромъ, который нужно только подписать и потомъ забыть: фальшивая робость, которою, надобно признаться, отличается наше духовенство въ дѣлахъ общественныхъ, не умѣстна при такомъ правомъ общепольномъ дѣлѣ, къ которому начальство открыто изъявило такое участіе. Есть довольно и другихъ частныхъ причинъ, которыя, мы опасаемся, могутъ задерживать для многихъ это полезное дѣло. Такъ было бы очень жаль, если бы тѣ изъ духовныхъ, которые успѣли на церковныхъ земляхъ устроить себѣ довольно доходные дома и благополучно окончили уплату своихъ долговъ, изъ-за личныхъ своихъ выгодъ пожалѣли бы отдать эти дома за надлежащую цѣну въ церковную собственность. Не менѣе было бы достойно сожалѣнія, если бы другіе, не получающіе съ своихъ домовъ никакихъ доходовъ и имѣющіе помѣщенія только для своихъ семействъ, поэтому самому отчаялись бы въ самой-возможности открыть средства и мѣры къ обращенію своихъ домовъ въ церковныя; по нашему мнѣнію, въ такихъ случаяхъ можно начать приобрѣтеніемъ одного новаго дома исключительно для доходовъ, и изъ этихъ доходовъ (за уплатою процентовъ по займу суммы,

употребленной на постройку или покупку такого доходнаго дома) копить сумму, на которую современемъ можно было бы купить въ церковь и наличные дома всѣхъ священноцерковно-служителей этого прихода. Мы предлагаемъ страницы нашего журнала для обсужденія всѣхъ возможныхъ частныхъ обстоятельствъ и недоразумѣній, какія будутъ встрѣчать мѣстные причты въ этомъ дѣлѣ, и вообще никакъ не желали бы, чтобы такое важное дѣло, имѣющее интересъ общій, оставалось безъ надлежащаго движенія по какимъ-либо случайнымъ обстоятельствамъ и тѣмъ болѣе по личному эгоизму и безучастію къ общему благу.

ПИСЬМО ИЗЪ САРАТОВА.

Прочитавъ приглашеніе редакціи «Православнаго Обозрѣнія» къ корреспонденціи, мы рѣшились отозваться на него въ той увѣренности, что въ вашемъ журналѣ не послѣднее мѣсто займетъ выраженіе разнообразныхъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей духовенства, вызывающее новыя мѣры къ ихъ удовлетворенію. Корреспонденція «Православнаго Обозрѣнія», какою она намъ представляется суда по направленію журнала, можетъ быть весьма полезною для провинціи. Наше провинціальное духовенство живетъ еще разрозненно, каждый приходъ живетъ особнякомъ отъ другаго прихода, нѣтъ еще ни мѣста, ни органа для обобщенія ихъ интересовъ, а потому всякія перемѣны, всякія новыя учрежденія, направленныя къ улучшенію народнаго и общественнаго быта въ религіозно-нравственномъ отношеніи, далеки отъ общаго сознанія, не составляютъ предмета общихъ думъ и заботъ. Такими органами общественнаго сознанія, конечно ближе всего, должны бы быть епархіальныя вѣдомости. Но кромѣ того, что епархіальныя вѣдомости не вездѣ существуютъ, въ нихъ считаютъ за лучшее заниматься лишь официальными извѣстіями или предметами общаго содержанія, безразличными для мѣстныхъ интересовъ: здѣсь по большей части не могутъ сказать что-нибудь серьезное о своемъ краѣ.

На первый разъ мы рѣшились путемъ вашего журнала передать въ общую извѣстность то положеніе, въ какомъ у насъ находится вопросъ объ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія.

Уровень развитія и характеръ народонаселенія Саратовской губерніи иной, чѣмъ другихъ губерній. Нашъ край заселенъ по большей части выходцами изъ внутреннихъ губерній. Значительная часть этихъ выходцевъ раскольники, молованы и духоборцы; сюда же нужно причислить и нѣмецкихъ колонистовъ, разбросанныхъ по губерніи въ числѣ около 200.000. Религіозное разномысліе иновѣрцевъ и раскольниковъ отразилось и въ православной части народонаселенія тѣмъ, что она менѣе привержена къ Церкви и связана слишкомъ слабыми нравственными узами съ духовенствомъ. Грамотность довольно распространена въ здѣшнемъ народѣ и дѣлаетъ его еще болѣе требовательнымъ по отношенію къ духовенству.

Чтобы возвысить положеніе духовенства въ нашемъ краѣ и его вліяніе на народъ, нужно не только лучше приспособить къ потребностямъ народа духовное образованіе вообще, но и особенно заняться образованіемъ женской половины нашего духовенства, которая, по правдѣ сказать, въ нашемъ краѣ нерѣдко менѣе развита, чѣмъ даже простые крестьянки.

Вопросы объ образованіи женской половины духовенства были у насъ подняты уже болѣе трехъ лѣтъ. На первый разъ предполагалось открыть въ Саратовѣ училище для дѣвицъ духовнаго званія. Тогда же была собрана подписка между гражданами и духовенствомъ Саратова, подписка на сумму больше, нежели 10.000 руб. сер.; наставники семинаріи изъявили желаніе безмядно заниматься преподаваніемъ въ этомъ училищѣ. Но дѣло остановилось на одномъ предположеніи. Уѣздно-городское и сельское духовенство сознаетъ важность воспитанія своихъ дочерей: но разбросанные на отдаленномъ другъ отъ друга разстояніи, наши духовные не могутъ высказать другъ другу своихъ мыслей, и на что-либо рѣшиться. Повидимому, лучше могло бы вести дѣло губернское духовенство. Дѣйствительно, сначала губернское духовенство взялось за дѣло. Но въ Саратовѣ открылась женская гимназія, и наши духовные сочли для себя болѣе удобнымъ помѣщать своихъ дочерей въ эту новую гимназію: дѣло обходилось безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, какія предполагаются при открытіи особаго училища для дѣвицъ духовнаго званія. Однакожь это видимое удобство можетъ сопровождаться дѣйствитель-

ными неудобствами какъ вообще для воспитанія женской половины духовенства нашего края, такъ въ частности для воспитанія дочерей уѣздно-городскаго и особенно сельскаго духовенства. Мы далеки отъ того, чтобы порицать образование, даваемое въ саратовской женской гимназіи; далеки и отъ той мысли, чтобы училище для дѣвицъ духовнаго званія *спеціально* приготовляло жезъ для священниковъ и другихъ лицъ духовнаго званія. Но нужда училища для дѣвицъ духовнаго званія вовсе не исключается открытіемъ въ Саратовѣ женской гимназіи. Кромѣ того, что одной женской гимназіи вовсе недостаточно для такого обширнаго губернскаго города, каковъ Саратовъ, и тѣмъ болѣе для всей губерніи, существованіе училища для дѣвицъ духовнаго званія необходимо въ томъ отношеніи, что въ немъ воспитанію можетъ быть дано направленіе, соотвѣтствующее больше всего той средѣ, въ которой поставлено наше духовенство. Дать своимъ дочерямъ воспитаніе съ такимъ направленіемъ пожелаетъ, разумѣется, и губернское духовенство. Но всего необходимѣе училище для дѣвицъ духовнаго званія для уѣздно-городскаго и сельскаго духовенства. Въ женскую гимназію оно не повезетъ своихъ дочерей: доселѣ, кажется, не было и примѣровъ. Для уѣздно-городскаго и сельскаго духовенства необходимо побужденіе, которое бы заставило его вести дочерей въ губернскіи городъ, для образованія. Этимъ побужденіемъ всего меньше можетъ быть формальное предписаніе: побужденіе должно быть нравственное. Такое побужденіе имевно и могло бы дать основаніе училища, въ которомъ могли бы получать хорошее воспитаніе сироты и дочери бѣднаго духовенства. Это могло бы быть для состоятельнаго уѣздно-городскаго и сельскаго духовенства самымъ сильнымъ побужденіемъ давать и своимъ дочерямъ хорошее воспитаніе. Для какого-нибудь городскаго или сельскаго состоятельнаго священника видѣть образованную дочь дьячка или сироту можетъ быть болѣе сильнымъ побужденіемъ дать и своей дочери воспитаніе, чѣмъ какое-нибудь предписаніе. Наше духовенство заботится собирать для своихъ дочерей только *прданое*: но оно пожелало бы дать своимъ дочерямъ и хорошее воспитаніе, если бы убѣдилось, что удобства жизни духовнаго лица условливаются болѣе всего добрымъ воспитаніемъ жены и близостію ея по образованію къ степени развитія мужа, чтобы ей быть дѣйствительною его помощницею.

Мы желаемъ обратить на это вниманіе нашего губернскаго ду-

ховенства. Напрасно оно успокоилось на женской гимназiи. Въдъ и устройство собственнаго училища для дѣвицъ духовнаго званiя не такъ трудно, какъ представляется съ перваго раза. Подписка на довольно значительную сумму собрана была почти-что только въ одномъ Саратовѣ. Съ этою суммою училище могло бы быть открыто въ небольшомъ объемѣ. Училище, существующее при саратовскомъ женскомъ монастырѣ, представляетъ для этого всѣ удобства. Оно было основано извѣстною своимъ гуманическимъ образованiемъ и религiозностию г-жею Рылѣвой, оставившей по себѣ въ Саратовѣ добрую память. Училище помѣщалось сначала въ домѣ самой г-жи Рылѣвой, находящемся возлѣ монастыря, и должность учительницы исполняла сама г-жа Рылѣва; сюда-то сначала приходили дѣвочки для обученiя рукодѣлю и даже языкамъ французскому и нѣмецкому. Въ послѣдствiи г-жа Рылѣва построила для училища помѣщенiе внутри монастыря, положивъ сумму на содержанiе училища. Впрочемъ и домъ, въ которомъ она прежде сама жила и въ которомъ первоначально помѣщалось училище, также подаренъ ею монастырю. Сама она скончалась монахиней въ этомъ монастырѣ. Училище, ею основанное, процвѣтало, когда она сама занималась воспитанiемъ и обученiемъ дѣвочекъ, жившихъ въ монастырѣ и приходящихъ изъ города. Но Рылѣвой давно нѣтъ въ живыхъ,—и училище находится въ упадкѣ. На мѣстѣ этого заведенiя и прекрасно было бы основать пока въ небольшомъ объемѣ училище для дѣвицъ духовнаго званiя. Этимъ не нарушилась бы воля основательницы, а только точнѣе бы исполнилась. Въ настоящее время въ училищѣ при женскомъ монастырѣ учатъ почти-что только чтенiю и письму и отчасти рукодѣлю. Не такова была воля основательницы: она хотѣла давать здѣсь болѣе обширное образованiе, такъ какъ она сама занималась обученiемъ французскому и нѣмецкому языкамъ. Преподаванiе, по основанiи здѣсь предполагаемаго училища для дѣвицъ духовнаго званiя, хотя бы и на время было бы передано наставникамъ семинарiи и могло бы пойти въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Не нарушилась бы воля основательницы и тѣмъ, что какъ будто это училище, назначенное для всѣхъ приходящихъ изъ города и сиротъ изъ всѣхъ сословiй, обращалось въ сословное. Въ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званiя могли бы получать образованiе дѣвочки изъ всѣхъ званiй: тѣ же дѣвочки, приходящiя теперь сюда изъ города, могли бы приходиться и по основанiи здѣсь училища для дѣвицъ духовнаго званiя и полу-

чать здѣсь лучшее воспитаніе и образованіе въ болѣе обширномъ объемѣ. Близость помѣщенія училища, существующаго теперь при женскомъ монастырѣ, отъ вѣданія семинаріи, гдѣ живутъ наставники семинаріи, представляетъ полное удобство для наставниковъ семинаріи, усердно заняться преподаваніемъ различныхъ предметовъ въ предполагаемомъ училищѣ.

Основаніемъ этого училища въ небольшомъ объемѣ было бы пробуждено вниманіе всего духовенства Саратовской губерніи. Тогда бы оно нашло силы и средства дать ему болѣе обширное развитіе. Въ Саратовской губерніи около 700 церквей. По 5 руб. сер., круглымъ числомъ, причтъ каждой церкви нашей губерніи въ состояніи былъ бы отдѣлять на этотъ предметъ ежегодно; разужется болѣе достаточные причты могли бы удѣлять больше, а менѣе достаточные меньше. Итого можно употреблять на это училище ежегодно по 3.500 руб. сер. Съ этою суммою можно бы поставить училище довольно прочно и удовлетворительно. Написались бы скоро и охотники отдавать въ это училище съ платою положенной суммы за содержаніе и образованіе.

С. К.

Январь. 1862 года

ИЗЪ БАЛТЫ, ПОДОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА.

Много въ настоящее время трактуютъ объ образованіи простаго народа. Много высказано по этому случаю желаній, совѣтовъ и проектовъ. Сколько головъ столько и умовъ; всякъ судитъ такъ, какъ ему кажется лучше. Не входя въ разбирательство этихъ толковъ, я хочу только повѣтствовательно передать то, что мнѣ случай доставилъ узнать объ одной сельской школѣ; желательно, чтобы такихъ школъ было побольше. Много въ настоящее время заведено сельскихъ школъ, но многіе изъ нихъ, подающіе совѣты и проекты, знаютъ какъ идетъ въ этихъ школахъ образованіе народа. Утромъ, 6-го декабря прошлаго года, проѣзжая, Кіевской губерніи, Уманскаго уѣзда, чрезъ село Погорѣлое, я рѣшился посѣтить сельскій храмъ и помолиться св. угольнику Николаю въ день своего ангела. Подъѣзжая къ селу, я услышалъ благовѣсть, а потому прямо и отправился въ церковь, пред-

полагая, что обѣдня уже началась. Прихожу, и, едва переступилъ церковный порогъ, какъ былъ пораженъ неожиданно тихимъ и стройнымъ пятиголоснымъ пѣніемъ хора. (Пѣли акаеистъ св. Николач.). Что это, думаю, такое! Въ селѣ, въ глуши, такой хоръ? Подобное пѣніе я слышалъ когда-то въ г. Уманѣ, гдѣ пѣли кантонисты. Мнѣ пришло на мысль пѣніе и кievскихъ хоровъ, но здѣсь? Я терялся въ догадкахъ, покуда не пробрался черезъ плотную массу народа впередъ, и не увидѣлъ на клиросѣ 8 или 10 крестьянскихъ мальчиковъ, которыми дьячекъ, оставивъ ихъ вокругъ себя, давалъ рукою тактъ. Другой бась былъ какой-то солдатъ. (Учитель мальчиковъ, какъ я узналъ). Началось чтеніе часовъ. Одинъ мальчикъ читалъ 3-й, другой 6-й, часть, а третій—9-й. Они читали бойко, правильно и по знакамъ. Въ продолженіе пѣлой обѣдни я съ удовольствіемъ слушалъ пѣніе этого простаго хора. При перемѣнѣ священникомъ голоса, дьячекъ всякій разъ давалъ мальчикамъ тонъ поголосно. *Херувимскую пѣснь* и *Милость мира*, мальчики вѣрно еще не вполне привыкли пѣть, но все же пѣли порядочно. Во время *Присутствію* одинъ изъ мальчиковъ, по букварю, читалъ медленно громко и внятно молитвы и 10 заповѣдей, что дѣлается, какъ я узналъ, всякую обѣдню, для того, дабы всѣ, присутствующіе въ храмѣ, изучали молитвы и 10 заповѣдей. И дѣйствительно всякій, отъ мала до велика, про себя читалъ за мальчикомъ. Послѣ *Буди имя Господне* до 15-ти мальчиковъ вышли на среднну и выстроились въ двѣ шеренги предъ поставленнымъ налоемъ. Выходитъ священникъ и объясняетъ просто, но навидательно и приблизительно къ понятіямъ прихожанъ, молитву *Отъ сна возстава*. Какое напряженное вниманіе при этомъ я замѣтилъ какъ мальчиковъ, такъ и всѣхъ прихожанъ, что право позавидовалъ и подумалъ: что если бы и въ нашихъ городахъ было такое вниманіе къ проповѣдникамъ. Обѣдня кончилась, и священникъ, еще не разоблачаясь, позвалъ мальчиковъ и сказалъ: «ну, дѣти, спасибо, вы сегодня хорошо пѣли и вотъ вамъ награда»; и при этомъ всякому далъ по нѣскольку грошей. Иной не былъ бы такъ доволенъ тысячами, какъ они этими грошами. Мальчики, выпедши изъ церкви, повернули въ школу. Такъ какъ мнѣ дорога лежала мимо самой школы, то я не утерпѣлъ, чтобы не зайти въ нее и не полюбопытствовать. Вхожу, одинъ мальчикъ читаетъ молитву, а прочіе и учитель слушаютъ, но никто не оглянулся и не пошевелился, покуда молитва не была окончена. Небольшая, но свѣт-

дая комната, посрединѣ столъ, на немъ нѣсколько букварей, часослововъ и псалтырей, св. исторія, ариѳметика, географія и «Народное чтеніе». Въ углу бѣдная кровать, кругомъ лавки, на стѣнахъ нѣсколько иконъ и картинъ; вотъ и вся внутренность школы. Окончивъ молитву, всѣ обратились, и на мое привѣтствіе дружно отвѣчали «здравія желаемъ», и пустились ко мнѣ цѣловать руку, но учитель взглядомъ остановилъ ихъ, и извиняясь, сказалъ, что они такъ привыкли къ батюшкѣ. Я обратился къ учителю съ вопросами: чей это домъ?—Батюшки.—Собственный? Да?—Что у васъ такъ холодно? Нечемъ топить, сказалъ онъ. Ужь объ этомъ батюшка писалъ и волостному и просилъ старосту и прихожанъ, но толку нѣтъ. Пролетную зиму и теперь даетъ отъ себя опалъ, но теперь и у самого мало.—Сколько и отъ кого идетъ за ученіе? По 2 руб. въ мѣсяцъ отъ священника, отвѣчалъ учитель, и на его столѣ.—Почему же онъ все принялъ на себя? Потому что крестьяне ничего и знать не хотятъ.—Учатся и дѣвочки? Дѣвочекъ какъ-то не рѣшаются отдавать.—Что же теперь учатъ дѣти? Псалтырь, св. исторію и катихизисъ, вычитаніе, а нѣкоторые и дѣленіе, начатки географіи и пишутъ. При этомъ онъ показалъ ихъ и тетради, исчерченные палочками, азбукой, а нѣкоторыя и прописью.—Ты самъ всѣмъ занимаешься? Нѣтъ, батюшка объясняетъ исторію, богослуженіе, иногда и изъ ариѳметики показываетъ, изъ географіи рассказываетъ по этимъ рисункамъ? (чертежи въ разсказахъ о землѣ, Лучицкаго, въ Народ. Чтеніи), а иногда при свѣчѣ на яйцѣ рисуетъ земной шаръ и объясняетъ затмѣніе солнца, луны, громъ, молнію, снѣгъ и дождь и пр. При этомъ я обратился къ одному мальчику съ вопросомъ: во сколько времени солнце оборачивается вокругъ земли? Нѣтъ не солнце, а земля, бойко отвѣчалъ онъ, около солнца оборачивается разъ въ годъ, а около своей оси въ 24 часа.—Какая же это ось земная, ты видишь ее? Ее видѣть не можно, а только такъ говорятъ. Хорошо, братецъ, сказалъ я.—А кто учитъ нѣтъ? спросилъ я, обратясь къ учителю. Батюшка приучилъ дьячка и онъ теперь учитъ, но часто и батюшка бываетъ. Не мое дѣло было экзаменоватъ мальчиковъ, но одинъ вопросъ и отвѣтъ убѣдилъ меня, что они вѣроятно и по прочимъ предметамъ успѣли порядочно. Пожелавъ успѣха мальчикамъ, я ушелъ. Какія я вынесъ чувства изъ этой школы, представляю судить читателю. Меня на дорогѣ постигло нѣсколько мальчиковъ, и я могъ слышать ихъ разговоръ. Одинъ упрекаетъ

другаго, что тотъ противъ ударенія прочиталъ въ церкви такое-то слово, другой рассказываетъ, что священникъ говорилъ, тотъ напѣваетъ *Херувимскія пѣсни*, а тотъ *Достойно съестъ*, но всѣ идутъ чинно, безъ шуму. Недалеко отъ корчмы меня настигъ посланный отъ священника съ убѣдительнымъ приглашеніемъ на чай и откушать, но, къ сожалѣнію, мой извозчикъ не хотѣлъ ждать и лишилъ меня удовольствія побывать у священника и подробнѣе узнать, какъ объ этомъ интересномъ училищѣ, такъ и о другихъ въ здѣшней мѣстности. Не знаю вездѣ ли таковы школы, а онѣ есть во всякомъ селѣ Кіевской и Подольской губерніи. Если вездѣ, то имъ можно пожелать успѣха и нравственнаго и матеріальнаго поддержанія. Дабы составить себѣ правильное понятіе о сельскихъ школахъ, я намѣренъ побывать, собственно съ этою цѣлію, во многихъ мѣстностяхъ и о результатѣ моихъ наблюденій непременно сообщить (*).

П. Анщукъ.

1862 г.
февраля 8.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Штутгардъ. 9/18 февраля 1862.

Путешествіе на Западъ преосвящ. Леонтія было событіемъ во всѣхъ отношеніяхъ значительнымъ, и въ Россіи, вѣроятно, не разъ приходилось слышать и читать, какъ хорошо дѣйствовало во Франціи и Германіи православное торжественное богослуженіе на людей, способныхъ хотя нѣсколько возвыситься надъ фанатизмомъ. Такія поѣздки, если продолжатся, принесутъ пользу въ будущемъ. Но какъ бы ни много оказывалось уваженія и вниманія къ прав. Церкви, при подобныхъ сношеніяхъ,—ненадобно забывать, что до дѣйствительнаго, существеннаго сближенія иновѣрныхъ съ прав. Церковію еще очень далеко. Съ годъ тому назадъ помѣщались въ русскихъ духовныхъ журналахъ статьи о движеніи религиозномъ въ англійской Церкви, и у авторовъ проглядывала надежда, что, по ихъ соображеніямъ, скоро должно настать общее стремленіе къ соединенію съ восточною Церковію. Ошибиться очень легко имѣя дѣло съ книгами,—тогда какъ логика жизни идетъ гораздо медленнѣе къ тѣмъ результатамъ, ка-

(*). Редакція проситъ васъ объ этомъ.

кіе выводить книга, хотя и съ полвымъ правомъ. Для дѣйствительнаго соединенія должны быть устранены еще громадныя препятствія со стороны тѣхъ людей, которымъ предстоитъ подчиниться православнои Церкви. Къ этой мысли привела насъ между прочимъ появившаяся книга: Kirche und Kirchen, Papsthum und Kirchenstaat von Döllinger. München 1861. (Церковь и церкви, папство и Церковная Область. Дёллингера.)

Книга Дёллингера имѣла огромный успѣхъ, и впечатлѣніе, произведенное ею на протестантовъ, можно сравнить только съ тѣмъ, какое въ свое время произвела символика Мёлера. Въ журнальныхъ статьяхъ, написанныхъ по поводу этой книги протестантами, они противъ обыкновенія чувствуютъ себя чрезвычайно несвободно. Зная превосходно исторію реформаціи во всѣхъ странахъ и настоящее положеніе протестантовъ, авторъ вѣстѣ съ тѣмъ и зложеніемъ не утомляетъ читателя; книгу его можетъ съ удовольствіемъ читать всякій. Между прочимъ у него есть три главы: о патриархатѣ константинопольскомъ, о Церкви королевства Греческаго и о Церкви русской. Авторъ—человѣкъ съ высокимъ умственнымъ образованіемъ и, сколько возможно, безпристрастный, что онъ не разъ доказываетъ, созная ошибки католичества; человѣкъ съ огромною ученостію и знаніемъ всѣхъ литературъ; поэтому можно было бы ожидать, что онъ не замѣнитъ себя и въ сужденіи о восточной Церкви. Къ сожалѣнію, у него дѣло ведется совершенно иначе. Вотъ какой рассказъ приводится объ отвѣтѣ патриарха Анеима на буллу Пія IX въ 1848 г. «Въ спорныхъ или трудныхъ вопросахъ три патриарха своятся съ патриархомъ константинопольскимъ. Если они не могутъ сойтись въ рѣшеніи, то дѣло по законному порядку идетъ на рѣшеніе турецкаго правительства». П затѣмъ приводится такой случай. Армянскіе священники спорили съ греческими по поводу употребленія воды при таинствѣ Евхаристіи; споръ предложенъ былъ на рѣшеніе турецкому чиновнику, который высказалъ такое сужденіе: «вино есть нечистое, запрещенное кораномъ питіе, поэтому они должны употреблять одну воду!» Вѣрить ли самъ авторъ этому рассказу? Кажется, что вѣрить. Но чтобы разобрать этотъ рассказъ критически, онъ почему-то не считаетъ себя обязаннымъ. Если въ самомъ дѣлѣ такъ рѣшительно Турки распоряжаются дѣлами Вѣры, то христіанскаго мало должно остаться въ восточной Церкви, и она вѣроятно скоро совсѣмъ сдѣлается мусульманскою. Напротивъ,—вслѣдъ за этимъ рассказомъ авторъ общаетъ гре-

ческой Церкви блестящую будущность, при известныхъ условіяхъ. О Россіи говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Въ русской Церкви духовное образованіе и нѣсколько научныхъ свѣдѣній можно найти только въ монастыряхъ у нѣкоторыхъ монаховъ!» Так. обр. для этого ученаго человѣка неизвѣстны ни дух. академіи, ни семинаріи съ Россіи; онъ не читалъ даже путешествіе по Россіи своего единовѣрца Гакстауэна. «Епископъ большею частію престарѣлый монахъ, который получаетъ епископскую кафедру прямо изъ кельи, проведши тамъ большую часть своей жизни». Откуда это онъ беретъ такіа свѣдѣнія? Собственно говоря, такіа свѣдѣнія ни откуда ни берутся, а творчески создаются на основаніи той духовной подготовки, какую католичество даетъ своимъ питомцамъ, какъ можно ранѣе сообщивъ имъ, что греческая Церковь очень въ плохомъ состояніи, что въ ней то и то дѣлается. О добросовѣстномъ изслѣдованіи не можетъ быть и рѣчи; наставникъ никогда не увидится до того, чтобы сказать, что его свѣдѣнія заимствованы изъ древняго путешествія по Россіи Антонія Поссевина, или что онъ это только слышалъ. Оставаясь въ полной увѣренности, что имъ все извѣстно о Россіи, писатели этого рода совершенно противъ воли представляютъ изъ себя полупросвѣщенныхъ Турокъ или Китайцевъ. Самая логика въ этомъ случаѣ перестаетъ для нихъ быть осязательною. Доказывая напр. важное значеніе панства, какъ центра единенія церковнаго, онъ обращается къ восточной Церкви съ такими словами: «Когда они (члены восточной Церкви) говорятъ: что никто не долженъ быть главою нашей Церкви кромѣ одного Иисуса Христа, то въ этихъ словахъ уже указываютъ свое правило: мы беспокоимся только о себѣ самихъ; а о другихъ Церквяхъ можетъ позаботиться Иисусъ Христосъ т. е. за благочестивымъ словомъ скрывается самый обыкновенный національный эгоизмъ.» А въ другомъ мѣстѣ говорится, что Россія своимъ вліяніемъ религіозныхъ привлекаетъ весь Востокъ, и что въ Албаніи, Корфу, Занте, Валахія, въ Австріи и вольныхъ ганзейскихъ городахъ православная миссія очень дѣятельна!

Все это мы указываемъ съ тою цѣлію, чтобы показать, какъ далеко еще дѣло примиренія восточной Церкви съ западною. Доселѣ самые лучшіе богословы на Западѣ мало способны судить о Россіи и сколько времени нужно, чтобы массы узнали дѣло въ настоящемъ его видѣ! Здѣсь все служить затрудненіемъ: и національная гордость, и религіозные предразсудки, и трудъ

ность непосредственнаго изученія православной Церкви. Но нельзя не указать и еще одного важнаго препятствія. Говорятъ иногда, что Западъ отжилъ свое время, что онъ неспособенъ познать Россію, потому что для него настала періодъ умственной старческой слабости. Доля правды въ этомъ есть, хотя предсказаній о будущемъ и нельзя еще дѣлать на этихъ основаніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ,—какъ формы жизни, такъ самое мышленіе показываютъ, что здѣсь человекъ окончательно сложился и дошелъ до такой степени индивидуальности, что все выходящее изъ предѣловъ его мѣста и добытыхъ имъ результатовъ, онъ весьма способенъ считать уклоненіемъ отъ нормы. Людямъ, бывшимъ за границею, не разъ вѣроятно приходилось встрѣчаться съ странными привычками народными, напр. въ Германіи, и если пробовать указать слабую сторону этихъ привычекъ, то люди откровенно и искренно сознаются въ нецѣлости этихъ привычекъ, но не двинуть пальцемъ, чтобы сколько-нибудь измѣнить ихъ. Иногда проповѣдникъ возвысится до истиннаго общечеловѣческаго пафоса, возрѣнія его необыкновенно высоки, и его заслушаются люди всѣхъ странъ и временъ, и вдругъ одною чертою онъ уничтожаетъ все, начинаетъ говорить съ такою національною узкостію, фразы его отзываются такою рутинною, образы, которые онъ беретъ, имѣютъ такое ограниченное происхожденіе, что для новаго человека непонятно, какъ могутъ совмѣщаться такіа несконныя вещи въ одной головѣ. Та же ограниченность видна и въ искусствѣ и въ ремеслѣ. Никакъ нельзя сказать, чтобы это было невѣжество, которое можно устранить знаніемъ и образованіемъ. Нѣтъ! Эта ограниченность часто живетъ въ величайшемъ умѣ; видно, что она оправдана добросовѣстнымъ мышленіемъ, что человекъ сдѣлалъ все, чтобы всѣ свои возрѣнія и убѣжденія привести въ систему; онъ высоко развитъ,—но... больше сдѣлать не въ его силахъ. Кто же въ состояніи устранить это препятствіе?

Но обратимся къ той сторонѣ книги, гдѣ авторъ является съ полнымъ знаніемъ дѣла—къ его полемикѣ противъ *протестантовъ*. Что въ этомъ отношеніи можно довѣрить ему,—за это ручается необыкновенный успѣхъ его книги, такъ какъ второе изданіе книги потребовалось чрезъ нѣсколько дней послѣ перваго изданія, и то, что авторъ живетъ среди протестантовъ, превосходно знаетъ ихъ литературу и всѣ малѣйшіе оттѣнки въ отношеніяхъ партій. Для читателей, занимающихся полемическимъ богословіемъ, не безынтересно будетъ узнать, какъ теперь съ успѣхомъ можетъ ве-

стись полемика съ протестантами, и какіе пункты она преимущественно должна имѣть въ виду. Дёллингеръ разсматриваетъ всѣ существующія протестантскія общества въ Европѣ и Америкѣ и о каждомъ говоритъ подробно; но мы ограничимся только главными пунктами, которые общи всему протестантскому міру. Вотъ эти пункты въ извлеченіи:

I. Протестанство не привело ни къ гражданской, ни къ религіозной свободѣ; вся исторія реформаціи въ равныхъ стравяхъ представляетъ печальные примѣры угнетенія и насилія совѣсти, и доселѣ осуществленія протестантской свободы нигдѣ пока нѣтъ.

II. Въ церковномъ устройствѣ протестанство доселѣ страдаетъ или отъ цезареопапства, когда духовныя лица не больше какъ чиновники государства, или отъ демократическаго произвола, гдѣ религія теряетъ характеръ твердости и важности. «Территоріальная система и епископство главы государства, говорилъ король прусскій Вильгельмъ IV, двѣ вещи такого рода, что довольно ихъ однихъ, чтобъ убить Церковь, если бы она была смертна.» Онъ самъ съ горечью напоминаетъ, какъ въ 1808 г. уничтожены были консисторіи и ихъ обязанности возложены на свѣтскія присутственные мѣста и «Церковь» не сказала ни слова, какъ будто это не касалось ея. «Всею силою моея души, говорилъ король, стремлюсь я къ той минутѣ, когда верховныя права государя надъ Церковію будутъ уничтожены и перейдутъ къ епископамъ, подъ какими бы именемъ они ни явились.» Управленіе посредствомъ синодовъ не удается; общій синодъ всѣхъ лучшихъ богослововъ 1846 г. навлекъ только двусмысленныя насмѣшки и тотчасъ былъ забытъ; протестантъ не долженъ слушать кого бы то ни было по самому принципу.

III. Умрекъ въ рационализмѣ не можетъ относиться къ протестанству; нынѣшнее богословіе вообще вѣрующее. Но въ ученіи нѣтъ ничего вѣрнаго; толкованіе Священнаго Писанія привело къ самымъ противоположнымъ выводамъ; отъ символическихъ книгъ всѣ партіи далеко ушли въ сторону. Всѣ говорятъ, что существенный пунктъ протестантства *ученіе объ оправданіи*; но въ немъ-то положительно и уклонились протестанты отъ formula conscordiae и гейдельбергскаго катихизиса. Проповѣдь поэтому страдаетъ неопредѣленностію и шаткостію своихъ воззрѣній.

IV. Богослуженіе вселенской Церкви имѣетъ средоточіемъ Евхаристію; она есть торжество искупленія во всѣхъ его сторонахъ, въ литургіи вся Церковь приноситъ себя въ жертву Богу Отцу

вмѣстѣ съ Сыномъ Его Иисусомъ Христомъ. Протестанство сдѣлало изъ него только проповѣдь и школу слова Божія. Слѣдствіе изъ этого, во первыхъ, то, что община протестантская въ назиданіи зависитъ единственно отъ личности проповѣдника и его способностей; во вторыхъ—для нея нѣтъ средствъ участвовать въ богослуженіи. «Людымъ, говоритъ прусскій пасторъ, проповѣдь приѣлась. И въ самомъ дѣлѣ,—вѣчно ходитъ въ школу это можетъ наконецъ и наскутить». Чтобы избѣжать этого, стараются вводить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестное знаменіе, колѣноприклоненія, вообще символизмъ. А это прямое противорѣчіе началамъ реформации. Правднованіе воскреснаго дня оставлено въ небреженіи реформациею; теперь стараются поднять его; но, по библіи Лютера нельзя доказать, чтобы воскресный день въ самомъ дѣлѣ слѣдовало праздновать. Явились голоса которые требуютъ исправленія Лютерова перевода, въ этомъ отношеніи.

V. Церковная дисциплина и вліяніе пастора на общину невозможны, потому что этому мѣшаетъ ученіе о «всеобщемъ священствѣ». Нѣкоторые стараются ослабить это ученіе и дать больше значенія пастору; но опять противорѣчатъ началу реформации. Исповѣди давно нѣтъ; остается дѣйствовать только отлученіемъ отъ общины и лишеніемъ погребенія. Но эти средства опасно употреблять потому, что безъ того уваженіе къ таинству ослабло; во многихъ городахъ въ сѣверной Пруссіи давно уже похороны отъправляются безъ участія пастора.

VI. Вслѣдствіе недостатка церковной жизни и церковныхъ вѣсеровъ, какъ въ общемъ составѣ протестантства, такъ и въ отдѣльныхъ общинахъ, ширяне остаются равнодушны къ религиознымъ интересамъ.

VII. Современное неудовлетворительное состояніе протестантства чувствуется живо; многіе ожидаютъ будущей церкви, которая должна замѣнить и католичество и протестантство (по Ульману церковь Ев. Іоанна), или тысячелѣтняго царства Христова на землѣ, всеобщаго изліянія Св. Духа и пр., что и Св. Писаніе не обѣщаетъ и исторія церкви не оправдываетъ.

Предоставляя желающимъ читать самими эту полезную книгу, укажемъ еще на общіе приемы Дёллингера въ полемикѣ. Во всей его книгѣ проводится одна общая мысль: «Въ католичествѣ начало хорошо, хотя люди и учрежденія бываютъ хуже этого начала; въ протестантствѣ напротивъ начало не хорошо, хотя люди и бываютъ лучше этого начала.» Этотъ приемъ во всѣхъ отно-

швеніях заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ должна ли полемика непремѣнно доказывать, что у насъ все хорошо, а у противника—все худо? Это будетъ и трудно и невѣрно. Пока церковь востановится еще на землѣ и въ составъ ея входятъ ограниченныя, облеченныя плотію и кровію люди, она никогда не можетъ сказать, что въ ней всѣ люди святы и всякое слово и дѣло ея членовъ святы. Остается слѣдов. разъяснить, и сохранить то общее начало и духъ, которымъ живетъ Церковь и передавать его изъ поколѣнія въ поколѣніе, такъ чтобы всѣ видѣли и друзья и враги, что не Церковь виновна, а слабости человѣческія, если придетъ время испытанія. Если же Церковь, оставляя и забывая духъ, станетъ защищать букву и доказывать, что слабости ея членовъ и есть истинный духъ Церкви, то судьбу истины подвергнетъ всѣмъ человѣческимъ случайностямъ и знамя, подъ которымъ она будетъ стоять, будетъ знамя человѣческое а не божественное.

Въ приведенномъ нами положеніи Дёллингера видѣнъ уже христіанскій, миролюбивый, хотя и строгій, духъ его полемики. Онъ понималъ, какъ важна черта эта въ полемикѣ и въ самомъ началѣ выставилъ свою программу, которая оправдалась блестящимъ успѣхомъ книги среди самихъ протестантовъ.

«Современемъ и на сторонѣ католиковъ кое-что должно измѣниться. Тогда не будутъ на кафедрѣ заниматься личностями Лютера и реформаторовъ. Духовные, помня слова *interfécite ergos diligite homines*, будутъ отвоситься къ членамъ другихъ исповѣданій сообразно съ правилами любви и всегда предполагать въ нихъ *доброе* (*bona fides*), если вѣтъ ясныхъ доказательствъ противнаго. Они не будутъ забывать, что нельзя пріобрѣсти чловѣка горькими и жесткими словами, что напротивъ этимъ можно только оттолкнуть его. Далѣе—помня увѣщаніе апостола (Римл. 14, 13), они будутъ усерднѣе чѣмъ прежде, стараться о томъ, чтобы не подать соблазна отдѣлившимся братьямъ и не навлечь нареканія на Церковь. Повтому, какъ въ бесѣдахъ съ народомъ, такъ и въ церковной жизни, они будутъ избирать въ средоточіе всякаго ученія великія истины спасенія, а не представлять побочныя вещи какъ главныя. Напротивъ, они постоянно будутъ внушать народу, что такія вещи только средство для цѣли и имѣютъ значеніе только второстепенное!»

— Содержаніе духовенства въ южной Германіи во многомъ сходно съ нашимъ; источники его составляютъ 1) определенное ежегодное жалованье, весьма различное по разнымъ приходамъ, 2) церковныя земли, 3) добровольныя пожертвованія деньгами и продуктами.

Условія, въ которыхъ стоитъ духовенство въ протестантскихъ земляхъ, имѣютъ ту особенность, что тамъ пасторъ во многомъ напоминаетъ чиновника, такъ какъ свѣтская и духовная власть соединена въ лицѣ государя, по крайней мѣрѣ весьма слабо разграничена. Оттого и присутственныя мѣста, отъ которыхъ зависятъ пасторъ, то являются съ характеромъ чисто гражданскимъ, то съ духовнымъ. Но при всемъ томъ духовенство старается въ содержаніи, получаемомъ отъ правительства, видѣть весьма отдаленную зависимость. Въ королевствѣ Виртембергскомъ напр. жалованье приходамъ назначается изъ городскихъ и окружныхъ суммъ, но духовенство считаетъ себя въ правѣ смотрѣть на эти суммы какъ на свои собственныя, потому что всѣ католическія церковныя имущества, послѣ реформаціи, должны были перейти въ пользу духовенства протестантскаго, и дѣйствительно оно ими пользовалось, до настоящаго столѣтія, пока съ 1811 г. всѣ они отчуждены были къ государству. Поэтому оно считаетъ жалованье неполными процентами съ бывшихъ казначействъ. Въ нѣкоторыхъ приходохъ жалованье очень небольшое. Упрекъ въ наемничествѣ слышится, довольно часто впрочемъ, особенно со стороны сектантовъ и раскольниковъ.

Въ нѣкоторыхъ приходохъ есть церковныя земли, поля и виноградники. Это самый вѣрный источникъ дохода, при значительной цѣнности земли и продуктовъ. Здѣсь упрекъ въ помѣщичествѣ устраняется тѣмъ, что пасторъ наймомъ обрабатываетъ землю. Крестьяне не любятъ тѣхъ пасторовъ, которые отдаютъ наймы землю, чтобы получить вѣрные деньги. Здѣсь какъ и вездѣ люди хотятъ видѣть въ духовномъ лицѣ чловѣка, живущаго ихъ интересами и сочувствующаго ихъ радости и горю. Но если случится градъ, засуха, наводненіе и пасторъ потребуетъ у разорившагося наемщика деньги, то съ какимъ чувствомъ посмотреть на него община? Самъ ведя хозяйство, пасторъ много выигрываетъ и въ уваженіи и въ любви. Община всегда съ любопытствомъ слѣдитъ за пасторомъ въ отношеніяхъ его къ рабочимъ людямъ, и если въ этихъ отношеніяхъ видно благоуміе и отсутствіе мелкаго корыстолюбія, то полное располо-

женіе крестьянъ приобрѣтено. Конечно не всегда такъ бываетъ; иногда земля отдается съ обязанностию доставить столько-то продуктовъ, иногда же отдается на много лѣтъ внаймы за извѣстную плату.

Добровольныя приношенія бываютъ при разныхъ случаяхъ и конечно весьма различны. Здѣсь встрѣчается рѣшительно то же самое, что въ Россіи; собираются въ извѣстное время яица, масло, ленъ и пр. Почему же терпится эта статья содержанія? Потому, что руководствуются благоразумнымъ правиломъ: всѣхъ этихъ сборовъ продуктами не вводить, гдѣ ихъ нѣтъ; но не отиѣнять тамъ, гдѣ они существуютъ; равно—принимать съ благодарностию, если сама община назначить вмѣсто ихъ деньги; но не требовать денегъ, если она платитъ продуктами. Древній кляръ жилъ только отъ такихъ приношеній; но теперь времена уже измѣнились и чувство можетъ-быть ложнаго стыда заставляетъ отказываться отъ такихъ доходовъ; притомъ замѣчено и здѣсь, что чѣмъ утонченнѣе люди становятся въ своихъ взглядахъ на вещи, тѣмъ слабѣе становится способность къ добровольнымъ пожертвованіямъ всякаго рода. Плата за требы также существуетъ, и конечно устанавливается обычаемъ, а не закономъ. При конфирмаціи платятъ 30 крейперовъ (крейперъ можно принять за копѣйку); при погребеніи за рѣчь надгробную кронъ—талеръ (около 1 р. 30 коп.); за вѣнчаніе—до двухъ кронъ—талеровъ. Когда приводятъ ребенка въ первый разъ въ школу, приносятъ пастору сотню яицъ, или кто чтò имѣетъ. При извѣстныхъ случаяхъ приносятъ также пастору вино. Но существенно отличается положеніе пастора отъ положенія нашихъ священниковъ тѣмъ, что здѣсь пасторскіе дома строятся какъ школьный домъ и другія общественныя зданія на счетъ общины.

19/26 февраля.

Нѣкто принадлежащій къ грековосточному исповѣданію приобрѣлъ имѣніе въ Вестфалии, съ которыми соединены были права патронатства относительно приходской протестантской церкви. Владѣтель имѣнія, будетъ ли онъ протестантъ или католикъ, имѣетъ право представить на пасторское мѣсто троиъ кандидатовъ, изъ которыхъ община непремѣнно должна выбрать одного. Вопросъ о томъ, можетъ ли это право удержать лице,

принадлежащее къ грековосточному исповѣданію, представленъ былъ на рѣшеніе министра и протестантской консисторіи въ Берлинѣ, и тѣ дали отвѣтъ отрицательный: католики могутъ, а православные нѣтъ!

Вотъ цифры за прошлый годъ о дѣятельности разныхъ протестантскихъ миссіонерскихъ обществъ:

Базельское общество имѣетъ въ Африкѣ, Индіи и Китаѣ 61 миссіонера: 31 женщину и 82 катихизаторовъ изъ обращенныхъ туземцевъ: на ихъ попеченіи находятся 3213 человекъ; вновь обращенныхъ 410. Въ миссіонерской семинаріи находятся 82 воспитанника. *Берлинское* общество имѣетъ 24 миссіонера и 19 женщинъ—учительницъ; въ миссіонерской семинаріи—17 воспитанниковъ. *Лейпцигское* общество приобрѣло 4846 душъ; въ прошломъ году приобрѣтено изъ язычниковъ 185. *Моравскіе братья* имѣютъ 185 миссіонеровъ и 3000 обращенныхъ. *Рейнское общество* имѣетъ 26 миссіонеровъ. Англійскія миссіонерскія общества собрали для миссіи 636,619 фунт. или около 4,244,125 рублей; американскія 1,119, 996 долларовъ или 1,568,300, рубл. Въ Индіи обращены къ христіанству 800 селеній; хотя обращенія неполныя, потому что миссіонерамъ не удается побѣдить неопредѣлимое отвращеніе одной касты общества отъ другой. Рассказываютъ такой случай. Одинъ изъ обращенныхъ туземцевъ готовился къ рукоположенію, какъ будущій миссіонеръ. Епископъ англиканской Церкви приглашаетъ его къ обѣду. И тотъ отказывался нѣсколько разъ отъзываясь болѣзнію. Наконецъ онъ объяснилъ настоящую причину своего отказа:—Если я буду ѣсть съ епископомъ, то потеряю свою касту и долженъ буду отказаться отъ своихъ родственниковъ. «А сталъ ли бы ты ѣсть съ апостолами?»—Нѣтъ. «Но съ Иисусомъ Христомъ, когда онъ былъ въ состояніи уничтоженія?»—Нѣтъ.—Въ Китаѣ дѣйствуютъ до 20 миссіонерскихъ обществъ, но успѣшнѣе дѣйствуютъ католическіе миссіонеры, подъ покровительствомъ Французовъ, и потому, что Китай имъ знакомѣе, чѣмъ протестантамъ. Величайшее затрудненіе для миссіонеровъ—это изученіе китайскаго языка, и они почти на половину возвращаются въ Европу, ничего не сдѣлавши въ Китаѣ. Китайское произношеніе, по методу Моррисона, оказалось не удовлетворительнымъ, и одинъ миссіонеръ пригласилъ прихожанъ къ богослуженію въ понедѣльникъ вмѣсто воскресенья. Ошибка произошла отъ того, что удареніе поставлено было не на томъ слогѣ,

гдѣ слѣдуетъ, и отъ незнанія этой тонкости, вышелъ понедѣль-
никъ вмѣсто воскресенья. Въ *Тибетѣ* среди Будистовъ также ос-
новама миссія. Въ Японіи, по заключеніи трактата съ нею Прус-
сією, остались 6 миссіонеровъ и занимаются переводомъ книгъ.
Въ южной Африкѣ Священное Писаніе читается уже на 20 нарѣ-
чійхъ; на Сандвичевыхъ островахъ король пригласилъ двухъ ан-
глійскихъ духовныхъ для основанія тамъ англиканской Церкви.

Среди Несторіанъ въ Персіи находится 40 американскихъ про-
довѣдниковъ, сиротскій домъ съ 50 мальчиками и 30 дѣвочками
и въ 68 деревняхъ протестантскія школы. Въ Сиріи протестанты
также имѣютъ богоугодныя заведенія и пріюты для дѣтей. Въ
последнее время тамъ идетъ значительная борьба между іезуи-
тами и протестантами. Изъ сиротскаго протестантскаго дома въ
два дня іезуиты переманили 48 дѣтей. По отчетамъ евангеличе-
скаго Союза обращенія изъ язычества въ послѣднія шесть лѣтъ
увеличились на 10. процентовъ.

Явныхъ іезуитовъ въ прошломъ году числилось 7144 (а въ 1847
только 4752); изъ нихъ священниковъ 2939; учителей 2159 и 2046
коадьюторовъ. Въ Италіи живутъ 1742; во Франціи 2181, въ
Бельгіи 631, въ Испаніи 630; въ Австріи 455, въ Голландіи 205,
въ Германіи, въ Америкѣ 444. Больше 1000 дѣйствуютъ какъ мис-
сіонеры, подъ руководствомъ пропаганды.

Athenäum. Philosophische Zeitschrift herausgegeben von Frohscham-
mer. Erstes Heft. München, 1862.

Издатель этого новаго философскаго журвала, Фрошамеръ, въ
прошломъ году напечаталъ брошюру о «свободѣ науки», въ которой
старался доказать, что въ католичествѣ возможны свободныя
философскія изслѣдованія и что католическая Германія должна
идти наравнѣ съ протестантскою и заявить въ себѣ тотъ же духъ
глубокой учености и разумнаго усвоенія вѣры. Всѣ католическія
произведенія въ національной нѣмецкой литературѣ занимаютъ,
по его словамъ, самое ничтожное мѣсто. Это совершенно противорѣ-
чить достоинству католичества потому, что, какъ думаетъ ав-
торъ, въ немъ заключается полная возможность свободнаго фило-
софскаго развитія. Эта брошюра, какъ и слѣдовало ожидать, воз-
двигла жгучія нападки со стороны іезуитовъ и нера-

зумныхъ ревнителей католичества. Болѣе развитые католики намекали автору, что цѣль прекрасна; но только цензурная конгрегация въ Римѣ съ своимъ Index librorum prohibitorum, питающаяся одними доносами, сидитъ такъ крѣпко, что никто въ мірѣ не можетъ ее сдвинуть. Это не остановило автора, и онъ является теперь съ философскимъ журналомъ.

Для философіи настоящее время самое невыгодное. Естественныя науки, которыми заняты такъ нашъ вѣкъ, боятся и не любятъ дѣлать общихъ выводовъ; исканію общаго, существеннаго, что объединяло бы всѣ явленія, они предпочитаютъ частности и подробности. Почти то же самое и въ другихъ наукахъ. Правовѣдѣніе, напр., не заботясь объ опредѣленіи идеи права, слѣдитъ только даннымъ готовымъ явленіямъ и измѣряетъ ихъ съ точки зрѣнія пользы, насилія, произвола; оттого и возвращеніе на правое и неправое очень шатки. Современемъ философія должна оказывать услугу естественнымъ наукамъ и проникнуть въ частности силою мысли, соединивши всѣ добытые результаты въ одно цѣлое. Но пока еще положительная философія не явилась, много дѣла теперь философіи отрицательной, и, кажется, въ этомъ духѣ будетъ дѣйствовать новый журналъ. Прямо онъ высказываетъ, что онъ хочетъ: «Наша исходная точка есть ни догматизмъ, ни пантеистическій формализмъ, ни построеніе аргюгі, ни наконецъ болѣзненный скептицизмъ, но здравая нормальная человѣческая природа, съ органами и законами, которые дѣлаютъ ее способною къ познанію. Мы не можемъ напередъ догматически назначить себѣ, какихъ именно результатовъ мы достигнемъ; въ такомъ случаѣ это будутъ результаты не научные, но крайней мѣрѣ не свободные отъ подозрѣнія въ предвзятости. Эта исходная точка не можетъ понравиться философамъ по преимуществу; они требуютъ отъ каждаго, кто хочетъ философствовать, чтобы онъ непременно исходнымъ пунктомъ бралъ тождество бытія и мысли, Бога и міра и т. д. и избѣгалъ всякаго дуализма. Основаніе этого мнѣнія одно, что кто не соглашается бросить свое ясное здоровое сознаніе, которое признаетъ дуализмъ и должно признавать, пока не доказанъ монизмъ,— тотъ не имѣетъ философскаго таланта». Что такое исходная точка здоровой, нормальной человѣческой природы и какъ изъ нея разовьется философская система,—трудно пока предвидѣть; но то ясно, что журналъ долженъ очистить себѣ дорогу и вступить въ борьбу съ прежними философскими системами. Пробую въ

этомъ родѣ можно назвать статью въ первомъ же выпускѣ: «Натуралистическая и нравственная исходная точка въ философіи» (Ueber den naturalistischen und ethischen Standpunkt in der Philosophie.) Авторъ довольно строго критикуетъ натуралистическое начало въ философіи и находитъ въ немъ: 1) догматизмъ, который бездоказательно бросаетъ личное сознание и переноситъ его на природу; 2) отождествленіе законовъ бытія и мысли,—и дѣлаетъ тотъ выводъ, что личное сознание или нравственное начало въ философіи есть самая вѣрная и логическая исходная точка философіи и не имѣетъ недостатковъ натурализма.

Но всего интереснѣе то, что журналъ называетъ себя католическимъ и хочетъ остаться католическимъ, въ то же время требуя полнѣйшей свободы изслѣдованія. Въ объясненіе этого онъ говоритъ, что цѣль журнала возбудить любовь къ философіи въ католическомъ мірѣ; поэтому онъ обратилъ вниманіе на философовъ, схоластическаго періода. Но больше этого не общается и не хочетъ связывать себя положительнымъ содержаніемъ вѣры, въ томъ смыслѣ, чтобы брать отъ нея начала и на нихъ развивать систему. Другое дѣло — если философія самостоятельно придетъ къ тѣмъ же результатамъ. Но съ перваго раза отрицать Вѣру или признавать христіанство, по крайней мѣрѣ какъ фактъ,—это верхъ нелогическаго приѣма мысли. «Религіозную Вѣру, которая обнаруживаетъ столько силы и составляетъ такое великое благо человѣка, надобно уважать: она останется всегда и въ мысли человѣчества и въ жизни, несмотря ни на какой прогрессъ науки». По этой важности религіозной Вѣры, онъ объясняетъ подвергать философскому изслѣдованію различные пункты положительнаго вѣроученія. «Въ этомъ пунктѣ, говоритъ онъ, я опять подвергаюсь опасности потерять философскую репутацію! Какъ только человѣкъ изберетъ предметомъ своихъ изслѣдованій христіанское вѣроученіе, то сейчасъ уже становится не философомъ, а богословомъ. Если кто занимается египетскими мистеріями, культомъ Зевса и Аполлона, или остатками изъ отрывковъ какого-нибудь древняго писателя, тотъ философъ: но избрите предметомъ научнаго изслѣдованія христіанскаго ученія о Троицѣ и искупленіи, вамъ сейчасъ скажутъ, что вы не философъ, а богословъ. Какъ будто дѣло въ предметѣ, а не въ началѣ и методѣ изслѣдованія! Но еще хуже если результаты, хотя отчасти, совпадутъ съ содержаніемъ христіанской вѣры.»

Издатель, конечно, уже заранѣе знаетъ нѣкоторые изъ резуль-

татовъ своихъ изслѣдованій; знаетъ, что они не будутъ стоять по крайней мѣрѣ въ противорѣчій съ общими христіанскими воззрѣніями на отношенія Бога, міра и человѣка. Поэтому онъ и рекомендуетъ себя католикамъ, предоставляя судить о научномъ достоинствѣ своихъ изслѣдованій по мѣрѣ появленія журнала. Во всякомъ случаѣ журналъ обѣщаетъ много интереснаго, особенно съ критической стороны.

Въ Парижѣ на 1,700,000 душъ католическаго вѣроисповѣданія находится 65 большихъ и малыхъ церквей; значитъ, одна церковь больше чѣмъ на 26,000 душъ. Въ томъ же Парижѣ существуетъ 58 театровъ, балльных и концертныхъ залъ. Нѣмецкая газета прибавляетъ на это извѣстіе: итѣяи уши слышати, да слышити. Но мы можемъ замѣтить, что и въ протестантскихъ городахъ едва ли еще не съ меньшимъ усердіемъ строятся церкви. До чего доходитъ отсутствіе этого усердія можно судить по тому, что во многихъ мѣстахъ въ одной церкви совершаютъ богослуженіе, конечно въ разные часы, католики, реформаты, иногдѣ и сектанты. Это не вслѣдствіе особеннаго миролюбія, а по недостатку денегъ на построеніе церквей. Въ одномъ очень большомъ городѣ существуетъ только три церкви; нѣсколько лѣтъ тому, вопросъ о построеніи новой церкви рѣшенъ былъ тѣмъ, что заставили пасторовъ въ существующихъ уже церквахъ совершать богослуженіе три раза въ воскресные и праздничные дни. Въ настоящее время, впрочемъ, протестанты чувствуютъ, что пора заняться постройкою новыхъ церквей и усилить какими-нибудь средствами ревность къ этому въ народѣ: большая часть церквей существующихъ перешли въ наслѣдство отъ католичества, и протестантская церковь не имѣетъ своей архитектуры и расположенія внутренняго храмовъ. Болѣе всего строить церквей въ Россіи и Америкѣ.

Fontes juris ecclesiastici antiqui et hodierni. Edit. I. Valter I—IV. Bonnae 1861.

Четыре не большіе выпуска этого сборника полезны для изучающихъ новую церковную исторію. Здѣсь собраны подлинныя документы всѣхъ конкордатовъ, заключенныхъ папою съ различ-

ными государствами, документъ о свободѣ галлицанской Церкви, буллы папскія о смѣшанныхъ бракахъ, нѣкоторые документы и протестантскіе, напр. о новѣйшемъ устройствѣ протестантской Церкви въ Баденѣ, которое имѣетъ цѣлю показать образецъ для всей Германіи и возбудить къ тому же устройству всѣ протестантскія вѣроисповѣданія. Для русской исторіи представляетъ сборникъ а) очеркъ регламента Петра Перваго. б). Указъ отъ 6/18 марта 1817 г. о католической Церкви въ Польшѣ в). Статьи договора, заключеннаго въ Римѣ 22 іюля 1847 года. г). Булла Пія IX о распредѣленіи католическихъ епархій въ Россіи 1848 года.

Р***

БИБЛЮГРАФІЯ.

Новыя изданія александрійскаго текста книгъ Св. Писанія.

Мы имѣли случай сообщать читателямъ свѣдѣнія о послѣднихъ изданіяхъ кодексовъ *синайскаго* и *ватиканскаго*. Теперь мы имѣемъ случай сказать о кодексѣ *александрійскомъ*.

Кодексъ этотъ въ настоящее время принадлежитъ британскому музею. Въ 1628 году онъ присланъ въ даръ королю Англіи, Карлу I, чрезъ англійскаго посла въ Константинополь, Томаса Ро, отъ Кирилла Лукариса, патриарха константинопольскаго (раньше александрійскаго). Королевскій библіотекаръ, Патрикъ Йонгъ, первый началъ ученую разборку кодекса. Уальтонъ для своей полиглотты, потомъ Милль и Ветштейнъ въ своихъ работахъ пользовались манускриптомъ. Всѣ эти труды потеряли свое значеніе съ появленіемъ на свѣтъ изданія—*facsimile*, которое въ 1786 году выдалъ Уайдъ. *Facsimile* Уайда, не совсѣмъ однако же исправное, въ настоящее время сдѣлалось уже большою рѣдкостью. Потребность въ новомъ, болѣе удобномъ и дешевомъ изданіи кодекса давно уже ощущалась,—и теперь для насъ какъ нельзя болѣе кстати явились два изданія его текста, различныя впрочемъ по своимъ задачамъ и приемамъ. Это изданія:

1) Η ΚΑΙΝΗ ΛΙΑΘΗΚΗ. Novum Testamentum graece, ex antiquissimo Codice Alexandrino a C. C. Woide olim descriptum. Ad fidem ipsius Codici denuo accuratius edidit B. H. Cowper. Londini, MDCCLX.

2) Vetus Testamentum graece juxta LXX interpretes. Recensionem

Grabanam ad fidem Codicis Alexandrini aliorumque denuo recognovit, graecam secundum ordinem textus hebraei reformavit, libros apocryphos a canonicis segregavit *Fr. Field. Oxonii, 1859.*

Первое обнимаетъ весь Новый Заветъ за исключеніемъ нѣсть, не достоящихъ въ кодексѣ, именно: первыхъ 24-хъ главъ и первыхъ пяти стиховъ 25-й главы св. Матвея, съ 50 ст. 6-й главы по 52-й стихъ 8-й главы св. Іоанна, и изъ втораго посланія къ коринтянамъ съ 13-го стиха 4-й главы по 6 стихъ 12-й главы.

Такъ какъ цѣль издателя была—сдѣлать общедоступнымъ и удобнымъ чтеніе самаго кодекса, Коуперъ, что касается внѣшней постановки текста, строго держался оригинала. Какъ во всѣхъ другихъ манускриптахъ, идущихъ изъ глубокой древности, письмо въ александрійскомъ кодексѣ сплошное, безъ сѣченія строкъ на отдѣльныя слова; пунктуация неправильная; ни удареній, ни придыханій нѣтъ. Особенность этого письма—разстановка большихъ буквъ въ началѣ отдѣленій текста. Если начало отдѣленія приходится въ началѣ строки, строка начинается большою, выдающеюся на поле буквою. Если же начало отдѣленія приходится въ серединѣ строки, то съ большой буквы начинается уже только слѣдующая строка, даже еслибы этой буквѣ, по смыслу рѣчи, приходилось быть выхваченной изъ середины слова. Всѣ эти особенности письма, какъ и особенности орфографіи, Коуперъ удержалъ въ своемъ изданіи этой части кодекса. Впрочемъ, для удобства чтенія онъ обозначилъ дѣленіе на стихи, а для удобства корректуры и дешевизны изданія, коптскія унциальныя буквы, какими писанъ весь кодексъ, замѣнилъ обыкновеннымъ греческимъ шрифтомъ. Все, что носитъ печать позднѣйшаго происхожденія,—какъ напр. греческія буквы на поляхъ манускрипта, означавшія различныя отдѣленія текста для богослужебнаго употребленія манускрипта,—помѣщено въ скобахъ.

Прекрасное въ этомъ отношеніи изданіе, дѣлающее общедоступнымъ возможно полное и вѣрное знакомство съ оригиналомъ, не менѣе цѣнно и въ отношеніи къ ученому изслѣдованію текста. Разборкѣ текста, изслѣдованіямъ о самомъ кодексѣ и подробному его описанію для не имѣвшихъ случая видѣть Уайдово facsimile-изданіе кодекса, Коуперъ посвящаетъ довольно пространное введеніе. Изданіе Коупера, так. обр., представляетъ точный списокъ кодекса, не испещряя страницъ текста подсрочными замѣтками,

но въ то же время не лишая читателя свѣдѣній о самомъ кодексѣ и уже добытыхъ результатахъ его критической разборки.

Изъ этого введенія мы воспользуемся только выволами, на какихъ остановились ученые изслѣдованія относительно мѣста и времени происхожденія кодекса.

Коптскія формы буквъ даютъ достаточное основаніе предполагать, что кодексъ написанъ въ Египтѣ. Въ этомъ предположеніи занимавшихся его изслѣдованіемъ утверждаютъ особенности въ украшеніяхъ, совершенное сходство его рисунковъ съ рисунками, находящимися въ древнѣйшихъ манускриптахъ египетскаго происхожденія, принадлежащихъ британскому музею. Особенно важны въ этомъ отношеніи рисунокъ, слѣдующій за соборными посланіями: двѣ корзины одинаковой формы съ плодами, сложенными на нихъ пирамидально,—рисунокъ хорошо знакомый знакамъ египетской живописи.

Что касается времени происхожденія кодекса, Ёюнъ, первый занимавшійся его разборомъ, полагалъ, что онъ написанъ вскорѣ послѣ I Никейскаго собора; Уэлтонъ считаетъ его такъ же древнимъ, если не древнѣе, какъ и ватиканскій; Ушѣрзъ относитъ его къ концу IV вѣка. Коуперъ находитъ нужнымъ согласиться съ мнѣніемъ Тишендорфа: «scriptus videtur post medium saeculi V,» и старается своими доводами устранить всѣ возможные возраженія

Второе изъ указанныхъ нами изданій имѣетъ цѣлю возстановить текстъ семидесяти толковниковъ преимущественно по кодексу александрійскому, очистивъ его отъ вставокъ и излишнихъ примѣненій его къ еврейскому тексту, сдѣланныхъ Грабе.

Всякій, сколько-нибудь знакомый съ трудомъ возстановленія древняго текста, понимаетъ, какую огромную задачу взялъ на себя Фильдъ въ этомъ случаѣ. Манускрипты и ученые труды его предшественниковъ, какими онъ могъ располагать при этомъ трудѣ, даютъ огромный интересъ его изданію.

Всякому, сколько-нибудь знакомому съ текстомъ семидесяти толковниковъ, болѣе или менѣе извѣстны трудности, какія представляетъ текстъ семидесяти въ орфографіи собственныхъ именъ мѣстъ и лицъ. Александрійскій кодексъ въ этомъ отношеніи не исправленъ особенно. Такъ напр. въ 1 кв. царствъ гл. XXI, одно и то же имя Авимелехъ здѣсь читается трояко: *Αβιμελεχ* (ст. 1), *Αβιμελεχ* (ст. 2), *Αχιμελεχ* (ст. 8; или въ 4 кв. Царствъ гл. XIV, имя Амасія въ трехъ непосредственно одинъ за другимъ слѣдующихъ

стихахъ (11, 12, 13) читается: *Armenice, Armenice, и Armenice*. На это трудности особенное вниманіе обращаетъ Фильдъ въ предисловіи къ своему труду: и хотя нельзя сказать, чтобы иѣры, принимаемыя имъ къ установленію однообразной корректуры собственныхъ именъ по переводу семидесяти, были вполнѣ удачны, однако же, за всѣмъ тѣмъ трудъ его и въ этомъ отношеніи признается въ настоящее время заслуживающихъ полнаго вниманія.

Это великолѣпное изданіе посвящено издателями греческой церкви.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ:

Число православныхъ лицъ, церквей и духовенства въ Россіи въ 1859 г. Православныхъ въ Россіи, не считая армейскаго и флотскаго ведомствъ, было 50,725,220 человекъ. Родилось 2,733,027, умерло 1,127,198, сочеталось бракомъ 1,127,198 чел.

Церквей православныхъ 36,820, часовень и молитвенныхъ домовъ 12,266. Въ 1859 г. построено 399 церквей и 75 молитвенныхъ домовъ.

Епархіями управляли 4 митрополита, 19 архіепископовъ и 31 епископъ. Викаріями было 14 епископовъ.

При соборахъ, приходскихъ, и другихъ церквахъ состояло протоіереевъ 538, священниковъ 36,963, діаконовъ 12,229, причетниковъ 63,507; сверхъ того заштатныхъ протоіереевъ 421, священниковъ 3,204, діаконовъ 1,853, причетниковъ 6,545. Всего блага духовенства было 124,984. Возведено въ 1859 году въ протоіерей 39, посвящено въ санъ священника 1,294, въ санъ діакона 831.

Въ 4-хъ духовно-учебныхъ округахъ, подвѣдомыхъ духовнымъ академіямъ, состояло 253 учебныхъ заведенія, 1,853 преподавателя и 54,253 учащихся, въ томъ числѣ въ академіяхъ 342, въ семинаріяхъ 14,619, въ уѣздныхъ училищахъ 37,772 и въ приходскихъ училищахъ 1,519.

Монастырей было 603. Въ 475 муж. монастыряхъ находилось 6,556 монаховъ и 5,654 послушника; 37 монастырей управлялись преосвященными, 199 архимандритами, 77 игуменами, прочіе—іеромонахами. Въ 1859 г. въ архимандриты возведено 21, въ игумены 12. Пострижено въ монашество 265, въ послушники принято 703. Въ 128 женск. монастыряхъ находилось 2,464 мо-

нахини и 7,342 послушницы. Въ игуменьи возведено 2, построено въ монашество 119 лицъ, въ послушницы прнято 314.

(Кiev. Тел.)

● сельскихъ школахъ при приходскихъ церквяхъ. Считаемо не лишнимъ сообщить читателямъ почерпнутыя изъ официальныхъ источниковъ свѣдѣнiя о числѣ и настоящемъ положенiи сельскихъ училищъ, открытыхъ духовенствомъ при приходскихъ церквяхъ. Эти статистическiя данныя наглядно подтверждаютъ общезамѣченный фактъ, что въ послѣднее время, особенно съ освобожденiемъ крестьянъ, въ нашемъ народѣ сильно развивается охота къ грамотности, и во многихъ мѣстностяхъ дѣло это идетъ впередъ довольно быстро и успѣшно.

По свѣдѣнiямъ святѣйшаго снвода, изъ 1 сентября прошлаго года состояло открытыхъ православнымъ духовенствомъ сельскихъ школъ и учащихся въ нихъ:

По епархiямъ:	училищъ:	учащихся:	
		муж. пол.	жен. пол.
Кievской	1.206	19.015	4.573
Волынской	1.173	10.446	813
Подольской	1.146	17.339	3.761
Черниговской	819	12.225	2.154
Тверской	415	6.250	1.944
Смоленской	358	6.357	372
Рижской	274	4.986	4.106
Владимiрской	225	4.791	582
Литовской	210	2.375	65
Сибирской	209	1.618	2.079
Орловской	196	2.491	678
Тульской	190	1.919	241
С.-Петербургской	168	3.708	945
Рязанской	147	4.616	731
Самарской	142	3.491	641
Кашеневской	138	учащ. 1.695 об. и.	
Пермской	133	1.609	612
Екатеринославской	126	2.309	101
Херсонской	120	1.985	213
Полоцкой	109	508	50
Нижегородской	98	786	16

Донской	94	1.600	229
Вологодской	93	1.176	214
Калужской	92	1.157	226
Архангельской	91	597	175
Курской	82	1.276	250
Костромской	80	576	101
Полтавской	78	959	159
Могилевской	73	1.370	217
Казанской	63	не показано.	
Астраханской	40	1.046	233
Таврической	37	1.493	192
Тамбовской	32	703	66
Варшавской	4	38	18

Итого 8.391 120.774 26.779

Всего же обоего пола, съ показанными по киевской епархіи, 149.248.

Въ теченіе сентября мѣсяца прибыло по

епархіямъ:	училницъ:	учащихся:	
		муж. пол.	жен. пол.
Рязанской	193	2.913	328
Нижегородской	102	632	212
Смоленской	72	1.111	57
Вологодской	64	813	129
Казанской	44	не показано.	
Екатеринославской	23	217	14
Калужской	22	146	9
Орловской	21	215	2
Тверской	17	174	27
Симбирской	17	103	53
Тамбовской	14	268	11
Волынской	13	108	5
Владимірской	13	84	19
Полтавской	10	51	19
Самарской	10	162	74
Курской	9	123	14
Могилевской	8	56	7
Кіевской	4	не показано.	
Полоцкой	3	21	1
Таврической	2	14	2

Варшавской	2	16	11
Подольской	1	14	6
Рижской	1	не показано.	
Итого.	665	7.243	1.000
Всего 8.243.			

Въ епархіяхъ: с.-петербургской, астраханской, литовской, черниговской, кишиневской, донской, херсонской, тульской, архангельской, костромской и пермской, въ теченіи этого мѣсяца, по свѣдѣніямъ синода, пережвѣнъ не было.

Разсматривая эти сообщенныя изъ святѣйшаго синода свѣдѣнія, министерство внутреннихъ дѣлъ обратило вниманіе на замѣчательно быстрое значительное увеличеніе сельскихъ школъ въ рязанской, нижегородской, смоленской, вологодской и казанской губерніяхъ, и поручило губернаторамъ собрать и доставить возможно полныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи этихъ вновь открытыхъ школъ. На дняхъ полученъ отвѣтъ по Смоленской губерніи. Начальникъ этой губерніи, а. с. с. Арсеньевъ, отъ 19 января, сообщаетъ подробную вѣдомость о сельскихъ школахъ, открытыхъ при приходскихъ церквахъ въ теченіе сентября мѣсяца 1861 г., и увѣдомляетъ, что школы эти находятся въ весьма удовлетворительномъ положеніи и число учащихся въ нихъ постоянно увеличивается. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщаетъ доставить подобныя же вѣдомости объ училищахъ, открытыхъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ минувшаго года. По словамъ г. Арсеньева, «число этихъ школъ очень значительно. Грамотность, или, правильнѣе сказать, охота къ грамотности въ Смоленской губерніи видимо усиливается; крестьяне добровольно начинаютъ посылать дѣтей своихъ въ школу и радостно слѣдятъ за ихъ успѣхами. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права исчезаетъ въ здѣшнихъ крестьянахъ та апатія, то равнодушіе, которые еще такъ недавно были отличительными ихъ свойствами.»

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ г. начальникомъ Смоленской губерніи, число народныхъ школъ, вновь открытыхъ въ этой губерніи, въ теченіи сентября прошлаго года, простирается до 73; число учащихся въ нихъ 73; учащихся мужескаго пола 1.111; женскаго 52.

Школы эти слѣдующія:

Въ Смоленскомъ уездѣ:

Въ самомъ городѣ Смоленскѣ открыта одна школа, при Ар-

хангельской церкви, пономаремъ Ильенковымъ, въ его домѣ; учащихся въ ней: мужск. п. 9, женск. 3.

Въ уѣздѣ открыто *шесть* школъ, учащихся въ нихъ мужск. п. 53, женск. 2; а именно:

въ приходѣ села Ляхова, при деревнѣ Спасской, священнослужителями села; училище помѣщается въ особой крестьянской комнатѣ; учащихся муж. п. 31;

въ селѣ Преображенскомъ священникомъ Четыркинымъ въ его домѣ; учащихся муж. п. 4, женск. 1;

того же прихода, при деревнѣ Гречишинѣ, прихожанами въ домѣ однодворца, учащихся муж. п. 5;

въ приходѣ села Моготова священникомъ Соколовымъ двѣ школы: одна при селѣ Теличинѣ; другая при селѣ Нижней Копанкѣ; въ первой учащихся мужес. пола 5, во второй 6; обѣ школы помѣщаются въ домахъ прихожанъ;

и въ селѣ Хохловѣ священникомъ Соколовымъ въ его домѣ; учащихся муж. п. 12, женск. 1.

Въ *Краснинскомъ уѣздѣ* открыто *шесть* школъ; учащихся въ нихъ: мужеск. п. 77, женскаго нѣтъ; а именно: въ селѣ Покровскомъ священно-церковнослужителями въ ихъ домѣ, учащихся муж. п. 5; въ селѣ Высокомъ, священно-церковнослужителями, въ ихъ домѣ, учащихся муж. пола 7;

въ селѣ Юрахъ священникомъ Криницкимъ въ его домѣ, учащихся муж. пола 10;

въ селѣ Коблуковѣ священникомъ Глѣбовымъ — въ его домѣ, учащихся муж. пола 6;

въ селѣ Крюковѣ священникомъ Шевелевымъ — въ его домѣ, учащихся муж. пола 17;

въ селѣ Сельцѣ помѣщицею Краевскою въ домѣ священника; учащихся муж. пола 32.

Въ *Духовицкомъ уѣздѣ* открыта одна школа при селѣ Моравѣ прихода села Рачины, помѣщикомъ Герномъ—въ его домѣ; учащихся муж. пола 37, женск. нѣтъ.

Въ *Ельчинскомъ уѣздѣ* открыто *четыре* школы; учащихся въ нихъ муж. пола 70; женск. нѣтъ; а именно:

въ приходѣ села Коробца при деревнѣ Стайкахъ, крестьянами этой деревни—въ домѣ одного крестьянина; учащихся м. п. 19;

въ приходѣ села Песочни, при деревнѣ Жидной, церковнымъ старостою—въ его домѣ; учащихся муж. пола 12;

въ селѣ Хмарѣ священниками Пушновымъ и Медвѣдовымъ, въ ихъ домѣ, учащихся муж. пола 32; для этой школы инженеръ-

штабъ-капитанъ Кузенева пожертвовалъ 20 букварей и на отопленіе 15 р. деньгами;

того же прихода въ деревнѣ Крагаловкѣ священникомъ Пушновымъ въ его домѣ; учащихся муж. пола 7.

Въ *Дорогобужскомъ уездѣ* открыто три школы; учащихся въ нихъ муж. пола 21; женск. нѣтъ; а именно:

въ селѣ Карочаровѣ священникомъ Пляшкевичемъ въ его домѣ, учащихся муж. пола 4;

при деревнѣ Ставловѣ, жителями этой деревни въ крестьянскомъ домѣ, учащихся муж. пола 5;

въ селѣ Хриловѣ священно-служителями въ домѣ діакона; учащихся муж. пола 12.

Въ *Гжатскомъ уездѣ* открыта одна школа въ селѣ Куршевѣ священ. Назаревскимъ въ домѣ пономаря; учащихся муж. пола 9.

Въ *Юхновскомъ уездѣ*:

Въ самомъ городѣ Юхновѣ открыта одна школа при соборной Каванской церкви протоіереемъ Кавераневымъ и священникомъ Богдановичемъ; она помѣщается въ церковной караулкѣ; учащихся въ ней муж. пола 25.

Въ уездѣ открыто *два* школы: въ селѣ Аксіньевѣ княземъ Ухтомскимъ, въ особо устроенной комнатѣ; учащихся муж. пола 27, женск. 12, и въ селѣ Ольгахъ священникомъ Соколовымъ, въ его домѣ, учащихся муж. пола 9, женск. 1.

Въ *Бальскомъ уездѣ* открыто *два* школы: въ селѣ Боголюбовѣ священникомъ Цвѣтковымъ и генеральшей Ермолаевою — въ ея домѣ; учащихся муж. пола 25; и въ селѣ Городѣ священникомъ Розовымъ—въ церковной караулкѣ; учащихся муж. пола 15.

Въ *Вяземскомъ уездѣ*:

Въ самомъ городѣ Вязьмѣ открыто *семь* школъ, при приходскихъ церквахъ: Духовской, священникомъ Малышкинымъ, въ его домѣ, учащихся муж. пола 4, женск. 1; Спасопреображенской діакonomъ Неклюдовымъ въ его домѣ; учащихся муж. пола 13, женск. 1; Богоявленской діакonomъ Снявскимъ—въ его домѣ; учащихся муж. пола 5, женск. 2; соборной Троицкой діакonomъ Покровскимъ въ его домѣ; учащихся муж. пола 6, женск. 1; Воскресенской діакonomъ Четыркинымъ въ его домѣ; учащихся муж. пола, 9 женск. 1; Троицкой діакonomъ Буряковымъ въ его домѣ; учащихся муж. пола 8, женск. 3; и Петропавловской діакonomъ Соколовымъ въ его домѣ; учащихся муж. пола 50.

Въ уездѣ открыто *два* школы: въ селѣ Лужкахъ — священникомъ Чамовымъ, и въ селѣ Рыжловѣ—священникомъ Соколовымъ,

обѣ школы помѣщаются у нихъ на дому: въ первой учащихся муж. пола 17, во второй 15.

Въ *Рославльскомъ уѣздѣ* открыто *тридцать* школъ: учащихся въ нихъ муж. пола 470; женск. 21, а именно:

въ селѣ *Дугахъ*, при церкви, священникомъ *Чижовымъ* въ особо устроенной комнатѣ; учащихся муж. п. 31; тотъ же священникъ открылъ еще двѣ школы въ деревняхъ своего прихода: *Дурмановкѣ* и *Курганѣ*; обѣ помѣщаются въ домахъ крестьянъ; въ первой учащихся муж. пола 9; во второй муж. 15, женск. 5;

въ селѣ *Коваляхъ*, священникомъ *Зезюльскимъ*, въ его домѣ; учащихся муж. п. 16;

въ селѣ *Богдаровѣ*, священникомъ *Костылевымъ*, въ церковной караулкѣ; учащихся муж. п. 25;

въ селѣ *Якимовичахъ* священникомъ *Барсовымъ* въ его домѣ; учащихся муж. п. 15;

въ селѣ *Ворошиловѣ*, священникомъ *Зубакинымъ* въ церковной караулкѣ; учащихся муж. п. 22;

въ селѣ *Трояновой слободѣ*, священникомъ *Кутузовымъ* въ домѣ дьячка; учащихся муж. п. 6; тотъ же священникъ открылъ еще три школы въ деревняхъ своего прихода: *Усочахъ*, учащихся муж. п. 11; *Старинки*, муж. п. 7, женск. 2, и *Федоровкѣ*, муж. п. 19, жен. 3; школы эти помѣщаются въ домахъ крестьянъ;

въ приходѣ села *Костырей*, священникомъ *Ивановымъ*, при содѣйствіи управляющаго г. *Эссенъ*, открыто пять школъ: въ селѣ *Марьинскомъ*, учащихся муж. п. 8; въ деревнѣ *Михайловкѣ*, учащихся муж. п. 12; въ деревнѣ *Будѣ*, учащихся муж. п. 20; въ деревнѣ *Липовкѣ*, учащихся муж. п. 13, и въ деревнѣ *Утѣховѣ*, учащихся муж. п. 9. Школы эти помѣщаются въ домахъ господскихъ и крестьянскихъ;

въ селахъ *Новой Руднѣ*, *Астапновичахъ* и *Криволѣсѣ* открыты школы священно-церковнослужителями; учащихся въ первой школѣ 20, во второй 23, въ третьей 33; школы эти помѣщаются въ домахъ священноцерковно-служителей и прихожанъ;

въ селѣ *Панцевѣ* помѣщикомъ *Аничковымъ* въ особоустроенномъ домѣ; учащихся муж. п. 15 женск. 6;

въ селахъ: *Деребужѣ*, *Хорошевѣ* и *Гивѣковѣ* открыты школы священноцерковно-служителями; учащихся муж. п. въ первой 18, во второй 12, въ третьей 10; школы помѣщаются въ домахъ священноцерковно-служителей и прихожанъ;

въ селѣ *Кохановѣ* священникомъ *Волочковымъ* въ домѣ помѣщика; учащихся муж. пола 26, женск. 4; тотъ же священникъ

открылъ еще школу въ томъ же селѣ въ домѣ наставника унтер-офицера; учащихя муж. пола 6, и въ двухъ деревняхъ своего прихода: Сѣпцѣ—учащихя муж. пола 15, и Чекалиной свободѣ—учащихя муж. пола 12; обѣ школы помѣщаются въ домахъ крестьянъ;

въ селѣ Радичахъ священникомъ Красовымъ въ церковной сторожкѣ; учащихя муж. пола 7;

въ селѣ Ладжинѣ священникомъ Селезневымъ въ церковной сторожкѣ, учащихя муж. пола 17, женск. 1; тѣмъ же священникомъ открыта школа въ деревнѣ его прихода Внуквицахъ, она помѣщается въ крестьянскомъ домѣ; учащихя муж. пола 10.

Въ *Порѣцкомъ уездѣ*:

Въ самомъ городѣ Порѣчѣ открыта школа при соборной Рождественской церкви священникомъ Пушиновымъ въ его домѣ; учащихя муж. пола 44; для этого училища пожертвовано отъ епархіального преосвященнаго 10 экземпляровъ азбуки и отъ разныхъ лицъ деньгами 67 руб.

Въ приходѣ Пятикрской церкви, при деревнѣ Бабаева, волостнымъ старшиною крестьяниномъ Андреевымъ открыта школа въ его домѣ; учащихя въ ней муж. пола 13, женск. 2;

въ селѣ Велѣстѣ, священникомъ Борисовымъ, въ его домѣ; учащихя муж. пола 13, женск. 2;

въ селѣ Щучѣ, священникомъ Бѣлкинымъ, въ его домѣ; учащихя муж. пола 12;

въ селѣ Высочертѣ, священникомъ Войниловичемъ, въ его домѣ; учащихя муж. пола 10;

прихода села Саловицъ, въ селѣ Воскресенскомъ, помѣщикомъ Стаховскимъ, въ его домѣ, учащихя муж. пола 15.

Въ *Сычевскомъ уездѣ* открыта одна школа; въ селѣ Гривѣ, священно-церковнослужителями: для этой школы помѣщикъ полковникъ Лихачевъ пожертвовалъ свой домъ, стоящій 800 р. с.; учащихя въ ней муж. пола 30.

По мѣрѣ полученія новыхъ свѣдѣній о сельскихъ школахъ, мы будемъ своевременно сообщать ихъ читателямъ. (Слв. Почта.)

● **Програмиѣ экзамена воспитанникамъ семинарій втораго разряда на степень студента.** Въ послѣднее время разрѣшено воспитанникамъ семинарій, причисленнымъ ко второму разряду, по окончаніи курса, держать экзаменъ на степень студента. Такое разрѣшеніе оживитъ многихъ молодыхъ людей,

окончившихъ семинарскій курсъ по второму разряду, и съ пользою займуть у нихъ свободное время до поступления на мѣсто. Многие, безъ сомнѣнія, будутъ поощрены такимъ разрѣшеніемъ къ лучшему приготовленію на предстоящее имъ служеніе. Надобно сказать только, что желающимъ вновь держать богословскій экзамень должна быть облегчена возможность удовлетворительнаго приготовленія, а для этого хорошо бы составить программу, которую они могли бы руководствоваться съ увѣренностію, что ихъ приготовленіе прямо будетъ соответствовать опредѣленнымъ требованіямъ. Кругъ богословскихъ наукъ такъ обширенъ и разнообразенъ, что и самое приготовленіе, соответствующее потребностямъ будущаго положенія духовнаго воспитанника, и успѣхи экзамена могутъ быть надлежащимъ образомъ обезпечены только при ясно и опредѣленно выраженныхъ требованіяхъ. А. Н.

Казенныя библіотеки при нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ болѣею частію очень бѣдны книгами для чтенія. Заведеніе частныхъ библіотекъ на собственные средства воспитанниковъ для ихъ всегдашняго употребленія есть одно изъ ближайшихъ средствъ, могущихъ способствовать развитію учащихся. А потому мы желали бы сообщить въ общую извѣстность свѣдѣнія о ходѣ такого полезнаго дѣла, какъ заведеніе *ученическихъ библіотекъ*. Успѣхъ этого дѣла всегда зависитъ отъ личной способности и опытности *учредителей*, которымъ очень было бы полезно обмѣняться своими идеями и педагогическими наблюденіями. Ред.

Ученическая библіотека при инокосскомъ законноспасскомъ училищѣ. Ученическая библіотека при законноспасскомъ училищѣ заведена съ 1838 года. Предложеніе устроить библіотеку для учениковъ на ихъ собственные добровольныя приношенія было принято учениками очень охотно. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ученическая библіотека въ законноспасскомъ училищѣ умножилась на столько, что открылась возможность раздѣлить ее по отдѣленіямъ (*). Назначенные для каждаго класса особые отдѣлы книгъ помѣщаются въ отдѣльныхъ шкафахъ. При составленіи библіотеки обращено вниманіе сколько на степень развитія учениковъ въ каждомъ отдѣленіи, столько же *внѣстѣ* на

(*) Интересно было бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія относительно сбора ученическихъ приношеній и расхода суммы на пріобрѣтеніе и содержаніе библіотеки. Ред.

то, что ученику известнаго класса въ особенности полезно читать. Библиотека для учениковъ приходскихъ классовъ преимущественно состоитъ изъ избранныхъ мѣстъ изъ св. евангелистовъ по послѣднему русскому переводу, изъ легкихъ разсказовъ по ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, изъ Житій Святыхъ на русскомъ языкѣ въ отдѣльныхъ брошюрахъ, и изъ дѣтскихъ книгъ для перваго возраста, имѣющихъ для дѣтей нравственный интересъ. Библиотеку учениковъ высшихъ отдѣленій въ особенности составляютъ разсказы изъ св. исторіи, избранныя Житія Святыхъ, кратко изложенныя по руководству четинъ мисіей, краткія объясненія на литургію, журналы: *Звѣздочка* и *Собесѣдникъ*, грамматика Перевальскаго, Галахова, Дѣтская хрестоматія. Въ числѣ книгъ, выбранныхъ для чтенія ученикамъ высшихъ отдѣленій, находятся: русскіе переводы священныхъ книгъ — Евангеліе, книга Іова, книга Премудрости сына Сирахова, богослужебные каноны на греческомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ Ловягина, свящ. исторія Богословскаго, Житія Святыхъ аеонскихъ, Училище благочестія, Слава Пр. Богородицы, Жизнь Пр. Богородицы, Историческій словарь о святыхъ, прославленныхъ въ російской Церкви, Душеполезное чтеніе, Русская духовно-нравственная хрестоматія, Попеченіе православной церкви, пр. Дебольскаго, Новая Скрижаль, Изъясненіе на литургію, Бесѣды Амфитеатрова, Письма о богослуженіи, Галахова хрестоматія въ трехъ частяхъ, Хрестоматія Ушинскаго, Дѣтскіе журналы Залѣскаго, Чистякова и Разина, Сочиненія Пушкина и Жуковскаго, Очерки изъ исторіи и народныхъ сказаній древняго міра и среднихъ вѣковъ по Груббе, Русская исторія Шоловайскаго, Живописная энциклопедія, Живописное обозрѣніе, Путешествіе по св. семлѣ Норова, Всеобщее путешествіе Дюмонъ-Дервиля, Живописное путешествіе по Азіи, Годъ на сѣверѣ Максимова, Очерки печорскаго и зауральскаго края, Природа и люди, Земля и люди, Бернадскаго, Міръ Божій, Разина, его же Путешествія, Небесныя свѣтила, Естественная исторія Горизонтова, Чудеса древняго и новаго міра, или описаніе важнѣйшихъ памятниковъ древности, и замѣчательнѣйшихъ городовъ, архитектурныхъ и др. произведеній новѣйшихъ временъ, Книга міра, Описаніе странъ и народовъ, Картины растительности, Важнѣйшія открытія и изобрѣтенія по части наукъ и промышленности, Фелье; Географія Вербиловича, Ліу-Пало, или разсказы изъ китайской жизни, Цитена, Путешествіе Д-ра Давида Лавингстона во внутренней

Африкѣ, Море и его жизнь, Гартвига (*). Изъ упомянутыхъ книгъ нѣкоторыя приобрѣтены въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Ученики, подъ надзоромъ наставниковъ, получаютъ книги на недѣлю. Чтобы книги не затѣривались и выдача ихъ производилась безъ замедленія, употребляется слѣдующій способъ. Номеръ, подъ которымъ каждая книга записана въ общемъ каталогѣ, перевесенъ на самую книгу. Предъ раздачею книгъ, въ алфавитномъ спискѣ учениковъ противъ фамиліи каждаго ученика записывается номеръ книги, назначенной для него. Записанные номера прочитываются въ классѣ; каждый ученикъ отиѣчаетъ у себя свой номеръ. Потомъ избранные ученики берутъ книги для раздачи; объявляютъ номера книгъ, каждый съ записаннымъ номеромъ подходит и получаетъ книгу. По возвращеніи книги, номеръ въ алфавитномъ спискѣ замарывается. Если ученикъ пожелаетъ удержать книгу сверхъ назначеннаго срока, номеръ въ спискѣ за нимъ оставляется до возвращенія книги. При такомъ легкомъ способѣ выдачи книгъ, удобно давать ихъ ученикамъ на кашины. Въ свободное время ученики въ классахъ разсказываютъ, кто что вычиталъ. Черезъ эти разсказы развивается у нихъ даръ слова, они дѣлаются живѣе въ отвѣтахъ по обычнымъ предметамъ. Чтобы дать имъ возможность прилагать къ дѣлу чтеніе книгъ, имъ, за исключеніемъ учениковъ приходскихъ классовъ, предложено произвольно собираться въ свободное отъ классовъ время, до двухъ разъ въ недѣлю, и письменно излагать свои мысли на легкія темы, доступныя ихъ понятіямъ. При непрерывномъ чтеніи книгъ, успѣхи ихъ въ письменныхъ упражненіяхъ весьма замѣтны какъ со стороны смысла, расположенія мыслей и ихъ выраженія, такъ равно относительно правописанія. Это упражненіе вмѣстѣ съ чтеніемъ книгъ составляетъ одно изъ любимыхъ ихъ занятій.

А. Невскій.

Пенсіи заштатному приходскому духовенству. Въ прошломъ году по высочайшему повелѣнію *переданы* въ государственное казначейство образовавшійся въ духовномъ вѣдомствѣ капиталъ на пенсіи и пособія лицамъ духовнаго званія православнаго исповѣданія, и за тѣмъ *предоставлено* духовному вѣдомству право производить расходы на пенсіи и пособія духо-

(*) Желательно, чтобы описанный составъ библіотеки былъ пополненъ книгами, необходимыми для знакомства съ такъ-называемою классическою литературой, древнею и новою, и съ исторіею русской литературы, духовной и свѣтской. Ред.

венству, впредь до изданія пенсіоннаго устава, до суммы равной 4% съ передавнаго капитала въ 4,507,272 р., именно до 180,050 р. с. въ годъ. Эта выдача пенсій и пособій, по распоряженію св. Синода, должна начаться съ нынѣшняго 1862 г. и производиться тѣмъ *заштатными священнослужителями, уволенными отъ дѣйствительной службы и осиротѣвшими нхъ семействами, когорые преимущественно предъ другими вуждаются къ помощи.* Это распоряженіе правительства отвѣчаетъ самымъ уважительнымъ нуждамъ. Заштатное приходское духовенство доселѣ оставалось безъ всякихъ средствъ къ жизни: съ горемъ и нуждою оно могло существовать благодаря только случайной благотворительности или милости епархіальныхъ начальствъ, которыя оставляющимъ дѣйствительную службу дозволяли передачу мѣстъ родственникамъ и обяывали послѣднихъ къ содержанію престарѣлыхъ или больныхъ родныхъ поступившихъ за штатъ. Упомянутая сумма, назначенная на выдачу пенсій, конечно, очень еще не велика для духовнаго вѣдомства цѣлой имперіи: она и не могла быть велика потому что образовалась вслѣдствіе вычетовъ изъ скуднаго жалованья, назначеннаго уже во многихъ енархіяхъ приходскому духовенству. Пособія на первый разъ предположено выдавать только *священнослужителями, т.-е. священникамъ и діаконамъ, и безъ сомнѣнія въ очень ограниченныхъ размѣрахъ.* Имѣя въ виду эти обстоятельства, надобно особенно желать, что бы это доброе дѣло, начало которому положено правительствомъ, было продолжено самимъ духовенствомъ. Въ декабрьской книжкѣ *Душеполезная Чтенія* за прошлый годъ помѣщена была статья, наполненная предположеніями объ устройствѣ *пенсіоннаго капитала* на добровольныя пожертвованія духовенства и церквей, конечно правильно (такъ или иначе) организованнымъ. Не входя въ настоящее случаѣ въ подробности означенныхъ предположеній,—будучи въ общихъ чертахъ согласны съ мыслию объ образованіи *добнаго капитала* и изъявляя наше полное сочувствіе къ этому дѣлу, —считаемъ только нужнымъ сказать, что по нашему мнѣнію *прежде всего и болѣе всего* духовенство должно озаботиться образованіемъ собственно *эмеритальной кассы для вдовъ и сиротъ духовнаго званія*, не исключая конечно и заштатныхъ священно—и церковнослужителей. Собственно въ Москвѣ мы не много найдемъ заштатныхъ священно—и церковно служителей, тогда какъ число вдовъ и сиротъ, имѣющихъ нужды, и терпящихъ бѣдность, *поразительно велико.* Положеніе вдовъ и сиротъ столичнаго духовенства, болѣе образованныхъ, привыкшихъ къ лучшей жизни,

а между тѣмъ подвергающихся той же участи безпомощной бѣдности, особенно заслуживаетъ общественнаго вниманія духовенства (и одного ли духовенства?) и дѣятельнаго безотлагательнаго вспоможенія.

Спешеконтные студенты и вольнослушатели с.-нектарбургской духовной академіи. Подъ этимъ заглавіемъ въ послѣднемъ, 21-мъ № *Для помѣщенія* небольшая записка, изъ которой мы дѣлаемъ извлеченіе:

- Въ Петербургской Духовной Академіи, какъ и въ другихъ нашихъ академіяхъ, существуетъ такой обычай. Къ каждому новому курсу вызываются по три, по два или по одному воспитаннику изъ каждой семинаріи академическаго округа и другихъ, первые лучшіе по суду семинарій, которые высылаются на казенный счетъ въ академію для выдержанія вступительнаго экзамена и поступленія въ число студентовъ на казенное же содержаніе. Къ этому числу вызываемыхъ казенныхъ кандидатовъ, которое назначается всегда меньше того числа ихъ, какое можетъ-быть принято въ академію по штату, прибавляется извѣстное число такъ называемыхъ волонтеровъ, которые также вызываются изъ семинаріи и принимаются въ академію на казенное содержаніе, но должны, если пожелають вѣхать въ академію, отравляться на свой счетъ и рисковать-возвратиться, въ случаѣ не выдержанія экзамена, назадъ также на свой счетъ.

- Общее число вызываемыхъ такимъ образомъ кандидатовъ для поступленія въ академію всегда превышаетъ штатъ, потому что волонтеры не соображаются, да и не могутъ соображаться съ назначеннымъ для нихъ числомъ и присылаютъ свои прошенія о допущеніи къ академическому экзамену черезъ г. оберъ-прокурора Свят. Синода. Отсюда, послѣ каждаго вступительнаго экзамена, извѣстное число державшихъ экзаменъ получало отказъ и должно было невременно возвращаться назадъ, кто на казенномъ содержаніи, если былъ присланъ на казенный счетъ, кто на свой собственный, если поступалъ волонтеромъ. Нужно знать состояніе нашего духовенства, чтобы понять, чѣмъ заканчивался этотъ, конечно справедливый въ основѣ, ригоризмъ академіи. Тутъ бывали сцены, раздиравшія душу. Одни считали себя погибшими, что осрамили свое семинарское и вообще епархіальное начальство, и вончье должны за это какъ вѣбудь поплатиться, если были въ числѣ казенныхъ воспитанниковъ; другіе — волонтеры — находили себя въ положеніи птицъ небесныхъ, но съ тою разницею, что не приобретаая ничего, не могли не заботиться о себѣ, потому что голодная, пропащая жизнь рисовалась впереди очень ясно. Мы сами видѣли въ свое время, что люди двадцати лѣтъ и болѣе буквально на взрыдъ плакали какъ малыя дѣтя.

- Второй уже курсъ идетъ, т. е. третій годъ, какъ Петербургская Академія (при бывшемъ ректорѣ академіи еп. Нектаріѣ, теперь Нижегородскомъ преосвященномъ, и при воеводѣ митрополитѣ Григоріѣ), для облегченія этого зла и въ видахъ успѣховъ духовной науки, допустила

сгдующую, очень гуманную мѣру. Порядокъ вызова воспитанниковъ прежнихъ, но всѣ тѣ лишніе кандидаты, которые не могутъ быть приняты въ академію на казенное содержаніе по штату, могутъ однако слушать курсъ академическихъ наукъ—одни на правахъ своекоштныхъ студентовъ академіи съ правомъ—вносить или деньги за свое содержаніе и жить въ академіи или содержать себя на вольныхъ квартирахъ,—это выдержавшіе удовлетворительно экзаменъ, но оставшіеся за штатомъ; другіе, не выдержавшіе экзамена удовлетворительно, могутъ также слушать курсъ академическій, но должны жить непременно внѣ академіи, какъ себѣ знаютъ, съ званіемъ вольнослушателей, не имѣющихъ права, безъ новаго экзамена, рассчитывать ни на какія степени при концѣ курса.

—Эта истинно гуманная и полезная мѣра открываетъ доступъ къ высшему духовному образованію многимъ молодымъ людямъ, о которыхъ не всегда можно судить вѣрно по пріемному экзамену, и избавляетъ ихъ отъ многихъ жестокихъ послѣдствій несчастной попытки — пробраться въ академію. Но нельзя сказать, чтобы теперь все дѣло устроилось хорошо. Собственно теперь данъ доступъ къ наукѣ и выходъ изъ безчестія и бѣды—людямъ болѣе или менѣе состоятельнымъ. А много ли ихъ можетъ быть въ нашемъ духовномъ сословіи? Это со всею ясностію видно изъ одного взгляда на прибывающихъ волонтеровъ, между которыми по костюму и обуви ясно видишь прибывшихъ за тысячи верстъ вѣшкомъ, и не секретъ для академіи, что эти пѣшія хоженія иногда совершаются не по прямому направленію къ Петербургу, а отъ прихода къ приходу, отъ монастыря къ монастырю. Какъ же такимъ людямъ воспользоваться благами новой мѣры, если они попали послѣ пріемнаго экзамена на низшія мѣста въ спискѣ, ниже грозной черты штата? Академія старается, нужно правду сказать, спасти отъ дурныхъ послѣдствій этихъ несчастныхъ и иногда дѣлаетъ имъ снисхожденіе, если оно возможно, безъ явнаго нарушенія справедливости по отношенію къ другимъ. Но у нея нѣтъ средства сдѣлать многое.—Большею частью несчастные все-таки остаются несчастными, сразу или вскорѣ. Профессорамъ академіи, какъ мы достоверно знаемъ, очень хорошо извѣстно и очень тяжело видѣть—постепенное уменьшеніе, рѣдѣніе той новой недавней группы студентовъ, которую всегда можно видѣть, по окончаніи классовъ, на пути изъ академіи къ городу черезъ Лавру, т. е. своекоштныхъ студентовъ и вольнослушателей, помѣстившихся кое-какъ на своихъ квартирахъ,—уменьшеніе и рѣдѣніе гораздо быстрѣйшее, чѣмъ принятіе этихъ людей на казенное содержаніе. Куда дѣваются выбывающіе вонъ изъ этой группы и изъ академическихъ слушателей? Мало это извѣстно студентамъ, но не оспоримо, что многіе изъ нихъ развозятъ или, лучше сказать, разносятъ по епархіямъ ужасы о бѣдствіяхъ въ случаѣ неудачнаго или даже удовлетворительнаго, но не блестящаго пріемнаго экзамена,—ужасы, которые отбиваютъ охоту къ высшей наукѣ у многихъ даровитыхъ головъ, но бѣдныхъ.

—Мы сказали академія старается спасти этихъ несчастныхъ, но не мо-

жеть сдѣлать многого. Вотъ что, это значить: въ академіи, послѣ приѣма новыхъ воспитанниковъ на казенное содержаніе, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе разныхъ случаевъ—смерти, напримѣръ, и исключеній казенныхъ студентовъ, оказываются вакансіи, на которыя, по прошеніи, принимаются лучшіе изъ своекоштныхъ. Этого грустнаго движенія воды бѣдные своекоштные студенты не могутъ не чаять, и извѣстно неоспоримо, что иные изъ нихъ напрягаютъ всѣ силы, борются съ крайнею нуждою, перебиваются изо-дня въ день, чтобы какъ-нибудь еще продержаться, авось либо будетъ вакансія и академія приметъ на казенное содержаніе. Но судите, на какомъ грустномъ основаніи держится это естественное, невольное, невнятное само по себѣ ожиданіе! Какими глазами казенные студенты располагаются смотрѣть на этихъ бѣдныхъ своекоштныхъ, виновныхъ только въ томъ, что они хотятъ высшаго духовнаго образованія, но имъ при этомъ вѣтъ ничего!

...Дай Богъ, чтобы для бѣдныхъ своекоштныхъ принятіе на казенное содержаніе не было единственною надеждою и средствомъ продолжать образованіе въ академіи, чтобы для нихъ какъ-нибудь составился свой капиталъ, постоянный или хоть временный изъ пожертвованій, сколько-нибудь предоставленный ихъ общему участию въ распоряженіи, вмѣстѣ со всѣми студентами академіи. Неужели и для этого добра духовной наукъ и духовному сословію не выйдетъ на Руси добрыхъ людей? Мы не можемъ этому повѣрять! Мы думаемъ, что эта бѣда оставалась безъ облегченія потому только, что ее никто не змалъ (люди духовные вѣдь не умѣютъ вопіять!) Такъ потрудитесь же, господа, узнать!»

Редакція *Дня* къ этой замѣткѣ сдѣлала слѣдующее примѣчаніе: «Если общество такъ охотно жертвуетъ на вспоможеніе студентамъ университетовъ, то, конечно, не откажетъ въ помощи и студентамъ академій. Кромѣ того,—много есть богатыхъ монастырей, не трясущихъ ни обола на просвѣщеніе: они вѣрно не останутся глухи къ этому воззванію»..

Мы считаемъ долгомъ правды сказать, что такой абсолютный отзывъ о монастыряхъ невольно вѣреть дѣйствительности. При живыхъ монастыряхъ есть собственно монастырскія училища, напр: при Сергіевой Лаврѣ. Отъ живыхъ монастырей (по крайшей мѣрѣ мы знаемъ о монастыряхъ московской епархіи) получались и получаются значительныя пожертвованія для нуждъ епархіальныхъ училищъ, семинарій и академій. Послѣдняго обстоятельства, конечно, Редакція *Дня* не могла знать. О другихъ монастыряхъ и мы не знаемъ. Но увѣрены вмѣстѣ съ редакцію *Дня*, что они не останутся равнодушны къ нуждамъ духовнаго просвѣщенія и къ потребностямъ юношества, приготавлиющагося на дѣло служенія Церкви.

ЗАМѢТКИ ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

МАРТЪ

1862.

СОДЕРЖАНІЕ: Нужно ли преобразование духовной цензуры.—*Внутреннія корреспонденція:* Письмо въ Редакцію, объ учителяхъ въ духовныхъ училищахъ. *В.*—О библиотекахъ при церквахъ. *Селѣц. Никольскаго.*—Сельская приходская школа Яшишевская. *Селѣц. Бобровскаго.*—Изъ Царяцына: какъ помочь заштатному духовенству, вдовамъ и сиротамъ. *С. П.*—О своекоштныхъ студентахъ Петербургской духовной академіи. *В.*—*Заграничныя замѣтки:* Сочиненіе *Пизлера* о патриархѣ Кириллѣ Лукаріи.—Матеріалы для исторіи греческой и русской церкви въ изданіи *Миклошича* и *Миллера.*—L'Union Chrétienne 1862 года.—Церковная исторія Іоанна Евесскаго въ переводѣ *Шенфельдера.*—Новые виды папства на восточныхъ христіанъ.—Сочиненіе *Тейнера* въ пользу свѣтской власти папы.—Прологодніе переговоры *Кавура* и *Антонелли*, разоблаченные въ книгѣ *Донъ-Исидо.*—Мѣры англійскаго духовенства по случаю предстоящей всемірной выставки. *Р***.*—*Библиографія:* Отвѣты на главнѣйшія возраженія противъ вѣры истинной.—Праздникъ Пасхи въ православной церкви. *Селѣц. І. Покровскаго.*—Двадцатые праздники въ православной церкви. *Г. Лаврентьева.*—Христіанскіе мученики на Востокъ со времени завоеванія Константинополя турками. Переводъ съ новогреч. *Селѣц. П. Соловьева.*—Современный вопросъ о папствѣ. *Селѣц. Г. Польскаго.*

НУЖНО ЛИ ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ДУХОВНОЙ ЦЕНСУРЫ.

Комиссія, высочайше учрежденная для пересмотра, дополненія и измѣненія постановленій по дѣлашъ книгопечатанія, въ первомъ своемъ засѣданіи 19-го марта, между прочимъ выразила желаніе, чтобъ литература наша нѣсколько ближе ознакомила общество съ вопросами, относящимися до законодательства печати.

Комиссія высказала, что ей предлежитъ пересмотрѣть, дополненіе и измѣненіе нынѣ дѣйствующаго цензурнаго устава. *Шестая глава* этого устава излагаетъ постановленія о ду-

ховной ценсурѣ по вѣдомству православнаго исповѣданія. Судя по составу комиссїи, едва ли она будетъ заниматься пересмотромъ этой главы. Между тѣмъ при ожидаемомъ новомъ положеніи по дѣламъ книгопечатанія вообще, едва ли можно избѣжать вопроса касательно преобразования постановленій по дѣламъ печати книгъ духовнаго содержанія.

Комиссїя, конечно, будетъ имѣть въ виду: избавить литературу отъ стѣсненій напрасныхъ, задерживающихъ ея развитіе. Нельзя не желать устраниенія подобныхъ стѣсненій и для литературы духовной. Иначе духовная литература была бы оставлена въ менѣе выгодныхъ условіяхъ развитія, чѣмъ литература свѣтская.

Едва ли не одною изъ значительныхъ причинъ слабаго досель развитія нашей духовной письменности было пменно положеніе духовныхъ писателей въ отношеніи къ духовной ценсурѣ, которой требовательность простиралась даже на самое качество слова.

Не должно упускать изъ виду и того, что съ облегченіемъ свѣтской ценсуры, особенно вследствие предполагаемаго изыятія нѣкоторыхъ произведеній наукъ, словесности и искусства отъ всякаго предварительнаго разсмотрѣнія ценсурю, дѣло свѣтской литературы будетъ нравственно свободнѣе. Ибо всякая предварительная цензура, непосредственно дѣйствуя въ цѣляхъ ограниченія злоупотребленій печати, косвенно какъ бы даётъ свидѣтельство своего сочувствія къ произведеніямъ, пропускаемымъ къ печати; а сочувствія ценсуры, какъ учрежденія репрессивнаго, едва ли выгодны въ дѣлѣ свободнаго убѣжденія, каково дѣло литературы, органа слова человеческого. Предположимъ теперь, что свѣтская литература станетъ въ положеніе болѣе или менѣе свободное отъ репрессивнаго учрежденія, а литература духовная будетъ оставлена въ прежнихъ условіяхъ въ отношеніи къ ценсурѣ. Послѣдствія будутъ самыя неблагопріятныя для цѣлей духовной литературы отъ одного того, что въ отношеніи къ ея произведеніямъ всегда будетъ возможность предположенія, вред-

наго для свободы убѣжденія: могутъ говорить, или по крайней мѣрѣ думать о томъ или другомъ духовномъ произведеніи: «кто поручится, что авторъ не написалъ бы иначе, если бы ему было дано болѣе свободы.» Нечего и говорить, какъ убійственно такое предположеніе для дѣла истинны. И конечно, люди сочувствующіе дѣлу духовнаго просвѣщенія не могутъ желать ему такихъ неблагопріятныхъ условій для его успѣха.

Не входя пока во всѣ подробности вопроса о томъ, какія именно необходимы въ настоящее время преобразованія въ духовной ценсурѣ, мы обратимъ вниманіе на самыя существенныя стороны, на главныя мысли нынѣ дѣйствующаго устава, отъ извѣстной постановки которыхъ зависятъ и самыя подробности ценсурныхъ узаконеній.

Первый по мѣсту и не послѣдній по важности пунктъ устава духовной ценсуры слѣдующій:

«Ценсура духовныхъ книгъ, относящихся къ православному исповѣданію, зависитъ отъ академическихъ конференцій и составляемыхъ при нихъ ценсурныхъ комитетовъ» (ст. 182).

Если бы, въ точное соотвѣтствіе этому узаконенію ценсуры духовной, составить постановленіе для свѣтской ценсуры, его слѣдовало бы выразить такъ: *«ценсура свѣтскихъ книгъ зависитъ отъ университетскихъ совѣтовъ и составляемыхъ при нихъ ценсурныхъ комитетовъ.»* — Едва ли когда-нибудь какой-нибудь университет могъ бы принять такое постановленіе, не измѣняя своему назначенію. Согласно ли съ цѣлію высшаго учебнаго учрежденія, котораго назначеніе распространять и содѣйствовать распространенію просвѣщенія,—согласно ли съ цѣлію такого учрежденія принимать въ себя другое учрежденіе, которое, какъ бы ни было либерально, всегда имѣетъ характеръ репрессивный?

Самъ же «Уставъ» въ ст. 262 говоритъ: «Поелику главная обязанность членовъ академической конференціи состоитъ въ распространеніи и поощреніи духовнаго просвѣщенія, то имъ должно знать степень духовнаго просвѣщенія въ ихъ время,

и дѣйствовать къ его распространенію». Члены академической конференціи, конечно, должны *знать степень духовнаго просвѣщенія въ извѣ время*: для этого они должны слѣдить за текущею духовною литературою, т. е. читать выходящія въ печати произведенія. Они, конечно, должны *дѣйствовать къ распространенію духовнаго просвѣщенія*: но совмѣстно ли съ этою дѣятельностію дѣло такого или иного *ограниченія* духовной литературы? Положимъ, въ принципѣ тутъ имѣется въ виду ограниченіе злоупотребленій, но этотъ принципъ иногда не можетъ быть чисто, въ абсолютно-законныхъ предѣлахъ, проведенъ въ практикѣ. Такимъ образомъ, порученіе ценсурнаго дѣла академическимъ конференціямъ есть порученіе самое щекотливое для нихъ, несовмѣстное съ главною ихъ обязанностію.

Не знаемъ навѣрно, но можемъ предполагать, что, именно въ сознаніи этой несовмѣстности дѣла ценсурнаго съ обязанностями академической конференціи, въ Петербургѣ уже нѣсколько лѣтъ, какъ учрежденъ *особый комитетъ духовной ценсуры*. Черезъ это учрежденіе академическая конференція, безъ сомнѣнія, поставлена въ выгднѣйшее противъ прежняго положеніе въ отношеніи къ духовному просвѣщенію. Здѣсь можно бы только замѣтить, что сами академіи, по примѣру университетовъ, должны бы быть избавлены отъ подчиненія ценсурнымъ учрежденіямъ. Этого требуетъ уже послѣдовательность: если прежде сама академическая конференція была какъ бы ценсурнымъ комитетомъ, слѣдовательно: ей оказывалось довѣріе въ *общемъ дѣлѣ* духовной ценсуры; то нѣтъ основанія не довѣрять ей въ ея *собственныхъ* изданіяхъ, и подчинять ея изданія ценсурному комитету.

Другая важная сторона нынѣ дѣйствующаго ценсурнаго устава состоитъ въ постановленіяхъ вовсе не ценсурнаго, а чисто педагогическаго свойства. Большая часть ценсурныхъ правилъ имѣеть въ виду классическое употребленіе тѣхъ или

другихъ духовныхъ сочиненій, а также вообще образовательное назначеніе всѣхъ сочиненій, издаваемыхъ для общественнаго употребленія: постановленія направлены не только къ тому, чтобъ въ печати не выходило ничего вреднаго, но еще обращаютъ особенное вниманіе на самую *степень* ихъ полезности. Единственное ограниченіе этихъ широкихъ требованій выражено въ уставѣ такъ: «впрочемъ какъ никакое человѣческое сочиненіе не можетъ быть *совершенно*: то комитетъ, при разсматриваніи таковыхъ сочиненій, руководствуется *благоразумнымъ снисхожденіемъ*» (ст. 235). Такимъ образомъ ценсурное учрежденіе становится не только ценсурнымъ, но еще *педагогическимъ* учрежденіемъ, т. е. въ одномъ учрежденіи опять соединяются два—совершенно различныхъ по характеру и назначенію. Мы увѣрены, что такое двойственное положеніе цензуры, въ существѣ дѣла неестественное, было дано ей именно съ цѣлю, чтобъ сколько нибудь примирить несовѣстность ценсурнаго дѣла съ главною обязанностію академическихъ конференцій, при которыхъ были устроены ценсурные комитеты.

Всякое учрежденіе только тогда достигаетъ своей цѣли, когда имѣетъ въ виду именно эту цѣль, а не другія, постороннія. Ценсуръ указываютъ цѣль: слѣдить, чтобъ въ печати не появлялось ничего положительно вреднаго. Судить о *степени пользы* того или другаго сочиненія—не дѣло цензуры. По нашему (и думаемъ, не нашему только) мнѣнію, цѣли чисто-педагогическія и ценсурныя должны быть раздѣляемы. Какъ скоро въ книгѣ соблюдены общія требованія цензуры, она должна быть пропущена къ печати. Можетъ ли извѣстная книга быть принята въ классическое употребленіе, объ этомъ должно быть особое, не ценсурное сужденіе того или другаго педагогическаго совѣта или конференціи. Если самъ авторъ, прежде напечатанія своей книги, хлопочетъ о введеніи ея въ учебное руководство: и тогда цензура дѣлаетъ только свое

дѣлю; автору—воля, представить свою рукопись, куда слѣдуетъ, если онъ думаетъ печатать ее подъ условіемъ введенія ея въ учебное руководство. Отъ того не произойдетъ никакого вреда, если авторъ на заглавномъ листѣ книги, еще непринятой въ учебное пособіе, напечатаетъ *такое-то руководство*. Оцѣнка подобныхъ руководствъ (равно какъ и одобренныхъ), а также и вообще сужденіе о степени полезности книги, это—прямое дѣло литературной критики. Можно быть увѣреннымъ, что безграмотная книга, и безъ заботы ценсуры, не будетъ имѣть хода въ публикѣ; а это самая лучшая мѣра противъ безталаннаго авторства.

Доколѣ наша ценсура будетъ исполнять обязанности педагогическихъ совѣтовъ или конференцій, заботливо слѣдя за степенью достоинства книгъ, предназначаемыхъ *авторами* для классическаго употребленія, у насъ долго не явятся хорошихъ учебныхъ руководствъ, изъ которыхъ можно бы сдѣлать выборъ для введенія тѣхъ или другихъ въ дѣйствительное классическое употребленіе.

Доколѣ наша ценсура будетъ исполнять обязанности литературной критики, дотолѣ у насъ не будетъ и самой критики. Ценсура во всякомъ случаѣ является силою или тайно осуждающею, или безъ всякихъ объясненій одобряющею, т. е. во всякомъ случаѣ силою ни для кого не вразумительною. Но понятно, какъ важно для развитія всякой литературы, слѣдовательно и духовной, открытая судительная сила, гласное сужденіе какъ о достоинствахъ, такъ и о недостаткахъ всякаго литературнаго произведенія. Что ценсура рѣшительно не можетъ плодотворно дѣйствовать по ценсурнымъ правиламъ педагогическаго и образовательнаго характера, это ясно изъ всѣхъ тѣхъ произведеній, которыя въ разное время были одобрены къ печати, хотя они и не отличаются литературными достоинствами: можетъ-быть даже сумма такихъ произведеній гораздо значительнѣе суммы произведеній, дѣйствительно имѣющихъ литературныя или ученые досто-

ниства... Противъ этихъ соображеній едва ли можно ожидать серьёзныхъ возраженій.

Обратимся къ самой важной сторонѣ дѣла.

Въ 257 ст. Устава читаемъ: «Опредѣленія или мнѣнія о книгахъ, назначаемыхъ для общественнаго употребленія и заключающихъ въ себѣ: а) вновь назначаемыя къ печатанію сочиненія, къ церковному служенію относящіяся; б) жизне-описанія Святыхъ, въ первый разъ издаваемыя; в) сочиненія и переводы, содержащія изъясненія цѣлыхъ книгъ Священнаго Писанія; г) сочиненія и переводы, содержащія изложеніе догматовъ Вѣры и правила христіанской дѣятельности; д) сочиненія и переводы, относящіяся къ церковному управленію,—Цензурный комитетъ *представляетъ Святѣйшему Синоду, и не прежде пропускаетъ* таковыя сочиненія и переводы къ напечатанію, какъ *по разсмотрѣніи и разрѣшеніи Святѣйшаго Синода*».

Если искать соответствія этому постановленію въ уставѣ свѣтской цензуры, то найдемъ, что тамъ, какъ центральное учрежденіе всѣхъ цензурныхъ комитетовъ, было постановлено «Главное управленіе цензуры.» Но можно ли поставлать св. Синодъ въ подобное отношеніе къ духовнымъ цензурнымъ комитетамъ? *Святѣйшій Синодъ есть постоянный Соборъ Русской Церкви*: его одобреніе, данное той или другой книгѣ, есть какъ бы канонизація самой книги. Каковы же должны быть достоинства книги, одобряемой Синодомъ? Эти достоинства должны быть достоинствами не учеными только, но еще церковными. Въ какомъ строго-церковномъ духѣ и направленіи должны идти всѣ сужденія Синода, какъ Синода, о той или другой книгѣ? Можетъ ли св. Синодъ принять отвѣтственность предъ Церковію за каждое выраженіе, за каждое слово впропущенной имъ книги? А онъ долженъ принять эту отвѣтственность, при настоящемъ положеніи дѣла...

Иное дѣло—церковное употребленіе книги, другое дѣло—домашнее, или общественное ея употребленіе. Разсмотрѣніе церковно-богослужебныхъ книгъ есть прямая обязанность Собора церкви. Принятіе той или другой духовно-нравственно-догматической книги въ число книгъ *символическихъ*, т. е. опять *церковныхъ*, есть также дѣло церковнаго Собора. Разсмотрѣніе всѣхъ прочихъ сочиненій не должно ли идти мимо этого Собора, въ интересахъ самого его авторитета, который не долженъ быть обрѣтѣняемъ никакою излишнею отвѣтственностію, особенно въ дѣлахъ сложнаго, не чисто-церковнаго характера, каково, наприимѣръ, дѣло учености, хотя бы и духовной?

Совершенно понятно, почему *рѣдкія* сочиненія проходятъ чрезъ цензуру св. Синода и удостоиваются одобренія къ печати. Требования Синода, какъ Синода, не могутъ ограничиваться только тѣмъ, чтобъ извѣстное сочиненіе было не противно духу Вѣры и Церкви, — они возвышаются до того, чтобъ сочиненіе было отголоскомъ самой Церкви, выраженіемъ собственно церковной мысли: все то, что непротивно церкви, не есть еще церковное. Понятно также, почему въ св. Синодѣ сочиненія разсматриваются съ *крайнею медленностію*: этого требуетъ благоразсмотрительная осторожность Собора. Сочиненіе, разсматриваемое Синодомъ, конечно разсматривается и одобряется (какъ и должно быть) не однимъ какимъ-нибудь членомъ, который самъ собою не составляетъ Синода и котораго одобреніе было бы равносильно одобренію того или другаго епархіальнаго епископа, но—цѣлымъ Синодомъ, полнымъ его собраніемъ.

Какъ скоро допущенъ такой порядокъ цензуры, нельзя и требовать, чтобъ интересы ученые и литературные не приносились въ жертву инымъ интересамъ, церковнымъ интересамъ. Между тѣмъ для Церкви важны и успѣхи духовнаго просвѣщенія. Выйти изъ такого затруднительнаго положенія можно только отдѣленіемъ ценсурнаго дѣла отъ

обязанностей церковнаго Собора. Мы увѣрены, что говоря объ этомъ, мы выражаемъ не какое-либо исключительное, личное наше мнѣніе. На практикѣ приведенная нами статья «Устава» значительно уже ограничена. Извѣстно, что вотъ уже третій годъ, какъ дозволено печатать и печатаются переводы полныхъ книгъ Свящ. Писанія, одобряемые самими ценсурными комитетами, безъ сношенія съ Синодомъ. И должно сказать, что эта мѣра принесетъ самые благіе плоды. Св. Синодъ не разсматриваетъ этихъ переводовъ, слѣдовательно не сообщаетъ имъ печати церковности: тѣ или другія неисправности, неточности перевода, не вредныя для дѣла Вѣры, остаются такими образомъ на личной отвѣтственности переводчиковъ. Между тѣмъ эта относительная свобода печати различныхъ переводовъ подготавливаетъ матеріалы для будущей цѣльной, можетъ-быть, синодской редакціи перевода Библии....

Но можно ли положиться на ценсурные комитеты, если бы имъ дано было право одобренія къ печати всѣхъ сочиненій, помимо Синода, исключая книгъ и сочиненій, назначаемыхъ для употребленія въ Церкви? На это довольно сказать, что комитеты духовной ценсуры во всякомъ случаѣ будутъ въ вѣдѣніи Синода.

Мы не дѣлаемъ выводовъ изъ нашей статьи. Они ясны. Что же касается до подробностей затронутого нами важнаго, интереснаго для духовной литературы вопроса, онѣ могли бы быть предметомъ особыхъ статей. Дѣло требуетъ внимательнаго, открытаго и безотлагательнаго разсмотрѣнія: духовная литература вступаетъ нынѣ въ новую пору развитія и въ иные отношенія къ жизни. Поэтому и учрежденіе, сдѣланное для литературы другаго времени и другихъ обстоятельствъ, требуетъ соответствующихъ времени и обстоятельствамъ измѣненій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Объ учителяхъ въ духовныхъ училищахъ изъ второразрядныхъ воспитанниковъ семинаріи.

Позвольте заявить въ вашемъ журналѣ одно желаніе по случаю дарованнаго св. Синодомъ права держать экзаменъ на степень студента духовной семинаріи окончившимъ курсъ во второмъ разрядѣ. Неизвѣстно, что произойдетъ новаго въ судьбѣ нашихъ (нижнихъ) духовныхъ училищъ съ ожидаемымъ преобразованиемъ ихъ, кто напр. будутъ въ нихъ наставниками—окончившіе курсъ въ семинаріи только, какъ нынѣ, или вышедшіе изъ духовной академіи. По крайней мѣрѣ, по существующимъ нынѣ порядкамъ, въ учителя духовныхъ училищъ посылаются, обыкновенно, студенты семинаріи, и хорошо бы еще студенты, а то и второразрядные воспитанники, которые потомъ переводятся на должности инспектора и смотрителя училищъ. Рѣдко, какъ исключеніе изъ общаго порядка дѣла, можно встрѣтить въ иномъ училищѣ смотрителя изъ кандидатовъ академіи. Между тѣмъ, у насъ во всѣхъ академіяхъ не мало остается безъ мѣстъ именно кандидатовъ академіи, а сколько каждая семинарія даетъ въ каждый курсъ студентовъ—объ этомъ и говорить нечего. Почему бы не дѣлать инспекторами и особенно смотрителями духовныхъ училищъ преимущественно первыхъ (кандидатовъ академіи), и по крайней мѣрѣ послѣднихъ (студентовъ семинаріи)? А для второразрядныхъ воспитанниковъ семинаріи, претендующихъ на мѣсто инспектора или смотрителя училищъ, почему бы не сдѣлать обязательнымъ предварительный экзаменъ на степень студента семинаріи? Если бы должность инспектора или смотрителя училища была только должностію административною, распорядительною по училищному хозяйству, въѣшнему порядку или письмоводству; то замѣщеніе ея второразрядными воспитанниками семинаріи не представляло бы бѣды большой важности. Но дѣло въ томъ, что въ нашихъ училищахъ съ помянутыми должностями по администраціи соединены обязанности учебныя, занятія въ высшихъ классахъ по болѣе важнымъ предметамъ. Уставомъ духовныхъ училищъ полагаются для опредѣленія въ учительскія и начальническія должности не ниже, какъ перворазрядные воспитанники семинаріи. Мы не говоримъ, сколько пользы во всѣхъ отношеніяхъ принесъ бы духовнымъ училищамъ тотъ порядокъ, если бы въ инспекторы и смотрители ихъ

поступали большіе кандидаты нашихъ академій; по крайней мѣрѣ, второразрядныхъ воспитанниковъ семинарій не должно бы опредѣлять помно студентовъ семинаріи и еще болѣе—кандидатовъ академіи. Нарушеніе же устава, которое не рѣдко допускается по соображеніямъ вовсе *неученымъ* и *неучебнымъ*, препятствуетъ умственнымъ успѣхамъ училища, охлаждаетъ охоту и ревность достойнѣйшихъ учителей.

Н.***

О БИБЛИОТЕКАХЪ ПРИ ЦЕРКВАХЪ.

На прекрасную, заявляющую истинную дѣятельность истиннаго пастыря, статью священника І. Тихомирова, помѣщенную въ первой книжкѣ за текущій годъ редактируемаго вами журнала я считаю не неумѣстнымъ кое-что замѣтить. Отецъ І. Тихомировъ, говоря о недостаточности въ селахъ пособій къ выполнению священниками одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей—учительской, проектируетъ заводить при одной, или двухъ церквяхъ одного благочинія библіотеки. Но мнѣ кажется, цѣль учрежденія такихъ библіотекъ далеко не будетъ достигаться (*). Самое важное препятствіе въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, будетъ—разстояніе селеній одного отъ другаго, а вслѣдствіе этого и трудность сообщенія съ библіотеками. Положимъ, что библіотекъ будутъ учреждаться въ центрѣ благочинія, но и при этомъ въ каждомъ почти благочиніи будутъ же селенія на разстояніи 10-ти а иногда и 15-ти верстъ. Каково же будетъ доставать книги, особенно зимой и въ дурную погоду! По двѣ, по три книги въ одинъ разъ брать изъ библіотеки окажется для самой же библіотеки неудобнымъ. Не лучше ли ограничить кругъ библіотекъ самыми тѣсными кругомъ читателей? Пусть библіотеки будутъ меньше, но за то и читающей братіи въ той же пропорціи будетъ меньше. Пусть въ каждомъ селѣ, по мѣрѣ средствъ, учреждается библіотека. Конечно средства у большинства сельскихъ церквей скудныя, а у нѣкоторыхъ и очень даже скудныя. Но проектируетъ же в. Тихомировъ брать съ каждой церкви приблизительно около 12 р. 50 коп. въ годъ. Положимъ, что нѣвы церкви съ трудомъ могутъ удѣлять на этотъ предметъ и 10 руб.

(*) По поводу проекта о. Тихомирова нѣкоторые высказали напе мнѣніе въ примѣчаніи къ его письму. Ред.

лей въ годъ, но за то для другихъ церквей, пользующихся средствами достаточными, а въ иныхъ мѣстахъ и очень хорошими, совершенно возможно удѣлять 20 и 25 рублей. При этомъ нужно рассчитывать, что мѣстный причтъ и прихожане могутъ и будутъ давать на библіотеку, по крайней мѣрѣ столько же, сколько и церковь. Такимъ образомъ полагаю среднимъ числомъ для каждой, относительно средствъ средней, церкви 30 рублей въ годъ, можно со временемъ сформировать порядочную библіотеку. На 30 рублей можно выписывать шесть духовныхъ журналовъ. А этого количества пока достаточно, въ особенности для причта и прихожанъ, не имѣющихъ въ настоящее время ничего, или весьма мало хорошаго, и особенно — современнаго. При учрежденіи библіотекъ необходимо предполагать, что время отъ времени любовь къ чтенію во всѣхъ будетъ развиваться, и библіотека не только поддержится, но и распространится. Что будетъ значить любителю чтенія внести за право чтенія въ пользу библіотеки рубль, или два въ годъ?! А такимъ образомъ цѣль учрежденія библіотекъ будетъ удободостижимѣе. Если въ каждомъ благочиніи, считая среднимъ числомъ 14 церквей, будутъ, по проекту о. Тихомирова, учреждены по двѣ библіотеки, то сколько нужно книгъ и журналовъ, чтобы библіотеки эти въ семь разъ были болѣе отдѣльной библіотеки для каждой церкви при расчитываемыхъ мною средствахъ.

Эта моя замѣтка основана нѣкоторымъ образомъ на фактахъ. Съ настоящаго 1862 года, я, при своей церкви, съ благословенія моего архипастыря, открылъ духовную публичную библіотеку. Положимъ, что обстановка неой библіотеки, какъ существующей въ городѣ, со всѣмъ иная, — но тѣмъ не менѣе нужно согласиться, что есть селенія, которые, по числу жителей, не многими уступаютъ уѣзднымъ городамъ. Въ такихъ селеніяхъ весьма легко сформировать библіотеку.

Задумавъ открыть при своей церкви библіотеку, я вовсе не имѣлъ фундаментальныхъ средствъ; а все, что успѣлъ сдѣлать, сдѣлано на деньги, собранныя подпискою за право чтенія. Назначивъ самую умѣренную плату за право чтенія: отъ 2 до 3 рублей въ годъ съ мирянъ, 1 р. 50 к. съ священника, 1 р. съ діакона и 75 коп. съ причетника, на эти средства намель возможнымъ выписать всѣ духовные ежемѣсячные и ежеведѣльные журналы; четыре изъ нихъ, именно: Православное Обозрѣніе, Христіанское чтеніе, Странникъ и Духовную Бесѣду,

даже въ двухъ экземплярахъ. Выписалъ еще разныхъ лучшихъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія на 27 рублей. Опять повторяю: положимъ, что обстановка моей библиотеки не та, какая будетъ у большей части сельскихъ библиотекъ, но за то, съ одной стороны есть нѣкоторыя села (въ нашей епархіи, наприм., таковыхъ не мало), гдѣ примѣненіе этого мѣтра будетъ вполнѣ удачно,—а съ другой не должно считать прешатствіемъ, если средствъ для библиотеки будетъ и въ половиину. Однимъ словомъ, тѣмъ или другимъ способомъ, при хорошихъ, или не совсѣмъ достаточныхъ средствахъ, библиотеки должны же открываться. Это въ настоящее время есть насущная, вопіющая потребность.

*Вижгородской губерніи города Арзамаса
Крестовоздвиженской церкви Священникъ
Викторъ Никольскій.*

1 марта 1862 года.

Приходская школа въ селѣ Янишовкѣ, Кіевской губерніи, Таращенскаго уѣзда. Школа Янишовская (нынѣ первая въ Таращенскомъ уѣздѣ) получила начало свое въ 1859 году. Сначала по приглашенію приходскаго священника поступило въ школу 10 мальчиковъ; потомъ постепенно умножалась, къ концу 1860 года собралось 40 учениковъ. Видя постепенное умноженіе учениковъ, священникъ съ согласія прихожанъ принялъ себѣ помощника, воспитанника, уволеннаго изъ средняго отдѣленія семинаріи. За трудъ учителя прихожане согласились давать за каждаго ученика въ годъ по мѣрѣ хлѣба и деньгами за выученіе букваря 50 к. серебромъ, часослова 75 к. с., псалтыри 1 рубль сереб. Учитель Токарскій согласился, и обучаетъ сверхъ того еще безмездно 10 мальчиковъ и всѣхъ дѣвочекъ.

По должности наблюдателя, производя испытаніе учениковъ Янишовской школы, я увидѣлъ, что эта школа во всемъ подобна давно существующимъ приходскимъ народнымъ училищамъ. Сверхъ чтенія букваря, часослова и псалтыри многіе ученики знаютъ первую часть арифметики, учатъ катихизисъ, св. исторію и русскую грамматику, отвѣчаютъ отчетливо и удовлетворительно. Зная основательно партесную ноту, священникъ О. Давидъ Демущій (былъ въ хорѣ) приучилъ помощника своего и 16 мальчиковъ пѣть складно все церковное пѣніе. Пѣвчіе постоянно поютъ вечерню, заутреню и обѣдню. Между учениками

есть взрослые дѣтъ по 20, таковъ сынъ старосты. Состоя при церкви 23 года старостою, честный сельскій обыватель, услышавши отъ священника о наукѣ, отдалъ своего сына въ школу, хоть ему уже 20 лѣтъ. Теперь сынъ его умѣетъ грамоту и поетъ въ хорѣ порядочнымъ басомъ.

Число учениковъ при обрѣзѣваніи въ декабрѣ 1861 года оказалось 116; по такому многолюдству школьники раздѣлены въ два училища. Доселѣ училище помѣщалось въ наняемомъ домѣ, а теперь прихожане купили за 200 р. с. очень выгодный домъ, въ которомъ по одну сторону помѣщается учитель съ семействомъ, а по другую въ двухъ большихъ комнатахъ отдѣльно мальчики и дѣвочки. Въ семь домѣ помѣщается 68 мальчиковъ и 18 дѣвочекъ. Для помѣщенія прочихъ, большею частію новоначальныхъ, наняли въ приселкѣ домъ, въ которомъ помѣщается 19 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ.

Въ прихожанахъ видно доброе усердіе къ грамотѣ. Сельскій староста приселка *Варелъ Луишовъ Ротинъ*, имѣя четырехъ сыновей, трехъ отдалъ въ школу, а четвертаго оставилъ при хозяйствѣ, какъ уже имѣющаго около 20 лѣтъ; но, несмотря на хозяйственные труды и онъ не отстаетъ отъ братьевъ; братья по вечерамъ передаютъ ему то, чему днемъ научились въ школѣ. Три раза ему отъ утвержденія наблюдателей, я ревизовалъ Янишовское училище и всегда при семъ собирается не менѣе 30 человекъ почетныхъ прихожанъ. Съ удовольствіемъ слушаютъ они отвѣты своихъ дѣтей и особенно умиляются до слезъ во время пѣнія.

Въ домѣ, гдѣ есть школьникъ, всѣ домашніе слушаютъ, какъ онъ читаетъ утромъ и вечеромъ по букварю молитвы и научаются молиться, такъ что, можно надѣяться, въ скоромъ времени всѣ жители въ Янишовкѣ будутъ молиться Богу разумно. За дальнѣйшій успѣхъ Янишовской школы ручается усердіе прихожанъ, съ которыми она отдаютъ дѣтей въ училище, содержатъ учителя и купили за 200 рублей серебромъ домъ, — и при этомъ заботливость священника *Ф. Данила Демущаго*, вдохушевляющая прихожанъ.

Сам. А. Губревскій.

ИЗЪ ЦАРИЦЫНА, САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Къ вопросу о томъ, какъ помочь заштатному духовенству, идеямъ и сиротамъ. Въ духовной нашей литературѣ возбужденъ вопросъ о средствахъ къ улучшенію матеріальнаго быта духовенства заштатнаго, вдовъ и сиротъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, сколь важно разрѣшеніе этого вопроса для всего духовенства. Хотя высочайшимъ повелѣніемъ 30 января 1861 года этотъ вопросъ уже нѣсколько разрѣшается, однако неизвѣстно еще, будетъ ли духовенство, по приведеніи этого повелѣнія въ исполненіе, совершенно обезпечено въ матеріальной жизни такъ, что ему не останется желать ничего лучшаго. Поэтому не лишнее, конечно, изысканіе другихъ какихъ-либо средствъ къ обезпеченію матеріальнаго быта бѣднаго духовенства. На одно изъ таковыхъ средствъ указано въ «Душеполезномъ Читаніи» за 1861 годъ (декабрь). Средство это состоитъ въ составленіи самимъ духовенствомъ пенсіоннаго капитала по 1% съ рубля изъ доходовъ, нимъ получаемыхъ. Пока это только предположеніе и сделано: собственно для 280 московскихъ церквей. Дай Богъ, чтобы это предположеніе осуществилось, чтобы между духовенствомъ московскимъ произошло взаимное соглашеніе въ такомъ дѣлѣ, благотвѣльномъ по послѣдствіямъ для него самого. Но скоро ли начнется (не говоримъ совершится) подобное соглашеніе между духовенствомъ прочихъ городовъ и селъ, и какии образоиъ это произойдетъ? Ставить подъ условіе взаимнаго соглашенія духовенства цѣлаго города или уѣзда—дѣло составленія пенсіоннаго капитала, не значитъ ли отложить это дѣло еще на нѣсколько лѣтъ; а между тѣмъ духовенство заштатное и сиротствующее почти повсюду терпитъ крайнюю бѣдность (*) и помочь ему въ такомъ положеніи составляетъ насущную потребность. Вотъ почему мы думаемъ, что дѣло это нужно начать безотлагательно,—и вотъ наши по этому дѣлу предположенія, по которымъ можно бы начать составленіе пенсіоннаго капитала при всѣхъ церквахъ (**), не

(*) Во многихъ епарціяхъ на бѣдное лицо духовнаго званія выдается изъ попечительствъ пособія 5—10 руб. Чтѣ значитъ это пособіе часто съ 2—3 дѣтьми, особенно при настоящей дороговизнѣ на всѣ жизненныя потребности?

(**) Полагаемъ впрочемъ, что это не должно быть обязательнымъ ни для какого причта, но должно быть дѣломъ свободы и желанія каждаго.

прибѣгая ко взаимному соглашенію духовенства между собою. Сообщаясь эти предположенія на обсужденіе духовенства съ цѣлю увѣрить отъчасти его о томъ, на сколько они достигаютъ предположенной цѣли.

1) Составить при каждой церкви особое общество для вспоможенія бѣднымъ лицамъ духовенства. Обязанность эту должно принять на себя духовенство каждой церкви. Члены этого общества должны быть—само духовенство, ктиторъ и прихожане каждой церкви по желанію, безъ ограниченія числа ихъ. Цѣль такого общества есть составленіе пенсіоннаго капитала. Съ этою цѣлю духовенство каждой церкви 1) приглашаетъ своихъ прихожанъ къ добровольнымъ пожертвованіямъ, пользуясь удобнымъ въ тому случаями; 2) приглашаетъ къ тому же ктитора (*); 3) жертвуетъ само въ этотъ капиталъ по взаимному соглашенію между собою какую-либо часть изъ собственныхъ доходовъ; 4) наконецъ, по взаимному соглашенію съ ктиторомъ съ разрѣшенія епархіальнаго начальства отдѣляетъ часть изъ кошелековыхъ доходовъ, если гдѣ бываетъ излишекъ; а его при благоразуміи всегда можно вѣсть (**).

2) Для записи поступающихъ въ пенсіонный капиталъ суммъ устроится въ каждой церкви прошнурованная и скрѣпленная благочиннымъ книга (***), которая ежегодно контролируется обществомъ вѣстѣ съ суммой.

3) Приобрѣтенная въ каждой церкви сумма свыше 100 рублей вносится въ кредитныя учрежденія на приращеніе процентами, или отдается для сей же цѣли въ частныя руки, по актанъ, совершеннымъ законнымъ порядкомъ,—что отдается совершенно на волю духовенства съ ктиторомъ.

4) Капиталъ, составленный при каждой церкви, долженъ вѣсть

(*) Ктиторы церковные избираются большею частію изъ лучшихъ и богатыхъ прихожанъ, и какъ постоянно обращающіеся между духовенствомъ, лучше прочихъ прихожанъ знаютъ быть его и слѣд. въ большей мѣрѣ противъ нихъ будутъ сочувствовать его нуждамъ. Вотъ почему мы отдѣлили ктитора отъ прихожанъ.

(**) Въ первыя времена христіанства бѣдные питались отъ вкладовъ, приносимыхъ въ церковь; тѣмъ болѣе не будетъ нисколько несправедливымъ давать пропитаніе изъ церкви тѣмъ, которые служили ей.

(***) Книжки, lyingся теперь при церквахъ для записи выскокъ изъ кружекъ на бѣдное духовенство, должны остаться въ прежнемъ значеніи.

назначеніе только для служащихъ при той церкви и ихъ семействъ, а не для другой. (Въ каждой церкви долженъ быть свой особенный капиталъ.) Это важно потому, что съ одной стороны духовенство каждой церкви, составляя капиталъ собственно для обезпеченія себя и своихъ семействъ, будетъ заботиться о большемъ приращеніи, а съ другой и прихожане будутъ съ большимъ усердіемъ жертвовать, зная, что капиталъ назначается для ихъ приходскаго духовенства.

5) Какъ скоро при какой церкви находится лицо, имѣющее право на вспоможеніе, духовенство той церкви вмѣстѣ съ ктитормъ и тремя лицами изъ лучшихъ прихожанъ составляетъ совѣтъ, который опредѣляетъ количество вспоможенія (что и утверждается подписью означенныхъ лицъ) и выдаетъ оное подъ росписку того лица (*), слѣланную въ этой же книгѣ; а мѣстный благочинный удостовѣряетъ своею подписью дѣйствительность выдачи пособія ему и сообщаетъ о томъ епархіальному начальству къ свѣдѣнію (**).

6) Лицо это не лишается однако права получать вспоможеніе отъ епархіальнаго попечительства; ибо (что очень можетъ быть), пенсіонные капиталы въ нѣкоторыхъ церквахъ, особенно въ началѣ, будутъ недостаточны,—тѣмъ болѣе, что бѣдныя лица есть и въ настоящее время, и удовлетворять ихъ изъ начинающагося только капитала было бы несправедливо. Пенсіонные капиталы должны имѣть назначеніе для будущаго бѣднаго духовенства, которое начветъ и будетъ составлять оныя. Вотъ на какихъ основаніяхъ можно безотлагательно начать составленіе пенсіонныхъ капиталовъ при каждой церкви. И можно

(*) Если это лицо (или изъ семейныхъ его) проходило службу при двухъ, трехъ церквахъ, то вспоможеніе выдается изъ той церкви, при которой оно служило въ послѣднее время. Если же это лицо—сирота и малолѣтнее и находится на воспитаніи у родственниковъ, то пособіе отсылается тому благочинному, въ вѣдѣніи котораго оно проживаетъ; а благочинный представляетъ духовенству той церкви, изъ которой выдано, росписку родственника, который получилъ. Отношеніе благочиннаго и росписки сохраняются при книгѣ, какъ документы.

(**) Свѣдѣнія эти нужны епархіальному начальству для того, чтобы опредѣлить, нужно ли, и въ какой мѣрѣ, нужно оказать ему пособіе изъ попечительства въ случаѣ, если оно обратится о томъ съ просьбой къ епархіальному начальству.

заклѣчить не безъ вѣроятія, что ни одинъ причтъ не откажется упрочить, на сколько возможно, будущее свое положеніе (*), что духовенство, взявшись за это дѣло съ энергіею, займется обезпеченіемъ своего матеріальнаго быта такъ, какъ всякій добрый хозяинъ приготовляетъ себѣ то, что ему нужно на завтрашній день ѣсть и пить. Со стороны своихъ прихожанъ оно не встрѣтитъ оппозиціи. Общество наше сочувствуетъ нуждамъ духовенства и всегда подавало и готово подать ему руку помощи; но эта помощь была и есть до сихъ поръ частная, часто тяжелая для самого бѣднаго духовенства. Пора ее сосредоточить въ общественное дѣло благотворительности, и самому духовенству должно положить этому дѣлу начало, а не ожидать этого со стороны. Тогда и у насъ составятся общества для пособія бѣдному духовенству на подобіе таковыхъ обществъ въ Англіи. И можно предположить, что приходы многихъ церквей въ непродолжительное время составятъ пенсіонныя капиталы, достаточныя для обезпеченія матеріальнаго быта своего бѣднаго духовенства, и тѣмъ самымъ доставятъ возможность попечительствамъ оказывать большія пособія бѣднымъ лицамъ тѣхъ церквей, въ которыхъ пенсіонныя капиталы недостаточны для обезпеченія ихъ (**).

С. П.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ.

Прочитавъ въ февральской книжкѣ вашего журнала «Извлеченіе изъ замѣтки», помѣщенной въ 21 № газеты «День» «О своихъ коштныхъ студентахъ и вольнослушателяхъ с.-петербургской духовной академіи», я съ удовольствіемъ припомнилъ себѣ въ недавнемъ прошломъ *студенческія* мысли и желанія по этому дѣлу.

Дѣйствительно, нельзя не сочувствовать истинно доброй,

(*) Если бы нѣкоторые причты отказались, то отчего бы не дозволить тѣмъ, которые пожелаютъ осуществлять эти предположенія?

(**) Думаемъ, что этотъ прозектъ стоить особеннаго вниманія. Исполненіе его весьма удобно. Только и здѣсь мы сдѣлаемъ то же замѣчаніе, какое мы уже сдѣлали по поводу статьи «Душепод. Чтенія»: прежде всего и болѣе всего нужно заботиться не о малочисленномъ заштатномъ духовенствѣ, но о *вдовахъ и сиротахъ духовнаго званія*. Ред.

истинно гуманной мѣрѣ, допущенной теперь въ петербургской академіи, къ облегченію, хоть до *нѣкоторой степени*, доступа къ образованію молодымъ людямъ. Въ замѣткѣ было упомянуто, что эта мѣра принята при бывшемъ ректорѣ спб. академіи, еп. Нектаріѣ, теперь нижегородскомъ преосвященномъ. Да, преосвященный Нектарій менѣе, чѣмъ въ продолженіе курса, то-есть менѣе, чѣмъ въ 2 года, успѣлъ сдѣлать много добра для академіи. Онъ служилъ интересамъ академіи и духовнымъ и матеріальнымъ, обращалъ вниманіе сколько на нравственно-учебную, столько же и на хозяйственную часть ея. Онъ охотно выслушивалъ желанія студентовъ и готовъ былъ по возможности удовлетворять ихъ не только въ необходимыхъ вещахъ, но и относящихся до развлеченій и удовольствій, разумѣется невинныхъ и благородныхъ. Какъ всегда бываетъ, первое пользованіе дарованной свободой, послѣ обычнаго стѣсненія, не обходилось безъ злоупотребленій, и нѣкоторые на этомъ основаніи порицали академію за *распушенность*, принимая исключенія за общее положеніе дѣла. Но общіе результаты были самыя свѣтлыя, самыя утѣшительныя. Студенты возвысились въ своемъ сознаніи и въ собственныхъ глазахъ, стали впервые пріобрѣтать навыкъ къ свободному и добросовѣстному труду, занимаясь не изъ желанія получить только степень и съ нею извѣстныя права, но главнымъ образомъ изъ желанія обогатить себя познаніями, сдѣлаться людьми образованными и, насколько для кого возможно, послужить зъ послѣдствіи интересамъ духовной науки и церкви православной *самостоятельно*. Вмѣстѣ съ тѣмъ они, естественно, возвысились въ глазахъ профессоровъ академіи, которые стали смотрѣть на нихъ, какъ на людей, понимающихъ настоящую цѣль академическаго образованія, и сами какъ будто ободрились, стали относиться къ своему дѣлу живѣе, симпатичнѣе, серьезнѣе. Студенты чувствовали благодатную перемену, и съ искреннимъ сожалѣніемъ расстались съ своимъ добрымъ ректоромъ, поднеся ему въ знакъ признательности павагію.—Пишущій эти строки—самъ изъ числа тоглашнихъ студентовъ петербургской академіи.

Но, обращаясь къ принятой преосвященнымъ Нектаріемъ мѣрѣ допускать въ академію своекоштныхъ студентовъ и вольнослушателей, мы должны сказать вмѣстѣ съ авторомъ вышеозначенной замѣтки, что «теперь данъ доступъ къ наукѣ собственно людямъ, болѣе или менѣе состоятельнымъ», слѣдовательно, весьма лишь немногимъ. Какъ же бы поддержать, въ самомъ дѣлѣ, эту бла-

гую мѣру и помочь большинству бѣдныхъ молодыхъ людей, стремящихся къ высшему образованію? Нечего и говорить, что приемный экзаменъ не можетъ никогда рѣшать дѣла окончательно, опредѣлять способность, или неспособность молодыхъ людей къ дальнѣйшему развитію: потому что приемный экзаменъ можно не выдержать совершенно случайно, и мы знаемъ по опыту, что принятые въ академію въ числѣ *сомнительныхъ*—именно вслѣдствіе не удовлетворительныхъ отвѣтовъ на экзаменѣ,—къ Рождеству же оказывались въ числѣ лучшихъ студентовъ и потомъ шли курсы отлично. Притомъ при существованіи въ нашей академіи штатнаго числа студентовъ, многіе, особенно изъ волонтеровъ, поневолѣ должны очутиться въ спискѣ «ниже грозной черты штата», хотя бы они выдержали приемный экзаменъ «даже удовлетворительно, но не блистательно.»

Наше общество доказало, что оно умѣетъ сочувствовать стремленіямъ молодаго поколѣнія къ духовному развитію и самообразованію. Въ газетахъ постоянно читаешь о пожертвованіяхъ, дѣлаемыхъ въ пользу студентовъ университетовъ, воспитанниковъ и воспитанницъ гимназій и другихъ свѣтскихъ школъ. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, оно останется глухо къ воззванію о вспоможеніи бѣднымъ студентамъ духовныхъ академій?

Ужели также не обратитъ вниманіе на это воззваніе само же духовенство, и особенно духовенство тѣхъ епархій, которыхъ семинаріи принадлежатъ къ данному академическому округу? (*). Хотя при малѣйшемъ обезпеченіи своекоштныхъ и вольнослушающихъ студентовъ, ни дѣти не стали бы тогда съ трепетомъ отправляться, ни родители отпускать ихъ въ академію—въ грустномъ раздумьи: «что, если мой сынъ сконфузится на приемномъ экзаменѣ и долженъ будетъ воротиться назадъ съ безчестіемъ для меня, для себя и для своей семинаріи». Тогда и тѣ и другіе могли бы быть увѣрены, что если не придется поступить въ академію на казенное содержаніе, по крайней мѣрѣ можно будетъ остаться тамъ въ качествѣ вольнослушателя до времени от-

(*) Особенно къ этому воззванію не должно остаться глухо духовенство академическаго города, т. е. въ настоящемъ случаѣ *петербургское духовенство*. Нужно, чтобъ кто-нибудь изъ священниковъ началъ дѣло и принялъ на себя заботу и хлопоты вести его. Распоряженій начальственныхъ дожидаться тутъ нечего: у начальства много дѣла. Гдѣ можно, надобно самимъ заботиться о себѣ и о своихъ. *Ред.*

крытія вакансіи. Мы достовѣрно знаемъ, что сами вазецкіе студенты, особенно дѣти достаточныхъ родителей и между тѣмъ довольно обезпеченные въ академіи, готовы охотно помогать своимъ бѣднымъ товарищамъ, приложить свою лепту къ общему капиталу жертвователей, если бы только онъ составился. Въмѣстѣ съ тѣмъ, мы прежде думали и теперь думаемъ, что этому добродѣлю могло бы посодѣйствовать само академическое начальство и даже первое положить ему основаніе. Намъ извѣстно, напр., что въ с.-петербургской академіи есть небольшая сумма, назначенная въ награду лучшимъ студентамъ изъ каждаго курса, которая, однакожь, и нынѣ выдается не на каждый курсъ; да пожалуй и совсѣмъ можетъ не выдаваться. Почему бы не обратить эту сумму въ вспомогательную кассу для бѣдныхъ студентовъ своекоштныхъ и вольнослушателей? Воля жертвователя (г. Иванова) чрезъ это нисколько бы, по нашему мнѣнію, не была нарушена, потому что капиталъ его служилъ бы по прежнему все тому же заведенію, къ успѣхамъ духовнаго образованія. Съ другой стороны, при всѣхъ, кажется, нашихъ академіяхъ состоятъ нынѣ такъ-называемые почетные блюстители. Почему бы не предложить имъ,—помочь своими пожертвованіями бѣднымъ студентамъ, живущимъ на квартирахъ на своемъ содержаніи? Вѣдь предлагаютъ же имъ дѣлать пожертвованія въ академическую церковь—на ризницу и т. п. По крайшей мѣрѣ, мы хорошо знаемъ лично блюстителя той же петербургской академіи и вполне увѣрены, что этотъ благородный человѣкъ, очень любящій студентовъ, никогда не откажется помочь бѣднымъ ихъ своекоштнымъ товарищамъ.

Какъ во многомъ другомъ, и здѣсь все дѣло въ началѣ дѣла. Пусть бы сначала сами студенты открыли подписку между собой и основали капиталъ съ помощію своего блюстителя; потомъ пригласили бы къ добровольнымъ и носильнымъ пожертвованіямъ всѣхъ добрыхъ русскихъ людей, любящихъ духовную науку и радѣющихъ о благѣ церкви православной, и навѣрное дѣло пойдетъ въ ходъ. Тамъ частные люди, духовные и свѣтскіе, тамъ монастыри,—непремѣнно принесли бы отъ себя большіе или меньшіе вклады въ вспомогательную студенческую кассу. Эта касса была бы очень полезна и для казенныхъ воспитанниковъ, которые хотя и обезпечены казеннымъ содержаніемъ, тѣмъ не менѣе часто нуждаются въ деньгахъ для необходимыхъ потребностей. Они могли бы брать изъ нея по нѣскольку рублей

заимообразно, съ обязанностию возвращать деньги въ срокъ даже съ небольшимъ приращеніемъ.

Дай Богъ, чтобы мѣра, по поводу которой мы говоримъ, была допущена и въ другихъ нашихъ академіяхъ — чтобы нашлись и средства поддержать ее и дать воспользоваться ею большому и большому числу духовныхъ воспитанниковъ!..

Н. Б.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Штутгардъ. 25/3 марта 1862 г.

Geschichte des Protestantismus in der orientalischen Kirche im XVII Jahrhundert oder: Der Patriarch Cyrillus Lucaris und seine Zeit; von A. Pichler. München 1862. (Исторія протестантства въ восточной Церкви въ XVII столѣтїи, или: патріархъ Кириллъ Лукарисъ и его время А. Пихлера).

Чтобы избавить читателя отъ труда задумываться надъ заглавіемъ книги: «Исторія протестантства въ Восточной церкви», мы предъувѣщаемъ заранее, что докторъ богословія Пихлеръ не нашелъ ни одного протестанта въ восточной церкви и позволилъ себѣ эту неточность потому, вѣроятно, что ему, какъ католику, можно все говорить о восточной церкви. Дѣло ограничивается единственно Кирилломъ Лукарисомъ.

О Кириллѣ Лукарисѣ (род. 1572 г., ум. 1638) еще при его жизни распущена была молва, что онъ держался протестантскаго образа мыслей и въ своихъ сношеніяхъ съ протестантами выражался какъ рѣшительный протестантъ: на Западѣ даже явилось исповѣданіе вѣры съ его именемъ, написанное въ томъ же духѣ. Противъ увѣреній католиковъ и протестантовъ въ неправославїи Кирилла, соборъ іерусалимскій выставилъ три положенія. 1) Кириллъ, какъ сочинитель «исповѣданія» въ протестантскомъ духѣ, неизвѣстенъ въ восточной церкви. 2) Его проповѣди излагаютъ православное ученіе и стоятъ въ противорѣчїи съ истиннымъ его «исповѣданіемъ». 3) Кириллъ заслуживаетъ осужденія развѣ потому только, что не писалъ опроверженія на исповѣданіе, явившееся съ его именемъ на Западѣ. Соборъ разсматривалъ дѣло въ самыхъ законныхъ границахъ и держался исторической почвы: какъ ду-

малъ Кириллъ, этого никто не можетъ знать; но внѣшнее выраженіе его вѣры доступно для суда каждаго, и въ немъ онъ является православнымъ. Этого совершенно достаточно для здоровой исторической критики, чтобы не признавать важности всѣхъ разсказовъ о протестанствѣ Кирилла и еще болѣе—не признавать достоинства историческихъ объясненій уклоненія Кирилла въ протестанство; потому что исторія еще не открыла микроскопа, которымъ можно было бы разсматривать душу. Между тѣмъ авторъ указанной книги болѣе всего держится этого метода и не рѣшаетъ возраженій іерусалимскаго собора. Мы можемъ прибавить еще одно возраженіе: если патріархъ Кириллъ Лукарисъ былъ *увлеченъ* протестантскимъ образомъ мыслей, то отчего же мы не видимъ около него единомысленниковъ и приверженцевъ, отчего бы въ увлеченіи не приобрѣсти хотя одного? Какъ патріархъ, онъ могъ дѣйствовать относительно безопасно; но не только мы не находимъ приверженцевъ образа мыслей патріарха, даже въ самыхъ близкихъ людяхъ къ нему встрѣчаемъ людей строго православныхъ.

Основаніе къ такимъ взглядамъ на Кирилла заключалось единственно въ сношеніяхъ патріарха съ протестантами, что, говоря вообще, не заслуживаетъ еще осужденія, но это въ положеніи Кирилла, какъ патріарха константинопольскаго, было вполне извинительно, потому, что онъ по необходимости долженъ былъ вступить въ сношеніе съ протестантами.

Откуда вытекала эта необходимость, можно видѣть изъ многихъ мѣстъ сочиненія, разсматриваемаго нами.

Въ первый разъ іезуиты были присланы въ Константинополь папою Григоріемъ XIII въ 1583 году. Пять отцевъ іезуитовъ въ 1609 г. пришли въ Константинополь подъ руководствомъ Франца Канильяка: а Генрихъ IV назначилъ сумму на 10 отцевъ. Греки давали 50 тысячъ талеровъ, чтобы возвратить Кирилла изъ изгнанія; но отцы, при помощи французскаго посланника, помѣшали. Папа Урбанъ VIII писалъ французскому посланнику въ К—гѣ отъ 6 іюля 1624 г.: «Церковь римская давно уже причислила къ твоей великой заслугѣ сдѣланное тобою въ Константинополѣ. Мы узнали о низверженіи сына погибели и поборника ада, лжепатріарха Кирилла... Постарайся о томъ, чтобы на его мѣстѣ былъ достопочтенный отецъ Авенимъ.» Въ іюнѣ 1625 пришелъ изъ Рима въ Константинополь архимандритъ и сообщалъ французскому посланнику, что папа готовъ прислать 20 тысячъ талеровъ и

прибавить еще подарокъ одной благочестивой дамы—10 тысячъ талеровъ, если только удастся чрезъ это низвергнуть Кирилла. Вскорѣ затѣмъ, по ходатайству іезуитовъ, прибыло изъ Рима посольство, съ письмомъ отъ папы, въ которомъ онъ говорилъ, что готовъ истратить большія суммы на дѣло соединенія, если и пр... Друзья увѣщевали Грека Метакса быть осторожнѣе, потому что іезуиты хотятъ зарѣзать его въ постели. «Горе, горе! писалъ протосинкеллъ Навааниль, кто дастъ очамъ моимъ источники слезъ, чтобы непрестанно оплакивать смерть этого мужа (Кирилла Лукариса), котораго погубили безбожные паписты!»

Среди такой-то обстановки жилъ и дѣйствовалъ Кириллъ Лукарисъ. Паписты неутомимо работали, чтобы подчинить восточную церковь, и въ ихъ рукахъ было много силы и энергіи. Остаться съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ было невозможно потому, что миръ въ этомъ случаѣ былъ то же, что подчиненіе: такъ уже устроено папство, а этого подчиненія не хотѣлъ Кириллъ, да и не имѣлъ права думать о немъ. Поэтому, чтобы найти опору противъ этой силы, Кириллъ вступилъ въ сношеніе съ англійскимъ и голландскимъ посланниками. Поводъ къ сближенію заключался уже въ одинаковой нелюбви къ папству. Протестанты, само собою разумѣется, не любили папства; не могли любить его и въ восточной церкви за пропаганду, ложную по мысли и предосудительную по средствамъ. Интриги іезуитовъ начались еще ранѣе патриаршества Кирилла Лукариса, и въ своей молодости, во время путешествій, онъ всюду встрѣчалъ работу іезуитовъ и въ Малороссіи, и Молдавіи, и на островѣ Критѣ, и въ Италіи: надобно читать его письма, чтобы видѣть, сколько онъ вытерпѣлъ и отъ чистыхъ папистовъ и отъ воспитанниковъ греческой коллегіи, основанной при римскомъ дворѣ. Въ судьбѣ Кирилла встрѣчается и бѣгство съ передѣваніями, и попытки на похищеніе, и подсылки негодяевъ для убійства. Увести въ Римъ Кирилла, конечно, не удалось; но отнять у него жизнь успѣли, сообщивши турецкому правительству, что Кириллъ старается возбудить противъ Турціи казаковъ. Но кромѣ того отношеніе съ протестантами имѣло и другія основанія: протестанты въ это время обращались къ восточной церкви, какъ къ церкви древнѣйшей и сохранившей въ чистотѣ древнія учрежденія, и думали поправить то, что забылъ сдѣлать Лютеръ въ жару спора и увлеченія, именно посовѣтоваться съ восточною церковію; все это ни къ чему не повело; но искренности и даже наивности было много

въ этихъ сношеніяхъ. Кое въ чемъ протестанты оказали восточной церкви и практическую услугу, особенно англійскій посланникъ. Въ Польшѣ протестанты были естественными союзниками православныхъ русскихъ противъ правительства, руководимаго іезуитами. Но, повторимъ, все это могло быть и дѣйствительно ведемо было безъ всякихъ обязательствъ со стороны восточной церкви.

Методъ исторіографіи у автора принадлежитъ къ тому особенному роду, который можно назвать *католическимъ*. Въ самомъ началѣ сочинитель какъ будто дѣлаетъ замѣчаніе себѣ; «не смущайся тѣмъ, если тебѣ встрѣтятся что-нибудь хорошее у схизматиковъ; подумай и найдешь, что это хорошее не есть хорошее; если же не найдешь самъ, то за тебя найдутъ другіе.» Есть ли что худаго напр. въ томъ, что Кириллъ происходилъ изъ бѣднаго семейства? Конечно нѣтъ; самъ авторъ будетъ говорить когда-нибудь (а можетъ-быть и говорилъ), что очень много прекрасныхъ личностей происходили изъ бѣдныхъ семействъ, особенно если онъ будетъ писать біографію христіанскаго дѣятеля. Но о Кириллѣ онъ сказалъ, что для него это было нехорошо (р. 40).—Кириллъ говорилъ: «Нѣкоторые готовы упрекать восточную церковь въ томъ, что наука и философія переселились изъ нея въ другія страны... Востокъ довольствуется непорочною вѣрою въ Христа, въ которой онъ наставляенъ апостолами и своими предками, въ которой онъ пребудетъ до послѣдняго дыханія, ничего не прибавляя, ничего не отнимая, ничего не измѣняя.» Докторъ Пихлеръ упрекаетъ за это въ нецѣлѣствіи Кирилла (р. 73)—въ томъ, что онъ не признаетъ достоинства науки! А въ другомъ мѣстѣ, по поводу любознательности патріарха, онъ говоритъ, что стыдно учиться патріарху, что это нѣчто странное, и притомъ у протестантовъ! Греки у него то толпами уходятъ въ магометанство, то упорно остаются христіанами, священники получаютъ огромныя деньги за исправленіе грѣбъ на одной страницѣ,—а на другой приходы такъ бѣдны, что не имѣютъ средствъ даже какъ-нибудь содержать священниковъ.

Несмотря на все это, книгу можно рекомендовать преподавателямъ исторіи при семинаріяхъ. Это первая монографія о Кириллѣ Лукарисѣ: въ ней есть также очеркъ положенія греческой церкви въ первое время турецкаго владычества въ Греціи и исторія протестантскихъ посланій къ греческой церкви. Бóльшая часть источниковъ указаны,—и это самая полезная сторона книги.

Acta et diplomata Graeca medīae aevi sacra et profana Vol. primum 1860. Vol. secundum 1862. Vindobonae. Ed. Fr. Miclōsich et Jos Müller.

Явившіяся въ нынѣшнемъ году второй томъ этого драгоценнаго сборника содержитъ столь же разнообразныя и важныя документы, какъ и первый; онъ обнимаетъ время отъ 1379 до 1402.: одинъ неважный, впрочемъ, документъ принадлежитъ 1521 г.

Къ Россіи относятся слѣдующіе акты: 1) Назначеніе Симеона митрополитомъ кievскимъ и всея Руси (1380 г.) 2) Увѣщаніе патріарха новгородцамъ («мы узнали, что въ некоторые изъ васъ отдѣлились отъ католической и апостольской церкви Христовой, считая всѣхъ еретиками и архіереевъ, и іереевъ, и всѣхъ клириковъ и народъ, какъ поставляющихъ и поставляемыхъ за деньги, и прочихъ, какъ имѣющихъ общеніе съ ними, и только самихъ себя называеете православными») и отправленіе Діонисія архіепископа суздальскаго къ нимъ по этому дѣлу. 3) Вызовъ на судъ митр. Кипріяна (1387). 4) Отлученіе Симеона и избраніе Кипріяна митрополитомъ всея Россіи (1389). 5) Отправленіе въ Россію архіепископа внолеемскаго (1393). 6) Увѣщаніе патріарха къ новгородцамъ о томъ, чтобы они подчинились митрополиту кievскому (1393). 7) Увѣщаніе Василію, князю московскому, — безъ года, — («ради чего ты пренебрегаешь мною, патріархомъ и не воздаешь чести, какую воздавали предки твои, великіе князья: но презираешь и меня и людей, которыхъ я присылаю? Не знаешь развѣ, что патріархъ имѣетъ мѣсто (τοῦ τοῦ τοῦ ἰχθῆ) Христа и сѣдять на Его Владычнѣмъ тронѣ?) 8) Патріархъ утверждаетъ отлученіе епископа и народа новгородскаго, произнесенное митрополитомъ кievскимъ (безъ года). 9) Вторичное отправленіе архіепископа внолеемскаго въ Россію. 10) Патріархъ увѣщаетъ короля польскаго — въ союзѣ съ королею венгерскимъ идти войною на невѣрныхъ. 11) Посланіе, по тому же случаю, къ митрополиту кievскому; всѣ три документа отъ 1397 г. 12) Второе посланіе съ просьбою о помощи противъ турокъ (безъ года).

Но главнѣе значеніе этихъ документовъ состоитъ въ томъ, что они знакомятъ насъ съ греческою церковію такой эпохи, которая оставалась доселѣ не разработанною по недостатку источниковъ, и знакомятъ довольно подробно. Здѣсь мы узнаемъ число епископій того времени, доходы патріарха константинопольскаго, отношенія епископовъ — взаимныя и къ патріарху, судопроизводство церковное, рѣшенія по дѣламъ брачнымъ и наследственнымъ,

состояніе жизни монашеской. Любопытно сравнить дѣлопроизводство того времени, необыкновенно ясное и короткое, съ многосложнымъ характеромъ нашего церковнаго суда, а также и приговоры того и нашего времени, по поводу разныхъ проступковъ церковныхъ лицъ. Въ числѣ ересей того времени встрѣчаемъ только ученіе Варлаама и Акиндина и споры ихъ съ Григоріемъ Паламою; рѣшенія соборовъ 1341 и 1347 противъ Варлаама помѣщены въ сборникѣ, но кѣтъ собора 1350 г. Эти документы, вмѣстѣ съ подписками разныхъ лицъ, отрицающихся отъ ереси Варлаама и Акиндина, полезно было бы перевести поскорѣе на русскій языкъ (не знаемъ, есть ли они въ Журн. Мин. нар. просвѣщ. за 1847, т. Т. LIV, отд. II. 131—164?) какъ нужнѣйшіе для церковной исторіи. Довольно есть дѣлать по волнебству, впрочемъ въ видѣ очень девинномъ. Объ историкѣ Никифорѣ Григорасѣ говорится: «Никифору Григораасу (*Nikiforos Gregoras*) и мыслящимъ и говорящимъ и утверждающимъ то же, что говоритъ онъ о божественныхъ догматахъ и еще о пренепорочной Богоматери, будто она не вошла во святая святыхъ, куда однажды въ годъ входитъ только первосвященникъ, амаема!» (Т. I, стр. 490.) Есть показаніе священника, что онъ три дни съ женою и дѣтьми остался безъ хлѣба и въ крайности ваялъ лампаду отъ образа Богоматери и продалъ (стр. 474). Помѣщена и такая подписка: «Я Григорій Вастагарій. . говорю, что съ сего времени буду жить въ мирѣ съ братомъ моимъ, и любить и чтить его, и его жену.... если только братъ мой будетъ оказывать мнѣ должную честь» (II, стр. 540.) Интересны также извѣстія о иракахъ убѣжища. (*jus azylū*) въ то время и подписки латинскія, перекодающихъ къ восточной церкви.

Книга издана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ.

7/10 марта.

L'Union Chrétienne. Paris 1862, №№ 10—19.

Къ одному изъ номеровъ этого журнала приложено объявленіе: «Просимъ нашихъ подписчиковъ распространять нашъ сборникъ между друзьями и содѣйствовать нашимъ христіанскимъ цѣлямъ, приобрѣтая намъ новыхъ подписчиковъ и сотрудниковъ». Съ удовольствіемъ передаемъ русскимъ читателямъ эту просьбу, потому что журналъ болѣе и болѣе оставляетъ характеръ листка, гдѣ любители сходятся поговорить о томъ, какъ хорошо было бы

всѣмъ соединиться, не опредѣливши напередъ знаменн, подъ которое они становятся и условий, при которыхъ они могли бы понимать другъ друга. Теперь журналъ всѣмъ высказываетъ свои сужденія и знамя, подъ которое онъ становится—это есть православная восточная церковь.

Значеніе этого журнала въ настоящее время состоитъ въ слѣдующемъ. На Западѣ самый живой политическій и церковный вопросъ составляетъ новое положеніе папства, изъ котораго оно не можетъ выдти не испытывая переменъ. Партии, которыя слѣдятъ за этими событіями и участвуютъ такъ или иначе въ обсужденіи папскаго вопроса, уже давно знакомы папству: съ одной стороны приверженцы его—ультрамонтаны; съ другой противники—протестанты. Партия съ среднимъ характеромъ становится невозможнымъ въ этомъ горячемъ вопросѣ, и протестантъ тотчасъ становится ультрамонтаномъ, когда хочетъ сказать рѣшительное слово въ пользу папства, какъ было недавно съ Гизо, а католикъ—протестантомъ, какъ это видно въ противникахъ папства въ Италіи. Поэтому голосъ православной церкви, раздающійся среди самаго католическаго міра, заставляетъ въ извѣстной мѣрѣ прислушиваться, потому что онъ представляетъ нѣчто новое, незнакомое западному міру. Въ этомъ голосѣ—ни протестантство, ни папство; значеніе папства вѣдывается въ должныя границы; но церковь сохраняется въ свою прочность и историческая солидарность, которую потеряло протестантство и за которую съ правомъ опасаются лучшие католики, вследствие ожидаемыхъ потрясеній въ католическомъ мірѣ. Лучшие статьи въ этомъ родѣ принадлежатъ о протоіерею Васильеву. Но само собою разумѣется, что папскій вопросъ имѣетъ интересъ кратковременный, хотя и живой; этотъ вопросъ будетъ же когда-нибудь имѣть конецъ и притомъ новаго сказать уже нечего, кромѣ того, что сказано.

Другаго рода дѣятельность журнала состоитъ въ томъ, что онъ подстерегаетъ всѣ клеветы на восточную церковь, которыя такъ часто распространяютъ іезуиты и неіезуиты. Русской церкви выпало на долю быть извѣстной на Западѣ только съ анекдотической стороны. Самые важные случаи ея жизни, самая значительныя ея учрежденія характеризуются какими-нибудь негѣшнымъ, а часто и грязнымъ анекдотомъ. Этихъ острыхъ рассказовъ великое множество навезено на Западъ, какъ иностранцами, посѣщавшими Россію, такъ и нашими любезными соотечественниками,

и изъ нихъ—то составляется русская церковная исторія на Западѣ. Причиною этого двусмысленнаго взгляда на русскую церковь служить прежде всего незнаніе русскаго языка и невозможность изучить дѣйствительную ея жизнь изъ непосредственныхъ источниковъ, и потомъ тайна, подъ покровомъ которой совершается жизнь русской церкви (или, вѣрнѣе, совершалась доселѣ, потому что теперь есть органы, выражающіе тѣ или другія желанія церкви, и обсуждающіе религіозные вопросы). Если рассказываются занимательныя исторійки, то почему имъ и не повѣрить массѣ, охотно бросающейся на забавное? Но іезуиты очень рады были воспользоваться этимъ расположеніемъ публики и общали о русской церкви не только возможное, но и невозможное. Противъ этой—то страсти рассказывать забавное, съ цѣлію закрыть или исказить истину, и ратуеть журналъ. Таково напр. письмо женеваго о. протоірея Петрова, въ опроверженіе сказки, распущенной по поводу послѣдняго перевода Св. Писанія на русскій языкъ.

Мы позволяемъ себѣ думать, что и на этомъ поприщѣ журналъ не можетъ достигнуть прочныхъ и значительныхъ результатовъ. Невыгодно уже и то, что журналъ получаетъ характеръ эфемерный,—нынѣ скандалъ, завтра острота, тамъ клевета, за тѣмъ нелѣпное сопоставленіе Фотія и Магомета,—все это можетъ наскучить даже и тѣмъ изъ русскихъ читателей, для которыхъ назначается эта полемика, какъ средство отвѣчать іезуитамъ. Далѣе, не слишкомъ ли большой трудъ отвѣчать на все, что только говорилось къ невыгодѣ русской церкви? Журналъ отказаться отъ этого не можетъ потому, что онъ опроверженіе даже мелочей ставитъ своею спеціальностію, тѣмъ болѣе онъ не можетъ оставить вещи болѣе крупныя безъ вниманія. И когда напр. читатель видитъ на страницахъ журнала очень лестный переводъ изъ книги англичанина Нила о восточной церкви, то сейчасъ задаетъ вопросъ: а почему же нѣтъ разбора брошюръ Пальмера англичанина о русской церкви, извѣстныхъ всему свѣту? И этимъ вопросомъ впечатлѣніе статьи весьма ослабляется. Потомъ—надѣется ли журналъ опровергнуть основательно всѣ ходячіе анекдоты о русской церкви? Не думаемъ, и въ подтвержденіе нашихъ словъ указываемъ на отвѣты г. Сушкова въ № 18. Одинъ анекдотъ онъ опровергаетъ тѣмъ, что ставитъ вопросъ «А что же изъ этого слѣдуетъ?» У него наоборотъ могутъ спросить: «что же изъ этого не слѣдуетъ?» и будутъ правы, какъ правы

пожалуй и самъ авторъ. Въ другомъ случаѣ онъ отводитъ ударъ тѣмъ, что говоритъ: «у васъ въ Римѣ дѣлается еще хуже!» Для провѣрки другихъ разсказовъ нѣтъ и нельзя найти источниковъ, кромѣ показанія дѣйствующихъ лицъ, между которыми дѣло происходило глазъ-на-глазъ; отвѣтъ, поэтому, и ограничивается догадками и короткимъ: «не думаю, или мнѣ кажется.» О послѣднемъ отвѣтѣ въ этомъ № мы должны даже сказать, c'est un peu trop! Вотъ мысль, съ которою мы позволяемъ себѣ не согласиться: «Если онъ (оппонентъ г. Сушкова) хочетъ утверждать, что это наказаніе (сѣченіе розгами—*bastonnade*) есть остатокъ средневѣковаго варварства, мы скажемъ такъ же, какъ и онъ; но если въ этомъ онъ думаетъ находить доказательство зависимости клира, какъ клира, то мы обязаны предупредить его, что клиръ состоитъ изъ гражданъ, что правительство не обязано имѣть для служенія нѣкоторыхъ гражданъ—исключенія и привилегіи.» Предоставляя другимъ судить о согласіи этой мысли или несогласіи съ церковною практикою и дѣйствующими законами, мы съ своей стороны замѣтимъ, что въ самыхъ либеральныхъ протестантскихъ странахъ пасторъ пользуется привилегіей быть судимымъ съ соблюденіемъ возможной деликатности и вниманія, равно какъ и при арестованіи,—гдѣ этого не дѣлаетъ законъ, тамъ вводитъ это обычай, совершенно рациональный. Чиновникъ въ этомъ случаѣ уважаетъ себя и свое собственное чувство, потому что пасторъ вездѣ есть служитель Божій и видѣть обыкновеннаго преступника въ томъ, на кого недавно смотрѣлъ такъ высоко, судья не можетъ, и исполняетъ законъ съ чувствомъ скорби о человѣческихъ слабостяхъ, а вмѣстѣ и о своихъ собственныхъ, потому что человѣкъ не можетъ быть увѣренъ въ твердости какой-либо нравственной высоты на землѣ, равно какъ и своей собственной. Если же самъ онъ недоступенъ этимъ чувствамъ, то обязанъ уважать чувства другихъ до тѣхъ поръ, пока въ человѣчествѣ не исчезли высшія идеальныя потребности. Поэтому защиту г. Сушкова едва ли русская церковь можетъ принять за удовлетворительную.

Чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ и полезнымъ органомъ православія, для этого журналъ долженъ вступить на другой путь. Этотъ путь состоитъ въ болѣе тщательномъ изученіи православія, въ болѣе глубокой постановкѣ вопросовъ, касающихся его,—и, соотвѣтственно съ этимъ, въ измѣненіи программы. Православіе доселѣ, несмотря на двухлѣтнее существованіе журнала, все-таки

terra incognita для Запада. Ссылаемся на недавнія слова о протоіерея Васильева въ отвѣтъ его Гизо: «Вы скажете, можетъ-быть, отвѣчаетъ онъ, что церковь въ томъ видѣ, какъ я понимаю ее, есть утопія. Вы ошибаетесь, потому, что она существовала въ первые вѣка вѣры христіанской; она существуетъ еще доселѣ. Эту церковь, сохранившую божественное и первоначальное устройство, вы называете, какъ и весь Западъ, *церковію греческою*; ея истинное имя есть—церковь *каволическая православная*.» Любопытная черта: Гизо, историкъ и публицистъ, знающій такъ подробно прошедшую судьбу западной церкви, называетъ дѣйствительное, исторически существующее общество *утопіей*! Сколько же нужно усилій, чтобы пробить эту европейскую стѣну! Всего лучше, конечно, было бы отослать Гизо къ православному журналу, издаваемому во Франціи, для ближайшаго знакомства съ православіемъ; но сказать о себѣ этого журналъ не можетъ, потому, что серіознаго отчета о православіи въ немъ нѣтъ. Жизнь православнаго міра, его исторія, его учрежденія не занимаютъ доселѣ значительнаго мѣста въ журналѣ; отношеніе между дѣломъ и анекдотами не пропорціонально. Постановка вопроса также легка; указываемъ на приписку редакціи въ отвѣтъ г-ну Скрипичицу о расколѣ. При объявленіи о переводѣ Богословія пр. Макарія на французскій языкъ, почему бы не заняться указаніемъ мѣста, какое занимаетъ это Богословіе въ нашей литературѣ, отношеніемъ его къ дѣйствительному богословскому развитію въ русской церкви; а самое Богословіе сколько представляеть повода къ объясненіямъ, которыя весьма были бы поучительны для Запада! Этому недостатку можно помочь участіемъ сотрудниковъ изъ Россіи,—они рѣшительно необходимы, если журналъ поведется серьезно и полнѣе,—и потомъ переводомъ статей изъ русскихъ журналовъ. Только въ этомъ случаѣ надобно избѣгать механическаго взгляда на литературу и выбирать статьи, дѣйствительно важныя. Это замѣчаніе мы дѣлаемъ по поводу фразы въ отчетѣ о русскихъ журналахъ: «Одни журналы двумѣсячные, другіе мѣсячные, нѣкоторые недѣльные (№ 19).» Развѣ не такъ и всѣ журналы издаются? Такіе отчеты Западъ уже знаетъ и не читаетъ болѣе; равно какъ и не читаетъ книгъ, написанныхъ въ этомъ механическомъ родѣ; одна такая исторія церковная, переведенная на иностранный языкъ, въ нѣсколько дѣтъ разошлась только въ 30 экземплярахъ, а остальные лежатъ доселѣ (А. Н. Муравьева, изд. въ Карlsruз).

Когда журналъ будетъ помѣщать серьезныя статьи о русской церкви, тогда можно будетъ и опроверженіемъ злословія заниматься въ мѣру и по требованію настоятельной надобности. Сколько бы мы ни опровергали теперь анекдоты, они будутъ имѣть силу до тѣхъ поръ, пока не видно, какъ они относятся къ дѣйствительной жизни церкви,—есть ли они необходимое слѣдствіе системы, случайное ли явленіе въ ней,—или неприложимое къ ней злословіе. Мы думаемъ, что также и вопросъ о папскихъ притязаніяхъ на восточную церковь будетъ поставленъ иначе. Теперь пока конца не видно спорамъ о разныхъ пунктахъ церковной исторіи, относительно унии,—и въ нѣкоторыхъ случаяхъ побѣда остается нерѣшительною, особенно потому, что журналъ почерпаетъ свои возраженія изъ тѣхъ же брошюръ, которыя трактуютъ въ пользу папы. Но при серьезной разработкѣ православія, журналъ необходимо на первый планъ поставить ученіе о Церкви, которое составляетъ самую типическую черту православія. И тогда—какое дѣло будетъ намъ, что такой-то, бывши въ Римѣ, подписался, что онъ признаетъ главенство папы: онъ могъ подписываться но Церковь не знаетъ и не признаетъ этого главенства. Какъ бы ни высоко стояли одно или нѣсколько лицъ въ церкви,—все же они не Церковь, и сдѣлать что-нибудь можно только спросившись у нея. Одинъ только отецъ Гагаринъ можетъ допускать мысль, что церковь русская, это—клиръ и что можно устроить соединеніе при согласіи одного клира

7/10 марта.

Die Kirchen-Geschichte des Johannes von Ephesus. Aus dem syrischen übersetzt. Mit einer Abhandlung über die Trithheiten von Dr. S. M. Schönfelder. München. 1862. (Церковная исторія Іоанна Ефесскаго, переводъ съ сирскаго, съ приложеніемъ трактата о требожникахъ, др. Шёнфельдеръ).

Іоаннъ, моно-мизитскій епископъ въ Ефесѣ (иначе называемый Episcopus Asiae, такъ какъ Ефесъ былъ значительнѣйшею каедрою въ Малой Азій) жилъ въ шестомъ вѣкѣ, большею частію въ Константинополѣ, и пользовался уваженіемъ при дворѣ, особенно въ правленіе Юстиниана. Въ 19 годъ царствованія этого императора, на него возложена была должность открывать и предавать оуду тайныхъ язычниковъ, которыхъ тогда много еще было въ самомъ Константинополѣ, между патриціями, граммати-

ками, советами, адвокатами и врачами. Во время своего путешествія по Азіи, Іоаннъ обратилъ 70 тысячъ язычниковъ и, при помощи императора, построилъ 96 церквей. Въ силу этой должности, онъ назывался «поставленнымъ надъ язычниками», также «разрушителемъ идоловъ».

Исторія, имъ написанная, до послѣдняго времени извѣстна была только по небольшимъ отрывкамъ и указаніямъ у Ассемана. Въ первый разъ она издана въ подлинникѣ, въ 1853 г. знаменитымъ Куртономъ (Cureton) съ заглавіемъ: The third part of the ecclesiastical history of John bishop of Ephesus. Now first edited by William Cureton. Oxford, 1853. Издатель обѣщалъ со временемъ перевести исторію на англійскій языкъ; но обѣщаніе это доселѣ не было исполнено, и теперь она является въ переводѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Исторія Іоанна Ефесскаго обнимаетъ время отъ 536—586 года и передаетъ много доселѣ неизвѣстныхъ церковно-историческихъ фактовъ; вообще она составляетъ важное пособіе для знакомства съ патріаршествомъ константинопольскимъ въ эпоху монофизитскихъ споровъ, съ религіознымъ состояніемъ Востока въ это время и съ положеніемъ христіанъ въ Персіи и Арменіи. Какъ монофизитъ, Іоаннъ довольно пристрастенъ въ своихъ отзывахъ о послѣдователяхъ халкидонскаго собора и называетъ ихъ общимъ именемъ «синодскихъ» или «синодаловъ». Къ сожалѣнію, переводчикъ не приложилъ къ своему труду очерка эпохи, къ которой относится исторія, равно какъ и изслѣдованій о писателѣ; онъ отсылаетъ читателя къ сочиненію д-ра Ланда, вышедшему въ 1856 г. въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: «Іоаннъ Ефесскій, первый сирскій церковный историкъ» и ожидаемому сочиненію аббата Гавенберга.

Чтобы познакомить читателей съ характеромъ историческаго изложенія этого древняго писателя, а также отчасти и съ содержаніемъ, мы переведемъ нѣсколько главъ, набирая характеристичныя.

Кн. II, гл. 40.

«Дерзкій Евтирій (*), какъ во всемъ прочемъ былъ очень высокомеренъ, такъ домогался показать себя и въ учительствѣ, хотѣлъ—обычай отъ начала установленнаго богослуженія церковнаго уничтожить и отиѣнить, и свое злочестіе «навязать и ввести». Онъ написалъ на листахъ антиононь въ великій четвертокъ, послать во всѣ церкви и приказалъ врежній антиононь оставить, а

(*) Патріархъ константинопольскій, умеръ 532 г.

его—«отправлять». Тѣмъ онъ очень грозилъ, кто осмѣлится употребить прежній, а его—оставить. Черезъ это не только клиръ всѣхъ церквей и монастырей, мужскихъ и женскихъ, приведенъ былъ въ волненіе и безпокойство, но также весь городъ и весь сенатъ, такъ что противъ него почти составилось великое возстаніе, не только со стороны церквей и монастырей, но и со стороны цѣлаго города. Одинъ изъ сената даже императору объ этомъ рассказалъ. Но епископъ, въ горячности своего гнѣва, поспѣшно отправился къ императору и жаловался ему на это. Онъ одмакоже сильно осуждалъ его и говорилъ: «Наконецъ, когда ты утвердишь себя и будешь держать себя спокойно! Вотъ ты весь городъ привелъ въ волненіе и безпокойство. Какъ можешь ты отнѣять прежніе обычаи? Смотри, чтобы тебя камнями не побили. Онъ возразилъ: «государь? своего я ввелъ только то, что гораздо приличнѣе прежняго.» На это сказалъ императоръ: «знай—такъ какъ ты свой антѣонъ не съ неба принесъ, то мы его и не принимаемъ. Иди и оставайся въ своей церкви и твердо содержи принятое отъ первыхъ отцевъ!» Такъ смирилъ онъ его ревность и мало-по-малу ослабилъ и утихли угрозы противъ него.»

Кн. III, гл. 28.

«Посланые, пришедши къ Ефесу, узнали, что Руфинъ тамъ, пришли ночью и окружили домъ, чтобы захватить его. Случилось такъ, что язычники отправляли праздникъ Зевса и собрались у Руфина для жертвоприношенія. Замѣтивъ, что домъ окружили съ тѣмъ, чтобы схватить ихъ, они пришли въ смятеніе и побѣжали. Но Руфинъ, какъ только замѣтилъ, что ему некуда бѣжать, вынулъ жертвенный ножъ и воцѣпилъ себѣ въ сердце, также живото распоролъ себѣ, ужалъ и умеръ. Когда они вошли въ домъ, то нашли тамъ старика, который по причинѣ подагры не могъ бѣжать, старую женщину, распоротого Руфина на полу и жертвенныя принадлежности. Они схватили найденныхъ и грозили имъ смертію, если они не скажутъ истины, какіе люди и зачѣмъ здѣсь собирались, а если покажутъ истину, то останутся въ живыхъ и не умрутъ. Изъ страха они выдали всѣхъ—архонта и намѣстника епарха—Анатолія. Этотъ думалъ очень хитро скрыть свое дѣло, что однако ему не помогло: ушелъ, завернулся въ дорожный плащъ, какъ будто прибылъ изъ путешествія, на дѣлѣ дорожныя сапоги и отправился къ городскому епископу.

Когда тотъ увидѣлъ, что идетъ архонтъ, испугался и сказалъ: зачѣмъ идетъ архонтъ въ такое необыкновенное время! Но онъ вошелъ и сказалъ: «я только что прибылъ съ дороги, былъ въ такомъ-то и такомъ-то городѣ; и такъ какъ у насъ произошелъ споръ объ одномъ мѣстѣ Писанія, какъ понимать его, то я и пришелъ къ тебѣ для объясненія, прежде чѣмъ отправиться въ преторій.» Это сдѣлалъ онъ хитро, съ тѣмъ, что бы епископъ засвидѣтельствовалъ о немъ, что онъ прибылъ изъ путешествія, и когда будутъ обвинять его въ участіи при жертвоприношеніи ночью, тогда онъ можетъ указать на это въ свое оправданіе. Но хитрость ему не помогла. Именно, когда онъ шелъ отъ епископа, его встрѣтили посланные, остановили и сказали: «здравствуй, господинъ епархъ, намъ очень нужно твоя высокость! благоволи доставить поручительство въ нѣсколько талантовъ, въ томъ, что ты въ десять дней будешь въ Антиохіи.» Онъ же началъ увѣщевать ихъ и говорилъ: «я только что прибылъ съ дороги, и объ этомъ засвидѣтельствуетъ епископъ.» Они отвѣчали ему: «не скрывай только, господинъ архонтъ, что ты въ прошлую ночь съ Руфиномъ и другими приносилъ жертву Зевсу. Смотри, вотъ твои обвинители.» Тутъ онъ, въ качествѣ чиновника, началъ грозить имъ и говорилъ: «Вы задерживаете государственныя дѣла.» Они отвѣтили ему: «не грози, господинъ архонтъ! безъ поручительства, твоя высокость, не сойдешь живымъ съ этого мѣста.» Когда онъ увидѣлъ, что ему нѣтъ спасенія, дѣйствительно далъ ручательство, что онъ тотчасъ отправится въ Антиохію—съ ними и прочими.»

Кн. III, 31.

«Въ городѣ произошло большое волненіе; думали, что дѣло замято большими деньгами и уже кончено. Но тутъ вдругъ поднялись люди и стали собираться на главной улицѣ и кричать:—да раскопаются кости судей! Кости язычниковъ да раскопаются; да торжествуетъ христіанская вѣра! Да раскопаются кости судей!—Именно люди думали, что судьи допустили подкупить себя и скрыли дѣло. Когда они кричали это и бѣжали на главную улицу, за ними устремлялись люди со всѣхъ концовъ города и присоединялись къ нимъ. Такъ образовалось великое сборище людей, воспламененныхъ христіанскою ревностію, болѣе 100.000, потому что весь городъ на всѣхъ углахъ и концахъ пришелъ въ волненіе; лавки и мѣняльни всѣ закрылись. Также иудеи, самаряне и прочіе еретики бѣжали со всѣхъ сторонъ и мѣшались

съ толпою, потому что имъ хотѣлось зажечь городъ и ограбить чужія сокровища. Весь же христіанскій народъ поспѣшно побѣжалъ въ церковь къ епископу, осыпалъ его позорными ругательствами (которые должны быть чужды нашему воспоминанію), такъ какъ объ немъ думали, что онъ благопріятствуетъ язычникамъ и сносится съ ними, какъ епископъ антиохійскій и александрійскій, о которыхъ говорили это злые языки. Епископію заперли со всѣхъ сторонъ, и толпа готова была зажечь ее, и только ради церкви удержалась. Но іудеи и еретики грозила зажечь самую церковь, какъ они послѣ признались епарху. И такъ все бѣжало къ Плакидскому дворцу, гдѣ судились язычники; бранили судей, бывшихъ тамъ патриціевъ, архонтовъ и прочихъ секретарей и юристовъ, грозя имъ гибелью. Когда же они добрались до Плакидія, разбили двери и окна, разломали скамьи и затворы, вошли въ портикъ и искали язычниковъ. Разломавши одинъ затворъ, нашли его наполненнымъ талантами, и воротились, увидѣвъ это. Стражъ, охранявшій его, хотѣлъ утишить ихъ ярость и сказалъ имъ, въ той мысли, что они хотятъ грабить: «не безпокойтесь, господа мои, если вы хотите золота,—вотъ оно!» Но великое сборище вскричало, какъ бы одними устами: «мы не разбойники, а христіане, ратуемъ за Христа и ищемъ только «христіанскаго» суда надъ язычниками. Ты стереги свое золото, къ которому мы и не подойдемъ!» Они разрушали все, что имъ попадалось въ руки, даже всѣ найденныя ими изображенія, къ какому бы лицу они ни относились.—Тутъ они нашли двоихъ язычниковъ, муштану и женщину, въ заключеніи, вытащили ихъ, побѣжали на морской берегъ, взяли лодку, схватили городского палача и сказали: разведи огонь и сожги ихъ. Но поелику онъ боялся префекта, то они положили ихъ въ лодку сами и бросили ее въ огонь. Также бросили они и палача вмѣстѣ съ ними, который однако успѣлъ выпрыгнуть изъ огня и упасть въ море, и хотя былъ сильно обожженъ, но не умеръ, а тѣ сгорѣли и погрузились въ море. Это безчисленное сборище разламывало тюрьмы, разбивало двери и выпускало заключенныхъ съ крикомъ:—язычниковъ отпускаютъ, зачѣмъ же держутъ въ заключеніи христіанъ?..—

Въ трактатѣ о тритентахъ авторъ провѣряетъ различныя историческія свидѣтельства о нихъ, и на основаніи показаній Іоанна Ефесскаго приходитъ къ заключенію, что принятое доселѣ мнѣніе

о сущности этой секты невѣрно. Трактатъ небольшой, но очень любопытный и подевный.

— Пій IX, въ буллѣ своей отъ 6 января 1862 года, по поводу основанія особой конгрегаціи въ Римѣ, долженствующей заниматься восточными христіанами (*Congregatio pro negotiis ritus orientalis*), говоритъ между прочимъ: «имѣя въ виду настоящее состояніе восточныхъ христіанъ и зная, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, нѣкоторыя препятствія, при помощи Божіей, на столько устранены, что народы восточнаго обряда могутъ свободно сноситься съ апостольскимъ престоломъ и поэтому намъ легче помогать важнымъ нуждамъ ихъ, мы сочли...» и проч. Въ недавно появившейся брошюрѣ «Католическая пресса въ Германіи» авторъ сообщаетъ: «сближеніе между греческо-русскою и римскою церковію принимаетъ все большіе размѣры и не находитъ ни одного противника даже въ высшихъ кругахъ русской столицы.» Интересно знать—что это такое? Опять ли обращенія въ родѣ тѣхъ, которыя кончились такъ плачевно въ недавнее время въ Болгаріи, или что-нибудь посерьезнѣе?

Трудно пока объяснить, какъ папа, несмотря на плачевное положеніе дѣлъ въ самой Италіи, обращаетъ взоры на Востокъ и тратитъ значительныя суммы на образованіе конгрегацій. Но положеніе это доселѣ не улучшается. Приглашеніе папы къ епископамъ католическимъ—прибыть въ Римъ для канонизаціи мучениковъ японскихъ и участію въ двухъ полупубличныхъ консисторіяхъ въ наступающемъ маѣ мѣсяцѣ, встрѣчено недовѣрчиво католическими правительствами, особенно во Франціи. Ультрамонтаны какъ будто предчувствуютъ бѣду и сильно заискиваютъ у французскихъ солдатъ, и кромѣ духовныхъ даровъ, раздають лотерейные билеты. Правительство замѣтило и это: Новой ученой защиты свѣтской власти папы въ послѣднее время не было, кромѣ небольшой книжки Тейнера, бібліотекаря въ Ватиканѣ, подъ заглавіемъ: «Два вселенскіе собора, ліонскій 1245 г. и коставтскій 1414 г. со стороны вопроса о свѣтской власти святаго престола». Сорокъ значительнѣйшихъ членовъ ліонскаго собора утвердили навсегда права папы на церковную область и Фридрихъ II единогласно и торжественно осужденъ былъ за нарушеніе этихъ правъ. Коставтскій же соборъ важень

тѣмъ, что до восшествія на папскій престолъ Мартина V, самъ соборъ управлялъ владѣніями св. Петра, значить считалъ ихъ церковнымъ имуществомъ. О Фридрихѣ II мы замѣтимъ, что это тотъ самый Фридрихъ II, который при нападеніи монголовъ на Германію отвѣчалъ, что онъ вовсе не расположенъ защищать христіанство противъ язычниковъ, когда глава этого христіанства (папа) дѣлаетъ ему непріятностей больше, чѣмъ всѣ татары. Последній документъ константскаго собора весьма ясно показываетъ стѣсненное положеніе папства, готоваго принять всякую историческую милостыню. Прошедшею осенью Тейнеръ ѣздилъ на воды въ Чивиттавекію; оттуда онъ пошелъ однажды въ сосѣдній городокъ Корнето и тамъ нашелъ этотъ документъ, выпросилъ его у владѣтелей и доставилъ въ ватиканскій архивъ.

Но это сомнительное литературное приобрѣтеніе рѣшительно уничтожается недавнимъ литературнымъ пораженіемъ. Последнія итальянскія газеты говорятъ о сочиненіи, обнародованномъ извѣстнымъ Донъ Исаією (Don Isaja), бывшемъ секретаремъ кардинала Андреа. Донъ Исаія въ началѣ прошлаго года служилъ посредникомъ въ переговорахъ между Кавуромъ и Антонелли, по дѣлу отмѣненія свѣтской власти папы, и замѣчательно то, что папа непрочъ былъ отказаться отъ своего воинственнаго права и не говорилъ: non possumus! Кавуръ началъ съ того, что привлекъ на свою сторону кардинала Антонелли нѣкоторыми обѣщаніями ему и его родственникамъ. Потомъ предложены были слѣдующіе пункты для взаимнаго примиренія: 1) Викторъ-Еммануилъ будетъ признанъ отъ папы королемъ Италіи и коронованъ; 2) папа удерживаетъ верховное право надъ наследіемъ св. Петра: а граждански будутъ управлять имъ, въ качествѣ наместниковъ папы, Викторъ-Еммануилъ и его преемники; 3) итальянскимъ кардиналамъ ассигнуется ежегодно 10,000 скуди; 4) итальянскіе кардиналы будутъ засѣдать въ сенатѣ; 5) изъ доходовъ наследія св. Петра папа получаетъ богатое содержаніе; 6) договоръ долженъ быть заявленъ и утвержденъ формальнымъ актомъ парламента. Антонелли принялъ эти пункты, прибавивъ только нѣкоторыя пополненія, напр. о независимости епископовъ въ духовныхъ дѣлахъ и проч. Эти переговоры велись тайно отъ Франциска II. Но тутъ вмѣшалось французское правительство, и дѣло остановилось. Вѣрны ли эти свѣдѣнія, трудно рѣшить, но на римскую курію они бросаютъ очень невыгодный свѣтъ, тѣмъ болѣе, что они во многомъ согласны съ прежде ходившими слухами.

— Въ собраніи 15-го марта, состоявшемъ изъ многихъ лицъ, — въ томъ числѣ находились архіепископъ лондонскій и много пасторовъ, — положецо было принять средства, чтобы для посѣтителей всемірной выставки совершалось богослуженіе и говорились проповѣди на разныхъ языкахъ; раздавать Библии и трактаты; воспользоваться случаями, какіе представятся для отправленія миссіонеровъ въ разныя страны; извлекать всѣ полезныя свѣдѣнія о дѣятельности благочестивыхъ общественныхъ союзовъ въ разныхъ странахъ. Для достиженія же этихъ цѣлей обратиться къ общественной благотворительности.

P.***

БИБЛИОГРАФІЯ.

Отвѣты на главнѣйшія возраженія противъ вѣры истинной. Спб. 1862.—Составленіе книгъ съ популярнымъ назначеніемъ вообще есть дѣло очень трудное: но особенно оно трудно, когда для популярнаго изложенія избираются такіе предметы, о которыхъ въ области философскаго мышленія, или исторической критики образовались какія-либо неправильныя понятія. Доказательство тому представляетъ названная нами книжка, которая, несмотря на ея благонамѣренность, не достигаетъ своей цѣли. Въ этой небольшой книжкѣ (въ 12 д., 188 стр. довольно крупной печати) дѣйствительно собраны *главнѣйшія возраженія* противъ религіи, и наибольшую важность имѣютъ тѣ изъ нихъ, которыя, какъ говоритъ авторъ, происходятъ *отъ нестерія* (разумѣются возраженія атеизма и матеріализма). Но способъ рѣшенія, который принять авторомъ для *отвѣтовъ*, часто не соответствуетъ сущности дѣла. Различіе въ характерѣ *возраженій* и *отвѣтовъ* происходитъ отъ того, что начала, на которыхъ основаны предлагаемыя возраженія, суть начала философскаго, діалектическаго мышленія, или исключительно эмпирической дѣйствительности, а основанія, на которыхъ составлены предлагаемыя отвѣты, заимствованы изъ готовыхъ положительныхъ данныхъ православной вѣры. Такое несоответствіе принятаго способа отвѣтовъ съ самыми вопросами помѣстамъ рѣзко бросается въ глаза. Возраженія слишкомъ рѣшительны и важны, а отвѣты состоятъ изъ положеній, несомнѣнныхъ съ точки зрѣнія положительной вѣры,

но совершенно проблематическихъ для мыслящаго разума. Вопросъ требуетъ доводовъ, а отвѣтъ не предполагаетъ иногда и нужды въ нихъ. Разсмотримъ для примѣра, какъ опровергается атеизмъ и утверждается истина бытія Божія. Невѣрующій говоритъ: *нѣтъ Бога*. Отвѣтъ: «Но увѣренъ ли онъ точно въ томъ, что говорить? (Этотъ странный оборотъ встрѣчается неоднократно). Кто же создалъ небо, землю, человѣка и весь міръ? Все это неужели сдѣлалось само собою?..» Слѣдуетъ еще нѣсколько строкъ въ поясненіе той мысли, что твореніе предполагаетъ Творца... «Ты говоришь: нѣтъ Бога! да кто же тебѣ сказалъ это? конечно, какой-нибудь сумудръ, который изъ того, что не видитъ Бога, заключилъ, что Онъ не существуетъ»... и еще нѣсколько строкъ—въ поясненіе того, что не то только существуетъ, что мы можемъ видѣть, что мы *духа* не видимъ, а онъ существуетъ. Въ заключеніе приводятся два остроумные анекдота изъ конца прошлаго столѣтія, какъ доказательства истины бытія Божія. Чтобы читатели могли судить о степени убѣдительности такихъ доказательствъ, приведемъ одинъ изъ этихъ анекдотовъ. Беабожвикъ, безъ успѣха проповѣдывавшій невѣріе въ одномъ обществѣ, раздосадованный сказалъ: «я не думалъ, чтобы въ этомъ обществѣ умныхъ людей я былъ одинъ невѣрующій въ Бога!»—Нѣтъ, вы не одни, возразила хозяйка дома,—моя болонка, моя кошка не знаютъ Бога, только эти бѣдныя животныя *имѣютъ на столько смысла, чтобы не хватать этимъ*». (Особенно много смысла въ послѣднихъ словахъ). Тѣмъ авторъ и закончилъ съ атеизмомъ.

Для людей, относящихся къ предметамъ религіозныхъ убѣжденій съ требованіями философскаго мышленія, конечно покажутся недостаточными такіе отвѣты, въ которыхъ приводятся только положительныя истины вѣры. Чтобы опровергнуть возраженіе—*случай управляетъ всемъ, иначе не было бы столько безпорядка на землѣ и столько зла*,—авторъ употребляетъ, наприм., слѣдующій доводъ: «Когда вѣчность раскроется предъ нами, она чудно оправдаетъ то, что кажется намъ теперь несправедливымъ на землѣ. Мы изумляемся теперь при видѣ добродѣтели, отягченной бѣдствіями, тогда какъ порокъ пользуется дарами счастья? Вѣчность объяснитъ намъ эту тайну.» Надобно замѣтить, что возражающій говорилъ: «когда умираютъ, то все кончено.» На вопросъ: *не былъ ли Иисусъ Христосъ только великимъ благодѣтелемъ человечества? точно ли Онъ Богъ?* предлагается отвѣтъ:

«Услышь Его Самого, отвѣтствующаго тебѣ: ты реклъ еси—Азъ есмь!». На возраженіе: *теперь не свѣряя чудесамъ*—авторъ отвѣчаетъ: «Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые не вѣрятъ истиннымъ чудесамъ, засвидѣтельствованнымъ церковію!... Не вѣрять чудесамъ невозможно, но дѣло въ томъ, чтобъ не увлекаться никакимъ суевѣріемъ»... и проч. и проч.

Изъ приведенныхъ уже примѣровъ понятно, что существенный недостатокъ книги составляетъ отсутствіе обстоятельнаго изложенія самыхъ возраженій. Тема, излагаемая въ каждомъ параграфѣ, безъ сомнѣнія должна точно опредѣляться самымъ возраженіемъ. Между тѣмъ смыслъ возраженія, на сколько онъ выраженъ въ каждомъ предложенномъ здѣсь вопросѣ, не выясняется окончательно, и иногда только въ самомъ отвѣтѣ получаетъ уже опредѣленность—конечно такую, на которую возражающій рѣдко можетъ согласиться. Возражающій говоритъ наприм: *я хочу держаться только первобытнаго христіанства*. Изъ слѣдующаго за тѣмъ отвѣта видно, что авторъ не понялъ смысла этихъ словъ и говорить совсѣмъ о другомъ. «Что ты подъ этимъ разумѣешь? Если говоришь о вѣрѣ первыхъ христіанъ, то они вѣровали всему, чему учить насъ вѣрять наша святая православная церковь.. Если разумѣешь богослуженіе и образъ жизни первыхъ христіанъ, то увѣ, другъ мой! это ни тебѣ, ни мнѣ не подъ силу.» И за тѣмъ авторъ ссылается на отреченіе отъ имѣній, ежедневное причащеніе, мученичество первыхъ христіанъ, и говоритъ, что нынѣ православная церковь требуетъ не болѣе, а гораздо менѣе того. (!) Въ каждомъ оборотѣ рѣчи, гдѣ возрѣніе автора соприкасается съ понятіями философскаго мышленія, или исторической критики, читатель чувствуетъ непріятный диссонансъ. Конечно, автору невыгодно и несподручно было много входить въ смыслъ рѣчей, въ которыхъ не признаетъ онъ даже и субъективной истины, т. е. одной искренности. Авторъ убѣжденъ, что всѣ подобныя возраженія имѣютъ только *нравственное основаніе* и происходятъ единственно отъ нравственной порчи возражающихъ. Вмѣсто разъясненія понятій, онъ часто обращается къ возражающему съ упреками въ нечестіи и любитъ спрашивать: «искренно ли ты вѣришь тому, что говоришь? Позволь мнѣ въ томъ усомниться.»

Кромѣ тѣхъ несообразностей, которыми сопровождается это сочетаніе двухъ разнородныхъ точекъ зрѣнія, въ разсматриваемой книжкѣ есть довольно и другихъ, частныхъ имѣній автора, въ

которыхъ предметы представляются въ странномъ свѣтѣ, или которыя ведутъ къ страннымъ выводамъ. Но мы ограничиваемся сдѣланными замѣчаніями и хотимъ только спросить: для кого написана эта книжка? для людей, непріязненно относящихся къ религіи, или для людей, вѣрующихъ въ простотѣ сердца? Авторъ повидимому разумѣетъ и тѣхъ и другихъ, судя по тѣмъ приемамъ, съ какими онъ обращается къ читателю: иногда онъ бранится нещадно, тонкими намеками—не въ бровь, а прямо въ глазъ—честить своего собесѣдника скотиной, бессмысленнымъ животнымъ и подобными эпитетами, иногда, наоборотъ, съ вѣжностію ласкается къ читателю, называя его *другъ мой, дорогой мой*, и т. д. Людей невѣрующихъ, или критически относящихся къ религіи и церкви, эта книжка не убѣдитъ: желательо даже, чтобы она не попадала въ руки къ такимъ людямъ—она подастъ имъ поводъ къ насмѣшкамъ. А для людей, вѣрующихъ въ простотѣ сердца, предлагаемые усиленные доводы едва ли нужны. Въ предисловіи авторъ выражаетъ надежду, что читатель чуждъ тѣмъ *предразсудкамъ*, которые опровергаются въ книжкѣ, и желаетъ, чтобы издаваемые имъ отвѣты послужили читателю въ предостереженіе, на случай. Но, безъ сомнѣнія, предостереженіе окажется нужнымъ читателю тогда, когда онъ дѣйствительно встрѣтится съ людьми противоположныхъ убѣжденій. Извѣстно, какъ строги и горячи люди такихъ убѣжденій. Если читатель возьметъ для себя въ руководство подобную книжку, можно навѣрное предсказать, что онъ останется беззащитнымъ: тогда-то, наоборотъ, и потребуются такое руководство, въ которомъ преобладающимъ началомъ было бы философское мышленіе, правильно развитое и обогащенное историческимъ образованіемъ.

Тонъ автора отличается необычайною смѣлостію и рѣшительностію; встрѣчаются патетическія мѣста, восторженные восклицанія и вопрошенія. Изложеніе—довольно необработанное и неправильное, по мѣстамъ слишкомъ отзывается переводомъ; намъ не случилось встрѣтить подобной книжки въ иностранной литературѣ, но мы увѣрены, что это—переводъ, сдѣланный не безъ расчета на выгодный сбытъ. Правильностію корректуры книжка также не можетъ похвалиться.

Праздникъ Пасхи въ православной церкви. Спб. 1862.—Двунадесятые праздники православной церкви, съ копіями образовъ Исаакіевскаго собора. Составилъ г. Лавертневъ. Спб. 1862. Лучшими книгамъ

для назидательнаго чтенія могутъ служить книги церковно-историческаго содержанія, конечно при томъ условіи, если онѣ изложены правильно и просто. Онѣ знакомятъ съ исторіею церкви, ея учрежденіями и практикою. Книжка *о праздникѣ Пасхи*, издававшаяся законоучителемъ николаевскаго инженернаго училища *священникомъ І. Щокровскимъ*, составлена довольно полно и удовлетворительно. Она обнимаетъ исторію праздника, его богослуженіе, пасхальные обряды и обычаи, значеніе Пасхи въ богослуженіи и проч., читается съ интересомъ и можетъ быть рекомендуема всѣмъ желающимъ ближе и подробнѣе изучить праздникъ Пасхи въ православной церкви.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о книгѣ *двунадесятые праздники*, г. Лаврентьева. Весь ея интересъ состоитъ въ изданіи литографированныхъ копій (въ два тона) съ образовъ Исаакіевскаго собора: изданіемъ этихъ снимковъ, казалось, и слѣдовало бы ограничиться. Но издатель, не соразмѣряясь съ своими силами, предпринялъ *историческое изслѣдованіе* праздниковъ и задумалъ придать своему изданію возможно обширные размѣры. Однакожъ «историческое изслѣдованіе» состоитъ въ очень краткихъ выпискахъ изъ церковныхъ и другихъ книгъ съ прибавкою собственныхъ размышленій автора, изложенныхъ не очень правильно и чисто, а искусственный замыселъ совершить великолѣпное литературное предпріятіе разрѣшился наборомъ разнообразныхъ дошолнительныхъ статей. Въ книгу вошли не только тропари и кондаки на праздники, но и толкованіе дней новаго года, исторія вселенскихъ соборовъ, акаѣвствъ Божіей Матери въ русскомъ переводѣ, описаніе чудотворной иконы Успенія Пресв. Богородицы въ Кіевѣ, зачала Апостоловъ и Евангелій на двенадцатые праздники, таблица праздниковъ на текущее столѣтіе, словомъ, вошло все, что обыкновенно вносятъ въ свои изданія люди, неравнодушные къ авторству, но не владѣющіе необходимыми условіями авторства. Такіе люди любятъ печататься и издавать книги, во что бы то ни стало: привязываясь къ какому-нибудь предмету и не имѣя силъ самостоятельно изслѣдовать его, они набираютъ какъ можно болѣе разнообразныхъ матеріаловъ—для *полноты своего труда*, какъ они выражаются. Лучшее и болѣе дѣльное въ такихъ книгахъ, разумѣется, составляютъ заимствованія изъ чужихъ книгъ, а самое курьезное—собственные понятія и складъ рѣчи такихъ авторовъ. Чтобы читатели могли видѣть, какъ издатель *Двунадесятыхъ праздниковъ* судить

о своемъ предпріятіи и въ какой мѣрѣ обладаетъ литературнымъ талантомъ, буквально выписываемъ его обращеніе къ читателямъ: «Не всѣ изъ Православныхъ Христіанъ, зная названіе Праздника, имѣютъ полныя свѣдѣнія о содержаніи его, историческомъ его происхожденіи и религіозномъ достоинствѣ значенія его, не говоря уже о главныхъ, присвоенныхъ каждому Празднику, молитвахъ и величаніяхъ... Отсутствіе этихъ свѣдѣній, къ сожалѣнію, часто встрѣчается между дѣтьми Православныхъ семействъ, во причинахъ или недостаточнаго домашняго или внушенія, или поверхностнаго знанія старшихъ; между тѣмъ какъ эти знанія, содержа въ себѣ Исторію Новаго Завета, составляютъ основаніе Православной вѣры, и потому должны стоять на первомъ и главномъ планѣ воспитанія. (Этими словами г. издатель конечно проситъ принять его книгу въ руководство при воспитаніи и дать ей притомъ первое и главное мѣсто.) Хотя всѣ эти свѣдѣнія и имѣются уже въ нашей Духовной Литературѣ разнаго времени, и будучи изложены во многихъ отдѣльныхъ и Периодическихъ изданіяхъ, со всеми догматическими и литературными достоинствами, могутъ служить прекраснымъ руководствомъ для ревнующихъ о религіозномъ образованіи въ Духъ ученія Православной Церкви; но не смотря на это, я все-таки рѣшаюсь предложить мой скромный трудъ, и сочту себя счастливымъ, если онъ, какъ послѣдняя лепта, увеличитъ собою эту духовную сокровищницу.» Вѣроятно, желая болѣе обезпечить для себя эту пріятную увѣренность въ счетъ упомянутой сокровищницы, издатель для полноты своего труда и счелъ умѣстнымъ надѣлать его такимъ разнообразнымъ содержаніемъ.

Христіанскіе мученики, пострадавшіе на Востокъ со времени завоеванія Константинополя турками. Съ новогреческаго языка перевелъ священникъ Нестръ Соловьевъ. Спб. 1862. Эта книга содержитъ въ себѣ 70 повѣствованій о подвигахъ христіанскихъ мучениковъ съ конца XV столѣтія до новѣйшихъ временъ. Она можетъ служить матеріаломъ для новой исторіи греческой церкви за весь продолжительный, но малоизвѣстный періодъ турецкаго владычества. Повѣствованія, вошедшія въ эту книгу, составлены въ разное время разными лицами; но переводчикъ не сообщилъ надлежащихъ свѣдѣній о греческомъ сборникѣ, который служилъ для него подлинникомъ,—онъ ограничился только краткими уа-

заніемъ именъ составителей отдѣльныхъ сказаній, притомъ и эти указанія встрѣчаются не вездѣ. Книга имѣетъ видъ чети-миней и можетъ служить для назидательнаго чтенія. Этотъ практический интересъ, кажется, преимущественно имѣлъ въ виду переводчикъ, какъ показываетъ его многословное предисловіе.

Современный вопросъ о папствѣ Спб. 1861. — Эта брошюра, изданная священникомъ Г. Польскимъ, есть передѣлка французскаго сочиненія, появившагося въ прошломъ году въ Парижѣ: *La papauté en presence de l'Evangile et de l'histoire*. Въ этомъ сочиненіи «авторъ на основаніи Слова Божія, церковныхъ канонѣвъ и исторіи старается доказать, что не только свѣтская власть папы, но и власть духовная, понимаемая въ смыслѣ ультрамонтанскомъ, совершенно незаконна и пагубна, что папство имѣетъ довольно позднее и чисто человѣческое происхожденіе, что своимъ возникновеніемъ и развитіемъ оно обязано временнымъ обстоятельствамъ, невѣжеству, политикѣ и крайнимъ злоупотребленіямъ, что оно уже отжило свое время и должно быть уничтожено для блага церкви и народовъ.»

На основаніи этихъ давнихъ русскій издатель составилъ слѣдующее *практическое* соображеніе: «извѣстно, что папство было первою и главною причиною горестнаго раздѣленія церковей восточной и западной въ IX—XI вѣкахъ, а потомъ и появленія протестантства, что оно же именно дѣлало напрасными и всѣ послѣдующія многочисленныя попытки къ соединенію... Значить рѣшеніе, вопроса о папствѣ, въ смыслѣ уничтоженія его ультрамонтанскихъ крайностей, должно быть и первымъ вѣрнымъ шагомъ къ соединенію церковей.» Издатель присовокупляетъ, что въ предлагаемомъ французскомъ сочиненіи отражается современное направленіе церкви галликанской (*) которое «рано или поздно, не естественно должно привести галликанскую церковь къ соединенію съ церковью православною.»

Мы полагаемъ, что ожиданія русскаго издателя, — какъ они ни благовидны, — преувеличенны и едва ли справедливы. Правда, въ этомъ нѣтъ еще большой бѣды: каждый можетъ питать различныя добрыя надежды и ожиданія, какія ему нравятся. Но дѣло

(*) Любопытно знать, на какомъ основаніи переводчикъ приписываетъ эту прошюру члену галликанской церкви. А что, если ее написалъ русскій — на французскомъ?!

въ томъ, что изъ такихъ личныхъ убѣжденій издателя опредѣлилось все его отношеніе къ передѣланному имъ французскому сочиненію. О своемъ отношеніи къ подлиннику онъ говоритъ слѣдующее: «чтобы сдѣлать французское сочиненіе еще болѣе полезнымъ и понятнымъ для читателей неспеціалистовъ, мы пополнили его какъ въ текстѣ, такъ и примѣчаніями. Но въ заглавіи того мы дозволили себѣ по мѣстамъ и нѣкоторыя сокращенія, касающіяся впрочемъ частныхъ, не имѣющихъ для насъ особеннаго или даже никакого значенія.» Такимъ образомъ въ сочиненіи мы слышимъ два голоса, слившіеся въ одинъ голосъ. Какъ ни близко французское сочиненіе къ убѣжденіямъ православнаго читателя, но послѣдній все-таки желалъ бы слышать въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ сужденія французскаго автора. Предзанятое убѣжденіе русскаго издателя, подъ вліяніемъ котораго составляла передѣлка французской брошюры, болѣе или менѣе намѣяетъ видъ и тонъ подлинника.

Впрочемъ надобно сказать, что особенности во взглядѣ русскаго издателя не ему только лично принадлежать; ими характеризуется особое направленіе, которое часто можно встрѣтить въ нашей духовной литературѣ, когда рѣчь заходитъ объ отношеніяхъ различныхъ вѣроисповѣданій къ православной церкви. Мы увѣрены, что при болѣе зрѣломъ изученіи христіанскихъ вѣроисповѣданій вопросъ о соединеніи церквей явится въ иномъ свѣтѣ.

ЗАМѢТКИ ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

АПРѢЛЬ

1862.

СОДЕРЖАНІЕ: *Внутренняя корреспонденція:* О воскресныхъ собесѣдованіяхъ. *Ж. Д—на.*—Извѣстія съ Алтая о крещеніи кочевыхъ инородцевъ *Свѣц. П. Побѣдоносцева.*—Женская бесплатная школа въ Вологдѣ. *Свѣц. Василія Ретровскаго.*—Изъ Саратова: по вопросу о женскомъ духовномъ училищѣ. *Н. Н.*—Изъ письма въ редакцію о своекоштныхъ студентахъ духовныхъ академій. *Н**.* *Заграничныя замѣтки:* Нѣчто о движеніи въ Англии по поводу сборника Essays and Reviews.—Исторія релігіозныхъ убѣжденій одного нѣмецкаго студента, описанная *Моч.*—Последнее собраніе «Общества Нѣмецкаго Храма».—Записка Стурдзы о реформахъ Германіи, поданная на ахенскій конгрессъ. *Р***.* *Разныя замѣтки:* Объ отмѣненіи нормальнаго числа учениковъ въ московской семинаріи.—Распоряженіе о празднованіи царскихъ дней.—Новыя постановленія о порядкѣ приготовленія евреевъ и другихъ иноувѣрцевъ къ принятію православной вѣры.—Русскій переводъ Библии для евреевъ, изданный въ Берлинѣ.—Изданіе священныхъ и богослужебныхъ книгъ для инородцевъ въ Россіи.—Приходская благотворительность въ Москвѣ.—Литературное извѣстіе.

О ВОСКРЕСНЫХЪ СОБЕСѢДОВАНІЯХЪ.

(Изъ письма въ редакцію).

Въ январской книжкѣ *Православнаго Обозрѣнія* было помѣщено письмо свѣц. Тихомирова о сельскихъ школахъ и воскресныхъ собесѣдованіяхъ. Нѣтъ возможности отрицать той пользы, какую должны принести прихожанамъ воскресныя домашнія собесѣдованія ихъ съ священникомъ. Но при чтеніи письма священника Тихомирова намъ казалось, что и города, не одни села, могли бы представить у насъ, съ меньшимъ удобствомъ и съ такою же великою пользою, осуществленіе той же мысли. Для крестьянъ нашихъ необходима духовная пища, необходимо образованіе, разумно соединенное съ релігіозными началами. Лучшее средство къ такому образованію представляютъ домашнія собесѣдованія сельскихъ прихожанъ съ своими священниками. Но нѣтъ сомнѣній,

что и для насъ, горожанъ, нужна та же духовная пища, необходимо образованіе, свободно и живо соединенное съ религиозными убѣжденіями. Эта потребность сама собою обнаружилась уже обширнымъ запросомъ на современные наши духовные журналы. Но одного чтенія недостаточно. Живое, разнообразное, разговорное слово, вызываемое всякою насущною потребностью, дѣйствуетъ глубже и прочтѣе. Живое собесѣдованіе, свободное и дѣятельное, не можетъ быть замѣнено чтеніемъ. Но—что особенно важно—живое собесѣдованіе тѣсно соединяетъ людей, заинтересованныхъ въ одномъ дѣлѣ. Приложенное къ религіи, оно могло бы вѣрнѣйшимъ образомъ соединить между собою Церковь и общество, привести ихъ въ постоянную взаимную связь, безъ которой невозможны ни полное благотворное вліяніе Церкви, ни нравственный успѣхъ общества. Такого общенія, въ формѣ свободного сношенія или собесѣдованія прихода съ своимъ священникомъ, до сихъ поръ не достаетъ намъ. Безъ всякихъ средствъ къ свободному общенію мыслей и чувствъ съ представителями Церкви, мы естественно оставались въ разладѣ съ Церковью, въ разладѣ съ нашею собственною религиозною совѣстью. Отсюда мы раздѣлялись и съ народомъ, при порванной связи всякаго живаго, разумнаго сношенія съ общими центромъ духовной нашей жизни. Эта повсемѣстная разобщенность не могла не отзываться худо на многомъ...

По селамъ, въ народѣ, вѣроятно, скоро пробудится свободная, живая общительность между пастырями и паствою по благому примѣру священника Тихомирова. А по городамъ? Уже ли мы, жители столицъ, останемся надолго еще безъ подобнаго общенія, этого прямаго выраженія связи между Церковью и обществомъ?

Представьте себѣ, что каждый воскресный день, съ живымъ участіемъ къ вопросамъ религіи и образованія, у того или другаго прихожанина, собираются желающіе участвовать во взаимной духовной бесѣдѣ. Для людей образованныхъ можетъ быть назначено одно воскресенье, для простыхъ — другое; для тѣхъ и другихъ въ томъ или другомъ домѣ, смотря по удобству. Для послѣднихъ предметы собесѣдованія—тѣ же самые, какіе названы о. Тихомировымъ, въ томъ же объемѣ и при такомъ же руководящемъ чтеніи. Первые располагаютъ, положивъ, такъ свое общеніе. Каждый изъ участвующихъ предлагаетъ отъ себя, поочереды, письменно или изустно, одинъ какой-либо вопросъ

изъ области Вѣры или жизни христіанской, и просить соборствующихъ высказать свои мнѣнія. Мнѣнія выражаются по очереди, тутъ же извустно, или послѣ—письменно. Священникъ, непремѣнный членъ такого общенія, соглашается и исправляетъ, гдѣ нужно, эти отвѣты, и, по временамъ, предлагаетъ самъ на размышленіе, или развиваетъ какую-либо мысль изъ области богословія, или христіанской философіи, или даже изъ области какой-либо науки въ приложеніи къ дѣлу религіи, или духовнымъ интересамъ общества. Въ послѣднее время, когда невѣріе такъ жестоко нападаетъ на все священное въ человѣкѣ, такое повсемѣстное обсужденіе религіозныхъ вопросовъ по всѣмъ приходскимъ общинамъ могло бы представить лучшую защиту противъ нападковъ современнаго атеизма, противъ пустыхъ, большею частію невѣрныхъ и фальшивыхъ идей и стремленій нашего ходячаго либерализма. Нѣкоторые изъ членовъ такого общенія вѣдь нашлись бы между ними, по Россіи, люди богато одаренные и способностями, и знаніями, могли бы взять на себя трудъ знакомить другихъ со всѣми замѣчательнѣйшими явленіями въ области отечественной и иностранной литературы по предмету религіи и философіи. Особенно замѣчательныя рѣшенія вопросовъ могли бы составлять статьи и отсылаться для напечатанія въ журналахъ, или печатались бы отдѣльно. Расходы по напечатанію приходъ принялъ бы на себя и завелъ бы особую кассу, назначенную на различныя благотворительныя общественныя дѣйствія (какъ бываетъ это, наприм. въ Швеціи), какъ-то: учрежденіе приходскихъ библіотекъ, школъ, больницъ, вспоможеніе больнымъ и бѣднымъ, и т. п. Для такихъ цѣлей со временемъ могли бы соединяться вмѣстѣ нѣсколько приходовъ, и выбирать изъ своихъ пастырей и прихожанъ особыхъ старшинъ для веденія этихъ совершенно свободныхъ общественныхъ дѣлъ любви христіанской, избавляющихъ правительство отъ многихъ затруднительныхъ заботъ. На первый же разъ хорошо было бы, еслибы хотя въ немногихъ мѣстахъ появилось желаніе такого взаимнаго общенія, которое могло бы послужить залогомъ твердаго успѣха въ нашемъ религіозно-общественномъ развитіи (*).

Ж. Д — нъ.

(*) Мысль—добрая, но нельзя не сознаться, что исполненіе ея, если принять во вниманіе данное положеніе нашихъ приходовъ въ столицахъ, представляетъ еще неодолимая трудности: населеніе столичныхъ при-

ИЗВѢСТІЯ СЪ АЛТАЯ О КРЕЩЕНІИ КОЧЕВЫХЪ ИНОРОДЦЕВЪ. (*)

Приходъ, въ которомъ я служу, находится въ склонахъ Алтайскихъ горъ, вверхъ отъ города Кузнецка, по рѣкамъ Томи и Мрассы. Прихожане мои кочевые инородцы—алеуты. Улусы ихъ разбросаны между горъ, болотъ и лѣсовъ. Всѣ инородцы до крещенія были язычники шаманской вѣры. Многіе инородцы крещены издавна, многіе ближайшими моими предшественниками,—немало, при помощи Божіей, удалось окрестить ихъ и мнѣ.

Я намѣренъ сообщить кратко только о своихъ дѣйствіяхъ.

Приходъ этотъ до 1858 года составлялъ часть прихода Градо-Кузнецкой Одигитріевской церкви. Въ этомъ году, преосвященный Пареній, епископъ томскій, теперь иркутскій, для большаго утвержденія въ православной Вѣрѣ обращенныхъ изъ язычества инородцевъ и для удобнѣйшаго обращенія въ оную некрещенныхъ, благословилъ строить ближе къ ихъ улусамъ мѣстную церковь, съ опредѣленіемъ къ ней другаго причта. Церковь начали строить, я и причетникъ явились по назначенію. Эта новость сначала сильно не понравилась инородцамъ. Въ первыя наши посѣщенія инородцы неблагопріятно обходились съ нами. Въ три улуса они вовсе не впускали насъ, худо принимали насъ и въ другихъ улусахъ, говоря намъ, что «намъ новаго причта не надобно, мы не желаемъ новой церкви, вы ѣздите для того, чтобы приписать насъ къ новой церкви, обратитъ изъ ясапшаго состоянія въ податное, близъ церкви шайтанъ (дѣволъ) будетъ намъ дѣлать зло», и проч. Потому не давали намъ крестить ни младенцевъ, ни взрослыхъ, не представляли намъ для убѣжденія невѣнчанныхъ, чтобы они повѣнчались, говоря, что у нихъ таковыхъ нѣтъ, хотя мы знали о таковыхъ. Въ такомъ положеніи къ намъ инородцы находились болѣе полугода. Послѣ они стали принимать насъ, и

ходовъ слишкомъ разнородно, слишкомъ занято *своими дѣлами* и часто сильно предубѣждено противъ религіи и Церкви, особенно же противъ духовенства. *Ред.*

(*) Печатаю это письмо, увѣдомляемъ автора, что и на будущее время мы готовы дать мѣсто подобнымъ извѣстіямъ въ нашемъ журналѣ. *Ред.*

чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше; наконецъ мы приобрѣли отъ нихъ нѣ-
которую любовь и довѣренность,—такъ что къ концу года мы
окрестили 39 человекъ младенцевъ и 27 чел. взрослыхъ.

Слѣдующій 1859 годъ для насъ, можно сказать, былъ годомъ
торжества въ нашемъ приходѣ. Къ концу года преосвященному
Паренію, епископу томскому, мы донесли слѣдующее: «Съ
особенною радостію доносимъ вашему преосвященству о успѣ-
хахъ, какими вѣнѣшнимъ лѣтомъ Богъ благословилъ наши труды
въ нашемъ приходѣ. Извѣстно вамъ, что многіе инородцы не
хотѣли вѣнчаться по правиламъ св. Церкви, мало крестились
по отдѣленіи ихъ отъ Градо-Кузнецкой Одигитріевской церкви,
недружелюбно смотрѣли на насъ и на вновь строящуюся мѣст-
ную церковь. Нынѣшнимъ лѣтомъ, при помощи Божіей,
все это перемѣнилось. Инородцы теперь имѣютъ къ намъ не
малое довѣріе; многіе, по возможности, стали жертвовать на
постройку своей приходской церкви; мы совершили 116 браковъ
надъ такими инородцами, которые издавна сошлись съ женами
своими по языческому обряду и жили невѣнчанными, многіе
изъ нихъ такъ дожили до старости; окрестили 193 человекъ
собственно язычниковъ; въ числѣ ихъ окрестили двухъ камовъ,
надъ третьимъ камомъ совершили таинство брака и окрестили
пять человекъ его дѣтей; окрестили 163 чел. младенцевъ, изъ
коихъ многіе были 3, 4, 5 и 6 годовъ. Многіе изъ этихъ мла-
денцевъ часто или умирали некрещенными, или, придя въ
возрастъ, дѣлались язычниками.

«Какъ трогательно было смотрѣть, когда мы поставили на
примѣръ въ улуѣ Чувашки 68 человекъ, въ улуѣ Сибирги
62 чел., въ одинъ кругъ, для совершенія надъ ними таинства
брака! Еще трогательнѣе было видѣть, какъ въ одинъ разъ вхо-
дили въ рѣку для крещенія люди всякаго пола и возраста, наприм.
въ улуѣ Товасъ 21 чел., Протошномъ 35, Тарбаганскомъ 40,
Сибиргинскомъ 50, Чувашки 57 человекъ; въ послѣднихъ двухъ
улусахъ крестились притомъ два кама. Эти были такія ми-
нуты, которыя можно чувствовать, а не описывать! Еще два
случая, достойные замѣчанія.

«Въ улуѣ Протошномъ инородецъ Николай Коюковъ не только
оставилъ христіанскую Вѣру, но и сдѣлался камомъ. Мы, какъ нашъ
долгъ велитъ, употребили пастырскія мѣры къ его вразумле-
нію. Онъ раскаялся въ своемъ заблужденіи, крестилъ своихъ
дѣтей, какъ выше сказано, и самъ повѣнчался по обряду

православной Церкви. Во время совершенія надъ нимъ таинства брака, инородцы, особенно новокрещенные, явно выражали свою радость, говоря: «попъ попа вѣнчаетъ, учитель нашъ со всѣми дѣтьми своими сталъ съ нами одной вѣры.»

«У насъ не достало крестиковъ. До прибытія нарочно посланнаго за крестинами въ Кузнецкъ, мы принуждены были въ улусѣ Тарбаганскомъ приказать восприемникамъ снять съ себя крестики, или найти ихъ у кого-нибудь въ улусѣ, для возложенія ихъ на новокрещенныхъ во время таинства. Во время крещенія оказалось, что для одной женщины не было крестика, и нигдѣ не могли его найти. Женщина очень опечалилась. Священникъ, чтобы утѣшить ее, снялъ съ себя свой крестъ и возложилъ его на нее, говоря: «не огорчайся, вотъ тебѣ мой серебрянный крестъ, которымъ благословляю тебя въ собственное владѣніе.» Этотъ случай, повидимому ничтожный, очень много подѣйствовалъ на нихъ: на другой день всѣ оставшіеся въ этомъ улусѣ некрещенные инородцы 18 человекъ, переплывя рѣку Томъ и перейдя пѣшкомъ болѣе двухъ верстъ, явились къ намъ въ село Безруково и приняли отъ насъ святое крещеніе.

«Благодареніе Господу, всегда и за все!»

Въ 1860 году мы окрестили 112 человекъ язычниковъ и 115 челов. дѣтей; изъ послѣднихъ немало было такихъ, которыя имѣли отъ 1 до 6 лѣтъ отъ роду.

Въ 1861 году нами окрещено 42 челов. язычниковъ и нѣсколько дѣтей, имѣющихъ отъ роду отъ 1 до 6 лѣтъ.

Въ послѣдніе два года число обращенныхъ, какъ видите, уменьшилось. Не подумайте однакожъ, что столь благотворное дѣло, какъ просвѣщеніе инородцевъ христіанскою Вѣрою, пошло назадъ. Причина постепеннаго уменьшенія обращенія язычниковъ въ хр. Вѣру та, что ихъ въ предѣлахъ нашего прихода осталось меньше. Въ настоящее время ихъ не осталось и ста человекъ.

Есть еще жатва многа недалеко отъ моего прихода. Около 170 верстъ отъ моего мѣстопребыванія, за Алтайскимъ хребтомъ, въ глубинѣ черни, живутъ шесть или семь волостей таковыхъ же инородцевъ, которые всѣ не крещены. Въ прошломъ году отъ этихъ инородцевъ приходили четыре избранныхъ человека въ г. Кузнецкъ для сдачи асака. По рекомендаціи мнѣ прихожанъ, они приходили ко мнѣ въ квартиру для знакомства со мною. Но приходѣ въ комнату, они всѣ положили, раз-

умѣется безъ крестнаго знаменія, по три земныхъ поклона иконамъ, потомъ мнѣ Главный изъ нихъ, по имени Картанъ, подарилъ мнѣ одинъ рубль серебромъ. Я пригласилъ ихъ съѣсть, напоилъ ихъ чаемъ и долго разговаривалъ съ ними. Картанъ приходилъ ко мнѣ особенно за тѣмъ, чтобы я окрестилъ его и былъ воспріемникомъ его при крещеніи, а воспріемницею была бы г. Кузнецка г-на казначей жена Татьяна Федоровна Якубовская, которая, какъ онъ объявилъ мнѣ, дала согласіе быть воспріемницею. Я съ своей стороны согласился на все. Но Богъ не привелъ окрестить его: по случаю счастливой слачи ясака въ казначейство, онъ загулялъ съ друзьями своими и не отрезвлялся до самаго отъѣзда домой. Надобно бы къ нимъ ѣхать, но не ѣдемъ потому, что въ своемъ приходѣ дѣла немало, походная церковь еще не совсѣмъ готова и, по причинѣ малаго жалованья (священникъ получаетъ 1¼0 рублей сереб., дьячекъ 40 руб. въ годъ) мы не имѣемъ средствъ къ тому, а думаемъ туда плыть, если Богъ приведетъ.

Въ заключеніе извѣщаю, что для большаго утвержденія въ православной Вѣрѣ крещеныхъ инородцевъ, которыхъ насчитывается 2800 человекъ, и для скорѣйшаго обращенія въ оную оставшихся некрещенными, заводится походная во имя Архистратига Михаила церкви и училище. Только трудно совершить это дѣло безъ сторонней помощи благотворителей. Многие охотно жертвуютъ на благолѣпіе храмовъ, даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ недостатка и въ храмахъ, и въ благолѣпін церковномъ. Мы нуждаемся въ самомъ существенномъ и необходимомъ: въ небогатой походной церкви.—Немало жертвуютъ и на роскошное устройство разныхъ столичныхъ училищъ, на великолѣпныя чугуныя дѣстницы въ оныхъ, паркетные полы и т. п. Мы имѣемъ нужду въ какомъ-нибудь училищѣ. Мы рады были бы всякому пожертвованію. Училище намъ такъ же необходимо, какъ церковь: если мы будемъ ограничиваться крещеніемъ дѣтей и не будемъ имѣть возможности давать имъ хотя первоначальное христіанское образованіе, то недалеко подвинется дѣло насажденія Евангелія между язычниками.

*Томской епархіи, Кузнецкаго округа,
села Безрукова, Николаевской церкви
Священникъ Петръ Побѣдоносцевъ.*

1 марта 1862 года.

**Женская бесплатная школа священника Василія
Ретровскаго въ Вологдѣ (*).**

1 сентября 1860 года открыта мною женская бесплатная ежедневная школа грамотности въ собственномъ домѣ. Участіе, принятое публикою въ моей школѣ и высказавшееся въ пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ въ пользу ея, обязываетъ меня представить публикѣ отчетъ о состояніи школы и о тѣхъ результатахъ, которыхъ я успѣлъ достигнуть моимъ преподаваніемъ.

Я открылъ бесплатную школу, желая доставить преимущественно дѣтямъ моихъ бѣдныхъ прихожанъ возможность пріобрѣсти безплатно начальныя свѣдѣнія. Что же касается метода преподаванія, то я старался примѣнять методы, уже испытанные въ воскресныхъ школахъ, открывшихся въ столицахъ и университетскихъ городахъ. Я принялъ также отъ нихъ и правило избѣгать при обученіи употребленія всякихъ наказаній.

Въ первый мѣсяцъ поступило въ мою школу 27 ученицъ; въ этомъ числѣ было совершенно не умѣющихъ читать 14 и начинающихъ читать 13. Въ концѣ учебнаго года, т. е. въ маѣ и іюнѣ, еще поступило 13 дѣвочекъ, совершенно неграмотныхъ. Объ нихъ я не буду говорить, такъ какъ занятій съ ними было немного, именно около мѣсяца.

Въ числѣ 27 ученицъ было дѣтей по сословіямъ: дворянъ 2 дѣвочки, чиновниковъ 3 дѣв. и 1 мал., мѣщанъ 14 дѣв. и 3 мал., солдатъ 3 дѣв. и 1 мал. По возрасту 6-лѣтнихъ 1 мал., 7-ми лѣтъ 4 мал. и 2 дѣвоч., 8-ми—6 дѣвоч., 9-ти—3 дѣвоч., 10-ти—одна дѣв., 11-ти—5 дѣвоч., 12-ти—5 дѣвоч. По окончаніи года двое поступили въ женскую гимназію, пять вышли изъ школы какъ потому, что читали удовлетворительно и могли писать подъ диктовку, такъ и по семейнымъ обстоятельствамъ.

Въ настоящее время мою школу посѣщаютъ 31 дѣвочка и 7 мальчиковъ и раздѣлены на два отдѣленія. Въ старшемъ отдѣленіи 21 дѣвочка учатся читать, писать и рассказывать изъ священной исторіи; въ младшемъ 17 дѣвочекъ, учащихся только читать. По сословіямъ они дѣлятся такъ: духовныхъ 1, чиновниковъ 3, мѣщанъ 27, солдатъ 6, дворовыхъ 1.

(*) По желанію почтеннаго о. Ретровскаго, который, по увѣренію мѣстныхъ Губ. Видомостей, «обладаетъ самыми незначительными средствами», предлагаемъ вниманію нашихъ читателей присланный имъ въ нашу редакцію отчетъ Ред.

Занятія наши продолжались каждодневно только два часа; въ послѣднiе мѣсяцы занятія продолжались 3 часа,—1 часъ со вновь поступившими. Поступившіе въ началѣ года всѣ научились читать; 17 ученицъ учились читать и по моимъ разсказамъ знакомились съ св. исторiей; 9 ученицъ научились писать подъ диктовку, остальные же писать съ прописи или буквы. Писали прямо на бумагѣ перомъ; карандашомъ, грифелемъ или мѣломъ не писали. Изъ ариѳметики нѣсколько ученицъ узнали выговоръ чиселъ. Если мы мало успѣли, то главное потому, что мало было времени для занятій, а также и потому, что, кромѣ моей жены, другихъ помощниковъ по преподаванію я не имѣлъ. Если было бы болѣе преподавателей, то, безъ всякаго сомнѣнія, и успѣховъ можно было ожидать болѣшихъ. Что же касается усердія ученицъ къ занятіямъ и особенно къ посѣщенію классовъ, то оно превзошло мои ожиданія: несмотря на сильныя морозы прошедшей зимы, на дурное платье (болѣшая часть моихъ ученицъ бѣдны, а нѣкоторыя крайне бѣдны, а потому и не имѣли достаточно теплой одежды), несмотря на дальнее разстояніе отъ школы (для нѣкоторыхъ до 2-хъ верстъ), мои ученицы всегда приходили учиться и были очень усердны къ занятіямъ. Такъ и въ нынѣшнюю осень, несмотря на частыя, почти постоянныя дожди, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непроходимую грязь, школа посѣщается ученицами весьма и весьма усердно. Наказаній я не намѣренъ былъ употреблять и не употреблялъ. При обученіи грамотѣ держался методы Золотова и звуковой; конечно, не нужно говорить, на сколько легче по ней учиться. Главное—она не отвращаетъ дѣтей отъ книги и не кажется имъ буквой. Послѣ азбуки Золотова для чтенія были выданы 8 экз. книгъ для чтенія и 10 экз. Евангелій на русскомъ языкѣ. Разность книгъ также препятствовала успѣшному обученію грамотѣ; потому что вмѣсто объясненія одного урока, нужно было объяснять два. При всемъ томъ замѣтно было, что дѣти весьма охотно читаютъ то, что болѣе или менѣе понимаютъ, и наоборотъ—чего не понимаютъ, то и читаютъ хуже и неохотно. Здѣсь считаю нелишнимъ замѣтить, что непременно слѣдовало бы озаботиться распространеніемъ въ сельскихъ школахъ Евангелія на русскомъ языкѣ; а часовникъ и псалтирь по возможности устранить при обученіи грамотѣ. Особенно удобно вводить Евангеліе на русскомъ языкѣ въ сельскихъ школахъ потому, что приобрѣтеніе учебныхъ книгъ лежитъ на обязанности палаты

государственныхъ имуществъ, а Евангеліе дешевле часовника и псалтири, полевице, да и знать его необходимѣе. Хотя церковная грамота необходима въ дѣлѣ народнаго образованія, но ей нужно дать надлежащее мѣсто. Церковной грамотѣ должно учить уже тогда, когда дѣти хорошо будутъ понимать книги на русскомъ языкѣ.

При открытіи школы былъ у меня только одинъ экземпляръ полной азбуки Золотова, т. е. таблицъ 1 экз., раскладныхъ буквъ 1 экз., и приложений къ таблицамъ 2 экзема. Приложений къ таблицамъ приобрѣтено было еще 10 экз., съ условіемъ, впрочемъ, возвратитъ оныя. Въ продолженіи года было пожертвовано въ пользу моей школы: *Книгъ*. Евангеліе на русскомъ языкѣ 20 экз. Изъ нихъ 10 экз. оставлено въ школьной библіотекѣ, и 10 роздано ученицамъ въ собственность. Книга для чтенія, 10 экз.; 2 экз. розданы и 8 въ библіотекѣ. Краткое начертаніе св. исторіи, 30 экз.: всѣ розданы. Книга для чтенія Паульсона, 1 экз.: въ библіотекѣ. Разказы о земной жизни Иисуса Христа, 1 экз.: въ библіотекѣ. Избранныя житія святыхъ за весь годъ, 1 экз.: въ библіотекѣ. Таблицъ Золотова 10 экз.: изъ нихъ 9 экз. розданы сельскимъ священникамъ. Всѣ вышеозначенныя книги присланы въ школу бывшимъ директоромъ училищъ Вологодской губ. А. В. Латышевымъ. Евангелій 40 экз., въ томъ числѣ 20 русск. и 20 слав., присланныхъ г. директоромъ училищъ Волог. губ. Иваномъ Ивановичемъ Красовымъ, по распоряженію г. попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа; въ библіотекѣ. Бесѣды Золотова, 1 экз. и бесѣды простонародныя Григоровича 2 книги, 1 экз., а также полстопы бумаги, сотня перьевъ и 3 дюж. карандашей, — пожертвованы М. Г. Пейкеръ; книги въ библіотекѣ, бумага, перья и карандаши израсходованы. Азбукъ 100 экз., присланы неизвѣстнымъ изъ С.-Петербурга; всѣ розданы сельскимъ священникамъ. Азбукъ церковныхъ 5 экз., присланы изъ Кіева неизвѣстнымъ: въ библіотекѣ. Другъ дѣтей, упражненія въ декламациі и прописи, пожертвованы М. С. Залуговскимъ; въ библіотекѣ. Мірозданіе, Погодина, пожертвовано П. Д. Нефловымъ; въ библіотекѣ. Шкапъ для книгъ, пожертвованъ Н. И. Брянчанниковымъ; въ классной комнатѣ.

Денгами: а) въ пользу одной моей школы: *отъ неизвѣстнаго* изъ С.-Петербурга 25 руб. Ф. А. *Ната*, изъ Кадникова, 3 р. В. А. *Дьяконова* 1 р. 50 к. Ф. Е. *Монастырева* 1 р. И. С. *Васильяновскаго* 10 к. Д. М. *Надеждоносцева* 50 к. б) въ пользу моей

школы и священника Рукина: Отъ И. И. Шейкера 5 руб. Н. М. Окулова 2 р. Макишева 2 р. Г. Волкова 1 р. Бекмана 2 р. Морозикина 3 р. Брлицева 1 р. Образцова 3 р. Образцова 3 р. К. Шопова 3 р. Бунакова 2 р. Тишина 1 р. А. Смѣкалова 1 р. Гребенщикова 1 р. Н. Тишина 1 р. П. Тишина 1 р. Неизвѣстнаго 1 р. Воронина 3 р. Ефимьева 1 р. Волка 1 р. Съдакова 1 р. Величковскаго 3 р. Ставровскаго 3 р. Нѣкто 1 р. Нѣкто 3 р. Ив. Тишина 2 р. А. А. Тишиной 1 р. А. Ладъжинскаго 3 р. Всего 55 руб.

Расходъ пожертвованныхъ денегъ: пять классныхъ столовъ 20 р. Черная доска съ полочками 75 к. Ножикъ перочинный 50 к. Св. Исторія, Зонтагъ. 2 т., 1 экз. 2 р. 50 к. Св. Исторія, изданная въ Карслруэ, 1 экз. 60 к. Миръ Божій, Разина, 1 экз. 3 р. 50 к. Подвиги дѣтскаго милосердія, 6 кн., 1 экз. 1 р. 80 к. Народное чтеніе за 1860 г., 1 экз. 2 р. 15 к. Открытіе Америки, Камчатки и Алеутскихъ острововъ, 1 экз. 1 р. 25 к. Басни Крылова и друг., 2 экз. 50 к. Хрестоматія, изд. общества распространенія полезныхъ книгъ, съ пересылкой, 30 экз. 10 р. 80 к. За переплеть 35 экз. Евангелій, 14 экз. Хрестоматій и 14 экз. книгъ разныхъ названій, по 15 коп. за экз. 9 р. 60 к. Грамматика Перевлѣскаго, 1 часть, 1 экз. 1 р. И того 54 р. 95 к.

Священникъ Василій Ретровскій.

Изъ Саратова, по вопросу о женскомъ духовномъ училищѣ. Въ февральской книжкѣ вашего журнала, за нынѣшній годъ, въ отдѣлѣ «Замѣтокъ», мы прочли «Письмо изъ Саратова» С. К. о предполагаемомъ у насъ въ Саратовѣ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія. Признаться сказать, письмо это насъ духовныхъ очень заинтересовало, такъ что мы прочли его прежде другихъ статей, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ. Просимъ не удивляться этому: мы всѣ саратовцы заинтересованы вопросомъ, когда откроется это училище; всѣ сознаемъ крайнюю нужду въ немъ, готовы всемирно споспѣшествовать осуществленію этого, уже три года задуманнаго, предположенія, и тѣмъ болѣе, что, къ стыду саратовской епархіи, славящейся богатствомъ края, во многихъ епархіяхъ, если не совсѣмъ устроены, то по крайней мѣрѣ уже открыты подобныя училища. Премного благодарны С. К. за его письмо, которымъ онъ выдвинулъ—такъ сказать—наружу вопросъ о саратовскомъ училищѣ для дѣвицъ

духовнаго званія; большое спасибо ему за то, что имъ печатно выражена крайняя нужда—скорѣе завести въ нашемъ краѣ подобное училище и высказана та величайшая польза, которой надобно ожидать отъ него, хотя нужда въ этихъ училищахъ и польза отъ нихъ почти одинакова для всѣхъ епархій,—и много прежде С. К. было говорено о всемъ этомъ гораздо яснѣе, резонантнѣе и убѣдительнѣе.

Но нельзя не замѣтить, что С. К. указалъ весьма невѣрный и вовсе недействительный способъ къ скорѣйшему основанію у насъ училища для дѣвицъ духовнаго званія.

С. К. въ своемъ письмѣ совѣтуетъ первоначально основать училище въ небольшомъ объемѣ на мѣстѣ не довольно цвѣтущаго училища, основаннаго г-жей Рылѣвой въ 1840 г. при женскомъ монастырѣ. Въ училищѣ этомъ со времени его основанія не было доселѣ никакихъ замѣтныхъ усовершенствованій; по программѣ, утвержденной епархіальнымъ начальствомъ, здѣсь должны были обучаться чтенію церковной и гражданской печати, молитвамъ, часослову, псалтири и, по «Начаткамъ», закону Божию. Эта программа остается и доселѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что прежде преподавателемъ закона Божія былъ не ученый священникъ, а теперь священникъ—изъ кончившихъ курсъ семинаріи, руководствующійся въ преподаваніи закона Божія кромѣ «Начатокъ» и другими по этому предмету книгами. При такой ограниченной программѣ образованія, въ началѣ это училище имѣло по 70 и болѣе ученицъ,—потому что оно было первое въ Саратовѣ женское училище, и притомъ г-жа Рылѣва владѣла значительными матеріальными средствами и чрезъ это привлекала многихъ. Начали появляться въ Саратовѣ другія женскія училища съ болѣе обширною программю образованія, и число ученицъ въ монастырскомъ училищѣ стало убывать. Программа образованія въ монастырскомъ училищѣ на первый разъ была достаточною, но при усиленіи стремленія въ среднемъ городскомъ населеніи къ болѣе основательному образованію она оказывается недостаточною. Сама г-жа Рылѣва обучала нѣсколькихъ ученицъ французскому языку (нѣмецкому языку, мы знаемъ положительно, она никого не обучала),—но это было ея личное дѣло и къ тому же это предметъ, въ которомъ вовсе не нуждается нашъ средній классъ; это только фактъ, что г. Рылѣва хотѣла больше того, что положено по программѣ. Впрочемъ и при ограниченной программѣ, усердіе учительницъ, обучающихъ чтенію, усердіе и

способность настоящаго законоучителя еще удерживаютъ въ монастырскомъ училищѣ значительное количество ученицъ—ихъ бываетъ до 40 и болѣе.

На этомъ-то основаніи пожалуй хорошо было бы преобразовать монастырское училище въ училище для дѣвицъ духовнаго званія: съ преобразованиемъ предполагается измѣненіе и усовершенствованіе программы обученія; могли бы быть введены предметы, способствующіе развитію пониманія въ ученицахъ, и образованіе здѣсь могло бы быть шире и основательнѣе.

Но есть неодолимыя препятствія помѣстить на первый разъ училище для дѣвицъ духовнаго званія на мѣстѣ монастырскаго училища. Мѣсто, занимаемое монастырскимъ училищемъ, по тѣснотѣ его не представляетъ никакого удобства: въ домѣ, выстроенномъ г-жей Рылѣвой для училища внутри самаго монастыря, согласно ея желанію, помѣщается монастырская больница и церковь больничная; въ остальныхъ трехъ, только меньшихъ, келіяхъ помѣщается училище, въ двухъ—классы, и въ одной живетъ смотрительница училища съ учительницами. Равно и тотъ домъ, въ которомъ прежде помѣшалось училище, хотя и внутри самаго монастыря, и въ которой теперь живутъ священники монастыря съ платою, тоже совершенно не представляетъ никакого удобства и по тѣснотѣ его и по очень маленькому двору, на которомъ устроено жилье для монастырскихъ служителей, конный и скотный дворы: перенести и устроить все это некуда и негдѣ. А вѣдь предполагаемое училище для дѣвицъ духовнаго званія, хотя бы и въ небольшомъ объемѣ, какъ всякое учебное заведеніе, должно имѣть свое отдѣльное, самостоятельное существованіе, свой составъ, свою администрацію, свою экономію, т. е. тамъ должна быть своя начальница, у ней подручныя, определенное число казеннокоштныхъ воспитанницъ, для экономіи—хозяйственное заведеніе, а для прислуги мѣсто; прибавьте еще, что воспитывающія и воспитываемыя—не монашествующія, не будутъ давать обѣта монашества, и имъ нуженъ будетъ столъ не монашескій и кухня тоже.

По нашему мнѣнію, лучше прінскать купить или на время нанять удобный домъ. Мы не посвящены зъ тайны дѣла объ основаніи сказаннаго училища и не знаемъ, сколько уже собрано суммы на этотъ предметъ; но изъ письма С. К. видно, что въ пользу этого училища собрана уже подписка больше, нежели на 10,000 р. с.—цифра довольно значительная. Съ такой суммой

дѣло начать было бы уже можно. На этотъ разъ позволяемъ себѣ указать на одинъ, довольно большой, жилой каменный трехъ-этажный домъ мѣщанъ Бобковыхъ, находящійся въ смежности съ монастыремъ и еще ближе къ семинаріи (противъ самой семинаріи), чѣмъ монастырское училище, слѣдовательно еще удобнѣе для предположеннаго училища и для гг. наставниковъ семинаріи. Домъ продается по оцѣнкѣ за 6,800 р. с. Конечно онъ требуетъ поправокъ; но на первый разъ потребуетъ поправку не болѣе, какъ на 1,500 р. с.; мѣсто при немъ довольно обширное, домъ по всему выгодный и удобный. Жаль, что монастырь не имѣетъ возможности приобрѣсть этотъ домъ.

Въ заключеніе нашего письма смѣемъ сказать слѣдующее:

Для скорѣйшаго основанія предположеннаго училища, въ которомъ состоитъ самая насущная потребность, и для лучшаго устройства его, хорошо было бы: 1) образовывать «Совѣтъ» училища, по меньшей мѣрѣ изъ трехъ членовъ губернскаго духовенства, извѣстныхъ своимъ живымъ сочувствіемъ къ этому дѣлу и своею способностію и энергичностію; 2) призвать въ сотрудники «Совѣта» уѣздныхъ протоіереевъ, благочинныхъ и другихъ священниковъ; 3) какъ непремѣнное условіе при этомъ должно быть, чтобы «Совѣтъ» этотъ имѣлъ сколько возможно меньше чиновническаго характера; 4) заведенное объ училищѣ дѣло передать въ образовавшійся «Совѣтъ» и впредь со всѣми дѣлами объ училищѣ, какъ сотрудники, такъ и всѣ, кому нужно будетъ, могли бы входить съ отношеніями и представленіями въ «Совѣтъ», наконецъ 5) самое главное—не отлагать болѣе дѣла этого въ долгій ящикъ, но, призвавъ Бога на помощь, приняться за дѣло,—и навѣрное можемъ сказать, что тогда у всѣхъ явится живое сочувствіе къ этому важному дѣлу.

NN.

Саратовъ.

10 апрѣля 1862 года.

Изъ письма въ редакцію о своекоштныхъ студентахъ духовныхъ академій. Въ литературѣ въ послѣднее время зашла рѣчь о своекоштныхъ студентахъ нашихъ духовныхъ академій. Правда, до сихъ поръ говорилось только о студентахъ петербургской академіи, но дѣло касается и прочихъ духовныхъ академій. Весьма было бы грустно, еслибы поведенная рѣчь замолкла и доброе дѣло не совершилось.

Люди, которые любятъ предсказывать неудачу во всякомъ добромъ дѣлѣ, съ торжествомъ указываютъ на то обстоятельство, что духовные журналы (о *Православномъ Обзорннн* не говоримъ), кромѣ Тульскихъ Еп. Вѣд. (№ 7) ничего не говорятъ объ этомъ дѣлѣ. Правда, петербургскіе духовные журналы рѣшительно ни слова объ немъ. Но противъ зловѣщихъ предсказателей мы имѣемъ тотъ рѣшительный фактъ, что въ петербургскомъ академическомъ журналѣ (*Христіанскомъ Читеніи*) напечатано извѣстіе о пожертвованіи кѣмъ-то 25 р. с. въ пользу своекоштныхъ студентовъ. Стало-быть, академія принимаетъ пожертвованія и сочувствуетъ ихъ назначенію. И какъ можно думать, чтобы петербургская академія не сочувствовала болѣе прочному и широкому развитію того дѣла, которому въ ней положено начало? Молчаніе же прочихъ духовныхъ журналовъ, особенно петербургскихъ, мы объясняемъ просто случайностію: потому что это предметъ вовсе не такой, говорить о которомъ было бы почему-нибудь непозволительно,—и потому наконецъ, что мы не имѣемъ права сомнѣваться въ сочувствіи духовенства вообще и петербургскаго въ особенности къ такому дѣлу, какъ вспоможеніе бѣдному духовному юношеству, желающему академическаго образованія. Впрочемъ пора прекратить молчаніе. Петербургскому духовенству надобно поддерживать мѣру, разъ уже принятую и прежде всего годную для петербургской академіи. Въ ней курсъ еще черезъ годъ, слѣдовательно, основавъ за годъ собственную студентскую кассу, она ободрила бы многихъ изъ воспитанниковъ семинарій къ подготовкѣ въ академію, и на будущей же курсъ дала бы возможность поступить хоть нѣсколькимъ студентамъ на своемъ коштѣ, вольнослушателями. Пожертвованія начались (*). Остается однимъ принимать ихъ съ благодарностію, другимъ продолжать вслѣдъ за передовыми жертвователями. Теперь-то именно, согласно вашему замѣчанію, слѣланному въ *мартовской* книжкѣ, должнѣ заявить себя въ пользу данной мѣры своими пожертвованіями петербургское духовенство, какъ духовенство мѣстнаго академическаго города, и показать собою примѣръ провинціаль-

(*) Редакція *Дня* получила 6 р. въ пользу своекоштныхъ студентовъ петербургской академіи и отослала эти деньги г. профессору этой академіи М. О. Колловичу. № 28.— Въ *Сынн Отчества* объявлено, что въ Ред. *Духа Христіанна* прислано на тотъ же предметъ 75 руб.—Мы слышали, что неизвѣстнымъ доставлено въ московскую академію для ея студентовъ 100 руб.

ному духовенству. Петербургское духовенство самое образованное, самое богатое и самое близкое къ академіи изъ всего окружнаго духовенства; оно, значить, полиѣе, чѣмъ кто-нибудь, должно цѣнить высшее духовное образованіе и стремленіе молодыхъ людей къ этому образованію; оно скорѣе можетъ доставить достаточное количество матеріальнаго пособія для нуждающихся студентовъ, не обременяя себя, а удѣляя только отъ своихъ избытковъ; оно скорѣе можетъ примѣтить, подробнѣе и вѣрнѣе научиться дѣйствительныя нужды студентовъ, живущихъ у него, такъ—сказать, передъ глазами. Сельское духовенство не имѣетъ ни одного изъ этихъ выгодныхъ условий. Но съ полною увѣренностію можно сказать, что и оно съ готовностію отзовется на доброе дѣло — вспоможенія своимъ же дѣтямъ, если увидитъ впереди себя столичное духовенство. И намъ не разъ приходится говорить объ этомъ предметѣ со многими изъ петербургскихъ священниковъ: они всегда выражали полное сочувствіе къ нуждамъ студентовъ, особенно своекоштныхъ, и—обѣщаніе непремѣнно жертвовать по нѣскольку рублей для нихъ. Пусть же замолкнутъ недоброжелательные голоса, будто петербургская духовная академія *теперь* уже не благоволитъ къ допущенной ею мѣрѣ—имѣть у себя своекоштныхъ студентовъ, будто она *нынѣ* положительно идетъ противъ этой мѣры, и будто петербургскіе духовные журналы *не могутъ* говорить о дѣлѣ, которому они сочувствуютъ.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы поскорѣи кто-нибудь изъ петербургскихъ священниковъ принялъ на себя заботу и хлопоты вести начатое дѣло, такъ чтобы въ будущемъ курсѣ петербургской а. академіи явились студенты въ собственномъ смыслѣ своекоштные, живущіе на квартирахъ и пользующіеся отъ академіи лишь *однимъ* правомъ слушанія лекцій.

Н. .

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Штутгардъ. 28/7 марта 1862 г.

Въ мартовской книжкѣ журнала «Духъ христіанина», намъ удалось прочитатъ статью г. Осинина о движеніи, произведенномъ въ Англіи появленіемъ сборника «Essays and Reviews» (Опыты и Обозрѣнія). Это движеніе обратило на себя вниманіе и въ Германіи; и

мы сами слѣдили за нимъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ его чертахъ. Но впечатлѣнiе, вынесенное нами изъ нашихъ наблюдений, не сходно съ тѣмъ, какое даетъ статья г. Осинина. Въ протестъ англійскаго духовенства противъ сборника и его авторовъ онъ видитъ похвальное явленiе и заключаетъ словами: «нельзя не пожелать, чтобы и наше общество подражало въ этомъ отношенiи англійскому». Всѣ заграничныя наблюденiя религiозной жизни могутъ быть интересны для русскихъ читателей только въ такомъ случаѣ, когда они представляютъ факты, дающiе возможность сдѣлать полезный выводъ для нашей собственной жизни, какъ поясняющiй примѣръ, возбужденiе къ извѣстнаго рода дѣятельности, и пр. Въ силу этого начала мы считаемъ излишнимъ сказать и свое мнѣнiе о движенiи въ Англии, чтобы фактъ былъ осмотрѣнъ съ разныхъ сторонъ.

Не отрицая въ англійскомъ духовенствѣ похвальной ревности къ вѣрѣ, мы все-таки считаемъ себя въ правѣ сказать, что все дѣло велось не очень разумно и не принесетъ ожидаемыхъ плодовъ; потому что ревность не должна исключать осмотрительности и осторожности въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ религiозная совѣсть. Прежде всего англійское духовенство показало себя не очень ученымъ и знающимъ современное состоянiе богословской литературы въ протестантскомъ мiрѣ; а знать, по всѣмъ признакамъ, ему слѣдовало бы, потому, что Англія страна также протестантская,—или даже знать просто на всякій случай. Но когда появились семь етатей, въ англійскомъ духовенствѣ поднялись вопли о томъ, что все это нечестiе идетъ изъ Германiи, что тамъ господствуетъ Штраусъ и невѣрiе, что надобно заявить протестъ, публично осудить участниковъ въ составленiи сборника. Слѣдствiемъ было то, что книга, на которую не обращали вниманiя, вдругъ появилась въ нѣсколькихъ изданiяхъ и доселѣ еще извѣщаются въ здѣшнихъ газетахъ, что запросъ на книгу необычайный и постоянно пуживы новыя изданiя. Немного спустя одумались и стали говорить, что книга слаба, что авторы отстали, что направленiе, которое они выдаютъ за новость, уже давно брошено въ Германiю и что дѣльная критика книги лучше всего предотвратитъ ея вредное влiянiе. Германскіе религiозные журналы также выразили свое несочувствiе поверхностному раціонализму «ессеистовъ». Но дѣлать было нечего и отказаться отъ неосторожно сдѣланнаго шага было поздно. Началось судебное преслѣдованiе авторовъ, чего именно и слѣдовало бы

больше всего бояться. Вопросъ поступилъ на рѣшеніе къ юристамъ, которые ни мало не сочувствуютъ самой сущности вопроса; отсюда въ преніяхъ вила была нерѣдко унизительная казустика, оскорбительная для релігіозной прямоты и искренности, непростительная легкость взглядовъ и даже насмѣшливость. Въ пользу обвиняемыхъ возвысились голоса, которые мнѣли въ виду сдѣлать только непріятность высшимъ іерархическимъ лицамъ и запутать обѣ стороны, чтобы уронить самое начало въ общественномъ мнѣніи. Самая подпись духовенства подъ протестомъ, будто бы единодушная, и та подверглась алымъ толкамъ; говорили, что многія подписи вынуждены, особенно въ средѣ сельскаго духовенства. Положимъ, что это и невѣрно: но вредъ въ томъ, что обѣ этомъ говорятъ; диссиденты радуются, а хорошихъ слѣдствій всего этого шума никто еще не указалъ. Оправдалось ли по крайней мѣрѣ намѣреніе духовенства очистить себя отъ упрека, что въ средѣ его есть вольномысліе? Подписи и митинги, особенно въ Англій, не доказываютъ еще этого. Но несомнѣнно то, что своимъ протестомъ англійское духовенство обязало себя къ рѣшенію вопроса, который принесетъ ему много новыхъ заботъ, именно о богодуховенности Св. Писанія. «Ессенсты» затронули его съ чисто протестантской точки зрѣнія; но господствующая церковь не можетъ ни согласиться съ ними, ни рѣшительно отвергнуть ихъ точку зрѣнія, не произведя новыхъ волненій; неужели и въ этомъ случаѣ опять закончатъ дѣло крикомъ?

Дѣло получило бы другой характеръ еслибы протестъ заявили вѣрующіе міряне, тогда никто не сталъ бы говорить о насиліи и деспотизмѣ. Духовенство же могло бы позаботиться объ опроверженіи самой книги «ессенстовъ». Но для этого оно, конечно, должно было узнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Германіи. Въ самомъ ли дѣлѣ Штраусъ даетъ тамъ послѣднее слово науки и не представляетъ ли Германія чего-нибудь лучшаго, чѣмъ отрицаніе «ессенстовъ»? Это знакомство, можно думать, дало бы хорошее оружіе для борьбы съ семью статьями. Въ Германіи, конечно, есть направленія, которымъ нельзя сочувствовать, есть и невѣріе, такъ же какъ есть крѣпко невѣрующіе въ самой Англій; но за то, каждое направленіе вызываетъ тамъ другое направленіе противоположное, которое такъ добросовѣтно работаетъ, такъ глубоко беретъ вопросы, что одни перестаютъ приписывать непогрѣшимость своимъ только нача-

ламъ и оставляютъ гордую самоувѣренность, другіе рѣшительно приходятъ къ вѣрѣ. Мы не можемъ удержаться, чтобы не рассказать здѣсь исторію одного французскаго студента, недавно изъ любознательности посѣтившаго Германію. (Свѣдѣнія о немъ напечатаны въ Revue Chrétienne въ Supplément théologique за подписью Моно.)

Илья Лаже, изучавшій классическія науки въ Нимѣ, для дальнѣйшаго образованія отправился въ Женеву. Во время его пребыванія тамъ совершился переворотъ въ его религиозныхъ вѣрованіяхъ, и онъ пришелъ почти къ полному отрицанію. Энтузіастъ по натурѣ, онъ горячо отдался новому направленію и пришелъ къ заключенію, что пріобрѣтенныя имъ научныя убѣжденія налагаютъ на него обязанность рѣшительно отказаться отъ религиозныхъ представленій дѣтства. По окончаніи академическаго курса въ Женевѣ, онъ перешелъ въ Германію, и весною 1860 г. прибылъ въ Эрлангенъ, но здѣшнее богословское направленіе не подѣйствовало на него. Ортодоксія Томазіуса, мистика Делича, насильственный экзегесисъ Гофмана были не въ его натурѣ. Но при всемъ томъ онъ успѣлъ замѣтить, что научная глубина и основательность въ Германіи принадлежитъ не исключительно рационализму, какъ онъ дотогѣ думалъ. Въ іюлѣ Лаже отправился въ Тюбингенъ. Здѣсь примкнулъ онъ къ кругу студентовъ, и столкновеніе съ людьми противоположнаго образа мыслей часто давало поводъ къ самымъ равнодушнымъ и живымъ изслѣдованіямъ. Но сильнѣе всего подѣйствовали на него лекціи Бекка.

«Я имѣю здѣсь человѣка, писалъ онъ, который такъ возбуждаетъ мой интересъ и мое вниманіе, какъ доселѣ ни одинъ еще профессоръ: это—Беккъ. До сего времени никогда я не чувствовалъ такъ глубоко, что единственно возможная нравственность—та, которая воплощается во Христѣ, почерпается изъ Его Лица, которая въ Немъ, чрезъ Него и для Него. Какой новый свѣтъ запалъ мнѣ въ душу въ то время, когда я слушалъ эти блестящія—не скажу лекціи—но размышленія, потому что чтенія Бекка суть не что иное, какъ размышленія. Въ немъ чувствуется христіанинъ по глубочайшему убѣженію; все, что говоритъ онъ, имъ не продумано только, не прожито въ полномъ смыслѣ слова. Знаменитый Бауръ доселѣ держалъ меня въ холодѣ. Школа, положившая задачею все отвергать а priori, держится со всею своею системою на отчаянномъ а priori. Поэтому и атмосфера,

которою она дышетъ,—ледяная; здѣсь чувствуешь такое же грустное впечатлѣніе, какъ будто стоишь на огромной развалинѣ (руинѣ). Но все-таки я долженъ сказать, что изъ его лекцій можно извлечь огромную пользу, если только чувствуешь достаточно самообладанія, чтобы не увлекаться Бауровскою риторикою.»

Послѣ оны посѣтилъ Мюнхенъ, Берлинъ и Галле; но непреодолимое желаніе опять влекло его въ Тюбингенъ. Наряду съ Беккомъ, оны съ особеннымъ интересомъ слушалъ лекціи профессора Елера и изучалъ II и III вѣкъ христіанской Церкви по Шwegлеру, гегелианцу, который, также какъ и Бауръ, видитъ въ христіанствѣ одну необходимую форму естественнаго развитія исторіи человѣчества. Отсюда оны писалъ: «Благословенъ Богъ, тысящекратно благословенъ! Прежде, когда я все испытывалъ на основаніи болѣе или менѣе невѣрныхъ человѣческихъ умозрѣній, я не имѣлъ подъ собою твердой почвы: теперь нашелъ я краеугольный камень, на который должно опираться все зданіе... Молитесь за меня, молитесь, чтобы это дѣло приведено было ко мнѣ къ окончательному рѣшенію!»

Но Богу не угодно было продлить его жизнь. Предъ смертію говорилъ оны, по поводу одного друга: «Историческій Христосъ—вотъ пунктъ, который я прошу его прежде всего подвергнуть изслѣдованію. Христосъ—ключъ къ Писанію.»

Не всякій способенъ пройти этотъ трудный путь испытанія; но для нѣкихъ—и часто прекрасныхъ натуръ—этотъ путь единственно вѣрный и способный привести къ истинѣ Христовой. И на этомъ пути исканія, Германія представляетъ много прекрасныхъ плодовъ; на открытой аренѣ науки можно многое сравнить и увидѣть то, что открылъ студентъ,—именно, что глубина и основательность христіанской науки ни мало не уступаютъ успѣхамъ наукъ въ другихъ областяхъ, а свидѣтельство жизни и высоты характеровъ рѣшительно принадлежитъ первой.

Недавно былъ я въ собраніи «Общества Нѣмецкаго Прама», которое было опубликовано подъ именемъ «Четвертаго Синода». Собраніе происходило въ одномъ благородномъ домѣ, въ которомъ есть дов. большой залъ. За полчаса до собранія я пришелъ туда, и хозяинъ дома указалъ мнѣ мѣсто, очень удобное, по его словамъ, и для слушателей и для тѣхъ, кто желаетъ записывать рѣчи. Въ указанной мнѣ комнатѣ я нашелъ одного только посѣтителя; это былъ студентъ изъ Тюбингена. Познакомившись съ

нимъ, я спросилъ его: почему онъ такъ интересуется новой общиной?—Потому, отвѣчалъ онъ, что предводители собора навѣрное послѣ будутъ кричать о великихъ истинахъ, которыя они раскрыли на соборѣ, о множествахъ посѣтителей, о глубокомысленныхъ рѣчахъ, которыя произносились здѣсь и проч. Это бывало уже не разъ. Теперь Гофманъ издаетъ свой журналъ, который пойдетъ по деревнямъ и произведетъ волненіе среди сельскаго населенія. Потому со временемъ, если пасторы приведены будутъ съ затрудненіе, я помогу имъ и напечатаю отъ слова до слова всѣ ихъ рѣчи. Сами они едва ли напечатаютъ все въ томъ же видѣ, какъ будетъ говорено въ собраніи.—Послѣ я узналъ, что студентъ пришелъ нарочно для этой цѣли изъ Тюбингена пѣшкомъ (30 верстъ) и пѣшкомъ отправился обратно. При этомъ случаѣ мнѣ невольно представилось: нельзя ли и у насъ каникулы студентовъ академіи употребить съ пользою и для нихъ самихъ, и для русской Церкви?.. Здѣсь студенты употребляютъ каникулы для знакомства съ страной, и итъ мѣстечка, куда бы не заглянулъ студентъ. Если принять во вниманіе, что студенты переходятъ для слушанія лекцій изъ одного университета въ другой, то можно представить, какое богатство свѣдѣній наберется, сколько получится опытовъ, самыхъ разнородныхъ! Оттого здѣшній студентъ всегда имѣетъ опредѣленный характеръ и не смотритъ однимъ изъ тѣхъ, какіе такъ часто встрѣчаются въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ. Они отлично знаютъ народную жизнь; а у насъ выходящіе изъ духовныхъ заведеній очень часто не умѣютъ дѣльно поговорить съ крестьянами, ни въ простой бесѣдѣ, ни съ церковной каедрой. Но возвратимся къ собору.

Въ первомъ собраніи слушателей собралось около 300 человекъ, почти исключительно крестьянъ, пріѣхавшихъ нарочно для этого изъ окрестностей Штутгарта. Всѣ они чрезвычайно внимательно слушали, но многое ли понимали,—сказать трудно; всѣ лица выражали болѣе безстрастіе и спокойное ожиданіе чего-то очень еще отдаленнаго. Рѣчи держалъ Гофманъ и еще трое ораторовъ; двое изъ нихъ, демократы 48 года, говорили очень бурно, но безсодержательно и безсвязно, такъ что иногда выходили довольно странныя сцены. Одинъ изъ нихъ, Гардекъ кажется, долго говорилъ о состояніи общества въ вѣкъ апостольскій, о вѣрѣ и согласіи членовъ, и пр. Но до заключенія никакъ не могъ добраться. Гофманъ (бывшій ректоръ тюбингенскаго университета) всталъ и прервалъ его словами: «все это мы понимаемъ и

знаемъ; но гдѣ же открыть средства? вы должны говорить о средствахъ.» Оба сѣли и началось тяжелое молчаніе. Въ дополненіе сообщенныхъ мною свѣдѣній объ этой новой общинѣ, могу прибавить только два извѣстія: всѣхъ членовъ въ ней состоитъ теперь 740; для того, чтобы имѣть свое духовенство, набрано 14 крестьянскихъ мальчиковъ въ Шварцвальдѣ, которые и будутъ воспитаны, какъ будущіе пасторы «нѣмецкаго или іерусалимскаго храма». Богѣ этого трудно сказать что-нибудь новое изъ исторіи и будущихъ видовъ секты; ораторы часто повторялись и говорили много не идущаго къ дѣлу. Въ образецъ того, что говорится здѣсь предъ крестьянами, я представляю начало соборныхъ рѣчей.

Гофманъ открылъ засѣданіе молитвою. Потомъ рассказалъ начало секты и причины отдѣленія отъ господствующей церкви. «Главная причина разстройства природы человѣческой—не столько въ развращеніи воли, сколько въ разнорѣчии мнѣній. Поэтому наша задача очистить атмосферу духа и основать ее. Владыки церковные, къ которымъ обращались съ указаніемъ на такіа нужды, ничего не сдѣлали. Потому необходимо было обратиться къ самостоятельной дѣятельности, и основать новую секту, вѣроисповѣданіе,—назовите какъ угодно, — чтобы очистить воздухъ. Основаніе и средство для этого—пророчество, т. е. опредѣленное и точное указаніе цѣли, для которой долженъ воспитываться и развиваться человѣкъ; безъ точнаго указанія все колеблется, всѣ мнѣнія изъясляютъ притязаніе на значеніе; и поэтому ни прогрессъ, ни вѣрное сужденіе невозможны. Теперь всѣ мнѣнія спорятъ, и ничто въ мірѣ не признано, какъ вѣрное; наше же дѣло доставить истинѣ общее признаніе, такъ же какъ солнце всѣми признается солнцемъ въ жизни матеріальной. Очищеніе атмосферы духа—это главное наше занятіе, — а не совершеніе таинствъ и изъясненіе Писанія, какъ въ господствующей церкви; мы должны все устранить, что мѣшаетъ признанію истины... Не желаетъ ли кто-нибудь сказать еще что-нибудь по поводу основанія и цѣли «нѣмецкаго храма?» (Молчаніе).

Гардекъ. «Я узналъ, по собственному опыту, что неустройство нашихъ состояній происходитъ отъ разнорѣчія мнѣній и нашелъ, что въ Писаніи на каждой страницѣ стоитъ: чрезъ І. Христа человѣкъ все *долженъ* сдѣлать; а что онъ *долженъ*, то слѣдов. *можетъ*: подтвержденіе этой мысли мы видимъ въ исторіи «нѣмецкаго храма». У насъ дѣло идетъ не о сектѣ, но о всеобщемъ пути

спасенія; и мы имѣемъ въ виду весь нѣмецкій народъ, не единицы, но 70 милліоновъ. По нашему мнѣнію, самые важные вопросы теперь: внѣшній вопросъ—Наполеонъ, внутренній—указаніе духовной и матеріальной цѣли, которая привела бы въ движеніе на цѣлыя столѣтія нѣмецкую націю, эта цѣль — восстановление храма въ Иерусалимѣ. Очень печально, что нужно объяснять, что такое храмъ въ Иерусалимѣ и къ чему ведетъ все это; но дѣлать нечего, потому что пророчества объ этомъ оставлены безъ вниманія господствующею церковію, или непоняты. Вся задача въ томъ: Иерусалимъ, устройство новаго церковнаго порядка и народъ, словомъ, колонизація и обращеніе въ христіанство Востока. Легко видѣть, что на этомъ пути крестьянамъ гораздо легче будетъ *получить землю, чѣмъ сколько возможно это среди нашихъ скрамническихъ отношеній*: промышленникамъ откроются новые пути; государственные люди будутъ имѣть случай раскрыть свои способности; богословы осуществлять свои идеалы. Мы должны еще разсмотрѣть партіи въ Германіи; этихъ партій двѣ—австрійская и прусская, которыя стремятся погубить одна другую; но мы указываемъ имъ средство къ соединенію; они должны стремиться на Востокъ. Кто это исполнить, тотъ нашъ, и мы его; но кто не захочетъ, тому отказываемъ мы въ мирѣ,—будетъ ли то Пруссія или Австрія.»

Гюфманъ. «Я думаю сказать нѣсколько словъ касательно этого вопроса. Если желаетъ кто-нибудь другой, то пусть говорить...» (Молчаніе). «Часто говорятъ: какое дѣло вѣроисповѣданію до политическихъ отношеній; эти вещи надобно предоставить людямъ, занимающимся не религіею, а политикою. Мы должны сказать, что это глупо. Этому не поддадутся люди, которые знаютъ по опыту, что безъ Бога ничто не можетъ быть рѣшено, и которые понимаютъ, какъ тѣсно связано наше собственное счастье съ рѣшеніемъ нѣмецкаго вопроса. Этимъ хотятъ только устранить отъ участія въ политикѣ людей благочестивыхъ и отдать все въ руки тѣмъ, кто и знать не хочетъ о религіи. Распределеніе труда нельзя расширять такъ, что на долю одного приходится религія, на долю другаго—политика. Жизнь требуетъ вездѣ *всѣхъ* людей и ко всему нужно имѣть извѣстное опредѣленное отношеніе. Я считаю справедливымъ упрекъ нашей господствующей церкви, что она пришла именно къ такому взгляду. Она могла бы прозвѣсти мужей, которые почерпали бы премудрость во *всѣхъ* вещахъ изъ источника обращенія съ Богомъ; тогда намъ весело

было бы смотрѣть, что такіе именно люди рѣшаютъ политическія дѣла»...

Что въ самомъ дѣлѣ ожидаетъ эту секту? Всего вѣроятнѣе, что, просуществовавъ нѣкоторое время, она сама собою падетъ. Можетъ ли она дать то, что обѣщаетъ этимъ простымъ и честнымъ людямъ? Сколько бы ни дѣлали соборовъ, земли все-таки не получать до тѣхъ поръ, пока политика не пойдетъ по ихъ желанію; а питать на это надежду могутъ только люди очень увлеченные. Было время въ исторіи, когда люди, въ рукахъ которыхъ находилась могущественная сила, также хотѣли придать политикѣ христіанскій характеръ и указать христіанскія цѣли; но потому ли, что были неискренни, или потому, что не могли, задача эта доселѣ далека еще до рѣшенія. Кто теперь серьезно смотритъ на «Священный Союзъ» и вспоминаетъ ли ктонибудь о немъ съ чувствомъ сожалѣнія? Привести къ рѣшенію такую великую задачу секта не можетъ уже потому одному, что она секта; поставивъ себя особнякомъ, отдѣлившись отъ другихъ, она тѣмъ самымъ уже очерчиваетъ кругъ, за черту котораго она сама не смѣетъ переступить, ни другимъ позволить войти. Въ этой замкнутости она непремѣнно измельчаетъ и высохнетъ; въ этомъ отношеніи глубоко замѣчательенъ выводъ историка Вебера, что «широкая область Церкви гораздо болѣе способствуетъ развитію силы и доблести, чѣмъ тѣсное пространство секты.»

Упомянувъ о «Священномъ Союзѣ», я считаю излишнимъ передать одинъ документъ, важный для характеристики той эпохи. Этотъ документъ тѣсно связанъ съ именемъ Стурдзы и можетъ идти къ матеріаламъ и для его біографіи. А. Стурдза, по порученію государя Александра Павловича, написалъ и подалъ на Ахенскій конгрессъ записку подъ заглавіемъ: *Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne*, для составленія которой сообщены были ему матеріалы. Сочиненіе напечатано было только въ числѣ 50 экземпляровъ для сообщенія главамъ конгресса; но противъ воли ихъ, списокъ доставленъ былъ англійской газетѣ Times; а оттуда перепечатанъ былъ въ 1819 г. въ нѣмецкія газеты. Въ собраніи сочиненій Стурдзы нѣтъ этой записки; о самомъ дѣлѣ онъ упоминаетъ слегка и говоритъ, что ему грозили большія непріятности въ Германіи, такъ что онъ принужденъ былъ посѣшно удалиться въ Россію. Когда я писалъ замѣтку о Стурдзѣ, у меня не было подъ руками этой записки; но теперь нашелъ я ее въ

Europäische Appalen 1819. Erster Band. Когда сдѣлалась известною публикѣ эта записка, противъ Стурдасы явилось множество недовольныхъ; онъ принужденъ былъ сначала удалиться въ Дрезденъ; здѣсь студентъ изъ Вестфаліи, графъ Бухгольцъ, вызвалъ его на дуэль, вслѣдствіе чего Стурдаса оставилъ Германію.

Мы оставимъ въ сторонѣ политическіе взгляды автора, какъ не касающіеся насъ; гораздо поучительнѣе слѣдить за нимъ въ той сферѣ, гдѣ онъ проводитъ известныя нравственныя начала и религиозныя убѣжденія. Въ это время Стурдаса былъ еще очень молодой человѣкъ, что видно изъ самаго его нѣсколько распушенно-патетическаго стиля; но не отсюда только мы должны объяснить слабыя стороны его записки, такъ обидѣвшія нѣмецкую націю. У него постоянно замѣчается та же шаткость и неясность какъ нравственныхъ, такъ и религиозныхъ началъ, тотъ же взглядъ на вещи, при значительномъ энтузіазмѣ, какой мы видимъ въ тогдашней эпохѣ. Священный Союзъ имѣлъ въ виду основать братство между людьми на основаніи Евангелія; Евангеліе должно было служить кодексомъ правилъ для частной и общественной жизни отдѣльныхъ государствъ и для международныхъ сношеній. Но подготовлены ли были къ этому обществу и какія мѣры приняты были, чтобы ввести въ сознаніе народовъ это высокое идеальное начало? Общества не только не были подготовлены, но находились, напротивъ, въ совершенно противоположномъ состояніи, и самый Священный Союзъ созданъ былъ крайнимъ удаленіемъ общества отъ христіанскихъ идеаловъ; мѣры же предоставлены были случаю. На исторію вѣроисповѣданій также не обращено было вниманія; и предполагалось, что люди сдѣлаются братьями подлѣ руководствомъ единаго Евангелія, оставаясь такъ же, какъ и прежде, несогласными въ разумѣніи основныхъ истинъ Евангелія. То же живое представленіе идеаловъ, и тотъ же неprovѣренный жизнью и исторіею взглядъ на вещи находимъ и у Стурдасы. Вотъ, напр., какую мысль авторъ высказываетъ въ запискѣ, представляя средства дать болѣе твердое направленіе религиозной жизни въ протестантской Германіи. «Человѣчскій разумъ можетъ проникать въ божественный смыслъ священныя книги только въ той мѣрѣ, насколько онъ изслѣдуетъ ихъ при *свѣтѣ вѣры* и подлѣ руководствомъ *іерархическихъ судилищъ*. Оба эти руководителя не раздѣльны; потому что нѣтъ вѣры безъ смиренія; религія есть наука наукъ, и ее нельзя исполнѣ усвоить, не подчинивъ собственный умъ — уму Божию, — это есть *вѣра*,

религія есть законъ и этому закону нельзя повиноваться, оставаясь непокорнымъ предъ тѣми судилищами, которыя изъ него произошли,—это есть подчиненіе судилищамъ церкви» (р. 19). Такой взглядъ дѣлаетъ честь его собственной вѣрѣ и искренности, но непостижимъ въ запискѣ о реформѣ Германіи.

Одну изъ самыхъ настоятельныхъ реформъ для Германіи онъ видитъ въ реформѣ университетовъ. Здѣсь, говоря языкомъ того времени, опять тотъ же смѣлый полетъ мысли, при которомъ забывается, что въ исторіи человѣкъ идетъ по землѣ, а не летитъ на крыльяхъ къ извѣстнымъ результатамъ, и что однимъ разомъ поворотить ходъ исторіи нельзя. Всего лучше передать его собственные слова.

«Что такое современные университеты? Готическія средне-вѣковыя развалины, несообразныя съ учреждениями и потребностями нашего вѣка; безцѣльныя корпораціи, образующія государство въ государствѣ, пропитанныя наследственнымъ высокоуміемъ, которое только увлекаетъ юношество на ложную дорогу и развращаетъ общественный духъ. Хранилища всѣхъ заблужденій, университеты подогрѣваютъ всѣ ложныя теоріи, всѣ ошибочныя ученія и распространяютъ ихъ. Неограниченно господствуютъ они надъ будущастью націй, и ни одно правительство не требуетъ у нихъ отчета въ сущности и методѣ преподаванія. Литература, науки, судилища, даже алтарь,—все имъ довѣрено, и ничто не даетъ поруки въ томъ, что они честно будутъ распоряжаться достояніемъ государствъ. Предоставленные полному самопроизволу, университеты со дня на день приближаются къ разложенію, и все, что ихъ вѣсколько поддерживаетъ,—это, съ одной стороны, соблазнительная прелесть такъ называемой академической свободы, и съ другой стороны—странная система разныхъ нѣмецкихъ правительствъ, которыя упорно смотрятъ на университетъ, какъ на финансовую мѣру, привлекающую деньги въ страну.

Подъ этимъ условіемъ въ университетахъ все позволено. Юношество, не подчиняясь господству законовъ, дозволяетъ себѣ всѣ излишества, какія могутъ проистекать изъ разстройства духа и развращенія нравовъ. Поприще жизни оно не начинаетъ упражненіемъ въ послушаніи, чрезъ которое одно и можно научиться управлять. Въ возрастѣ послушанія оно учится все предпринимать, все позволять себѣ, съ тѣмъ, чтобы въ возрастѣ зрѣломъ ничего не уважать, все ниспровергать. Невѣроятно! Въ прежнее

время демократическаго государства неумолимо требовали добраго поведенія юношества; а въ наше время монархическаго государства снимають узду съ естественнаго человѣка.

Учители, выросши въ такихъ же правилахъ и школахъ, съ своей стороны, при преподаваніи имѣютъ на сердцѣ только свои денежныя выгоды и популярность.

Только коренная реформа воспитанія можетъ осушить источники зла и подать Германіи лучшую надежду на будущность. Лучшая часть націи, въ реформѣ университетовъ, желаетъ слѣдующаго.

1) Прекращеніе всѣхъ академическихъ привилегій, которыя были пригодны въ средніе вѣка и непримиримы съ настоящимъ положеніемъ государствъ.

2) Сообразно съ этимъ, вмѣсто академической полиціи слѣдуетъ поставить городскую; въ глазахъ закона студентъ есть не болѣе, какъ *малолѣтний граждаинъ*, который имѣетъ право на нѣкоторую свисходительность, но не на безнаказанность.

3) Для каждаго отдѣла наукъ разъ навсегда навначить планъ, отъ котораго никто не смѣетъ уклоняться, безъ особеннаго разрѣшенія академическаго сената. Ему слѣдуютъ всѣ, ничего не опуская и не прибавляя; но академическій сенатъ удерживаетъ право къ посѣщенію добавочныхъ лекцій допускать тѣхъ, чьи способности позволяютъ обнять большую сферу знаній.

4) Впрочемъ надобно отличать планъ преподаванія для своихъ гражданъ отъ плана для иностранцевъ.

5) Свидѣтельства, даваемые учителями богословамъ, считать не действительными, если не будетъ приложено свидѣтельство о добропорядочности поведенія отъ академическаго сената и мѣстнаго начальства.

6) Общество профессоровъ, рассматриваемое какъ совѣщательное собраніе, не должно имѣть исключительнаго права пополнять свой составъ собственными голосами. Профессоры *in cogroge* рѣдко выбираютъ равныхъ себѣ и никогда человѣка, который стоитъ выше ихъ (очень сильно!) Ихъ голоса должны быть подчинены рѣшающему голосу правительства, которое имѣетъ дѣло не съ интересами только частныхъ личностей.

Вспомогательное средство очистить духъ столь многихъ разсѣянныхъ на нѣмецкой почвѣ университетовъ, можетъ, кажется, состоять въ томъ, чтобы основать нѣмецкій *національный институтъ* (р. 18—22). Онъ будетъ языкъ очищать; онъ будетъ успѣху наукъ и искусствъ содѣйствовать» (р. 28).

Это: *языкъ очищаетъ*, помѣщенное въ проектѣ громаднѣхъ реформъ, какъ нельзя болѣе идетъ къ духовному складу той эпохи! Въ словахъ Стурдзы была правда; но напрасно говорилъ онъ во имя религіознаго начала. Истинно здравая, воспитанная на церковной почвѣ, религіозная мысль несомнѣнно явилась бы и болѣе мудрою во взглядѣ на вещи и болѣе снисходительною въ сужденіи о людяхъ; такой отъявленный, поголовный песимизмъ, какой видимъ въ отзывѣ Стурдзы, не можетъ существовать вмѣстѣ съ религіознымъ энтузіазмомъ, который, повидимому, слѣдовало бы предполагать въ немъ: которая нибудь изъ этихъ двухъ сторонъ непремѣнно была фальшива. Интересно было бы сопоставить взгляды Стурдзы на воспитаніе и науку съ взглядами кого-нибудь изъ его современниковъ, *церковно-благочестивыхъ*, но не принадлежавшихъ къ его направленію.

P.***

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Отмѣненіе нормальнаго числа учениковъ въ московской семинаріи.—Въ 1852-мъ году святѣйшимъ синодомъ было сдѣлано назначеніе нормальнаго числа для учениковъ московской семинаріи. Такая мѣра впрочемъ была введена *ex videtъ опыта*. Время показало всѣ неудобства ея, которыя не ограничивались только семинарією, но особенно чувствительно отзывались на низшихъ духовныхъ училищахъ, не только для учащихъ, но и для учащихъ и для начальства. Объ этомъ правленіе московской семинаріи представило въ началѣ нынѣшняго года на благоусмотрѣніе высокопреосвященнѣйшаго митрополита московскаго, и по ходатайству его высокопреосвященства, св. синодъ, отъ 13-го минувшаго марта, постановилъ *нормальное число воспитанниковъ московской семинаріи отмѣнить*.

Мѣра, ограничивающая число учащихъ и ованчивающихъ курсъ въ семинаріяхъ, введена не въ одной московской семинаріи, но и во многихъ другихъ, впрочемъ не во всѣхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что десяти-лѣтній опытъ вездѣ показалъ неблагопріятныя слѣдствія этой стѣснительной мѣры. Остается желать, чтобы на нихъ обратили вниманіе училищныя и епархіальныя начальства и ходатайствовали объ отмѣнѣ штата семинарскихъ воспитанниковъ. Правосл. Обзорѣніе высказало свои соображенія по этому дѣлу (*). Въ настоящее время это—настоятельная нужда,

(*) См. Пр. Обзоръ за 1861 г., статью въ ноябрьско й книжкѣ, - По вопросу о преобразованіи дух. училищъ.

особенно въ виду приготовления наставниковъ для народныхъ школъ по селамъ и городамъ, постоянно открываемыхъ и имѣющихъ открываться.

● **празднованіи царскихъ дней.**—Вслѣдствіе представленія высокопреосвящ. Филарета, митрополита московскаго, св. синодъ, признавъ заслуживающими полнаго вниманія различныя неудобства, происходящія отъ значительнаго числа дней, празднуемыхъ въ православной российской Церкви, испросилъ высочайшее соизволеніе, чтобы впредь 1) празднованіе рожденья и тезоименитствъ членовъ Императорскаго Дома, кромѣ дней собственно Императорскихъ и Государя Наслѣдника, совершаемо было въ ближайшіе воскресные дни; 2) въ означенные дни не возбравлось погребеніе усопшихъ; 3) прекращено было празднованіе дней побѣдъ, кромѣ дня побѣды подъ Полтавою, въ который молебное пѣніе должно быть совершаемо попрежнему.

Новыя постановленія о порядкѣ приготовленій свресей и другихъ иновѣрцевъ къ принятію православной Вѣры. Статьи Свода Законовъ относительно преданія евреевъ и другихъ иновѣрцевъ въ православную Вѣру въ настоящее время измѣнены и дополнены новыми постановленіями. Эти постановленія очень важны въ практикѣ для каждаго священника: желательно, чтобы они распространены были какъ можно болѣе, такъ чтобы священники всегда могли имѣть ихъ подъ руками, не только для того, чтобы самимъ руководствоваться ими, но, въ случаѣ нужды, сообщить ихъ и другимъ, до кого касаться будетъ дѣло. Многіе изъ мірянъ смотрятъ на крещеніе иновѣрцевъ, какъ и на всякую другую *требу*, и нерѣдко требуютъ отъ священниковъ немедленнаго исполненія. Новыя постановленія состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Надъ малолѣтними евреями, магометанами и язычниками, не достигшими четырнадцатилѣтняго возраста, совершается таинство святаго крещенія по обряду православной Вѣры не иначе, какъ съ согласія ихъ родителей или опекуновъ, изъявленнаго письменно. Изъятія изъ сего правила могутъ быть допускаемы лишь по усмотрѣнію важныхъ къ тому причинъ, съ разрѣшенія святѣйшаго синода. 2) Надъ иновѣрцами, достигшими уже четырнадцатилѣтняго возраста, таинство святаго крещенія можетъ быть совершаемо и безъ согласія ихъ родителей или опекуновъ, если будетъ съ совершенною достовѣрностію приведено въ извѣстность, что сами обращающіеся желаютъ и требуютъ присоединенія къ Церкви православной, и что они имѣютъ достаточныя свѣдѣнія въ ея догматахъ и ученіи. 3) Недостигшіе совершеннолѣтія, то-есть двадцати лѣтъ съ годомъ, иновѣрцы, которые готовятся къ святому крещенію по

обряду Церкви православной, наставляются во всѣхъ существенныхъ основаніяхъ Вѣры, въ теченіе шести мѣсяцевъ; для наставленія же иновѣрцевъ совершеннолѣтнихъ оставляется въ своей силѣ древній сорокадневный срокъ, съ допущеніемъ, впрочемъ, какъ прежде, и теперь, и болѣе краткаго, по нуждѣ и смотря по успѣхамъ наставляемаго. *Примѣчаніе.* Установленный въ сей статьѣ шестимѣсячный для несовершеннолѣтнихъ иновѣрцевъ срокъ не долженъ быть приниматься въ смыслъ срока непреложнаго, при семъ должны быть принимаемы въ соображеніе какъ понятія, такъ и степень убѣжденія обращающагося. 4) Опасно болные иновѣрцы всякаго возраста могутъ, по желанію ихъ, быть крещены безъ промедленія, съ соблюденіемъ установленныхъ Церковію правилъ и съ тѣмъ: во 1-хъ, чтобы къ крещенію такихъ лицъ было приступаемо не прежде, какъ по надлежащемъ, совершенно надежномъ удостовѣреніи, что они находятся не въ состояніи безпамятства, лишающаго ихъ возможности выразить съ сознаніемъ и разумніемъ свою волю; во 2-хъ, чтобы о совершеніи такого крещенія по нуждѣ было безотлагательно доносимо епархіальному начальству, и, въ 3-хъ, чтобы новокрещеннаго въ такихъ обстоятельствахъ, буде онъ выздоровѣетъ, епархіальное начальство поручало благонадежному духовному лицу для назиданія и утвержденія въ христіанствѣ. 5) Обрядъ таинства святаго крещенія долженъ быть совершаемъ надъ иновѣрцемъ въ церкви (за исключеніемъ случаевъ болѣзни иновѣрца) и всегда въ присутствіи благонадежныхъ свидѣтелей или ближайшаго мѣстнаго начальства. Прежде начатія сего священнаго обряда, какъ священнослужители, долженствующіе совершить оный, такъ и мѣстное начальство, обязанное присутствовать при ономъ, должно тщательно удостовѣриться, что иновѣрецъ принимаетъ святое крещеніе добровольно и съ должнымъ разумніемъ, и безъ сего убѣжденія ни въ какомъ случаѣ не совершается и не допускается крещенія. По совершеніи сего церковнаго обряда, присутствовавшій при ономъ ближайшій мѣстный начальникъ обязанъ засвидѣтельствовать собственноручно совершеніе обряда крещенія въ метрической книгѣ. 6) Въ тѣхъ случаяхъ, когда иновѣрцы нехристіанскаго вѣроисповѣданія, принявшіе христіанскую Вѣру, семьями или отдѣльно, должны оставить прежнюю свою осыдлость среди бывшихъ единовѣрцевъ ихъ и водвориться въ городахъ или селеніяхъ между христіанами, имъ опредѣляется азъ казны, въ пособіе при переселеніи и новомъ водвореніи: евреямъ, каждому безъ различія пола, отъ пятнадцати до тридцати рублей серебромъ, а дѣтямъ въ половину, калмыкамъ же простолюдынамъ, имѣющимъ семейства, по пятнадцати, а холостымъ по восьми рублей.

II. Вмѣсто содержащагося въ пунктѣ 3 статьи 166 Уложенія о наказаніяхъ (Свод. Зак. 1857 года, т. XV, кн. 1-й) правила, постановить, что наказаніе, опредѣленное въ законѣ, за какое-либо преступленіе или проступокъ, можетъ не только быть уменьшаемо въ мѣрѣ, но даже смягчаемо и въ степени и въ самомъ родѣ онаго, «когда иновѣрецъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія, во время слѣдствія или суда, приметъ право-

славную или другую терпимую и признаваемую законную въ имперіи христіанскую Вѣру.»

Мнѣніе государственнаго совѣта высочайше утверждено.

Русскій переводъ Библіи для евреевъ, изданный въ Берлинѣ. Въ началѣ настоящаго года издана въ Берлинѣ первая книга Пятикнижія Моисеева въ переводѣ на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «*Тора*, т. е. Законъ, или Пятикнижіе Моисеево. Буквальный переводъ *Л. И. Мандельштама*, кандидата с.-петербургскаго университета. Въ пользу русскихъ евреевъ. Берлинъ. 3622 (1862) года. Г-въ Мандельштамъ извѣстенъ какъ хорошій знатокъ еврейскаго языка. Свой *буквальный* переводъ Библіи онъ назначаетъ для русскихъ евреевъ въ томъ убѣжденіи, что обобщеніе господствующаго въ государствѣ языка есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ тѣсному сближенію евреевъ съ русскими народомъ, съ условіемъ русской общечеловѣчности. Онъ объявляетъ въ предисловіи, что всѣ остальные книги Библіи у него уже готовы къ изданію, и онъ только ждетъ мнѣнія о своемъ трудѣ публики, особенно русской. Мы заимствуемъ эти извѣстія изъ *Сына Отечества* (№ 92), но не имѣли случая видѣть самаго перевода, а потому до времени не можемъ высказать нашего мнѣнія. Во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, общественное мнѣніе въ Россіи будетъ желать, чтобы этотъ переводъ могъ облегчать для евреевъ принятіе христіанства, главнаго начала нашей общечеловѣчности, и не усиливалъ бы нравственное отчужденіе еврейской націи среди русскихъ.

Изданіе священныхъ и богослужебныхъ книгъ для шоретцевъ въ Россіи. По представленію преосвященнаго Феофана, епископа тамбовскаго, св. синодомъ разрѣшено изданіе новаго перевода на мордовскій языкъ Евангелія отъ Матвея. Переводъ сдѣланъ бывшимъ профессоромъ тамбовской семинаріи Тюменевымъ и приспособленъ къ особенностямъ мордовскаго нарѣчія собственно въ Тамбовской губерніи. Изданіе принесетъ надлежащую пользу конечно тогда, если переводъ будетъ продолженъ и притомъ сдѣлается доступнымъ по цѣнѣ простымъ людямъ. Недавно разрѣшено выпустить въ продажу напечатанныя на татарскомъ языкѣ и хранящіяся при казанской духовной академіи богослужебныя книги: Евангеліе, литургію св. Іоанна Златоуста и часословъ. Цѣны книгамъ назначены слѣдующія: Евангеліе два рубля серебромъ, Литургія 70 к., Часословъ 90 коп. Не знаемъ, что стоило печатаніе Евангелія на татарскомъ языкѣ, но то несомнѣнно, что крайне высокая цѣна послужитъ

рѣшительнымъ препятствіемъ къ его распространенію между татарскимъ населеніемъ.

Приходская благотворительность въ Москвѣ.—*Приходская община* давно уже обращаетъ на себя вниманіе многихъ, какъ наиболѣе удобная форма нравственно-общественной дѣятельности. Воспользоваться *приходомъ* для нравственнаго и экономическаго сближенія людей достаточныхъ съ бѣдными и помочь тому злу, какое производитъ неравенство общественныхъ состояній—мысль прекрасная, вполне достойная общества, основаннаго на христіанскихъ началахъ. Идея приходской благотворительности въ настоящее время осуществлена въ одномъ изъ московскихъ приходо^{въ}. Въ приходѣ Казанской церкви, что у Калужскихъ воротъ, образовался утвержденный уже *почетительный советъ о приходскихъ бѣдныхъ*. Цѣль совѣта—вспомоществованіе нуждающимся; средства—добровольныя пожертвованія, приходу и расходу которыхъ ведется открытая для всѣхъ книга: составъ—мѣстный священникъ, церковный староста и выборные изъ прихожанъ, по одному или по два изъ каждой улицы. Они ведутъ списки бѣднымъ своей улицы, изъ которыхъ по общему соглашенію и выбираютъ наиболѣе нуждающихся. Въ усиленіе средствъ совѣта разрѣшено завести въ церкви особую кружку *на приходскихъ бѣдныхъ*. Пособія предположено выдавать единовременныя и ежемѣсячныя. Подробнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ въ видѣ своевременной лѣтописи съ объясненіемъ всѣхъ препятствій и трудностей, какія могутъ встрѣчаться въ практикѣ подобнаго предпріятія, составляютъ необходимое условіе къ тому, чтобы это полезное дѣло нашло живое сочувствіе въ другихъ приходо^{вахъ} и могло служить поучительнымъ примѣромъ подражанія.

Литературное извѣстіе.—На дняхъ вышли изъ печати отдѣльной книгой и вступили въ продажу: *Писанія Мужей Апостольскихъ, изданныя въ русскомъ переводѣ со введеніями и примѣчаніями къ нимъ священникомъ П. Провображенскимъ. М. 1862.* Это—второй томъ «Памятниковъ христіанской письменности», издаваемыхъ въ приложеніяхъ къ *Православному Обозрѣнію*. Книга обнимаетъ писанія Апостола Варнавы, св. Климента Римскаго, Ерма, Игнатія Богоносца и Поликарпа Смирнскаго (450 стр.) и продается у *издателя* и у всѣхъ извѣстныхъ московскихъ книгопродавцевъ по 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. сер.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ 1862.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМАГО ТОМА:

	Стр.
Книги пророковъ Авдія и Іоны. <i>Опытъ переложенія на русскій языкъ. Архим. Макарія</i>	37
Слово о Божественности Евангелія. <i>Свящ. Н. А. Сергѣевскаго</i>	1
Объ условіяхъ успѣха церковной проповѣди въ народѣ. <i>И. П.</i>	6
Изъ Германіи. Нѣмецкая богословская литература. <i>Н. Л. Зайцева</i>	31
Религіозная жизнь въ Англіи въ минувшемъ 1861 году. <i>И. Т. Осипина</i>	72
Къ вопросу объ улучшеніяхъ въ бытѣ духовенства. <i>А. Троицкаго</i>	102
Книга пророка Михея. <i>Опытъ переложенія на русскій языкъ. Архим. Макарія</i>	43
Вѣчная жизнь. I. Назначеніе чловѣка. II. Матеріализмъ. <i>Статьи Эрнеста Навиля</i>	131
Лазарь Барановичъ. <i>Изъ исторіи южно-русской митрополіи С. М. Соловьева</i>	171
Новые матеріалы для Рѣшиловскаго дѣла и для исторіи первой половины XVIII столѣтія. <i>И. А. Чистовича.</i>	182
О положеніи духовенства въ отношеніи къ народному образованію.	239

	Стр.
Нѣсколько словъ объ изученіи церковнаго пѣнія въ духовныхъ училищахъ. <i>Н. Ѳ. Глыбова</i>	270
Книги пророковъ Наума и Аввакума. <i>Опытъ переложенія на русскій языкъ. Архим. Макарія.</i>	53
Вѣчная жизнь. III. Мысли человечества. IV. Евангеліе. <i>Статья Эрнеста Навилля</i>	283
Обозрѣніе матеріаловъ для исторіи русской духовной литературы. (<i>Обзоръ русской духовной литературы преосвящ. Филарета, архіеп. Черниговскаго.</i>) <i>Ф. Алексѣева</i>	328.
Русскій расколъ въ его отношеніи къ Церкви и правительству. <i>Н. Добротворскаго</i>	264
Состояніе церковныхъ дѣлъ во Франціи. <i>Періодическое обозрѣніе. Гр. Де-ла-Фитъ де-Пеллпортъ</i>	393
Книги пророковъ Софоніи и Аггея. <i>Опытъ переложенія на русскій языкъ. Архим. Макарія.</i>	63
Вѣчная жизнь. V. Евангеліе предъ наукою и вѣрою. <i>Статья Эрнеста Навилля</i>	417
О Постановленіяхъ Апостольскихъ. <i>Статья первая. Н. В. Блажоразумова</i>	446
Церковно-финансовый вопросъ	484
Сельскія школы въ южной Германіи. <i>Р.***</i>	527
Еще матеріалы для исторіи первой половинны XVIII столѣтія. <i>И. А. Чистовича.</i>	542

ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ

Въ 1862—63 году.

Журналъ *Воскресное Чтеніе*, издаваемый при Кіевской духовной академіи, будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ своемъ (XXVI) году, который начинается днемъ св. Пасхи. Поставляя своею задачею содѣйствовать религіозно-нравственному образованію русскаго общества, по духу православной Церкви, редація *Воскреснаго Чтенія* на страницахъ своего журнала, по прежней программѣ, будетъ помѣщать статьи, служащія:

1. *Къ уразумѣнію Слова Божія*, какъ-то: біологическія свѣдѣнія о Св. Писаніи, о священныя писателяхъ и свящ. книгахъ ихъ; историческія, археологическія и филологическія замѣтки, приспособленныя къ ясному пониманію Св. Писанія; изъясненія трудныхъ или замѣчательныхъ въ какомъ-либо отношеніи мѣстъ Библии, а также размышленія на примѣчательные тексты ея, и пр.

2. *Къ уразумѣнію богослуженія и обрядовъ православной восточной Церкви*, именно раскрытіе идеи христіанскаго богослуженія вообще и значенія его въ жизни христіанина и христіанскаго общества; историческія и археологическія свѣдѣнія о происхожденіи различныхъ священнодѣйствій, обрядовъ и другихъ церковныхъ учрежденій, съ указаніемъ на ихъ смыслъ, духъ и значеніе; указаніе отличительныхъ особенностей въ богослуженіи дней недѣльныхъ и праздничныхъ; изъясненіе дневныхъ чтеній изъ Евангелія и апостола; отличительныя признаки православнаго богослуженія отъ богослуженія другихъ христіанскихъ обществъ, ближайшихъ къ намъ по мѣсту жительства или по другимъ отношеніямъ; обычаи древнихъ христіанъ въ тотъ или другой праздникъ или постъ; крайности и недостатки, примѣчаемые въ современномъ обществѣ въ отношеніи къ богослуженію и вообще къ церковной дисциплинѣ, и т. под.

3. *Къ утвержденію въ сердцахъ вѣры, любви и упованія христіанскаго*, напримѣръ: приспособленное къ уразумѣнію народа изложеніе истины вѣры и обязанностей христіанскихъ; отличительныя признаки православія отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, а также изложеніе вѣрованій племенъ не-христіанскихъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ нашимъ народомъ, и обличеніе ихъ неосновательности; приспособленное къ уразумѣнію народа изложеніе исторіи царства Божія на землѣ и замѣчательныхъ событій въ судьбѣ Церкви Христовой; залоги христіанскаго упованія въ исторіи міра и Церкви Божіей, въ естествѣ чловѣка и въ явленіяхъ благодати; религіозно-нравственныя сужденія и замѣчанія о разныхъ случаяхъ и явленіяхъ въ быту христіанина, частномъ и общественномъ; опыты духовной жизни, съ изобра-

женіемъ или всей жизни святыхъ, или только поучительныхъ въ какомъ-либо отношеніи случаевъ изъ нея; примѣры живой вѣры и нравственной доблести изъ отечественной исторіи; религиозные и нравственные черты и недостатки, примѣчаемые въ равныхъ классахъ и состояніяхъ современнаго общества; пастырскіе совѣты и замѣчанія касательно образованія народа въ духѣ вѣры и христіанскаго благочестія; библиографическія извѣстія и замѣтки о сочиненіяхъ, издаваемыхъ съ цѣлю содѣйствовать религиозно-нравственному образованію русскаго общества; церковныя поученія общепонятныя и наглядательныя по практическому приѣмленію ихъ къ живымъ, духовнымъ потребностямъ общества, и т. под.

Редакція *Воскреснаго Чтенія* приметъ съ благодарностію статьи, присылаемыя со стороны для помѣщенія въ ея журналѣ и почтетъ долгомъ удовлетворить за оныя авторамъ ихъ матеріальнымъ вознагражденіемъ, если они того пожелаютъ, по роду и достоинству статей.

Журналъ попрежнему будетъ выходить съ праздника св. Пасхи, еженедѣльно.

Подписка на полученіе *Воскреснаго Чтенія* принимается: въ редакціи онаго при Кіевской Духовной Академіи, въ правленіяхъ всѣхъ Духовныхъ Семинарій, въ Духовныхъ Училищахъ, и въ С.-Петербургѣ у книгопродавца Н. П. Кораблева. Цѣна за годовое изданіе, безъ пересылки и доставки, 4 руб. 90 коп. сер.; съ пересылкою во всѣ города 3 руб. 50 коп. сер.; съ доставкою на домъ въ Кіевѣ 5 р. сер. Выписывающіе *Воскресное Чтеніе* вмѣстѣ съ *Трудами Кіевской Академіи* платятъ за оба журнала вмѣстѣ 10 руб. сер.

Въ редакціи *Воскреснаго Чтенія* можно получать полныя экземпляры этого журнала и за прежніе годы: I (1837—38), II (38—39), IV (40—41), V (41—42), VI (42—43), VII (43—44), VIII (44—45), IX (45—46), X (46—47), XI (47—48), XII (48—49), XIV (50—51), XV (51—52), XVI (52—53), XVII (53—54), XVIII (54—55), XIX (55—56), XX (56—57), XXI (57—58), XXII (58—59), XXIII (59—60), XXIV (60—61), XXV (61—62). Цѣна за экземпляръ каждаго года, кромѣ послѣдняго (XXV), съ перес. *три рубля серебромъ*. Выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ платятъ по 2 руб. 50 коп. за экземпляръ, 25 руб. за 10 экземпляровъ, съ перес. Выписывающіе за всѣ годы (I—II, IV—XII, XIV—XXV) платятъ 50 руб. съ перес. Причемъ Редакціею допускается разсрочка въ полученіи денегъ, не далѣе впрочемъ одного года.

Въ той же Редакціи можно получать *Труды Кіевской Духовной Академіи* за 1860 и 1861 годъ. Цѣна за первый 4 рубля, за второй 6 руб. съ пересылкою.

ЗАМѢТКИ ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ 1862.

ЯНВАРЬ.

	Стр.
Тысячелѣтіе Россіи—1862 годъ	1
Нѣсколько словъ о положеніи духовенства въ отноше- ніи къ народному образованію	4
Внутренняя корреспонденція: Письмо о воскресныхъ домашнихъ бесѣдахъ и о сельскихъ школахъ. <i>Свящ.</i> <i>І. Тихомирова.</i> Письмо о воскресныхъ школахъ въ селахъ. <i>Свящ. І. Пуцинскаго.</i>	9
Заграничныя замѣтки: Сочиненія Стурдзы. — О Шопен- гауерѣ.—Проповѣдникъ Пишонъ.—Желанія неаполя- танскаго духовенства.—Собраніе Евангелическаго Союза въ Галле, 10 октября.—Новѣйшія движенія піетизма въ Германіи.—Сборникъ церковныхъ сказа- ній объ апостолахъ.—Сочиненіе Келлера о христіан- скомъ лѣтосчисленіи. <i>Р.</i>	26
Новыя книги: Жизнь графа Сперанскаго	40
Разныя извѣстія: Прощаніе кievской духовной академіи съ профессоромъ Юркевичемъ. — Предположеніе о назначеніи въ должности благочинныхъ по выбору духовенства.—Письмо <i>преосвящ. Макарія</i> въ Редак- цію.—Богослужебные каноны на греческомъ, славян- скомъ и русскомъ языкахъ.—Богослужебныя книги на греческомъ языкѣ.—Отъ редакціи	46

ФЕВРАЛЬ.

О церковныхъ имуществвахъ	53
О заведеніи церковныхъ домахъ для священно-церковно- служителей въ Москвѣ	56

Внутренняя корреспонденція: Письмо изъ Саратова, объ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія. <i>С. К.</i> —Изъ Балты, Подольской губерніи: Сельская Школа. <i>П. Анимухъ.</i>	58
Заграничныя замѣтки: Церковь и церкви, папство и Церковная Область, Деллингера.—Содержаніе духовенства въ южной Германіи.—Права православныхъ въ протестантскихъ земляхъ.—Дѣятельность протестантскихъ миссіонерскихъ обществъ.—Число явныхъ іезуитовъ въ Европѣ.—Новый философскій журналъ.—Театръ и Церковь на Западѣ.—Книга Вальтера по исторіи церковнаго законовѣдѣнія. <i>Р.</i> ***	65
Библиографія: Новыя изданія александрійскаго текста книгъ Священнаго Писанія	79
Разныя извѣстія: Число православныхъ лицъ, церквей и духовенства въ Россіи въ 1859 г.—О сельскихъ школахъ при приходскихъ церквахъ.—О программѣ для экзамена на степень студента духовной семинаріи.—Объ ученическихъ библіотекахъ.— Пенсіи заштатному приходскому духовенству.—Своекоштные студенты и вольнослушатели петербургской духовной академіи	82

МАРТЪ.

Нужно ли преобразование духовной цензуры?	97
Внутренняя корреспонденція: Письмо въ редакцію, объ учителяхъ въ духовныхъ училищахъ. <i>Н.</i> —О библіотекахъ при церквахъ. <i>Свящ. Никольскаго.</i> —Сельская приходская школа Явишовская. <i>Свящ. Бобровскаго.</i> —Изъ Царицына: какъ помочь заштатному духовенству, вдовамъ и сиротамъ? <i>С. П.</i> —О своекоштныхъ студентахъ петербургской духовной академіи. <i>Б.</i> . . .	106
Заграничныя замѣтки: Сочиненіе Пэхлера о патріархѣ Кириллѣ Лукарисѣ.—Матеріалы для исторіи греческой и	

русской Церкви въ изданіи Миклошича и Миллера.—
L'Union Chrétienne 1862 года.—Церковная исторія
 Іоанна Ефесскаго въ переводѣ Шенфельдера.—Новые
 виды папства на восточныхъ христіанъ.—Сочиненіе
 Тейнера въ пользу свѣтской власти папы.—Прошло-
 годніе переговоры Кавура и Антонелли, разоблачен-
 ные въ книгѣ Донъ-Исаи.—Мѣры англійскаго духо-
 венства по случаю предстоящей всемірной выставки.
 Р.*** 118

Библиографія: Отвѣты на главнѣйшія возраженія противъ
 Вѣры истинной.—Праздникъ Пасхи въ православной
 Церкви. *С. І. Покровскаго*.—Дванадцатые праздники
 въ православной Церкви. *Г. Лаврентьева*.—Христіан-
 скіе мученики на Востокъ со времени завоеванія
 Константинополя турками. Переводъ съ новогреч.
Свящ. П. Соловьева.—Современный вопросъ о нап-
 ствѣ. *Свящ. Г. Польскаго* 135

АПРѢЛЬ.

Внутренняя корреспонденція: О воскресныхъ собесѣдова-
 ніяхъ. *Ж. Д—на*.—Извѣстія съ Алтая о крещеніи
 кочевыхъ инородцевъ. *Свящ. П. Побѣдоносцева*.—
 Женская безплатная школа въ Вологдѣ. *Свящ. Васи-
 лія Ретровскаго*.—Изъ Саратова: по вопросу о жен-
 скомъ духовномъ училищѣ. *Н. Н.*—Изъ письма въ
 редакцію о своекоштныхъ студентахъ духовныхъ ака-
 демій. *Н.*** 143

Заграничныя замѣтки: Нѣчто о движеніи въ Англии по
 поводу сборника *Essays and Reviews*.—Исторія рели-
 гіозныхъ убѣжденій одного нѣмецкаго студента, опи-
 санная Моно.—Послѣднее собраніе «Общества Нѣмец-
 каго Храма».—Записка Стурдзы о реформахъ Герма-
 ній, поданная на ахенскій конгрессъ. *Р.**** 158

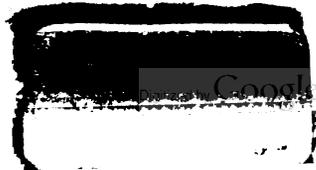
Разныя извѣстія: Объ отмиженіи нормальнаго числа учениковъ въ московской семинаріи.—Распоряженіе о празднованіи царскихъ дней.—Новыя постановленія о порядкѣ приготовленія евреевъ и другихъ иноверцевъ къ принятію православной вѣры.—Русской переводъ Библии для евреевъ, изданный въ Берлинѣ.—Изданіе священныхъ и богослужебныхъ книгъ для инородцевъ въ Россіи.—Приходская благотворительность въ Москвѣ.—Литературное извѣстіе . . . : . 170

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ. *Предисловіе Святц. П. А. Преображенскаго.* О св. Іустинѣ философѣ и мученикѣ и его Апологіяхъ. *Священника П. А. Преображенскаго.* Св. Іустина Апологія первая. Гл. 1—18. *Переводъ его же* 37—56

БИБЛИОТЕКА
СТРАННОУЧЕБНАГО ЗАВѢДѢНІЯ

27

Digitized by Google

Распознавание текста
АВК/FR

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>